ISSN 2218-8002

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

La Table Ronde

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Основан в 2010 году

Выпуск 2

Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики

Минск
РИВШ
2013

УДК 81'42 (082)

Второй выпуск сборника материалов «La Table Ronde» подготовлен к XV славистическому конгрессу с целью репрезентации лингвистики дискурса как продолжения линии развития лингвистического знания: лингвистика языка – лингвистика речи – лингвистика дискурса. Данное направление существует и активно развивается славистическим сообществом в рамках таких дисциплин, как теория языка, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, прикладная лингвистика и ряда других. Ее теоретические предпосылки, категориальный аппарат, методы и методики, а также исследовательские практики и явились предметом обсуждения лингвистов Беларуси, Литвы, Польши, России, Украины и Чехии. Издание содержит материалы дискуссий, имевших место на круглом столе в Университете г. Ополе 11–12 апреля в 2011 году, которые затем были дополнены в ходе интернет-переписки между участниками Опольской встречи и заинтересованным научным сообществом.

Составители и авторы введения
И. Ухванова, А. Кожинова, Е. Савич

Под общей редакцией
И. Ухвановой, А. Кожиновой, Е.Савич

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор *Дорота Бжозовска* (Польша)
доктор филологических наук, профессор *Анна Душак* (Польша)
кандидат филологических наук, профессор *Павел Зернецкий* (Украина)
доктор филологических наук, профессор *Индра Карапетяна* (Латвия)
доктор филологических наук, профессор *Вячеслав Кашкин* (Россия)
доктор филологических наук, профессор *Алла Кожинова* (Беларусь)
старший преподаватель *Людмила Курчак* (Беларусь)
доктор филологических наук, профессор *Элеонора Лассан* (Литва)
доктор филологических наук, профессор *Олег Лещак* (Польша)
доктор филологических наук, профессор *Лидия Мазур-Межва* (Польша)
доктор филологических наук *Томаш Пекот* (Польша)
доктор гуманитарных и филологических наук *Алена Попова* (Беларусь)
старший преподаватель *Елена Савич* (Беларусь)
доктор филологических наук, профессор *Михал Сарновски* (Польша)
кандидат филологических наук, доцент *Татьяна Скребцова* (Россия)
доктор филологических наук, профессор *Евгения Валерьевна Чернявская*(Россия)
доктор филологических наук, профессор *Ирина Ухванова* (Беларусь)

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *Казимиж Люцински* (Польша)
доктор филологических наук, профессор *Владимир Макаров* (Беларусь)

© Ухванова И.Ф., Кожинова А.А., Савич Е.В., 2013
© Оформление ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2013

ISSN 2218-8002

СОДЕРЖАНИЕ

Участники Международного круглого стола «Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики»…… 6
Слово благодарности…….. 9
Введение…… 10

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА *ДЕ-ФАКТО* И *ДЕ-ЮРЕ:* РЕЗУЛЬТАТЫ БЛИЦ-ОПРОСА
(Станислав Гайда, Павел Зернецкий, Вячеслав Кашкин, Наталья Клушина, Алла Кожинова, Татьяна Краснова, Элеонора Лассан, Олег Лещак, Анна Маркович, Татьяна Островская, Алена Попова, Татьяна Скребцова, Бранко Тошович, Ирина Ухванова-Шмыгова, Ладислав Яновец) …….. 20

1. ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДИСКУРС-ПЕРСПЕКТИВА
Станислав Гайда. Стиль и стилистика в системе понятий современного функционального подхода в науке о языке: теоретико-методологический уровень осмысления (*пер. с польского А.А. Кожиновой*)…….. 41
Елена Савич. Функциональный синтаксис в контексте лингвистики дискурса…….. 45
Ирина Ухванова-Шмыгова. Лингвистика дискурса и теория познания: кластерные контент-контекстная и практико-деятельностная теории дискурса…….. 51
Индра Карапетяна, Яна Кузьмина. «Формализм vs. функционализм» или «формализм+функционализм»: какая модель дискурс-анализа сегодня работает в Латвии?…… 59
Галина Гжимил-Тылуцки. Структурализм и функционализм в основании лингвистики дискурса: европейский опыт (*пер. с англ. И.Н. Путикова*)…… 64
Зофия Билют-Хомплевич. Подходы немецких исследователей, актуальные для польских германистов в контексте дискурс-исследований (*пер. с польского А.А. Кожиновой*)…… 67
Екатерина Ядченко. Критический дискурс-анализ, дискурс-лингвистика, историческая семантика: расстановка акцентов…….. 69
Елена Руденко. Американская этнолингвистика и теория дискурса…… 73
Ирина Ухванова-Шмыгова, Екатерина Гуренчик. Терминологический потенциал лингвистики дискурса (на материале французского словаря дискурс-анализа «Dictionnaire d'analyse du discours»)…….. 76

2. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ *ДУМАЕМ, ИЩЕМ, ОБСУЖДАЕМ*
Галина Гжимил-Тылуцки. Дискурс в соотношении с другими лингвистическими категориями: жанр, текст, контекст, тип (*пер. с англ. Т.Л. Александровой, Е.В. Савич*)…… 94
Михал Лабащук. Дискурсология или типология вербального мышления …….. 102
Олег Лещак. Дискурс как лингвосемиотический опыт и деятельность, дискурсные типы и картины мира …… 109
Елена Савич. Дискурс-картина мира как категория дискурс-исследований …… 113
Вальдемар Чахур. Дискурсивная картина мира (*пер. с польского А.А. Кожиновой*)…… 118
Ирина Ухванова-Шмыгова, Анна Маркович. Дискурс-категории: классификационный аспект …… 122
Дмитрий Богушевич, Антонина Галагаева, Василий Зеленков, Ирина Дмитриева, Ирина Иванова-Мицевич, Ирина Чучкевич. Дискурс, текст, предложение …….. 126

Дмитрий Богушевич. О дискурсе 128
Василий Зеленков. О семантико-синтаксической доминанте в английском и восточнославянских языках 131
Антонина Галагаева. Коммуникативно-прагматическая направленность текста и выбор способа представления действительности 136
Ирина Дмитриева. Образ субъекта и объекта как маркер типа текста 141
Ирина Иванова-Мицевич, Ирина Чучкевич. Семантические опоры текста 146
Ксения Шилихина. Метапрагматические маркеры иронии 149
Татьяна Кожарина. Дискурс-категория «национальная память» и ее репрезентация в топонимах 156

3. МЕТОДИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ДИСКУРСА: ОТ ДЕСКРИПЦИИ К МОДЕЛИРОВАНИЮ

Татьяна Краснова. К методологии исследования политического дискурса 160
Елена Савич. Построение теоретических моделей в контексте дискурс-исследований 172
Ирина Ухванова-Шмыгова. Актуализация методологического аппарата лингвистики дискурса в искусствоведческих работах Павла Флоренского 179
Екатерина Ядченко. Абдуктивное мышление как основополагающий принцип дискурсивного анализа с использованием компьютерного программного обеспечения MaxQDA 183
Матей Карпински. О дискурс-аналитической практике (*пер. с англ. Т.И. Свищук, Е.В. Савич*) 187
Татьяна Кожарина. Структурно-нарративный анализ текстовой репрезентации коннотативных топонимов в газетном дискурсе 205

4. «НОВЫЕ» И «СТАРЫЕ» ТИПЫ ДИСКУРСА В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ СЛАВИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Алла Кожинова. Образ мира в древнем славянском дискурсе: к вопросу об интровертированности древних дискурсов 214
Элеонора Лассан. Является ли гипертекст словаря дискурсом? 223
Ольга Потапова. Словари славянских языков XIX века как дискурс 226
Илья Путиков. Витгенштейн: реконструкция смыслов и методического аппарата ученого, философа, мыслителя 234
Анна Матущик. Музыкальный дискурс и репрезентация сообщества любителей хип-хопа (*пер. с англ. А.А. Маркович*) 241
Евгений Зубков. Русский уголовный дискурс: реконструкция смыслов с опорой на реконструкцию дискурсных групп 248
Дорота Бжозовска. Славянский юмористический дискурс: лексический срез и его культурные контексты (*пер. с польского А.А. Кожиновой*) 256

5. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Павел Зернецкий, Ольга Зернецкая. Глобальный пандискурс интернета 265
Татьяна Скребцова. Персонификация языка как характерная черта современного славянского публицистического дискурса 267
Алла Кожинова. О роли иллюстрации как параграфического знака в экстравертированном газетно-публицистическом дискурсе 271
Наталья Журавлева. Упрек в парламентском дискурсе 278
Олег Спиридовский. Президентская политическая коммуникация: основные характеристики и анализ дискурса 286

Татьяна Свищук. Креолизованный текст
в пространстве политического дискурса…… 291
Елена Савич, Ирина Ухванова-Шмыгова. Лингвистика дискурса в контексте
лингвистических и филологических дисциплин: дискурс-анализ паспортов
специальностей высшей аттестационной комиссии…….... 295

6. ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
Эва Петровска-Оберда. Дискурс-анализ в переводоведении
(*пер. с англ. И.Н. Путикова, Т.И. Свищук, Т.Л. Александровой*)…… 303
Лидия Мазур-Межва. Булат Окуджава в зеркале
польского переводческого дискурса…… 310
Дарья Остапенко. Теория дискурса и проблема метатекстуальности
(на материале переводческих метатекстов)…….... 313
Елена Бразаускене. Академический дискурс
и славянский контекст: новые тенденции…… 318
Ольга Лущинская, Елена Савич. Дискурс-подход в преподавании
иноязычного общения и его влияние на структуру учебного пособия…… 323
Тамара Матвеева. О диалогичности современного учебника…….... 332
Ирина Роляк. Дискурс-знание и опыт изучения дискурса в контексте
направления РЯДО (Русский язык делового общения)…… … 335
Алена Попова. Дискурс-компетентность как основа Design Thinking,
или можно ли научить думать? ……..... 343
Мария Соловьева. Сократовские диалоги и дискурс-перспектива:
славянский опыт…….... 347
Надежда Евчик. Визуально-фонетическая система коммуникации
как кортеж-актуализированная методика обучения детей
с нарушением слуха……..... 351
Людмила Гербик. Прикладная лингвистика: диапазон возможностей
и их реализация (опыт работы кафедры) ……..... 360
Индра Карапетяна, Яна Кузьмина. Дискурс-анализ в контексте
прикладной лингвистики: опыт Латвийского университета……..... 361

Вместо заключения
Ирина Ухванова-Шмыгова. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития
в славянском научном сообществе: анализ прецедентных дискурсий
(в контексте актуализации дискурсных групп)……..... 364

УЧАСТНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ СЛАВИСТИКИ»

Бжозовска Дорота, профессор университета г. Ополе, зав. кафедрой европейских исследований Института культурологии и полонистики, г. Ополе, Польша.

Билют-Хомплевич Зофия, профессор, доктор наук, зав. кафедрой теории языковой коммуникации Института германской филологии Жешовского университета, редактор журнала «Текст и дискурс» (Варшавский и Жешовский университеты), г. Жешув, Польша

Богушевич Дмитрий Георгиевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

Гайда Станислав, доктор филологических наук, профессор университета г. Ополе, Польша

Гжимил-Тылуцки Галина, профессор Института романской филологии Ягеллонского университета, г. Краков, Польша

Евчик Надежда Семеновна, доктор филологических наук, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

Зернецкая Ольга Васильевна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Национальной Академии наук Украины, г. Киев, Украина

Карапетяна Индра, доктор филологических наук, руководитель и ведущий ученый центра прикладной лингвистики при факультете гуманитарных наук Латвийского университета, ассоц. профессор факультета гуманитарных наук, кафедры англистики г. Рига, Латвия

Карпински Матей, доктор филологических наук, профессор университета имени Адама Мицкевича, г. Познань, Польша

Кашкин Вячеслав Борисович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой перевода и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Клушина Наталья Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации факультета журналистики Московского государственного университета, г. Москва, Россия

Кожинова Алла Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Лабащук Михал, профессор, доктор наук, зав. кафедрой иберистики факультета общественных и гуманитарных наук Технико-гуманитарной академии, г. Бельско-Бяла, Польша

Лассан Элеонора, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии филологического факультета Вильнюсского университета, г. Вильнюс, Литва

Лещак Олег, доктор филологических наук, профессор университета имени Яна Кохановского, г. Кельце, Польша

Матвеева Тамара Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия

Руденко Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Мазур-Межва Лидия, доктор филологических наук, профессор университета имени Яна Кохановского, г. Кельце, Польша

Тошович Бранко, доктор филологических наук, профессор Института славистики Университета в г. Граце, г. Грац, Австрия

Ухванова-Шмыгова Ирина Фроловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Яновец Ладислав, доктор кафедры чешского языка педагогического факультета Карлова университета, г. Прага, Чехия

Бразаускене Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, г. Вильнюс, Литва

Гербик Людмила Францевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой прикладной лингвистики филологического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Дмитриева Ирина Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

Журавлева Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Зернецкий Павел Васильевич, кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка Национального университета «Киево-Могилянская академия», г. Киев, Украина

Зубков Евгений, адъюнкт (доцент) университета имени Яна Кохановского, г. Кельце, Польша

Иванова-Мицевич Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

Краснова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Кузьмина Яна Георгиевна, кандидат филологических наук, ученый центра прикладной лингвистики при факультете гуманитарных наук Латвийского университета, лектор факультета гуманитарных наук кафедры англистики, г. Рига, Латвия

Лущинская Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Островская Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Россия

Потапова Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Попова Алена Викторовна, доктор гуманитарных и филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Петровска-Оберда Эва, адъюнкт (доцент) университета имени Яна Кохановского, г. Кельце, Польша

Роляк Ирина, адъюнкт (доцент) университета имени Яна Кохановского, г. Кельце, Польша

Скребцова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Соловьева Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

Спиридовский Олег Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Чахур Вальдемар, адъюнкт (доцент) Варшавского университета, редактор журнала «Текст и дискурс» (Варшавский и Жешовский университеты), г. Варшава, Польша

Шилихина Ксения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Галагаева Антонина Владимировна, старший преподаватель кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

Зеленков Василий Вадимович, исследователь, преподаватель кафедры иностранных языков Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

Кожарина Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Маркович Анна Александровна, старший преподаватель кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Савич Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Ядченко Екатерина Ивановна, старший преподаватель кафедры германских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Остапенко Дарья Игоревна, преподаватель и аспирант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Гуренчик Екатерина Николаевна, студентка факультета французского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

Матущик Анна, магистрант Лодзинского университета, г. Лодзь, Польша.

Путиков Илья Николаевич, аспирант кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Свищук Татьяна Ивановна, аспирант кафедры английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Чучкевич Ирина Валентиновна, аспирант кафедры истории и грамматики английского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Беларусь

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Работа Международного *круглого стола* «Дискурс-перспектива: потенциал и реализация», ставшего основой материалов данного выпуска, проходила в стенах Опольского университета, который спонсировал данное мероприятие, и в этой связи мы выражаем благодарность тем сотрудникам Опольского университета, кто имел отношение к продвижению и реализации данной идеи. Мы также благодарны спонсорам участников *круглого стола,* поддержавших приезд ученых в Ополе: Белорусскому государственному университету, университетам Польши – Варшавскому, Вроцлавскому, Познаньскому, Ягеллонскому, г. Бельско-Бяла и г. Кельце, а также университетам России – Воронежскому и Московскому.

Мы также благодарны ученым, активно подключившимся к обсуждению вопросов данного *круглого стола* после Опольской встречи – исследователям Латвии (Латвийского университета, г. Рига), Литвы (Вильнюсского университета), Польши (университета им. Яна Кохановского г. Кельце), России (Санкт-Петербургского государственного университета и Уральского федерального университета, г. Екатеринбург), Украины (Киево-Могилянской Академии и НАН Украины).

Дискурсия проходила на трех языках (английском, русском, польском), что потребовало переводческой работы. В этой связи выражаем особую благодарность участнику проекта, возглавившему работу переводчиков – Анне Александровне Маркович и ее команде: Татьяне Леонидовне Александровой, Алле Андреевне Кожиновой, Илье Николаевичу Путикову, Татьяне Ивановне Свищук, Елене Владимировне Савич.

Мы признательны рецензентам книги: директору института иностранных языков университета имени Яна Кохановского в г. Кельце (Польша), профессору Казимежу Люцинскому и профессору Минского государственного лингвистического университета Владимиру Васильевичу Макарову.

Большое спасибо мы говорим также нашим непосредственным помощникам в подготовке материалов к публикации Ирине Вадимовне Быковой и Татьяне Ивановне Свищук.

Особая благодарность нашему бессменному редактору Галине Алексеевне Пушне, работавшей с нами уже над двумя выпусками данной серии книг.

ВВЕДЕНИЕ

В 2002 году во Франции, колыбели постмодернизма и дискурс-анализа, вышел в свет *Словарь дискурс-анализа*, и вместе с ним стало ясно, что лингвистика дискурса есть и активно развивается, но главное – переходит из статуса *де-факто* в статус *де-юре*. Десятилетие спустя в США вышел в свет *Словарь прикладной лингвистики*, констатирующий (правда, не так широко и решительно) тот же факт.

Что на эти шаги отвечают страны славянского мира и ученые, проживающие в других странах, но продолжающие использовать в том числе и славянские языки в рамках своей профессиональной деятельности? Славянский мир сегодня активно издает материалы, покрывающие данную проблематику (научную периодику, коллективные и индивидуальные монографии, материалы конференций и круглых столов). В список значимых материалов входят также и диссертационные исследования, и публичные лекции, лекционные курсы и, конечно же, словари. Так, в русскоязычном интернет-пространстве появляется экспертный словарь, посвященный дискурс-аналитической проблематике – лингвистический словарь Фонда знаний «Ломоносов», репрезентирующий данное направление в контексте лингвистики (http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:0127629). Несколько позже интернет-пространство фиксирует проект МАДИ «Энциклопедия "Дискурсология"», который призван репрезентировать дискурс-направление в контексте социального и философского знания, направив внимание участников проекта на разработку таких тематических блоков, как (1) теория дискурса и дискурс-анализ, (2) словарь терминов, понятий, концептов, (3) персоналии, (4) научные центры и школы дискурс-исследований, (5) периодические издания, (6) ключевые тексты. Впрочем, энциклопедия (словарь) не представлена пока как завершенное произведение. Но уже сейчас видно, что без авторов-лингвистов оно не обходится (http://u6935.netangels.ru/index.php?option...id).

Лингвисты-дискурсологи – значимая, если не ключевая, составляющая современных дискурс-проектов. Но характерно то, что при этом они нередко продолжают сохранять свое изначальное исследовательское поле – теорию языка, прикладную лингвистику, функциональные семантику или стилистику, синтаксис или грамматику, а также прагма-, социо-, этно- и другие лингвистики, в центре которых субъекты в их взаимодействии. Таким образом, дискурс-направление не озвучивается как особое исследовательское поле. Хотя по нашим наблюдениям, на несколько большую автономию претендуют те, кто вышел из теории языка или прикладной лингвистики, ибо специфика этих направлений требует более точной дифференциации себя.

Вопрос самоидентификации лингвистики дискурса как отдельного направления, однако, не стоит жестко для лингвистов-исследователей, которые не претендуют на титулы и звания. Тогда им есть место в разных дисциплинах и лингвисты-дискурсологи читают лекционные курсы и проводят семинарские занятия со студентами и аспирантами широкого спектра специальностей гуманитарного и социального профиля. Так, появляются курсы «Дискурсные методики в социологическом исследовании», «Текст и реконструкция его содержания в профессиональной деятельности документоведов» – иначе говоря,

как когда-то риторика стала обязательным курсом гуманитарного образования, так сегодня и дискурс-анализ (с учетом лингвистического развития данного направления) востребован гуманитарным знанием и имеет все перспективы стать таковым. В этом контексте переход лингвистики дискурса со статуса *де-факто* в статус *де-юре* кажется уже близким и в принципе решенным. Но как только вопрос ставится о защитах диссертаций, то тут сразу же возникает конфликт интересов – конфликт, строящийся на дихотомии «свои-чужие», а значит, на стремлении сделать науку чистой и прозрачной, то есть в каком-то смысле ожидаемой.

Мы полагаем, что переход на статус *де-юре* необходим лингвистике дискурса, ведь не случайно на совещании по поводу 10-летия французского научного общества «L'anguage et Societe» были произнесены слова о том, что направление интересно и даже необходимо обществу с учетом результатов, которые уже были получены теми, кто работает в этом направлении, но оно крайне усложнено в плане карьерного роста, ибо у специалиста по дискурс-исследованиям так и нет берега. Интердисциплинарность и интегративность дискурс-направления, по мнению некоторых, тому виной, хотя и то и другое сегодня – обязательное условие действительно глубокого и значимого исследовательского проекта практически во всех науках и уж точно обязательное условие рождения новых дисциплин. А какую науку они в дальнейшем образуют – это уже вопрос развития направления. Важно здесь то, становится ли оно репрезентируемым на всех ступенях университетского образования – бакалаврской, магистерской, аспирантской. И если проблематика аспирантских исследований прибегает к изучению дискурса и дискурс-анализа как к предмету своего исследования в отдельной науке (как это, например, случилось с лингвистикой) – значит это и есть образовательное и исследовательское поле данной конкретной дисциплины.

Задача нашего *круглого стола*, а значит и коллективного труда – обсудить ситуацию развития лингвистики дискурса в славянском мире, способствуя тем самым продвижению этого значимого, вполне самостоятельного направления современной мировой лингвистики, а также созданию и единению дискурсной группы его адептов. Пространство данного выпуска реализовано следующим образом. Вначале представлены участники всех заседаний *круглого стола*. Затем (в настоящем введении) главные редакторы выпуска и ведущие шести заседаний, представленных в шести разделах выпуска, размышляют о значимости и специфике развития нового направления лингвистики, выделяют отдельные тематические блоки данного направления и дают им краткий комментарий с учетом их обсуждения. Этот блок завершается ***блиц-опросом, где представлены пятнадцать точек зрения*** на современное пространство лингвистики дискурса и специфику его репрезентации в контексте конкретных стран, университетов, кафедр. И уже далее, затронутые в блиц-опросе идеи получают свое осмысление и репрезентацию в материалах, выступлениях и статьях, комментариях и обзорах.

Следует отметить, что это уже второй выпуск серии *La Table Ronde,* которая представляет материалы Международных *круглых столов* по проблемам дискурс-исследований и развитию данной проблематики в академической перспективе. Лингвисты различных стран – Беларуси, Литвы, Польши, России

– на протяжении почти четырех лет встречаются в разных городах этих государств, чтобы обменяться опытом (академическим, научным, исследовательским), обсудить свои планы, предложить свои пути развития данного направления. В этом выпуске география участников нашего *круглого стола* расширилась: добавились Чехия и Украина. Настоящий авторский коллектив – 53 автора из восьми стран (Беларуси, Польши, России, Латвии, Литвы, Украины и Чехии). Таким коллективом мы и постарались отследить то, что накопила сегодня лингвистика дискурса, но главное – продемонстрировать значимость единения лингвистического сообщества для реализации этого направления в контексте взаимопонимания, взаимоподдержки и открытости.

Итак, наш расширенный *круглый стол* представлен в данном издании в **шести заседаниях** с учетом тем, которые, по нашему мнению, максимально отражают специфику развития лингвистики дискурса в современном славистическом научном пространстве.

Заседание первое **«Полицентричность современной лингвистической науки и дискурс-перспектива»** открывает нашу дискуссию. Объект дискурс-лингвистики – это синтез коммуникативных практик: *текстовой* (а значит, языковой и речевой), *социальной* (параметры общественной жизни и культуры общества) и собственно *дискурсивной* (событийность в ее контент-контекстном проявлении), а также их осмысление в виде описательных, функциональных и динамических моделей. В этой связи становится понятным факт обращения к явлению полицентричности в контексте развития как лингвистики, так и гуманитарного и социального знания в целом.

Полицентризм говорит о наличии двух векторов развития направления – *центробежного* и *центростремительного,* определяющих развитие направления вширь и вглубь, с учетом количественного и качественного подходов. Полицентризм указывает помимо прочего путь признания дихотомического типа мышления, а вместе с ним путь открытого (функционально-динамического) моделирования исследуемых объектов, какими бы сложными и внутренне противоречивыми они ни были. Полицентризм, наконец, обогащает получаемые и верифицируемые данные (путем совмещения индуктивного и дедуктивного мышления) с помощью активизации абдуктивной логики (через построение гипотез синтезированного порядка, переводящих идею моделирования исследовательского объекта в поле прогностического исследовательского опыта). По этому пути и предложено пройти участникам первого заседания *круглого стола*.

Здесь мы еще раз вспомним источники лингвистики дискурса, которые фактически вывели лингвистику языка в область лингвистики речи, а значит и макропространств, обогатив изучение общего (в языке есть только общее) изучением частного, отдельного (речевого) и, наконец, единичного, уникального (дискурсного). Фокусировка на дискурс сразу обращает внимание участников заседания на функциональность как некую доминанту современной тенденции развития лингвистического знания. От функциональной стилистики и синтаксиса логичен переход к теории познания и контент-контекстной реализации коммуникативных единств.

Итак, акценты расставлены – от *функциональности* как методологического направления (*акцент первый*) к идее *построения кластерных теорий* по-

знания (*акцент второй*). Такая логика развития дисциплины не отрицает, а, наоборот, привлекает к себе вместе с идеями *процессуальности* и *иерархической организации* дискурс-пространства также идеи его *структурной и системной организации.* В этой связи появляется *третий акцент* – на опыт осмысления *вариативности коммуникативной реальности*. Этот акцент – продолжение размышлений над тем, что являют собой теории матричного типа (разговор, начатый нами в Выпуске 1 данной серии). А завершается обсуждение фокусом внимания (*четвертый акцент*) на специфику организации *терминологической системы* лингвистики дискурса, поданной в первом специализированном словаре дискурс-анализа. Данные акценты, как мы полагаем, принципиальны для самоопределения обсуждаемой нами дисциплины.

Заседание второе «**Категориальный аппарат лингвистики дискурса: соотношение понятий *думаем, ищем, обсуждаем*»** знаменует собой поворот в работе нашего *круглого стола* в сторону размышлений о категориях лингвистики дискурса. Принимая факт коммуникативно-деятельностной социальной природы дискурса, мы неизбежно приходим к необходимости представлять этот феномен в сложных категориях, интегрирующих деятельностный, социальный и речевой параметры. Поиск сугубо дискурсных категорий предполагает глубокое осмысление категорий смежных (жанра, текста, контекста типа), которые, в свою очередь, также являются сложносоставными. Определение корреляции между понятиями *дискурс*, *текст*, *жанр*, *контекст* и *тип* является ключевым для каждого отдельного исследования дискурса, а также для идентификации специфического объекта лингвистики дискурса.

В рамках разговора о категориальном аппарате дискурс-исследований невозможно не затронуть вопрос его систематизации. Понятно, что заведомая сложность имманентных категорий дискурса, а также многофокусность исследований (о которой мы говорили на предыдущем заседании) обусловливают множественность классификаций и систем субкатегорий дискурса. И эта множественность необходима науке, ибо позволяет операционализировать изучение различных аспектов одного и того же объекта. В то же время задачей методологической значимости становится и выявление категорий общих для всех подходов (метакатегорий). Решение этого вопроса даст основания для разработки непротиворечивых методик анализа дискурса.

Определение метакатегорий дискурса может быть связано с рефлексией над процессом и результатом типологизации дискурса. Выделение типов утверждается на основании актуализации во всех образцах того или иного дискурса единого типа мышления, речемышления и единого референта. Таким образом, фактически постулируется категория *дискурс-картина* (дискурсная картина мира или дискурсивная картина мира), но также и дискурс-картина реальности и интеракции в их взаимодействии. Выход на синтезированные дискурс-категории – прерогатива лингвистики дискурса, ибо благодаря ее введению исследование дискурса обретает целостность и сохраняет фокус на динамической составляющей этого явления. Как выясняется, на основе анализа операциональных по отношению к дискурс-картине категорий можно создавать частные теории дискурса и на их основаниях обучать дискурс-практикам и речевой деятельности с максимальной эффективностью.

Собственно анализ дискурса также сопряжен с категоризацией, с обработкой фактического «физического» материала, данного исследователю в виде языковых единиц. Способ ассимиляции категорий языка для исследования дискурсных аспектов, в частности для исследования дискурс-картин, также представляет значимость.

Второе заседание открывает возможность познакомиться ближе с категориальным аппаратом лингвистики дискурса и поразмышлять о статусе различных категорий в дискурс-исследованиях.

Заседание третье **«Методический аппарат исследователя дискурса: от дескрипции к моделированию»** непосредственно связано с проблематикой первых двух. Поиск категорий дискурса и дискурс-анализа естественно привел нас к разговору о *методах* лингвистики дискурса. В контексте нашего полилога уже сложилось представление о дискурсе как о когнитивно-коммуникативной данности, а этот сложный объект *a priori* подразумевает использование разных методов познания. При этом в зависимости от того, какой аспект дискурса (когнитивный или коммуникативный) принимается за основной объект конкретного исследования или этапа исследования, можно поднимать вопрос о *теоретических* и *эмпирических* методах. Хотя для изучения и описания закономерностей дискурса (метакатегории *дискурс-картина мира*, которую мы подробно обсуждали на предыдущем заседании) уместно, видимо, говорить о комплексе или системе методов в рамках метаметода *моделирования*.

Метод всегда предполагает *процедуру*, которая в дискурс-исследованиях зачастую оказывается «за кадром». Мы видим образцы анализа, собственно его результаты, которые, естественно, предоставляются в понятном виде даже неспециалистам. В итоге создается «кажимость» субъективности и неверификативности дискурс-исследования. В этой связи обозначается значимость не только рефлексии над процессом конструирования смыслов в дискурсе, но и над процессом их *реконструирования*, то есть над собственно анализом дискурса.

В контексте работы данного заседания *круглого стола* показалось интересным собрать опыт рефлексии исследователей над тем, как собираются результаты исследований, ведь осмысление методов может иметь различную степень абстракции. Можно (и нужно) говорить о *методологической* базе лингвистики дискурса, выстраивая *иерархию категорий анализа* дискурса. Можно пошагово описывать *исследовательскую практику*. Можно операционализировать *логические методы* познания. Все эти способы работают друг на друга и обогащают теорию дискурс-лингвистики. Но главное – они отражают реальный опыт исследования дискурсологов, опыт, рожденный в реальных исследовательских практиках, в реальной исследовательской деятельности такого сложного объекта, как дискурс и дискурсии, его составляющие.

Понятно, что охватить весь спектр вопросов методологии, методов, режимов и процедур, используемых в области анализа дискурса, мы не сможем. Тем не менее важно обозначить тенденции и направления, которые репрезентируют в своих исследовательских практиках дискурсологи – участники

нашего *круглого стола*. Отметим, что и предыдущее собрание исследователей дискурса (см. *La Table Ronde*. Выпуск 1) не обошло стороной вопрос методологии и методик дискурс-исследований. И хотя отдельно вопрос о методическом аппарате тогда не выносился, мы считаем наше сегодняшнее обсуждение продолжением той беседы.

Заседание четвертое **«Новые» и «старые» типы дискурса в фокусе внимания славистического научного сообщества»** – синтез теории и метода. Здесь мы начинаем разговор о типах дискурса, к изучению которых внимание исследователей славянских стран и их соседей обратилось в последние десятилетия. Такое внимание, *во-первых*, связано с поиском ответа на вопрос, насколько дискурсивны новые исследовательские объекты, такие, например, как словарные статьи, которые, что становится очевидным при их изучении, несмотря на кодификацию, свойственную лексикографическому источнику, несут в себе отпечаток эпохи, след труда, вложенного его создателем (недаром большинство словарей известны нам под именами их создателей). Полагаем, что именно это и делает их *дискурсом* (речью, погруженной в жизнь). *Во-вторых*, это внимание связано с другим вопросом – достойно ли для солидной лингвистической дисциплины, каковой и является лингвистика дискурса, изучение *таких* продуктов коммуникативной деятельности человека, как, например, уголовный дискурс. И ответ на этот вопрос будет утвердительным, в чем можно убедиться, познакомившись с материалами данного заседания *круглого стола*. Уголовный дискурс, как, впрочем, и юмористический, оказывается максимально фокусированным на репрезентацию дискурсных групп, что делает эти типы дискурсов особо интересными и значимыми и для дискурсолога. Актуализированная *интерактивность* всегда привлекала исследователей-гуманитариев, но с появлением лингвистики дискурса появляется возможность углубить знание о ней, увидеть ее не просто в функциональном ключе, но добиться более глубокого ее описания, моделирования с учетом природы ее функционирования, а значит вариативности. Очевидно, впереди нас ждут также и сопоставительные интердискурсивные исследования интерактивной специфики функционирования дискурсов. Не удивительно в этой связи, что дискурсологи занялись изучением этой коммуникативной реальности в последние десятилетия.

Можно думать, что только «новые» дискурсы порождают вопросы, но это не так. Так называемые «старые» дискурсы также ставят не меньше вопросов. В частности, немногие исследователи берутся за изыскания, связанные с исследованием объектов, уходящих в глубь исторической перспективы. Возможно, подобное нежелание связано с самим представлением дискурса, который часто понимается как «перевод» языковой системы в живую речь. Следует, однако, признать, что исторические исследования в дискурсивной области также имеют право на существование: во-первых, создание текстов, даже отстоящих от нас на несколько столетий, происходило в процессе порождения живой речевой практики; во-вторых, любой современный дискурс попадает в руки исследователя в таком же застывшем состоянии, как и исторический трактат – очень редко мы имеем дело с самим процессом порождения исследуемого продукта.

Препятствием или *недостатком* (возможно, единственным) на пути дискурсолога-историка можно считать невозможность «подключения» собственного опыта для исследования. Существуют, тем не менее, методики, позволяющие

компенсировать данный недостаток и даже превратить его в *достоинство* отстранения, в возможность применения взгляда со стороны. Их можно применять и по отношению к дискурсам, от которых исследователя отделяет не столь существенный временной промежуток. Полагаем, что отстраненность дискурсолога – позиция не столько вынужденная, сколько необходимая. Взгляд нейтрального исследователя позволяет увидеть больше точек зрения на нахождение смыслов, рождаемых дискурсиями, и рассмотреть их все как потенциально возможные и равные.

Вот с такими, а, возможно, и другими имплицитно обозначенными здесь вопросами мы выходим на обсуждение исследований конкретных типов дискурсов и отдельных дискурсий, имеющих (в контексте полученных результатов) уже не аналитическую, а синтетическую ценность.

Заседание пятое **«Институциональный дискурс: о некоторых перспективах исследования»** сконцентрировано на одном сложносоставном типе дискурса, который сегодня становится все более популярным среди исследователей. Так, в этой секции *круглого стола* мы предлагаем принять участие в обсуждении таких разновидностей институционального дискурса, как *политический и публицистический*. Казалось бы, эти поля трудолюбиво обрабатываются множеством дискурсологов, но важность подобных институциональных дискурсов в жизни современного коммуниканта ведет к тому, что в этой области всегда найдутся проблемы для исследовательского взгляда. Уже Э. Косериу говорил о политической нагруженности речи хотя бы потому, что она является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык. Следует ли из этого то, что все дискурсы необходимо перевести в разряд политических? Безусловно, участники нашего заседания не придерживаются столь радикальных взглядов, однако то, что они говорят о политическом и публицистическом дискурсах, весьма интересно.

Возможность объединения этих подтипов и их обсуждения на отдельном заседании обусловлена их спецификой быть дискурсом власти, которая предлагает, а подчас и навязывает общественности определенную оценочность и некоторую когнитивную позицию. Дискурс власти, помимо этого, предлагает некоторые коммуникативные модели поведения, осуществляет надзор за соблюдением установленного порядка, в том числе и в области речевого взаимодействия.

Еще в конце XX века П. Бурдье отмечал влияние дискурсивного поля журналистики на поле политики, указывая при этом и на обратную зависимость (зависимость журналистики от властных структур). В связи с этим возникает вопрос целесообразности в дальнейшем вести дискус-проекты в этом направлении. Возможно, исследователям следует перейти к изучению чего-то нового, например, интернет-дискурсов? Ведь именно из последних большая часть населения Старого и Нового Света узнает сегодня о том, как трактовать те или иные политические дискурсии, или о том, какие подобные дискурсивные конструкты сегодня имеют место. Все больше исследователей констатируют тот факт, что интернет, позволяя нам, пользователям, размещать в своих границах переносимые с бумажных носителей дискурсии, очевидно навязывает нам порождаемые им образцы и схемы мышления. И это происходит на фоне посто-

янно возрастающей иконизации современной культуры, когда ко многим потребителям информация поступает уже не с помощью знака-символа, а в большей степени знака иконического, как правило, визуального. Достаточность вербального дискурса как бы утверждается или подтверждается наличием иллюстраций, а, например, креолизованный текст все чаще помогает создать и усвоить политическую информацию (и иттеракцию), становясь полноценной политической дискурсией.

Заседание шестое «**Лингвистика дискурса в контексте прикладной лингвистики»** демонстрирует тот факт, что дискурс-направление, обладая, *с одной стороны*, четкой идея-несущей (теоретико-методологической) характеристикой (ибо оно формирует новые методологические и принципиально иные теоретические основания), а *с другой* – практической (дифференцируя и приумножая области практического применения), может существенно влиять на развитие современной прикладной лингвистики.

В контексте прикладной лингвистики лингвистика дискурса выступает одновременно в нескольких ипостасях, которые нам и следует обсудить на данном заседании *круглого стола.* Родившись в рамках компьютерной лингвистики, прикладная лингвистика давно вышла за пределы этого направления, но обогатившись им, перенесла многое из него в свои вновь открытые области приложения. Мы также познакомим с некоторыми направлениями работы кафедр прикладной лингвистики Белорусского и Латвийского университетов.

Работа кафедры прикладной лингвистики – это разработка вопросов теории и практики *межкультурной коммуникации*, в том числе и иноязычного общения, включающего в себя разработку теоретического и практического освоения такого ключевого понятия лингвистики дискурса, как *дискурс-компетенция*; это также и разработка вопросов теории и практики *переводческой деятельности* или, как сейчас принято называть, транслаторики. Кстати сказать, транслаторика всегда развивалась параллельно с ключевыми теориями лингвистики и брала в качестве своей основы ее методологические разработки – классические, структурные, функциональные, а теперь и интегративные.

Перевод в принципе, возможен только как перевод дискурса, поскольку именно совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов дает возможность наиболее адекватно транспонировать текст, созданный на определенном языке, в определенных исторических и социальных условиях, определенным субъектом в другие языковые, исторические, социальные и субъектные условия. Особый интерес в контексте лингвистики дискурса представляет *художественный перевод*, который создает особую функциональную систему коммуникации, возникающую между автором оригинала и автором переводной версии. Как представляется, продукты, существующие в рамках этой системы, представляют собой достойный объект дискурсологических исследований.

Основное место в разделе занимают статьи, посвященные дискурсу в обучении и обучающему дискурсу. И хотя традиционно академический дискурс относится к институциональному типу, его теория развивается преимущественно в прикладном измерении, а именно, в области лингводидактики для разработки наилучших методик обучения языку. В последнее время наиболь-

шее внимание в области лингводидактики уделяется не изучению нечетких и размытых академических дискурсов, возникающих в конгрессной и конференционной среде, а поискам четких и определенных методик создания *дискурса передачи знания* (в этих поисках актуально обращение к практикам, отделенным от нас несколькими тысячелетиями). При этом диапазон применения дискурсивных методик может быть очень широк – от классического обучения родному или чужому языку до внедрения в познавательные области, о которых многие из нас даже не слышали.

При обсуждении указанной проблематики мы предлагаем обратить внимание на то, что «прикладной» характер исследований не отрицает теоретических обобщений. Во многих практико-ориентированных работах можно обнаружить позиции, достойные статуса теоретических постулатов.

О чем еще важно сказать?

Данный выпуск отражает *современное* состояние лингвистики дискурса в странах, которые представляют участники нашего проекта. Из материалов сборника со всей очевидностью следует вывод о том, что направление существует и находится в периоде активного становления. Очевидно также и то, что кто-то из авторов, войдя в поле лингвистики дискурса, продолжает возвращаться в терминологическое и методическое пространства лингвистик языка и речи, другие – четко привязывают лингвистику языка к лингвистике речи или текста и находятся одновременно в двух полях, третьи – максимально преданы полю лингвистики дискурса, видя в нем особую методологию и специфичные для нее методики и теории, а главное, возможности, которые она предоставляет. Нам ценен и важен опыт всех трех групп, ибо только с опорой на все эти традиции мы можем увидеть и понять уже существующие тенденции, открывать новые и тем самым способствовать *самостоятельному* развитию дисциплины. Взрослость дисциплины определяется не тем, что она что-то может делать, а тем, что она может делать что-то новое, свое, особое и быть при этом значимым ресурсом для других дисциплин.

Данный выпуск мы начинаем с многоголосия. Мы просим лингвистов, работающих в разных областях современной лингвистики славистического мира, высказаться по предлагаемым ниже вопросам с той степенью детализации, которую они посчитали приемлемой. Вопросы не были зафиксированы жестко. Мы просто попросили коллег высказаться о с*остоянии лингвистики дискурса в странах славянского мира, в своей стране, регионе, университете (о наличии университетских курсов, изданных монографий, диссертаций, выполненных в этом русле на славянских языках, научной периодики, на страницах которой освещается круг вопросов, касающихся данной дисциплины). Мы также попросили ученых дать определение направлению и дисциплине с учетом их проблематики, целей, задач, актуальности*.

По желанию участника блиц-опроса была дана возможность представить также и *библиографию работ по лингвистике дискурса описываемого дискурс-сообщества*. Добавим здесь, что сбором библиографии мы начали заниматься уже в первом выпуске нашего сборника «La Table Ronde».

Нам показалось, что включение материалов блиц-опроса в Выпуск 2 действительно важно и играет роль предслова к более содержательной дискуссии.

Все говорит о том, что лингвистика *языка,* выйдя на уровень лингвистики *речи*, очень быстро переключилась на лингвистику *дискурса.* Любопытно, что лингвистика речи, оказавшись, таким образом, в окружении двух других, получила своего рода толчок к развитию, ибо теперь более четко очерчивается ее место в как бы резко повзрослевшей лингвистической науке. В контексте уже трех лингвистик тенденция самоопределения каждой, безусловно, значима. Самоопределению лингвистики дискурса (а мы говорим именно о **само**определении, ибо пригласили для дискуссии тех лингвистов, которые так или иначе работают в данном исследовательском пространстве) и посвящен наш выпуск.

Ирина Ухванова-Шмыгова,
Алла Кожинова, Елена Савич

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА *ДЕ-ФАКТО* И *ДЕ-ЮРЕ:* РЕЗУЛЬТАТЫ БЛИЦ-ОПРОСА

Станислав Гайда (Польша, Ополе)

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА КАК СЛОЖНАЯ (КОМПЛЕКСНАЯ) СИСТЕМА

Функционализм представляет собой сегодня конгломерат направлений исследований, реализующих девиз *открытой* лингвистики, которая не может быть изолирована от других наук о человеке. Однако между этими направлениями чаще всего отсутствует *трансграничный* диалог. Толерантность к иной точке зрения перерождается в изоляционизм и равнодушие, *полифонию*. А в это же самое время сложность языка требует комплексного рассмотрения. *Лингвист должен быть дискурсологом, генологом, теоретиком коммуникации, дискурс-лингвистом,* для того, чтобы исследовать и понять языковую действительность как она есть.

Уровни трансграничного диалога могут быть различными. *Базовый* уровень – это *интердисциплинарность,* то есть взаимодействие двух дисциплин (направлений), например, социолингвистики и социологии языка. *Более высоким* уровнем интеграции является мультидисциплинарность, то есть объединение исследователей в научный коллектив вокруг определенной проблемы, разрабатывающих различные дисциплины. А *наивысший* уровень – это трансдисциплинарность, то есть объединение различных дисциплин в единую науку, что представляет собой идеал, видимо, недостижимый. Поскольку в околонаучной интеллектуальной аудитории наблюдается возврат от узкой специализации, аналитизма и редукционализма к интеграции и холизму, настало время и для лингвистической интеграции.

Стилистика благодаря своей традиции, но главное – своему потенциалу категории стиля, может быть и является сегодня в ряде стран славянского мира этим интер-/мульти/трансдисциплинарным полем, на котором встречаются различные исследовательские ориентации, – более традиционные сегодня и ранее доминировавшие направления, выделяющие, в том числе, деятельностно-процессуальный характер языковой реализации и ее макроконтекстуальные связи. В центре такой стилистической интеграции, наряду с понятиями *системы, текста, дискурса,* находится понятие стиля. Инспирацию интегрирующих действий обеспечивает *большая наука (теория языка)*, развивающая учение о комплексности (ср. теория систем, теория хаоса, теория сети). *Сложные системы* воспринимаются, в том числе, как *иерархические структуры*, в которых 1) более высокие уровни не могут быть редуцированы до низших и их составляющих; 2) более высокие уровни обладают неизвестными свойствами, создающими *эмергентные целостности*. Эти системы отличаются высокой пластичностью, то есть способностью *приспосабливаться* к окружающей среде (вписывать ее так или иначе в свое пространство).

Павел Зернецкий (Украина, Киев)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА В НАЦИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ «КИЕВО-МОГИЛЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ»

Воссозданная в 1992 г. как классический университет Киево-Могилянская академия активно развивает передовые направления в соответствующих областях науки. Дискурсивно-ориентированные исследования в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» (НаУКМА) представлены работами украинских ученых в области социологии, философии, паблик рилейшнз, истории, психологии, социальной работы. Однако хотелось бы сосредоточить внимание на филологических направлениях исследования дискурса, оставивших заметный след в украинском *литературоведении, журналистике* и *лингвистике*.

Литературоведческая школа НаУКМА занимает ведущее положение в современном литературоведении в Украине. Не случайно гендерно-ориентированные дискурсивные исследования С. Павлычко и В. Агеевой стали революционными в данной области науки и четко очертили новое направление в украинском литературоведении – **каузально-гендерное** [1–4; 48–49]. Активно развивается также **межкультурный подход** в литературоведческих исследованиях, в частности, в работах Д.М. Мазина [45–47]. Изучаются художественные коммуникативные стратегии взаимодействия с читателем, что позволяет воссоздать сложную систему координат постколониального, мультикультурного и постмодернистского дискурсов. Соответственно рассматриваются различные уровни поэтики авторов, включая стилистические особенности текстов, их пространственно-временную композицию, нарративные стратегии их построения.

Герменевтический подход к исследованию дискурсов медийных коммуникаций активно развивается в Школе журналистики НаУКМА ее создателем и руководителем С. Квитом [34, 35, 37, 55]. Школа является не только ведущим центром подготовки современных специалистов в сфере медиа, но и твердо заявила о себе как научная школа медиа-исследований, известная не только в Украине, но и за ее пределами [54]. И хотя специализация данного научного направления определяется как «социальные коммуникации», неоспорим вклад дискурсивных исследований Школы журналистики НаУКМА в филологию, прежде всего в плане развития дискурсивных методик описания функционирования медиа [36; 38–41].

Дискурсивно-ориентированными стали и первые исследования, совместно выполненные и защищенные в Докторской школе НаУКМА и Автономном Университете Барселоны [52, 53].

Междисциплинарный подход характерен для большинства лингвистических исследований дискурса в НаУКМА. Преимущественно его лингвистической методической основой стало **интегративное направление**, восходящее к ранним работам П.В. Зернецкого [18–21] и его монографии «Речевое общение на английском языке (Коммуникативно-функциональный анализ дискурса)», предлагающей многоаспектное рассмотрение четырехмерного пространства речевой деятельности – семантики, сигматики, синтактики и прагматики в их взаимодействии [22]. Работы О.О. Кучеровой были посвящены дискурсивному

описанию газетных текстов [45], А. Рябоконь – британскому политическому дискурсу в интернете [50], П.В. Зернецкого – методологии исследования политического и христианского дискурсов [23–29, 31, 32].

В начале XXI века наибольшее количество ссылок в украинской версии интернета наблюдается на труды в сфере политического дискурса, написанные П.В. Зернецким в соавторстве с известным исследователем новейших медиа и политологом-глобалистом О.В. Зернецкой [12–17], которая оказывала консультативную помощь соискателям кафедры английского языка НаУКМА [5–11].

Новым подходом в лингвистических дискурсивных исследованиях стал **контрастивно-типологический**. При этом в исследованиях С.И. Курановой, П.В. Зернецкого, Н.В. Бражник сопоставляются соответствующие особенности сходных по жанру дискурсов на различных языках, в частности, украинском и английском [30, 42].

---

1. *Агеєва В.П*. Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації. Київ: Либідь, 1999.
2. *Агеєва В.П.* Гендер і культура: збірник статей /упоряд. В. Агеєва, С. Оксамитна. Київ: Факт, 2001.
3. *Агеєва В.П.* Жіночий простір: Феміністичний дискурс українського модернізму. Київ: Факт, 2003.
4. *Агеєва В.П.* Гендерна перспектива / упоряд. та передмова В. Агеєвої. Київ: Факт, 2004.
5. *Зернецька О.В*. Нові засоби масової комунікації. Соціокультурний аспект. Київ: Наукова думка, 1993.
6. *Зернецкая О.В*. Современные информационные технологии и политический дискурс // Методология исследований политического дискурса / под. общ. ред. И.Ф. Ухвановой–Шмыговой. Минск: БГУ, 1998.
7. *Зернецька О.В*. Глобальний розвиток систем масової комунікації і міжнародні відносини. Київ: Освіта, 1999.
8. *Зернецька О.В*. Трансформація типів новинних передач в політичній комунікації // Нова політика. 2000. № 1.
9. *Зернецкая О.В.* Новостийные медиа в политическом дискурсе// Методология исследований политического дискурса / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой–Шмыговой. Минск: БГУ, 2000. С. 137–145.
10. *Зернецька О.В.* Роль поставлених подій в політичній комунікації // Людина і політика. 2001. № 1.
11. *Зернецька О.В.* У дзеркалі комунікативних процесів // Політика і час. 2004. № 12.
12. *Зернецька О.В*. Політична комунікація та політичні аспекти новин: медіатизація новин або новинний дискурс/ новини VS новини. Виборна компанія в новинних програмах / за ред. Н. Костенко, В. Іванова. Київ: ЦВП, 2005.
13. *Зернецька О.В., Зернецький П.В.* PR–маніпуляційний вплив: комунікативна теорія і практика // Політичний менеджмент. 2003. № 3.
14. *Зернецька О.В., Зернецький П.В*. «Чи прийме Палата нашу подяку?» Дещо про мовний вишкіл британських парламентарів // Віче. 2004. № 9.
15. *Зернецька О.В., Зернецький П.В*. Політичний дискурс: комунікативні стратегії інформаційної доби// Вісник Львівського ун-ту. 2004. Серія Журналістика. Вип. 25. Львів: Львів. нац. ун-т імені Івана Франка.
16. *Зернецька О.В., Зернецкий П.В.* Трансформації віртуального простору та парадигми впливу мас–медійних дискурсів // Політичний менеджмент. 2005. № 3.

17. *Зернецька О.В., Зернецький П.В.* Сквозные смыслы глобального пандискурса Интернета начала XXI века // Respectus Philologicus. Вильнюс: Вильнюс. ун-т, 2013.
18. *Зернецкий П.В.* Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: единицы и регулятивы: межвуз. сб. науч. трудов. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1987.
19. *Зернецкий П.В*. Лингвистические аспекты речевой деятельности // Языковое общение: процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1988.
20. *Зернецкий П.В* Денамические аспекты семантики и прагматики дискурса // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1989.
21. *Зернецкий П.В*. Дискурс христианской проповеди: личностно-деятельностное измерение // Прагматика этноспецифического дискурса: материалы симпозиума (17–19 сентября, 1990 г.). Бэлць: БГПИ, 1990.
22. *Зернецкий П.В*. Речевое общение на английском языке (Коммуникативно-функциональный анализ дискурса) Київ: Лыбидь, 1992.
23. *Зернецкий П.В.* Методология коммуникативно-функционального анализа // Методология исследований политического дискурса / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой–Шмыговой. Вып. 1. Минск: БГУ, 1998.
24. *Зернецкий П.В*. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект // Методология исследований политического дискурса / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой–Шмыговой. Вып. 2. Минск: БГУ, 2000.
25. *Зернецький П.В.* Смислова модель маніпуляційного впливу в політичному дискурсі //Наукові записки. Гуманітарні науки. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2003. Т. 22. Ч. 1.
26. *Зернецький П.В*. Типологія особистості: міжкультурні, психологічні та мовленнєві аспекти //Соціальна психологія. 2004. № 3.
27. *Зернецький П.В*. Мовленнєві типи особистості та розвиток змісту в дискурсі // Наукові записки. Філологічні науки. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2004. Т. 34.
28. *Зернецький П.В.* Дискурсивні особливості англомовної християнської проповіді // Мандрівець. 2005. № 2.
29. *Зернецький П.В*. Тоталітарний та посттоталітарний дискурс// Мандрівець. 2007. № 6.
30. *Зернецький П.В., Бражник Н.В*. Конструктивний зіставний аналіз простих речень в англійських та українських інтернет-блогах // Система і структура східнослов'янських мов: сб. наук. праць. Вип. № 6. Київ: Видавництво НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2012.
31. *Зернецький П.В., Рябоконь Г.Л.* Досвід класифікації мовленнєвих актів у британському парламентському дискурсі: топікальні та оформлюючі мовленнєві акти як складові діалогічного дискурсу //Філологічні науки. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2004. Т. 34.
32. *Зернецький П.В., Рябоконь Г.Л.* Стратегії мовленнєвої діяльності та співвідносні з ними семантичні міжпропозиційні відношення (на матеріалі дискурсу британських парламентських дебатів) // Магістеріум. мовознавчі студії. Вип. № 43. Київ: НаУКМА, 2011.
33. *Зернецький П. В., Рябоконь Г.Л.* Аргументаційна структура британського політичного мовлення: аксіологічний аспект // Наукові записки НаУКМА. Філологічні науки. 2012. Т. 137.
34. *Квіт С.М.* Основи герменевтики. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2003.

35. *Квіт С.М.* Герменевтика. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2005.
36. *Квіт С.М.* Масові комунікації. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008.
37. *Квіт С.М.* Герменевтика стилю. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2011.
38. *Куранова С.І*. Дискурсивні особливості відтворення комунікативної ситуації в текстах українських газетних заміток // Мандрівець. 2004. № 5.
39. *Куранова С.І.* Загальнодискурсивні особливості газетної статті // Укр. мова й літ. в сер. шк., в гімназіях, ліцеях та колегіумах. 2004. № 3.
40. *Куранова С.І.* Реалізація постулатів та максим комунікації в українському газетному дискурсі // Мандрівець. 2006. № 5.
41. *Куранова С.І.* Образ ідеального читача та категорії аналізу змісту тексту (на матеріалі сучасних українських ЗМК) //Магістеріум. Мовознавчі студії. Вип. № 43. Київ: НаУКМА, 2011.
42. *Куранова С.І.* Зіставний аспект міжпропозитивних відношень в американському та українському публічних дискурсах // Наукові записки НаУКМА. Філологічні науки. 2012. Т. 137.
43. Куранова С.І. Особливості міжпропозиційної семантики текстів інтерв'ю в англійській та українській мовах // Система і структура східнослов'янських мов: сб. наук. праць. Вип. № 6. Київ: Видавництво НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2012.
44. *Кучерова О.О*. Плани змісту та повідомлення британського газетного новинного дискурсу (початок XXI століття): автореф. дис. … канд. філол. наук. Львів, 2005.
45. *Мазін Д.М*. Особистісний час у культурному вимірі в романі Салмана Рушді «Останній подвиг Мавра» [Текст] // Наукові записки національного університету «Києво-Могилянська академія»: спец. випуск. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2001. Т. 19. Ч. 1.
46. *Мазін Д.М.* Взаємодія культур як об'єкт художнього зображення в романах Салмана Рушді [Текст] // Мовні концептуальні картини світу: сб. наук. праць. Київ: Видавничо-поліграф. центр «Київський університет», 2003.
47. *Мазін Д.М.* Синкретичний наратив романів Салмана Рушді (функції Я-оповіді) [Текст] // Мандрівець. 2011. № 4.
48. *Павличко С.Д.* Дискурс модернізму в українській літературі. Київ: Либідь, 1997.
49. *Павличко С.Д*. Фемінізм / передм. В. Агеєвої. Київ: Основи, 2002.
50. *Рябоконь Г.Л.* Дискурсивні особливості Інтернет-публікацій дебатів британського парламенту: автореф. дис. … канд. філол. наук. Львів, 2005.
51. *Zernetska O.V*. Political communication and political aspects of News: Mediatization of the Events or News discourse // News VS. News The Election campaign in the TV News Programmes / ed. by N. Kostenko, V. Ivanov. Київ: ЦВП, 2005.
52. *Taradai D.* Media Domestication of the International Conflicts in Ukrainian TV coverage: Overlapping between Political and Media Discourses. Dis. PhD NaUKMA; Universitat Autonoma de Barcelona, 2012.
53. *Grynko A.* Media Transparency Through Journalists` Interpretations: Research in Ukraine. Dis. PhD NaUKMA; Universitat Autonoma de Barcelona, 2012.
54. Public Service Broadcasting: A German-Ukrainian Exchange of Opinions / O. Khabyuk, M. Kops (eds.) // Working Papers of the Institute for Broadcasting Economics at the University of Cologne. № 277. Cologne, 2010.
55. *Kvit S.* The Hermeneutics of Style // Kyiv-Mohyla Journal. Philosophy. 2011. V. 2.

Вячеслав Кашкин (Россия, Воронеж)

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Исследования дискурса в России – относительно новое, но уже достаточно широкое и популярное направление языковедческих (и не только) изысканий. Популярность зачастую принимает гипертрофированные формы, когда термин *дискурс* используется не к месту даже лингвистами, не говоря уже о журналистах, которые восприняли этот термин как новую «изюминку». Не зря, видимо, В. Пелевин в одном из своих романов написал: «Мама. Когда я слышу слово *дискурс*, я хватаюсь за свой симулякр». Проблема определения границ как самого явления, так и дисциплины, изучающей дискурс, связана с междисциплинарным и межпарадигматическим происхождением самого интереса к дискурсивной деятельности. Широко цитируются восемь определений дискурса, данных Патриком Серио; применимы они и к российской палитре исследований дискурса. В то же время сам Серио указывает на существенную разницу между западным (французским, в первую очередь) дискурс-анализом и российским исследованием дискурса, текста, жанров и т. п., опирающимся во многом на бахтинские традиции. Разница, по его мнению, состоит в *трактовке роли субъекта как активного творца дискурса* (для Бахтина и его последователей) и *субъекта, находящегося под давлением дискурса общественного и дискурса власти* (для французской и западной школ анализа дискурса).

Вместе с тем во всех определениях дискурса можно найти определенные точки соприкосновения, вытекающие из самой сущности изучаемого явления. *С одной стороны*, дискурс – это *воплощение языка в речи*, которым могла бы заниматься так и не написанная Соссюром лингвистика речи, то есть это соединение слов в высказывания, а высказываний – в цепочки, единства, фрагменты, тексты и т. д., самим своим фактом соединения приводящее к появлению новых смыслов, к возникновению дискурсивного эффекта (можно напомнить известный пример Ч. Филлмора с бассейном). *С другой стороны*, этот *дискурсивный эффект* используется для чего-то, в каком-то времени и в каком-то месте, для достижения каких-то целей и т. п., таким образом выводя на проблематику дискурса в *различных сферах коммуникации* (бытовой, политической, производственной, религиозной, академической и др.). Возможно, в этой двуликости дискурса как явления содержится своего рода «***примирительный» потенциал теории дискурса***, способной соединить (как это соединяется и в реальной жизни) структуру и смысл, системоцентризм с антропоцентризмом и даже гуманитарное знание с негуманитарным (хотя последнее, в принципе, не может существовать, поскольку все знание принадлежит человеку, создается им и используется в его целях).

Российские публикации по теории дискурса и отраслевым дискурсам часто выявляют *исходное научное «происхождение» автора*, «переквалифицировавшегося» в дискурсоведа: отталкивается ли он от давно существовавшей лингвистики текста, либо от психолингвистики и теории речевой деятельности, либо от стилистики или лексикологии и т. д. Есть уже достаточное количество обобщающих работ как по дискурсу в целом, так и по отдельным крупным отраслям теории дискурса: А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» (1993), коллективный труд «Дискурсивные слова русского языка» (1998), М.Л. Макаров «Основы тео-

рии дискурса» (2003), Е. Шейгал «Семиотика политического дискурса» (2004), В.И. Карасик «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» (2004), К.Ф. Седов «Дискурс и личность» (2004), В.Г. Борботько «Принципы формирования дискурса» (2007), Е.В. Сидоров «Онтология дискурса» (2008), «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса» под ред. А.А. Кибрик и В.И. Подлесской (2009), В.Б. Кашкин «Введение в теорию дискурса» (2010).

Основное *терминологическое противопоставление связано с дифференциацией двух пар понятий*: ***дискурс/речь и дискурс/текст***. Дискурс не то же самое, что и речь (хотя французское происхождение этого слова дает возможность такого понимания), также дискурс не равен устной речи или диалогу (хотя достаточно долго термин употреблялся именно в этом смысле). Достаточно последовательно и логично выделены две ипостаси дискурса, два модуса: *устный и письменный* в концепции А.А. Кибрика, что позволяет объединить в рамках одной модели устный дискурс и письменный дискурс, текст (впрочем, также не просто текст, а «текст, погруженный в жизнь», как сказано в «лирической» части определения дискурса, данного Н.Д. Арутюновой).

В университетских учебных планах дискурс представлен в различной степени. Для направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» это одна из обязательных теоретических дисциплин (лекции плюс семинары), для прикладных филологов это также одна из дисциплин («Основы теории текста и дискурса»), возможность включения теории дискурса (и текста, в совокупности, например, с анализом текста для перевода) существует и в учебных планах по лингвистике. В Воронежском государственном университете на факультетах романо-германской филологии и филологическом все эти возможности реализуются на протяжении уже более 10 лет. Проблематика дискурса включается в курсовые и дипломные работы, бакалаврские и магистерские диссертации, защищаются кандидатские и докторские исследования: А.А. Болдырева «Категория авторитетности в научном дискурсе» (2006), Е.В. Сарафанникова «Дискурсивные маркеры соотнесения сообщаемого с действительностью» (2006), О.В. Спиридовский «Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса» (2006), Е.Р. Савицкайте «Дискурсивные характеристики прогностических текстов» (2006), Л.А. Борисова «Композиция и языковые особенности статута как поджанра в англоязычном юридическом дискурсе» (2010), Е.Ю. Дьякова «Поликодовый текст в британском рекламном дискурсе сферы образования» (2011). С 2012 года проводится международный научно-практический семинар «Дискурс. Интерпретация. Перевод», публикуются статьи по дискурсоведческой проблематике в ежегодном научном издании «Язык, коммуникация и социальная среда / Language, Communication and Social Environment», а также монографии и коллективные монографии в серии «Аспекты языка и коммуникации».

Наталья Клушина (Россия, Москва)

ЗОНА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ СТИЛИСТИКИ И ДИСКУРСОЛОГИИ

Московская школа стилистики, сложившаяся во второй половине XX века на кафедре стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, представлена такими яркими именами, как Д.Э. Розен-

таль, В.П. Вомперский, Н.Н. Кохтев, И.В. Толстой, Г.Я. Солганик и другие. Традиционно наша школа занималась изучением функциональных разновидностей русского литературного языка (функциональных стилей). Особое внимание уделялось разработке теории публицистического стиля, которая в начале XXI века легла в основу нового научного направления, созданного нашей кафедрой, – *медиастилистики.*

Медиастилистика (как часть «большой» стилистики) в нашем понимании – наука междисциплинарная, так как продолжает отечественную традицию стилистических исследований, но в то же время включает в себя и новый, зарубежный исследовательский опыт, прежде всего дискурсологию. Непротиворечивая интеграция отечественного и зарубежного подходов позволяет лучше понять сложный феномен медиа и глубже изучить медиакоммуникацию как социально обусловленный творческий процесс.

Таким образом, славянская стилистика сегодня пересекается с западной теорией дискурса, и важной задачей представляется не перекраивание модной сегодня в России дискурсологии на русский лад и не слепое подражание западным концепциям (которых достаточно много, чтобы запутаться), а *творческое развитие стилистики в новых условиях*, обогащение ее мировым научным опытом при сохранении базовых стилистических принципов. Другими словами, стилистика – не антиквариат и даже не винтаж, а оригинальная наука, добившаяся неоспоримых результатов и не утратившая своей актуальности.

Зоной пересечения стилистики и дискурсологии становится понимание *экстралингвистического* как основы не только стиля, но и дискурса.

Одним из оснований общепризнанной типологии стилей наравне с функцией языка, реализуемой в конкретном стиле, является соотнесение конкретной реализации стиля в соответствии с областью человеческой деятельности – научной, официально-деловой, бытовой, публицистической, литературно-художественной. Таким образом, учет *экстралингвистики* в стилистических исследованиях коррелирует с *конситуацией* дискурсологических практик.

Помимо *контекста*, общим в этих двух научных подходах (стилистическом и дискурсологическом) является и трактовка *текста* как продукта речевой деятельности. Важнейшим совпадением в данных областях является и понимание (вслед за М. Бахтиным) *жанра* как конституирующего элемента стиля или дискурса, то есть основной формы упаковки коммуникации.

Как видим, в стилистике и дискурсологии больше общего, чем непримиримого.

Нельзя, конечно, не обратить внимания на видимую конкуренцию стилистики и дискурсологии в современной российской науке. Зачастую термин *дискурс* становится абсолютным синонимом термина *стиль.* Под влиянием хаотического, ничем не регламентируемого, а иногда и неосмысленного членения коммуникации на произвольно выделяемые (по разным основаниям) типы дискурсов была расшатана сложившаяся и устоявшаяся таксономия стилей. Мода на дискурсивные исследования привела к терминологической и методологической эклектике в стилистике и ничего оригинального не добавила в зарубежные концепции.

Но несмотря на названные негативные последствия «вторжения» дискурсологии в отечественное поле стилистики, дискурсивные исследования дали мощные импульсы к развитию отечественной стилистики в коммуникатив-

ном, психологическом и философском направлениях. Так, на нашей кафедре сегодня разрабатываются новые стилистические методы исследований (например, интенциональный метод), позволяющие *интегрировать междисциплинарные подходы* в традиционную отечественную науку.

Алла Кожинова (Беларусь, Минск)

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА НУЖДАЕТСЯ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СВОИХ ГРАНИЦ

Мой ответ, я думаю, применим не только к состоянию лингвистики дискурса в Беларуси, но и вообще к состоянию этой научной дисциплины.

Как мне кажется, лингвистика дискурса переживает второе рождение. После мозгового штурма единицы высшего уровня языковой системы, который пришелся на вторую половину 70-х – начало и середину 80-х, подобные исследования несколько ушли в тень, чтобы предпринять попытку возрождения в наше время. Однако говорить о том, что лингвистика дискурса сформировалась, преждевременно. Эта дисциплина, по моему мнению, находится на распутье. Многие исследования, прокламирующие дискурс в качестве основного объекта своего изучения, можно отнести, в лучшем случае, к лексикологическим. В то же время вполне дискурсивными можно признать работы, не использующие даже термина *дискурс*.

Думаю, что лингвистика дискурса нуждается в строгом определении своих границ и правил, а также выработке своего собственного методологического аппарата. И, безусловно, в пристальном внимании нуждаются объекты, обычно находящиеся вне границ внимания этой науки – древние дискурсы, а также многослойные дискурсы культуры.

Татьяна Краснова (Россия, Санкт-Петербург)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Очевидно, что в мире дискурса (социальном, виртуальном, мифологическом) идет столь значительное обращение и превращение смыслов языковых сущностей, что можно было бы говорить о новой реальности человеческого сознания в языке. В частности, идеологическая модализация способствует процессу неоднократного переосмысления слова в дискурсе, она связана с ценностными источниками смысла и может меняться под диктатом предшествующей высказыванию идеологии (преконструкта). Исследования политического дискурса в разных научных школах в Западной Европе (британской, французской), в Беларуси, в России дают основания констатировать тот факт, что наряду с лингвистикой языка и речи получила свое право на существование и лингвистика дискурса [1, с. 7–13; 13, с. 66–96].

---

1. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / под общ. ред. проф. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.

Элеонора Лассан (Литва, Вильнюс)

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД: ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОАНАЛИЗ

Лингвистика дискурса практически вытеснила лингвистику текста на уровне научных исследований. Текст рассматривается как реализация определенной дискурсивной практики. В университетских курсах такой дисциплины нет, однако исследование дискурса проводится весьма широко. Соответственно и в университетских курсах объясняются различия между понятиями *дискурс* и *текст*.

В Литве широко распространены сопоставительные исследования политического дискурса (литовского и английского, литовского и русского). Так, анализируются концептуальные метафоры предвыборных кампаний в разных странах, манипулятивные техники, наряду с политическим дискурсом исследуется критический дискурс (научные и театральные рецензии в диахронии), интернет-дискурс (напр., А. Беловодская. *Сетевая пародия как лингвокогнитивный феномен*).

В Литве распространен когнитивный подход к исследованию дискурса – исследования проводятся в русле объяснения того, как и почему генерируются те или иные текстовые структуры – анализируются когнитивные структуры отправителя и получателя текста.

Тем не менее говорить об устоявшемся определении дискурса и подходах к его исследованию все-таки не приходится. Единственное, на чем сходятся наши исследователи, это на том, что дискурс есть совокупность текстов. В той научной школе, представителем которой я являюсь, доминирует *интегративный подход к исследованию дискурса*, совмещающий философию познания, данные социальной психологии, психоанализа. В конечном счете, мы всегда отвечаем на поставленные Филлмором вопросы: «Почему он это сказал? Почему он сказал это именно таким образом?».

Олег Лещак (Польша, Кельце)

ДИСКУРС КАК ПРАГМАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ ИНФОРМАЦИОННО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Функционально-прагматическое понимание дискурса как формы языковой деятельности стало методологическим основанием сотрудничества группы украинских, польских и российских ученых, которые с середины 90-х годов прошлого века начали вести целенаправленные исследования *лингвосемиотического опыта человека*: сначала как коммуникативной и психосоциальной деятельности, а затем как целостной формы семиотической активности. Группу сложно назвать школой (хотя в ней уже наметилась тенденция к формированию третьего поколения), поскольку ученые, ее составляющие, рассеяны по многим городам трех стран (Кельце, Бельско-Бяла, Люблин, Великий Новгород, Москва, Тернополь, Киев, Харьков, Севастополь, Каменец-Подольский) и являются представителями различных научных дисциплин (языкознания, литературоведения, психологии и политологии). Скорее, это определенное методологическое направление, которое можно назвать *деятельностным* и *антро-*

поцентрическим, организованное вокруг нескольких периодических изданий: *Studia Methodologica* (Тернополь, Украина) и *The Peculiarity of Man* (Кельце-Торунь, Польша) и нескольких циклических конференций: украинского симпозиума *Субъект и объект гуманитарного исследования* (состоялось 13 конференций), польских конференциальных циклов *Colloquium Świętokrzyskie* (5 конференций), *Vertiniana* (17 конференций, из которых 7 уже в рамках деятельности группы) и российского цикла *Not Only* (2 конференции), а также международного научно-интеграционного проекта для студентов и докторантов *Школа открытого разума* (состоялось 9 семинаров в Польше и в Украине).

Учеными, входящими в состав нашей группы, *дискурс как деятельность* изучается достаточно разносторонне. Некоторые исследования посвящены *текстуально-прагматическим проблемам* дискурсной деятельности (В. Заика, А. Глазков, А. Волковинский, Г. Гиржева, О. Просяник, Е. Виснап, А. Кузнецова), часть – моделированию *дискурсного поведения*, его *психолингвистическим* основаниям и *нарративным* аспектам (О. Лещак. М. Лабащук, Д. Барашева И. Папуша, О. Лабащук). Ряд исследователей занимается соотношением дискурсной деятельности с когнитивными процедурами и картиной мира (О. Лещак, Ю. Ситько, М. Круль, К. Нобис-Влязло, М. Ковальский, А. Боровец), а некоторые – *функциональной прагматикой и аксиологией дискурсного поведения* человека (Р. Стефанский, С. Лещак, Е. Зубков, А. Цендровска, Р. Бжоза, Р. Харабин, З. Кмець, Н. Савина).

Объединяет это разнообразие изучения дискурса как деятельности одно – понимание дискурса как прагматически ориентированной информационно-семиотической деятельности человека.

Анна Маркович (Беларусь, Минск)

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ РАБОТЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ГРУПП БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лингвистика дискурса, определенно, есть. Это – *научное направление, которое занимается анализом текста в социальном контексте его продуцирования и восприятия, реконструируя в том числе и не сказанное, но определяющее способ говорения и восприятия создаваемого коммуникативного продукта.* Лингвистика дискурса, *с одной стороны*, подчеркивает свой антропоцентризм и интегративность, а реализацию этих черт можно проследить и в когнитивно-дискурсивном, и в каузально-генетическом, и в коммуникативном (лингвопрагматическом, этнолингвистическом), и других подходах к анализу дискурса. *С другой стороны*, дискурс-анализ развивается в рамках частных подходов, как например, анализ семиотики дискурса, дискурсивно-диалогический подход и другие. Можно наблюдать тесную связь развития лингвистики дискурса во всех восточнославянских странах – России, Украине, Беларуси.

В **Белорусском государственном университете** это направление активно развивается и представлено в контексте теории языка, журналистики, прикладной лингвистики (теории и практики преподавания иностраных языков). Так, весьма ярко представлена своими публикациями за последние 15 лет научно-исследовательская ***школа каузально-генетического анализа дискурса*** под руководством И.Ф. Ухвановой (см. работы последователей этой школы, уже опубликовавших свои монографические исследования – А.В. Поповой, Е.В. Савич, А.А. Маркович, Л.В. Курчак, а также принявших участие в коллективных мо-

нографиях, инициированных коллективом школы – Я.В. Зинченко, Е.И. Ядченко, О.В. Туркиной, И.Н. Путикова, Т.И. Свищук). В рамках каузально-генетического подхода широко обсуждаются методолого-теоретические основания изучения дискурса и исследуются разнообразные дискурсные практики и типы, в том числе общественно-политический тип дискурса – серия выпусков «Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов». Третий и шестой выпуски стали лауреатами открытого конкурса на лучшую книгу по коммуникативным наукам и образованию, проводимого Российской коммуникативной ассоциацией (http://www.russcomm.ru). В контексте общественно-политического дискурса внимание уделяется дискурсу лоббирования, интеграции, мигрантов, а также дискурсу элитарных и массовых средств информации (печатных и аудиовизуальных). Интерес исследователей этого направления привлекли также дискурс сказочного нарратива (в том числе в политическом дискурсе), дискурс национальной идентичности, дискурс деловых переговоров, гендерный дискурс, дискурс жизненного успеха, академический дискурс. В 2010 году школа инициировала издание сборника материалов *Международного круглого стола «La Table Ronde*». Первые два выпуска посвящены обсуждению актуальных вопросов лингвистики дискурса, способствуя активному развитию данного направления, в том числе в славистическом мире.

В контексте работы школы при кафедре английского языка и речевой коммуникации БГУ открыта аспирантура. Проблематике дискурс-знания и его реализации в дискурс-практиках посвящены две последовательно реализуемые научно-исследовательские темы кафедры. Реализация первой темы представлена в коллективной монографии «Дискурс в современном гуманитарном знании». В центре внимания монографии – дискурсный подход в обучении иноязычной коммуникации. В контексте данной темы защищена диссертация и заведующей кафедрой О.В. Лущинской («Обучение будущих журналистов иноязычному письменному дискурсу»). Дискурсный подход внедрен в процесс обучения и получил отражение в учебной литературе: издано учебное пособие с *грифом Министерства образования РБ «English: Social Communication /Английский язык: социальное общение*» (в 2-х ч.) и уже сдано в печать его продолжение, закрывающее цикл «Общий английский». Матрица этого учебного пособия разработана совместно с коллегами Вильнюсского университета – специалистами в области преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие отмечено как лучшее в национальном конкурсе на лучшее полиграфическое издание в номинации «Учебник XXI века» (Минск, 2013). Дискурс-подход активно применяется членами кафедры и в преподавании других дисциплин бакалаврского и магистерского уровней на гуманитарных факультетах БГУ, как например, в курсах и спецкурсах: «Кросскультурная коммуникация», «Текст и реконструкция его содержания в профессиональной деятельности документоведа», «Коммуникативное взаимодействие: искусство убеждения и ведения переговоров», «Язык Интернета», а также в разработанном на кафедре совместно со специалистами по коммуникации шведского университета имени К. Линняуса (г. Кальмар) дистанционном курсе «Эффективная коммуникация».

Еще одна научная школа – **Лингвостилистика и дискурсный анализ СМИ**, весьма активно занимающаяся сегодня дискурс-исследованиями и при-

менением дискурс-подхода в педагогическом процессе, *родилась в контексте функционально-стилистического подхода* (основатель школы функциональной стилистики профессор М.Е. Тикоцкий). Сегодня этой научной школой руководит доктор филологических наук, профессор В.И. Ивченков. Ее активные участники – ученые Института журналистики Белорусского государственного университета кандидаты филологических наук, доценты О.А. Горбач, О.И. Десюкевич, П.П. Жолнерович, М.П. Карпович, О.М. Самусевич. Школа активно затребована в контексте программ подготовки и повышения квалификации журналистов восточно-европейского региона, но также активно взаимодействует в разнообразных дидактических проектах с профессорско-преподавательским составом ряда стран Западной Европы. В настоящее время школа работает над такой темой НИР, как «Журналистский текст в лингвистической парадигме», изучая способы и приемы интра- и экстралингвистической организации журналистского текста и проводя конструирование экстралингвистических моделей дискурса с учетом усвоения социального багажа участников речевого акта (актуализированых дискурсных групп).

Нельзя не отметить также и школу, которая еще на пороге начинания, но уже четко обрела свою нишу и представлена в славистическом мире дискурс-лингвистики (в том числе в контексте данного выпуска La Table Ronde). Это научно-исследовательская группа, которая активно занимается и пропагандирует ***изучение древних дискурсов***. Руководит группой доктор филологических наук, профессор кафедры славянского языкознания филологического факультета БГУ А.А. Кожинова. Руководитель группы пришла в лингвистику дискурса из *функциональной семантики* (док. диссертация защищена по текстам Кирилла Туровского в контексте реконструкции семантико-структурной специфики репрезентации смыслов автора). В группе работают также такие иследователи, относительно недавно защитившие свои диссертационные проекты, как Е.А. Казанцева (канд. диссертация «Денотативная структура текста народной загадки (на материале белорусских, русских и польских загадок»), О.В. Потапова (канд. диссертация «Этнические стереотипы в системе языка и их отражение в лексикографической практике XIX века»).

Можно добавить также (и это весьма отрадно), что сегодня студенты БГУ проявлят особый интерес к проблематике дискурс-исследований в проекции на решение своих профессионально-актуальных задач. Это говорит о расширении прикладного значения лингвистики дискурса. Так, с помощью дискурс-методик в своих дипломных и магистерских работах они исследуют вопросы дискурс-экспертизы разных типов дискурса (как например, дискурса СМИ, PR или дискурса документов на предмет установления их подлинности и др.). Это и понятно: неравнодушие преподавателей к своему исследовательскому объекту внимания – лучшая пропаганда научной деятельности молодых ученых.

Татьяна Островская (Россия, Майкоп)

В РАМКАХ ПАРАДИГМЫ «ЯЗЫК-РЕЧЬ-ТЕКСТ» СТАЛО ТЕСНО

Любая новая отрасль науки, которая «отпочковывается» от базисной, имеет право на независимое существование при условии, что ее *предметная база* четко формулируется и идентифицируется. Неудивительно, что вокруг

лингвистики дискурса столько споров и дискуссий. Все усугубляется еще и тем, что в «традиционных» исследованиях дискурса до сих пор остаются нерешенными такие важные проблемы, как определение границ дискурса, классификация типов дискурса, определение взаимоотношений дискурса, не говоря уже об исследовании самого концепта *дискурс*.

В моем представлении дискурс семиотичен, когда его рассматривают как знаковую систему, лингвистичен, поскольку имеет правила и структуру организации, психичен, поскольку затрагивает когнитивные процессы, социален и т.д. Все зависит от угла обзора. Полагаю, что под лингвистикой дискурса понимают анализ его структуры и законов организации. Однако, как мне кажется, термин «дискурс» потому и придумали, что стало тесно в рамках парадигмы «язык-речь-текст», и сводить все к анализу структуры не вполне оправдано. Дискурс нужно рассматривать как совокупность факторов, будь то знаковая сторона, структурная, когнитивная или социальная.

По моему мнению, споры относительно лингвистики дискурса поутихнут, когда будет четко сформулировано содержание дисциплины, чему, безусловно, в большой мере способствуют различные (как очные, так и заочные) встречи заинтересованных исследователей.

Алена Попова (Беларусь, Минск)

ВЗГЛЯД НА ДИСКУРС-ЛИНГВИСТИКУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДИСКУРС-КОМПЕТЕНЦИЙ

Лингвистика дискурса, в некотором смысле, оформляется в результате ревизии уже существующей фактологической базы лингвистической науки. Лингвисты разных специализаций постоянно переисследуют и переосмысливают, что же мы на самом деле знаем, меняются объекты и предметы исследований, исследователям становится менее интересен *текст как таковой* (о нем все, вероятно, сказано), и нужен выход на *макротекст*, в открытое коммуникативное пространство. Многие методы исследований и аналитические практики преобразуются в *более* современные. Соответственно меняется терминологическая база. *Среди новых понятий – термин «дискурс-компетенции», сквозь призму которого можно также взглянуть на лингвистику дискурса как на комплексный феномен*. Обычно в своих публикациях, текстах докладов *дискурсисты* используют данный термин в единственном числе, что объяснимо и осознаваемо. Мы же употребляем его во множественном числе. Причина? Дискурсная компетенция (как, собственно, и дискурс), будучи многомерным феноменом, включает в себя языковую, речевую, социокультурную, дискурсивную, стратегическую, профессиональную и учебно-познавательную компетенции. И каждая из перечисленных в любом случае проявляется через «фильтр» дискурса, то есть на выходе (будучи описанной, руконструированной или смоделированной) обретет те или иные дискурсные признаки. Иначе говоря, мы будет иметь в результате дискурс-языковую компетенцию, дискурс-социокультурную компетенцию и т.д. Безусловно, подобная детализация относится к разряду чистых абстракций, и, употребляя термин *дискурс-компетенция* в наиболее широком, емком макрозначении, есть смысл оставлять его в единственном числе. Уходя же в исследовательскую рутину, спецификацию дискурса, микроуровень аналитических практик, мы будем формулировать и формировать *дискурс-компетенции*.

Неплохой иллюстрацией (а, возможно, и метафорой вышесказанному) может стать, к примеру, понятие *красного цвета* в науке цветоведения. Абстрактно, вообще, очень широко мы говорим «красный». Но *видим* «красный алый», «красный ализариновый», «красный Valentino» и так далее – более двух тысяч красных. Иначе говоря, в спектре есть «красный» – вообще, в целом. А в жизни есть «красный» – в конкретной реальности, для конкретного человека, идентифицированный благодаря (или вопреки) степени чувствительности зрения конкретного наблюдателя.

Татьяна Скребцова (Россия, Санкт-Петербург)

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ НОВОГО ПОЛЯ СМЫСЛОВ И ОБОСНОВАНИЯ

Выражение *лингвистика дискурса* российскими языковедами пока еще употребляется достаточно редко, хотя выход в свет учебного пособия В.Е. Чернявской «Лингвистика текста. Лингвистика дискурса» (2012), возможно, изменит ситуацию. Я еще не читала этой книги и излагаю здесь исключительно свои соображения, которые могут оказаться близки или, напротив, несозвучны взглядам вышеупомянутого автора.

Действительно, вплоть до самого недавнего времени, такого словосочетания мне слышать не доводилось. Попробуем построить другие словосочетания: *лингвистика лексики, лингвистика синтаксиса*... Но ведь мы так не говорим! А почему? А потому, что фонология, морфология, лексика и синтаксис – это так называемые уровни языка и как таковые они, безусловно, относятся к ведению языкознания. А вот с *лингвистикой текста* дело обстоит иначе: это словосочетание вошло в лингвистический узус в 1960–1970-е гг., и на настоящий момент прочно закрепилось. Кроме того, существуют выражения *психология текста, социология текста, философия текста*. Так происходит потому, что текст уже не есть *уровень* языка, это *объект*, который может изучаться в разных аспектах с точки зрения разных дисциплин.

Итак, существует выражение *лингвистика текста*. Что нового нам дает *лингвистика дискурса*? Оставляя в стороне многочисленные тонкости в вопросе о соотношении понятий текста и дискурса, возьмем за основу довольно стандартную трактовку: «дискурс = текст + ситуация». Значит, «лингвистика дискурса» = «лингвистика текста» + «лингвистика ситуации». Мы представляем себе, что такое лингвистика текста. Осталось обсудить именно тот «остаток», который и способен создать ***новое поле смыслов*** и дать обоснование обсуждаемому выражению.

Каковы же эти, лингвистически релевантные аспекты внешней ситуации? По-видимому, это то самое разнородное множество феноменов, которые на сегодняшний день входят в компетенцию лингвистической прагматики. Здесь и вопросы референции и дейксиса, и типы речевых актов, и фоновые знания участников коммуникации, их речевые стратегии и тактики, соотношение эксплицитной и имплицитной информации, принципы, регулирующие речевое общение, экзистенциальный и социальный контексты коммуникации и т. д.

Таким образом, в конечном итоге все сводится к вопросу об объеме прагматической информации, ее достоверности и возможности включения в лингвистический анализ. В связи с этим хочется вспомнить об оппозиции «узкой» и

«широкой семантики», обсуждаемой в учебнике «Лингвистическая семантика» И.М. Кобозевой. Думается, что эту оппозицию можно распространить на лингвистику в целом. Тогда *лингвистика текста* будет корреспондировать с узкоформальным, структуральным подходом к анализу своего предмета, в то время как *лингвистика дискурса* будет символизировать свойственное нашему времени расширение границ и курс на междисциплинарность. Упор в этой новой дисциплине будет не на структуре текста как продукта, а на когнитивных, коммуникативных, прагматических, риторических аспектах дискурса *как процесса*.

Бранко Тошович (Австрия, Грац)

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ СОВРЕМЕННЫХ РАБОТ ПО ДИСКУРС-ЛИНГВИСТИКЕ

Теория дискурса является перспективным направлением в современном языкознании, а его центральное понятие *дискурс* открывает новые перспективы для толкования коммуникативных феноменов. Вместе с тем на практике возникают и определенные отрицательные тенденции, ослабевающие этот подход. ***Первая слабость*** проявляется в том, что использование термина *дискурс* все чаще является механическим: многие формально им заменяют другие названия, в первую очередь, *коммуникацию*, *текст* и *функциональный стиль*. Употребление слова *дискурсивный* стало модным, что этому важному лингвистическому термину не идет на пользу. Существует, например, целый ряд работ, в которых можно провести замену *текст* ↔ *дискурс* и *текст* ↔ (*функциональный*) *стиль*, никаким образом не меняя общего смысла. Формальное переименование негативно отражается на восприятии теории дискурса, так как этим «расшатывается» и так достаточно широкий предмет его изучения, и ее центральный термин превращается в «стертую монету». Изучение дискурса является плодотворным и целесообразным, если оно выходит за рамки текста и стиля и поднимается на свой уровень – надтекстуальный (*нетекстуальный*) и надстилистический (*нестилистический*). ***Вторая слабость*** – в некоторых работах по дискурсу авторы не находят сугубо дискурсивные понятия и их механически берут из других лингвистических дисциплин, добавляя лишь определение *дискурсивный*, что не вносит никакой вклад в теорию дискурса, так как речь идет об обычной терминологической «транспортировке» и реноминации. ***Третья слабость*** – необъятное количество таксонов, из-за чего создается впечатление, что нет того, что нельзя назвать *дискурсом*. ***Четвертая слабость*** – вариативность толкования центрального понятия (дискурса).

Нам кажется, что четыре близкие теории: *теория коммуникации*, *теория стилей*, *теория текста* и *теория дискурса* (здесь можно добавить и пятую теорию – *теорию чтения*) могут и должны сосуществовать, а не исключать друг друга. То, что другие теории лишь механически вводят центральное понятие теории дискурса (или наоборот, используют понятия теорий коммуникации, стиля текста в теории дискура), является научно непродуктивным и методологически нецелесообразным. Термины *речевая коммуникация*, *стиль*, *текст* и *дискурс* ни в коем случае не являются синонимами.

Теперь настало время, когда крайне необходимо и актуально разобраться в отношении между четырьмя теориями, занимающимися четырьмя различными, но соотносительными и не дизъюнктивными предметами исследования

– коммуникацией, стилем, текстом и дискурсом. Наша исходная позиция такова: теория коммуникации, теория текста, теория стиля и теория дискурса являются не конкурирующими, взаимоисключающими, а взаимодействующими научными направлениями. Они могут сосуществовать, не отрицая друг друга. В этом отношении большой вред наносят те, которые, не понимая или считая неважным, не различают коммуникацию от дискурса, текст от дискурса, функциональный стиль от дискурса.

Что касается ***дискурсистов***, то они могут внести большой вклад и в свое научное направление, и методологическое разграничение между указанными четырьмя теориями, если (1) выработают такое определение дискурса, которое бы четко разграничивало дискурс от коммуникации, дискурс от текста и дискурс от (функционального) стиля; (2) создадут сугубо свой категориальный аппарат, отличающийся не формально, а существенно от категориального аппарата теории коммуникации, теории текста и теории стиля; (3) выработают свою таксономию и типологию дискурсов, чтобы их в целях междисциплинарного разграничения можно было соотносить с таксономией и типологией других указанных дисциплин.

Для ***стилистов*** очень важно обратить внимание дискурсистов на то, что понятие «функциональный стиль» является не только статическим, но также и динамическим феноменом (что, с другой стороны, очень сильно усложняет разграничение между функциональным стилем и дискурсом). Стилисты должны делать упор на то, что функциональный стиль и дискурс – это два разных понятия. В рамках стилистики непродуктивно механически заменять *стиль дискурсом* или же к *стилю* добавлять какое-либо дискурсивное определение, лишь для того, чтобы быть «в тренде». Стилистам важно указать и на то, что в рамках функциональной стилистики существует сильное стремление рассматривать функциональные стили как динамические феномены, выходящие за рамки текста и стиля как продукта. В таком подходе стилистический анализ поднимается, как и теория дискурса, на самый высокий уровень – коммуникативный, и теория стилей тяготеет к речеведению, что характерно и для теории дискурса.

Очень актуальным является и вопрос разграничения центральных понятий теории коммуникации, теории текста, теории стиля и теории дискурса на конкретном материале. Было бы, скажем, интересным провести подробное исследование лишь одного текста, чтобы получить представление о том, чем отличаются результаты анализа с точки зрения теории коммуникации, теории дискурса, теории текста, теории стиля и теории чтения.

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

ЛИНГВИСТИКИ ЯЗЫКА, РЕЧИ, ДИСКУРСА: РАЗВИТИЕ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Дискурс-анализ, дискурсология (Discourse Studies) или ***лингвистика дискурса*** – относительно новая дисциплина в академической среде, уверенно завоевывающая себе «место под солнцем». Данная дисциплина, как и многие новые дисциплины, зарождалась в контексте интердисциплинарного подхода. Интердисциплинарность здесь связала воедино гуманитарное и социальное знание. Выбор названия дисциплины в каждой отдельной стране зависит от

того, кто именно, какое профессиональное сообщество проявляет заинтересованность в ее развитии – лингвисты или представители социальных наук. Количество университетов мира, включивших дискурсологию в список дисциплин, изучаемых в контексте подготовки филологов, в том числе специалистов по коммуникации, лингвистов, литераторов, постоянно растет. Понятно, что и представители социальных наук (психологии, истории, социологии, этнографии) проявляют заинтересованность к внедрению подобного университетского курса в список обязательных или факультативных предметов для подготовки своих кадров.

Во многих странах мира дисциплина «дискурсология» уже относительно давно (в последней четверти прошлого века) перешагнула уровень бакалавриата, став специализацией для лингвистов на уровне магистратуры и аспирантуры, а значит, и номенклатурной единицей исследовательского процесса. Правда, в контексте Беларуси можно говорить о существовании, скорее, не дисциплины, а направления (которое сфокусировано, главным образом, на изучении различных аспектов коммуникации, в том числе кросскультурной, различных типов дискурсов, а также разработке категориального аппарата и методик анализа). При этом и о направлении мы говорим в контексте его существования *де-факто* (проблематика значительного числа аспирантских и студенческих научных работ, количество опубликованных монографий, серийных сборников по данной проблематике, организация созвучных направлению научных конференций, круглых столов, названия новых университетских спецкурсов в ряде университетов Беларуси – все это непосредственно подтверждает факт наличия данного направления), но не *де-юре* (направление пока не имеет своего официального названия, которое бы было зарегистрировано в анналах научных или академических специальностей и специализаций, хотя и определенно вышло за пределы классической лингвистики или ее таких уже относительно немолодых направлений, как лингвистика текста, психо-, прагма-, социо-, этнолингвистика и ряд других).

Факт признания направления *де-юре* в ближайшее время видится актуальным с учетом его значимости и для самой лингвистики (теории языка, прикладной лингвистики), и для общества в целом. Лингвистика дискурса как часть науки о языке и его функционировании в обществе, объединяющая в себе филологическое и социальное начала, предлагает новое видение специфики совместного развития социальных и языковых процессов. Оно *предлагает* описание, а вместе с ним и моделирование этих процессов, *объясняет* диапазон актуализации смысловых и сущностных параметров содержания прецедентных для общества текстов, помогает обществу лучше понимать коммуникативные процессы и их регулировать.

В центре лингвистики дискурса (мы используем именно этот термин вслед за авторами первого специализированного словаря дискурс-анализа, изданного во Франции в 2002 году) находятся понятия «дискурс» и «дискурс-анализ»; теории контента и (социального) контекста; теории таксономического и методологического (матричного) плана, определяющие характер отношений ключевого плана (как например, качественной и количественной парадигм) и, конечно, теории практического плана (строительство теоретических моделей типов дискурсов). Все это говорит о значимом теоретическом потенциале направления. Впрочем, оно имеет и свое прикладное назначение. Так,

его наработки широко используются в дидактике (дискурсный подход в преподавании иноязычной коммуникации), логистике (построение комплексных систем), эвристике (новый взгляд на возможности взаимодействия роботов с внешней средой и между собой, а значит, и возможности развития искусственного интеллекта). *Прикладной характер направления* реализуется в разработке алгоритмов решения практических задач информативного и интерактивного планов.

Добавим, что *теоретическое* направление дисциплины развивает науку дискурс-анализа на микро- и макроуровнях. Первый (микроуровень) фокусирует внимание на отдельных смыслах, значениях, отношениях, порождаемых в коммуникативном процессе, на этапах и специфике перехода от одних смыслов к другим, на особенности организации дискурсий в аспекте их функциональной целостности. Второй (макроуровень) фокусирует внимание на так называемых больших теориях, но также и теориях частного порядка (теориях конкретных типов дискурса). Оба уровня могут быть включены в контексты количественных и качественных исследовательских традиций и представлены в контекстах работы разных научных школ, актуализирующих разнообразие подходов к видению путей развития дискурс-анализа и вариантов его применения. *Практическое* направление дисциплины очевидно, но при этом оно далеко не исчерпало всех своих возможностей. Главное при этом, что дискурс-знание во многом продвинуло понимание обществом своего коммуникативного потенциала на всех уровнях взаимодействия – межличностном, институциональном, массовом.

Появление *сегодня* дискуссии о необходимости введения названия направления, будь то «лингвистика дискурса» или «дискурсология», не случайно. Речь идет об институциализации теоретически состоявшегося направления. Лингвистика дискурса – преемница богатого опыта развития лингвистики, который она успешно интегрирует. Взяв у «родителей» все, она, однако, обрела эксклюзивность. Вспомним слова Джона Макхейдена Синклера о том, что «язык выглядит иначе, если включить в фокус внимания сразу все». Эти слова были обращены к лингвистам, привыкшим смотреть на язык аналитически (то есть с позиции лишь одного из аспектов, будь то грамматика, или синтаксис, лексическая или стилистическая сторона его реализации). И *лингвистика дискурса* (хоть и опирается в каких-то случаях на теории, доставшиеся ей в наследство) *выглядит иначе, являясь макроуровневой дисциплиной, изучающей дискурсы – языковые единицы потенциально неограниченного объема.*

Ладислав Яновец (Чехия, Прага)

АНАЛИЗ ДИСКУРСА В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Анализ дискурса в чешском языкознании полностью не оформился как самостоятельное направление лингвистического исследования, как произошло с другими лингвистическими дисциплинами. Он постоянно понимается, скорее, как дисциплина, узко связанная со стилистикой или лингвистикой текста, что, безусловно, поддержала и книга Я. Гоффманновой «Стилистика и…», где стилистика связывается с современными лингвистическими теориями и дисциплинами, среди которых также указывается анализ дискурса. В чистом виде (или, скорее, в форме, приближающейся к наиболее стабильной модели) посвящают

свое внимание анализу дискурса только несколько лингвистов, речь идет, прежде всего, о Марэке Нэкула, Йиржи Нэквапиле и Соне Шнэйдэровой.

Существует достаточно много лингвистов, которые, однако, по своему интересу к анализу дискурса (к лингвистике дискурса) приближаются или его частично используют в методологии своих работ. Здесь надо назвать, прежде всего, Милана Елинэка (анализ аргументационного дискурса), Свьетлу Чмейркову, Радку Чапкову, Радку Голанову, Гану Йилкову (анализ рекламных текстов и рекламного дискурса). Большое внимание уделяется анализу диалоговой коммуникации как разговорной (Ольга Мюллерова, Яна Гоффманнова, Свьетла Чмейркова, Луцие Йилкова, Пэтр Кадэрка), так и письменной (e-mail и письма – Здэнька Гладка, Мартина Шмейкалова; чат и интернеткоммуникация – Эва Яндова, Ладислав Яновец; sms – Луцие Гашова). Определенное внимание уделяется также церковной коммуникации (Мартин Гавлик, Надежда Квиткова, Мириам Грыгеркова, Эва Грдинова) и политическому дискурсу (Йиржи Краус, Яна Гоффманнова, Ольга Мюллерова, Свьетла Чмейркова, Ян Гулейа, Пэтр Кадэрка).

Публикации, посвященные анализу дискурса, появляются, прежде всего, в «Социологическом журнале» (Нэквапил и Нэкула), но также и в лингвистических журналах «Слово и словесность» и в ограниченном количестве в «Наша речь».

Представление о дискурсе дается в «Энциклопедическом словаре чешского языка» (Encyklopedic kýslov níkčeštiny; eds. Karlík, Petr Nekula, Marek Pleskalová. Praha, 2002). В этом году должно было выйти переработанное издание этого словаря, и возникает вопрос – каким образом изменится представление о лингвистике дискурса и будут ли вообще изменения в представлении этой темы.

В названном же издании дискурсу посвящено несколько статей. Во-первых, ***Анализ дискурса*** (с. 37) – автор Йиржи Нэквапил. В статье дается анализ коммуникации, основанный на лингвистических традициях. Автор стремится применить лингвистические подходы, разработанные при анализе высказываний/предложений к рассмотрению коммуникации в целом, а также на основании изучения коммуникации предпринимает попытку основательно переработать лингвистические принципы изучения дискурса. При этом очевидно, что анализ дискурса инспирирован теорией речевых актов.

Рассматриваемой теме посвящена также статья Яны Гоффманновой ***«Критический анализ дискурса»*** (с. 37–38). Автор представляет разновидность анализа дискурса, отличающегося от других, скорее, не методом и предметом исследования, а материалом и направленностью, прежде всего, на письменные и устные высказывания. Это материалы, которые создают или же воссоздают расовое или иное неравноправие; а также те, которые должны помочь изменить эти состояния. Анализ проводится с опорой на системно-функциональную лингвистику Холлидея, критическую теорию франкфуртской школы, понимание дискурса Фуко, идеологическое определение Грамши, а также Альтюссера, а также журнала «Дискурс и общество» (Т. ван Дейк). К дискурсу (использованию языка) автор подходит как к форме социальной практики, предлагая исследовать, как и в какой степени использование языка обременено идеологическими параметрами.

Особое внимание уделяется отношению дискурса и власти: обладать властью над дискурсом означает иметь возможность принимать решение о том, *кто*, *когда*, *где* и *что* будет говорить. В рамках критического дискурс-анализа

можно выделить следующие подходы: а) *критический подход* (Фаулер, Кресс, Ходж и др.) предполагает, что каждый текст идеологически структурирован, каждый выбор языковых средств является означенным творчеством, некоторые формы создают (воссоздают) неравноправие лучше, чем другие – происходит категоризация (*чеченские сепаратисты – чеченские военнослужащие/военные*; *полиция предприняла действия против участников демонстрации – против участников демонстрации были предприняты действия/меры*), при этом значение средств выражения идеи зависит от контекста, а ориентация происходит, прежде всего, на средства массовой коммуникации; б) *социокогнитивный подход* (ван Дейк), при котором индивидуальные и социальные знания воспринимаются как посредник между дискурсом и обществом, расовые и этнические предрассудки находят дискурсивное выражение в медиальной и ежедневной коммуникации, там же представлен расизм политических элит; в) *дискурсивно-исторический подход* (Водакова), в котором акцент делается на реконструкцию контекста, частью которого является исследуемый дискурс, предпринимается исследование стереотипов, вводятся понятия рамки, схемы, которые опираются на идеи ван Дейка, проводится исследование антисемитизма, расизма и сексизма; г) анализ, направленный на представление *отношений между социальными и культурными переменами* и изменениями в дискурсе (Ферклаф), при котором происходит смешение дискурсов и жанров, стирание границ между личным и общественным дискурсом в институциональных текстах.

Идеи, связанные с лингвистикой дискурса, представлены также в работе Яны Гоффманновой «Стилистика и …», в которой имеется раздел «Анализ дискурса» [1]. Здесь под определение дискурс-анализа попадает вся лингвистика текста, теория речевых актов, исследования письменных и устных текстов. Понятие «*дискурс*» относится к использованию языка в интеракции. Дискурс бывает связан, скорее, с устными высказываниями нежели письменными. Здесь рассматривается также проблема различий между терминами «текст» и «дискурс», которые иногда понимаются как синонимы (без различения), иногда под текстом понимаются письменные высказывания, а под дискурсом устные; иногда дискурс понимается как более широкое понятие, чем текст. Дискурс на определенную тему может включать в себя множество текстов. Также приводится понимание дискурса, при котором он включает не только сообщения как таковые, но и адресанта, адресата и ситуационный контекст. Тогда речь идет об «интегрированных тексте и контексте», и о соединении «языковой реализации интеракции и ее контекстной составляющей». В этом случае дискурсом является любой тип дискурса, в том числе и литературный. В работе Я. Гоффманновой также приводится представление о дискурсе, связанное с передачей и созданием определенных социальных, политических, культурных и институциализированных ценностей: дискурс СМИ, феминистический, СПИД-дискурс и другие.

Существуют также попытки понимать дискурс как непрерывный «след – дискурс = реплика». Тогда в случае диалога возникает один или два дискурса (дискурсии). Такая трактовка приводится в работе К. Гаусенбласа [2].

---

1. *Hoffmannová J*. Stylistika a... Praha, 1997. S. 8–12.
2. *Hausenblas K*. Text, komunikáty a jejichkomplexy // Slovo a slovesnost. 1984. S. 25–27.

1
ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ДИСКУРС-ПЕРСПЕКТИВА

Станислав Гайда (Польша, Ополе)

СТИЛЬ И СТИЛИСТИКА В СИСТЕМЕ ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОГО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ОСМЫСЛЕНИЯ

1. Ключевыми для моих рассуждений станут понятия *стиль* и *стилистика.* Размышляя над ними, можно было бы коснуться трех уровней – *понятийно-терминологического*, *исторического* и *теоретико-методологического*. Я не буду подробно останавливаться на первых двух уровнях, концентрируя свое внимание на третьем, хотя попытка его концептуализации в сложившихся условиях может быть общей и поверхностной.

2. За термином *стиль* стоит сложное и богатое по содержанию понятие, но не достаточно четкое и ясное. За свою долгую историю этот термин приобрел много значений. Еще в античные времена термин прошел эволюцию от греч. *stylos* (колонна) через лат. *stilus* (палочка для записи на восковых табличках) до риторического *styl* (манера говорить/писать). В новое время это методологическое риторическое значение распространилось в различных сферах жизни, выходя за рамки языка, а также в различных концепциях стиля.

Сегодня говорить о стиле можно с оглядкой, как на совокупность этих значений, так и на каждое в отдельности [1]. В то же время трудно ожидать, что *стилю* удастся приписать несколько или десяток не связанных между собой и ясно определенных значений (даже в применении к языку).

Проблемы со *стилем* имеют свое онтическое и эпистемическое объяснение. Сложность языковой реальности и ее изменения с течением времени порождают серьезные когнитивные проблемы. В этой ситуации в познании обнаруживается определенный релятивизм – появляется много описаний и объяснений одних и тех же явлений языка. Таким образом, семантический полиморфизм термина *стиль* является следствием многоконцептуальности стиля.

В этой статье невозможно даже кратко представить различные концепции стиля. Они отличаются хотя бы тем, что выдвигают на первый план в определении стиля различные свойства языка, например, типичность *vs.* уникальности, необходимость *vs.* свободы, норма *vs.* отклонения. Можно попробовать организовать их, размещая на шкале, полюсы которой определяются, с одной стороны, редукционизмом (сосредоточенность внимания на определенных аспектах и их абсолютизация), а с другой стороны – холизмом.

Эта способность самого понятия и связанной с ним когнитивной ситуации порождала различные подходы к термину *стиль*. Авторы, придерживающиеся крайних позиций, трактуют *стиль* как иллюзию, миф, своего рода эфир, от которого следует освободиться, удалив термин *стиль* из науки. Но, безусловно, преобладающей будет являться позиция, в которой *стиль* рассматривается как онтическая ценность. Она получает когнитивное подтверждение в бытовом, свойственном здравому смыслу, понятии. Труднее разобраться со *стилем* в научном исследовании, которое приводит к конструированию научного понятия, понятия высшего порядка.

3. В основном направлении риторики (*rhetorica docens*) термин *стиль* не функционировал. В риторической традиции имеет место элокутивное выделение *трех стилей*: высокого, среднего и низкого. В этом случае занимались выбором соответствующей темы и наиболее подходящего средства выражения. В начале XIX века происходит научный переворот, кристаллизуются современные научные дисциплины, в том числе лингвистика. С этим переворотом связана т.н. «смерть риторики» и рождение стилистики как науки о стиле (сам термин *стилистика* впервые появился в Германии в 30-х годах прошлого века). Стилистика выдвинула на первый план понятие стиля и предложила новый язык, заменив категории, разработанные риторикой, категориями лингвистическими. Попав под влияние ауры интеллектуального позитивизма, она приняла редукционистиско-аналитический подход в трактовке стиля. В то же время стилистика отошла от предлагаемого немецким романтизмом холистической ориентации (см. *Ganzheit*). Следует, однако, помнить, что стиль рассматривался как неразложимое целое (в том числе из-за отсутствия соответствующего аналитического аппарата). Эта ориентация сильно повлияла на так называемую литературоведческую стилистику, воспринявшую операционные категории, предложенные лингвистикой, как недостаточные.

В изучении языка на протяжении всей истории (с древнейших времен до XXI в.) можно выделить несколько подходов, а именно, исследования, сосредоточенные на познании строения языка, на его функционировании, его истории (структуры и функционирования), а также на применении знаний о языке. Стилистика, преемница риторики, находилась в русле исследований, специализирующихся на изучении функционирования языка. XIX и большая часть XX века не создали для этих исследований благоприятных условий. Достаточно вспомнить структурализм с его программным предпочтением исследования *речи* (Ф. де Соссюр). Функционализм оставался в тени, хотя и дал Пражскую школу, создавшую функциональную стилистику.

Рубеж 60-х и 70-х годов XX века принес явный переворот в культуре и науке, в том числе в лингвистике. На передний план выходит функционализм (переносящий, однако, внимание с функционирования языковых средств на языковую деятельность и сотрудничество людей). Могло показаться, что наступили благоприятные времена для стилистики. Но этого не произошло. Новое мышление о языке и его функционировании находило выражение под новыми ярлыками (ср. *прагма-, психо-, социо-, антропо-, этно-, культуро-, нейро-, био-* и т.д. – *лингвистика, анализ...* лингвистика... теория… и т.д.).

Поэтому не являются ли разговоры о «смерти» *стиля* и *стилистики* обоснованными? В последние десятилетия понятия стиля и стилистики даже в лингвистике славянских стран с богатой стилистической традицией, за исключением, возможно, России, почти исчезают из научного обихода. Их место занимают новые, более операционные термины и названия новых течений, направлений, субдисциплин. Ежегодники «Stylistyka» (Ополе, с 1992 г.) и «Стил» (Белград, с 2002), а также иные научно-организационные и исследовательские мероприятия принципиально не влияют на изменение когнитивной ситуации. Представляется, однако, что слухи о «смерти стиля и стилистики» преувеличены, а, быть может, предвещают долгую и богатую жизнь этим понятиям.

4. Удивительным является чрезвычайно широкое функционирование термина *стиль* в гуманитарных и общественных науках, а также в иных сферах общественной жизни (например, в искусстве, в моде, в спорте, в обыденной жизни). Не существует гуманитарно-общественной дисциплины, в которой бы он не выступал. Поскольку, скорее, не научная мода инициирует его использование, можно предположить, что этот термин относится к какой-то существенной характеристике исследуемых явлений или является ответом на какую-либо важную когнитивную необходимость. Невозможно проанализировать здесь все эти терминологические и полутерминологические словоупотребления, но в них можно обнаружить явный понятийный стержень – термин *стиль* относится к человеческой деятельности и производным этой деятельности и обладает объединяющим характером.

Следовательно, строя лингвистическую концепцию (теорию) стиля, в качестве ее фундамента следовало бы принять следующие предпосылки:

1) стиль (языковой) связан с коммуникативно-языковой деятельностью и ее производными, то есть текстами;
2) эта деятельность осуществляется людьми (как креативными субъектами, так и пассивными субъектами, подвергающимися влиянию контекста);
3) стилевой контекст определяют субъекты (как пучки психосоциальных признаков), общественно-культурная ситуация и интерактивная констелляция;
4) основой (взаимо)действия людей являются тексты как высокоорганизованные (семантически, прагматически, синтактически) целостности;
5) стиль пронизывает понимаемый, таким образом, текст, интегрируя его различные измерения и атрибуты, представляя его наивысший организационный признак – «гуманитарную структуру», душу [2];
6) вслед за стилистической традицией основными стилистическими категориями можно признать аналитическую категорию «стилистическое средство», а также интегрирующую категорию «стиль» (ср. его различные типы: стиль текста, личностный стиль, функциональный стиль, стиль эпохи, национальный стиль).

Обрисованная таким образом, концепция стиля имеет целостный (комплексный, холистический) характер. В ней предпринимается попытка преодолеть дуализм мысли и языка, содержания и выражения, которым отмечены распространяемые концепции стиля, ведущие к элокуции (ср. стиль как орнамент, как отклонение, как выбор). Таким образом, устанавливается связь с преромантическими и романтическими немецкими концепциями (ср. *Ganzheit* и *Gestalt),*но также и с направлением развития функциональной стилистики, представленным, в том числе, в работах К. Хаузенбласа, М.Н. Кожиной, Й. Мистика, Ф. Мико).

Предложенная здесь в сокращенном виде концепция – это, скорее, исследовательская программа, требующая реализации. Хотя, собственно, она уже реализуется в рамках естественного развития лингвистики разными течениями современного функционализма (антропоцентрического, культурного, экологического, когнитивного и т.д.). Ее реализует (более или менее сознательно) большое количество исследователей. Они вводят новые понятия и термины,

часто эквивалентные по отношению к уже существующим в стилистике, но также и совершенно новые, углубляющие и расширяющие знание о строении и функционировании языка (ср. развитие лингвистики текста, теории дискурса, когнитивной семантики, теории коммуникации). Это порождает проблему корреспонденции различных стилей мышления (парадигм), соразмерности и когеренции понятий в теории стиля. Науке нужны, однако, не только более точные и операционные понятия, но также и емкие, хотя и «туманные» интуитивные категории программно-проектирующего и объединяющего характера.

5. Сила понятия *стиль*, вытекающая, прежде всего, из его интегрирующего потенциала, может отражаться на ситуации в стилистике. Разрабатывая интерес риторики к функционированию языка, она в последние десятилетия оказалась в достаточно странном положении. Интенсивно и многонаправленно развивающийся функционализм в малой степени связан со стилистикой.

Можно сказать, что настало время стилистики без *стилистики.* Впрочем, термин *стилистика* не исчезает полностью. Его поддерживает, главным образом, обиходная и научная традиция (сохраняются *практическая стилистика, историческая стилистика, стилистика Балли, функциональная стилистика;* (причем последняя внесла очень большой вклад в развитие функционализма в целом). Хотя термин «стилистика» встречается и в новых постструктуралистических дисциплинах (*прагматическая стилистика, интертекстуальная стилистика, феминистическая стилистика, когнитивная стилистика).*

Шанс для стилистики можно усмотреть в механизмах науки. В развитии науки заметно действие двух противопоставленных, и в то же время комплементарных тенденций: к специализации, то есть производству все более узкого, но глубокого знания, и к интеграции, синтезу. Интегрированное знание востребовано и узкими специалистами, и широким научным сообществом, но также и широкой общественностью. Это проявление человеческих потребностей становится все более очевидным в современном мире текучести и хаоса. ***После постмодернистского отступления от «великих наррaций» обнаруживается возвращение к «великим теориям».***

То, что я назвал здесь функционализмом, представляет собой сегодня конгломерат направлений исследований, реализующих девиз открытой лингвистики, которая не может изолироваться от других наук о человеке. Однако между этими направлениями чаще всего отсутствует трансграничный диалог. Толерантность к иной точке зрения перерождается в изоляционизм и равнодушие, полифонию. А в это же самое время сложность языка требует комплексного рассмотрения. **Лингвист должен быть дискурсологом, генологом, теоретиком коммуникации для того, чтобы исследовать и понять языковую действительность**.

Уровни трансграничного диалога могут быть различными.

- первый – интердисциплинарность, то есть взаимодействие двух дисциплин (направлений), например, социолингвистики и социологии языка;
- второй – мультидисциплинарность, то есть объединение в научный коллектив вокруг определенной проблемы исследователей, разрабатывающих различные дисциплины;

- третий уровень – трандисциплинарность, то есть объединение различных дисциплин в единую науку, что представляет собой идеал, видимо, недостижимый. Поскольку, однако, в околонаучной интеллектуальной среде наблюдается возврат от специализации, аналитизма и редукционализма к интеграции и холизму, настало время и для лингвистической интеграции.

Стилистика, благодаря своей традиции и интеграционному потенциалу категории *стиля,* может быть интер-, мульти-, трансдисциплинарным полем, на котором встречаются различные, более традиционные и ранее доминирующие исследовательские ориентации, подчеркивающие, в том числе, деятельностно-процессуальный характер и ширококонтекстные связи языка. В центре этой стилистической интеграции, наряду с понятиями системы, текста, дискурса, находится понятие *стиля* [3].

Инспирацию таких интегрирующих действий обеспечивает большая наука, развивающая учение о сложности (ср. теория систем, теория хаоса, теория сети). Сложные системы воспринимаются, в том числе, как иерархические структуры, в которых:

1) высшие уровни не могут быть редуцированы до низших уровней и их составляющих;

2) высшие уровни обладают непредвиденными свойствами, создающими эмергентные целостности.

Эти системы отличаются высокой пластичностью, то есть способностью приспосабливаться к окружающей среде.

---

1. *Compagnon Antoine*. Demon teorii. Literatura a zdrowy rozsądek. Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2010 [1998].
2. *Gajda Stanisław*. Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. Warszawa: PWN, 1982.
3. *Gajda Stanisław*. Stylistyka integrująca// Poradnik Językowy. 2012. № 6. S. 56-66.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА

Стремление современной науки, и лингвистической науки в том числе, к трансдисциплинарности, о котором говорит профессор Станислав Гайда (см. «Стиль и стилистика в системе понятий современного функционального подхода в науке о языке»), представляет собой естественный процесс развития науки как системы. Не желая оспаривать потенциал *стилистики* как поля, способного объединить подходы различных дисциплин к исследованию функционирования *языка*, отметим все же, что в настоящий момент не меньшим потенциалом обладают и другие функциональные направления лингвистики (*функциональная грамматика* с ее вниманием к функционированию языковых единиц; *функциональная семантика*, занимающаяся исследованием зависимости семантических категорий от условий коммуникативного процесса; наконец, *функциональный синтаксис*, выявляющий всю систему реально функционирующих в речевой деятельности говорящего синтаксических пра-

вил и операций, равно как и их детерминированность механизмами и кардинальными свойствами порождения текста) [1]. Все они тесно связаны и терминологическим аппаратом и направленностью исследования – от значения к форме. Благодаря такой направленности все эти направления лингвистики, включая функциональную стилистику, вписываются и создают современную ***теорию языка***. Поэтому современная теория языка обладает на данный момент настолько развитым исследовательским аппаратом, что может (и должна!) играть роль «твердой» науки [2], объясняющей, моделирующей и прогнозирующей социальные реалии.

Учитывая коммуникативную природу всех социальных практик, каждый из них может быть определен как «дискурсия», а их совокупность, основанная на общности той или иной категории, – «дискурсом». И если лингвистика принимает такой объект исследования, то весь ее функционально ориентированный инструментарий становится основой для ***лингвистики дискурса***. Таким образом, уникальный статус лингвистики дискурса обусловлен, на наш взгляд, спецификой ее объекта – динамикой дискурса – и связанной с нею интегративностью методологии исследования.

В связи с разговором о полицентричности современной лингвистической науки и дискурс-перспективе хочется обратить внимание на потенциал использования функционального синтаксиса в интегративных исследованиях дискурса. Когда пробиваешься сквозь метафоры, которыми оброс термин «дискурс», невольно ловишь себя на ощущении, что только через сложный (и сложенный) образ можно передать суть этого феномена, и что именно эта сложная (и сложенная) суть в своей цельности и динамике должна составлять уникальный объект исследования лингвистики дискурса. И если объект (сам дискурс) понимается как «неустранимая реальность» в виде «действительных высказываний», в совокупности с «ввязанными» в них правилами их функционирования», «не имеющая каких-либо внешне очерченных границ», «подвижная и зыбкая» [3], то как раз правила функционирования высказываний, создающих то живое «языковое тело», которое, по выражению Фуко, «само себя проживает» и подлежат выявлению и анализу. Иными словами предметом исследования этого витального тела является *функционально-динамическая модель, схема, прототипическая (универсальная, инвариантная) для всех образцов данного типа дискурса*, которая в силу своей динамичности может быть названа *теорией конкретного типа дискурса*.

Вы могли бы спросить, что конкретно должна отражать прототипическая модель дискурса? Согласно ***деятельностному*** подходу к дискурсу (В.В. Богданов, Б. Таннен, В.З. Демьянков, Н.Д. Арутюнова, Т.А. Ширяева, О.Г. Ревзина, А.Е. Супрун и др.), который нам близок и по духу, и по времени, дискурс определяется через речь, которая рассматривается как целенаправленное социальное действие, имеющее место в рамках взаимодействия людей и участвующее в механизмах их сознания [4]. Дискурс как *речевая деятельность* обладает *грамматической структурой* (является последовательностью высказываний), *семантической структурой* (является последовательностью пропозиций, обладающей тематической цельностью), *когнитивной структурой* (представляет последовательность актуализованных положений дел, конст-

руирует общий для субъектов дискурса мир, «описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.д.») [5]. Все эти структуры и должны быть отражены в типовой модели дискурса.

Отметим, что помимо перечисленных структур, которые продиктованы речевой природой дискурса, существует и иная структура, которая следует из его социальной характеристики – *структура взаимодействия собственно субъектов дискурса*. Эта структура может актуализироваться в дискурсе на уровне референтного содержания, и тогда адресант-адресатные взаимоотношения и взаимодействия становятся темой дискурса и частью семантической и когнитивной структур. Актуализация адресации проходит и на уровне прагматического содержания, задавая отдельный дискурс-пласт и отдельную общую для субъектов дискурса картину – картину (структуру) их ролевых взаимоотношений. Таким образом, прототипическая модель дискурса должна отражать грамматическую, семантическую, когнитивную, субъектно-ролевую структуры. Каузально-генетическая теория, которую в своих исследованиях мы принимаем за эвристическую, интерпретирует эти структуры как дискурс-картины, предлагая их классификацию и описание (подробнее вопрос дискурс-картин будет обсуждаться позже).

Итак, если в качестве эксклюзивной задачи лингвистики дискурса мы принимаем необходимость выявления функционально-типовых структур дискурса, то его анализ неизбежно включает исследование функциональных систем речевых средств, в результате применения которых конструируются и отражаются все эти структуры. Поскольку объектом исследования является *целый* тип дискурса, то описание дискурсных средств целесообразно проводить не на основе классификаций, входящих в их состав отдельных языковых и речевых единиц, а на основе типологизации повторяющихся, стоящих за ними функционально-синтаксических структур [6, с. 18].

Категоризация дискурсных средств на основе единства их функциональной направленности сближает подобного рода исследование дискурса с исследованиями функционального направления лингвистики. Однако если для функциональной лингвистики классификация средств языка на основании их функциональной направленности является целью исследования, то в дискурс-анализе она является лишь *начальным этапом* на пути создания семантической модели сложных языковых единиц. Соответственно целесообразно использовать терминологический аппарат функциональной лингвистики для описания материала, с которым работает дискурсист, и на его основе выводить дискурс-категории, описывающие конструируемый дискурсом мир.

В нашем исследовании было проведено описание медийного дискурса лоббирования с использованием категориального аппарата теории **функционального синтаксиса** А. Мустайоки [7]. Целесообразность выбора обосновывается следующими моментами.

Во-первых, в качестве единицы анализа функционального синтаксиса принимает высказывание, которое, по мнению многих лингвистов, является единицей дискурса [8, 9, 3 и др.]. Соответственно, предлагая аппарат для описания высказываний, функциональный синтаксис становится одной из теорий лингвистики дискурса.

Во-вторых, центральным понятием функционального синтаксиса является «положение дел», которое представляет собой актуализованную в речи точку зрения говорящего на внеязыковую ситуацию (то есть фрагмент когнитивного контекста), что роднит его с нашим представлением об актуализованном контексте как основе дискурса («положение дел» = «дискурс-картина»).

В-третьих, функциональный синтаксис выстраивает четкую иерархию категорий описания положений дел и предлагает развернутые классификации в рамках каждой из них. При этом данные классификации обладают достаточной степенью абстракции, что необходимо при моделировании семантической структуры дискурса.

В-четвертых, функциональный синтаксис выделяет в качестве обязательного для рассмотрения семантического элемента модификатор «речевая функция», что предполагает учет той цели, в соответствии с которой говорящий упоминает то или иное положение дел. Таким образом, функциональный синтаксис предлагает одновременно механизм и аппарат для описания структуры референтной и структуры субъектно-ролевой.

Немаловажным обстоятельством является и то, что функциональный синтаксис объединяет наработки многих теорий функциональной лингвистики. Теория функциональной грамматики А.В. Бондарко [10, 11, 12, 13, 14, 15] «вписывается» в теорию А. Мустайоки, поскольку обе основываются на семантических категориях и учитывают при их выделении морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические и имплицитные аспекты языковых средств. Важным отличием двух теорий является то, что А. Мустайоки осмысливает предлагаемый А.В. Бондарко арсенал функционально-семантических полей (аспектуальности, временной локализованности, таксиса [10], темпоральности, модальности [15], персональности, залоговости [13], субъектности, объектности, коммуникативной перспективы высказывания, определенности/ неопределенности [14], локативности, бытийности, посессивности, обусловленности [12], качественности и количественности [11]) с точки зрения их взаимодействия в рамках ситуации, актуализуемой высказыванием, с учетом его предикации и актантного состава. Последнее обстоятельство сближает функциональный синтаксис с теорией Л. Теньера [16] и П. Адамца [17]. Кроме того, функционально-трансформационный метод П. Адамца обнаруживает себя в классификациях спецификаторов А. Мустайоки. Систематизация формальных и функциональных характеристик глаголов русского языка, представленная в концепции Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой [18], нашла отражение в классификации разрядов предикатов. Детально разработанная в функционально-коммуникативном синтаксисе М.В. Всеволодовой [19] классификация предикатов и актантов адаптирована функциональным синтаксисом А. Мустайоки с учетом понятия «положение дел» (актуализованного в высказывании «ситуация сообщения»), которое, впрочем не предполагает тщательного описания формальной реализации денотативных ролей. В той же области лежит различие между функциональным синтаксисом и функциональной грамматикой С. Дика, К. Хенгевельда и Дж. МакКензи [20], а также референциально-ролевой грамматикой Р. Ван Валина [21]. Тем не менее группировка и иерархия семантических элементов в этих концепциях во многом совпадают.

Ключевыми понятиями функционального синтаксиса, которые удобно использовать при описании более крупных дискурс-категорий, *являются: положение дел, семантическая структура, ядерная семантическая структура, актант, семантическая роль, функциональная роль, предикат, модификатор и спецификатор* (в рамках данного выступления мы не будем определять каждое из этих понятий). Заметим, что поскольку функциональный синтаксис разработан на базе предложения и его семантической структуры, а дискурс-анализ имеет дело с более крупными, нежели предложение, языковыми и речевыми единицами, терминология функционального синтаксиса может использоваться *только* на этапе создания корпуса данных для дискурс-исследования, а также для описания основных операциональных дискурс-категорий. Так, на основе анализа актантов и предикатов ядерных семантических структур можно выявить *типовые референторы* (категория актуалистической теории языка [22]) и реконструировать *тематические пропозиции дискурса*. Анализ обязательного модификатора «речевая функция» дает представление о коммуникативных *ролях адресата и адресанта*, позволяя реконструировать *типовые прагматические пропозиции дискурса*. Синтез функциональных и тематических категорий дискурса может проводиться с опорой на категории каузально-генетической теории [23]: *дискурс-картина субъект-предметных* и *дискурс-картина субъект-субъектных отношений*. А общая динамическая дискурс-картина может строиться вокруг *ключевой категории дискурса*, которая сугубо индивидуальна для каждого типа дискурса (идея построения теории социального феномена вокруг динамики его ключевой категории принадлежит обоснованной теории [24]).

Таким образом, категории функционального синтаксиса интегрируют в категории анализа дискурса (референторы, пропозиции), и в собственно категории дискурса (дискурс-картины). Применение аппарата функционального синтаксиса для описания типа дискурса позволяет создать его функционально-синтаксическую модель (довольно сложную, но подробную), на основе которой появляется пропозициональная и графическая модели этого типа дискурса. Фрагменты этих моделей для медийного дискурса лоббирования мы представим позже, в рамках разговора о моделировании дискурсов.

В заключение отметим, что наш опыт интегрирования категорий функционального синтаксиса и функциональной грамматики в исследование конкретного типа дискурса представляет лишь одну из возможностей кооперации функциональных направлений лингвистики в рамках лингвистики дискурса. Вместе с тем он демонстрирует тот факт, что конгломерат функционально ориентированных теорий создает не только описательную, но и объяснительную базу лингвистики, а вместе с ней и основу для того, чтобы выпустить эту науку «в люди».

---

1. *Сигал К.Я.* Единицы функционального синтаксиса // Вестник Удмурт. ун-та. 2012. Вып. 2. С. 103–109.
2. Hard-science linguistics / ed. V.H. Yngve, Z. Wąsik. London: Continuum, 2004.
3. *Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // Вестник Моск. ун-та. 1999. Сер. 9, Филология. № 1. С. 25–33.
4. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

5. *Демьянков В.З.* Дискурс // Словарь англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. М., 1982. Вып. 2. С. 247.
6. *Кудреватых И.П.* Стилистическая роль синтаксических единиц (блоков информации) в структуре русского художественного текста. Минск: БГПУ им. Танка, 2001.
7. *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2006.
8. *Левицкий Ю.А.* Основы теории синтаксиса: учеб. пособие. М.: КомКнига, 2005.
9. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 1994.
10. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А.В. Бондарко, М.А. Шелякин, В.С. Храковский и др. М. : УРСС, 2003.
11. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996.
12. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / [А. В. Бондарко и др.]; Российская акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука, 1996.
13. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, Н.Б. Вахтин и др.; Акад. наук СССР, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука, 1991.
14. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/ неопределенность / Рос. АН, Ин-т лингвист. исслед.; А.В. Бондарко, В. Гладров, И.Б. Долинина и др.; редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др. СПб.: Наука, 1992.
15. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / [А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин и др.; АН СССР, Ин-т языкознания; редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990.
16. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
17. *Адамец П.* Образование предложений из пропозиций в современном русском языке . Praha: Univ. Karl, 1978.
18. *Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004.
19. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
20. *Hengeveld K.* Functional discourse grammar: a typologically-based theory of language structure / K. Hengeveld, J.L. MacKenzie. Oxford University Press, 2008.
21. *Van Valin R.D.* An Introduction to Syntax. Cambridge University Press, 2001.
22. *Попов Ю.В.* Текст: структура и семантика / Ю.В. Попов, Т.П. Трегубович. Минск: Выш. шк., 1984.
23. *Ухванова И.Ф.* План содержания языкового знака: сущность и феноменология (на материале средств массовой информации) : дис. … д-ра филол. наук. Минск, 1995.
24. *Страусс А.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ: КЛАСТЕРНЫЕ КОНТЕНТ-КОНТЕКСТНАЯ И ПРАКТИКО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Интересно наблюдать, как меняются за последние лет пятьдесят названия университетских лингвистических кафедр в славянских странах. Так, кафедра языкознания меняет свое название на кафедру теории языка (с возможным расширением – социолингвистика, психолингвистика, др.). Также кафедра грамматики стремится к уточняющему названию – кафедра функциональной либо теоретической грамматики. Кафедра стилистики и литературного редактирования постепенно меняет свой облик, видя себя уже в качестве кафедры речевой коммуникации. Кафедра прикладной лингвистики также может уточнять свой фокус внимания, становясь кафедрой компьютерной лингвистики или, скажем, межкультурной коммуникации и т.д. Данный процесс естественен, и идет он от того, как развивается наука о языке, речи, а теперь и дискурсе. Современная лингвистическая наука, можно сказать, только за одно поколение радикально изменилась, и эти изменения обусловлены ее развитием по всем параметрам – вглубь и вширь, на макро- и микроуровнях функционирования, в контексте качественных и количественных методологических программ. Впрочем, то же самое наблюдается во всех гуманитарных и социальных науках и даже науках точных, физических, природоведческих: уточнения «микро» и «макро» получают биология, физика, химия, экономика, социология, психология и др. Каждая научная дисциплина находит все новые резервы для саморазвития, не исключая, а, наоборот, приветствуя интердисциплинарные. Так, новые научные дисциплины рождаются на стыке уже не только «родственных», но и, казалось бы, совершенно далеких друг от друга научных программ. При таком многообразии разветвлений вполне очерчено предстают две тенденции:

1) восхождение к *высокой теории* или науке (рождение новых пересекающихся в науке в целом *практик познания*);
2) максимальная актуализация *практической составляющей* научного знания, то есть *деятельности*, реализующей теоретические наработки.

И здесь как-то неуместно искать слову «восхождение» антоним («нисхождение») в приложении к практической составляющей – значимость рождающихся видов деятельности кардинально меняет не только нашу жизнь, но, в том числе, и лицо современной науки в целом и науки о языке в частности.

Мы полагаем, что полезно посмотреть в этом контексте на *лингвистику дискурса* как на дисциплину, в которой поразительно органично сочетаются оба направления, характеризующиеся, во-первых, движением к высокой абстракции (гранд-нарративам), которое формирует теоретико-методологический потенциал лингвистической науки в целом, и, во-вторых, привязкой к материи, то есть реальной практике языкового бытия с его выходом в пространство живой коммуникации, взаимодействия.

Лингвистика дискурса – преемница дискурс-анализа в том его состоянии, когда он, продолжая поиски все более тонкой дифференциации и фокусировки своего внимания в работе со своим непосредственным объектом изучения – текстами в их общественном «проживании» – перестает декларировать преднамеренный отказ от «гранд-нарративов» (больших теорий), а начинает вполне осознанно их собирать и развивать. И этот «сбор» теорий начинается со

сбора их в дихотомические пары: теории *субъектного и бессубъектного* дискурса и, далее, его *контентного* и *контекстного* проживания. Интрига единения в коммуникативном пространственно-временном (или только осознаваемом как пространственно-временное) поле субъекта одновременно *включенного* и *отстраненного* рождается в споре вокруг того, убил ли постмодернизм субъекта или возродил его [1, с. 25]. Мы полагаем, что он вернул ему полноценную жизнь с ее противоречивостью, а значит, поиском себя и своего мира (а точнее, своих миров), но также и поиском Другого и его миров, которые могут развиваться параллельно или в пересечении, сталкиваться или «жить» в диалоге [2, 3] – от этого зависит весь ход нашей истории.

Осознание двойственности субъекта повлекло за собой наряду с давно «работающей» в контексте теории познания дихотомией «референт – знаковый референт» (дихотомия «референт/кореференты – его/их парадигматическая и синтагматическая вербализация») введение дихотомии «субъект – знаковый субъект» (дихотомия «общающиеся субъекты – их вербализация в жанрах и форматах»). Новая методологическая категория (*знаковый субъект*) приходит в науку вместе с каузально-генетической перспективой [1, с. 28–29]. А последняя уточняет специфику привязки (материализации) субъект-субъектного или *интерактивного* (содержательно-контекстного) потенциала дискурса [4, 5], одновременно уточняя место по отношении к ней потенциала субъект-предметного или *информативного* плана взаимодействия [6].

Принимая в качестве определения дискурса идею Т.А. ван Дейка о взаимопроникновении текста и контекста (а значит, контента и контекста), в основе которой лежит идея интертекстуальности, введенная ученицей Жака Дерриды Юлией Кристевой, – мы полагаем, что построение отдельно теории контента и теории контекста – это этап в определенном смысле статического (описательного) осмысления дискурса как явления и идеи. Тем не менее этот этап помог достроить и осмыслить четкую смену парадигм развития лингвистической науки в цепочке Язык-Речь-Дискурс, и, в частности, увидеть уровневый характер дискурс-лингвистики, а значит, уточняет специфику реализации всех уровней коммуникативного процесса [7].

Конечно, можно посетовать на то, что смена парадигм и фокуса внимания лингвистов происходит слишком быстро. Но, во-первых, надо признать, что эта смена, безусловно, носит эволюционный характер и подготовлена всем ходом развития мировой теории языка с учетом включения в диапазон ее осмысления результатов развития гуманитарного и социального знания в целом. Во-вторых, эта смена как раз и настраивает нас на отдельное обсуждение теоретических и практических основ дискурс-лингвистики, ибо явление дискурса предстает перед нами как неслучайное, а значит, обладающее параметрами фундаментального свойства. *В этом контексте мы и предлагаем порассуждать над теоретическими основаниями явления дискурса* (уже прошло время споров и дискуссий о том, что есть дискурс, и зачем он нам нужен).

Итак, дискурс-лингвистика видится на данном этапе развития теоретической мысли в динамике контент-контекстных преобразований дискурса (равно как и динамике взаимодействия субъекного и бессубъектного дискурсов или того, что можно было бы условно назвать «бессубъектным», ибо бессубъектность в контексте дискурса являет собой абстракцию, необходимую для углуб-

ленного, аналитического взгляда на явление (но не более того), ибо уже по своей сути оно *синтетично*. Впрочем, это отдельный разговор).

Добавим только, что о таком повороте развития каузально-генетической теории мы изначально не думали, проводя в 80-е и 90-е годы прошлого века теоретическое моделирование *содержательного* потенциала и его реализации на примере все более сложных языковых знаков – слова, предложения/высказывания, текста/дискурсии и, наконец, макротекста/дискурса (на примере отдельного газетного выпуска и издания в целом) [8]. В результате (как мы видим это только сейчас), строя теорию содержания (в контексте порождения дискурсов), мы получили теорию кластерного порядка – теорию контент-контекстного взаимодействия. С этой точки зрения мы и предлагаем посмотреть по-новому на модели уже неоднократно озвучиваемые ранее, но прочитываемые сегодня под иным углом зрения. Для экономии времени позволим себе подать ключевые моменты моделирования тезисно, снабдив тезисы комментариями, иллюстрациями и ссылками.

Тезис 1. *Содержание* (контент), рождающееся в реальных дискурсиях (дискурсных практиках) в процессе их конструирования или реконструкции, характеризующей тип дискурса, а также дискурс в целом гораздо *шире и семантической, и синтагматической составляющих.* Соответственно и *контекстная составляющая* гораздо *шире параметра ситуации* общения [9]. Выяснить *причины* (*каузы*) порождения того или иного типа, вида, аспекта содержания – означает выяснить наличие каждого из них (право на существование); актуализация содержания имеет причинно-следственные основания). То же касается и контекста (его вариативности и актуализации). Контент и контекст как бы «зеркалят» друг друга, взаимно проявляясь друг в друге.

Контент – это фокус внимания, а контекст – его фрейм, рамка (порой, не воспринимаемая, но определяющая и формирующая контент). Картинки-перевертыши являются хорошей иллюстрацией того, как мы актуализируем контенты, и как контексты их форматируют (см. *рис. 1* и *рис. 2).*

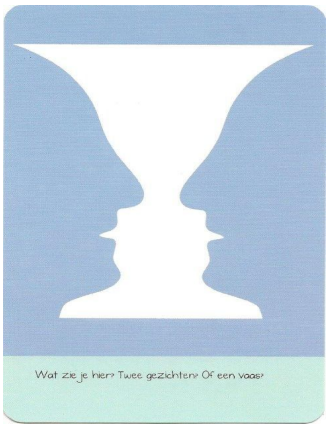

Рис. 1. Что изображено на рисунке?

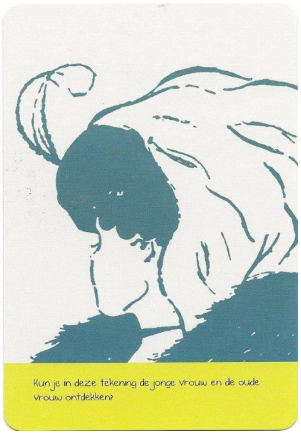

Рис. 2. Кто изображен на рисунке?

Когда адресат видит только что-то одно (то есть, когда содержание как бы упорствует в том, чтобы быть единственно возможным и, соответственно, переключение на другое видение не получается), необходимо найти точку отсчета или механизм переключения (в контексте лингвистики дискурса эту точку переключения мы называем дискурс-категорией). Такая проблема видения лишь

одного содержания была и у меня: на рисунке 2 у меня актуализировалось лишь изображение молодой девушки, чуть отвернувшейся от зрителя. Только фиксация на категории *ухо* и перевод ее в категорию *глаз* помогает увидеть оба изображения, а значит, актуализировать многозначность рисунка. Точно также «работают» два других фокуса внимания – *референция* и *интеракция. К*аждый из них может быть и контентом, и контекстом в зависимости от фокусировки слушателя или читателя. Это как реальность и зазеркалье: содержание и контекст меняются местами в зависимости от того, где коммуникант находится (то есть актуализируется значимость времени и места). Соответственно, управление фокусом внимания помогает реализовать эффективную коммуникацию: переключение удается тем, кто понимает механизм переключения.

Тезис 2. *Причины (каузы)* могут быть как *факторными* (постоянно действующая причина), так и *фактумными* (результативная причина). Отсюда и контент, и контекст содержания могут выступать в качестве (1) *феноменологического*, актуализирующего привязку к денотату (объекту/событию) или знаку денотата (словоформе, другой форме вербализации) или (2) *абстрактного/идеального,* актуализирующего привязку к сигнификату (теме/топику) или знаку сигнификата (форме вербализации, задающей направление развития тематического наполнения) [10].

В качестве *факторных* выступают так называемые ***практики***: *социальная* (выстраивающая контенты и контексты иерархического порядка – значимости), *когнитивная или познавательная* (выстраивающая ментальные структуры), *текстовая* (выстраивающая структуры речи или синтагматические/линейные структуры) и *языковая* (строящая парадигмальные контенты и контексты). Факторные причины порождают ***дискурс-картину*** (генезис) ***идеального*** плана, наполняя ее такими параметрами содержания как прагматический (его формирует социальная практика), когнитивный (познавательная практика), синтагматический (текстовая) и парадигматический (практика по систематизации языка, напр., лексического состава и др.).

В качестве *фактумных* выступают ***виды деятельности***: *речевое поведение* (эксплицитная составляющая контентов и контекстов), *языковой опыт* (имплицитная составляющая), а также *практическая деятельность* (экстралингвистическая составляющая контентов и контекстов) и *языковое функционирование* (их лингвистическая составляющая). Фактумные причины порождают ***дискурс-картину*** (генезис) ***феноменологического*** плана. Вбирает ли она в себя собственно контентное или то, что видится изначально как контекстное начало, зависит от того, как распределяются значимости в процессе коммуникации. Составляют эту картину такие параметры, как *кортежный* (социально-ролевая реализация коммуникации: каждый общающийся актуализирует роль другого, становясь его кортежем), *знаково-кортежный* или *функционально-типовой* (форматно-жанровая реализация коммуникации), *референтный* (предметно-событийная реализация коммуникации) и *знаково-референтный* (номинативная или вербально-событийная реализация коммуникации)[1].

[1] Отметим, что существует тенденция обозначать последнюю в качестве собственно дискурсивной, где дискурсивность прочитывается в качестве признаковой, но совершенно понятно, что она не отражает весь генезис порождения дискурсов.

В соответствии с идеей первого тезиса обе дискурс-картины могут выступать как целостности, а значит, нести в себе функции контента и контекста (быть фреймами друг друга). Каждая из картин репрезентирована в формате ***4Д*** (см. рис. 3).

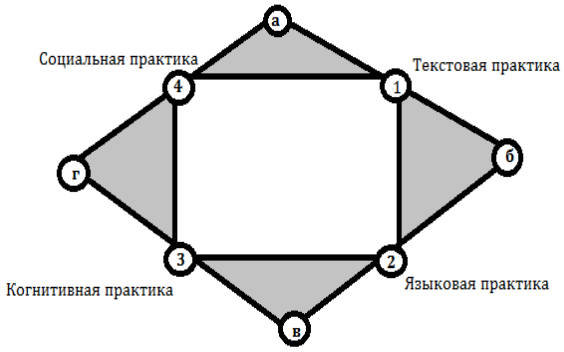

Рис. 3. Дискурс-картина контента (репрезентированная четырьмя дискурс-практиками – 1, 2, 3, 4) на фоне дискурс-картины контекста (а, б, в, г), то есть практики на фоне деятельности

Как видим, одна из дискурс-картин отражает и одновременно конструирует ***дискурс-пространство***. Другая – ***дискурс-время***. Соответственно и пространство и время могут быть контекстом друг друга.

Кстати сказать, здесь и имеет место демаркационная линия между речедеятельностной (виды речевой деятельности) и дискурсной (виды дискурсных практик) составляющими коммуникации в целом. Соответственно данную кластерную теорию контент-контекстного взаимодействия можно со всей очевидностью перевести в кластерную теорию с иным фокусом внимания – теорию взаимодействия дискурсных практик и видов речевой деятельности (см. рис. 4.).

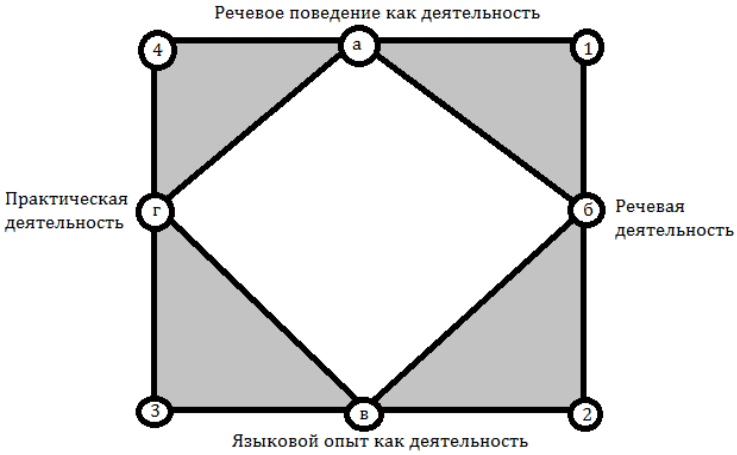

Рис. 4. Дискурс-картина контента (репрезентированная четырьмя видами деятельности– а, б, в, г) на фоне дискурс-картины контекста (1, 2, 3, 4), то есть деятельность на уровне практик

Тезис 3. Причины фактумного и факторного планов (реализуемые в деятельности и практиках) могут рассматриваться в аспекте их *синтезирования*. В результате порождаются функциональные примитивы – «кирпичики», участвующие в строительстве контента и контекста. Мы их называем *факторно-фактумные контентные и контекстные примитивы.* Каузально-генетическая

теория воспроизводит восемь вариантов или моделей синтеза, естественно образуемых разным сочетанием примитивов (фракталов). Причем все они реализуют себя в таких параметрах, как структура, система, иерархия и линия (или последовательность/секвенция).

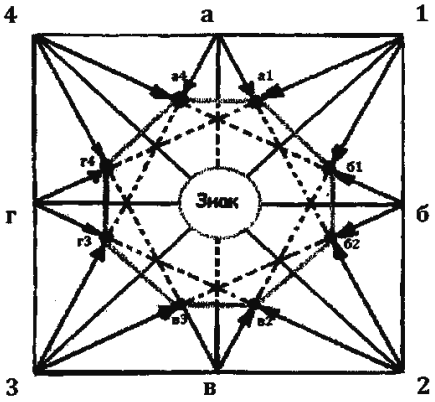

Рис. 5. Функциональные факторно-фактумные примитивы (дискурс в формате 8Д)

На *рис. 5* каждый функциональный примитив обозначен и буквой и цифрой (например, в3 или а4), что подчеркивает факт их зависимости и от фактумной и от факторной величин. Иначе говоря, функциональные примитивы – это уже факт синтеза (у них есть и «папа» и «мама»). Здесь цифрами обозначены дискурсные практики (1 – текстовая; 2 – языковая; 3 – когнитивная, 4 – социальная), а буквами – деятельностное начало дискурсов (а – речевое поведение как деятельность; б – вербализация или языковая/речевая деятельность; в – языковой опыт как деятельность; г – практическая деятельность).

С учетом взаимозависимости факторно-фактумных составляющих имя каждому функциональному примитиву может дать как фактумное, так и факторное начало. Например, в качестве функциональных примитивов выступают «оцененный референт» (г4) и «структурированный референт» (г3), или вербализация парадигматического плана (б2), или синтагматического (б1). Также и языковой опыт может быть представлен в контексте парадигматической организации языка (в2) или ментальных структур (в3), а речевое поведение в аспекте аксиологическом (а4) или процессуальном (а1) [6, 10, 20].

Знание специфики реализации необходимо для эффективного ***конструирования*** (порождение/кодирование) дискурсов, а также для ***реконструкции*** (понимание/декодирование) этих примитивов в процессе анализа дискурса.

Если держать все эти 8Д в памяти активной матрицы, то все может быть контентом для конструирующего дискурсы (тексты, события, взаимодействия), *а для широкой аудитории* больше шансов найти себя и свои миры в текстах, вписаться в реальные дискурсии, в социальный стандарт.

Тезис 4. Восемь функционально связанных примитивов контента и контекста дублируют друг друга в разных пространствах. Но функционирование этих *фракталов* соподчинено кластерной логике. Все они *самоорганизуются* (структурно, системно, иерархически и линейно) в такие кластеры (*дискурс-картины*), как знание и отношение (*рис. 6*), информация и интеракция (*рис. 7*), социальное (сущностное) и индивидуальное (смысловое) (*рис. 8*).

Функциональные примитивы, репрезентирующие и конструирующие три пары *дискурс-картин* в их дихотомической зависимости

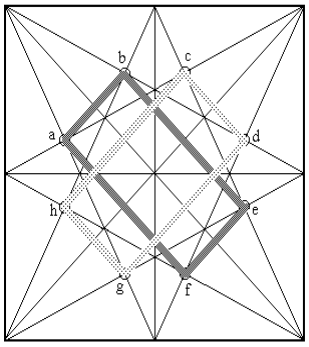

Рис. 6. Знание – Отношение
hcdg – abef

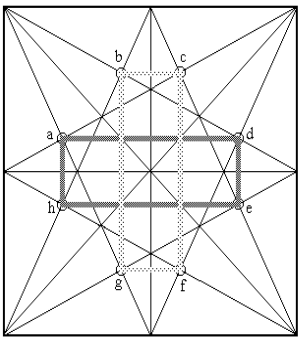

Рис. 7. Информация – Интеракция
adeh – bcfg

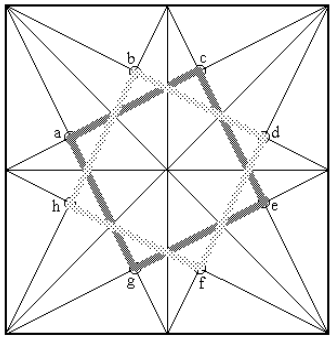

Рис. 8. Социальное (Сущность) – Индивидуальное (Смысл)
aceg – hbdf

Дихотомическая зависимость в контексте каузально-генетической перспективы проявляется в том, что когда один элемент дихотомии (например, дискурс-картина *знание*) актуализирует себя как контент, то другой (дискурс-картина *Отношение*) становится контекстом и наоборот. А эффективная коммуникация предполагает, в свою очередь, что коммуниканты управляют фокусом внимания в линии (процессе) общения. Иначе говоря, эффективный коммуникант – это, согласно научному слэнгу, *фокусник,* то есть коммуникант, умеющий переключать *фокус внимания*.

Тезис 5. Каузально-генетическое моделирование, таким образом, представляет собой (и это очевидно) не одну модель, а целый набор ***саморазвивающихся моделей***. Понимание процесса развития и есть теория познания. Иначе говоря, задача каузально-генетической перспективы и заключается в моделировании процесса познания. С учетом фокусировки дискурс-процесса на содержательный компонент языкового знака данная поликластерная теория может, по нашему мнению, рассматриваться в качестве ключевой теории лингвистики дискурса.

Можно было бы добавить также, что каузально-генетическое моделирование основано на всех ключевых идеях, определивших историческое развитие теории познания от Аристотеля до наших дней. Сюда красной нитью вплетена *идея универсализма,* положившая начало научному, академическому знанию (сама идея *университета* построена на идеи *универсализма*). Здесь актуализированы идеи семиотики и семиологии (в лингвистике дискурса, и это мы видим во французском *Словаре дискурс-анализа* 2002 года, где понятие семантики заменено понятием семиотики). Здесь также актуализированы модели Фреге, Морриса, Пирса, Соссюра, Клауса, Супруна, Локка, Бэкона, интерпретативные модели Дерриды. Мы и сегодня находим в истории науки идеи, созвучные нашему дню и нашему миропониманию.

Краткий комментарий к вышесказанному. На основании каузально-генетического моделирования контент-контекстной и практико-деятельностной реальностей дискурса были порождены и прошли апробацию целый

ряд методик и техник дискурс-анализа, как, например, методики дискурс-портретирования, реконструкции дискурс-картин, а также такая техника анализа, как когнитивное картирование [11], а также проходят апробацию такие техники, как парадигматическое, аксиологическое и синтагматическое картирование. В ходе нашего *круглого стола* мы еще не раз будем возвращаться к данному подходу с тем, чтобы охватить возможности дискурс-лингвистики, развивающейся в том числе и с опорой на данный методологический аппарат.

Каузально-генетическая модель была апробирована в процессе построения теоретических моделей конкретных типов дискурсов, таких как дискурс элитарных средств информации [12], медийный дискурс лоббирования [13], дискурс интеграции [14, 15], дискурс конфликта [16, 17], дискурс мигрантов [18, 19]. Все они исследовались с актуализацией на дискурс-картины «информация – интеракция». Полагаем, что актуальным сегодня является поворот к изучению дискурс-картин «знание – отношение» (этот фокус внимания ярко акцентирован в новой книге Т.А. ван Дейка «Дискурс-знание», презентованной весной 2013 года). Актуализация дискурс-картин «смысл – сущность» видится особенно необходимой в изучении дискурс-категории *самоидентификация* в контексте реконструкции специфики самоидентификации индивидуума, группы, народа, расы.

---

1. *Ухванова И.Ф.* Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2/ сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: БГУ, 2000. С. 25–29.
2. *Uhvanova I., Ilyushyna L.* Civilizaton as a Sign: New Perspectives in Civilization Studies// Respectus Philologicus. Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas. 2006. № 10 (15). P. 10–24.
3. *Ухванова И.Ф., Илюшина Л.* Цивилизация как открытая динамическая система: взгляд с позиции каузально-генетического моделирования // Гісторыя. Праблемы выкладання. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2007. № 8 (62). С. 3–8.
4. *Ухванова И.Ф., Богушевич Д.Г*. Актуализация потенциальной прагматической информации и типы общения // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. 1992. Сер. IV. № 2.
5. *Ухванова И.Ф.* Формирование и кодирование межличностного компонента прагматического содержания текста // Семантика и прагматика текста. Барнаул: Алтай. гос. ун-т., 1991. С. 3–15.
6. *Ухванова-Шмыгова И.Ф*. План змісту тексту: від аналізу до синтезу від структури до системы // Філософська і соціологічна думка. Київ, 1993. № 3. С. 10–27.
7. *Левицкий Ю.А*. Общее языкознание: учеб. пособие. 5-е. изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 266 с.
8. *Ухванова И.Ф*. План содержания газеты: стратегия выбора: учеб. пособие. Минск: Белгосуниверситет, 1994. 53 с.
9. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Причинно-генетическое моделирование плана содержания текста как основа для структурирования его контекстной информации: Тезисы науч. докл. и сообщений. Ижевск, 1992. С. 109–111.
10. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 3. С. 10–27.

11. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Введение в дискурс-аналитические практики, или чем отличается контент-анализ от дискурс-анализа // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Вып. 5. Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск: БГУ, 2008. С. 49–77.
12. *Попова А.В.* Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. 153 с.
13. *Савич Е.В.* Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа. Минск: БГУ, 2013. 137 с.
14. *Маркович А.А.* Анализ референтного содержания в дискурсе консолидации // Вестник МГЛУ. 2006. Сер. 1, Филология. № 5 (25). С. 53–66.
15. *Маркович А.А.* Коммуникативные стратегии интегративного типа в дискурсе Евросоюза // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. 2007. № 745. Серія Филологія. Випуск 49. С. 76–82.
16. *Туркина О.А.* Анализ актуализации реляционных коммуникативных стратегий в телевизионной игре «Последний герой 1» // Respectus philologicus № 7(12). Вильнюс, 2005. С. 174–183.
17. *Туркина О.А.* Речевые средства формирования индивидуальной дискурс-картины мира // Профессионально-ориентированное обучение межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. Минск: РИВШ, 2011. С. 115–121.
18. *.Ядченко. Е.И.* Реконструкция национально-культурной идентичности из дискурса русского мигранта, проживающего в Германии: потенциал лингвистической методологии // Вестник МГЛУ. 2012. Сер.1, Филология. № 5. С. 47–54.
19. *Ядченко. Е.И.* Тематический анализ дискурсии как базовый этап в исследовании дискурса мигрантов // Бизнес. Образование. Право: Вестник Волгоград. института бизнеса. 2012. № 4. С. 45–52.
20. *Ухванова И.Ф*. Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies // Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists. 20-25 July 1997. B. Caron (ed.). Paris: Pergamon. An imprint of Elsevier Science, 1998.

Индра Карапетяна, Яна Кузьмина (Латвия, Рига)

«ФОРМАЛИЗМ VS. ФУНКЦИОНАЛИЗМ» ИЛИ «ФОРМАЛИЗМ+ФУНКЦИОНАЛИЗМ»: КАКАЯ МОДЕЛЬ ДИСКУРС-АНАЛИЗА СЕГОДНЯ РАБОТАЕТ В ЛАТВИИ?

Дискурс и дискурс-анализ относятся к ряду академических дисциплин, охватывающих лингвистику, семиотику, психологию, антропологию и социологию [1, с. 5]. Поэтому эти понятия, во-первых, часто рассматриваются как противоречивые, охватывающие широкий спектр значений и процессов, во-вторых, трудные для определения, поскольку разные исследователи придают значение различным их аспектам. Посмотрим на те аспекты, которые сегодня рассматриваются в качестве ключевых в выборе дискурс-перспективы.

Исследование дискурса как ***комбинации*** предложений, впервые появившееся в работе З. Харриса, привело к ряду *выдающихся открытий*. Он предложил определять его *как* ***метод*** анализа связной речи (или письма) [2, с. 1], отметив вслед, что ***язык*** формируется *не* как последовательность слов или предложений, а как взаимосвязанный дискурс [2, с. 357].

По Харрису, дискурс-анализ можно рассмотреть с двух сторон:

- как *язык за пределами уровня предложения* и
- *взаимосвязь неязыкового и языкового поведения.*

Исследовательский подход Харриса четко позиционирует себя в методологическое пространство, именуемое формализмом. ***Формалисты***, как известно, рассматривали дискурс как уровень, который следует после морфемного в иерархии лингвистической данности, а именно – *уровень высказываний и предложений*. ***Функционалисты,*** в противовес им, подчеркивали важность *коммуникативных событий, целей и функций языка.* В качестве экстремального рассматривается здесь мнение о *неотделимости языка и об*щества, а значит и о неправомерности их рассмотрения независимо друг от друга [3, 4].

Добавим также, что структурный подход Харриса к изучению синтаксиса единиц, превышающих предложение, считается формальным на том основании, что он изучает (внутренне) связный дискурс *без прямой связи с контекстом*, что приводит к некоей идеализации общения.

Если взглянуть на подходы ключевых представителей этих двух подходов – Харриса и Холлидея [5] – в непосредственной близи и сопоставлении, то увидим, что:

- *первый* концентрирует внимание на том, как сочетаются языковые *формы*, формируя *паттерны*, а затем ищет корреляции этих паттернов с разнообразными *ситуациями;*
- *второй же*, со своей стороны, принимает *априори*, что существуют *корреляции* между отдельными языковыми характеристиками и характеристиками ситуации.

Характерно при этом, что Харрис абсолютно прозрачен в общении со своим читателем, говоря о плюсах и минусах своего подхода. Так, с одной стороны, этот метод, являясь, по сути, описательным, предлагает эффективный *способ описания* структуры части дискурса и раскрытия неявных языковых структур. С другой стороны, он имеет определенные ограничения, отличаясь от ИНТЕРПРЕТАЦИИ (точнее, способа интерпретации), где необходимо принимать во внимание значение морфем (словоформ) и при этом задавать себе вопрос, что собирался сказать автор, порождая текст. Понятно, что интерпретация отличается от описательного анализа, хотя она *может* непосредственно опираться на результаты описания [2, с. 382].

Плюсы функционального подхода к анализу дискурса, как полагают, в том, что он охватывает все случаи использования языка, придавая большое значение достижению коммуникативных целей. Дискурс не рассматривается просто как еще один уровень языка в иерархии других его уровней, а как *всеобъемлющее понятие*, охватывающее не только *пропозициональное* содержание, но и *социальное, культурное и контекстуальное* [5, 6, 7, 8, 9, 10,11, 12, 13, 14].

Вышеописанная дихотомия (формальный и функциональный подходы) является важной составляющей современного взгляда на дискурс и дискурс-анализ. Однако есть еще один значимый для нас в этом контексте подход, представленный в работах наших американских коллег Д. Шифрин и Д. Таннен. Так, они предлагают более сбалансированный подход к дискурсу, ***интег-***

рируя формальную и функциональную парадигмы. Здесь дискурс рассматривается в качестве уже не столько предложений, сколько высказываний, то есть он принимается в качестве «контекстуальных уже по самой природе функционирования лингвистических единиц (устного или письменного порядков)» [11, с. 41].

В рамках этой интегративной перспективы цели дискурс-анализа не только последовательные или ***синтаксические***, но также ***семантические и прагматические***. Поэтому здесь дискурс и дискурс-анализ – это единое поле, интегрирующее «*структуру*, где единица языка выходит за рамки предложения; и *функции*, где важно то, что язык используется в социальных, экспрессивных и референциальных целях» [11, с. 339].

Впрочем, категориальный аппарат Д. Шифрин и Д. Таннен обладает не двумерным, а трехмерным фокусом внимания. Так, если первые два мы уже обозначили, как то: (1) выход за пределы предложения и (2) языковое функционирование, то третьим стал (3) более широкий диапазон социальных практик, включающий нелингвистические и неспецифические языковые реализации [16, с. 1]. Эти фокусы внимания и представляют **три значимых подхода**, имеющих *свои объекты* внимания и *свои исследовательские практики*, а также своих последователей.

Первый подход может быть реализован при изучении стандартов текстуальности [17], риторической организации текста и риторических шагов [18, 19], а также в рамках изучения связности текста, при раскрытии проявления текстовой метафункции [5, 21, 22]. Иначе говоря, здесь ***текстовые и риторические аналитические практики*** и есть ключевой метод дискурс-анализа.

Второй подход рассматривает дискурс-анализ в контексте языкового функционирования и охватывает жанровый анализ, придавая большое значение его прикладной природе и «многогранным, многомерным, основывающимся на этнографических исследованиях, описаниям жанров» [21]; он также обращается к проблемам жанровой иерархии [21, 22], изучает когнитивную и риторическую структуры жанра [18,19, 24, 25], жанровую интертекстуальность и жанровые вставки [20], выявляющие мыслительную языковую метафункцию [4, 18, 19]. Иначе говоря, ***практика жанрового анализа*** (с фокусом внимания на содержательый аспект жанра) становится ключевой аналитической практикой дискурс-анализа.

Третий подход, рассматривающий дискурс как социальную практику, может быть представлен ***макроконтекстным моделированием*** [12, 13, 14].

Все вышеупомянутые подходы принципиально важны, ибо

- первый позволяет нам изучить *сотекст* («со» здесь означает «сопричастный тексту») или *локальный лингвистический контекст;*
- второй «работает» применительно к исследованию *разнообразных типов дискурса*, то есть помогает обнаружить закономерности функциональных репрезентаций;
- третий фокус внимания позволяет нам охарактеризовать *более широкие лингвистические и местные социальные контексты употребления языка в рамках институтов и областей знаний.*

Г. Браун и Г. Юл делают свои выводы об этих взглядах на дискурс, выражающиеся в том, что *цель изучения дискурса* состоит в использовании языковых данных для «описания закономерностей языкового воплощения (того, что язык актуализирует), то есть для описания значений и намерений, используемых людьми для информирования» [6, с. 5]. Аналогичным образом, но в более широком смысле, Кук определяет дискурс как «…употребление языка для коммуникации» [26, с. 4].

И еще, как минимум, одно направление к изучению дискурса нам необходимо представить здесь для полноты современной картины дискурс-подходов. Оно увидело свет в хрестоматийном издании 2001 г. «Дискурс-теория и практика» (авторы-составители – М. Ветерелл, С.Й. Йейтс и С. Тейлор). Данное направление включает в себя уже четыре возможных подхода к дискурс-анализу, реализуемых в единстве дискурс-теории и практики (теории и метода). Ветерелл резюмирует их (с учетом того, что является объектом исследования каждого) следующим образом [27]:

1. Модель, в основе которой язык рассматривается как система, и поэтому исследователи, работая в контексте этой модели, должны выявлять языковые структуры, характерные для данного вида дискурса.

2. Модель, в основании которой лежит функционирование языка, но не язык как таковой. Язык рассматривается здесь как процесс, но не продукт; фокус внимания исследователей здесь – взаимодействие языковых структур и коммуникативных целей в процессе использования языка.

3. Модель, выявляющая языковые паттерны, связанные с определенной темой или деятельностью; объектом исследования здесь становятся типы дискурсов (и их моделирование), как например, юридический дискурс, психотерапевтический дискурс и другие.

4. Модель, выявляющая паттерны в более широких контекстах, таких как «общество» или «культура», где язык рассматривается как часть крупномасштабных процессов или деятельности, а исследовательский интерес выходит за пределы языка (примерами здесь являются политический дискурс или, например, исследование сексизма посредством анализа дискурса).

В Латвии существует несколько образовательных и исследовательских учреждений, в которых проводятся исследования с опорой на дискурс-теорию и дискурс-аналитические практики. При этом, что характерно, активно внедряются разные модели дискурс-исследований. Так, формальный подход при проведении дискурс-анализа можно встретить в работах ученых Института латышского языка, а также членов кафедры латвийских и балтийских исследований Латвийского университета. Этот же подход используется в исследованиях, проводимых на факультете гуманитарных наук и искусств Лиепайского университета, а также исследователями Вентспилской высшей школы [16]. В то же время развитие функционального подхода продвигается в Институте прикладной лингвистики Рижского технического университета на кафедре сопоставительных исследований и теории перевода, а также на кафедре английского языка и литературы Гуманитарного факультета Латвийского университета [16].

Таким образом, можно говорить об определенном росте внимания к данному научному подходу и о принятии его в разных методологических программах. Можно также предположить, что в перспективе в контексте латышского научного сообщества будет преобладать *интегративная парадигма* дискурс-исследований.

1. *McCarthy M*. Discourse Analysis for Language Teachers. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
2. *Harris Z*. Discourse Analysis. Prentice-Hall. 1952/1964.
3. *Foucault M.* Power/Knowledge: Selected Interviews & Other Writings 1972–1977 / ed. and trans. Colin Gordon. New York: Pantheon, 1980.
4. *Fairclough N*. Language and Power. London: Longman, 1989.
5. *Halliday M.A.K and Hasan R*. Cohesion in English. London: Longman, 1976.
6. *Brown G. and Yule G.* Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
7. *Halliday M.A.K.* An Introduction to Systemic Functional Grammar. London: Edward Arnold, 1994.
8. *Halliday M.A.K, Mathiessen C.* An Introduction to Systemic Functional Grammar. London: Hodder Arnold, 2004.
9. *Widdowson H. G*. Learning Purpose and Language Use. Oxford: Oxford University Press, 1983.
10. *Widdowson H. G*. Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis. Oxford: Blackwell Publishing, 2004.
11. *Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Blackwell Publishing, 1994. P. 339–350.
12. *Van Dijk T.A.* Discourse as Social Interaction. London: SAGE Publications, 1997. P. 1–38.
13. *Van Dijk T.A.* Text and context of parliamentary debates / P. Bayley (Eds.). Cross-cultural Perspective on Parliamentary Discourse. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 339–372.
14. *van Dijk T.* Macro Contexts. Lecture First International Conference on Discourse and Intercultural Relations, University of Murcia, September 2004 // Discourse and International Relations. U. Dagmar Scheu Lottgen & José Saura Sánchez (eds.). Bern: Lang, 2007. P. 3–26.
15. *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.
16. The Handbook of Discourse Analysis /Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E., (eds.). Malden. MA: Blackwell Publishing, 2001.
17. *De Beaugrande R., Dressler W. U*. Introduction to Text Linguistics. Longman-Language Arts & Disciplines, 1981.
18. *Trimble L*., English for Science and Technology: a Discourse Approach Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
19. Genre and Institutions /Martin J.R. and Christie F. (ed). London: Continuum, 2000.
20. *Kristev J.* Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art / Leon S. Roudiez (ed.), T. Gora et al (trans.). New York: Columbia University Press, 1980.
21. *Swales J.M.* Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
22. *Swales J.M.* Research genres: Exploration and applications. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
23. Academic Writing in Context: Implications and Applications / Hewings M. (ed.). Birmingham: University of Birmingham Press, 2001.
24. *Bhatia V.K.* Analysing Genre. Harlow: Longman, 1993.
25. *Bhatia V.K.* Worlds of Written Discourse: A genre-based view. London: Continuum International Publishing Group, 2004.
26. *Cook G.* Discourse. Oxford: Oxford University Press, 1992.
27. *Wetherell M, Yates S. J., Taylor S.* Discourse Theory and Practice. A Reader SAGE Publications, 2001.

Галина Гжимил-Тылуцки (Польша, Краков)

СТРУКТУРАЛИЗМ И ФУНКЦИОНАЛИЗМ В ОСНОВАНИИ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Дискурс есть интернациональный концепт, а потому неоднозначен и представляет собой проблему для исследователей. Трудности в его восприятии расширяют объем понятия в зависимости от идейно-методологического контекста, в котором он и функционирует. В качестве данного контекста у значительного числа немецких исследователей выступает *текстология,* в то время как в англоязычном пространстве гораздо более приемлемым для исследователя, и особенно в последнее время, является *критический дискурс-анализ,* сконцентрированный на поиске решений для таких социальных проблем, как неравенство, исключение из социума, доминирование. Что же касается методологического основания, принимаемого значительной группой польских исследователей, то здесь наиболее ярко высупают такие направления, как *структурализм и функционализм*. В этой связи сфокусируем наше внимание именно на них.

Французский дискурс-анализ появился в особенной политической ситуации, в специфическом философском и лингвистическом контексте шестидесятых XX века. Коренящийся в *филологической, герменевтической и стилистической* традициях, он изначально был интегрирован во французский структурализм, который сфокусировал свое внимание не только на языке и литературе, но также на философских, психологических и социологических концептах.

Увлечение Альтюссером в эпоху структурализма, устранившего индивидуальный подход в пользу социального, укоренило роль идеологии как социальной силы во французском гуманистическом сознании. Принимая предложения психоанализа Лакана, Альтюссер развивал идею «ложного сознания» и «иллюзию автономии» субъекта, понимаемого как продукт идеологии. Альтюссерианство, которое может быть обобщено концепцией подчинения, объясняющей отношение субъекта к реальности в терминах репрезентации, станет базисом для автоматического анализа (политического) дискурса Пеше, основанного на методе ключевых слов Харриса. Психоанализ Лакана «взрывает онтологическую концепцию субъективности» [1]. В свою очередь, постмодернисты, которые оказали влияние на формирование новой дискурсивной парадигмы, заполнят это пространство посредством редуцирования *локуса* субъекта в набор субъективных позиций. Субъективные позиции (subject positions) станут позже ключевым концептом во французском дискурс-анализе.

Описывая зарождение французской дискурс-теории, нельзя проигнорировать путь «экстремальной» философии Фуко, из которой сам термин «дискурс» и был заимствован. Нигилистическая, номиналистическая, *нерациональная* философия фокусирует свое внимание на автономном аспекте познания и возможности принятия критики объективного знания. Начальная точка – это освобождение от традиционных концептов, особенно истории и реальности. Отрицая традиционную герменевтику, философ отвергает вопрос поиска скрытых смыслов, а вместо этого он ставит другой вопрос: что дало возможность данным утверждениям появиться в данном месте и в данное время. Суть этого типа мышления – подняться над дискурсом. Дискурс (речевое событие,

связанное с источником ситуации) становится главным объектом «археологического» исследования Фуко. Философ даже больше заинтересован в так называемых «дискурсивных формациях» (термин указывает на группы общающихся, объединенные общими темами и способом их выражения)[2].

Термин Фуко был сохранен. Позже к нему обращается англосаксонский *критический дискурс-анализ*, а французский дискурс-анализ принимает уже *альтессерианство* и *лаканизм*, которые ближе структуралистскому мышлению (хотя в более поздних работах связь со структурализмом становится менее заметной). Если добавить к этому типично французские концепции, такие как структурализм в антропологии (Леви-Стросс) и в литературоведении (Греймас), а также теорию высказывания (Балли, Бенвенист, Кюльоли), то роль родного интеллектуального бэкграунда остается бесспорной.

В таком эпистемологическом контексте в начале семидесятых XX века появляется новая теория, названная *французской школой дискурса*. Главный объект ее исследования – лексика. Соответственно, активно разрабатываются лексикометрические методы. Так, под влиянием дистрибутивного анализа Харриса и в духе структурализма лексика перестает восприниматься как набор единиц и становится *системой связанных и противительных знаков*. И уже смысл слов ищется не по отношению к предмету разговора, а исходя из политического, социального и исторического контекста, в соотношении с определенной *дискурсивной формацией*. Лексике присваивается роль маркера связи между дискурсом и ситуацией, маркера идеологии.

В соответствии с новой концепцией, вклад в которую внес Пеше, язык функционирует в социальной, идеологической формации, он управляется экстралингвистическими, институциональными правилами. Для того чтобы изучать язык в таком контексте, используется сформулированная Пеше концепция автоматического анализа дискурса (ААД), которая дегуманизирует участников коммуникации и интерпретирует их как «воображаемые» позиции («imaginary» positions), связанные с условиями производства (идея Альтюссера). ААД сводит эти «условия производства» к социальной системе языка, без которой дискурс не может быть проанализирован. Дискурс впервые определен как «высказывание, проанализированное с точки зрения обусловивших его дискурсивных механизмов. Текст, с точки зрения его структурализации в языке, становится высказыванием, в то время как лингвистический анализ условий производства этого текста делает возможным увидеть дискурс в нем» [3, с. 5].

Развитие прагматики, социолингвистики, также как и лингвистики текста, внесли свой вклад в эволюцию этой новой лингвистической парадигмы. Новые исследователи ушли от идеологической традиции первого этапа, 1983 год стал годом цензуры. Наполнением нового этапа французского дискурс-анализа продолжает быть исследование того, как вербализируется деятельность субъектов общения в реальной ситуации, но понятие деятельности расширяется. Теперь это уже любая институализированная деятельность, не обязательно ограниченная политической ситуацией. Рассматривая дискурс как социолингвистический ритуал, мы фокусируем внимание на изоморфизме двух связанных аспектов – лингвистического и социального, эта специфическая избыточность позволяет пользователям языка вести себя надлежащим образом в отдельных институализированных ситуациях, реагировать в «риту-

альной» манере на обоих уровнях, вне зависимости от коммуникативных ошибок, появляющихся на одном из них. В типичном примере церемонии бракосочетания сакраментальное «да» и обмен кольцами, наряду со всем контекстом, конституируют неделимое дискурсивное целое. Дискурс, следовательно, это нормативный способ использования языка как деятельности субъектов в частных, конкретных ситуациях. Использование кода регулируется типом дискурса (сферами социальной деятельности: политической, административной, правовой, школьной, академической, религиозной, дискурсом развлечений), учением, позицией (актуализирующей натурализм, национализм, позитивизм, томизм…), статусом субъекта (например, ролями *мать, студент, епископ, судья*…) и стратегией (полемика, дидактизм, убеждение, информация…).

Обновленному статусу дискурс-анализа мы обязаны главным образом лингвистическим работам одного из редакторов *словаря Дискурс-анализа* – Доминику Мэнгено (Maingueneau), представившему холистическое видение данной области знаний – лингвистики дискурса. Это открыло возможность охватить объект наиболее полно, а значит постичь все его проявления. Нельзя не признать, однако, что это не простая теория. Несмотря на свои тридцать лет существования она по-прежнему является проблемной, в частности с позиции ее типологической природы. Так, в одном из последних определений дискурс отождествляется с пространством человеческой деятельности [4], а именно с социолингвистической деятельностью. Дискурс – это институция, которая делает человека субъектом (идея Альтюссера) и осуществляет свой социолингвистический ритуал через него.

Субъективность и ее концепция стала центральной темой в новой теории дискурса *à la française.* Влияние *лингвистического поворота* на форму дискурс-анализа чувствуется особо ярко в прагматическом измерении. Так, в 1998 году, принимая во внимание современные методологии, Доминик Мэнгено перечисляет восемь характеристик в описании дискурса [5]:

1) супрасентенционализм (suprasententiality);
2) ориентация;
3) действие;
4) взаимодействие;
5) контекстуальность;
6) ответственность;
7) нормативность;
8) интердискурсивность.

Все эти термины были знакомы и ранее, однако здесь они появляются (и это важно) как неотъемлемые характеристики дискурса, вписанные в имманентность места человеческой деятельности. Представление о *субъективности как о системном положении* (systemic position) по сути обозначает разрыв с многовековой традицией, которая восходит к риторическим временам, где собеседники оказывались в противостоянии, а значит погруженными в более или менее важный контекст для осуществления взаимодействия. *Роль места (субъекта) в дискурсе не только в том, чтобы преобразовать предмет высказывания в предмет дискурса.* Место субъекта в коммуникации становится гарантом, институционально обосновывающим его связь с социумом. Место, как это следует из определения, обладает также социолингвистической природой. Так, связь участников дискурса контрактом есть предпосылка их общего уча-

стия (doxal), и они уже выполняют свои роли как главные герои в срежиссированной сценографии. Их целенаправленная деятельность, идентичная с жанром, осуществляется в тексте, который несет в себе отпечаток и жанра, и дискурса.

Итак, *французский дискурс-анализ выжил как* ***лингвистическая*** *дисциплина*, несмотря на значительное влияние других дисциплин, особенно философии и социологии. Он по-прежнему стимулирует изучение языка, генерирует новые идеи, гипотезы, критерии описания – и все это на фоне богатого междисциплинарного обсуждения.

1. *Stavrakakis Yannis*. Lacanowski podmiot : niemożliwość tożsamości i centralność identyfikacji // Język, dyskurs, społeczeństwo / L. Rasiński (ed.). Warszawa : Wyd. Naukowe PWN, 2009. P. 362–397.
2. *Foucault Michel*. L'Archélogie du savoir. Paris : Gallimard, 1969.
3. *Guespin Louis*. Introduction : types de discours ou fonctionnements discursifs. Langages 41. 1976. P. 3–12.
4. *Maingueneau Dominique*. L'analyse du discours et ses frontières. Marges Linguistiques 9. 2005. revue on-line.
5. *Maingueneau Dominique*. Analyser les textes de communication. Paris: Dunod, 1998.

Зофия Билют-Хомплевич (Польша, Жешув)

ПОДХОДЫ НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ, АКТУАЛЬНЫЕ ДЛЯ ПОЛЬСКИХ ГЕРМАНИСТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые подходы к дискурс-анализу. В кругу германистов существует несколько вариантов *понимания дискурса*. В частности, Варнке [1, с. 37–38] выделяет следующие три: первый подход, предложенный в 1952 году Харрисом, когда дискурс понимается как структура более высокого, чем предложение, уровня, иначе говоря, *как трансфрастическая единица, совпадающая с текстом*. В современных исследованиях, однако, эта концепция восприятия дискурса представляет лишь историческую ценность. При втором подходе дискурс рассматривают *как ежедневный разговорный язык* в контексте институциональной коммуникации в беседе или диалоге (Ehlich, 1994) и третий подход – дискурс *как набор текстов*, связанных друг с другом формально и функционально в смысле надтекстовой структуры (Busse, Teubert). В современной германистике сегодня значимы второй и третий подходы, один из которых представляет *эпистемологический*, а другой *критический* подходы к дискурс-анализу. Оба в большой степени опираются на идеи М. Фуко.

Эпистемологический анализ дискурса, как можно судить по работам Д. Буссе и Ф. Херманнса, ведет к анализу исторического аспекта языка. Здесь исследуются ключевые слова и понятия в контексте изменения их значений под влиянием общественного и исторического контекста. Исследования исторической (функциональной) семантики приводят к размышлениям о мире и опыте знания в контексте определенного исторического периода. Согласно Варнке, «знание, закодированное в языке, предстает как выражение позиций и ориентиров, языковой рутины, власти и регулирования. Дискурс, со своей стороны, определяет, кому нужно говорить, а кому – молчать» [1, с. 38] (пер. Z. B.-H.).

Критический анализ дискурса понимает дискурс как форму общественных коммуникативных практик. В этой концепции в центре внимания находится анализ власти [1, с. 41]. Дискурс не только демонстрирует общественные отношения, но также их создает и организует [2, с. 386]. Название *критический анализ дискурса* возникает из-за того, что его представители не только описывают действительность, но также ставят перед собой цель изменения ее.

Лингвистика дискурса в контексте лингвистики текста. В германистике исследование дискурса проводится в соотнесении с тем, как исследуется текст, а понятие «текст», в свою очередь, соотнесено с понятием «высказывание». При этом в языковедческих исследованиях широко используется понятие «лингвистика дискурса», которому с недавнего времени приписывается статус особой лингвистической дисциплины.

Лингвистика текста в германистике прошла в своем развитии несколько фаз, отталкиваясь от трансфрастической и проходя семантическую, прагматическую, коммуникативную и когнитивную стадии развития. Точное разделение этих фаз не до конца возможно, а границы между ними часто остаются размытыми.

Многие лингвисты считают лингвистику дискурса продолжательницей лингвистики текста, а исследования в границах лингвистики дискурса – расширением исследований, проводимых в лингвистике текста.

Представители лингвистики текста выражают в своих работах, имеющих характер синтеза, убеждение о необходимости выхода за границы текста, который погружен в прагматику и ситуацию, а также о существовании еще одной плоскости лингвистических исследований – плоскости дискурса [3]. Так, отдельные тексты входят в соединение с другими текстами, создавая дискурс. Некоторые исследователи приписывают текстам черту дискурсивности, рассматривая ее как расширение черт текстуальности [4, 5, 6, 7, 8]. В понимании Варнке дискурс – это транстекстуальная структура, «серийное соединение текстовых событий» [5, с. 134; 6, с. 352]. Тут следует добавить, что тексты, создающие дискурс, связаны между собой не только при помощи интертекстуальных отношений. В понимании германистов-исследователей текста, опирающихся на идеи Фуко, на первый план выходит социальная обусловленность дискурса и его связь с властью и знанием.

Таким образом, в немецкоязычных странах существует несколько групп ученых, занимающихся дискурс-исследованиями, которые разработали свои теоретические и методологические предпосылки. Понятно, что исследователи дискурса вариативны в выборе подхода к изучению такого многоаспектного явления, как дискурс. Следуя этой специфике, все более выразительно манифестируется стремление дискурс-исследователей уточнить собственную позицию. А определение «хамелеон», приписываемое дискурсу [7, с. 22], справедливо лишь отчасти, а именно: в применении разнообразия подходов, лишний раз демонстрируя широкую палитру понимания этого явления. И все же в отдельных концепциях тенденция к конкретизации видится предпочтительной.

Соответственно различна и степень восприятия исследований, проводимых в поле лингвистик текста и дискурса. **При этом синонимическое использование понятий *текст* и *дискурс*, равно как и понимание дискурса как ситуационной (контекстной) реализации текста, уже потеряло акту-**

альность в германистике. В исследованиях дискурса тексты/высказывания – это исследовательский материал, но анализ дискурса все же концентрируется на изучении (реконструкции) конкретных аспектов текста, презентирующих тот или иной тип дискурса, таких как: аргументативные схемы, метафоры или ключевые слова.

В лингвистике дискурс-анализ часто понимается как конкретный корпус текстов (konkretes Korpus) в отличие от виртуального корпуса (virtuelles Korpus), то есть собрания реально созданных в прошлом текстов на данную тему, а также фиктивного корпуса (imaginäres Korpus) [9].

1. *Warnke Ingo.* Text und Diskurslinguistik // Textlinguistik. 15 Einführungen / Janich Nina (ed.). Tübingen, 2008. S. 35–52.
2. *Czachur Waldemar*. Niemiecka lingwistyka dyskursu // Stylistyka XIX. 2010. S. 385–392.
3. *Fix Ulla.* Text und Textlinguistik // Textlinguistik. 15 Einführungen / Janich Nina (Hrsg.). Tübingen, 2008. S. 15–34.
4. *Beaugrande Robert de, Dressler Wolfgang Ulrich*. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
5. *Warnke Ingo*. Adieu Text / bienvenue Diskurs? // Brauchen wir einen neuen Textbegriff? / Adamzik Kirsten, Antos Gerd, Klemm Michael (ed.). Frankfurt/M., 2002. S. 125–141.
6. *Warnke Ingo*. Żegnaj tekście – witaj dyskursie? O sensie i celu poststrukturalistycznego uwolnienia pojęcia tekstu // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy (Antologia tłumaczeń) / Bilut-Homplewicz Zofia, Czachur Waldemar, Smykała Marta (ed.). Wrocław, 2009. S. 277–298.
7. *Heinemann Wolfgang.* Textlinguistik versus Diskurslinguistik? // Moderne deutsche Texte. Beiträge der Internationalen Germanistenkonferenz Rzeszów 2004 / Wierzbicka Mariola, Sieradzka Małgorzata, Homa Jaromin (ed.). Frankfurt/M., 2005. S. 17–30.
8. *Heinemann Wolfgang.* Lingwistyka tekstu kontra lingwistyka dyskursu? // Lingwistyka tekstu w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy (Antologia tłumaczeń). Wrocław, 2009. S. 361–374.
9. *Bluhm Claudia, Deissler Dirk, Scharloth Joachim, Stukenbrock Anja.* Linguistische Diskursanalyse: Überblick, Probleme, Perspektiven // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 88. 2000. S. 3–19.

Екатерина Ядченко (Беларусь, Минск)

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ, ДИСКУРС-ЛИНГВИСТИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА: РАССТАНОВКА АКЦЕНТОВ

Современные направления дискурсивного анализа в Германии развиваются в том числе на основе и французской школы дискурс-анализа, в частности, большое признание ученых получает теория дискурса М. Фуко. Теория дискурса М. Фуко реализуется в Германии в социальных и лингвистических исследованиях, которые зачастую комбинируются в *междисциплинарных проектах* и направлены на анализ социальной реальности с применением лингвистической методологии. Основные принципы теории дискурса М. Фуко можно сформулировать следующим образом:

1. Социальная реальность не задана извне, а конституируется обществом в определенном историческом процессе посредством дискурсов.

2. Дискурсивная реальность не отражает целиком и полностью предметный мир, а лишь предлагает одно его прочтение, характерное для некоего исторического времени.
3. Общественные дискурсы создают предпосылки для субъектообразования, формирования и структурирования общества, то есть конституируются как исторический продукт человеческой деятельности [7, с. 144-157].

Исходя из данной перспективы, формируются основные направления социолингвистического исследования дискурса. Остановимся подробно на некоторых из них.

Дуйсбургский критический дискурс-анализ (Siegfried Jäger, Jurgen Link).

Широкое признание в области *критического дискурс-анализа* получила Дуйсбургская школа, работающая с 1989 года под эгидой Зигфрида Егеря. Дуйсбургский критический дискурс-анализ ставит вопрос о взаимоотношении языка, мышления, знания, деятельности, действительности, с одной стороны, и индивидуума и общества, с другой, ищет выход в широкое социальное пространство. Так, З. Егерь считает, что необходимо выйти за рамки соссюровской парадигмы и изучить исторические процессы смыслообразования, которыми традиционно занималась герменевтика [7 с. 158-171]. Таким образом, Дуйсбургский критический дискурс-анализ стремится восстановить связь индивидуальной деятельности (коммуникативные науки) и общественного устройства, социального поведения (макросоциология), охватить социальную «вплетенность» индивидуума. Сам З. Егерь определяет дискурс как регулирующую инстанцию, формирующую сознание, функционирующую как «поток социального запаса знания, протяженного во времени» [7, с. 58]. С позиции Дуйсбургского критического дискурс-анализа, текст представляет собой фрагмент дискурса, посредством которого «транспортируется» разного рода содержание, касающееся социальных процессов, влияющее на них и способствующее изменению либо стабилизации.

Основные понятия, которыми оперирует данный подход: *интердискурс* (Interdiskurs) [9, с. 69], *дискурсивный уровень* (Diskursebene) [9, с. 38], *дискурсивное ответвление* (Diskursstrang) [9, с. 45], *дискурс-фрагмент* (Diskursfragment) [9, с. 39], *дискурсивное событие* (diskursives Ereignis) [9, с. 40], *дискурсивный контекст* (diskursiver Kontext) [9, с. 42], *поле потенциального значения* (Sagbarkeitsfeld) [9, с. 106] (перевод наш).

На базе негосударственного Дуйсбургского института языковых и социальных исследований проводятся проекты, нацеленные на выявление и критику семантической преемственности эпохи национал-социализма, а также исламофобной и антисемитской семантики в обыденном дискурсе и дискурсе СМИ. В качестве примера, пожалуй, можно отметить проект, посвященный анализу дискурсивного события терактов в Норвегии в июле 2011 года в ведущих печатных СМИ [11]. Цель проекта – выявить и описать дискурсивные конструкты «исламистский теракт» (непосредственно после события) и «правоэкстремистское безумие» (по мере поступления новых фактов), критически продемонстрировать, как трансформируется роль субъекта повествования. Так, если вначале это активный «нападающий», выносящий приговор, то в последующих изданиях перед читателем предстает совершенно иной повество-

ватель – робкий, «невнятный» и «уходящий в тень». Данная дихотомия вынесена в название сборника статей, изданного в результате исследования «Это же не имеет к нам никакого отношения!». Таким образом, было выявлено и описано коллективное «мы» немецкого общества.

Дискурс-лингвистика с перспективы М. Фуко (Ingo Warnke, Jürgen Spitzmüller). Дискурс-лингвистика с перспективы М. Фуко представляет собой социально-научное направление, которое уже вышло за рамки лингвистики, хотя и использует лингвистическую методологию. Оно базируется на интерпретативной парадигме и стало одним из наиболее влиятельных направлений в социальных дискурс-аналитических исследованиях.

В традиции данного исследовательского направления дискурсы понимаются как социоисторические и коллективные структуры знания и социальные практики. Уже М. Фуко заявил, что система «высказываний» творит дискурсивную реальность, при этом «высказывание» не соотносимо ни с грамматическими предложениями, ни с речевыми актами в терминологии Дж. Остина, система «высказываний» представляет собой социокогнитивные и социоисторические правила осуществления дискурсивных практик. В дискурсивной лингвистике по Фуко различие между языком и дискурсом приобретает центральное значение. Язык воспринимается как средство, которое формирует предпосылки для систем «высказываний», но не идентично с ними. Правила системы «высказываний» порождают характерные для определенного дискурса употребления грамматических форм, метафор, тематического развития, аргументативных образцов, риторических стратегий и дискурсивной семантики – системы понятий и концептов [4].

Таким образом, единицей исследования в дискурсивной лингвистике по Фуко становится категория «тема», а объектом – дискурсы и дискурсивные практики, которые систематически оставляют свои следы в текстах, сами же тем не менее не являются ни текстами, ни корпусами текстов. Таким образом, дискурсивный анализ нацелен не на описание корпусов текстов, а на реконструкцию набора правил дискурсивных практик.

Основные понятия, которыми оперирует данный подход: *тема дискурса* (Diskurstopik) [4, с. 32], *высказывание* (Aussage) [там же], *дискурсивная практика* (discursive Praxis) [4, с. 41], *аргументативные образцы* (Argumentationsmuster) [4, с. 43].

Анализ исторической семантики. Научные школы, занимающиеся анализом исторической семантики, – *школа Гейдельберг/Мангейм* (Wolfgang Teubert, Dietrich Busse, Fritz Hermanns) и *Дюссельдорфская школа* (Georg Stötzel). Данное направление демонстрирует рецепцию французского дискурс-анализа с историко-научной перспективы, поскольку расширяет понятие исторической семантики до рамок исторической дискурсивной семантики. Ключевые понятия данного направления: *поле потенциального значения* (Sagbarkeitsfeld) [9, с. 64], *правила функционирования потенциального значения* (Sagbarkeitsregeln) [там же], *толкование смысла* (Deutung) [там же] (перевод наш).

Д. Буссе разрабатывает направление исторической семантики, основываясь на работе М. Фуко «Археология знания», акцентируя внимание на трансформацию понятий в историческом потоке времени. Данная историческая трансформация актуализируется в современных общественных дискурсах, что

можно установить путем привлечения дискурс-лингвистической контекстуализации. Для Д. Буссе историческая семантика – это история коллективного сознания, актуализируемая в определенном дискурсивном поле в определенный период исторического времени и задающая речеповеденческое направление индивидам и социальным группам [1, с. 230].

В широком смысле анализ исторической семантики исследует содержание и трансформацию значения культурных кодов, репрезентированных в языковом высказывании с исторической перспективы. В таком рассмотрении культурные, социальные и политические условия становятся предпосылками того, как в определенное историческое время явлениям приписываются смыслы, и как эти смыслы реконструируются и интерпретируются.

Анализ исторической (дискурсивной) семантики близко соприкасается с диахроническим анализом понятий, традиционно причисляемым к направлениям лингвистики. При этом если первое направление является сугубо лингвистическим и исследует изолированные ключевые лексемы как некие сгустки социокультурного содержания, с целью описать языковую концептуализацию с опорой на контекстное знание, для второго направления первична не этимология слов и понятий, а их историчность и преемственность в языке как форме сознания. Анализ исторической дискурсивной семантики особенно стремится отделить себя от лингвистики текста, так как для нее принципиально речь идет о надтекстовом семантическом порядке. Таким образом, второе направление выходит за рамки лингвистики и вписывается в дискурсивную парадигму знания. Оно связано с толкованием, интерпретацией, ориентировано на привлечение исторического контекстуального знания и его влияние на порождение новых смыслов. Таким образом, историческая дискурсивная семантика представляет важную теоретическую базу для критики языкового употребления.

Материалом, который вызывает наибольший интерес у исследователей школы *исторической (дискурсивной) семантики*, выступают понятия эпохи национал-социализма. Так, исследователи стремятся реконструировать преемственность коллективного поведения индивидов и социальных групп, практикующих правоэкстремизм, речевые практики которых изобилуют понятиями: *Auschwitz-Lüge* («освенцимская ложь»), *Gestapo-Methoden* («гестаповские методы»), *Mischehe* («смешанные браки», в значении «браки между представителями различных рас»), *Endlösung* («окончательное решение», то есть «решение о вынесении смертного приговора»), *gaskammervoll* («полный как в газовой камере», в значении «битком набитый»), *sippenhaft* («по принципу ответственности всех за одного» имеется в виду ответственность всех членов семьи за деяния, совершенные одним из ее членов), *Volksgerichtshof-Ton* («в тоне “народного суда”», имеется в виду чрезвычайный суд для расправы с противниками фашистского режима в Германии 1934-1945), *bis zur Vergasung* («довести кого-то до смерти от отравления газом», в значении «довести кого-то до усталости, изнеможения»), *ausmerzen* («уничтожать, искоренять»).

---

1. *Busse D.* Historische Diskurssemantik. Ein linguistischer Beitrag zur Analyse gesellschaftlichen Wissens. D. Busse. Stuttgart: Klett-Cotta, 2000.
2. *Busse D*. Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfrage und Forschungsergebnisse der historischen Semantik // D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994b.

3. *Çelik S.* Grenzen und Grenzengänger. Diskursive Positionierungen im Kontext türkischer Einwanderung. / S. Çelik. Münster: Unrast, 2006. 296 s.
4. Diskurslinguistik nach Foucault : Theorie und Gegenstände / Hg.: I. H. Warnke. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2007. 278 s.
5. *Foucault M*. Archäologie des Wissens. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002. 186 s.
6. *Jäger M.* Deutungskämpfe: Theorie und Praxis kritischer Diskursanalyse / Margarete Jäger, Siegfried Jäger. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 464 s.
7. *Jäger S.* Kritische Diskursanalyse: Eine Einführung. Duisburg: DISS Studien, 2001. 408 s.
8. *Keller R.* Diskursforschung. Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 624 s.
9. Lexikon Kritische Diskursanalyse. Eine Werkzeugkiste / Hg.: S. Jäger, J. Zimmermann. Münster: Unrast, 2010. 144 s.
10. *Link J.* Kleines Begriffslexikon. KultuRRevolution. 1986. Nr. 11. C. 71.
11. Das hat doch nichts mit uns zu tun: Die Anschläge in Norwegen in deutschsprachigen Medien/ R. Wamper, E. Jadtschenko, M. Jacobsen. Münster: Unrast-Verlag, 2011.

Елена Руденко (Беларусь, Минск)

АМЕРИКАНСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ ДИСКУРСА

Этнолингвистика, начало которой положили знаменитые работы Б. Уорфа [1], стала второй (после генеративной грамматики) содержательно, семантически ориентированной ветвью языкознания, развившейся вслед за структурализмом. Американская этнолингвистика характеризуется иначе, чем европейская, в частности славянская. Отличие между американской и славянской этнолингвистикой заключается в ориентации первой на языковую прагматику, а второй – на языковую семантику [2, 3]. Прагматически, коммуникативно ориентированная русскоязычная этнолингвистика менее распространена в славянском мире, чем семантически, когнитивно ориентированная. Примером первой может служить книга И.И. Токаревой «Этнолингвистика и этнография общения» (Минск, 2003), посвященная различиям в нормах речевого поведения в русскоязычной и англоязычной (британской и американской) среде.

Как известно, в англоязычной лингвистической литературе термин *этнолингвистика* малоупотребителен – употребляются словосочетания *антропологическая лингвистика* или *лингвистическая антропология*, за каждым из которых стоит своя исследовательская традиция. Антропологическая лингвистика продолжает традиции Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа и ориентирована на инвентаризацию вымирающих языков, их описание и типологию.

Коммуникативная направленность и дискурсивный подход свойственны лингвистической антропологии. Ранние работы прагматической, коммуникативной ориентации в американской этнолингвистике опираются на постулирование понятия этнолингвистической ситуации (Ч.Ф. Веглин и М. Харрис) как совокупности речевой деятельности и невербального поведения [4]. А наиболее значительные результаты в коммуникативно ориентированной этнолингвистике связаны с направлением, именуемым «этнографией речи» или «этнографией коммуникации» [5]. В рамках этого направления изучаются модели речевого поведения, принятые в той или иной культуре, в той или иной этни-

ческой или социальной группе. Так, например, в культуре «среднеевропейского стандарта» неформальная беседа нескольких человек предполагает, согласно принятым в данном сообществе правилам хорошего тона, что участники не будут перебивать друг друга, всем поочередно предоставляется возможность высказываться, желающий высказаться обычно сигнализирует об этом (например, словами *позвольте заметить, разрешите спросить* и т.п.), желающий выбыть из числа участников беседы объявляет о своем намерении (*к сожалению, мне пора, я должен ненадолго отлучиться*) и так далее.

Однако европейские нормы речевого этикета не являются универсальными. Совсем иные нормы публичного речевого поведения приняты, например, в ряде культур аборигенов Австралии. Соблюдение индивидуальных прав отдельного участника разговора в этих сообществах не является обязательным правилом: несколько собеседников могут говорить одновременно, реагировать на высказывание другого необязательно, говорящий высказывается, ни к кому специально не обращаясь, собеседники могут не смотреть друг на друга и т.д. Такая модель речевого поведения строится на исходной предпосылке, что все высказывания так или иначе аккумулируются в окружающем мире, и поэтому «прием» сообщения не обязательно должен непосредственно следовать за его «передачей».

Наряду с изучением кодифицированного, нормативного речевого поведения излюбленной темой этнографии коммуникации является языковое выражение относительного социального статуса собеседников: правила обращения к собеседнику, в том числе использование титулов, обращений по имени, фамилии, имени и отчеству (в тех языках, где имеется подобное обращение), профессиональные обращения (например, «доктор» или военные звания), уместность обращений «на ты» и «на Вы» и т.д. Особенно пристально исследуются такие языки, в которых соотношение социального положения говорящего и слушающего закрепляется не только в лексике, но и в грамматике. Примером может служить японский язык, где выбор грамматической формы глагола зависит от того, стоит ли слушающий выше говорящего в социальной иерархии или ниже, а также от того, входят ли говорящий и слушающий в одну социальную ячейку (один коллектив) или нет (то есть является ли слушающий для говорящего «своим» или «чужим»). Кроме того, учитываются не только отношения между говорящим и слушающим, но также и отношения между говорящим и лицом, о котором идет речь. В результате комплексного действия этих ограничений один и тот же человек употребляет разные формы глагола при обращении к подчиненному и к начальнику, к сослуживцу и к незнакомому человеку, к своей жене и к жене соседа и т.д. [6].

В грамматике находит отражение и такая особенность речевого этикета японцев, как стремление избежать однозначного, «грубого» отказа. Например, активное и частное употребление страдательного залога свидетельствует о том, что предмет речи нежелателен для говорящего: говорящий оценивает его отрицательно.

Помимо норм речевого этикета, этнография коммуникации изучает ритуализованные в тех или иных культурах типы дискурса, такие, как заседание суда, защита диссертации, торговая сделка и тому подобные; правила выбора языка при межъязыковом общении; языковые конвенции и клише, сигнали-

зирующие о принадлежности текста к определенному жанру (*жили-были* – в сказках, *слушали и постановили* – в протоколе заседания) и т.д. [6].

В последние два-три десятилетия развиваются и другие области антропологии, привлекающие лингвистические методики. К таким областям следует отнести исследование проблем социальной идентичности (социальных идентичностей), широко понимаемой социальной идеологии (идеологий), а также нарратива при взаимодействии между индивидуумами и группами.

Все обозначенные области исследования представляют различные дискурсивные практики. Например, изучение социальной идентичности, предпринятое лингвистическим антропологом Доном Куликом в деревне Гапун (Папуа – Новая Гвинея), посвящено распределению типов дискурса на разных языках: языке тайап – родном языке жителей деревни и ток-писине – официальном языке Папуа – Новой Гвинеи. По мнению автора, речь на родном языке укрепляет идентичность говорящих и личную автономность, в то время как речь на ток-писине характерна для христианского и официального дискурса [7].

Лингвистические антропологи Элинор Окс и Бамби Шиффелин в серии работ по социализации утверждают, что процессы инкультурации и овладения языком происходят совместно. Окс и Шиффелин показали, что во всех обществах детей социализируют как к языку, так и посредством языка. Например, в семьях среднего класса в Южной Калифорнии равно отец и мать создавали дискурс мужского доминирования. В процессе бесед и простых историй за обедом внедрялся синдром «отец знает лучше», а также специфическим образом распределялись дискурсивные роли: протагониста (главного героя) – как правило, был ребенок, часто мать и почти никогда отец, и «проблематайзера» – часто отец, который задает «неудобные» вопросы и подвергает сомнению компетентность протагониста [8,9].

В последующих работах Шиффелин анализировала дискурс пасторов в Папуа – Новой Гвинее, отметив, в частности, введение ими в коммуникации с местными жителями новых способов передачи знаний посредством новых эпистемических маркеров, а также новые способы репрезентации времени [10].

Еще один пример коммуникативно-прагматической ориентации современной американской лингвистической антропологии – исследования в области «языковых идеологий». В частности, Кэтрин Вулард анализировала употребление разных вариантов одного языка (переключение дискурсивных кодов) в разных типах коммуникации или даже в пределах одного высказывания [11].

К области языковых идеологий относятся также попытки навязать те или иные роли английскому и испанскому языку в США. Этнолингвисты исследуют демагогические приемы политического дискурса, внедряемые посредством языковых инструментов. Например, упоминания сенатором-республиканцем от штата Теннеси английского языка как «официального» языка США и его утверждения о том, что английский язык – «в крови американцев», ставят целью сконструировать роль английского языка и национальную идентичность через метафору «кровь» [12].

Еще одна группа *дискурсивно-этнолингвистических* исследований – это исследования так называемых «социальных пространств». Михаэль Силверштейн, ученик Романа Якобсона, постулирует структуризацию социума (в ча-

стности, его неформального центра) через закрепление устойчивых *типов дискурса* и *ритуалов* (дискурсивных практик), присущих тем или иным социальным структурам; они закрепляются за этими структурами, делая их более стабильными [13].

Немногие приведенные примеры коммуникативно ориентированных этнолингвистических работ в США очевидным образом демонстрируют их прямую связь с дискурсивными исследованиями. Характерно, что современная американская лингвистическая антропология не соотносит себя однозначно с изучением первобытных или экзотических сообществ, их традиционной культуры, ритуалов и мифологии. Эта тенденция характерна сегодня для этнолингвистики в целом – она видит предмет своего исследования в языке любых социальных групп.

1. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 135–168.
2. *Токарева И.И.* Этнолингвистика и этнография общения. Минск, 2003.
3. *Plas P.* Slavic ethnolinguistics and Anglo-American linguistic anthropology: convergences and divergences in the study of the language-culture nexus // Etnolingwistyka. Lublin: UMCS, 2006. № 18. P. 135–144.
4. *Harris M.* Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture. N.Y., 1979.
5. *Hymes D.* Breakthrough into Performance // Vain I Tried to Tell You: Essays in Native American Ethnopoetics. Philadelphia, 1981 [1975]. P. 79–141.
6. Этнолингвистика // Энциклопедия Кругосвет // http://www.krugosvet.ru/enc/ gumanitarnye_nauki/lingvistika/ETNOLINGVISTIKA.html.
7. *Kulick D.* Language Shift and Cultural Reproduction: Socialization, Self and Syncretism in a Papua New Guinea Village. Cambridge, 1992.
8. *Ochs E., Schieffelin B.* Language Acquisition and Socialization: Three Developmental Stories and Their Implications // Culture Theory: Essays on Mind, Self, and Emotion. N.Y., 1984. P. 276–320.
9. *Ochs E., Taylor C.* The «Father Knows Best» Dynamic in Dinnertime Narratives // Linguistic Anthropology: A Reader. Oxford, 2001. P. 431–449.
10. *Schieffelin B.* The Give and Take of Everyday Life: Language Socialization of Kaluli Children. Cambridge, 1990.
11. *Woolard K.* Codeswitching // Companion to Linguistic Anthropology. Malden, 2004. P. 73–94.
12. *Horwitz T*. Immigration – and the Curse of the Black Legend // New York Times. Week in Review, July 9, 2006. P. 13.
13. *Silverstein M.* «Cultural» Concepts and the Language-Culture Nexus // Current Anthropology. 2004. № 45(5). P. 621–652.

Ирина Ухванова-Шмыгова, Екатерина Гуренчик (Беларусь, Минск)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО СЛОВАРЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА «DICTIONNAIRE D'ANALYSE DU DISCOURS»)

Национальные лексикографические издания всегда несут в себе факт институционализации явлений реальности, которые они фиксируют. Это относится и к *Словарю анализа дискурса* – **Dictionnaire d'analyse du discours**, изданному в издательстве Seuil в 2002 году под редакцией двух известных французских лингвистов Патрика Шародо и Доминика Менгено [1]. Общий объем из-

дания – 664 страницы, 379 словарных статей, 1305 библиографических источников. Авторы-составители – известные лингвисты, специалисты по лингвистике дискурса Жан-Мишель Адам, Симон Бонафу, Соня Бранко-Розофф, Жозиан Бутэ, Катрин Кербат Ореккъони, Софи Муаран, Кристиан Плантен. Соня Бранко-Розофф неоднократно приезжала в Беларусь, выступала с лекциями по дискурс-анализу перед студентами факультета журналистики БГУ, публиковалась, в том числе в Балтийском региональном филологическом издании Respectus Philologicus (ISSN 1392-8295). *Словарь* собрал воедино всю палитру знаний, накопившихся во Франции за последние десятилетия по анализу дискурса и лингвистике дискурса, акцентировав внимание научной общественности на факте признания этого нового академического направления *лингвистика дискурса* в качестве состоявшегося и активно развивающегося. *Словарь* дал нормативное употребление терминологии, проведя демаркационную линию между лингвистикой дискурса и лингвистиками языка и речи.

В Предисловии к данному изданию дано обращение главных редакторов к читателям словаря, в котором они формулируют цели и задачи издания. Среди них две позиции представлены в качестве доминантных. Это, *во-первых*, необходимость сообщить широкой лингвистической общественности о возникновении новой дисциплины и, *во-вторых*, стремление участников проекта направить поиск тех, кто выбрал данное поле для своих исследований, в нужное и актуальное русло. Уже при первом знакомстве с содержанием словаря обращает на себя внимание стремление авторов-составителей включить в него все многообразие подходов разных школ анализа дискурса, сформировавшихся на родине дискурс-анализа. Поэтому многие термины поданы в разной интерпретации со ссылками на первоисточники трактовок, что дает возможность увидеть, насколько выбор и содержание терминологии варьируется от одной научной школы к другой.

Интердисциплинарность – это еще одна характерная черта данного словаря: авторы-составители демонстрируют последовательность в том, чтобы учесть особенности употребления ключевых понятий дискурс-анализа в разных контекстах – не только собственно лингвистическом, но и в таких направлениях, как социология, психология, философия, с учетом многообразия и этих научных школ. Здесь же Патрик Шародо и Доминик Менгено фиксируют некоторую парадоксальность дискурс-подхода в контексте такой его характерной черты, как интердисциплинарность. В частности, эта парадоксальность проявляется в том, что, *с одной стороны*, дискурс включает в себя социологические, психологические и антропологические *аспекты реализации*, но *с другой* – он является ядром, своеобразным *центром этих же наук*. Именно это противоречие и приводит к сложным отношениям, установившимся между дискурсом направления в целом и дискурсами отдельных наук, органично вплетенных в его ткань. Наличие или отсутствие междисциплинарных границ – причина постоянно возобновляющихся дискуссий о месте каждой.

В этом контексте показателен фокус внимания авторов Предисловия на том, что человек (и это понимали еще в древности) находится не за пределами, а внутри языковой системы: «Мы *все как бы «вписаны» в языковую систему и в ее дискурс-реализацию. Но, впрочем*, – добавляют авторы Предисловия, – *значимость этого факта нам предстоит еще осмыслить и доказать*» [1, с. 6–12].

В предисловии к словарю объясняется также специфика организации данного справочного издания. Так, структура словаря призвана обеспечить удобство пользования им: (а) статьи расположены в алфавитном порядке, что обеспечивает быстрый поиск нужного термина; (б) в конце каждой статьи даны ссылки на терминологию, непосредственно соотнесенную с определяемым термином, что позволяет увидеть специфику парадигматической организации терминологии; (в) предлагаемая в конце словаря библиография весьма подробна и содержит практически все случаи упоминания авторов тех или иных подходов и их работ. Иначе говоря, словарь интертекстуален, обеспечивая системные связи разного уровня между включенными в него терминами и их производными.

Помимо этого, словарь организован тематически. Так, вся лексика разбита на ***три тематических блока***:

(1) общая терминология – 83 термина;

(2) единицы анализа – 88 терминов;

(3)подходы (методы, приемы) – 189 терминов.

Как видим, количественно доминирует третий блок, фокусирующий внимание на новых способах, методах, приемах анализа, с которыми пришла к нам лингвистика дискурса. Впрочем, понятно, что терминология, представленная как система, не предполагает, что каждая из единиц этой системы обладает лишь одной функцией. Соответственно, вполне естественен тот факт, что любой из терминов может находиться одновременно в разных тематических блоках. Тотальное пересечение терминологии – это еще одна характерная черта словаря. Значимость третьего блока еще и в том, что он максимально структурирован. Так, если *первый* тематический блок монолитен, то *второй* организован уже по трем группам *(слово, текст, интердискурсивность),* а третий – по пяти (*нарративный и прагматический* анализ, *аргументативный и риторический* анализ, *коммуникативный* анализ, *конверсационный* анализ, *квантативный* анализ).

Терминология этих трех блоков представлена в конце статьи в Приложении на двух языках – французском и русском. Нам показалось важным дать эту терминологию здесь, чтобы наглядно продемонстрировать терминологическую репрезентативность лингвистики дискурса. Полагаем, что факт подачи этой терминологии в алфавитном порядке в каждом из блоков и групп удобен для начального знакомства с направлением, ибо позволяет осознать объем и специфику, а группировка – центры внимания данного научного направления.

Но продолжим наше знакомство со словарем. На что еще авторы проекта обращают внимание читателей? Дискурс-пространство многозначно и многопрофильно, и в этом сложность его познания. И тем не менее наша задача понять и принять это. Терминология любого направления семантически определена, но если семантика фокусирует наше внимание на отдельных лексических единицах, то ***при актуализации характеристик сложного объекта (каким является дискурс) объем семантического наполнения понятия неизбежно меняется***. Как именно и что играет решающую роль в трансформации объема содержания лингвистической терминологии?

Давайте посмотрим на словарь с позиции не столько пользователя, сколько исследователя. Так, мы провели свое *пилотажное исследование словаря,* в

котором нашей *целевой установкой* стало исследование специфики репрезентации в словарных статьях двух терминов («актант» и «дискурс») в их взаимодействии; *объектом* – сам словарь, а *предметом* – выбранные словарные статьи. Причем нас интересовали как сами статьи в их целостности, так и отсылки словарных статей, помогающие реконструировать связи как внутри терминологической системы лингвистики дискурса, так и (в какой-то степени) внутри дискурсного сообщества. В результате этого исследования мы пришли к следующим выводам:

✓ **Первый вывод** сосредоточен на идее ***терминологического единства словаря.*** Это не просто специализированный словарь, дающий терминологию определенной области знаний по алфавиту. Это словарь-система, словарь-гипертекст. Так, мы обнаружили, что терминологические подгруппы, обозначенные словарем, имеют непосредственные пересечения. В частности, мы увидели, что часть терминов встречается одновременно в двух (из трех: общая терминология, единицы анализа, подходы) тематических блоках. Это – авторитет (*autorité),* арго (*argot),* аргументативная переформулировка (*reformulation argumentative*), аргументативный коннектор (*connecteur argumentatif),* гипербола (*hyperbole*), гипертекстуальность (*hypertextualité*), деноминация *dénomination),* дефиниция (*définition*), диалогизм (*dialogisme*), дискурсивная матрица (*matrice discursive*), косвенная речь (*discours rapporté*), дефиниционная парадигма *(paradigme définitionnel),* жанр дискурса (genre du discours), жестикуляция (*gestualité*), инференция (*inférence*), законы дискурса (*lois du discours*), имплицитный (*implicite*), ирония (*ironie*), кавычки (*guillements*), кадрирование (*cadrage*), коннектор *(connecteur),* контекст (*contexte*), контраргументация (*contre-argumentation*), лексикометрия (*lexicométrie*), метафора (*métaphore*), метонимия (*métonymie*), недоразумение (*malentendu*), объяснение (*explication*), объект дискурса (*objet de discours*), паратекст (*paratexte*), письменный/устный (*écrit*/*oral*), повторяющийся сегмент (*segment répété*), пастише/подражание (*pastiche*), полифония (*polyphonie*), пунктуация (*ponctuation*), референция (*référence*), переформулировка (*reformulation*), речевой акт (*acte de langage*), ситуация коммуникации (*situation de communication*), скрипт (*script*), слушатель (*locuteur*), совместная встречаемость (*cooccurence*), согласование *(concordance),* социальная этимология *(étymologie sociale),* специфичность (*spécificités*), стратегия дискурса (*strétégie de discours*), схематизация (*schématisation*), субъект дискурса (*sujet du discours*), текст (*texte*), уместность (*pertinence*), воздействие (*persuasion*), формулировка (*formule*), функции языка (*fonctions du langage*), эмоция (*émotion*). Группа слов, которые обнаружены во всех трех тематических блоках, несколько меньше по объему. Это, в частности, такие слова, как адресат (*destinataire*), дискурсивная память (m*émoire discursive*), каптаж (*captation*), литота (*litote*), речевой макроакт (*macro-acte de langage*), эвфемизм (*euphémisme*), этос (*éthos*). Иными словами мы можем сказать, что словарь демонстрирует факт системности терминологии лингвистики дискурса, а значит и *факт состоятельности лингвистики дискурса* как лингвистической дисциплины;

✓ **Второй вывод** констатирует факт сопричастности всей терминологии направлению лингвистики дискурса. Возможно, отдельно следует назвать группу терминов, в которой обнаружено двойное «звучание» (и это 47 терми-

нологических единиц). Эти термины, как двуликие Янусы, одно лицо повернуто в сторону лингвистики в целом, а другое – в дискурс-лингвистику. Мы условно разделили их на три подгруппы, которые и представлены в таблице 1.

Таблица 1

Терминология лингвистики дискурса «двойного звучания»

1	**Термины, отражающие компонентный состав дискурса**	**актант (actant),** актор (acteur), оценка (apprréciation), канал передачи (canal de transmission), коммуникативное сообщество (communauté de communication), надъязыковое сообщество (communauté translangagière), знание (connaissance), кореференция (coréférence), дефиниция (définition), деноминация (dénomination), эмоция (émotion), идентичность (idéntité), индивидуализация (individuation), инференция (inférence), информация (information), читатель (lecteur), легитимация (légitimation), лексема (lexème), слово (mot), регистр (registre), роль (rôle), клише (cliché), стереотип (stéréotype), лексика (lexique).
2	**Термины, характеризующие дискурс**	неоднозначность (ambiguïté), цепочка референтов (chaîne de référence), пафос (pathos), убеждение (persuasion), уместность (pertinence).
3	**Термины, называющие приемы и методики анализа**	Приемы: автонимия (autonymie), кадрирование (cadrage), каптаж (captation), коммуникация (communication), коммуникативный договор (contrat de communication), генерализация (généralisation), полифония (polyphonie), пунктуация (ponctuation), переформулировка (reformulation), профессия (spécialité), популяризация (vulgarisation). Методики: корпус (corpus), языковое формирование (formation langagière), паратекст (paratexte), языковая практика (pratique langagière), социальная репрезентация (représentation sociale), стратегия дискурса (stratégie du discours).

Поясним, что здесь ***компонент*** рассматривается как составная часть какой-либо системы, ***характеристика*** – как совокупность свойств, ***прием*** – как комплекс действий по выполнению какой-либо операции, а ***методика*** – как готовый алгоритм для проведения каких-либо нацеленных действий.

✓ **Третий вывод** может быть сконцентрирован вокруг интерпретативного анализа словарных статей «актант» (actant) и «дискурс» (discours). Термин «актант» включен главными редакторами словаря в одну тематическую группу (общая терминология), а термин «дискурс» так или иначе (как самостоятельно, так и в различных словосочетаниях) проходит по всем тематическим группам.

Остановимся на этом выводе подробнее и посмотрим на специфику интерпретации этих терминов в соответствующих словарных статьях.

Термин «актант» (actant) [1, с. 15–16] – первая терминологическая единица словаря; термин представлен как одновременно используемый тремя исследовательскими полями – *лингвистикой, нарративной семиотикой и лингвистикой дискурса,* обозначая при этом участников коммуникации (или их объективированные факты, например действия), которые выполняют либо активную, либо пассивную роль (функцию). ***В лингвистике*** термин рассматривается в контексте предложения и определяется Люсьеном Теньером как «люди либо объекты, участвующие в процессе общения (1965)». Согласно

Теньеру различаются «три типа актантов: агент (ответственный за выполнение действия), объект (то, на что направлено действие) и тот, в чью пользу либо ущерб выполняется действие». Например, в предложении «Жак дарит цветы Катрин» «Жак» – агент (первый актант), «цветы» – объект (второй актант), «Катрин» – актант, на который направлено действие (третий актант). Так как во французском языке порядок слов является фиксированным, то выбор актанта играет важную роль, ибо связан с грамматической категорией падежа. Первый актант соответствует именительному падежу, второй – родительному, а третий – дательному. ***В нарративной семиотике*** термин рассматривается в рамках структуры нарратива и обозначает героев, участвующих в повествовании. Они могут быть рассмотрены и на поверхностном и на глубинном уровнях. Так, *поверхностный* уровень отражает нарративную организацию высказывания. Здесь каждый актант повествования наделен ролью (агент, объект, бенефициант), которую он выполняет в процессе развития истории («актант» в этом случае противопоставляется «персонажу», ибо один и тот же персонаж может выполнять роли различных актантов и, наоборот, два персонажа могут выполнять одну и ту же роль). (Эта идея подается в словарной статье со ссылкой на Проппа – Propp, 1970). *Глубинный* уровень затрагивает организацию воспроизведения рассказа, его реконструкцию. Так, здесь наблюдаемыми становятся оппозиции субъект/объект высказывания либо адресант/адресат высказывания (Creimaset Courtès, 1979). ***В лингвистике дискурса*** этот термин используется шире. Так, с одной стороны, он приемлет подход нарративной семиотики (когда речь идет об анализе повествовательной специфики содержания), но также используется и для того, чтобы обозначить компоненты речевого акта (то есть выходя за рамки предложения в рамки высказывания и далее).

Термин **«дискурс» (discours**) [1, с. 185–190] дан в словарной статье на пяти страницах. Первое, что отмечает словарь, это его давнюю историю существования**.** В классической философии термин трактуется в контексте дискурсивного знания, обладающего причинно-следственной характеристикой, что противостоит идее интуитивного знания. В контексте *лингвистики* первый, кто обратил внимание на термин «дискурс» и занялся его изучением, был Г. Гийом. В словарной статье отмечается, что стремительное распространение этого понятия связано с упадком структурализма и подъемом прагматических течений. Значимость термина ***в лингвистике*** определяется его вхождением в четыре классические оппозиции:

1) *ДИСКУРС против ФРАЗЫ* (предложения). Дискурс не есть фраза. Он выступает как целостность, состоящая из некоторой протяженности фраз (предложений). Именно это определение имеют в виду, когда говорят об «анализе дискурса», а точнее, «грамматике дискурса». Сегодня же, как отмечается в словаре, предпочитают это явление называть текстуальной или текстологической лингвистикой, где дискурс трактуется как нечто большее, как *сверхфразовое единство.*

2) *ДИСКУРС против ЯЗЫКА.* Дискурс не есть язык. Причем как бы не трактовали понятие «язык». Так, (1) если под языком понимается система потенциальных значений, то, в отличие от него, дискурс происходит в реальности, в определенном контексте, который «проверяет» эти значения и из них создает новые. Дискурс социально значим (и язык социально значим, но по-другому).

Например, Гарднер утверждает, что «дискурс – это использование людьми звучных, отчетливых знаков с целью сообщения другим своих желаний или высказывания мнений по разным поводам»; (2) если же понятие «язык» определяют как «систему, разделяемую членами лингвистической общности», то он противостоит дискурсу в ином плане. Дискурс в этом контексте есть сфера использования этой системы. Тогда речь может идти о разном: о (а) локализации языка в каком-то дискурсном поле, или о (б) типе дискурса, но также и (в) специфике лексики, которая употребляется ситуативно, или (г) реализуемых функциях языка в их соотнесении.

3) *ДИСКУРС против ТЕКСТА.* Дискурс не есть просто текст, а только текст, включенный в контекст.

4) *ДИСКУРС против ВЫСКАЗЫВАНИЯ.* Дискурс не есть высказывание. Различие этих понятий позволяет понять специфику каждого и тем самым проследить оппозицию двух способов понимания сверхфразовых единиц. Сверхфразовое единство может выступать и как лингвистическая единица (например, высказывание), и как *след* речевого акта, детерминированный исторически и социально.

Так что же такое ДИСКУРС В ПРОЕКЦИИ НА ЛИНГВИСТИКУ ДИСКУРСА? Словарная статья в этом пункте весьма лаконична и четко структурирована. Так, объяснение подается в семи позициях, которые предваряются уточнением поля лингвистики дискурса. Отмечается, что уже в 80-е годы XX столетия наблюдается распространение и внедрение термина «дискурс» *в лингвистические науки*, и в связи с этим активно формируется новое исследовательское поле, сконцентрированное вокруг ряда направлений «область дискурса», «анализ дискурса» и других (их названия словарь не уточняет, констатировав лишь факт наличия других). Распространение понятия «*дискурс*», как уточняет словарная статья, связано с «симптомом модификации способа понимания языка». Иначе говоря, идея связки «язык-речь-дискурс» остается релевантной. И уже далее отмечается, что в результате такой эволюции знания и был сформирован ряд идей по отношению к термину «дискурс», суть которых буквально в следующем:

1. Дискурс допускает сверхфразовую организацию.
2. Дискурс обладает категорией направленности.
3. Дискурс – это форма действия.
4. Дискурс несет в себе диалоговый характер.
5. Дискурс включен в контекст.
6. Дискурс регулируется нормами.
7. Дискурс является составной частью интердискурса.

Словарь дает следующие пояснения этим семи позициям: (1) Слова «дискурс допускает сверхфразовую организацию» означают, что дискурс не всегда проявляется в последовательности слов и что ***дискурс, в отличие от фразы, заставляет нас по-другому воспринимать речь*** *(понимать тексты).* (2) Категория направленности в дискурсе требует ***учета развития дискурса во времени***. Да, он может «отклониться в сторону», «вернуться к изначальному направлению», «поменять направление» и т.д. Все ***зависит от адресанта***, который контролирует свое высказывание от начала до конца. (3) Дискурс как форма действия включает идею взаимодействия речевых актов с не-

вербальной деятельностью. (Так, можно было бы сказать, что жанр и формат как речевая/дискурсная практика и вид деятельности «работают» в дискурсе в полном согласовании). Словарная статья предлагает с этой точки зрения посмотреть на такие дискурс-реализации, как *листовка, телевизионный сериал, медицинская консультация и т.д.* (4) Диалоговый характер дискурса означает имманентно присущую ему интерактивность. А самый ***яркий пример интерактивности*** – это общение, где два или более субъектов коммуникации согласовывают свои высказывания, выражают свое мнение по теме и оценивают то, как повлияли слова друг друга на их собственные убеждения. (5) Включенность дискурса в контекст указывает не только *на* ***невозможность установления смысла вне контекста***, но и на то, что он – помощник в понимании сказанного. (6) Дискурс регулируется (общими) нормами ибо ***дискурс – явление социальное***. (7) Дискурс в связке с другими дискурсами (интердискурс) означает ***зависимость интерпретации отдельного от совокупности*** – так и устанавливается связка с контекстом.

Результат интерпретативного анализа показывает, с одной стороны, многоплановость терминов, а с другой стороны, их точность попадания в исследовательский контекст, исследовательское направление. Последнее и определяет его семантическое наполнение, его значение и значимость, его место в лингвистике дискурса. Отдельно отметим здесь, что словарная дефиниция «дискурс» характеризует трактуемое явление синтезировано, а именно в единстве информативного и интерактивного, идеального и материального, индивидуального и социального, текста и контекста, времени и места. Последнее обстоятельство значимо для понимания специфики обсуждаемого предмета. Лингвистика дискурса объектом своего исследования делает сложную комплексную единицу, а значит и сама она (как теоретическая дисциплина) может и должна быть рассмотрена в контексте теорий комплексных систем, что, впрочем, не исключает, а наоборот, предполагает ее открытость практике. При этом понятно, что сложность теории приумножает количество практических областей ее применения.

✓ **Четвертый вывод** сконцентрирован вокруг терминологических отсылок, которые вполне естественны в словарях и позволяют проследить системные связи термина. Насколько глубоки эти связи в контексте анализируемого нами словаря мы и взялись реконструировать. Оттолкнувшись от первого термина, презентированного словарем «актант» (actant), мы проследили отсылки четырех планов (каждый последующий план представляет собой отсылки отсылок). Результаты данного поиска мы представили в *таблице* 2. Таблица дана на языке оригинала – французском.

Комментируя содержание таблицы, можно сказать, что она: (1) дает объем парадигматического содержания термина «актант»; (2) позволяет представить маршрут следования от одного центра (актант) к другому (дискурс); (3) дает возможность увидеть значимость терминов, связующих оба центра, а это две цепочки:

1. Актант → Актор → Идентификация → Дискурсная формация → Дискурс
2. Актант → Говорящий → Собеседник → Интердискурс → Дискурс

Обе цепочки выводят нас на значимость субъектной ситуации общения и ее идеальной репрезентации, а также на необходимость ее реконструировать и

осмысливать с разных сторон. Так, если в первом случае акцент делается на адресанте (активная позиция участника общения), на осознании его самостности и того, в какой тип дискурса он входит, фактически его создавая, то во втором случае делается акцент на взаимодействии коммуникантов и совместном создании и управлении дискурсом. Так реконструкция выводит исследователя на моделирование коммуникативного продукта с разных центров, разных фокусов внимания. Иначе говоря, «путешествуя» по словарю по отсылкам, мы неизбежно выходим (используя терминологию Флоренского) на многоцентрированную перспективу [2].

Проведя исследование, мы можем предложить ***практический комментарий***-рекомендацию для тех, кто работает или будет работать с этим словарем. Так, пользователям следует обратить внимание на то, что:

- знакомство с терминологией лингвистики дискурса – это неспешное, вдумчивое многоярусное чтение. Многоярусность определяется тем, что терминология лишь отталкивается от лингвистики языка (либо речи), но становится при этом вполне самостоятельной, самодостаточной системой, которую и надо воспринимать в качестве таковой. Полушаг ведет к терминологической путанице и общей неудовлетворенности как лингвистов-дискурсологов, так и лингвистов других специализаций, стремящихся познакомиться с лингвистикой дискурса;
- терминология лингвистики дискурса – это своеобразное системно-структурное образование, которое одновременно и закрыто (относительно устойчиво) и открыто (новому видению, новым научным школам, а значит и теориям и, соответственно, новой терминологии, либо новому заполнению уже имеющейся в распоряжении общенаучного и специальнонаучного «багажа». Это демонстрирует словарь также и благодаря сноскам на персоналии – дискурсное сообщество лингвистики дискурса;
- словарь читается от любой словарной статьи, и участник этого процесса двигается по самым разным траекториям, строя для себя свои дискурсии. Причем, эти траектории можно вести по предметно-тематическому содержанию, а можно и по кортежному (субъект-субъектному). Так, например, если мы обратимся к словарной статье «дискурс», то найдем там семь ссылок на следующие персоналии, которые далее представлены в библиографии.

> *Z.S. Harris (1969)* – см. в библиографии словаря: «Analyse du discours», trad. fr., Langages, 13, 8-45 (1er éd. 1952, «Discours analysis», Language, vol. 28, 1-30)… *A.H. Gardiner (1989 : 24)* – см. в библиографии словаря: Langage et acte de langage. Aux sources de la pragmatique, Presses universitaires de Lille (1er éd. 1932, The Theory of Speech and Language, Oxford, Clarendon Press). *G. Guillaume (1973 : 71)* – см. в библиографии словаря: Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume, Valin R. (éd.), Québec, Presses de l'université Laval/Paris, Klincksieck. *E. Benveniste (1966 : 266)* – см. в библиографии словаря: Problèmes de linguisyique générale, paris, Gallimard. *M. Foucault (1969 : 153)* – см. в библиографии словаря: L'Archéologie du savoir, Paris, Gallimard. *Adam J.-M., (1999 : 39)* – см. в библиографии словаря: Linguistique textuelle. Des genres de discours aux textes, Paris, Nathan. *Guespin (1971:10)* – см. в библиографии словаря: «Problématiques des travaux sur le discours politique», Langages, 23, 3–24.

Таблица 2

Парадигматическое поле термина «Actant»

	Отсылки 1-го плана		Отсылки 2-го плана	№	Отсылки 3-го плана	Отсылки 4-го плана
ACTANT	**Acteur**	(1)	locuteur	1	Interlocuteur, Recepteur, *Enonciateur,* Émmetteur, Énonciation, Sujet parlant	
		(2)	**Identite**	2	**Formation Discursive**	Analyse du discours, Archéologique analyse du discours, **DISCOURS,** École française d'analyse du discours, Genre de discours, Positionnment
				3	Individuation	Contrat de communication, Dialogisme, Interdiscourse, Positionment,Stratégie de discours
				4	Positionnment	Analyse de discours, Champ discursif, Formation discursive, Investissement generique
				5	*Rôle*	Identite, Cadre participatif, Locutif acte
		(3)	Cadre participatif	6	Contexte	Cadre participatif, Ethnographie de la communication, Ethnomethodologie, Footing, Pragmatique
				7	*Déstinataire*	
				8	Dialogue	Cadre participatif, Conversation, Dialogisme, Monologue, Polyphonie
				9	Footing	Cadre participatif, Contexte, *Déstinataire*, Interaction, Negociation, Polyphonie
				10	Interaction	Analyse conversationnelle, Conversation, Ethnographie de la communication, Ethnomethodologie, Negociation
				11	*Rôle*	Identite, Cadre participatif, Locutif acte
		(4)	Rôle	12	Identite, Cadre participatif, Locutif acte	
		(5)	Sujet parlant	13	Émmetteur,	Locuteur, Sujet parlant
				14	Interlocuteur	*Déstinataire*, *énonciateur*, Émmetteur, Locuteur, Recepteur
				15	Locuteur	Interlocuteur, Recepteur, *Enonciateur*, Émmetteur, Énonciation, Sujet parlant
				16	Polyphonie	Dialogisme, Dialogue, Discourse rapporte, Énonciation, Ironie, Modalisation, Point de vue
				17	Recepteur	Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Interlocuteur, Sujet parlant.
				18	Sijet du discours	Co-énonciateur, Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Locuteur, Sujet parlant
	Interlocuteur	(6)	*Déstinataire*			
		(7)	*Énonciateur*			
		(8)	Émmetteur	19	Locuteur	Interlocuteur, Recepteur, *Enonciateur*, Émmetteur, Énonciation, Sujet parlant
				20	Sujet parlant	Émmetteur, Interlocuteur, Locuteur, Polyphonie, Recepteur, Sijet du discours
		(9)	Locuteur	21	Émmetteur, Interlocuteur, Locuteur, Polyphonie, Recepteur, Sijet du discours	
		(10)	Recepteur	22	Déstinataire	
				23	Émmetteur	Locuteur, Sujet parlant
				24	Énonciateur	
				25	Interlocuteur	*Déstinataire*, *énonciateur*, Émmetteur, Locuteur, Recepteur
				26	Sujet parlant	Co-énonciateur, Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Locuteur, Sujet parlant

	Отсылки 1-го плана		Отсылки 2-го плана	№	Отсылки 3-го плана	Отсылки 4-го плана
ACTANT	**Locuteur**	(11)	Interlocuteur	27	Déstinataire	
				28	Émmetteur	Locuteur, Sujet parlant
				29	Énonciateur,	
				30	Interlocuteur	*Déstinataire*, *énonciateur*, Émmetteur, Locuteur, Recepteur
				31	Recepteur	Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Interlocuteur, Sujet parlant.
		(12)	Recepteur	32	Déstinataire, Émmetteur, Énonciateur, Interlocuteur, Sujet parlant.	
		(13)	*Énonciateur*			
		(14)	Émmetteur	33	Locuteur, Sujet parlant	
		(15)	**Énonciation**	34	*Dialogisme*	Dialogue, Discours rapporte, Interdiscours, Intertextualite, Memoire discursive, Polyphonie, Preconstruit
				35	Énonciateur	
				36	Interaction	Analyse conversationalle, Conversation, Ethnographie de communication, Ethnomethodologie, Negociation
				37	**Interdiscours**	Dialogisme, **DISCOURS**, Discours rapporte, Ecole francaise d'analyse du discours, LJHeterogeneite montree / constitutive, Intertextualite, Preconstruit
				38	Polyphonie	Dialogisme, Dialogue, Discours rapporte, Énonciation, Ironie, Modalisation, Point de vue
				39	Situation de communication	Communication, Conditions de production, Contexte, Énonciation, Fonctions du langage, Genre de discours, Interdiscours, Locuteur collectif, Scene d'énonciation
		(16)	Sujet parlant	40	Émmetteur, Interlocuteur, Locuteur, Polyphonie, Recepteur, Sijet du discours	
	Récit	(17)	Action/ evenements en narratologie	41	Récit	Action/ evenements en narratologie, Séquence
		(18)	Séquence	42	Argumentation	Argument, Conclusion, Contre-argumentation, Interaction, Logique/discours, Persuasion, Question (en argumentation),Retorique
				43	Conversation	Analyse conversationnelle, Interaction
				44	Description	Connecteur, Plan de texte, Séquence, Texte
				45	Explication	Argumentation, Demonstration, Interaction, Séquence
				46	Récit	Action/ evenements en narratologie, Séquence
				47	Texte	Coherence, Configuration, Crammaire de texte, Linguistique textuelle, Macro-acte de langage, Schematisation
	Rôle	(19)	Identite	48	Formation Discursive, Individuation, Positionnment, *Rôle*	
		(20)	Cadre participatif,	49	Contexte, *Déstinataire*, Dialogue, Footing, Interaction, *Rôle*	
		(21)	Locutif acte	50		

Примечание. В таблице 2 полужирным, *прописным* шрифтом выделены термины, ставшие объектом нашего исследования – «актант» и «дискурс». Полужирным *строчным* шрифтом выделены связующие элементы между ключевыми терминами «актант» и «дискурс». Курсивом выделены те отсылки, которые замыкают парадигматический круг.

Как мы полагаем, максимальная польза – видение и предметного и кортежного содержания в целостности. Тогда лингвистика дискурса реально материализуется (как в процессе печатания фотографий) – реально «проявляются» и персоналии и идеи данного направления.

Полагаем, что с созданием данного словаря авторы-составители вышли на осмысление и доказательство того, что главные редакторы обозначили в Предисловии к изданию: *«Мы все как бы «вписаны» в языковую систему и в ее дискурс-реализацию».*

Общие выводы мы строим на выше представленных четырех выводных утверждениях. Поэтому в каждой позиции повторим вывод, сформулированный ранее, и интерпретируем его с учетом их единения.

1) Выявив, что словарь (в контексте репрезентации своего системного характера) является гипертекстом, и, принимая при этом то, что словарь как область лексикографии принадлежит полю лингвистики языка, мы выходим на осознание того, что на языковом уровне уже заложен уровень дискурсивный (дискурсный). Иначе говоря, дискурсный уровень не дополнительный уровень, а уже имплицитно вписанный в язык (по умолчанию), и он актуализируется тогда, когда затребован. Таким образом, можно сказать, что ***смысл языковой системы в ее функционировании, в том числе на уровне дискурса.***

2) Выявив факт сопричастности двух терминологических систем – теории языка и теории дискурса (лингвистики дискурса), что ярко показано в словарных статьях с помощью разграничения трактовки терминов этих систем, мы увидели, что лингвистика дискурса есть продолжение лингвистики языка (ее ребенок). Тем самым мы можем констатировать, что ***лингвистика дискурса изучает следующий после речи уровень реализации языка, а значит, непосредственно относится к полю теории языка.***

3) Выявив тот факт, что системный характер терминологии теории языка (констатирующий тотальную взаимосвязь ее терминологии) не разрушает, а наоборот, поддерживает самостность каждой отдельной своей единицы (что и подтверждается наличием парадигматического содержания языкового знака [3]), мы можем констатировать, что ***парадигматическое значение термина «лингвистика», попадающего в лингвистику дискурса*** (как, например, термины «актант» или «дискурс»), ***есть значение его места в системе терминов лингвистики дискурса*** (и только лингвистики дискурса, но не других лингвистических дисциплин). Именно поэтому некорректно подменять термины лингвистики дискурса терминами лингвистики языка и речи.

4) Четвертый вывод – это синтез первых трех. Лингвистика дискурса обладает *своей* терминологией, которая отражает практическое состояние языка в его системно-структурной явленности и состояние теории языка с фокусом внимания на три уровня проявлений языка. Эти уровни и заложены в основании *самоидентификации* каждой из лингвистик – лингвистика, самоидентифицирующая себя на базисном уровне (лингвистика или теория языка), на функциональном уровне (лингвистика или теория речи) и на коммуникативном уровне (лингвистика или теория дискурса). И в этом мы видим особую значимость анализируемого нами специального лексикографического издания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Французско-русский словарь ключевой терминологии

(данный перевод терминологии словаря является предварительным и требует дальнейшего уточнения в процессе исследовательской работы)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБЩЕГО ПЛАНА

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	actant	актант	43	idéologie	идеология
2	action langagière	языковое действие	44	incorporation	инкорпорация
3	actualisation	актуализация	45	individuation	индивидуализация
4	altérité	отличие	46	information	информация
5	analyse automatique du discours	автоматический анализ дискурса	47	insécurité discursive	дискурсивная неустойчивость
6	analyse du discours	анализ дискурса	48	institution discursive	институт дискурса
7	archétexte	архетекст	49	interdiscours	интердискурс
8	archive	архив	50	interlangue	интерязык
9	argot	арго	51	intertextualité	интертекстуальность
10	auteur	автор	52	intradiscours	интрадискурс
11	cadrage	кадрирование	53	investissement générique	общий вклад (в изменение)
12	canonique	канонический	54	isotopie	изотопия
13	champ discursif	дискурсивное поле	55	langue du bois	суконный язык
14	code langagier	языковой код	56	lecteur	читатель
15	communauté de communication	коммуникативное сообщество	57	matérialité discursive	материя дискурса
16	communauté dicursive	дискурсивное сообщество	58	pratique langagière	языковая практика
17	communauté translangagière	надязыковое сообщество	59	matrice discursive	дискурсивная матрица
18	communication	коммуникация	60	mémoire discursive	дискурсивная память
19	compétence discursive	дискурсивная компетенция	61	méthode harrissienne	метод Харрисса
20	conditions de production	условия порождения	62	moment discursif	дискурсивный момент
21	contenu/relation	содержание / отношение	63	norme	норма
22	contexte	контекст	64	places	места
23	contrat de communication	коммуникативный договор	65	positionnement	позиционирование
24	corpus	корпус	66	pratique discursive	дискурсивная практика
25	dialogisme	диалогизм	67	pratique langagiere	языковая практика
26	didacticité	дидактичность	68	praxematique	праксематика
27	discours	дискурс	69	preconstruit	преконструкт

28	discours rapporté	косвенная речь	70	processus discursif	дискурсивный процесс
29	école française d'analyse du discours	французская школа дискурс-анализа	71	régime discursif	дискурсивный режим
30	écrit/oral	письменный/ устный	72	registre	регистр
31	énoncé	высказывание	73	rites génériques	универсальные сценарии
32	éthnographie de la communication	этнография коммуникации	74	scène d'énonciation	видимый план высказывания
33	exposition discursive	дискурсивная экспозиция	75	site d'emploi	сфера употребления
34	fermé/ouvert	закрытый/ открытый	76	stéréotype	стереотип
35	fonctions du langage	функции языка	77	stylistyique	стилистика
36	formation discursive	дискурсивная формация	78	sujet du discours	субъект дискурса
37	formation langagière	языковая формация	79	sujet parlant	говорящий субъект
38	genre de discours	жанр дискурса	80	surface discursive	дискурсивное пространство
39	genre et histoire	жанр и история	81	type de discours	тип дискурса
40	hétérogénéité	гетерогенность	82	typologie des discours	типология дискурсов
41	hupertextualité	гипертекстуальность	83	vocation énonciative	вокативное высказывание
42	identité	идентичность			

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	argot	арго	15	metaphore	метафора
2	autonymie	автонимия	16	metonymie	метонимия
3	concordance	согласованность	17	mot	слово
4	connecteur	коннектор	18	neologie	неология
5	connotation	коннотация	19	paradigme definitionnel	дефиниционная парадигма
6	cooccurrence	совместная встречаемость	20	phraseologie	фразеология
7	définition	дефиниция	21	reference	референция
8	dénomination	деноминация	22	segment repete	повторный сегмент
9	étymologie sociale	социальная этимология	23	specialite	профессия
10	figement	сгущение	24	specificites	специфичность
11	formule	формулировка	25	synecdoque	синекдоха
12	guillements	кавычки	26	terme	термин
13	lexème	лексема	27	terminologie	терминология
14	lexicométrie	лексикометрия	28	vocabulaire/lexique	словарь/лексика

ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	actions/ événements	действия / события	17	mode d'organisation de discours	способ организации дискурса
2	anaphore	анафора	18	objet de discours	объект дискурса
3	cataphore	катафора	19	paradigme definitionnel	дифиниционная парадигма
4	chaîne de référence	цепочка референтов	20	paratexte	паратекст
5	cohérence	когерентность	21	periode	период
6	configuration	конфигурация	22	plan de texte	план текста
7	connecteur	коннектор	23	point de vue	точка зрения
8	connecteur argumentatif	аргументативный коннектор	24	ponctuation	пунктуация
9	coréférence	кореференция	25	recit	рассказ (нарратив)
10	description	описание	26	script	скрипт
11	explication	объяснение	27	segmentation graphique	графическая сегментация
12	grammaire de texte	грамматика текста	28	sequence	последовательность
13	isotopie	изотопия	29	texte	текст
14	linguistique textuelle	лингвистика текста	30	theme/rheme	тема/рема
15	macro-acte de langue	речевой макроакт	31	transphrastique	сверхфразовый
16	mémoire discursive	дискурсивная память			

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	archétexte	архетекст	17	insécurité discursive	дискурсивная нестабильность
2	captation	каптаж	18	malentendu	недоразумение
3	champ discursif	дискурсивное поле	19	matrice discursive	дискурсивная матрица
4	contre-argumentation	контр-аргументация	20	mémoire discursive	дискурсивная память
5	corpus	корпус	21	paraphrase	перифраза
6	dialogisme	диалогизм	22	pastiche	пастише / подражание
7	didacticité	дидактичность	23	polémique	полемический
8	discours rapporté	косвенная речь	24	polyphonie	полифония
9	étymologie sociale	социальная этимология	25	positionnement	позиционирование
10	explication et transmission de connaissance	объяснение и передача знаний	26	reformulation	переформулировка
11	formule	формулировка	27	reformulation argumentative	аргументативная переформулировка
12	hypertextualité	гипертекстуальность	28	trajet thématique	тематическая траектория
13	inférence	инференция	29	vulgarisation	популяризация

НАРРАТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	acte de langage	речевой акт	29	guillements	кавычки
2	actualisation	актуализация	30	implicite	имплицитный
3	ambiguïté	неоднозначность	31	inférence	инференция
4	appréciation	суждение	32	interlocuteur	собеседник
5	assertion	утверждение	33	ironie	ирония
6	auteur	автор	34	lecteur	читатель
7	autorité	авторитет	35	litote	литота
8	cadrage	кадрирование	36	locuteur	слушатель
9	contexte	контекст	37	locuteur collectif	коллективный слушатель
10	définition	дефиниция	38	lois du discours	законы дискурса
11	déictique	дейктический	39	macro-acte de langage	речевой макроакт
12	dénomination	деноминация	40	maxime conversationnelle	конверсационая максима
13	destinataire	адресат	41	pastiche	пастише / подражание
14	discours	дискурс	42	pertinence	уместность
15	discours rapporté	косвенная речь	43	polyphonie	полифония
16	écrit/oral	письменный/устный	44	portrait discursif	дискурсивный портрет
17	éllipse	эллипс	45	pragmatique	прагматика
18	émmetteur	адресант	46	presuppose	предполагаемое
19	emphase	эмфаза	47	reference	референция
20	énonciateur	высказывающийся	48	reformulation	переформулировка
21	énonciation	высказывание	49	scene d'enonciation	видимый план высказывания
22	éthos	этос	50	schematisation	схематизация
23	euphémisme	эвфемизм	51	situation de communication	ситуация коммуникации
24	évoluation	эволюция	52	subjectivite	субъективность
25	explication/implication	эксплицация/импликация	53	sujet du discours	субъект дискурса
26	focalisation	фокусирование	54	sujet parlant	говорящий субъект
27	fonctions du langage	функции языка	55	trope	троп
28	généralisation	генерализация			

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ И РИТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	analogie	аналогия	27	litote	литота
2	antiphrase	антифраза	28	logique/discours	логика/дискурс
3	antithèse	антитеза	29	lois du discours	законы дискурса
4	argumentation	аргументация	30	metaphore	метафора
5	autorité	авторитет	31	metonymie	метонимия
6	captation	каптаж	32	objection	возражение
7	concession	концессия	33	objet de discours	объект дискурса
8	conclusion	заключение	34	orientation argumentative	аргументативная ориентация

9	connecteur argumentatif	аргументативный коннектор	35	paralogisme	паралогизм
10	contradiction	противоречие	36	parenthese	антитэза
11	contre-argumentation	контр-аргументация	37	pathos	пафос
12	déduction	дедукция	38	persuasion	убеждение
13	délibération	размышление	39	preuve	доказательство
14	démonstration	демонстрация	40	question	вопрос
15	dialictique	диалектика	41	reformulation argumentative	аргументативная переформулировка
16	dilemme	дилемма	42	réfutation	опровержение
17	émotion	эмоция	43	rhétorique	риторика
18	éthos	этос	44	schématisation	схематизация
19	euphémisme	эвфемизм	45	sophisme	софизм
20	explication	экспликация	46	stratégie de discours	стратегия дискурса
21	figure	фигура	47	syllogisme	силлогизм
22	genre rhétorique	риторический жанр	48	synecdoque	синекдоха
23	hyperbole	гипербола	49	trope	троп
24	implication	импликация	50	valeur	значение
25	induction	индукция	51	vraisemblable	вероятностный
26	ironie	ирония			остный

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	acteur	актор	22	opinion	мнение
2	action	действие	23	paratexte	паратекст
3	altérité	различие	24	persuasion	воздействие
4	cadrage	кадрирование	25	pertinence	уместность
5	canal de transmission	канал передачи	26	influence	влияние
6	captation	каптаж	27	legitimation	легитимация
7	communication	коммуникация	28	locuteur	слушатель
8	conditions de production	условия порож-дения	29	macro-acte de langage	речевой макроакт
9	connaissance/croyance	знание/вера	30	mediologie	медиология
10	contexte	контекст	31	ponctuation	пунктуация
11	contrat de comminocation	коммуникатив-ный договор	32	regulation	регулирование
12	crédibilité	вероятность	33	representation sociale	социальная репрезентация
13	destinataire	адресат	34	role	роль
14	écrit/oral	письмен-ный/устный	35	script	скрипт
15	effet de sens	эффект осознания	36	situation de communication	ситуация коммуникации
16	émotion	эмоция	37	situationnel	ситуативный
17	éthos	этос	38	stéréotype	стереотип
18	genre de discours	жанр дискурса	39	stratégie de discours	стратегия дискурса
19	gestualité	жестикуляция	40	sujet du discours	субъект дискурса
20	identité	идентичность	41	travail	работа
21	individuation	индивидуация			

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	acte de langage	речевой акт	18	interculturel	межкультурный
2	adresse	адрес	19	litote	литота
3	analyse conversationnelle	конверсацион-ныйанализ	20	malentendu	недоразумение
4	conversation	общение	21	marqueur conversationnel	конверсационный маркер
5	destinataire	адресат	22	maxime conversationnel	конверсационная максима
6	dialogisme	диалогизм	23	module conversationnel	конверсационный модуль
7	dialogue	диалог	24	négociation	переговоры
8	diaphonie	перекрестные помехи	25	paire adjacente	смежная пара
9	échange	обмен	26	politesse	вежливость
10	éthnographie de la communication	этнография ком-муникации	27	prosodie	просодия
11	ethnométodologie	этнометодология	28	régulateur	регулятор
12	euphémisme	эвфемизм	29	relation interpersonnelle	межличностные отношения
13	face	аспект	30	réparation	репарация
14	gestualité	жестикуляция	31	réplique	реплика
15	hyperbole	гипербола	32	rituel	ритуал
16	implicite	имплицитный	33	séquence conversationnelle	конверсацион-наяпоследова-тельность
17	interaction	интеракция	34	tour de parole	очередность

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

№	французский язык	русский язык	№	французский язык	русский язык
1	analyse automati-que du discours	автоматический анализ дискурса	5	coocurrence	совместная встречаемость
2	analyse de contenu	анализ содержа-ния	6	lexicométrie	лексикометрия
3	automatique	автоматический	7	segment répété	повторяющийся сегмент
4	concordance	согласование	8	spécificités	специфичность

---

1. Dictionnaire d'analyse du discours Sous la direction de P. Charaudeau, D. Maingueneau. Edition du Seuil, 2002. 669 p.
2. *Флоренский П.А.* Обратная перспектива // Избранные труды по искусству. М.: Изобр. искусство, 1996.
3. *Ухванова И.Ф.* Парадигматика и синтагматика как лингвистическая манифестация плана содержания слова // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. Сер. IV. 1982. № 1.

2
КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ *ДУМАЕМ, ИЩЕМ, ОБСУЖДАЕМ*

Галина Гжимил-Тылуцки (Польша, Краков)

ДИСКУРС В СООТНОШЕНИИ С ДРУГИМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ: ЖАНР, ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ТИП

Дискурс и жанр. Французская лингвистическая теория дискурса в качестве промежуточного звена между дискурсом и текстом использует концепт *жанра*. Дискурсу здесь приписывается телеологическая природа; под ним понимается социолингвистическая деятельность, которая свойственна определенной сфере (сфере политики, религии, управления, развлечений, здравоохранения, образования и др.) и включает специфическое для данного институционального контекста употребление языковых единиц. Тот или иной дискурс характерен для действий с одинаковой интенцией, а число таких действий зависит от разнообразия возможных интерсубъектных отношений, которые мотивированы данной интенцией. Такая «открытость дискурса намеренным действиям» (*dispositif discursif*) и идентифицируется с жанром; в данной лингвистической традиции жанр трактуется как инструмент реализации дискурса. Понимаемый таким образом жанр работает как абстрактная категория, часто операциональная (тем не менее можно говорить и о жанровой модели, помня при этом, что жанровая модель во французской теории дискурса отличается по своей сути от понятия жанровой модели в польской генологии, где жанр является доминирующим понятием). Соответственно, каждый дискурс создает свой репертуар типичных для него жанров.

Учитывая дискурсные характеристики, мы определяем жанр как инструмент социолингвистического ритуала, который имеет место в определенных исторических и культурных обстоятельствах. При таком подходе, когда фокус внимания исследователя сконцентрирован на конкретном дискурсе, его описание можно проводить через сокращенные названия жанров. Например, в рамках разговора о персональном дискурсе одного упоминания родового названия жанра письма или беседы будет достаточно для идентификации типов субъектов взаимодействия, возможного содержания, формы, а также временных и пространственных характеристик ситуации общения. Когда же собственно объектом исследования является жанр, его описание необходимо строить на основе соотнесенности с конкретной сферой деятельности и атрибутировать через соответствующий тип дискурса. Так, мы можем говорить, например, о жанре делового письма, сопроводительного (мотивационного) письма, литературного письма; о светской беседе, собеседовании при поступлении в университет и т.д.

Дескриптивные исследования жанровых разновидностей того или иного дискурса, проведенные одними учеными, избавляют их последователей от необходимости каждый раз тратить время и усилия на создание аналогичных описаний и дают возможность сфокусировать внимание непосредственно на сценографии и стратегиях реализации. Они также позволяют сделать сравне-

ние разных жанров одного дискурса и, соответственно, разных форм реализации одной и той же цели (поскольку каждый дискурс характеризуется специфической для него системой дискурс-категорий, таких как пространство, контекст, содержание и средства коммуникации). Относительно легко можно проиллюстрировать данный принцип на юридическом дискурсе, в частности, на примере дискурсивного жанра конституции. Его прагматические характеристики – отправитель и получатель (независимо от их числа), контекстуальность и даже *контентуальность* (содержание) – будут такими же, как в уставе, в своде законов или в различных постановлениях, решениях, контрактах, петициях и вердиктах. В связи с этим определение данного дискурсивного жанра может быть ограничено лишь указанием цели дискурсивной деятельности и предпочитаемой формой его реализации.

Вышеупомянутый жанр, констатирующий основы социально-экономической системы государства, его организаций, компетенций, способа учреждения самых важных государственных органов, основных прав, свобод и обязанностей граждан. Говоря о возможных формах представления, упомянем главы, параграфы, и т.д., но опустим указания на позиции законодателя и исполнителя, на их взаимоотношения, время, место и другие обстоятельства взаимодействия. Это не означает, что данное определение конституции находится вне семантического поля закона. Просто оно включено в имплицитное знание юристов и их окружения. Такое знание доступно и открыто, и нет необходимости специально преподносить его тем, кто несведущ. Этот комментарий приложим к каждому жанру выбранного дискурса, а значит, для их описания также не требуется детального обсуждения всего социолингвистического ритуала. По-другому будет обстоять дело при описании жанра как разновидности дискурса; для него требуется экспликация всех параметров.

Поскольку наше взаимодействие в настоящий момент определяется жанром «*круглый стол*», давайте рассмотрим этот дискурсивный жанр подробнее.

Круглый стол характерен для политического и академического дискурсов. Его цель – собрать приверженцев, как минимум, двух различных позиций и дать им возможность достичь консенсуса в условиях равенства, мира и гармонии. Созданию таких условий способствует *символический* предмет мебели. На самом деле ни материал, из которого он сделан, ни его реальная форма не имеют значения. Круг, безусловно, является идеальной фигурой (так как благодаря равной удаленности от центра иерархия статусов теряет свою значимость), но в такой же функции можно представить и квадрат. Идея *круглого стола* пришла из древних легенд о короле Артуре: Артур был известен как справедливый и честный король, который относился одинаково ко всем своим рыцарям.

В зависимости от социолингвистического ритуала (политического или академического) мы имеем дело с двумя разными (в описательном смысле) жанрами. Анализируя их с позиции прагматики дискурса, остановимся на описании самого главного параметра – их субъектов (субъектности), а остальные оставим без внимания.

Мы определяем *академический дискурс* как социолингвистическую сферу жизни, связанную с приобретением, порождением и передачей нового знания о мире [1]. Как отправитель, так и получатель здесь могут носить групповой

(все академическое сообщество или научные деятели определенной дисциплины) или индивидуальный характер. Оба взаимодействующих субъекта характеризуются когнитивной способностью: чаще всего это ученые, которые используют полученные знания для своего исследования и дальнейшего изучения проблемы. И адресант, и адресат *круглого стола* мотивированы одной идеей – поиском истины, то есть стремлением определить *статус-кво* (согласно одному из определений истины) самым объективным способом, даже если вне *круглого стола* они находятся в отношениях «учитель-ученик». На административном уровне академическое сообщество ранжирует своих представителей (в зависимости от приобретенного опыта, выраженного в количестве публикаций), присуждая им академические степени и звания. Однако с точки зрения самого главного когнитивного аспекта в процессе поиска истины субъекты академического дискурса (в рамках одной дисциплины) равны, они отличаются лишь той информацией, которой обладают, ее качеством, критериями оценки, методологией и методами исследования. Именно эти отличия и приводят к полемике и спорам, в результате которых мнения могут меняться (что совсем не обязательно). Репертуар жанров академического дискурса довольно богат; многие из них допускают дискуссии и конфликты. Но существует и такой жанр, целью которого является доброжелательный и гармоничный обмен идеями и стремление к консенсусу. Это и есть *круглый стол*. Итак, *академический круглый стол* можно определить как «встречу субъектов», которые обладают когнитивными способностями, стремлением к истине в данной области, порождают новое знание о мире и отличаются объемом знания, методами его демонстрации, способами оценки полученных результатов; целью этой встречи является дружественный обмен мнениями на определенную тему, а также следующее за ним приятие и, возможно, принятие позиции оппонента, результирующее в создание общей резолюции на эту тему (общее сообщение, представляющее собой гармоничную полифонию).

Политический дискурс воспринимает своих субъектов и отношения между ними по-другому. Он ставит отправителя (политическую силу) в оппозицию получателю (гражданской силе) (сравним с [2]). Адресант представлен двумя противоположностями – правящим субъектом и оппозиционным субъектом – и находится в состоянии борьбы за власть (правящий борется за сохранение власти, а оппозиционный – за получение). Адресат реализует себя как член национального общества, участвуя в выборах власти. Все субъекты действуют в рамках политики на благо государственности и общества, следуя принятым критериям, которые со временем претерпевают изменения. Современные определения содержания политического дискурса (кстати, не самые оптимистичные) отмечают характерный для него антагонизм, как между самими политическими силами, так и между политической и гражданской силами, что, естественно, не способствует гармоничному сотрудничеству между субъектами политического дискурса. Один из жанров данного дискурса, описанный как *политический круглый стол*, нацелен на нахождение консенсуса между противоположными точками зрения, представленными правящей силой, которая стремится удержать власть, и оппозицией, которая стремится ее захватить, или между политической силой (независимо от вышеупомянутого разделения) и гражданской силой (к примеру, профсоюзами или социальными организа-

циями). Достигнутый консенсус имеет свои последствия, но нашей задачей не является их оценка. С точки зрения генологии можно увидеть четкую разницу между *политическим* и *академическим круглым столом*. Несмотря на единство их целевой установки (в абстрактном смысле), ибо именно она является жанрообразующей, *академический круглый стол* и *политический круглый стол* отличаются своими дискурсивными характеристиками, типичными для рассматриваемых сфер деятельности отношениями и поведенческими паттернами.

В завершение размышлений о соотношении категорий жанра и дискурса упомянем типологию жанров, предложенную Д. Мэнгено [3] и [4]. Достоинством данной типологии является отсутствие в ней разделения на литературные и нелитературные жанры, благодаря чему она представляет логически последовательную генологическую концепцию. Все жанры расположены в одном категориальном *континууме*, что позволяет увидеть размытость границ между определенными типами, а также возможность существования гибридных форм в точках соприкосновения жанров. Критерием выделения типа выступает степень прозрачности (понятности) сценографии (формы) по отношению к дискурсивным характеристикам и цели жанра. Сначала определяются максимально стандартизированные утилитарные жанры, сопровождающие процесс социализации индивида: в этих жанрах вариативность форм не допускается, в чем проявляется их дискурсная сущность (например, свидетельство о рождении). По мере ослабевания стандартизированности сценография становится более разнообразной, появляются стилистические варианты и умеренная оригинальность (например, кулинарный рецепт). Ближе к концу жанрового континуума располагаются свободные, инновационные жанры с трудно распознаваемыми дискурсивными характеристиками, часто удивляющие своей формой (например, сатира). Наконец, на периферии континуума находятся авторские жанры (например, медитация), требующие четкой номинации. Только благодаря последней неидентифицируемый без категориального названия текст приобретает определенное значение.

Дискурс и текст. Французская лингвистка текста, в отличие от польской и немецкой лингвистических традиций, никогда не воспринимала текст как категорию, составляющую уровень аналитики в теоретических размышлениях. Такие концепции, как, например, грамматика текста, функциональная перспектива высказывания расширенного до текста и так далее этой традицией принимаются, однако говорить о типично французской текстологии все же не представляется возможным (за исключением шведской школы типологии текста и школы интегрированной семантики Ф. Растьера). Текст здесь отождествляется с высказыванием (устным или письменным), закодированным в любой семиотической системе. Долгое время во французской лингвистике анализ текста ассоциировался с изучением литературы и такими дисциплинами, как нарратология, риторика, поэтика, герменевтика и семиотика. Конечно, современная лингвистика использует этот термин, но, скорее, как артефакт, след человеческой деятельности. В контексте французской теории дискурса текст – это продукт дискурсивной деятельности в рамках жанра; иными словами, это последний элемент в триаде дискурс–жанр–текст. Взаимосвязь этих трех понятий такова: дискурс, будучи социолингвистическим ритуалом, связан с определенной сферой жизни, реализуется через присущий ему репертуар

жанров и выражается в конкретных формах, которые называются сценографиями, то есть в конкретных текстах. Следовательно, текст обладает и дискурсивными (прагматика, социолингвистика), и жанровыми (намерение, цель) признаками. Его интерпретация возможна только после того, как он отнесен к определенной сфере деятельности, что предполагает наличие специфической интенциональности и соответствующих ей смыслов, межсубъектных отношений, идеологии и аксиологии. Таким образом, в рамках принятой и представленной здесь эпистемологии, анализ текста невозможен вне дискурса и жанра. Сценография, то есть форма текста, может быть строго установленной (как, например, в нелитературных, нормативных жанрах), а может демонстрировать вариативность, которая выражается в выборе конкретной стратегии (например, стратегии убеждения, информирования, манипуляции, юмористическая и подобные при реализации жанра в прессе).

Обращаясь к жанру *круглого стола*, который обсуждался здесь ранее в качестве иллюстрации к размышлениям о соотношении *понятий дискурса* и *жанра*, можно попытаться представить так называемую предпочтительную сценографию отдельно для *политического* и *академического круглых столов*, а можно описать сценографию конкретной актуализации жанра (дискурсии), которая приобретает статус текста. Понимаемый таким образом текст обладает признаками социолингвистической деятельности: в сценографии представлены как материальные элементы (комната, стол, стулья или другая мебель, их заменяющая, личные вещи и т.д.), деятельность (порядок выступления, манера выступления, продолжительность выступления, жесты и другие невербальные элементы), так и (пара)лингвистический компонент (формулы построения начала и конца высказывания, содержание высказывания и его организация и др.). Все эти составляющие социолингвистического ритуала отражают прагматические параметры (дискурс) и цель (жанр).

Дискурс и контекст. Отправной точкой для развития этой темы также является принятая французскими лингвистами трактовка дискурса как социолингвистического единства, неотъемлемой частью которого (наряду с субъективностью, ответственностью, надпропозициональностью, нормативностью, активностью, направленностью и т.д.) является *контекст*. Определение «социолингвистический ритуал» отражает изоморфный характер описываемого явления: и социальный, и лингвистический аспекты дискурсивной деятельности подчиняются единой логике. Следовательно, некорректно говорить о том, что дискурс (также как жанр и текст) *погружен* в контекст, ибо контекст, будучи связан с языковой реализацией дискурсного действия, представляет собой связующее звено между означаемым (*signifié*) и означающим (*signifiant*) (по определению Ф. де Соссюра). Взаимосвязь социального или лингвистического аспектов поведения позволяет, во-первых, компенсировать в процессе коммуникации возможный пробел в понимании одного из вышеупомянутых аспектов за счет понимания другого аспекта, а во-вторых, позволяет верифицировать один аспект через другой, способствуя выявлению неадекватности в поведении субъектов дискурса.

Дискурс и тип. Человеку свойственно стремление устанавливать взаимосвязь между наблюдаемыми явлениями и классифицировать их, упрощая тем самым свое повседневное существование. Соответственно, в науке упорядочи-

вание и систематизация, соотносимые с классификацией (явлений природы) и типологизацией (социальных феноменов), становятся одной из важнейших задач ученых, в числе которых и исследователи дискурсивной реальности. Так как дискурс-анализ является относительно новой отраслью знания, неудивительно то, что многие рожденные им типологизаторские идеи еще не прижились. Первыми были *функциональные типологии* (правовой, религиозный дискурс) и *формальные типологии* (нарративный, дидактический, полемический дискурс) [5], которые появились из структуралистской идеи, так же как и понятие *дискурсивных формаций* в философии М. Фуко (например, феминистские). С развитием французской школы дискурс-анализа понятие дискурсивной формации переродилось. Новое определение дискурса актуализировало прагматическую составляющую феномена, поставив во главу угла его функциональность. Дискурс стал пониматься как деятельность по институциализации субъект-субъектных отношений, то есть как нормативное, направленное взаимодействие между субъектами дискурса. Форма же стала пониматься как сценография, в которой протагонисты осуществляют дискурсивное действие. Такой дискурс многофункционален и находит реализацию в различных формах (посредством жанра).

Проблема типологии дискурса(ов) становится очевидной при анализе использования этого термина представителями разных научных школ и отраслей. Сегодня складывается такое впечатление, что дискурсом может называться все: существует политический, телевизионный, феминистский, расистский, парламентский дискурс, дискурс конкретного политика, президента, телевизионной станции и т.д. Объединяет вышеперечисленные явления только их речевая природа. На самом деле чаще всего термин «дискурс» употребляется именно в этом смысле, заложенном в самой этимологии данного слова: старофранцузское *discurre* (от латинского этимона *discurrere*) означало «чрезмерно много говорить о каком-либо предмете». При таком подходе можно выделить три определяющих параметра дискурса в его современном понимании: речевой характер (независимо от средства), достаточный объем и тематичность. Основанное на этих позициях определение дискурса дают, например, немецкие исследователи. Дискурс определяется ими как продолжительная речь, затрагивающая важные события.

С точки зрения французской школы дискурс-анализа, выявить другие (кроме речевой природы) общие черты вышеперечисленных дискурсных феноменов и, соответственно, типологизировать дискурсы на их основании, трудно. В 2005 году Доминик Мэнгено [6], один из представителей и реформаторов этой школы, определил дискурс как социолингвистическую деятельность в определенной сфере жизни, и эта концепция – важная для понятия дискурса – сохранилась по сей день. Он также предложил новое деление дискурсов на *тематические* (относящиеся к определенной области, сфере деятельности – типы, и относящиеся к общим представлениям – регистры) и *нетематические* (дискурсивные образования или так называемые *parcours*). Если мы согласимся с тем, что дискурс равен сфере жизни, где существуют субъектные и ситуационные отношения, другими словами социолингвистические события, то, естественно, мы выделим следующие типы дискурса: политический, религиозный, административный, правовой, коммерческий, СМИ, меди-

цинский, академический, образовательный, развлекательный дискурсы и т.д. Но что же тогда делать с оставшимися примерами? Ни феминизм, ни расизм, ни вещание радиостанции не представляют собой институт поведения человека. И все же нельзя отрицать присутствия в них некоторых дискурсных аспектов, связанных с идеологической позицией, стратегией, местом реализации и средствами реализации.

Предлагаемая мной типология дискурсов основана на морфологической деривации и относится (но только на уровне морфологии; описанные реальности не примыкают друг к другу) к известной типологии транстекстуальности, разработанной Женеттом. Целью аффиксальной деривации, согласно грамматистам, является не только пополнение словаря путем образования новых слов, но, прежде всего, установление связи между словами. Следовательно, аффиксация является идеальным способом систематизации явлений. Предлагаемая здесь типология основана на префиксах, то есть внутрикатегориальных аффиксах, и разделяет:

- ***архи*-дискурс** – определяющий дискурс, трансцендентальный по отношению к конкретной реализации;
- ***интра*-дискурс** – дискурс, актуализующий имманентные характеристики: партнеров, место, время, средства и идеологический статус (отсюда имеют право на существование такие усеченные формы дискурса, как материнский дискурс, дискурс радио, националистический дискурс, феминистский дискурс);
- ***интер*-дискурс** – (его сложно уловить) дискурс, проявляющий себя в ситуации, когда в рамках одного речевого контакта мы демонстрируем разные по интенции и форме действия, переключаясь, например, с предоставления юридического совета на непринужденную беседу;
- ***мета*-дискурс** – дискурс о дискурсе, классическим примером является дискурс СМИ: будучи самостоятельным дискурсом, нормированной сферой деятельности (как и другие дискурсы), он в то же время является и дискурсом о политике, экономике, науке, культуре, спорте, и т.д., то есть о другом конкретном дискурсе со всеми его характеристиками; его субъектом могут быть сами СМИ;
- ***диа*-дискурс** (диа=диалогичность) – дискурс, актуализующий отношения, связывающие субъектов дискурса (по сути, это явление представлено в каузально-генетической теории дискурса как «кортеж»), способы организации высказываний этими протагонистами (сценографию), их стратегии; использование одних и тех же стратегий можно наблюдать в разных дискурсах (например, стратегия убеждения может использоваться в медийном, научном, политическом, медицинском дискурсах) и наоборот, один и тот же жанр дискурса может быть реализован разными стратегиями, например, школьный урок может быть построен на стратегии информирования, убеждения, манипулирования, дидактизма, игры, юмора, и т.д. [7, 8, 9].

Обзорное изучение конкретного жанра дискурса можно считать исследованием диа-дискурса, который, будучи целенаправленной деятельностью, телеологически связан со всеми другими типами дискурса. Соответственно мы

можем проанализировать и жанр *круглого стола* как модель, *диа-дискурсивную* формулу, абстрагируясь от строго дискурсивных маркеров актуализации жанра.

Конечно, мы осознаем, что *круглый стол* как таковой не существует. Он всегда функционирует в конкретной сфере человеческой жизни, в конкретной субъектной ситуации институционального взаимодействия, в конкретное время, в конкретном месте, с конкретными субъектами; он всегда реализуется либо в виде *академического круглого стола*, либо в виде *политического круглого стола* путем наполнения типичной жанровой сценографии специфическими элементами. Тем не менее, используя метод индукции, можно построить абстрактную модель, отражающую характеристики, присущие жанрам обоих дискурсов. Совпадение же характеристик определяется общим целеполаганием жанров одного дискурса. Как правило, с такими абстрактными моделями-определениями мы сталкиваемся в словарях и энциклопедиях. Согласно определению одной из онлайн-энциклопедий, *круглый стол* представляет собой «дискуссию между приверженцами разных позиций, целью которой является достижение понимания того или иного вопроса/проблемы». Мы реализуем данную жанровую цель в конкретной сфере, то есть в политическом или академическом дискурсе, наполняя жанр прагматической информацией. Однако при использовании термина «дискурс» для определения той или иной деятельности, которая представлена широко прагматично или узко целенаправленно, необходимо осознавать неэквивалентность этих «дискурсов». Безусловно, наличие большого количества обозначающих маркировок делает неясными различия между типом дискурса, его жанрами и *диа-диаскурсивной* жанровой моделью.

1. *Gajda Stanisław.* Styl naukowy //Współczesny język polski / Jerzy Bartmiński (ed.). Lublin, 2001. P. 183–199.
2. *Charaudeau Patrick*. Le discours politique. Les masques du pouvoir. Paris: Vuibert, 2005.
3. *Maingueneau Dominique*. Retour sur une catégorie: le genre // Texte et Discours: catégories pour l'analyse /J.-M. Adam et al. (eds.). Dijon: Eds Universitaires de Dijon, 2004. P. 107–118.
4. *Grzmil-Tylutki Halina.* Gatunek w świetle francuskiej teorii dyskursu. Kraków: Universitas, 2007.
5. *Maingueneau Dominique*. Nouvelles tendances en analyse du discours. Paris: Hachette, 1987.
6. *Maingueneau Dominique*. L'analyse du discours et ses frontiers. Marges Linguistiques 9, revue on-line, 2005.
7. *Grzmil-Tylutki* Halina. Discours politique, discours nationaliste, discours persuasif, discours manipulant – une même typologie? // Discours du nationalisme en Europe / G. Komur, A. Celle (eds). Paris: Eds L'Improviste, 2010. P. 155–166.
8. *Grzmil-Tylutki Halina*. L'analyse du discours à la française – tendances majeures et proposition d'une typologie de discours //Des mots et du texte aux conceptions de description linguistique, A. Dutka-Mańkowska, T. Giermak-Zielińska (eds). Warszawa: Wyd. UW, 2010. P. 173–181.
9. *Grzmil-Tylutki Halina*. Francuska lingwistyczna teoria dyskursu. Historia, tendencje, perspektywy. Kraków: Universitas, 2010.

Михал Лабащук (Польша, Бельско-Бяла)

ДИСКУРСОЛОГИЯ, ИЛИ ТИПОЛОГИЯ ВЕРБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Значительно обобщая, можно утверждать, что человек имеет следующие когнитивные способности:

– способность сенсорного восприятия;

– способность эмоционального переживания этих сенсорных восприятий;

– способность образных отражений (разной степени сложности) этих сенсорных восприятий в памяти;

– способность рационального обобщения образных восприятий;

– семиотическую способность номинации образных отражений сенсорных восприятий, а также способность номинации рациональных обобщений образных восприятий;

– способность волевых интенций.

Упрощая это и без того уже упрощенное описание и понимание, можно, как минимум, говорить о способности субъекта к представлениям, эмоциям, образам, понятиям, знакам и к воле. «Мы вправе считать язык особым знанием, то есть мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим» (Бодуэн де Куртенэ) [1].

Говоря о языковом знании, необходимо определить единицы знания в языке. В этой связи встает вопрос соотношения языкового знака и понятия. Описывая «психофизиологический» аспект этого соотношения, можно сказать, что понятие для знака является «внутренним», «содержательным». Одновременно с этим, в аспекте «социальном», понятие для знака является как бы «внешним». Можно это подчеркнуть иносказательно: означающее знака является формой значения, а значение является формой понятия, иначе говоря, означающее является чувственной формой значения, а значение является социальной формой понятия. «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в текущих делах мысли...» [2, с. 18]. Значение является инструментом общения, а понятие является его смыслом. «Пустота ближайшего значения, сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что слово называется формою мысли» [2, с. 20].

Своеобразие и неоднозначность отношений между представлениями, образами и понятиями фиксируется в знаках, а также в моделях комбинирования знаков. Модели комбинирования знаков (а также актуальные реализации этих моделей) можно назвать дискурсами, или типами вербального (речевого) мышления. В соответствии с функционально-прагматической методологией исследований *дискурс* понимаем как *такой функциональный вариант лингвосемиотической деятельности в границах определенного функционального типа опыта, который ограничен временем, сферой деятельности, способом действия и/или тематикой, который содержит специфические элементы кода, то есть имеет определенные модельные (кодовые) принципы текстообразования, и который на этой основе объединяет характерные/типичные тексты* [3, с. 34].

Подобное понимание дискурса заложено уже в теории А. Потебни, который в своем научном творчестве анализировал историческое развитие и синхроническое функционирование разных типов вербального мышления (прежде всего мифологического, поэтического и научного). «Мифическое мышление на известной степени развития – единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной ступени развития мысли; оно формально, то есть не исключает никакого содержания: ни религиозного, ни философского, ни научного» [4, с. 303]. Мифическое мышление никогда не было единственным типом вербального мышления общества и личности, тем более в таком высоко дифференцированном в социально-экономическом отношении обществе, как сегодняшнее. В современной терминологии этот тип мышления называется обыденно-бытовым.

Следующий тип вербального мышления (по Потебне – способ мышления) – поэтический (художественный) – состоит в различении относительно субъективного и относительно объективного содержания мысли» [4, с. 287], что выражается в том, что «образ рассматривается лишь как субъективное средство для перехода к значению и ни для каких дальнейших заключений не служит» (там же). Наоборот, для мифического (обыденного) типа мышления характерно то, что «образ считается объективным и потому целиком переносится в значение и служит основанием для дальнейших заключений о свойствах означаемого» (там же). А. Потебня считает, что последовательное развитие поэтического способа мышления (а именно разведение образа и значения) создает научный способ мышления.

При этом А. Потебня акцентирует, что подобное разделение и уточнение типов мышления должно предшествовать исследованию семантики конкретных текстов (в частности, изобразительных тропов): «Это деление должно быть предпослано более частным делениям тропов, ибо оно показывает, что качество тропа изменчиво» [4, с. 287]. Последнее замечание особенно важно для современных исследований семантики, поскольку оно акцентирует релятивную релевантность семантики знака (как казалось бы, того же самого знака) в дискурсах разного типа.

Способность к базовым типам речемышления является, с одной стороны, внутренней, врожденной, а с другой стороны, внешне обусловленной, а именно стимулируемой социально-экономической структурой и деятельностью общества: это прежде всего потребность в стабилизации восприятий и знаний; в экономической производительности, обеспечивающей витальные потребности личности и общества; в социально-политическом воздействии (персвазийности), обеспечивающем и регулирующем общественные и нравственные отношения, стремление к красоте, к правде (стремление к смыслу) и к истине (логической правде). Следовательно, таких типов речемышления не слишком много, их базовое своеобразие можно свести к пяти-шести типам.

Наиболее стабилизированные соотношения между представлениями, образами и знаками, а также наиболее традиционно устоявшиеся модели комбинирования знаков называем *обыденным дискурсом*.

Тип соотношения между представлениями, образами, понятиями и знаками вместе с инвариантными, традиционно устоявшимися моделями комби-

нирования знаками, направленный на уточнение понятий, называем *научным дискурсом*.

Тип соотношения между представлениями, образами, понятиями и знаками, направленный на акцентирование ассоциаций и аналогий между образами и понятиями, выражаемое в эстетизации знаков (в художественных приемах), называем *художественным дискурсом*.

Тип соотношения между представлениями, образами, понятиями и знаками, направленный на согласование производственной предметности и деятельности, на однозначность профессиональной семиотики, называем *экономическим дискурсом.*

Тип соотношения между представлениями, образами, понятиями и знаками, направленный на формирование и регулирование социальных установок личности и отношений в обществе, называем *политическим дискурсом*.

Тип соотношения между представлениями, образами, понятиями и знаками, направленный на исследование и утверждение сущностных смыслов существования личности, называем *мировоззренческим* (философским, религиозным) *дискурсом*.

Основанием этих отмеченных отношений и их типов является опыт человека. «Во всем возможном целостном опыте заключаются все наши знания» [5, с. 226]. При этом необходимо учитывать, что в реальном опыте социальной личности данная типология деятельности проявляется в самой разнообразной конфигурации как социально дифференцированной деятельности, так и генетически обусловленных и онтогенетически развивающихся способностей личности: «Различные генетические формы сосуществуют. ...Поведение человека не находится постоянно на одном и том же уровне развития. Самые новые и молодые, совсем недавно возникшие в истории человечества формы уживаются в поведении человека бок о бок с самыми древними. ...Даже взрослый человек далеко не всегда мыслит понятиями. Нередко его мышление совершается на уровне комплексов, иногда опускаясь к еще более элементарным, более примитивным формам» [6, с. 176].

Анализ текстообразующей функции содержательной и формальной семиотики дискурса основываем на следующих базовых дихотомиях/трихотомиях.

Типологические дихотомии:

реалистическое мышление – мечтательное мышление;

контролируемое мышление – неконтролируемое мышление;

прикладное мышление – отвлеченное мышление;

рациональное мышление – эмоциональное мышление;

психофизиология (индивид) – социальность (социум): психофизиологический аспект идиолекта (функции информационно-куммулятивная, координативная и экспрессивная) – социальный аспект идиолекта (функции моделирующая – регулятивная – коммуникативная);

интуиция – воображение, образность – понятийность, метонимия – метафора;

интенция – семиотика;

язык – речь (langue – parole – langage); узуальная актуализация – окказиональная актуализация грамматической и понятийной (лексической) семантики;

регулятивная функция langage – координативная функция langage;
экспрессивная функция parole – коммуникативная функция parole.

Методика анализа создана на основании выделяемых Л. Выготским типов реалистического и мечтательного мышления, а также категории контролируемости мышления, что в итоге дало основание дифференцировать следующие типы невербального мышления и воображения (ономасиологию вербального мышления):

- преимущественно неконтролируемое реалистическое мышление в обыденности;
- неконтролируемое мечтательное мышление, характерное для некоторых типов интровертированных личностей, а также для крайних степеней аутизма и капризности;
- контролируемое реалистическое мышление в науке;
- а также контролируемое мечтательное мышление в художественном словесном творчестве, находящее свое выражение в двух подтипах – при высшей степени контроля и рефлексивности в метафорическом понятийном мышлении и при меньшей степени контроля и рефлексивности – в метонимическом понятийном мышлении.

Данная дискурсная типология семантизирования, отражающая тенденциозность осмысления и семиотизации феноменов восприятия, чувственных представлений и понятий, выражается в научном типе мышления в стремлении к точности или к тождественности выражения в двух подтипах семантизации: либо метафорически через научные метафоры, либо метонимически через стертые термины (в обоих случаях проявляется десигнативность семантизации – терминосистема метафорического и метонимического типов). В художественном типе мышления семантизация выражается в стремлении к продуктивному иносказанию: либо метафорически через разной степени индивидуальные метафорические конструкции, либо через индивидуальные метонимические конструкции (в обоих случаях проявляет речевой либо сентенционно-синтаксический тип знаковости). То есть в продуктивном художественном типе речемышления метафора и метонимия имеют не языковой, а речевой (полупредикативный) характер онтологии. Данные типологические черты семантики базовых изобразительных приемов в обыденном, научном и художественном типах речемышления получают свое отражение в политическом, экономическом и философском дискурсах (см. ниже).

Не является очевидным то, что в дихотомиях «*реалистическое мышление – мечтательное мышление*» и «*контролируемое мышление – неконтролируемое мышление*» мечтательное мышление может быть одновременно контролируемым мышлением, однако тем не менее это так (пример – искусство). Типология вербального мышления определяется своеобразием соотношения реалистичности, мечтательности, контролируемости и спонтанности мышления. «В мечтательном мышлении мысли направлены не задачами, а эмоциональными тенденциями (мышление подчинено логике чувства), …в реалистическом мышлении эмоциональный процесс играет, скорее, ведомую роль» [6, с. 435–436]; «в реалистическом мышлении отдается отчет относительно целей, задач и мотивов, которыми оно приводится в действие, …реалистическое сознание подготавливает нашу деятельность, связанную с

действительностью, …реалистическая мысль социальна и вербальна, социальна в том отношении, что поскольку она отражает внешнюю деятельность, одинаковую для различных сходно устроенных сознаний, она может быть сообщена, передана» [6, с. 444]. Данное своеобразие типологии вербального мышления отражается в своеобразии репрезентации функций языка и речевой деятельности в дискурсах. В обыденном дискурсе главенствует коммуникативная функция, в меньшей степени – регулятивная функция. Политический дискурс, как и экономический дискурс, представлены коммуникативной и регулятивной функциями речевой деятельности. Научный, художественный и мировоззренческий дискурсы определяются экспрессивной и координативной функциями речевой деятельности.

Определенная исходная интенция преобразуется (семантизируется) мыслительной деятельностью субъекта и выявляется внутри типов дискурсного вербального мышления в виде либо репродуктивно-аналитических, либо продуктивно-синтетических высказываний. Обыденный тип речемышления (по А. Потебне, мифологический, проза) определяется таким оперативным семиотическим приемом, как тождесловие (узуальная актуализация). Преодоление обыденного типа речемышления традиционно определяется таким оперативным приемом, как иносказание (окказиональная актуализация).

Прием тождесловия – это прием и стремление назвать наиболее привычным и хорошо знакомым знаком наиболее подходящее ему явление внесемиотической действительности. Вторым базовым приемом семиотизации мыслительных процессов является иносказание как прием и стремление выразить новый смысл через уже известное наименование. Иносказание является более сложным приемом семантизации, и именно оно является преодолением мифологического тождесловия. Однако в связи с тем, что в типологии речевой деятельности в разных типах вербализации по-разному протекает семиотизация, во многом отличается качество приемов тождесловия и иносказания в различных социальных типах деятельности и мышления:

– обыденно-бытовой тип дискурсного речемышления: рефлексивно не контролируемое реалистическое воображение (в обыденности); его объект – обыденная практическая чувственность, вербально-содержательный аспект семиотизации – проявляется в узуальной актуализации семантики;

– мировоззренческий тип дискурсного речемышления (философия, религия, приватность): неконтролируемое (либо относительно контролируемое) мечтательное воображение; его объект – эмоции (в том числе высшие эмоции, смыслы), семиотизация – проявляется в метонимически чувственной окказиональной актуализации семантики и образности;

– рационально-логический тип дискурсного речемышления: контролируемое реалистическое мышление (наука); его объект – понятийность, содержательность семиотизации – проявляется в категориально-отвлеченной окказиональной актуализации семантики;

– эмоционально-образный тип дискурсного речемышления: рефлексивно контролируемое мечтательное мышление (искусство); его объект – материал, язык, содержательность семиотизации – проявляется в метонимически чувственной окказиональной актуализации семантики, в понятийности и формальной образности;

– социальная этика, публицистика: контролируемое манипулятивное воздействующее мышление (публицистика, политика); его объект – социальные установки личности, содержательность семиотизации – проявляется в метафорически чувственной окказиональной актуализации семантики;

– экономика, делопроизводство: контролируемое прикладное мышление (экономика); его объект – инструментальность, производственная предметность, содержательность семиотизации – проявляется в узуальной актуализации терминологической семантики.

Данная типологическая дифференциация может быть отмечена в следующих таблицах.

Типология мышления и воображения
(в отношении типа мышления)

Специфика речемышления	**Тип дискурсного речемышления**
рефлексивно неконтролируемое реалистическое воображение	обыденно-бытовой
неконтролируемое (либо относительно контролируемое) мечтательное воображение	мировоззренческий
контролируемое реалистическое мышление	рационально-логический
рефлексивно контролируемое (либо относительно контролируемое) мечтательное мышление	эмоционально-образный
контролируемое манипулятивное воздействующее мышление	публицистический
контролируемое прикладное мышление	экономический

Типология мышления и воображения
(в отношении объекта мышления и своеобразия семантики)

Сфера дискурсного применения и объект	**Специфика семантизации**
обыденность – обыденная практическая чувственность	узуальная актуализация семантики
философия, религия, приватность – эмоции, в том числе высшие эмоции, смыслы	метонимически чувственная окказиональная актуализация семантики и образности
наука – понятийность	категориально-отвлеченная окказиональная актуализация семантики
искусство – материал, в том числе язык	метонимически чувственная окказиональная актуализация семантики, понятийности и формальной образности
социальная этика, публицистика – социальные установки личности	метафорически чувственная окказиональная актуализация семантики
экономика, делопроизводство – инструментальность, производственная предметность	узуальная актуализация терминологической семантики

На основании вышеотмеченного ономасиологический подход исследования (в его понятийно-семантической разновидности) признает:

– *метафору логическим и аналитическим приемом*, определяющим в своей сущности и основе рефлексивный, формально образный (художественный) и рационально-логический (научный) тип мышления;

– *метонимию чувственным и синтетическим приемом*, определяющим эмоционально-интуитивный и образно-понятийный тип мышления.

При этом метафора и метонимия неоднозначно распределены между научным и художественным типами мышления: акцентируется своеобразие научной метафоры в научном типе мышления и своеобразие художественной метафоры в художественных текстах (как особенная выверенность поэтических конструкций). Метонимия определяется как стертый или неточный термин (в научном стиле) или как интуитивно-чувственный спонтанный прием эстетического изображения в художественном тексте. Подобное своеобразие семантики базовых изобразительных приемов сохраняет в целом свою релевантность в политическом, экономическом и философско-мировоззренческом типах дискурса.

В политическом дискурсе семантика изобразительных художественных тропов видоизменяется, что естественно под влиянием персвазийной направленности политического дискурса, и проявляется прежде всего в ключевых публицистических и партийных эвфемизмах, дисфемизмах и других устойчивых словосочетаниях. В экономическом дискурсе изобразительность семантики сводится к минимуму, что тоже естественно, поскольку типологической чертой экономического дискурса является координация, регулятивность, однозначность и взаимодействие, что обеспечивают коммуникативная и регулятивная функции языка. Однозначность семантики обеспечивается профессиональной терминологией и общепринятыми моделями деловой речи. Достаточно высокая нормативность и конвенциональность письменного делового общения относительно уравновешивается в устной деловой речи эмоциональностью ограниченных в количественном отношении профессиональных жаргонизмов.

В противоположность обыденно-бытовому дискурсу, который эксплицирует физиологически витальное содержание существования человека, мировоззренческий дискурс выражает эмоционально витальные смыслы существования личности. Как обыденно-деловой дискурс, так и мировоззренческий дискурс нередко содержат в себе проявления изобразительных приемов, однако не они определяют сущность семантики данных типов речемышления. Изобразительные приемы в данных типах следует рассматривать как сопутствующие проявления типологических черт иных дискурсов, прежде всего художественного, но также политического и других дискурсов. Типологической чертой семантики обыденно-бытового дискурса является мифологичность и прозаичность. В то же время типологической чертой мировоззренческого дискурса является семантика осмысления существования в категориях высших эмоций. Не *так называемых* высших интеллектуальных эмоций, и *не так называемых* эстетических эмоций, а высших эмоций витальных, духовных. Последнее требует активизации особых духовных потребностей и способностей личности, и соответственно, актуализации исторически и социально-прагматически наработанных моделей знаковой и коммуникативной семиотики.

---

1. *Бодуэн де Куртенэ И*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. *Потебня А.А*. Из записок по русской грамматике. Т.1–2. М.: Учпедгиз, 1958.

3. *Leszczak O*. Lingwosemiotyka kultury// Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń, 2010.
4. *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высш. школа, 1990.
5. *Кант И.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.
6. *Выготский Л.С*. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.

Олег Лещак (Польша, Кельце)

ДИСКУРС КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ДИСКУРСНЫЕ ТИПЫ И КАРТИНЫ МИРА)

Еще раз о проблеме понятия «дискурс». Проблема дискурса как *объекта* научного исследования находится всецело во власти *методологического* подхода, применяемого исследователем. Уже само выделение дискурса как феномена определенного вида действительности или функции определенного вида деятельности зависит от онтологической шкалы, по которой измеряется предметное поле, и от эпистемологических постулатов, к этому полю применяемых.

В одной из своих работ [1] я дифференцировал более сорока понятий (в различной степени взаимно пересекающихся – сходных и смежных, сопоставимых и исключающих друг друга, номинируемых в русско- и польскоязычных научных и философских трудах термином (или омонимичными терминами) *дискурс/dyskurs.*

*Две о*сновные ошибки большинства исследователей какого-либо научного явления заключаются в том, что, пытаясь определиться с *предметом* изучения, они зачастую смешивают *термин и понятие* и при этом исходят из термина, а не из понятия. Так же и в вопросе с дискурсом. Прежде чем приступать к исследованию дискурса или оценивать различные аспекты и способы его изучения, следует определиться с тем, что именно является объектом интереса. Совершенно бессмысленно использовать термин *дискурс* для чего-то, что ранее уже многократно в разных аспектах и различными способами исследовалось, но называлось иначе (например, язык, социолект, текст, речь, беседа, дискуссия, картина мира, речевая ситуация или речевое событие).

Сложно ожидать, что объектом отдельной научной дисциплины станет нечто такое, что в качестве предмета обнаруживается не во всех методологических концепциях, а только в каком-то одном подходе, что, с одной стороны, требовало бы от всех занимающихся *дискурсологией,* обязательного принятия именно этой методологии исследования, а с другой – сужало бы саму дискурсологию до частной дисциплины, функционирующей только в рамках какой-то одной школы.

Дискурс как восполнение пробелов в языкознании. История возникновения данного термина свидетельствует в пользу того, что он стал реакцией на *неудовлетворенность целым рядом положений в языкознании:*

- *статическим* пониманием языка и текста;
- слишком большой степенью отвлеченности языка и текста *от реальных ситуаций и речевых процедур*, связанных с использованием первого и порождением / восприятием второго;

- слишком большой степенью отвлеченности языка, текста и речевых процедур *от языкового субъекта*;
- изолированностью языка, текста и речевых процедур *от всех остальных* семиотических факторов, кодов и функционально-прагматических обстоятельств межличностного общения.

Дискурс как макрофункция лингвосемиотического опыта. Следует подчеркнуть, что, говоря о дискурсе, лучше всего было бы не сужать искомое понятие до чисто вербальной (языковой, речевой, текстовой) функции, но рассматривать его как макрофункцию лингвосемиотического опыта, поскольку в реальном общении и в реальной экспликации интенций люди используют не только язык, но и все другие знаковые системы и факторы (жесты, мимику, пространственные факторы, различные сигнальные предметы и пр.). Это значит, что *дискурсология* не может быть составной только языкознания, но должна рассматриваться как лингвосемиотическая дисциплина.

Дискурс как лингвосемиотическая деятельность и лингвосемиотический опыт (к вопросу о соотношении понятий). Одним из серьезных препятствий в установлении межконцептуального и метаметодологического диалога, по моему мнению, является пренебрежение некоторыми учеными методологической авторефлексией. Наиболее честным в научном отношении поведением было бы однозначное определение понятия, называемого термином *дискурс* и являющегося специфическим объектом исследования, отличным от других сходных и смежных с ним понятий. Поэтому вкратце изложу свое понимание такого объекта *с позиций функционально-прагматической методологии* (то есть с позиций *антропоцентризма и реляционизма*).

Типология дискурсов как отражение лингвосемиотического опыта. Если рассматривать дискурс статически и субстанциально как явление общественной жизни, то можно сказать, что дискурс – это сфера лингвосемиотического *опыта* человека, характеризующаяся, по крайней мере, одним из следующих *факторов*:

- прагматикой реализуемой в ней деятельности;
- социально-психологическими особенностями участников интеракции;
- ее пространственно-временной спецификой или
- тематикой.

Эти же факторы в различных комбинациях дифференцируют *типы* дискурсов. Так, можно говорить о дискурсе учебном, научном, художественном, экономическом, религиозном, политическом, медийном, бытовом, мировоззренческом и т.д. Во всех этих случаях речь идет о специфике опытной деятельности и прагматике деятельности людей, общающихся между собой в данной сфере.

Кроме того, можно говорить о детском или подростковом дискурсе, дискурсе мужском, женском или смешанном, дискурсе «родитель – ребенок», «больной – здоровый», «холерик – флегматик», эгалитарном или иерархическом, внутри- или межкультурном. В этом случае учитываются социально-психологические характеристики участников дискурса.

Может быть дискурс городской или сельский, русский (внутри страны) или трансграничный, дискурс последней трети XX или начала XXI века. При выделении этих типов учитываются пространственный или временной факторы.

Наконец, может быть дискурс на тему насилия в семье, международной политики, вреда курения, нравов современной молодежи, современного кинематографа, разгула преступности или бюрократии и т.д.

Обычно все эти факторы объединяются, поэтому можно говорить, например, о русском женском феминистическом городском молодежном дискурсе начала первой половины XXI века на тему карьерного роста женщин или же о санкт-петербургском телевизионном дискурсе конца перестройки на тему городской преступности.

Таким образом, *совокупность всех дискурсов представляет собой лингвосемиотический опыт в целом*. Проще говоря, дискурсом можно назвать такую часть нашей лингвосемиотической жизни, которая обладает какой-то степенью обособленности, выделенности в одном или всех сразу перечисленных аспектах, а значит, дискурс относится к лингвосемиотическому опыту как **часть к целому**.

Динамические составляющие дискурса. Если рассматривать дискурс динамически и процессуально, то есть понимать его *как вид лингвосемиотической деятельности* человека, то в нем необходимо выделять:

1) специфический код (знаковую систему), характерный для определенной сферы опыта/деятельности, служащий соответствующим этой сфере целям, свойственный определенной группе людей, пользующихся им в определенное время и в определенном месте и/или же предназначенный для общения на определенную тему;
2) совокупность специфических лингвосемиотических действий, характерных для этой сферы, этих носителей, этого времени, пространства и тематики и направленных на реализацию указанной цели;
3) совокупность текстов (семиотических произведений), в которых отражены специфика сферы деятельности, социально-психологические особенности пользователей, время, место и тематика, и в которых реализуются указанные цели.

В отличие от статических черт дискурса, являющихся аспектуальными и чисто атрибутивными (типологизирующими) его характеристиками, динамические его составляющие (код, процедуры и произведения) облигаторны и имманентны любому дискурсу и фактически конституируют его структуру. В этом смысле каждый конкретный дискурс представляет собой частный случай лингвосемиотической деятельности как таковой. Проще говоря, дискурс относится к лингвосемиотической деятельности как **частное к общему**.

Картины мира и типы дискурса. Исходя из типологического определения дискурса как сферы лингвосемиотического опыта, при анализе категории так называемой языковой картины мира следует постоянно брать во внимание дискурс, в котором реализуются те или иные представления людей о мире, так как у нас нет иных данных, свидетельствующих об этой функции человеческого опыта, кроме сигнальных продуктов, коммуникативных поступков и лингвосемиотических представлений.

Традиционно говорят о двух разновидностях картины мира – *обыденной* и *научной*. Первая максимально проявляется в бытовом дискурсе, вторая – в дискурсе науки.

Встречаются также тексты о *художественной* или *идеологической* картине мира. Сферой их реализации являются соответственно *эстетический* или *общественно-политический дискурсы.*

Наконец, говорят о *религиозной* или *мифологической* картинах мира. Однако редко обращают внимание на то, что мировоззрение может иметь и иные основания, например, атеистические, агностические или позитивистские (и при этом не совпадать с научным), а также быть солипсическим или метафизическим (и при этом не быть религиозным). Поэтому в таких случаях лучше говорить о *мировоззренческой картине мира*, реализующейся в философском дискурсе.

Наконец, человек может иметь совершенно рационально-практические и утилитарно-продуктивные представления о мире, которыми он пользуется в своей экономической, хозяйственной деятельности. Это гораздо более рациональные представления, чем те, которыми он руководствуется в быту или общественной жизни, но гораздо менее когерентные и логически обоснованные, чем те, которые используются в научных исследованиях или философских рассуждениях. Это *рационально-практическая картина мира*, реализуемая в экономическом дискурсе.

Подытоживая, можно сказать, что типологизация картин мира и дискурсов должна осуществляться на одних и тех же основаниях – *эссенциальном* (сущность объекта и средства) и *прагматическом* (доминация цели и способа).

По первому признаку дискурсы (и соответствующие им дискурсные картины мира) могут быть реальными и виртуальными. К первым относим бытовой, экономический и общественно-политический дискурсы, ко вторым – философский, научный и эстетический.

По второму признаку дискурсы могут быть разделены на рациональные (объектные) и эмоциональные (субъектные). К первым относим экономический и научный дискурсы, ко вторым – общественно-политический и эстетический. Бытовой и философский дискурсы в этом отношении носят смешанный характер: часть бытового дискурса, связанная с обеспечением достатка, может быть условно отнесена к рациональному дискурсу, часть же, связанная с обеспечением безопасности – к эмоциональному. Часть философского дискурса, в которой оговариваются проблемы смысла, можно условно отнести к рациональному дискурсу, часть же, в центре которой находятся мировоззренческие ценности, – к эмоциональному.

Именно обыденная и мировоззренческая картины мира представляют собой то *ядро,* которое лежит в основании опыта каждого конкретного человека и на которое наслаиваются все другие специфические дискурсные картины мира. При этом практическая и идеологическая картины мира являются производными обыденной, а познавательная и художественная – мировоззренческой. Это не значит, что ядро человеческой картины мира представляет собой неизменную имманентную сущность. Оно постоянно изменяется как под воздействием бытового и философского дискурсов, так и дискурсов производных – экономического, научного, общественно-политического и эстетического.

Таким образом, *дискурсные картины мира*, хотя и объединяются в одну систему лингвосемиотического опыта, тем не менее не сливаются в одно гомогенное целое. Они комплементарно взаимодополняют друг друга, создавая пе-

реходные смешанные дискурсные пространства (такие, например, как учебный, административный, правовой, религиозный, медийный, спортивный, технический, научно-популярный и множество субкультурных дискурсов).

Есть еще третий, каузальный признак, по которому могут быть типологизированы все вышеуказанные представления о мире (и соответственно дискурсы). Он указывает на степень стереотипности дискурсной картины мира и соответственно о степени ее социализации или индивидуализации. В случае полного приятия и соблюдения общественных норм ***лингвосемиотического мышления и поведения*** можно говорить о социализированном дискурсе (в том числе институциональном), в случае же их неприятия или творческого преобразования – о дискурсе индивидуализированном.

---

1. *Leszczak O.* Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń, 2010.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

ДИСКУРС-КАРТИНА МИРА КАК КАТЕГОРИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ

К вопросу о концептуальной системе дискурс-исследований можно подходить по-разному. Можно приписывать дискурс-исследованиям концептуальную систему того направления лингвистической (или другой социальной) науки, в рамках которого проводится исследование. А можно искать дискурс-концепты в концепции дискурса как комплексного речедеятельностного и социального явления. Для лингвистики дискурса представляется целесообразным второй подход, ибо он изначально делает объектом исследования дискурс как таковой, а не лингвистический аспект дискурсного феномена. Именно поэтому представленная выше Олегом Лещаком трактовка дискурса как лингвосемиотического опыта и лингвосемиотической деятельности, равно как и выделение дискурсной картины в качестве типообразующей категории дискурса, представляются мне целесообразными и очень своевременными в рамках беседы об обосновании объекта дискурсологии или лингвистики дискурса.

В свое исследование конкретного типа дискурса – медийного дискурса лоббирования – я также ввожу понятие *дискурсной картины*, но использую для его обозначения термин каузально-генетической теории «дискурс-картина». Интересно, что предложенная О. Лещаком классификация *дискурсных картин* и, соответственно, дискурсов операционализирует статический аспект дискурс-исследований, а типология *дискурс-картин* покрывает их динамический аспект, исходя из понимания дискурса как вида лингвосемиотической деятельности. Далее я приведу обоснование необходимости и определение термина «дискурс-картина», а также представлю классификацию дискурс-картин, которую использует каузально-генетическая теория.

Путь к определению дискурс-картины как операциональной категории дискурс-исследований, безусловно, начинается с рефлексии над собственно понятием дискурса. Понятно, что комплексный подход к этому феномену предполагает некую интегративную дефиницию, основанную на анализе различных подходов к трактовке этого явления. Проведя такой анализ [1], я выделила следующие общие моменты: *дискурс* определяется через *воздействующую*

функцию как деятельность и результат деятельности (социальной и знаковой); дискурс описывается через взаимосвязь (1) его *контекста*, (2) *лингвистических и экстралингвистических манифестаций* и (3) *конструируемого дискурсом образа мира/реальности*. Эти три взаимообусловленных элемента дискурса и составляют, на мой взгляд, концептуальную систему лингвистики дискурса, а именно анализ дискурса с позиций одного из них неизбежно влечет раскрытие остальных.

Среди названных элементов центральным концептом исследования дискурса, несомненно, является «контекст», поскольку, с одной стороны, он окружает и регулирует дискурс-процесс, а с другой – отражается в дискурс-продукте. Развитие инструментария дискурс-исследований неизбежно связано с дальнейшими классификациями внешних и внутренних контекстов дискурса.

Анализ работ, посвященных исследованию ситуации, в которой имеет место коммуникативное взаимодействие (Л. Битцер, М. Халлидэй, Э. Девитт, Х. Уиддоусон, Г.И. Богин, И.Н. Качалова, О.В. Николаева и др.), позволяет классифицировать **контекст дискурса** по трем основаниям: (1) *по отношению к коммуникативной ситуации*, составляющей физический контекст дискурсного взаимодействия, контекст дискурса может быть ***широким*** (культурно-исторический контекст) и ***узким*** (риторическая ситуация общения); (2) *по характеру экстралингвистической реальности*, включенной в контекст – ***идеационным*** (включает непосредственные условия коммуникации, рассматриваемые статично как элементы реальности) и ***интеракционным*** (включает контекст субъектного взаимодействия); (3) *по природе ментальных конструктов*, составляющих когнитивный контекст дискурса – ***гносеологическим*** (включает знания о мире) и ***аксиологическим*** (включает оценки).

Приведенная выше классификация контекстов, а также понимание процесса их актуализации как включения некоторого смысла в речемыслительную деятельность человека [2] позволяют сделать следующее заключение: *поскольку, актуализируясь в дискурсе, контекст становится элементом содержания и приобретает квазиреальный характер, тот ментальный конструкт, который представляет в сознании контекст общения, не эквивалентен собственно физическому и «доактуализованному» когнитивному контексту.* Соответственно в целях предупреждения терминологической путаницы необходимо ввести термин для обозначения актуализованного в дискурсе контекста. Каузально-генетическая теория предлагает термин «дискурс-картина реальности», образованный от уже используемых в лингвистической науке терминов «картина мира», «модель мира» и «образ мира» [3]. Для определения разницы между этими терминами сделаем небольшой экскурс в историю понятия «картина мира».

Понятие и термин «картина мира» эксплуатируется разными гуманитарными науками. Однако его основа, заложенная М. Хайдеггером в работе «Время картины мира», не пересматривалась ни одной дисциплиной. По Хайдеггеру, мир – это изображение, «сущностно» понятое и субъективно направленное. «Точкой отсчета», с которой начинается картина мира, является человек как субъект деятельности, кроме того, картина мира существует только в «представленности сущего». Из положений Хайдеггера следует, что картина мира есть всегда интерпретация реальности, воспринятой субъектом в процессе со-

циальной деятельности, переработанная в процессе когнитивной деятельности и оформленная с помощью знаков в процессе дискурсивной деятельности.

Определения В.Н. Топорова и В.И. Постоваловой [3, 4] трактуют картину мира как упрощенный и сокращенный глобальный образ мира, характерный для конкретной традиции и созданный в результате деятельности. Для картины мира характерны системность и операционность. Соответственно носители традиции могут осознавать картину мира не полностью. Системность определяет ее познавательный потенциал, операционность – поведенческий потенциал для личности и коллектива.

А.Я. Гуревич называет картину мира «сеткой координат»; их множество и в каждой, помимо универсальных понятий и категорий (время, пространство, изменения, причина, судьба, число и т.д.), присутствуют этнические особенности и черты специфические для каждой социальной группы [5]. В исследованиях Г.М. Андреевой, О.И. Шкаратана и Н.В. Сергеева со ссылкой на других представителей социальной науки (П. Блау, Л.А. Беляеву, П. Бурдье, Ю.Л. Кочанова, Н.А. Шматко, Н.Е. Тихонову и др.) показано, что основными отличительными характеристиками группы являются: ее место в системе отношений в обществе, ее функция в экономике, культуре, политике, идеологии. Соответственно любая картина мира отражает специфику взаимодействия индивидов, социальных групп и социальных институтов как во вневременном плане на уровне прототипическом (универсальные отношения), так и во временном плане на уровне ситуации (отношения в рамках социума в целом и отношения в рамках конкретной ситуации общения) [6].

Возможны различные классификации картин мира. Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева в коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира», предлагая деятельностный подход к представлению картин мира, выделяют следующие основания для их классификации:

- ***По субъекту картины мира*** (кто является изображающим): картина мира 1) отдельного индивида (эмпирического субъекта); 2) отдельной группы людей (сообщества); 3) отдельного народа (народов); 4) человечества в целом.
- ***По предмету картины мира*** (что изображается): 1) целостная картина мира (о мире в целом); 2) локальная картина мира (о фрагменте мира).
- ***По результату деятельности*** (сам образ, собственно картина): 1) картины с доминантой рационально обработанного образа мира, которые различаются по типу категориальной парадигмы, используемой как средство рационализации (функциональные картины мира, информационные, теоретико-вероятностные и др.); 2) картины с картинно-образной (художественной) доминантой, которые различаются тем, где художник располагает смотрящего: а) вне картины (развертывание картин мира по принципу субъектно-объектного отношения); б) в ее рамках (мировосприятие субъект-субъектных отношений) [7].

Еще один вариант деления собственно картин мира (по результату деятельности) можно найти у К.О. Погосовой [5]. Она говорит о существовании концептуальной картины мира (в тесной взаимосвязи с языковой, которая, в свою очередь, соотносится с культурной) и эмоциональной. Эмоциональная

картина мира проецируется эмоциональной сферой сознания и отражает аксиологические приоритеты. Концептуальная картина мира здесь понимается как система социально-типичных позиций, отношений и оценок, которая находит знаковое отображение в системе национального языка. Конструируемая таким образом языковая картина мира совпадает с логическим отражением мира в сознании народа.

Вопросом языковой картины мира в разное время, начиная с В. фон Гумбольдта, занимались Вайсгербер, Сепир, Уорф, Потебня, Брутян, Колшанский, Блэк, Хаймс, Арутюнова, Сукаленко, Васильева и др. Общим моментом для всех этих исследователей является признание того, что языковые модели, исторически сложившиеся в сознании языкового коллектива, являются побочным источником осмысления реальности, дополняют и корректируют концептуальную картину мира.

Данная классификация, включая в состав концептуальной картины мира языковую, актуализирует народ в качестве ее субъекта и репрезентирует картину как целостную, претендующую на описание мира в целом. Здесь важно подчеркнуть, что в случае локальных картин мира и актуализации других субъектов (индивида или социальной группы) этническая составляющая картины мира трансформируется и уходит на второй план, уступая место составляющей социально-групповой. Мы полагаем, что в исследованиях таких частносубъектных фрагментарных картин следует говорить о **дискурс-картинах**.

Этот термин удобен по многим причинам: (1) в отличие от языковой картины, которая указывает только на знаковую характеристику картины мира, термин «дискурс-картина» подчеркивает ее знаково-деятельностную природу и дает возможность говорить о картине мира как о процессе, как о воздействующей силе; (2) этот термин не имеет претензии на универсальность, он предполагает фрагментарность картины (что не исключает ее истинность) и может рассматриваться как альтернатива термину «картина исследуемой реальности». Последний был предложен В.С. Степиным в качестве решения проблемы девальвации термина «картина мира» в связи с возрастанием частнонаучных и индивидуальных картин мира; (3) дискурс-составляющая термина подчеркивает формально-содержательное единство образа мира и значимость всестороннего подхода к его изучению; (4) этот термин вполне соотносим с картинами мира всех возможных субъектов/наблюдателей; (5) он помещает картину мира в коммуникационное пространство и отражает ее зависимость не только от ее носителя/создателя, но и от адресата/вторичного интерпретатора; (6) дает возможность перейти от теоретической типологизации картин мира (от анализа) к описанию конкретного фрагмента реальности как их совокупности (к синтезу). Мы находим термин «дискурс-картина» удобным и обоснованным для дальнейшего использования применительно к исследованию дискурса. Все вышеперечисленные характеристики и типологии картин мира интегрированы в нем следующим образом.

Дискурс-картина реальности – совокупность представлений о мире (определенный способ концептуализации действительности), характерных для конкретного социального/коммуникативного феномена и отраженных в дискурсе его субъектов. Дискурс-картина имеет следующие характеристики: *локальность* (отражает способ устройства фрагмента реальности), *системность и*

структурность (называет и упорядочивает элементы фрагмента интерпретируемой реальности и их взаимоотношения), *операциональность* (задает поведенческие модели в рамках описываемого фрагмента реальности), *социально-ситуативную обусловленность* (ограничена ситуацией общения).

С точки зрения содержания, дискурс-картина реальности многомерна, содержит в себе множество более *мелких дискурс-картин*, поскольку одновременно отражает специфику устройства реальности относительно разных *контекстов*:

1) с фокусом на *отражаемой реальности* – ***картина субъект-объектных отношений*** (соотносится с идеационным контекстом) и с фокусом на *отражаемых социальных отношениях* – ***картина субъект-субъектных отношений*** (соотносится с интеракционным контекстом);

2) *с точки зрения наблюдателя*, фиксирующего факты реальности – ***картина знаний*** (соотносится с гносеологическим контекстом) и *с точки зрения субъекта этих отношений*, вовлеченного, а значит, заинтересованного и оценивающего – ***картина отношений*** (соотносится с аксиологическим контекстом);

3) *во вневременном плане* на уровне прототипическом – ***картина сущностных отношений***, закрепленных культурно-исторической традицией и языком через универсальные понятия и категории времени, пространства, изменений, причины, судьбы, числа и т.д. (соотносится с широким контекстом) и *во временном плане* на уровне ситуации (социальной или непосредственно-коммуникативной) – ***картина функционально-смысловых отношений***, отражающая черты специфические для каждой социальной группы и индивидуальных интерпретаторов (соотносится с узким контекстом).

Исследование, целью которого является полное описание типа дискурса, должно ориентироваться на воссоздание и объяснение механизмов конструирования каждой из представленных дискурс-картин. Таким образом, *дискурс-картина реальности* становится основной категорией анализа дискурса и операционализируется такими дискурс-категориями, как дискурс-картина субъект-предметных отношений, дискурс-картина субъект-субъектных отношений, дискурс-картина знаний, дискурс-картина отношений, дискурс-картина сущностных отношений и дискурс-картина смысловых отношений.

---

1. La Table Ronde: сборник материалов. Вып. 1: Дискурс в академическом пространстве. Минск: Изд. центр БГУ, 2010. С. 22–23.
2. *Попов Ю.В., Трегубович Т.П.* Текст: структура и семантика. Минск: Выш. шк., 1984.
3. *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Гл. ред. вост. лит., 1988. С. 7–66.
4. *Постовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982.
5. *Погосова К.О.* Картина мира и ее виды // Бюллетень Владикавказского института управления. 2006. № 17. С. 217–230.
6. *Шкаратан О.И., Сергеев Н.В.* Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчет // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 33–45.
7. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]; отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988.

Вальдемар Чахур (Польша, Варшава)

ДИСКУРСИВНАЯ КАРТИНА МИРА

Дискурсивную картину мира я вижу как категорию описания динамического процесса профилирования значений в дискурсах. Здесь я хочу поговорить об используемых мною методах анализа дискурсивной картины мира. Ценность этой категории я вижу в том, что с ее помощью становится возможным выявление акторов, принимающих участие в дискурсе, а также их точек зрения.

Возникновение дискурсов связано с конкретным социальным, культурным, политическим и т.д. событием; мы имеем дело с процессом негоциации значений и точек зрения [1, с. 25]. Иначе говоря, они возникают в процессе интеракции. Дискурсы (повторим за Фуко) – это культурные условия возможности создания новых значений, это полиперспективные семиотические пучки социальных практик, состоящих из взаимосвязанных, одновременных и секвенционных языковых действий, а также других семиотических действий, которые конструируют социальную действительность и конструируются ею [2, с. 36]. Можно принять тот факт, что дискурсы – это посредники между тем, что является языковым, и тем, что является общественным, культурным; что они, *с одной стороны,* профилируют и стабилизируют культуру (культуры) данного сообщества, а *с другой* – знание, конституируемое языком.

Как возникают дискурсы?

Публичные дискуссии или дебаты[1] становятся «общественным достоянием» только тогда, когда дискутируемая проблема касается вопросов, важных для данного сообщества, и данное сообщество активно либо пассивно в нем участвует. Таким образом, средства массовой информации играют в процессе создания новых формаций знаний конституирующую роль. Можно выдвинуть тезис, согласно которому СМИ как носители и создатели публичных дискурсов, в том числе и политических, поднимают проблемы и обсуждают их таким образом, как ожидается от них со стороны их зрителей.

Трудно согласиться с тезисом профессора Бартминского в том, что «ценности, присутствующие в средствах массовой информации, не являются простым отражением существующего общественного мнения, но содержат в себе элемент авторских креаций и служат представлению определенных идеологических и политических опций» [3, с. 123]. Анализируя отдельные средства массовой информации, можно реконструировать профиль потенциального зрителя или слушателя, следовательно, они являются отражением действительно существующих общественных позиций и ожиданий. Поскольку каждый член открытого или демократического сообщества имеет право выражать собственные взгляды и мнения, СМИ являются своего рода субъектом второго

[1] Я использую термин *дебаты* для обозначения важных, ограниченных во времени тематических дискуссий, которые проводятся в сообществе. Путем *дебатов* манифестируется специфика *публичного дискурса* данного сообщества, то есть дебаты реализуют определенный культурный код дискурсов как условий возможности. Дискурс здесь трактуется как категория, высшая по сравнению с дебатами и дискуссией.

ряда в общественной жизни, то есть они канализируют (и таким образом отражают) мировоззренческий и идеологический потенциал членов этого сообщества.

Медиальный дискурс представляет публичный дискурс, поскольку он опирается на шаблонные (принятые) для данного сообщества формации знания, а знание имеет свои источники либо в опыте, либо в наррации (Вежбицка) данного общества. СМИ по своей специфике активируют то, что является социально важным, то, что пустило глубокие корни в обществе, поскольку только таким образом они могут «достучаться» со своими идеями до потенциальных зрителей и слушателей. Это обеспечивает важную для каждого сообщества, для каждой культуры преемственность.

В связи с этим я рассматриваю категорию *картины мира* иначе, чем, например, люблинская этнолингвистическая школа, прежде всего, *как результат процесса профилирования* медиальными дискурсами, которые в демократических сообществах поднимают темы, важные для функционирования государства и жизни общества.

Знание членов данного сообщества, с одной стороны, обусловливается языком и социально-культурными факторами, а с другой стороны, конструируется языком и социально-культурными факторами. Конструирование следует понимать как профилирование, то есть знание членов некоторого сообщества профилируется дискурсами или в дискурсах.

В связи с вышесказанным, если мы ставим перед собой цель реконструкции образцов мышления данного культурного сообщества, его картины мира, содержащейся в языке, представляется обоснованным (об этом также говорит Хлебда [4]) анализ отдельных дискурсов и профилированных ими картин мира. В этом помогает дифференциация, проводимая между (языковой) картиной мира как определенной статической категорией описания языка и ее динамическим вариантом, или дискурсивным образом мира.[1]

Дискурсивная картина мира, также как языковая картина мира, по Бартминскому [3], – это именно профилированное знание о мире, актуальная интерпретация действительности, данная в виде комплекса суждений о мире, о людях, вещах и событиях. Следует отметить, что дискурсивная картина мира как формация знания конструируется при помощи языка, обсуждается на базе эмоциональных или рациональных, а также распространяемых в СМИ аргументов. Языковое и медиальное конструирование дискурсивной картины мира заключается в том, что под девизом борьбы за правду согласовываются факты, причем правда выступает тут не как онтологический, а как дискурсивно негоциируемый феномен. Вслед за Клохом мы скажем, что «СМИ конструируют критерии суждения о том, чем является правда и какие есть способы ее верификации» [5, с. 36].

Негоциация знания осуществляется на базе аргументов. Ее можно назвать семантическими войнами [6] или войнами на ценности. Таким образом создаются значения и смысл для всех процессов, предметов и т.д. Факты, сле-

[1] Такие попытки уже предпринимались ранее; речь шла, скорее, о разделении на картину мира и языковую картину мира, на языковую картину мира и текстовую картину мира (por. Zimny, 2008; Żuk, 2010).

довательно, согласовываются путем применения техник и стратегий, обосновывающих или негоциирующих знание, сконструированное языковым путем. Отсюда *дискурсивная картина мира* – это динамическая, открытая, эластичная единица, являющаяся результатом стирания антагонизмов, власти, силы интерпретации и т.д. Дистрибуция дискурсивной картины мира выражается в том, что регулирование *системной* (доступ к СМИ) и *культурной* природы (возможности и ограничения СМИ, возможности и ограничения того, что можно или нельзя в данном сообществе вербализировать) управляет пространством и силой действия этих картин мира, регулирует возможностями мультипликации этих картин. При этом следует предположить, что процесс языкового конструирования знания, его отрицания с помощью аргументов и дистрибутивности, реализуемой в СМИ, является культурно обусловленным. Поэтому дискурсивная картина мира является каждый раз дискурсивной актуализацией культурной матрицы. Причем актуализация может быть обогащенной многочисленными изменениями: какие-то элементы исключаются, какие-то прибывают.

Можно задать вопрос, является ли дискурсивная картина мира альтернативой для языковой картины мира? Мне кажется, что не как эпистемиологическая категория, но наверняка как категория аналитическая. При этом следует обратить внимание на то, что разделение на языковую и дискурсивную картину мира не совпадает с подобным разделением на коллективные и дискурсивные символы. Эти первые Флейшер определяет [7, с. 23] как «знаки, имеющие настолько образованного интерпретатора, что он обладает культурно позитивной или негативно актуализированной отмеченностью». В то же время дискурсивные символы, по его мнению, это элементы дискурса, относящиеся к субкультурам, выступающие как определенная субкультурой специфическая семантизация. Реконструируя дискурсивную картину мира, значительно легче принять во внимание в плоскости анализа названные ранее постулаты. Анализ дискурсивной картины мира позволяет выявить:

- конкретных (доминирующих, маргинализированных и т.д.) акторов дискурса и их точек зрения;
- широкий культурный и социальный контекст, оказывающий непосредственное влияние на процесс профилирования языкового знания в виде понятий, основных слов, коллективных символов, метафор, аргументационных образцов в конкретных исследуемых дискурсах и т.д.;
- дискурсивный момент как фрагмент определенной культурной целостности и временной протяженности; познавательные и аксиологические схемы, типичные для данного культурного сообщества.

Исследуя язык сквозь призму дискурсивной картины мира, мы приближаемся к постулируемому корпусной лингвистикой принципу *аналитической адекватности*, в которой размещаются критерии качества эмпирических методов, такие как надежность (*реалеобильность*) и важность (*валидобильность*). Эти критерии относятся как к созданию корпусов, так и к анализу или интерпретации результатов. В социологических науках в этом контексте появляются также и критерии объективности.

Одновременно следует отметить, что дискурсивная картина мира, также как и языковая картина мира, является только аналитическим приближением,

идеальной моделью в том смысле, что «аккумулируя в себе различные когнитивные или мировоззренческие перспективы, не выступает полностью в конкретных текстовых употреблениях» [8, с. 29]. Дискурсивная картина мира является, как я полагаю, более верной реконструкцией культурных образцов мышления и интерпретации действительности, а анализ дискурсивной картины мира помогает указать способ мышления, созерцания и интерпретации действительности в границах данного сообщества, открывает ее своеобразный способ профилирования в конкретном дискурсе. Анализ акторов, их стратегии действия, в которых отражаются их точки зрения, обнаруживает культурные условия конструирования именно этих дискурсивных образов мира. Здесь можно задать вопрос, можно ли использовать предлагаемую Бартминским [3] модель анализа материала для анализа дискурсивной картины мира. Как представляется, три исследовательские перспективы: лексикографическая (словарные дефиниции), дискурсивно-текстовая реализация и социологический компонент прекрасно дополняют друг друга, представляя собой идеальное соединение. Нужно, однако, признать, что в связи с динамикой дискурсов и их возможностями профилирования все новых и новых значений, словарные дефиниции всегда будут отставать от результатов текстового и социологического анализов, на что, кстати, обратил внимание Хлебда [4]. Гораздо более серьезным кажется вопрос о том, при помощи какого метода анализировать текстовые элементы как реализации отдельных дискурсов? В случае дискурса, который является комплексным и многослойным языковым, социальным и культурным феноменом, речь идет о применении многослойной же модели анализа. Поэтому какие плоскости анализа дискурса должны быть обязательными?

Для анализа дискурсивной картины мира представляется обязательным применение трех плоскостей: плоскости текстов как продукта действий и одновременно предмета анализа, плоскости акторов и их коммуникативной стратегии, а также профилированных дискурсивных значений [9].

Следует подчеркнуть, что дискурсивная картина мира является категорией, интегрирующей существовавшие до этого времени способы понимания языковой картины мира. Интеграционный характер дискурсивной картины мира выражается в полифоничности перспектив (методов) анализа. Дискурсивная картина является, таким образом, как *языковой* картиной мира (поскольку конструируется языком), так и *медиальной* (поскольку языковое конструирование и его мультиплицирование осуществляется через СМИ); она является и *текстовой* картиной мира (поскольку языковое конструирование как культурная актуализация осуществляется как раз в плоскости текста), а также *ментальной* картиной мира (поскольку концентрируясь на анализе субъектов, активных в дискурсе, делает возможной реконструкцию точек зрения, образцов мышления и аксиологических схем); также она является *культурной* картиной мира (поскольку в дискурсе чаще всего выражается то, и только то, что допускает система ценностей данного индивидуализированного сообщества, а в коллективном сознании активируется то, что является типичным и известным). От исследователя же зависит, на каком аспекте сфокусировать внимание.

Анализ дискурсивной картины мира, кроме того, интегрирует различные лингвистические и социологические традиции: он является как эпистемоло-

гической сущностью, активизирующейся в коллективном и индивидуальном сознании, так и аналитическим инструментом, реконструкция которого может осуществляться при помощи системы методов, известных и в лингвистике, и в социологии.

_____

1. *Zarzycka Grażyna*. Dyskurs prasowy o cudzoziemcach. Na podstawie tekstów o łódzkiej wieży Babel o osobach czarnoskórych. Łódź, 2006.
2. *Reisigl Martin*. Dyskryminacja w dyskursach // Tekst i dyskurs – text und diskurs 3, Warszawa, 2010. S. 27–61.
3. *Bartmiński Jerzy.* Pojęcie językowego obrazu świata i sposoby jego operacjonalizacji // Jaka antropologia literatury jest dzisiaj możliwa?/ Czapliński Przemysław, Legeżyńska Anna, Telicki Marcin (eds.). Poznań, 2010. S. 155–178.
4. *Chlebda Wojciech*. W stronę językowego obrazu Europy. Analiza słownikowo-tekstowa // Etnolingwistyka – 22. 2010. S. 85–104.
5. *Kloch Zbigniew*. Odmiany dyskursu. Semiotyka życia publicznego w Polsce po 1989 roku. Warszawa, 2006.
6. *Felder Ekkehard*. Semantische Kämpfe. Macht und Sprache in den Wissenschaften. Berlin–New York, 2006.
7. *Fleischer Michael*. System polskich symboli kolektywnych. Wyniki badań empirycznych. Wrocław, 1996.
8. *Nowak Paweł, Tokarski Ryszard*. Medialna wizja świata a kreatywność językowa / Nowak Paweł, Tokarski Ryszard (eds.) // Kreowanie światów w języku mediów. Lublin, 2007. S. 9–35.
9. *Czachur Waldemar.* Dyskursywny obraz świata. Kilka refleksji // Tekst i dyskurs – text und diskurs 4. Warszawa, 2011. S. 79–97.

ЛИТЕРАТУРА

Wojtak, Maria. Głosy z teraźniejszości. O języku współczesnej polskiej prasy / Maria Wojtak. Lublin, 2010.

Zimny, Rafał. Kreowanie obrazów świata w tekstach reklamowych / Rafał Zimny. Warszawa, 2008.

Żuk, Grzegorz. Językowy obraz świata w polskiej lingwistyce przełomu wieków / Karwatowska Małgorzata, Siwiec Adam (eds.) // Przeobrażenia w języku i komunikacji medialnej na przełomie XX i XXI wieku. Chełm, 2010. S. 239–257.

Ирина Ухванова-Шмыгова, Анна Маркович (Беларусь, Минск)

ДИСКУРС-КАТЕГОРИИ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Дискурс-категории – это операциональные составляющие анализа содержания дискурса, аналитическая фиксация функциональных потоков дискурса как вечно живого текста (текста, погруженного в жизнь). С одной стороны, дискурс-категории представляют смысловую структуру дискурсий (текстов как дискурсных практик). Это – группа *дискурс-категорий первого порядка*, которая опирается на аспектно-языковой план (фонетический, грамматический, лексический, стилистический). С другой стороны, в ходе анализа (индуктивный путь) выявляются сложно-составные, комплексные дискурс-категории – *дискурс-категории второго порядка*, которые опираются на составляющие коммуникативного процесса (андресант, адресат, высказывание с

его тематической и кортежной составляющими, коды, контексты). При этом категории первого и второго порядков взаимозависимы, одна может переходить в другую и наоборот. В процессе анализа исследователь интуитивно идет либо индуктивным, либо дедуктивным путем, объединяя их абдуктивной логической составляющей, то есть, выстраивая гипотезы с целью их дальнейшей перепроверки. Понятно, что возможен и старт исследовательского процесса от общего к частному, когда на первом этапе выявляются категории второго порядка, а далее происходит поиск их наличия в категориях первого порядка. Любопытно и то, что опытный дискурсист, анализируя конкретные дискурсии, сразу видит актуализированные в них дискурс-категории, однако вряд ли может сказать со стопроцентной вероятностью, являются ли они сложносоставными или первичными, ибо вышеописанная (уже можно сказать) традиция (закрепленная в целой серии дискурс-исследований, проведенных в контексте каузально-генетического подхода И.Ф. Ухвановой, А.В. Поповой, Е.В. Савич, А.А. Маркович, О.А. Туркиной, Е.И. Ядченко, Я.И. Зинченко [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14]) воспринимать категории языкового плана как категории первого порядка, а речевого плана – как категории второго порядка работает лишь отчасти. Кстати, этот факт и был выявлен в вышеперечисленных исследованиях.

Важный вывод, к которому мы пришли при делении категорий на сложные и простые, функциональные и динамические, заключается в том, что их индивидуальное наполнение и развитие в каждой конкретной дискурсии и составляют самостность каждой дискурсии, а значит вряд ли можно приводить все дискурс-категории в единой классификации. Судя по всему, следует говорить о необходимости классифицировать дискурс-категории по разным основаниям – по *наличию* (структурная составляющая) в дискурсе в целом, в отдельном типе дискурса, в отдельной дискурсии; по *значимости* (иерархическая составляющая) в дискурсе в целом, в отдельном его типе и отдельной дискурсии; по *функциональной наполняемости* (линейная составляющая), а значит и ролевой состоятельности; по *специфике репрезентации* (системная составляющая).

Способы классификации дискурс-категорий в контексте каузально-генетических исследований были предложены и апробированы в разных контекстах, в том числе при построении дискурс-портретов [1, с. 15-35, с. 354–355], где классификационная данность представлена по первому из вышеназванных оснований (по наличию). Так, все дискурс-категории (а их в контексте данного исследования выделено 33, однако показано, что список остается открытым) классифицируются как отражающие и конструирующие (1) адресанта, (2) адресата, (3) кортеж, (4) коды общения. Данная классификация – просто попытка провести инвентаризацию для удобства читателя, который в дальнейшем, возможно, станет исследователем, использующим методику дискурс-портретирования.

Напомним, что в **первую группу** (адресант-идентифицирующая группа) попали такие дискурс-категории, как, например, *самоидентификация* (адресанта), *атрибутивность* (качества адресанта – реальные или приписываемые), *деятельность* (набор деятельностных характеристик адресанта), *пространство* и *время* (адресанта), *роли* (адресанта), *миссия/цель*. **Вторая группа**

состоит из трех дискурс-категорий: *аудитория*, *целевая аудитория*, *реляционная коммуникативная стратегия*. В **третью группу** вошли такие категории, как *направленная информация*, *коммуникативные стратегии*, в том числе *предметно-ориентированная*, *кортежная*, *контактная* (контакт с аудиторией), а также три интеркатегории: *интертекуальность*, *интерсобытийность*, *интерсубъектность*. **Четвертая группа** включила *корреляцию «миф-реальность»*, *риторическую* и *дискурсную практики*, а также *лингвистический статус*, *энциклопедические знания*, *правильность речи*, *вариант языка*, *специальную терминологию*, *стилистический диапазон*, *интерактивность*, *невербальное поведение*, *открытость/закрытость* и *степень активности адресанта в коммуникативной ситуации*.

В контексте дискурс-портретирования дана также классификация дискурс-категорий под функцию, выполняемую исследователем. Так, если исследователь выполняет **идентификативно-интерпретативный анализ** с целью составления дискурс-портрета, то он опирается на такие дискурс-категории, как: *самоидентификация, атрибутивность, деятельность, дейксис* (время и пространство), *миссия.* **Анализ кода** требует реконструкции специфики *модальности* (реальность-виртуальность), а также внимания к дискурс-категориям *аудитория, целевая аудитория, контакт с аудиторией* (формы обращения), *направленная или упакованная информация* (лексико-семантические поля дискурсий, ключевые поля). **Нарративный анализ** означает внимание к *соотношению «миф-реальность», линии ключевых слов, выражению оценки (отношения)*, а также к категории *открытость-закрытость жанра* (жанр здесь рассматривается с позиции содержания, но не формы). **Анализ коммуникативных стратегий** или **мотивационно-целевой анализ** привлекает внимание исследователя к специфике *типа дискурса,* репрезентированного реальными дискурсиями, а также в этом контексте важно реконструировать все три вышеназванные *интеркатегории*. И наконец, **риторический анализ** фокусирует внимание исследователя на *приемах ценностного, фактологического, нейролингвистического воздействия.*

Идентификативно-интерпретативный или номинативный анализ в чем-то сродни тема-рематическому, однако используется не на узком (сегмент текстопорождающей практики), а на более широком пространстве (макротекст). Его назначение – *идентифицировать* все позиции, становящиеся или способные стать тематическими, в том числе сквозные темы дискурсий (топики); *определить* характер их развития и фокусировку с учетом того, что сквозные темы могут быть и предметно, и субъектно, и знаково ориентированы.

За анализом кода стоит вдумчивое и внимательное отношение к вербализации дискурсии – тем и кортежей, смыслов и фокусов внимания в их потециале, ибо потенциал предполагает включение всего возможного разнообразия аудитории (каждый сегмент аудитории актуализирует свое содержание).

Объект нарративного анализа – событийность, ибо дискурсия есть хэппининг (happening), перформанс (performance), которые, подчиняя себе адресата, как бы диктуют видение событий. Любопытно, что здесь «работают» дискурс-категории всех четырех подклассов предыдущей классификации. Наррация, как поводок, от длины которого зависит степень свободы аудитории в трактовке явлений действительности и взаимоотношений в социуме.

Анализ коммуникативных стратегий – точечная диагностика, используемая в нашем случае (в случае дискурс-портретирования) для мотивационно-целевого среза поведения коммуникантов. И здесь опять наблюдается пересечение всех составляющих первой (структурной) классификации.

Анализ дискурсных практик и риторический анализ предполагают, как и в предыдущих случаях, не просто констатацию того, что то, или иное явление присутствует в дискурсиях, но и указание на то, как именно оно присутствует и в каком сочетании, с какой целью реализуется и что при этом происходит с непосредственным объектом исследования.

Таким образом, мы увидели, что иной тип классификации по-иному выстраивает дискурс-категории, а значит и отношения между ними. Это означает, что классификация дискурс-категорий как фокус пристального внимания исследователя может превратиться из описательной в моделирующую методику, ибо помогает проникнуть вглубь, увидеть сущность явления, разобраться в характере и механизме его функционирования.

Сошлемся также на другие способы классификации дискурс-категорий, которые были разработаны, исходя из задачи построения моделей конкретных типов дискурса: дискурса элитарных средств информации [2], медийного дискурса лоббирования [15], дискурса мигрантов [8]. Следует отнестись внимательнее в этом контексте и к классификациям дискурс-категорий, которые проводят исследователи дискурс-пространства других научных школ, ибо классификации, построенные с позиций теоретического и практического опыта осмысления явления, помогают верифицировать друг друга.

И все же хочется вернуться к классификационному аспекту дискурс-категоризации в каузально-генетической перспективе, отметив, что уже сами дискурс-категории (понятно, что здесь речь идет о ключевом категориальном аппарате данной научной школы) становятся своего рода классификациями в себе. Таковыми в каузально-генетической теории являются категории дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия, знания и отношения, смысла и сущности. Каждая из этих картин состоит из функциональных примитивов, репрезентирующих контент-контекстное взаимодействие (единство привязки к феномену и идее) и репрезентировано иерархически, структурно, системно и линейно.

Мы полагаем, что кластерные дискурс-категории (контент-контекстного порядка) позволяют исследователю быть более мобильным и гибким в реконструкции смыслов в реальных дискурсиях.

---

1. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 3 / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: Технопринт, 2002.
2. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Каузально-генетическая перспектива исследования дискурса // La Table Ronde. Вып. 1. Дискурс в академическом пространстве: материалы международного круглого стола, 3–5 апреля 2009 г., Минск, Беларусь. Минск: Изд. центр БГУ, 2010. С. 82–90.
3. *Попова А.В.* Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 2010.

4. *Маркович А.А.* Коммуникативные стратегии интегративного типа в дискурсе Евросоюза // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2007. № 745. Сер. Филологія. Випуск 49. С. 76–82.
5. *Маркович А.А.* Анализ референтного содержания в дискурсе консолидации // Вестник МГЛУ. 2006. Сер. 1, Филология. № 5 (25). С. 53–66.
6. *Туркина О.А.* Анализ актуализации реляционных коммуникативных стратегий в телевизионной игре "Последний герой 1" // Respectus philologicus. 2005. № 7 (12). С. 174–183.
7. *Туркина О.А.* Исследование конфликта и конфронтации с позиций современной теории дискурса // Вестник МГЛУ. 2006. № 1 (21). С. 80–86.
8. *Ядченко Е.И.* Реконструкция дискурс-категории «оценочность» из дискурсии русского мигранта в Германии // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: сб. науч. трудов. Донецк: ДонНУ, 2012. Вып. 26. С. 112–122.
9. *Ядченко Е.И.* Реконструкция национально-культурной идентичности из дискурса русского мигранта, проживающего в Германии: потенциал лингвистической методологии // Вестник МГЛУ. 2012. Сер.1, Филология. № 5. С. 47–54.
10. *Ядченко Е.И.* Значимость реконструкции дискурс-категории «коммуникативный тип мигранта» в рамках стимулирования диалога культур // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы междунар. науч. конф., 17–18 ноября 2011 г., Москва. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 176–178.
11. *Зинченко Я.Р.* Опыт дискурсивного анализа интертекстуальности в политических ток-шоу // Вестник МГЛУ. 2010. № 4 (47). С. 74–84.
12. *Зинченко Я.Р.* «Роль» как средство структурирования дискурсивного пространства в формате политического ток-шоу (на материале русского и немецкого языков) // Ученые записки УО «ВГУ им П. М. Машерова»: сб. науч. трудов. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2010. С. 47–53.
13. *Савич Е.В.* К вопросу о построении интегративной методики анализа дискурса // Respectus Philologicus. 2011. №19 (24). С. 212–219.
14. *Савич Е.В.* Imagery as Discourse: Approach to Studies // Respectus Philologicus. 2012. №21 (26). С. 170–180.
15. *Савич Е.В.* Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа. Минск: БГУ, 2013.

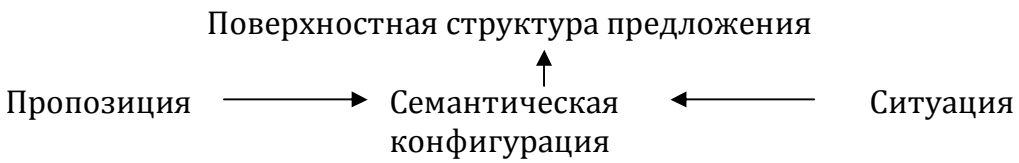
Дмитрий Богушевич, Антонина Галагаева, Василий Зеленков,
Ирина Дмитриева, Ирина Иванова-Мицевич, Ирина Чучкевич (Беларусь, Минск)

ДИСКУРС, ТЕКСТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вынесенные в заглавие языковые феномены обладают двумя общими свойствами. Во-первых, все они в той или иной степени оказывают воздействие на партнера по коммуникации; во-вторых, это воздействие, то есть иллокутивная составляющая, по крайней мере, в европейских культурах, как правило, проявляется в том, как говорящий оформляет информацию о предмете общения. Из этого следует, что для каждого типа дискурса, функционального стиля, текста имеются определенные ожидания со стороны слушающего, нарушения которых, по-видимому, и создают необходимое прагматическое напряжение, то есть являются проявлением иллокуции данного текста.

Несколько иное положение у предложения. Оно является основой отражения той части бюллеровской коммуникативной ситуации, которая дает информацию об Этом, поскольку, с одной стороны, является моделью некоторого положения дел, а с другой – обязательно связано с внеязыковой действитель-

ностью, поскольку обладает предикативностью (В.В. Виноградов). Так как предложение можно рассматривать как модель, в его семантическом аспекте присутствуют два компонента: во-первых, это то, что отражается в нем, оригинал или, иными словами, некоторое положение дел или ситуация; во-вторых – то, как эта ситуация отражается, то есть собственно сама модель. Существенно то, что эти две структуры, оригинал, который мы называем ситуацией или денотативной областью, и модель, которую мы называем сигнификативной структурой, не изоморфны друг другу и для образования семантической конфигурации предложения они должны быть объединены. Иными словами, семантический аспект предложения имеет следующий вид:

Эта схема показывает, что семантическая конфигурация предложения является результатом соединения (и при этом неоднозначного) структур пропозиций и структуры ситуации. Например, при отражении ситуации разрушения возможны несколько вариантов соединения структуры пропозиции и структуры ситуации.

John cut the cake with his sharp knife.
Янка разрэзаў пірог вострым нажом.
John's sharp knife cut the cake easily.
Востры нож Янкі лёгка разрэзаў пірог.
The cake cut into three pieces.
Пірог разрэзалі на тры часткі.

В разных языках различные варианты соединения пропозиции и ситуации могут, как показывают примеры, отражаться по-разному. Тем не менее именно через то, как предложением моделируется для партнера некоторый фрагмент действительности, передается прагматическая информация. Кроме того, необходимо отметить, что моделирующий аспект предложения должен быть общим, так сказать врожденным для всех, поскольку иначе предложение не может быть интерпретировано получателем. Это означает, что семантика предложения является результатом объединения, по крайней мере, двух структур – структуры собственно модели и структуры некоторого фрагмента картины мира, отражающей действительность. При этом важно то, что эти структуры неизоморфны, и поэтому один и тот же фрагмент картины мира может быть отражен разными способами. Именно неединственность способов отражения одной и той же части картины мира позволяет им, то есть разным способам, нести уже прагматическую информацию, то есть сообщать партнеру, как и почему Я говорю таким образом об Этом.

Проверку этой гипотезы каждый из нас представляет в своем индивидуальном докладе.

Дмитрий Богушевич (Беларусь, Минск)

О ДИСКУРСЕ

Дискуссия о функциональных стилях, подъязыках, дискурсах может стать результативнее тогда, когда мы перенесем ее предмет из эпистемологической области в область онтологическую и зададимся вопросом: где в системе человеческого общения есть место для этих явлений? Для этого необходимо рассмотреть модель человеческой коммуникации, обращая внимание не только на единицы системы языка[1], но и на другие компоненты, управляющие ее использованием.

Модель, предложенная К. Бюллером (Bühler – «Я Тебе об Этом») включает необходимые, но недостаточные аспекты общения [1]. В ней учитывается только семантика (*об этом*) и частично социальный аспект (*я, тебе*) семиотической ситуации. Данная модель включает только основу, на которой разворачивается общение.

Иначе предстает общение в моделях Р.О. Якобсона [2], и Дж. Остина [3]. Так, Р.О. Якобсон включает в модель «*послание* (message) и контекст». Включение послания предполагает не просто передачу информации «об Этом», но и желание говорящего (Я), направленное на реципиента (Тебе). Эта сторона общения выделена в структуре речевого акта Дж. Остином в качестве иллокуции и затем достаточно подробно разработана логиками и языковедами.

Тема же контекста у Р.О. Якобсона не детализирована, охватывает не только и не столько языковой контекст, то есть языковое окружение высказывания, сколько некоторые другие особенности окружения. Было обнаружено значительно позднее, что в контекст необходимо включить *деятельность*, в которой используется данный эпизод общения [5]. Кроме того, контекст включает и *социальное окружение* [6]. Необходимость третьего очень четко представлена в понятии *кортежа* [7].

Рассмотрев структуру кортежа, понимаемого как социокультурная составляющая общения, обнаруживаем, что он распадается на два компонента. Один из них охватывает то, что непосредственно или опосредованно связано с той деятельностью, для организации которой используется *рассматриваемый эпизод общения*. Второй же компонент включает общение в *общую культуру социума*, на что указывал еще М.М. Бахтин. Следовательно, любое наше высказывание так или иначе соотнесено с правилами поведения в социуме, так как мы их понимаем и принимаем.

Итак, можно заключить, что упомянуты все необходимые и достаточные характеристики общения. Это позволяет сформулировать полную модель коммуникации, которая примет следующий вид:

> *Я – Тебе – об Этом – с некоторой Целью – некоторым Способом, отвечающим Деятельностным, Социальным и Культурным Условиям.*

---

[1] Язык рассматривается здесь как language Ф. де Соссюра, то есть как триединство системы языка (langue), речи (parole) и системы выбора [4]. Система выбора функционирует по принципу прагматической достаточности.

Предложенная модель коммуникации позволяет выделить необходимые для нее компоненты и их функции. В этом отношении существеннейшим является ***Способ***, *которым Я сообщаю Тебе об Этом*, так как он является результатом использования знаковой системы, то есть языка. В способе отражаются *две необходимые операции*. Во-первых, *семантическая*, которая соотносится с Тем, о чем Я Тебе сообщаю, а во-вторых, *прагматическая*, соотносящаяся с целью моего воздействия на Тебя. Возникает вопрос: формулируют ли кортежные отношения определенные требования не только к прагматическому, но и к семантическому, а вернее, к способу отражения семантики. Исследования, проведенные в рамках различных стилей и дискурсов, дают возможность утверждать, что такое влияние имеется (см. статьи И.В. Дмитриевой, А.В. Галагаевой в этом разделе).

Уяснив специфическую особенность *Способа*, мы можем попытаться найти место для функциональных стилей и дискурсов в общей системе общения. То, что стиль не может являться единицей языка, следует хотя бы из того, что стилистически отмеченными могут быть все единицы языка, начиная от аллофонов или аллографов, и кончая структурой эпизода общения. В реальных же исследованиях функциональных стилей анализ не поднимается выше текстов-высказываний. Таким образом, можно считать, что функциональные стили определяют правила использования языковых единиц в *текстах-высказываниях*, используемых в обширных, социально значимых областях нашей жизни. Прагматические же характеристики, а именно иллокуция, почти не принимаются во внимание. Таким образом, объектом функциональной стилистики являются наборы текстов высказываний, включенных в некоторую область деятельности социума.

Несколько иначе идут исследования в области дискурсологии. В этих исследованиях рассматривается не столько какой-либо определенный тип текстов, сколько набор эпизодов общения, объединенных единой целеустановкой (см., например, исследования Е.В. Савич). Таким образом, можно считать, что функциональная стилистика текстоориентирована, в то время как исследования дискурса прагматически ориентированы. Это позволяет сформулировать, по крайней мере, рабочее определение дискурса, а именно: *дискурс представляет собой систему требований и ограничений, накладываемых на способ общения для достижения определенных деятельностных целей*. Следовательно, дискурс не является частью системы языка, а есть *часть системы культуры данного социума*, которая управляет речевым поведением членов социума в конкретных коммуникативных условиях. Или, иными словами, является конкретной реализацией принципа прагматической достаточности в данном социуме.

Поскольку дискурсы охватывают серии эпизодов общения, связанных общей целью, они так или иначе являются способом организации определенных видов деятельности. Это означает, что дискурсы для исследования можно формировать двумя способами. Во-первых, формируется дискурс из эпизодов общения, связанных с определенным видом деятельности. Во-вторых, можно формировать дискурс из эпизодов общения, связанных с разными видами деятельности, но объединенных одним и тем же этапом развития деятельности. В каждом из сформированных видов дискурса имеются свои ограничения и свои

требования. Можно предположить, что эти ограничения и ожидания распространяются как на прагматический, так и семантический аспекты текстов высказываний в каждом из типов дискурсов.

Очевидно, что задавая определенные ожидания и ограничения на способ презентации информации *об Этом*, дискурсы не только предполагают использование определенных типов речевых актов, но и определенного способа отражения в коммуникации *картины мира*. Отсюда следует и то, что в каждом социуме и в каждом языке имеется некоторый базовый, нейтральный, относительно различных дискурсов и стилей, способ представления выработанной в данном обществе картины окружающего человека мира. В каждом же дискурсе этот способ может некоторым образом видоизменяться, создавая *специфические для этого дискурса варианты отражения*, базирующиеся тем не менее на общем, то есть нейтральном представлении мира человеком, принадлежащим данному социуму.

Пока в наших рассуждениях о дискурсе и стилях не было учтено то, что за каждым из текстов стоит автор, то есть Я. Это «Я» имеет свои собственные интересы и конструирует семантическую конфигурацию предложения (термин И.В. Ивановой-Мицевич [7]) таким образом, чтобы в этих текстах был отражен и представлен реципиенту *интерес автора*. Этот факт также вносит свой вклад в специфику *Способа* отражения *Этого*.

Несомненно, что отражение интереса автора в тексте должно быть таким, чтобы адресат мог его обнаружить. Из этого следует, что в каждом типе дискурса, в зависимости от деятельности, для которой он предназначен, имеются свои закономерности отражения, и как автор, так и получатель следуют этим закономерностям.

Некоторые результаты исследований закономерностей отражения интересов автора (или, иными словами, ожиданий адресата) даны в работах представителей нашей научной школы – школы композиционного синтаксиса. Так, работа В.В. Зеленкова представляет базовые или нейтральные способы отражения картины мира в английском языке, или, иначе говоря, с определениями и диахроническим развитием семантической доминанты английского языка. Представление этого нейтрального способа в разных дискурсах описывают А.В. Галагаева и И.В. Дмитриева. И.В. Иванова-Мицевич и И.В. Чучкевич предлагают новый способ выявления того, как в высказывании находит отражение один из трех центральных и необходимых компонентов общения, а именно – инициатор общения, говорящий, то есть «Я».

---

1. *Bühler K.* Tatsachen und Probleme zu einer Psychologieder Denkvorgänge // Archiv für die gesamte Psychologie, IC, 1907; XII, 1908.
2. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: сб. ст. / Моск. гос. ун-т; под ред. Е.Я. Басина, Я. Поляковой. М., 1975. С. 193–230.
3. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / под ред. В.А. Звегинцева. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–129.
4. *Богушевич Д.Г.* Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Минск: Выш. школа, 1985. 116 с.
5. *Пиотровский Р.Г.* Текст, машина, человек. Л.: Наука, 1975. 327 с.
6. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Операционализация коммуникативных стратегий с позиций каузально-генетической теории // Методология исследований политического

дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып 2. Минск: БГУ, 2000. С. 198–201.
7. *Иванова-Мицевич И.В.* Методика моделирования денотативной области вербального информирования // Вестник Минск. гос. лингв. ун-та. 2007. Сер. 1, Филология. № 2. С. 24–33.

Василий Зеленков (Беларусь, Минск)

О СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЕ В АНГЛИЙСКОМ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Предложение можно рассматривать как модель некоторого положения дел [1]. Моделирование же предполагает отражение в модели некоторых отношений и связей, которые, как предполагается, существуют в оригинале. Сама же модель производится не для модели, а для того, чтобы ее можно было использовать для разных целей. Предложение как модель предназначено для коммуникации, то есть для передачи партнером по коммуникации сведений о строении некоторого положения дел, то есть – денотата предложения. Функция модели как источника информации для других предполагает, что в модели, во-первых, связи и отношения оригинала должны быть представлены таким образом, чтобы получатель мог их интерпретировать; во-вторых, в этой модели должна быть представлена информация о том, как и зачем говорящий моделирует данную ситуацию для слушающего.

Поскольку предложение, будучи частью общения, предназначено для интерпретации слушающим, то семантически обусловленные связи его (предложения) компонентов должны быть одинаковы и у говорящего, и у слушающего [2]. Таких общих структур обнаруживается только четыре класса [2]. Компоненты этих структур, которые представляют собой сигнификат предложения или пропозиции, должны быть функционально связаны и соотноситься с компонентами оригинала, то есть денотатом. Кроме того, поскольку сигнификативные пропозициональные структуры связаны отношениями, то, во-первых, в их составе выделяется иерархически более важный компонент, с которого и начинается моделирование, то есть приведение к однозначному отношению между компонентами сигнификата и денотата. Этот компонент, который в индоевропейских языках представлен в виде подлежащего, можно считать начальным элементом моделирования, а имя (и, соответственно, функцию) компонента денотата, помещенного в эту позицию, назвать *центром эмпатии* [3].

Поскольку центр эмпатии предназначен для начала интерпретации предложения слушающим, его положение относительно денотата определяется системой языка, обслуживающего определенную культуру. Именно поэтому возможности центра эмпатии для отражения взгляда на положение дел со стороны говорящего ограничены.

При всей важности для структуры предложения центр эмпатии не является ее единственным ключевым компонентом, связывающим предложение с моделируемой ситуацией (положением дел). Вторым является *выбор имени* того компонента положения дел, который для говорящего считается наиболее важным. Этот выбор уже не зависит от системы языка, а полностью определяется говорящим [4]. Тем не менее выбор фокуса интереса предопределяет то,

как может ситуация отражаться в сигнификативной структуре пропозиции. Так, например, при отражении ситуации горения фокус интереса говорящего может быть сконцентрирован на объекте. Тогда в русском и белорусском языках используется переходный глагол «жечь» и элемент, выделенный фокусом интереса, занимает позицию прямого дополнения:

Иван сжег письмо.

Іван спаліў ліст.

Также и в английском используется переходный глагол burn:

John burned the letter.

Если же в фокусе интереса оказывается само горение, то в русском языке используется другой глагол:

Письмо сгорело.

Ліст згарэў.

В английском же языке используется тот же глагол, но дополнение переходного варианта занимает эмпатийную позицию, то есть позицию подлежащего:

The note burned.

Уже этот пример указывает на то, что в механизме отражения структуры ситуации сигнификативной структурой пропозиции в английском и восточнославянских языках имеется существенное различие.

Анализ синтаксических структур показал, что всего может быть *четыре типа пропозиций*, поскольку они различаются характером отношений, связывающих их компоненты. Характеристики этих отношений представлены двумя бинарными оппозициями: *динамика – статика* и *направленность – ненаправленность*. В результате пересечения этих характеристик образуются именно четыре типа: динамическая направленная, динамическая ненаправленная, статальная направленная и статальная ненаправленная [2]. Каждая из типов пропозиций имеет свою структуру аргументов, которая может быть идентифицирована в предложениях при помощи серии трансформационных правил [5].

Необходимо отметить, что одна и та же ситуация может быть отображена кардинально различающимися пропозициями. Так, сражение при Акциуме может быть описано предложением *«Октавиан полностью разбил флот Марка Антония при Акциуме»*, то есть динамической направленной пропозицией. Эта же ситуация может быть описана предложением *«Разгром флота Марка Антония при Акциуме был полным»*.

Возможности выбора центра эмпатии определяются не только фокусом интереса говорящего, но и *взаимоотношением сигнификативной и денотативной структур*. Чаще всего как в восточнославянских, так и в английском языках для отражения положения дел избирается пропозиция, связь элементов которой соотносится с отношением компонентов ситуации. Так, если ситуация динамична и направлена, например, ситуации разрушения или созидания, то, как правило, отбирается пропозиция, имеющая предикат с теми же характеристиками. Направленность отношения не позволяет свободно размещать центр эмпатии на любом компоненте положения дел. В славянских языках в данном случае возможно размещение центра эмпатии либо на деятеле (тогда он отражается как агенс), либо на орудии (тогда орудие отражается как

агенс). В английском языке для большинства ситуаций разрушения возможно использование в эмпатийной агентивной позиции и объекта, но при условии сохранения активной формы глагола. Например:

The Romans broke the city wall with a catapult projectile.

The projectile broke the wall of the city.

The wall of the city broke.

В первых двух случаях функциональные характеристики элементов положения дел и его отражения в пропозиции совпадают:

Римляне разрушили стену города снарядом из катапульты.

Рымляне разбурылі сцяну горада снарадам з катапульты.

Снаряд из катапульты разрушил стену города.

Снарад з катапульты разбурыў сцяну горада.

Третье же предложение требует использования возвратной формы глагола во всех восточнославянских языках:

Стена города разрушилась.

Сцяна горада разбурылася.

Приведенные примеры подтверждают тот факт, что способы отражения ситуации в русских, белорусских и английских предложениях различаются. При этом различия, по-видимому, заключаются в предпочтении способов выбора центра эмпатии.

Наибольшие различия наблюдаются при отражении ситуаций состояния, в которых отношения компонентов положения дел недостаточно четкие.

Прежде чем сопоставлять предложения, отражающие эти ситуации в английском, русском и белорусском языках, необходимо выработать *модель самой ситуации*. Для этого используются дефиниции предикатов, называющих отношения в этой ситуации в толковых словарях. Использование англо-, русско- и белорусскоязычных толковых словарей показало, что для данных культур ситуации психического и физического состояния человека имеют одинаковую структуру. В эту структуру входят источник-каузатор состояния, субъект, испытывающий и оценивающий это состояние; для психического состояния характерно то, что данная оценка относится к каузатору, а для физического – к самому субъекту.

Такая структура ситуации в принципе позволяет поместить центр эмпатии на двух компонентах: либо на источнике (тогда субъект состояния получает функцию адресата), либо на субъекте состояния (тогда источник либо уходит в пресуппозицию, либо становится объектом).

В индоевропейских языках, в том числе и в древнеанглийском, а также в восточнославянских, центр эмпатии для данных ситуаций неизменно располагался только на источнике. При этом в славянских языках при отражении физического состояния человека источник опускался. В английском же языке, как правило, использовалось личное местоимение третьего лица среднего рода единственного числа. Еще одной особенностью восточнославянских языков является то, что при отражении психического состояния использовались возвратные формы. Например:

And þat hem ***likede*** *sinnes* (др. англ.).

И тогда грехи им понравились.

І тады грахі ім спадабаліся.

Вполне очевидно, что в этих предложениях функциональные характеристики элементов полностью совпадают. В русском, белорусском и английском предложениях «грехи» оказываются подлежащим, а субъект, который испытывает в данном случае приязнь к этим грехам, занимает позицию адресата, поскольку в обоих языках он оказывается в дательном падеже. Несколько иначе выглядят предложения, описывающие физическое состояние:

Hit is me ceald.

Мне холодно.

Мне холадна.

В русском и белорусском предложениях центром эмпатии является как бы весь мир, поэтому позиция подлежащего не заполняется. В английском же, еще в древнеанглийский период, позицию подлежащего предпочитали заполнять хотя бы формально.

Однако уже к XIII веку в результате редукции заударных слогов существенно изменились принципы классификации существительных. Если в древне- и раннесреднеанглийском языке существительные классифицировались как во всех индоевропейских языках, согласно роду, и это поддерживалось не столько формой самого существительного, сколько формой согласуемых с ними прилагательных, причастий и притяжательных местоимений, то в XIII–XIV веках согласование по формальному роду полностью исчезло. Одновременно с этим фонетически совпали местоимения мужского и женского родов третьего лица единственного числа в именительном падеже. При исчезновении из системы склонения местоимений родительного и винительного падежей должно было наступить полное неразличение типов существительных при их замене личными местоимениями. Однако этого не произошло; в отличие от северогерманских языков английский сохранил все три местоимения, фонетически отличив именительный падеж местоимения женского рода. Это означало только одно: классификация существительных в среднеанглийский период перестала быть формальной, а основывалась на семантических признаках. Этим семантическим признаком становится уже не род, а пол, то есть нечто, связанное в социуме, в первую очередь, с человеком. И это к XV веку окончательно закрепляется в употреблении. *He* и *she* используются для замены существительных, обозначающих именно людей. Все остальное приходится на долю it. Одновременно с этими процессами постепенно меняется и использование родительного падежа. Он все реже образуется от неодушевленных существительных, и к концу XV века практически перестает образовываться от них. Родительный падеж, ставший к тому времени уже притяжательным падежом, охватывает одушевленные существительные.

Таким образом, к концу XV – началу XVI века существительные в английском языке распались на три крупные семантические группы, разделенные по признаку степени потенциальной активности. При этом характерно то, что семантическое деление поддерживалось формальными и, в первую очередь, синтаксически связанными показателями.

Первая группа включала название людей. Существительные этой группы имели привилегию замещаться местоимениями третьего лица единственного числа мужского или женского рода, а также образовывать формы притяжательного падежа. Поскольку это были названия людей, они были потенциальными деятелями.

Вторая группа включала названия животных; эти существительные замещались (если не было особых причин) местоимением it, то есть местоимением бывшего среднего рода. Но они имели возможность свободно образовывать притяжательные конструкции. Семантически общим признаком у них можно считать возможную активность. Во многих ситуациях существительные этой группы называли активно действующий объект.

И, наконец, третья группа – неодушевленные существительные. Эти существительные могли заменяться местоимением третьего лица среднего рода, и, как правило, не образовывали формы притяжательного падежа. В атрибутивной функции они присоединялись к определяемому при помощи предлогов. Общим признаком для этих существительных можно считать потенциальную инактивность.

Такое членение существительных не могло не сказаться на морфологических характеристиках и связанных с ними глаголах, и на предпочтениях при выборе центра эмпатии.

И действительно, описанное выше размещение центра эмпатии для отражения психического и физического состояния, на источнике в XVI веке уступает размещению центра эмпатии на потенциально более активном компоненте – то есть человеке. *Hit is me ceald* замещается на *I am cold*. *Hit me lyciath* – на *I like it*. Собственно говоря, в этих предложениях фактически отражается только часть ситуации, а именно оценочная часть, поскольку источник либо не упоминается (*I am cold*), либо превращается только в объект оценки (*I like it*). Таким образом, можно заключить, что в современном английском языке предпочтение в выборе центра эмпатии при прочих равных условиях отдается наиболее активному элементу. В результате сама позиция подлежащего становится признаком активности попадающего в него существительного. Это и позволяет широко использовать так называемые средние конструкции; ограничением на их использование является роль компонента ситуации, названного существительным. Этот компонент не может быть результатом развития ситуации. Поэтому при описании ситуации созидания, в отличие от ситуации разрушения, средние конструкции не используются. Структура *The house builds* невозможна.

В восточнославянских языках, так же как и в большинстве индоевропейских языков Европы, сохранились общеиндоевропейские структуры для физического и психического состояния человека. Выбор центра эмпатии ориентирован не на семантические классы существительных, а на структуру самой ситуации. Поэтому в фокус интереса в русском и белорусском языках помещают предикативные характеристики, что неплохо соотносится со спецификой восточнославянского вида.

В заключение можно сказать, что семантико-синтаксической доминантой построения предложения в английском языке является противопоставление активности–инактивности. В восточнославянских же языках семантико-синтаксическая доминанта при построении предложений ориентирована на структуру отражаемой ситуации.

---

1. *Вартофский М.* Модели: репрезентации и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.
2. *Bogushevich D.G.* Outline of the compositional syntax. Paper presented at the 16th International Congress of Linguists, July 20-25, in Paris, France, 1997.
3. *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

4. *Иванова-Мицевич И.В*. Денотативная область вербального информирования и особенности ее отражения в английском предложении: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2009.
5. *Козлова Л.К.* Семантическая структура и текстовые функции предложений с неличными формами глагола в современном английском языке (подъязык электроники): автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 1988.

Антонина Галагаева (Беларусь, Минск)

ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ТЕКСТА И ВЫБОР СПОСОБА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Принимая во внимание тот факт, что основная функция языка заключается не столько в отражении некоторого фрагмента внеязыковой реальности, сколько в установлении взаимодействия между коммуникантами, организации ими совместной деятельности [1, 2, 3], то именно *деятельность* предопределяет структурный и семантический аспекты текста, а также влияет на выбор того или иного способа представления реальности.

Отображение картины мира, как нам представляется, происходит в предложении путем сопоставления сигнификативной и денотативной структур, неизоморфизм которых постулируется в теории композиционного синтаксиса [4], через лексическое заполнение аргументных позиций ролями участников ситуации. При лексическом заполнении поверхностного уровня предложения говорящий выбирает слова из всего потенциала возможных лексем, задаваемого денотативной отнесенностью предложения (ситуацией), и комбинирует их в соответствии с логико-семантической структурой предложения (пропозицией), задаваемой предикатом.

Следовательно, определив лексико-семантические отношения предиката с его аргументами, мы можем выделить следующие *способы представления действительности*:

• Предикат и актантное окружение относятся к одной денотативной области, при этом заполнение аргументных позиций осуществляется в соответствии с логико-семантической структурой предложения, задаваемой предикатом. Такое соотношение назовем **гомолексией** [5]. Основная направленность данного способа заключается в отражении картины мира максимально приближенной к оригиналу: *The boy broke the window with a stone.* По-белорусски это будет звучать: *Хлопчык разбіў акно камнем.*

• Предикат и актантное окружение относятся к разным денотативным областям в результате того, что заполнение аргументных позиций происходит с нарушениями ограничений на сочетаемость, но в соответствии с логико-семантической структурой предложения, задаваемой предикатом. Определим данное соотношение как **гетеролексию:** *The boy broke her heart with cruel words* [5] – *Юнак разбіў яэ сэрца жорсткімі словамі*.

Необходимо заметить, что в большинстве случаев возникающая в результате гетеролексии метафоризация может быть практически дословно переведена на любые другие языки, как и в этом случае.

В предложении между предикатом и его актантами возникает лексико-семантическое рассогласование, которое устраняется за счет **метафоризации**

предиката и изменения денотативной отнесенности всего предложения. Данный способ предназначен для передачи новой информации об окружающем мире за счет комбинирования уже существующих языковых средств. При этом мы констатируем двоякую природу гетеролексии.

Данный способ может использоваться по необходимости, когда в языке отсутствуют адекватные единицы для представления нового явления, что соответствует когнитивной функции метафоры. Такое употребление мы определим как ***когнитивная гетеролексия*** [5]. Либо это можно также использовать как прием с целью привлечения внимания к уже имеющим наименования явлениям для эмоционально-образного осмысления действительности, что соответствует экспрессивной метафоре. Обозначим данное явление как ***экспрессивная гетеролексия*** [5]***.***

• Предикат и актантное окружение относятся к одной денотативной области, однако в результате смещения центра эмпатии заполнение актантных позиций осуществляется с нарушением логико-семантической структуры предложения, в результате чего аргументные позиции заполняются несоответствующими им ситуативными ролями. Данное рассогласование обозначим как **диалексию**: *The stone broke the window; or The window broke* [6; 7]. По-белорусски это звучит несколько иначе: *Камень разбіў акно,* что совпадает с английским вариантом, но следующее предложение имеет специфический показатель смещения центра эмпатии, а именно – возвратную частицу «ся»: *Акно разбілася.*

Различие в ранжировании элементов денотативной структуры приводит к сдвигу фокуса внимания с одних компонентов на другие «смежные», что позволяет рассматривать диалексию в качестве ***когнитивной метонимии.*** Основная направленность данного способа состоит в стремлении краткого представления действительности, в результате чего одни элементы реальности акцентируются, другие ретушируются.

Также можно выделить смешанный ***гетеродиалексемный*** способ представления действительности, в котором сочетаются как признаки гетеролексии, так и диалексии. Заполнение поверхностного уровня предложения, использующего данный способ представления действительности, осуществляется с нарушением селективных ограничений на сочетаемость предиката и его актантов, а также с нарушением логико-семантической структуры предложения, задаваемой предикатом: *Her heart broke; his cruel words broke her heart – Яе сэрца разбілася; яго жорсткія словы разбілі яе сэрца.*

Помимо языковых причин, которые заключаются в потенциях лексем, составляющих предложение, на лексико-семантическую сочетаемость, выбор того или иного способа представления действительности зависит от внеязыковых причин, суть которых состоит в ориентированности на ситуацию общения.

В качестве объяснительного принципа нами используется понятие *деятельности*, разработанное в рамках теории деятельности Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, согласно которому общение стимулируется деятельностью, в рамках которой оно развертывается, и ради целей этой деятельности. Следовательно, речевая активность, осуществляемая в ходе общения, подчиняется не столько целям общения, сколько целям деятельности, и заключается в организации взаимодействия общающихся субъектов [1; 2; 3]***.***

Поскольку общение осуществляется в основном посредством текстов, то мы предлагаем новую прагматически ориентированную классификацию текстов, в основу которой положено не качественное различие между видами деятельности, присущее функционально-стилистическому направлению, а признак, свойственный любой деятельности, а именно: ее *процессуальный характер*, предполагающий разбиение на этапы. Согласно А.А. Леонтьеву любой акт человеческой деятельности состоит из следующих этапов: ***мотивационного, ориентировочного, исполнительского, контрольно-коррекционного*** [3].

Каждый из этапов характеризуется определенной целеориентированностью субъекта деятельности, которой соответствует коммуникативно-прагматическая направленность текста [7] (табл. 1).

Таблица 1

Классификация текстов по этапам деятельности

Этап деятельности	**Аспект этапа деятельности**	**Коммуникативно-прагматическая направленность текста**	**Тип текста**
Мотивационный	формирующий	воздействие на аксиологический параметр	мотивационный *(тексты художественной литературы)*
	результативный	воздействие на аксиологический параметр и параметр знаний	мотивационно-информационный *(текст газеты)*
Ориентировочный	формирующий	воздействие на параметр знаний	информационный *(научные тексты)*
	результативный	воздействие на параметр отношения к операции	программирующий *(тексты инструкций)*

Целью ***мотивационного этапа*** является оказание воздействия на аксиологический компонент сознания адресата для формирования мотивационного фона его поведения, что соотносится с коммуникативно-прагматической направленностью ***художественного текста, текста газетной статьи***.

Прагматическая установка художественного текста как произведения искусства заключается в воспитании реципиента путем формирования у него особых мотивационных установок, предопределяющих его поведение, что обуславливает реализацию данного типа текста на *формирующем аспекте* мотивационного этапа.

В газетной статье помимо воздействия на эмоционально-оценочную сторону сознания реципиента для формирования таких ценностных убеждений и установок, какими является социальный заказ, влияние осуществляется посредством информирования, подготавливая переход адресата на ориентировочный этап деятельности. Данный факт предопределяет реализацию данного типа текста на *результативном аспекте* рассматриваемого этапа.

Цель ***ориентировочного этапа*** заключается в оказании воздействия на адресата для адекватного планирования им дальнейшей деятельности.

На *ориентировочно-формирующем* этапе воздействие оказывается на параметр знания адресата с тем, чтобы посредством информирования сформировать у него новую картину мира, которая смоделирует его действия, что соответствует коммуникативно-прагматической направленности ***научного текста***.

На *ориентировочно-результативном* этапе воздействие осуществляется на параметр отношения к выполнению действия. Ориентирование коммуниканта осуществляется посредством программирования четкой последовательности действий, что соотносится с коммуникативно-прагматической направленностью текста ***инструкций***.

В подтверждении обусловленности способов отражения действительности коммуникативно-прагматической направленностью текста, задаваемой этапами деятельности, приведем статистические данные употребления того или иного способа представления действительности в различных типах текста.

Таблица 2

Способы представления действительности в различных типах текста [1]

Тип текста	**Способы представления действительности [2]**		
	Гомолексия	**Гетеролексия**	**Диалексия**
Художественный текст	64 %	34 %	2,4 %
Газетный текст	58 %	33 %	12 %
Научный текст	40 %	48 %	16 %
Текст инструкции	95 %	3 %	2 %

Таким образом, ***гомолексемный*** способ представления действительности обладает потенциалом отражать картину мира максимально приближенно к внеязыковой реальности. Отражая реальные отношения объектов действительности, данный способ исключает какую-либо возможность варианта толкования, что соответствует коммуникативно-прагматической направленности текста ***инструкций***. Данный факт подтверждается статистическими показателями – **95 %** от общего количества выделенных предикатов в текстах инструкции употребляется гомолексемно.

Гетеролексемный способ представления мира является общеупотребительным для всех типов текстов (табл. 2). Однако оппозиция ***когнитивной*** и ***экспрессивной*** гетеролексии представляется существенной для выделенных типов текста, и употребление данных способов различается как количественно, так и качественно (табл. 3).

Таблица 3

Гетеролексемный способ представления действительности в различных типах текста[3]

Тип текста	**Гетеролексемный способ представления действительности**	
	Когнитивная гетеролексия	**Экспрессивная гетеролексия**
Художественный текст	80 %	20 %
Газетный текст	86 %	14 %
Научный текст	95 %	5 %
Текст инструкции	3 %	–

[1] Данное процентное соотношение способов представления действительности указано относительно общего количества выделенных предикатов.

[2] Сумма трех способов представления действительности превышает 100 %, поскольку смешанный гетеродиалексемный способ представления действительности включается в подсчет как гетеролексии, так и диалексии.

[3] Процентное соотношение когнитивной и экспрессивной гетеролексии указано относительно всех предикатов, употребленных гетеролексемно.

Употребление ***когнитивно-гетеролексемного*** способа представления действительности характерно для всех типов текста. Однако максимально высокие статистические данные наблюдаются в научном тексте, где коммуникативно-прагматическая направленность на передачу нового знания детерминирует комбинирование языковых единиц из разных денотативных областей, что позволяет автору научной статьи не только выразить новое понимание взаимоотношений реалий действительности, но и донести его до реципиента в наиболее доступной форме, связывая только что генерированное знание с уже имеющимся, ориентируя коммуниканта на планирование совместной деятельности.

Экспрессивно-гетеролексемный способ отражения реальности имеет наибольшие показатели в тексте художественной литературы (табл. 3). Образное представление мира соотносится с коммуникативно-прагматической направленностью данного типа текста на формирование идейно-эстетических воззрений адресата, что предопределяется мотивационным этапом деятельности. В газетном тексте показатели экспрессивной гетеролексии несколько ниже (табл. 3), поскольку прагматическая установка данного текста заключается не только в эмоционально-оценочном воздействии с целью формирования мотивов поведения адресата, но и в его информировании о событиях окружающей действительности для осуществления других видов деятельности, подготавливая переход на следующий ориентировочный этап. В научном тексте представленность данного способа отражения мира не имеет принципиального значения (табл. 3), и его употребление ориентировано на выражение оценочного отношения автора научной статьи к процессу и результатам интеллектуальной деятельности. Прагматическая установка инструкции, заключающаяся в ориентировании адресата на выполнение им дальнейших действий посредством четкого, не допускающего различных толкований представления информации об окружающем мире, вообще не предполагает использование экспрессивной гетеролексии (табл. 3).

Основная направленность **диалексии** состоит в стремлении краткого представления действительности, в результате чего одни элементы реальности акцентируются, другие ретушируются. В художественном тексте данный способ может приобретать образный характер и использоваться в качестве художественной детали. В тексте газетной статьи его использование диктуется требованиями краткого представления действительности, а также выдвижение одних элементов и элиминирование других приобретает имплицитно оценочный характер. В научном тексте диалексия отвечает объектоцентричности данного типа текста. В текстах инструкции употребление диалексии не имеет принципиального значения и рассматривается, скорее, как исключение, чем правило.

Таким образом, мы действительно видим, что выбор способа представления действительности находится в прямой зависимости от *коммуникативно-прагматической направленности текста*, которая в свою очередь предопределяется *этапом деятельности*, когда осуществляется общение.

Отмеченное в этой статье распределение типов метафор в разных видах текстов можно признать универсальным, поскольку пробные исследования (курсовые, дипломные исследования) на материале русского и белорусского

языков дали принципиально схожие результаты. Однако в настоящее время еще недостаточно статистически релевантного материала, чтобы сделать достоверное заключение.

1. *Богушевич Д.Г.* Опыт классификации эпизодов вербального общения // Языковое общение: процессы и единицы: сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т.; отв. ред. И.П. Сусов. Калинин, 1983. С. 13–21.
2. *Дридзе Т.М*. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии / под ред. И.Т. Левыкина. М.: Наука, 1984. 268 с.
3. *Леонтьев А.А.* Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста: сб. науч. ст.; под ред. Г.А. Золотовой. М.: Наука. С.18–37.
4. Outline of the Compositional Syntax // Proceedings of the 16-th International Congress of Linguists 20-25 July 1997: [Copy] 2: Philosophy of linguistics /D. G. Bogushevich [et. al.] Oxford: Elsevier Science Ltd., 1997. 21 p.
5. *Галагаева А.В*. Способы представления действительности (на материале предложения английского языка) // Вестник МГЛУ. 2007. Сер. 1, Филология. № 6 (31). С. 88–96.
6. *Галагаева А.В*. Диалексия как вариант лексико-семантического рассогласования / А.В. Галагаева, И.В. Иванова-Мицевич // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов МГЛУ (24-25 апреля 2007г., Минск): в 5 ч. Ч. 2 / отв. ред. Н.П. Баранова. Минск: МГЛУ, 2007. С.98–101.
7. *Галагаева А.В.* Этапы деятельности как принцип классификации текстов // Вестник МГЛУ. 2008. Сер. 1, Филология. № 2 (33). С. 83–90.

Ирина Дмитриева (Беларусь, Минск)

ОБРАЗ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА КАК МАРКЕР ТИПА ТЕКСТА

Создание текста во многом регулируется принципом прагматической достаточности, который требует, чтобы в эксплицитной форме было представлено только то, что полагается достаточным для достижения цели в определенных условиях коммуникации [1, с. 53]. Однако описываемая в тексте реальность, как правило, богаче и сложнее того минимума, который требуется согласно принципу достаточности. При порождении текста принимается решение (осознанное или неосознанное) о том, какая часть информации должна быть выражена прямо, а какая может остаться без эксплицитного языкового выражения. В процессе вербализации решается уже более формальная проблема – проблема отбора таких языковых единиц и структур, такого построения текста, при которой устранение части означающих не мешало бы пониманию языковой формы.

Проявление зависимости формы, плана выражения текстов различной функционально-стилевой отнесенности от содержательной заданности текстов того или иного функционального стиля и их коммуникативной целеустановки, как правило, связывают с особенностями отбора лексических единиц и грамматических структур, композиционной, содержательной и семантической организацией текста в целом. Выявленные номенклатурно-дескриптивные характеристики ложатся в основу определения жанрово-стилевой отнесенности текста. Здесь мы представляем еще один возможный

подход, который не вступает в противоречие с накопленным исследовательским материалом и может способствовать стилевой диверсификации текстов на основании достаточно однородных параметров категориальной природы. Речь идет о плане выражения такой категории текста, как *информация/информативность*. И.Р. Гальперин конкретизировал три вида текстовой категории информации: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую [2]. Способом представления *фактуальной информации* можно считать *пропозицию*, при этом анализу могут подвергаться как полные пропозиции, так и свернутые.

Свернутые пропозиции традиционно связывают с так называемыми вторичнопредикативными, или потенциально-предикативными единицами и структурами, к которым с разной широтой охвата относят неличные формы глагола, словосочетания и полупредикативные комплексы (конструкции) с ними, отглагольные имена существительные и прилагательные. Данные языковые единицы по своей грамматической семантико-синтаксической природе обладают способностью устранять из плана выражения часть или все номинативные элементы свернутого предиката. Особо значимыми для использования их в качестве индикаторов стилевой принадлежности текста являются две характеристики.

Во-первых, это потенциальная, но не обязательная для реализации способность к сокращению номинативных элементов предиката и, следовательно, возможность провести оценку степени реализации этой возможности в конкретных текстах той или иной функционально-стилевой отнесенности. Во-вторых, то, что устранению подвергаются ожидаемые компоненты, а это, в свою очередь, создает условия к их восстановлению и лингвистической параметризации.

Свернутые пропозиции можно восстановить до полной развернутой формы посредством цепочки трансформаций, а затем оценить, какие именно компоненты подверглись элиминации из поверхностного плана выражения. Кроме единиц, представляющих свернутые пропозиции, в рассмотрение также следует включить залоговые формы глагола, которые обеспечивают вариативность в способе вербализации информации о двух основных номинативных элементах пропозиции – субъекте и объекте. Устранение из плана выражения части информации о субъекте и/или объекте может рассматриваться как реализация функционально-обусловленной потребности в рациональном, то есть только необходимом отражении описываемой текстом предметной области. Механизмами, которые обеспечивают сокращение элементов плана выражения являются номинализация и пассивизация предиката, влекущие за собой изменения в его именном окружении.

Приняв в качестве исходного постулата принципы семантического синтаксиса (глагол-предикат предопределяет количество и семантические роли своего номинативного окружения), мы выстраиваем потенциально возможную пропозициональную структуру свернутого предиката, нормализуя ее до синтаксически корректной активной предикатной структуры. Сопоставление исходной единицы с полученной нормализованной позволяет увидеть, какие позиции были ожидаемы, какие оказались заполнены, и какие из них остались незаполненными. Например, *… she was dealing with a prudent financial expert who*

would not allow prejudice to obstruct his sound ***arrangements*** *…* Существительное *arrangements* образовано от глагола *arrange*, в номинативном окружении которого ожидаемыми элементами являются субъект и объект: smb **arrange** smth. Цепочка трансформаций исходного употребления имеет следующий вид: *… who would not allow prejudice to obstruct his sound* ***arrangements*** → *who would not allow prejudice to obstruct smth that* ***was arranged by him*** → *who would not allow prejudice to obstruct smth that* ***he arranged*** → *He* ***arranged*** *smth*. Возможность заполнить позицию субъекта и незаполненность позиции объекта в конечной трансформации указывает на то, что в исходном употреблении была эксплицитно представлена информация о субъекте (посредством притяжательного местоимения *his*), но отсутствовала информация об объекте свернутого предиката.

Другой пример демонстрирует случай устранения информации о субъекте действия. Глагол *value*, от которого образовано прилагательное ***valuable,*** также предполагает в своем именном окружении представление информации о субъекте и объекте: smb **value** smth. Однако трансформация исходного употребления укажет на то, что в нем отсутствует информация о субъекте действия: *The entity model as a diagram is simply a crude, though* ***valuable****, means of demonstrating …* → *The entity model as a diagram is simply a crude means of demonstrating, though smb* ***values*** *(this) means of demonstrating …* Как видно, позиция субъекта осталась информационно незаполненной, в то время как позицию объекта можно заполнить содержательным элементом исходного употребления.

Совокупный результат анализа художественных и научных текстов позволяет сделать определенные выводы о некоторых закономерностях в способах представления субъектов и объектов свернутых пропозиций в текстах разной стилевой отнесенности.

Было определено, что в литературно-художественных текстах информация о семантическом субъекте свернутых пропозиций, как правило, представляется эксплицитно, в то время как информация о семантическом объекте действия с достаточной регулярностью отсутствует, сохраняясь в поверхностной структуре менее чем в половине употреблений структур, способных устранять семантический объект. Тексты научных статей продемонстрировали прямо противоположную тенденцию: более 80% употреблений структур, открывающих возможность к устранению информации о семантическом субъекте, реализовывали эту возможность, в то время как информация об объекте сохранялась более чем в 60 % употреблений. Кроме того, художественные и научные тексты продемонстрировали разную частотность использования грамматически безобъектных предикатов: 25 % от общего числа потенциально-предикатных структур в художественных текстах были образованы на базе безобъектных предикатов и 5 % – в научных. Отсутствие семантического объекта в подобных употреблениях не связано с устранением объекта, но их использование выявляет значимость этого элемента в текстах разных стилей.

Полученные данные свидетельствуют о том, что сама языковая презентация отражает фокус внимания научных статей – это объекты, действия с ними и над ними, а фокус внимания литературных произведений – субъекты.

Научные тексты характеризуются ясным представлением об авторе и предмете изложения. Субъект, будучи эксплицитно и однозначно задан в на-

чале научной публикации (автор статьи) или в самом тексте статьи (автор обсуждаемой теории, оспариваемых положений, описываемого эксперимента, авторского или приведенного для сопоставления, и т.д.), может быть устранен из последующего текста. Субъекты соответствующих свернутых пропозиций восстанавливаются благодаря тому, что весь текст принадлежит определенному автору, и информация о нем является необходимым элементом структуры научного текста. Например, из предложения *A «mountain block», as **defined** in Section 2, **was formed using** a combination of keyboard and digitiser output* читателю понятно, что субъектом выделенных потенциальных предикатов *defined* и *using*, а также пассивного предиката *was formed* является автор статьи. Именно он *определил «mountain block» в разделе 2*, *сформировал этот «mountain block»*, *использовал совмещение keyboard and digitiser output*.

Использование номинализированных предикатов, потенциальные субъекты которых отсутствуют в плане выражения, также связано с процедурами авторизации и деавторизации высказываний. Например: *There are some **attempts to provide** «COBOL-like» languages such as DIBOL and SyBOL which is similar to the better **known** DATA point DATA SHARE.* Имплицированные субъекты номинализированных предикатов *attempt* и *provide* предполагают кого-то из разработчиков языков ЭВМ, но для знающего специалиста они могут идентифицироваться вполне конкретно, специалист может быть в курсе того, кто или какая лаборатория, фирма занималась разработкой языков программирования типа КОБОЛ, то есть имеет возможность определить круг возможных исполнителей. Субъект потенциального предиката *known* как бы объединяет автора и читателя в класс специалистов, информированных о *DATA point DATA SHARE* в большей степени, чем о *DIBOL and SyBOL*.

В художественном произведении повествование может вестись от первого лица, от автора, включать изображение других эпизодов общения, внутренние монологи персонажей и т.д. Это значит, что полифония и полисубъектность художественных текстов, с одной стороны, требуют насколько возможно эксплицитного предъявления субъекта каждой конкретной пропозиции, а с другой стороны, в случае использования структур, позволяющих переводить информацию о субъекте в имплицитный пласт, обеспечивать, возможно, более конкретную идентификацию субъекта при его деимпликации. Например, субъект инфинитива *bring* вполне однозначно восстанавливается за счет информации, представленной в самом предложении: *There had been a time when Father Dewes' predecessor made an attempt to **bring** Mr. and Mrs. Ferraro into a closer relationship but …* – это *Father Dewes' predecessor*.

Поскольку художественные тексты представляют собой срез мира «вообще», в них требуется большая конкретизация описываемого участка мира для того, чтобы передаваемая информация была адекватно воспринята максимально широким кругом читателей. В научных текстах изначально четко ограничена описываемая предметная область; субъекты (и объекты) действия, раз эксплицитно заданные или полагаемые известными, в остальных случаях не требуют конкретизации до индивидуальной идентификации. Конкретизация до класса оказывается достаточной, т.к. научные тексты имеют не единичное, а групповое значение.

С точки зрения предмета общения (то, «о чем») художественные тексты по самой своей сути направлены на субъект действия, при этом необходимо отметить их возможную внутреннюю разнонаправленность по линиям взаимодействия конкретных субъектов. Научные тексты направлены на отражение самих действий и их объектов и демонстрируют последовательную однонаправленность – на объект действия.

Совокупность формально языковых, содержательных и прагматических характеристик позволяют признать за научными текстами статус объектоцентричных, а за художественными – субъектоцентричных.

Интересно, что исследователи коммуникативных стратегий и тактик общественно-политического дискурса, исходя из того, какой тип деятельности является доминантным (субъект-субъектный или субъект-предметный, то есть тематически фокусированный), выявили дихотомию «предметно-ориентированное» / «субъектно-ориентированное» содержание, [3, с. 199]. Корреляция субъектоцентричности и субъектной ориентированности, с одной стороны, и объектоцентричности и предметной ориентированности, с другой – представляется весьма очевидной.

Отдельным аспектом предлагаемых индикаторов стилевой отнесенности текста являются источники восстановления и степень конкретизации номинативных элементов свернутых пропозиций. В самом общем виде источники можно объединить в две группы: внутритекстовая информация и внетекстовая информация. И здесь исследуемые тексты продемонстрировали противоположные характеристики. Внутритекстовая информация литературных произведений служила источником восстановления почти 70 % устраненных субъектов и более 80 % имплицированных объектов, при этом в случае обращения к внетекстовой информации восстанавливаемые субъекты характеризовались максимальной степенью обобщенности. В научных статьях преобладающим источником восстановления явилась внетекстовая информация: 60 % имплицированных субъектов и более 50 % имплицированных объектов удавалось восстановить при обращении к фоновым знаниям (см. анализ предложения *There are some **attempts to provide** «COBOL-like» languages such as DIBOL and SyBOL which is similar to the better **known** DATA point DATA SHARE*, учитывая при этом, что фоновые знания исследователя-лингвиста по вопросам истории развития языков программирования принципиально беднее фоновых знаний адресата – специалиста в этой области).

Такие показатели представляются вполне ожидаемыми, а их интерпретация может быть вполне традиционной. Необходимость вскрыть все информационные связи максимально в рамках текста определяется ориентацией литературного произведения на широкий круг получателей информации с разным уровнем фоновых знаний, с трудностью (даже невозможностью) оценить объем фоновых знаний потенциального читателя. Активное использование внетекстовой информации в научных статьях свидетельствует об уверенности автора в подготовленности получателя информации, о возможности (и вынужденности – «экономия места») представлять в рамках текста только необходимые сведения, соответствующие основной линии коммуникативного развертывания. Кроме того, художественный текст только закладывает потенциальные возможности регулирования всей остальной деятельности и, следовательно, суще-

ствует на мотивирующем этапе. Научный текст, решающий задачи представления интеллектуально-исследовательской деятельности, передачи и распространения информации, которая считается объективной, соотносится с тем этапом, где принимаются решения – то есть этап алгоритмизации.

Языковое оформление свернутых пропозиций подтверждает коммуникативную самодостаточность художественных текстов, их меньшую вовлеченность в процесс взаимодействия в областях предметной деятельности. Научные тексты, напротив, тесно связаны и зависимы от других текстов данного типа, они вплетены в общий процесс научной коммуникации и соотносятся с этапами принятия решения в рамках той или иной предметной деятельности, решений достаточно четко формулируемых в самих этих текстах, решений, связанных с применением «процедурного алгоритма» действий и/или воздействий на объекты.

Необходимо отметить, что сходное противопоставление субъектоцентричных и объектоцентричных текстов наблюдается и в восточнославянских языках. В частности, в белорусском языке, согласно исследованию И.М. Басовец, в научных текстах активно устраняются субъекты разных типов [4]. Существенное различие заключается в том, что в белорусском языке гораздо шире используются не свернутые пропозиции, а безличные, неопределенно-личные структуры и возвратные конструкции.

Таким образом, функционально-стилевая отнесенность текста, маркируемая системно-повторяющимися закономерностями в преимущественно имплицитном или эксплицитном представлении основных номинативных элементов свернутых пропозиций, оказывается непосредственно связана с соответствующим типом и этапом предметной деятельности, в которую включен каждый конкретный текст.

1. *Богушевич Д.Г*. Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. Минск: Выш. школа, 1985. 116 с.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
3. *Ухванова-Шмыгова И.Ф*. Операционализация коммуникативных стратегий с позиций каузально-генетической теории // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2. Минск: БГУ, 2000. С. 198–201.
4. *Басовец И.М*. Языковые средства деавторизации высказывания в публицистическом и научном текстах (на материале английского и белорусского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2013.

Ирина Иванова-Мицевич, Ирина Чучкевич (Беларусь, Минск)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОПОРЫ ТЕКСТА

Если рассматривать предмет предыдущих докладов в рамках бюллеровской схемы коммуникации, то в них речь идет о том, что Бюллер назвал «об Этом». Однако любой текст, повествующий «об Этом», отражает точку зрения автора. Поэтому семантическая сторона текста должна включать и автора, то есть в бюллеровской схеме это «Я об Этом».

Как известно, семантическая когерентность текста обеспечивается различными способами, включая как лексические (семантические повторы, вторичные номинации, кореферентные имена, дейксисы), так и синтаксические (параллельные структуры, тема-рематическое членение). Вопрос заключается в том, что в предложениях (а следовательно и в тексте) отражает авторский интерес.

При анализе и извлечении из текста его основных характеристик обычно используют либо так называемые *ключевые слова*, выделяемые на основании статистических показателей, либо тема-рематические последовательности.

Ключевые слова выделяются двумя способами: во-первых, это использование различных вероятностных и статистических методик, нацеленных на то, чтобы выделить информативно наиболее значимые наименования. Эти методики не связаны непосредственно с содержанием самого текста, поскольку они предполагают только определенную статистическую зависимость между существенностью имени для текста и его статистическими характеристиками. Второй способ можно назвать авторским, поскольку автору текста предлагается выделить определенное число слов, которое он считает существенными и важными для содержания текста. К сожалению, нам не встретилось исследований, сопоставляющих результаты обоих видов выделений ключевых слов.

Описание тема-рематических последовательностей в тексте в настоящее время еще не настолько формализовано, чтобы можно было использовать для этого машинные программы. Тема-рематические последовательности выделяются подготовленными лингвистами, и они во многом зависят от того, что и какую функцию языковеды полагают для ремы.

Существуют различные точки зрения на природу тема-рематического членения предложения в его связи с семантикой.

Некоторые исследователи [1, 2] рассматривают тема-рематическое членение в качестве семантической надстройки над синтаксической структурой, не нарушающей основного типа субъектно-предикатного отношения, т.е. высказывания с различным порядком одних и тех же слов трактуются как варианты одного и того же предложения.

Другие (см., например, [3]) полагают, что тема-рематическое членение занимает промежуточный уровень между семантикой, выраженной в предикатно-аргументных терминах, и традиционным синтаксисом, который оперирует понятиями членов предложения.

Г.А. Золотова не отрывает актуальное (тема-рематическое) членение от семантической структуры предложения, но подчеркивает его связь с контекстом. Она пишет, что «актуальное членение – производное от двух величин: семантико-синтаксической структуры предложения и конкретного текста» [4]. Более того, придерживаясь той же точки зрения, И.М. Богуславский утверждает, что актуальное членение может непосредственно вносить в предложение то или иное значение (например: явление «втягивания ремы») [5]. Стоит отметить, что и нам импонирует данная позиция.

Возвращаясь к тексту как объекту нашего исследования и представляя его как совокупность предложений, упорядоченных в соответствии с интенцией автора, отметим, что данная упорядоченность достигается посредством тема-рематического членения каждого предложения, организующего текст, по-

скольку именно тема-рематическое членение обеспечивает встраивание каждого конкретного предложения в контекст сообщения.

Таким образом, тема-рематическое членение предложения нацелено на то, чтобы помочь партнеру по коммуникации воспринять высказывание (в данном случае текст) как единый, структурный и семантически связанный речевой комплекс и, следовательно, если и отражает интерес автора, то только косвенно.

В то же время в семантической структуре предложения имеется два компонента, которые можно назвать опорными при порождении семантической структуры предложения. Это, во-первых, *центр эмпатии*, который соотносится с каким-либо компонентом моделируемого положения дел (ситуации), а во-вторых, – это *фокус интереса говорящего*, который располагается в сигнификативной структуре (пропозиции), и для которого из всех элементов положения дел выбирается один, который становится наиболее интересным и важным для автора. Фокус интереса в значительной степени определяет то, что может стать центром эмпатии, поскольку он занимает определенную позицию именно в пропозициональной или интерпретирующей структуре, отличной от первой позиции, то есть позиции центра эмпатии.

Положение фокуса интереса в разных языках может оказаться неодинаковым. В частности, в английском языке позиция фокуса интереса настолько четко фиксирована, что ее можно определить даже по поверхностной структуре предложения. Фокус интереса располагается либо сразу же после сказуемого, либо на самом сказуемом. При этом изменение заполнения позиции фокуса интереса приводит зачастую к изменениям в форме членов предложения. Например:

Eve gave Adam an apple.

Фокус интереса находится на получателе (Adam). Если же фокус интереса смещается на объект передачи, то меняется и форма дополнения:

Eve gave an apple to Adam.

Весьма вероятно, что и в русском языке фокус интереса также имеет четко выделимую позицию, такую же, как в английском языке. Сравните:

Ева дала Адаму яблоко, Ева дала яблоко Адаму.

Более того, если мы сравним отражение в предложениях некоторых психических и физических состояний человека, то, несмотря на их противоположную структуру в английском и русском языках (см. «О семантико-синтаксической доминанте в английском и восточнославянских языках»), расположение лексических элементов, как правило, такое же.

I like this book – мне нравится эта книга.

I'm hot – мне жарко.

Однако пока не будут проведены специальные исследования этого вопроса, мы не можем утверждать с достаточной степенью уверенности, где в восточнославянских языках располагается фокус интереса говорящего, то есть где место, в котором партнер по коммуникации на русском, белорусском и украинском языках ожидает обнаружить элемент, существенный для говорящего. Различные варианты выбора фокуса интереса предопределяют вариативное отражение денотативной области в формальной структуре предложения. Поскольку ни один из вариантов не может полностью отразить структуру денотативной области, то каждый из них отражает только то, что важно автору.

Таким образом, можно считать, что фокус интереса говорящего в предложении действительно определяет то, как сам автор воспринимает данную ситуацию. Поскольку же предложения в тексте связаны с необходимостью отразить некоторое сложное положение дел, то есть с объединением некоторых денотативных областей с определенной точки зрения, то можно считать, что элементы, оказавшиеся в фокусе интереса во всех предложениях текста, образуют семантическую сеть, которую и объединяют разные ситуации в единое целое и являются основой семантической когерентности текста.

Сказанное выше о ключевых словах, тема-рематическом членении и фокусе интереса отражает позицию автора текста, то есть те операции, которые он сознательно или интуитивно производит при порождении текста. Фокусы интереса реализуют его семантическую перспективу. Тема-рематическое членение обеспечивает информационную связность текста. А ключевые слова оказываются общими информационными опорами, которые соотносят текст с теми денотативными областями, о которых идет речь в тексте. Таким образом, можно сказать, что все три характеристики текста, а именно – ключевые слова, фокусы интереса и тема-рематические последовательности, являются теми опорами, опознав которые получатель текста, то есть партнер автора, может использовать для интерпретации и понимания всего текста.

1. *Адмони В.Г.* Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 232–291.
2. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «русский язык и литература». М.: Просвещение, 1976. 239 с.
3. *Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 204 с.
4. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 2-е изд. М.: УРСС, 2001. 365 с.
5. *Богуславский И.М.* Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы. сб. науч. ст. М., 1998. Вып. 36: Семиотика и информатика. С. 8–19.

Ксения Шилихина (Россия, Воронеж)

МЕТАПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ИРОНИИ

Метакоммуникация как инструмент организации дискурса. Метакоммуникативную деятельность можно определить как такое использование языковых средств, которое направлено не столько на сообщение информации, сколько на регуляцию различных аспектов сложного процесса коммуникации. Метадискурс является важной составляющей любого акта общения: «Мы прибегаем к метадискурсу в нарративах, обсуждениях, воспоминаниях – в любом дискурсе, где нам необходимо пропустить собственные идеи сквозь фильтр наших ожиданий относительно того, как текст будет воспринят читателем» [1, с. 125].

Выделение особого функционального класса *метадискурсивных языковых средств* – это результат признания лингвистами того факта, что коммуникация не ограничивается передачей информации. В структуре

высказывания метадискурсивные языковые средства ведут себя особым образом: они не входят в пропозицию высказывания [3, 4], но показывают, каким образом должно быть интерпретировано это высказывание.

Среди лингвистов нет единого мнения относительно того, какие языковые единицы составляют класс метадискурсивных средств. Различаются и подходы к их классификации. Различия отражают многообразие свойств интересующих нас единиц. Одним из вариантов классификации мета-дискурсивных единиц является таксономия К. Фишер [5]. Ее классификация основана на классической семиотической модели коммуникации [6]. По направленности на различные составляющие коммуникации К. Фишер выделяет три группы метадискурсивных маркеров:

- маркеры, обозначающие логико-семантические связи между элементами высказываний;
- маркеры, указывающие на взаимоотношения между говорящим и текстом;
- маркеры, обозначающие отношения между говорящим и адресатом.

Преимущество классификации К. Фишер заключается в том, что она показывает, каким образом через язык осуществляется связь между основными компонентами процесса вербального взаимодействия: говорящим, адресатом и высказываниями. Однако в данной классификации неучтенной остается еще одна важная составляющая – ситуация, о которой идет речь в высказывании / тексте, точнее, соотношение сказанного с положением дел в действительности. Для иронического дискурса учет этой связи имеет принципиальное значение, поскольку именно несоответствие между ситуацией и высказыванием / текстом является источником иронии. В остальном предложенная К. Фишер классификация представляется удобной, поскольку она показывает главное: дискурсивные маркеры используются для организации взаимосвязи между основными компонентами коммуникативной ситуации: текстом, его автором и реципиентом.

Коммуникативно-прагматические свойства метакоммуникативных действий могут быть сведены к следующему: метакоммуникативные средства обращены одновременно к одному из участников дискурса (как правило, к адресату), и к самому тексту, и к ситуации, о которой идет речь. Последнее обстоятельство позволяет нам относить их к классу метапрагматических маркеров: такое терминологическое обозначение указывает и на их роль в организации прагматической составляющей дискурса, и на их метатекстовую функцию, и на то, как соотносится текст / высказывание с реальным положением дел.

Далее мы сосредоточимся на метапрагматических комментариях, с помощью которых участники общения задают правила понимания (интерпретации) сказанного или написанного. В первую очередь эти правила определяют, как будет соотноситься сказанное с действительностью: для правильного понимания иронии необходимо, чтобы несоответствие между высказыванием и реальностью стало очевидным.

Роль метапрагматических комментариев в понимании иронии в дискурсе. Казалось бы, метакоммуникация и ирония – это речевые действия, не имеющие «точек пересечения». Возникает вопрос, как исследование

метакоммуникативных действий в повседневной речевой практике может помочь в исследовании иронии? Представляется, что анализ метакоммуникации может быть полезным, по крайней мере, в двух аспектах.

Во-первых, он дает возможность проследить, как вербальная ирония осознается и оценивается носителями языка. «Обыденные» представления об иронии – это основа научных теорий и моделей. На протяжении многих столетий ученые пытаются осмыслить то, что носителям языка кажется простым и понятным (например: то, что в обыденной коммуникации называют «темой разговора», в качестве научного понятия оказывается трудно определимым. Так же обстоит дело и с иронией – для «наивных пользователей» интуитивно понятно, о чем идет речь, а ученые до сих пор не пришли к согласию относительно дефиниции).

Во-вторых, обращение к метаязыковой деятельности позволяет ответить на целый ряд вопросов, так или иначе связанных с процессами порождения и понимания иронии в дискурсе: как осуществляется переход от серьезного (*bona fide*) к несерьезному (*non-bona fide*) модусу общения и наоборот? Как участники дискурса устанавливают правила интерпретации сказанного в рамках одного из модусов? Каким образом говорящий может эксплицировать ироническую интенцию? Выявление и анализ этих сигналов – важный шаг на пути описания структуры иронического дискурса.

В любой коммуникативной ситуации участники общения имеют определенные ожидания относительно того, как собеседник будет интерпретировать сказанное. Поскольку ирония всегда связана с риском недопонимания, существуют ситуации, в которых говорящий/пишущий маркирует собственную ироническую интенцию. Такой речевой шаг необходим, чтобы направить интерпретативную деятельность адресата в нужное русло. Очевидно, для реализации этой метакоммуникативной функции должен существовать определенный набор языковых средств, своеобразных речевых формул, с помощью которых любой из участников коммуникации мог бы решить эту коммуникативную задачу. Примерами экспликации иронической интенции могут служить следующие контексты (нумерация примеров дана в круглых скобках):

(1) Вчера в детском саду было родительское собрание. Ходили вместе с Андреем. Собирали только «привилегированных» родителей, так как в детском садике все равно нет мест для детей «с улицы». ***Это я иронизирую,*** *так что, девочки, не обижайтесь. В нашем городе, да и думаю, что в других городах эта наболевшая проблема [www.babyblog.ru/community/post/Irkutsk/642560].*

(2) Entschließung zu diesem Thema an, der Europrat verabschiedete ebenfalls einen in allen Einzelheiten klaren und expliziten Text zu dieser Frage, doch wer von uns juristische Kenntnisse besitzt, weiß, und das kommt für uns nicht überraschend – das ***sage ich mit einer gewissen Ironie****, – dass es Rechtsvorschriften gibt, insbesondere im Strafrecht, wonach niemand gezwungen wird, Aussagen zu machen, die ihn selbst belasten [europarl.europa.eu].*

Фразы *«это я иронизирую», «das sage ich mit einer gewissen Ironie»* – примеры тех самых метапрагматических комментариев, с помощью которых говорящий эксплицирует собственную интенцию. Заметим, что цели, для достижения которых участники общения прямо говорят о наличии иронии,

могут значительно отличаться. Материалом наших дальнейших рассуждений будут маркеры иронической и серьезной коммуникации, которыми пользуются носители русского, польского, английского, немецкого языков в повседневном общении.

Согласно классификации Б. Фрейзера [2], эти речевые формулы могут быть включены в группу комментирующих прагматических маркеров. Однако функции интересующих нас конструкций гораздо шире: с их помощью говорящий не только комментирует собственные речевые действия, но и регулирует действия адресата, задавая направление интерпретации услышанного или прочитанного. Говорящий также показывает, как соотносится сказанное с реальным положением дел (то есть эксплицирует истинность или ложность высказывания) и выражает собственное отношение к обсуждаемой ситуации. Не укладываются эти фразы и в приведенную выше классификацию К. Фишер, поскольку, с одной стороны, они показывают, в каких отношениях находятся говорящий и текст, точнее, как, по мнению говорящего, сказанное или написанное соотносится с положением дел в реальном мире. С другой стороны, эти элементы текста регулируют процесс понимания сказанного, то есть отражают взаимоотношения между говорящим и адресатом. Таким образом, описываемый нами тип маркеров образует отдельный класс единиц, которые позволяют говорящему решать несколько коммуникативных задач одновременно: эксплицировать собственную интенцию, «вписывать» текст в реальность, регулировать интерпретативную деятельность адресата.

Есть еще одна ситуация, в которой говорящий может употребить маркер иронической интенции: речь идет о случаях, которые можно назвать мета-метакоммуникацией. Говорящий переключается между двумя ролями, одновременно действует и как автор, и как адресат собственного сообщения. Роль адресата позволяет показать, каким именно способом следует интерпретировать сказанное. Иллюстрацией ситуации, когда в центре внимания оказывается скрытый иронический смысл высказывания, является пример (3):

(3) «Ich finde den Streik der Lokführer vollkommen in Ordnung, immerhin habe ich so mehr Zeit zum Umsteigen und kann mir den Bahnhof länger anschauen.» Ist das ernst gemeint, möchte man fragen. Aber man tut es nicht, denn der Satz steht einfach irgendwo und schreit auch nicht: ***Hey, Achtung, ich bin ironisch gemeint****.*

[http://selbstaendig-online-verdienen.de/2012/03/26/schreibtipp-ironie-einsatz/]

Выше были рассмотрены примеры, в которых маркеры использовались инициатором иронического дискурса. Однако любая коммуникативная ситуация предполагает наличие адресата, а в ряде случаев – и наблюдателя. Адресат также может влиять на ход общения, уточняя свое понимание намерений собеседника и демонстрируя желание или нежелание принимать иронический модус общения. Заметим, что позиция наблюдателя для нас не менее интересна, поскольку именно наблюдатель (то есть повествователь) оценивает речевые действия коммуникантов и задает способ интерпретации нарративного текста.

Комментирование говорящим собственных речевых действий по целям и прагматическому эффекту отличается от ситуаций, когда адресат в ответной

реплике употребляет соответствующие маркеры. В таких контекстах их комментирующая функция становится вторичной, на первый план выходят другие функции. Приведем и прокомментируем несколько примеров.

Во-первых, адресат может уточнять не столько степень серьезности собеседника, сколько то, истинно или ложно сказанное ранее (пример (4), который в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) обозначен как «Письмо девушки», и пример (5) – фрагмент телевизионного шоу канала CNN):

*(4)**Ты это серьезно** насчет того, чтоб сконектиться? А то уж почти 2 месяца прошло, я и забыла, как выглядит ваш величество майонез. Мой телефон навроде у тебя имеется. Может, в обозримом будущем встретимся [НКРЯ].*

*(5) BEHAR: Guess what? We have from Australia, Eric Stonestreet on the phone. FERGUSON: **Are you serious**? BEHAR: He's calling you. FERGUSON: Oh, my God. [COCA].*

Соотношение высказывания и действительности – очень важный аспект общения. Собеседник поверит сказанному только в том случае, если оценит информацию как истинную, то есть соответствующую реальному положению дел. В этом отношении характерным является пример (6):

(6) Milenia mówi do mnie:

– I wiesz, ja już jestem grzeczna, naprawdę jestem grzeczna, najgrzeczniejsza. I wszystko robię, o co mnie proszą i nawet dyżury robię za inne dziewczyny i 8 godzin wczoraj sprzątałam.

– Czy ty jesteś ironiczna?

– Co to znaczy ironiczna?

– No… że nie mówisz prawdy.

***– Nie, nie jestem ironiczna!** [http://kulturasieliczy.pl/nieprawda/]*

Во-вторых, с помощью метакомментария адресат может проверять, правильно ли интерпретирована интенция собеседника. Пример (7) иллюстрирует такое уточнение в диалоге между ведущим радиопрограммы и слушателем:

(7) К. ЛАРИНА – Давайте еще звонок. Алло. Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬ – Доброе утро.

К. ЛАРИНА – Это Санкт-Петербург.

СЛУШАТЕЛЬ – Совершенно верно. Я хотел бы попросить вас прекратить нападки на товарища Илюмжинова. Потому что товарищ Илюмжинов последний у нас из больших губернаторов избран демократическим путем. И хороший продолжатель великого демократического начинания. В Санкт-Петербурге великий демократ Собчак построил высокоскоростные магистрали, тоже видимо, благодаря астральным каким-то влияниям.

*К. ЛАРИНА – **Это вы сейчас иронизируете что ли?***

СЛУШАТЕЛЬ – Конечно. Ельцин даже орден ему дал за это дело. Построили первый самый большой на планете небоскреб. Это же большое дело. И этот продолжает, большой молодец.

[http://echo.msk.ru/programs/persontv/675991-echo/]

Кроме того, эксплицируя интенцию собеседника, адресат может отказываться поддерживать иронический модус общения, считая его неуместным:

(8) Вера Власовна, нравственность, мораль во многом определяются традициями общества. Ваша комиссия реально собирается влиять на нравы и обычаи жителей нашего города?

*– **Я понимаю вашу иронию**, но дело, конечно же, не только в названии [http://www.kotelniki.info/?p=487].*

Адресат может отказываться от поддержания иронической тональности и в более резкой форме упрека. Отметим также, что такой способ эксплицирования интенции собеседника характерен только для русскоязычного диалога:

(9) А. ПОЗНЯКОВ: Фактически вы предлагаете волшебную модель: чтобы по 50 тысяч выплачивали зарплаты дворникам, – хотя непонятно, откуда эти деньги брать, и при этом тех мигрантов, которые есть, все-таки выгонять не надо. Правильно я понимаю?

*К. ПОЛТОРАНИН: Выгонять их бесполезно сейчас. Мы можем заставить всю милицию и армию этим заниматься, а успеха никакого не будет – уже пройдены все рубежи. А что касается зарплаты – **напрасно иронизируете**.*

[http://echo.msk.ru/programs/opponent/826133-echo/]

Метапрагматический комментарий в ответной реплике – это сигнал противопоставления двух модусов коммуникации: серьезного и иронического. Как правило, такое противопоставление означает, что адресат не принимает *non-bona fide* модус и предпочитает оставаться в рамках серьезного дискурса. В примере (10) один из участников Интернет-форума, посвященного программированию, просит совета у более опытных собеседников, но вместо конструктивных советов получает иронический комментарий. В ответной реплике не только эксплицируется ирония предыдущего высказывания, но и делается попытка сохранить *bona fide* модус, который также упоминается эксплицитно:

(10) SAKryukov - 29 Mar '12

Trying to practice from home, so can anyone give me helpful projects to practice?

ryanb31 - 29 Mar '12

Write an app to take over the world.

SAKryukov - 29 Mar '12

***I think I understand your irony**. Perhaps my answer provides some more **serious motivation**. Please see. – SA*

[http://www.codeproject.com/Questions/357064/Am-a-Net-fresher-need-some-helpful-projects-to-pra]

У адресата, столкнувшегося с иронической реакцией собеседника, есть выбор: либо принять смену модуса общения, либо отказаться от иронической коммуникации. Метапрагматический маркер – это сигнал того, что адресат выбрал второй путь. Обычно маркер *Я понимаю вашу иронию* сопровождается союзом *но*: тем самым адресат иронии отказывается перейти в *non-bona fide* модус общения и настаивает на продолжении серьезного диалога, как это происходит в примере (11):

*(11) **Ekaterina N.***

Добрый день!

Купили дом, комната 6х6 и кухня 6х3.

В комнате маленькая печь, в кухне – огромная, 2х1.3. В большую из маленькой идет металлическая труба.

В доме не жили года 3-4.

Маленькую печь протопили прошлым летом друзья без нас, говорят, очень хорошая.

К большой даже подступиться страшно.

Моя бы воля – большую оставила бы на том же фундаменте, но на высоте скамьи сузила бы ее до 80 см и опустила пониже. И скамья была бы, и лежанка осталась бы.

Но «бодливой корове...», так что остается 2 вопроса: очистка-проверка и косметика. Справимся ли сами или искать печника?

Геннадий Л.

Печь – не набор кирпичей, которую можно просто так сузить.

Ekaterina N.

***Я понимаю Вашу иронию**, но при всем моем уважении к РУССКОЙ печи, она съедает всю кухню [http://dacha.wcb.ru/lofiversion/index.php?t26131.html].*

Таким образом, использование метапрагматических маркеров функционально различается. Инициатор иронии (то есть говорящий), как правило, задает модус общения и сообщает адресату, как соотносится сказанное с реальной ситуацией. Если же маркеры используются в ответных репликах, то метапрагматические комментарии оказываются более функционально разнообразны: с их помощью адресат уточняет правильность понимания сказанного, принимает или отвергает *non-bona fide* модус коммуникации, отказывает собеседнику в праве на иронию или, напротив, сам инициирует иронический дискурс.

Далее посмотрим, какие функции могут выполнять интересующие нас маркеры в речи наблюдателя – того, кто оценивает речевые действия коммуникантов, при этом не являясь непосредственным участником общения. Как правило, таким наблюдателем является повествователь в нарративном тексте. Приведем несколько примеров:

*(12) «План Путина – это как Библия, в нем можно найти цитату, обосновывающую любые экономические шаги», – **иронизирует ведущий специалист компании** «Ренессанс Капитал» Елена Шарипова [Год Медведева // РБК Daily. 2007г. 29 декабря].*

*(13) «The computer guru», Zamora **said**, **irony** in his voice. «Richest man in the world» [COCA].*

*(14) Ludzie mówią, że mamy takie ładne przystanki, a autobusy się na nich nie zatrzymują – **mówi ironicznie** pani Zofia [http://czas.tygodnik.pl/a/przystanki-mamy-ladne-ale-autobusy-je-omijaja].*

*(15) When asked for comment about Bones Gate's new status, Sally Peppercorn '15 replied, «What's Bones Gate? Oh BG? I thought that was Beta Gamma, you know the other Beta, that frat we go to when Theta Delt isn't having a party». **It is unclear whether or not she was being ironic** [http://www.thedunyun.com/2012/04/bones-gate-ironically-becoming.html].*

Метакоммуникация наблюдателя отличается от метакоммуникации непосредственных участников диалога. Фактически перед нами интерпретация, близкая исследовательской, хотя и сделана она «наивным

пользователем». Благодаря комментариям в тексте мы можем искать сигналы иронии в речи персонажей и делать выводы о том, какие свойства высказывания или текста позволяют интерпретировать его как иронический.

Заключение. Метадискурс всегда существует там, где есть необходимость сообщить адресату некоторую информацию о свойствах высказывания или текста и, соответственно, о правильном способе его интерпретации. Возможность двойственной интерпретации (как серьезной, так и иронической) является главной причиной использования метакомментариев. В речи говорящего эти фразы функционируют как своеобразные «инструкции по применению»: они указывают, каким способом новая информация должна быть интегрирована в уже имеющуюся у адресата систему знаний. В ответных репликах метапрагматические комментарии могут служить сигналом начала «переговорного процесса» о правилах понимания сказанного; адресат может также отказаться от переключения в иронический модус коммуникации. Наконец, в авторских комментариях эти фразы являются результатом интерпретативной деятельности наблюдателя.

1. *Williams J.M*. Style: Toward Clarity and Grace. New York: Longman, 2007. 286 p.
2. *Fraser B.* Pragmatic Markers // Journal of Pragmatics, 1996. № 6. P. 167–190.
3. *Fraser B.* What are Discourse Markers // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931–952.
4. *Schiffrin D.* Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
5. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
6. *Fischer K.* Towards an Understanding of the Spectrum of Approaches to Discourse Particles: Introduction to the Volume // Approaches to Discourse Particles / ed. by K. Fischer. Emerald Group Publishing, 2006. P. 1–20.

Татьяна Кожарина (Беларусь, Минск)

ДИСКУРС-КАТЕГОРИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ» И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТОПОНИМАХ

Концепция «национальной памяти», выдвинутая М. Хальбваксом [1; 2] и П. Нора [3] (см. также работы Ф. Ариеса [4], Я. Ассмана [5], Н.Г. Брагиной [6]), в которой объясняется формирование памяти при помощи так называемых мнемонических мест, способных вызывать воспоминания, является основой появления *коннотативных топонимов*. При этом «место памяти» определяется не узким географическим критерием, а как своеобразная точка пересечения пространства и времени, настоящего и ускользающего прошлого, точка, где «кристаллизуется и находит свое убежище» память общества [3, с. 17].

Коннотативные топонимические единицы – это единицы, обладающие способностью управлять присутствием прошлого в настоящем, каждая из которых наделена своим смыслом, согласующимся с потребностью создававших ее людей отметить значимость прошлого и разобраться со своим наследием. Именно поэтому газетный дискурс, нацеленный на эффективное воздействие, широко использует коннотативные топонимы, основанные на важных событиях прошлого, тех «мест памяти, ориентиров, вокруг которых одна нация, один народ, одна культура находят себя и свои корни, то есть коллективную идентичность» [7, с. 13].

Вместе с тем топонимы, имеющие культурно-историческую основу, вследствие «забывания» того или иного исторического события носителями языка, могут постепенно терять образность и выходить из употребления. Так, к примеру, топоним *Minguettes* (Менгеты) после событий начала 80-х гг. XX века, когда жители одного из кварталов густонаселенного пригорода Лиона начали активно выступать против социальной несправедливости и расизма, вследствие семантического переноса по модели «место – событие – характеристика события» стал использоваться журналистами для обозначения борьбы беднейших слоев общества за лучшее будущее:

Les émeutiers de Vaulx-en-Velin exprimaient la même rage et voulaient faire entendre le même message en 1990. Leurs aînés avaient fait de même lors des rodéos des Minguettes, au début des années 1980. Les chanteurs de rap français le crient haut et fort depuis presque vingt ans… [Le Monde Diplomatique, Nov. 2006]	Бунтовщики Воз-ан-Велен выражали ту же неистовую злобу и хотели донести то же послание в 1990 г. Их предки поступили так же во время бунта Менгет в начале 1980 г. Исполнители французского рэпа громко кричат об этом в течение почти двадцати лет... [Le Monde Diplomatique, ноябрь 2006].

В статье, где Франция обвиняется в бездействии, автор проводит параллель с событиями в Менгетах, кварталом, ставшим символом борьбы против расовой дискриминации. Однако, несмотря на значимость произошедших в Менгетах событий (позже это движение приобретет национальный характер под названием *«Marche des Beurs»* букв. *Марш иммигрантов второго поколения*), данный топоним лишь на определенное время стал использоваться журналистами в функции вторичной номинации, о чем свидетельствует отсутствие более поздних контекстов.

Таким образом, существуют единицы, становящиеся высокочастотными в текстах на относительно короткий срок и не только неизвестные предшествующим поколениям конкретного социума, но и выходящие из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка. Отметим, что данное положение коррелирует с результатами диссертационного исследования А.Г. Слышкина, изучавшего лингвокультурные концепты прецедентных текстов [8].

В период своей наибольшей активности подобные единицы обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в текстах данного периода. К примеру, события в небольшом городке *Oradur* «Орадур» (деп. Верхняя Вьенна, Лимузен), уничтоженного нацистами во время Второй мировой войны, послужили основанием для употребления этого топонима в значении «геноцид» в более широком контексте:

- ✓ Об опубликованной статистике нераскрытых преступлений в Париже в 1961 г.

Un Oradour en plein Paris; personne n'en sait rien! Il doit bien exister des traces d'un pareil massacre... [Le Monde Diplomatique, Nov. 1992].	*Орадур в центре Парижа; никто ничего не знает! Должны же существовать следы подобного уничтожения….* [Le Monde Diplomatique, ноябрь 1992].

✓ О безнаказанном истреблении мирного населения в Гватемале

Quant au Guatemala – «le pays des cent Oradour», toujours en guerre -, s'il y a eu, au cours de négociations de paix qui s'éternisent, accord pour créer une Commission de la vérité, il est exclu que les responsabilités dégagées par celle-ci entraînent qui que ce soit en justice [Le Monde Diplomatique, Fév. 1996].

Что касается Гватемалы – «страны сотни Орадуров», находящейся постоянно в состоянии войны, – если бы и было достигнуто соглашение о создании Комиссии правды, в процессе мирных переговоров, которые затягиваются, исключено, что ответственность, возложенная на нее, привлечет кого бы то ни было в суд [Le Monde Diplomatique, февраль 1996].

Причем, данный топоним с коннотативным значением используется довольно активно в дискурсе СМИ и в настоящее время:

✓ В заголовках статей

Le temps n'efface pas Oradour [L'Humanité, le 6 Juin 2008].

Время не сотрет Орадур [L'Humanité, 6 июня 2008].

Retour sur le procès des «malgré nous» et la déchirure nationale d'Oradour [L'Humanité, le 26 Sept. 2009].

Возвращение к процессу «вопреки нашей воле» и национальная трещина Орадура [L'Humanité, 26 сентября 2009].

✓ О документальном фильме «Фантомы СС», в котором описывается трагедия лета 1944 г. в тосканской горной деревне Сант'Анна ди Стаццема, сравниваемой автором с Орадуром:

Ce documentaire en deux parties évoque l'Oradour toscan de Sant'Anna où 560 civils, femmes et enfants ont été massacrés par les SS [L'Humanité, le 28 Févr. 2009].

Этот документальный фильм в двух частях воскрешает в памяти тосканский Орадур Сант'Анна, где 560 мирных жителей, женщины и дети, были уничтожены членами СС [L'Humanité, 28 февраль 2009].

Таким образом, коннотативные топонимы, в том числе и в составе связанных сочетаний, основанные на значимых исторических фактах, могут активно использоваться в СМИ не только в отношении четко зафиксированного исторического момента. Вследствие закрепления коннотации они приобретают способность функционировать и в последующие времена. Становясь местами памяти в трактовке М. Хальбвакса [1] и П. Нора [3], топонимы подобного класса отсылают к памяти прошлого, они окружены особой символической аурой, что объясняет довольно устойчивое их использование в дискурсе СМИ. Лингвистика языка рассматривает такую актуализацию культурно-исторического аспекта содержания как вторичную номинацию, лингвистика же дискурса трактует ее как первичную (в рамках ситуации дискурса) и потому единственную. На этом основании мы полагаем, что актуализуемая в кон-

нотативных топонимах категория «национальная память» может и должна рассматриваться исследователями как составляющая категориального аппарата лингвистики дискурса.

1. *Halbwachs M*. La Mémoire collective. Paris: PUF, 1968.
2. *Halbwachs M*. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: PUF: Nouvelle Ed., 1952.
3. *Нора П*. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция – память: [антология]. СПб., 1999. С. 17–50.
4. *Ariès Ph*. Le temps de l'histoire. Monaco; éd. du Rocher, 1954.
5. *Ассман Я*. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Яз. славян. культур, 2004.
6. *Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М.: Яз. славян. культур, 2007.
7. *Jespersen O.* The philosophy of grammar. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1965.
8. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

3
МЕТОДИЧЕСКИЙ АППАРАТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ДИСКУРСА: ОТ ДЕСКРИПЦИИ К МОДЕЛИРОВАНИЮ

Татьяна Краснова (Россия, Санкт-Петербург)

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Политический дискурс следует рассматривать как особый объект лингвистических исследований в парадигме когнитивистики и культурологии. Он отличается от традиционных объектов лингвистики языка и речи социально-деятельностной ориентацией и ментальной обусловленностью самого процесса идеологического означивания в структурах «политических дискурсий социума», очевидной и неочевидной вербально-семантической составляющей речи (наряду с образной или предметно-символической), своей категориальной спецификой [1].

Мы, в первую очередь, обратим внимание на интегративный подход к пониманию такого сложного взаимодействия, каким является обычное для дискурс-анализа соотношение «*текст – дискурс – действительность*». Мы также рассматриваем вопросы когнитивно-семантического направления дискурс-анализа с использованием понятных читателю современных и исторических медиатекстов.

Соотношение «текст ↔ дискурс ↔ действительность». Здесь *дискурс* рассматривают как «экстравертивную фигуру» коммуникации [2, с. 33], которая отображает одну из конфигураций действительности и *существует в текстах* в соответствии с этой конфигурацией как *социально обусловленное концептуальное представление* о действительности через речь.

Основной единицей изучения при анализе дискурса является *Текст* (высказывание). Во-первых, *Текст* в широком смысле *основная единица коммуникации* (по Г. Вайнриху – первичный способ существования языка). Во-вторых, *Текст* – единица, обладающая референцией [2, 3, 4, 5 и др.], и в этом своем качестве, он *способствует образованию конвенциональных форм отображения типичных референт-ситуаций в дискурсе* (включает фреймы, сценарии, схемы и т. п). В-третьих, как явление действительности *Текст* многофункционален по своему социальному назначению и содержит *регулятивные средства и структуры, связанные с его функциональными особенностями* [6]. В этом смысле «анализ дискурса стремится превратиться в подлинную дисциплину текстового анализа» [7, с. 17]. Но рассматривать взаимосвязь текста и дискурса можно только «сверху» – от более высокого уровня обобщения, в которое они на равных входят; а выше – *Действительность* и реальная коммуникация в ней. Текст и дискурс «появляются от них» как участники ответного состояния взаимодействия, интерференции (наложения). Утверждается примат «фигуры Действительности», и это не «вообще действительность» (или «вся действительность»), а некоторый ее фрагмент определенной конфигурации [2, с. 32, 34]. Скажем, в медиатекстах предвыборной кампании или во времена политико-экономического кризиса «конфигурация» действительности имеет обостренный характер.

Спецификативные категории идеологического дискурса. Дискурс обладает внутренней спецификой. Он содержит идеологически связывающую его «концептуальную нить» и качественно-количественные показатели своей протяженности в текстах, включая так называемые «диагональные высказывания». Такие высказывания могут свидетельствовать о внутренней диалогичности дискурса, об однородности или неустойчивости его идеологического содержания. **Диагональные высказывания** – это повторяющиеся «важные высказывания, устные и письменные, относящиеся к определенной области знания в определенную эпоху с точки зрения идеологии и образа мысли» [8, с. 64]. Решающую роль в газетном дискурсе играет пропагандистская информация. *Активированная идеология* (или пропаганда) *понимается в духе господствующих в дискурсе идеологем*.

Для обозначения условного «субъекта идеологии» используется наименование **идеологический субъект** (например, ИС газеты). Он отождествляется с *позицией исполнителя, проводника данной идеологии* (журналист, редактор). В текстах идеологический субъект не отождествляется с личностным началом. Под идеологическим субъектом понимается абстрактный субъект, или *тот условный субъект, кому может принадлежать данный дискурс*. Субъект «кристаллизуется» в дискурсе и существует в коммуникативном пространстве «по диагонали», то есть во множестве текстов-высказываний. Согласно М. Фуко, он «остается единым и вместе с тем открытым повторениям, трансформациям, реактивациям» [9, с. 14]. В дискурсе наблюдаются **идеологические позиции**, которые *характеризуют не отдельных индивидов, а целые политические формации*, вступившие или вступающие в отношения антагонизма. Каждая из таких формаций представляет собой совокупность позиций и репрезентаций, которые являются более или менее спецификативными. Их специфика в характере **«преконструкта»**, который содержит по-своему интерпретируемый в политике концепт «борьба» и определяет ограничительную рамку в развертывании смыслов дискурса. Эта рамка включает первичные формулы – источники конфликта, своего рода «заготовку» для дискурсной формации. Механизм конструирования такой формации, и в целом дискурсного пространства, обозначил Ж.-Ж. Куртин: «С помощью цитирования, повторного цитирования и образования преконструкта объекты дискурса, которыми овладевает высказывание, приписывая их субъекту акта высказывания, обретают референтную стабильность в области памяти, создаваемой пространством рекурентных формул» [10, с. 99]. Вертикальность (сфера памяти) говорения проявляется в виде преконструктов «уже сказанного», и это сказанное служит целям *идеологического принуждения*. Приведем яркий пример из эмигрантской печати (Общее дело. Париж. 1919. 2 апр.):

> «Красный террор, – заявил Зиновьев, – сильное средство, но **ослабления «нажима»** ***не может быть.*** <…> Теперь выясняется окончательно, что ***только партия коммунистов может свободно существовать***. **Других партий мы** ***не можем терпеть***» (аплодисменты).

Принципиально важно, что французская школа дискурс-анализа, опыт которой мы поддерживаем, пришла к выводу: на уровне дискурса субъект не находится в центре анализа, то есть не рассматривается как источник

производимого смысла и не считается ответственным за него, хотя и мыслится как составная часть процесса производства смысла. Черты субъекта, которые его определяют, вписаны непосредственно в сам дискурс. ***Дискурс – это специфическая область сознательного и бессознательного, превращающая субъекта в подданного.*** М. Пеше описывает преконструкт как след в самом дискурсе предшествующих дискурсов (интердискурсов), поставлявших «сырье» для дискурсной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности. В статусе преконструкта интердискурс детерминирует субъекта, «навязывая и одновременно скрывая его подчинение под видимостью независимости» [11, с. 46].

Институционные рамки ограничивают деятельность субъектов высказываний. При этом идеологическим «институтом» производства запретов выступает «"любой организм", который накладывает ограничения на действие высказывательной функции» [7, с. 29]. Ограничения касаются содержания и модальности того, ч т о *можно* и *должно* говорить (в духе политической или экономической выгоды). Как известно, политический дискурс существует в двух основных разновидностях: *критико-полемической*, направленной против положений, установленных властью (в широком смысле, властью) и *апологетической*, направленной на утверждение таких положений. Эффективными ограничителями свободы действий или свободы суждений оппонента властью могут быть мотивации властной позиции в выгодных для нее условиях публичного общения. Например, в режиме «власть и народ: прямая линия TV» используются эмотивно насыщенные формы отрицания с указанием обстоятельств, ограничивающих перспективу критики. Из корреспонденции А. Колесникова («Коммерсант». 2013. 26 апр.):

«Тут последовал вопрос Павла Захарченко из Белгорода, жаждавшего крови, то есть скорейшей отставки правительства. Безусловно, президент готовился к ответу на этот вопрос.

Выяснилось, что «*правительство* ***не работает еще и года***».

- ***Года не прошло!..*** – еще раз воскликнул Владимир Путин. – ***Люди года не проработали!*** Конечно, претензий наверняка и за это время накопилось немало, **но** нужно дать людям реализовать себя или понять, что кто-то не в состоянии этого делать, ***но за год это невозможно***».

Ограничения на критико-полемический дискурс накладываются в условиях общественной интеракции «прямая линия с В. Путиным» и дальше. Неважно, звучат ли мотивации в прямой речи президента или передаются корреспондентом с юмористической интерпретацией события, но концепт *оппозитивности* сохраняется.

«После этого Владимир Путин ***в очередной раз защитил*** Анатолия Чубайса, на которого в очередной раз **напали**:

- Заявить, что Чубайс преступник, - ***не по-честному, неправильно****, и мы* ***так делать не будем****.*

И еще одного обиженного человека ***защитил*** на прямой линии Владимир Путин – Алексея Миллера. Обижает его журналист Михаил Леонтьев, инкриминируя ему невнимательное отношение к сланцевому газу… Президент ***предъявил сланцевому газу очень серьезные претензии***.»

Оппозитивность, идеологическое противоположение – структурный показатель дискурсного процесса в политике. Возможна некая концепция «точки зарождения» акта высказывания. Эта точка понимается не как субъективная форма, а как *п о з и ц и я, в которой на уровне дискурса субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы.* В любом случае в дискурсе ощущается наличие ядра с устойчивым смыслом.

Функционирование дискурса по отношению к самому себе, то есть совокупность явлений «кореференции», дает дискурсу то, что можно назвать «нитью дискурса», а называют «*интрадискурсом*». **Интрадискурс** осуществляет *концептуальное* начало дискурсной цепи. В примерах выше интрадискурс лица власти вплетен в дискурсивную ткань газетной корреспонденции. В интрадискурс власти входит негласной составляющей дискурс знания, и на его основе – групповой дискурс мнения. Идеология, являясь интерпретацией смысла в определенном направлении, порождает избыток концептуальной информации, которая дает эффект очевидности. Одним из результатов такой избыточности является широкая представленность концептуализированных фреймов в медиадискурсе.

Главным является **фрейм «*борьба*»** (политическое противостояние). Общим для всех видов политического дискурса является **оппозитивный способ ментальной и вербальной репрезентации данного положения** (в примерах оппозитивность обозначена графически). «Борьбу» можно понимать как своего рода состязательную деятельность, в которой онтологически заложены отношения концептуальной противоположности. В любой борьбе предполагаются не просто участники, а *соперники* (противники, враги); существуют те или иные *инструменты* борьбы (вооруженное вмешательство, терроризм; радикальный вид идеологии). Предполагается и потенциальная роль *наблюдателя* событий с идеологией невмешательства.

На всех этапах развертывания дискурса с фреймом «борьба» направление означивания задает **политико-идеологическая о ц е н к а**. Поддержка именно таких стратегий информирования в медиатекстах оказывается основанием для группировки изданий по идеологическим видам дискурса. При этом **языковые формы** рассматриваются как *средство реализации культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами общества оценки и ценностные ориентации*, иными словами – **являются семантическими формами, отражающими групповые интересы в социокультурном контексте**. Вопрос о характере и видах *контекста* – один из главных при анализе дискурса.

Целостный контекстологический подход и полевая модель дискурса. Главным для проведения исследований стал вопрос о возможности полноценного анализа дискурса с учетом многих факторов – ряда внешних и неоднозначного человеческого. Операциональное *понятие контекста* позволяет искусственно выделить разные ипостаси мира дискурса, временно забывая об их синтезе в человеческом сознании.

Контекст. Хорошо известны в филологии связанные с контекстом понятия *центра* и *периферии*, а также «прототипический» подход. Целый ряд наук (литературоведение, лингвистическая прагматика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, функциональная грамматика) применяют их по существующей традиции, но особое место здесь занимает когнитивная

лингвистика. По мнению ее бельгийского представителя Д. Герартса, она «реабилитировала» понятие контекста, и «именно она занимает наиболее радикальную позицию по этому вопросу» [12, с. 154].

Интересна в этом контексте эволюция отечественной социальной лингвистики, вынужденной в политико-идеологизированном контексте считаться с диктатом власти в Советской России. Так, в 80-е годы, когда произошла «реабилитация» властью конкретных социолингвистических исследований, обозначилась и «смена научной парадигмы». Когнитивная революция была одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах [13].

В рамках обсуждения контекста следует говорить о понятии дискурс. Большинство ученых, за некоторым исключением [обзор в 2], сопрягают понятие «дискурс» с миром *внешней* действительности, с экстралингвистическими факторами коммуникации, а также – с отражением в речи субъект-объектной интерпретации мира вещей. С иных позиций рассматривают «дискурс» ученые, принимающие это понятие зависящим от *внутренней* динамики субъективности, от психической сферы человеческой активности. Коротко остановимся на двух работах известных французских семиологов. Противоположные в подходах эти работы дополняют друг друга в направлении целостного анализа дискурса.

1. ***Внесубъектный (внешний) контекст исторического дискурса (М. Фуко).*** В «Археологии знания» автор утверждает приоритет поиска внешнего поля регулярностей: «Дискурс – это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест». «Дискурс… понимается не как разворачивающаяся грандиозная манифестация субъекта, который мыслит, познает и говорит об этом, а как совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и вместе с тем его прерывности». Впрочем, «извлечение» субъекта – исследовательский прием. Фуко поясняет: «…я всего лишь отменяю любое внутреннее в этом беспредельном "вне"» [9, с. 206].

Условия, при которых появляется объект дискурса, – это исторические условия. Они, согласно М. Фуко, «определяют не внутреннюю конституцию объекта, а только то, что позволяет ему появляться из переплетений других объектов и располагаться относительно их <…> – все это полагает дискурс в поле внешнего». Фуко говорит об отношениях зависимости на первичном уровне – они формируют объект дискурса, и об отношениях зависимости на вторичном уровне – дискурсивном. Ср.: «Хотя объекты формируются независимо от дискурса, они определяют пучки связей, которым дискурс должен следовать» [9, с. 206].

2. ***Внутрисубъектный контекст семиотического дискурса (А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаний).*** У авторов «Семиотики страстей» внутренний контекст, д и с к у р с – имманентные структуры, предназначенные для выражения условий и предпосылок манифестации смысла. Устанавливается зависимость дискурса от присущей субъекту динамики страстей. В центре внимания – восприятие и чувствование. Акцент на чувствование стал тем, что называется авторами «феноменом выражения»: присутствие возникает «раньше» особенности; «чувствование объекта возникает в дискурсе раньше, нежели дискурсивный объект» [14, с. 17]. Постулируется важнейшая категория

тенсивности (внутренней напряженности). Как известно, с напряженностью связано понятие агрессивности [15]. Согласно «Семиотике страстей», отношения между познающим субъектом (как оператором) и элементарными внутренними структурами (как представлением познаваемого мира) строятся в результате трансформации мира. Действие субъекта моделируется в эпистемическом сознании как «абстрактная операция». Требуется вообразить условия осуществления этого внутреннего действия как некую *модальную компетенцию* нарративного субъекта, делающую возможной данное осуществление (трансформацию). Ставится вопрос о «способе существования» модальной компетенции. При этом «помимо модальной компетенции за охваченным страстью субъектом следует признать также и компетенцию *семантическую*» [14, с. 322].

Мы связываем способ существования сознания *нарративного субъекта* в дискурсе с ***идеологической модализацией***, которая изнутри является источником всех операций. Она рассматривается как предварительное условие (контекст) и как потенция действия. Для нас важно, что компетенция существует прежде всего как состояние, в котором находится субъект. И это внутреннее состояние является формой его «бытия», формой актуализированной и предшествующей реализации. Теоретическое разделение мира внешнего и мира внутреннего должно преодолеваться рассмотрением их живой связи. Это возможно с учетом процесса модализации. «Строго говоря, – отмечал И.М. Сеченов [16, с. 311], – внешние условия не следовало бы отделять от умственных и нравственных данных личности, потому что они действуют не иначе, как через посредство последних». Очевидно, в исследовании имеет смысл «двигаться» при изучении модализованных дискурсивных объектов с двух сторон: 1) со стороны «исторического» контекста (мира «вещей», включая мир идей) и 2) со стороны внутрисубъектного контекста (референтов «дискурса страстей», показателей *одобрения, осуждения*, *ревности, мести* и пр.).

Ниже обозначим основные факторы, определившие оппозитивность коммуникации в российском дискурсе со стороны внешнего поля и внутреннего поля его референтных зависимостей. Наименование «поле» используется как аналог «контекста», но такой аналог, который позволяет говорить о контексте не в определенном направлении, а в расширенном понимании. Отметим три внешних фактора оппозитивного характера коммуникации в дискурсе: историко-социальный, социально-политический и культурный. В содержании коммуникативных конфликтов основным является расхождение идеальных и реальных составляющих общественного сознания, конфликт между целью и средством ее достижения и проч. Но есть и психологическая сторона этих составляющих: чувство неудовлетворенности (сострадания, обвинения, мести), осознание невозможности реализовать свои замыслы, конфликт в системе общественных ценностей, моральных норм и настроений. Огромную роль в дискурсе играет выражение модальности, процесс идеологической модализации продуцируемых текстов.

Внутреннее поле зависимости: оппозитивная модализация сознания. Зарубежная философия языка явно психологизировалась с появлением работы Дж. Р. Серля «Интенциональность» (1983 г.). Интенциональные состояния

(с которыми связана модализация) стали «инструментом соотнесения субъекта с внешним миром», так как представляют собой «фундаментальное и целостное свойство сознания» [17, с. 123], более фундаментальное, чем язык. В то же время у Серля язык «выводим из интенциональности» [17, с. 101].

В отечественной психолингвистике трудно переоценить тот вклад, который внес в понимание скрытой стороны речи Л.С. Выготский. Именно благодаря его работе «Мышление и речь» естественным становится представление, что «интровертивная» сторона коммуникации (течение и направление мысли) зависит от состояния в мотивирующей сфере сознания. Модализацию можно соотнести с речевым переживанием, которое является внутренней стороной потока речи или внутренней речью. «Внутренняя речь есть вовсе не речь, а мыслительная и аффективно-волевая деятельность», и она включает в себя мотивы речи [18, с. 303]. Идеологическая модализация пронизывает смысл слова, если высказывание находится в структуре «дискурса страстей». Л. С. Выготский отмечает: смыслы как бы вливаются друг в друга (влияют друг на друга), так что предшествующие как бы содержатся в последующем и его ***модифицируют***. «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция» [18, с. 343]. Добавим, что *мыслительная деятельность* конструктивна, связана с идейным построением – жизненным, смутным или сложившимся общественным. Так или иначе она содержит идеологические концепты исходного конструкта и подразумевает реакции сознания на происходящее в виде модальных действий *приемлю (соглашаюсь) / не приемлю (сомневаюсь)*.

Аффективно-волевое неприятие (несогласие) и есть подоплека оппозитивного дискурса. Мотивы одобрения или неодобрения, открыто или неосознанно для нас мотивированные преконструктом, порождают мысль и причастны к оформлению этой мысли. Модализация влияет на характер высказывания. Как известно, в речи истинность и ложность характеризуют не событие, а утверждение о событии. Благодаря модализации и ее ментально-психологической подоплеке решающая пресуппозиция «приемлю» или «не приемлю» влияет на утверждение от лица говорящего. Им демонстрируется категорическая уверенность или сомнительность утверждаемого.

По мысли авторов «Семиотики страстей», коммуникация сначала существует *внутри конфигурации* диалогического. Передаваемые друг другу объекты-сообщения – это прежде всего *модальные объекты*. В частности, испытываемое субъектом чувство неприятия – это *внутренняя установка* на несогласие, или на отрицание определенных явлений, противоречащих убеждениям, ценностям и, наконец, потребностям субъекта. *Неоднозначность процесса модализации сознания* в том, что смысловую сферу человека рассматривают как арену противоборства между разными векторами (направленностями).

Так или иначе проблема изучения идеологической оценки и модализации дискурса должна быть связана с широко понимаемой категорией модальности, модуса и аффективно-риторическим противодействием *другому* в дискурсе страстей. По нашим представлениям, формацию оппозитивного дискурса обеспечивают модусные концепты «приятие»/«неприятие», детерминирован-

ные идеологическим преконструктом и вместе с ним составляющие *идеологическую пресуппозицию* дискурсных высказываний.

Модусные концепты «приятие»/«неприятие» как дотекстовые составляющие идеологической пресуппозиции. Содержание сознания неслучайно отождествляется с идеологией [19]. Поначалу в сознании могут находиться расплывчатые и субъективные концепты аксиологического и модального планов. Переход от них к жестким программам человеческой деятельности осуществляется в акцентированном высказывании, в тексте (Н.Д. Арутюнова). Условно говоря, ментальная система оппозитивности основана на закономерностях, лежащих в основе соответствующего аспекта поведения и предопределяющих то, какая картина мира демонстрируется. Каковы эти закономерности?

1. Концепты модализации «приятие»/«неприятие», характеризующие *внутренний контекст* высказываний в дискурсе, уже п р е д п о л а г а ю т конфликтное взаимодействие на фоне негативных эмоций.
2. С л е д с т в и е м становится *акцентированная* в речи *пропозиция*, нередко выступающая как аффектированное нарушение нормативного поведения.
3. В скрытом виде а к т у а л и з и р у е т с я роль *преконструкта*, а модализация на его основе влечет за собой *осмысление слов* в рамках действующей идеологии.

Рассмотрим один показательный пример из эмигрантской печати времени Гражданской войны в России. Речь пойдет о пробольшевистском дискурсе в газете «Голос Труженика» (Чикаго, 1919). Метаязык ее дискурса своеобразен, так как подразумевает в качестве преконструкта спецификативную идеологию классовой борьбы. Информация, входящая в слово-концепт «большевизм» русской газеты в Америке, семантизируется в двух направлениях – в *предметно-тематическом* (активная деятельность с позиций силы) и в *модальном* (вызывающая одобрение деятельность).

> «Течение большевизма идет все дальше к нашей великой радости…Большевизм **является народным восстанием против** *старого режима…* **Захватывая власть,** большевики **занимают *места*,** где раньше сидели *сатрапы старого режима.* Типичная большевистская революция – **это *политическая революция – насильно*… Можно ожидать**, что волны большевистских восстаний *захватят* всю Европу…»

При содержащейся в тексте семантике *отрицания* (в наименованиях «старый режим», «сатрапы старого режима», «восстание против», «насильно», «захватят») идеологическая оценка *позитивная*. Более того, семантика одобрения в тексте усиливается *не только вопреки, но благодаря* тому, что присоединяет и преображает конкретные смыслы негативно означенного. Смыслы трансформируются в сторону интерпретации «*устранение врага*», «*успешно преодолеваемое препятствие*». **Процесс переосмысления осуществляется** путем движения по линиям верховных отношений **через высшую меру общности – покровы идеологического понятия** («важный успех большевиков», «успех политической борьбы»). Охватывающий высказывание смысл в модусе приятия не однолинеен. В тексте он складывается, по крайней мере, из двух линий пропагандистской модализации: *утверждения очевидности* происходящего; *уверенности* в том, что так и должно быть.

Идеологически ценностные аспекты означивания, связанные со сверхсмыслом языковых выражений, на первый взгляд могут показаться парадоксальными. Ср. например, оппозитивный смысл предыдущего текста в терминах общей оценки: «**Хорошо, что плохо** сатрапам старого режима». Оценка расходится на две составляющие – *модусную* идеологическую и *диктумную* фактологическую: $_{мод}$Хорошо, что $_{факт}$плохо сатрапам старого режима. Модусная оценка относится ко всему высказыванию, и ее определяют мотивированные идеологией концепты амбивалентного отношения: *неприятие* классового врага / *одобрение* борьбы с ним.

Так или иначе з н а к и (+/–) смысла и с т е п е н ь идеологической оппозитивности **связаны с когнитивным модусом и модальностью**. Мы придерживаемся того мнения, что широкое понимание модальности, включающее актуализирующую рамку, идеологическую оценку и другие квалификативные категории, оказывается наиболее плодотворным для изучения идеологической организации высказываний в дискурсе. По механизму речевого действия идеологическая оценка связана с глаголами, которые обозначают состояния духа и выводные мыслительные операции: *я думаю, заключаю, что...* Такое предложение-«модус» возникает в ментальном поле дискурса **на основе ценностного преконструкта**, определяя способ репрезентации. В соответствии с преконструктом находится **модальное** сопровождение и **утверждение приятия** или **неприятия** картины действительности.

В схеме ниже детерминирующие оппозитивность идеологические понятия *преконструкт* и *модус категорического приятия/неприятия* пропозиции включены в структуру порождения дискурса.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕСУППОЗИЦИЯ ДИСКУРСА
п р е к о н с т р у к т и м о д у с ***«приятие» / «неприятие»***
конфигурации действительности

↓

м е н т а л ь н а я ***репрезентация***
(модифицированная противоположениями «картина мира»)

↓

оппозитивное ***воплощение*** *«картины мира»*
в ***речевом «теле»*** *дискурса*

Следует подчеркнуть, что слова и прочие языковые единицы возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты, активизируют сложные сущности и поэтому способны имплицитно выразить ментальные состояния. Средством испытания морализованного пропагандистского дискурса является картина мира с точки зрения добра и зла, пользы и вреда. Модальные отношения одобрения/неодобрения выражаются в высказываниях признаками, которые (в широком смысле) выступают признаками связи сообщаемого с идеологией говорящих. Однако в философской этике отмечается предельная степень относительности таких понятий морального сознания, как *добро* и *зло*. Зачастую они не различаются по причине индивидуальных (и, тем более – классовых) предпочтений, «из-за динамики ситуации с ее переменчивым и необратимым смыс-

лом, из-за определенных социокультурных условий, по причине полисемичности и многофункциональности самого феномена морали» [20, с. 223]. В этой связи отметим особое положение в эмигрантских газетах (ЭГ) *центрального объекта оценки* с наименованием «большевики», «большевизм». В $_{\text{антибольш.}}$ЭГ в дескриптивной структуре высказываний имя приобретает смысл агенса противоправных действий, а в $_{\text{пробольш.}}$ЭГ – смысл агенса поощряемых (классовой идеологией) действий. В идеологическом контексте речи **оппозитивная оценка** (общая – *хорошо/плохо* и спецификативная – *преступление/благо*) **актуализируется** и входит в семантику слова «большевизм». Она же **отмечает** имплицитно или эксплицитно выраженную **модальность** высказываний **по диагонали**: «*Хорошо, что существует большевизм в России и распространяется по всему миру*» // «*Плохо, что существует большевизм в России, так как он угрожает всему цивилизованному миру».*

Таким образом, оппозитивность существует как: (1) *социопсихическая реакция* на происходящее; (2) *идеологически устремленная модализация*, которая как раз и вносит в речевое «тело» дискурса соответствующую действительности *структуру когнитивно-семантического противоположения***.** Нельзя не отметить и другое. Положительная и отрицательная оценки сообщаемого связываются с иными квалификативными видами модальностей – утверждающе-констатирующей, долженствовательной или гипотетической, выражающей надежду или угрозу и т.п. Тем самым в материале со структурой смысловой оппозитивности выражается не просто мысль, а замещается **противоречие действительности,** выражается **проблема**. Ниже мы обозначим изложенное в схеме, сопроводив ее пояснениями.

Полевая модель оппозитивного дискурса о России (1919 г.). Говоря о структуре дискурса, обычно называют два ее компонента – экстралингвистический и лингвистический (текстовый). Мы не можем согласиться с таким представлением. Есть *третий* – внутренний, ментально-психический компонент структуры. Он имеет отношение не столько к *экстра*лингвистической, сколько к *интра*лингвистической стороне высказывания – к дискурсивному переосмыслению слова в *языке,* идентифицирующем менталитет определенной группы.

Дискурс – экстравертивная фигура коммуникации потому, что принадлежит исторической действительности. Дискурс – это и есть действительность, но больше ментальная, хотя и предметно-практическая речевая. Описание дискурса возможно лишь в контексте, и не одном. Теоретически дискурс в реальном пространстве существования имеет внешнее поле и внутреннее поле зависимостей.

Условно внешнее поле зависимости дискурса образует сама предметная действительность (противоречивая реальность). Условно внутреннее поле зависимости дискурса образовано социопсихической реальностью и рамками групповой идеологии, в которую погружен дискурс и его концепты. Оба поля существуют в синтезе взаимопроникновения. Сказанное обобщает схема, которая относится к господствующем в эмигрантском дискурсе времен войны антибольшевистском сообществе:

поле **внешнего,** предметно-практического
действительность обостренной «конфигурации»
↓↑
в н е ш н я я (речевая) и в н у т р е н н я я (ментальная) составляющие дискурса
потоки дискурса, выраженные в речи или «сказавшиеся» в ней
(антибольш.дискурс войны, о войне и о «болезни» России большевизмом)
↓↑
поле **внутреннего,** ментально-психического;
субъективно болезненный поток сознания и бессознательного
в речевых и неречевых образах, картинах, интенциях
(«болезненный» антибольш.дискурс ненависти и любви)

Общим итогом изложенного является следующее.

В отличие от преобладающего в научной литературе мнения **дискурс далеко не только речь, и *не столько* речь**. Это возникающие под воздействием внешнего и внутреннего мира говорящих *текучие* образы, картины, мысли, интенции, то есть ***ментальные состояния***. Дискурс является *речью и пресуппозицией* к ней, «поступком и внутренним комментарием» к нему (В.Н. Волошинов). Дискурс может быть двойственным, например, общим (для всех) и индивидуальным, в том числе бессознательным (Л. Альтюссер, М. Пеше). В текстах он может быть параллельно множественным, например, одновременно сообщением *о войне* и дискурсом *войны*, аффективным дискурсом *ненависти* и дискурсом *сострадания*. Сравните мнение П.Ф. Стросона: «…Мы можем охотно допустить, что типы намерения, направленного на слушающего, могут быть очень разнообразными и что различные типы могут быть представлены одним и тем же высказыванием» [21, с. 150].

***Д и с к у р с – непрерывный поток ментального*, в то время как высказывание лишь конфигуративный «остров» в этом потоке.**

Первичные отношения в реальности, о которых говорил М. Фуко в связи с формацией дискурса, являются возбудителями «рефлексивных отношений» в ментальных механизмах дискурса. Изучение связей между «обстоятельствами» речи и собственно процессом ее порождения отвечает не только интересам когнитивной науки, но также социальным задачам журналистики с ее поисками причин тех или иных действий. Эта область должна быть представлена в теориях дискурса исследованием онтологического и психического контекстов как особого глубинного уровня текстов, делающего возможным их создание и понимание.

Исторические условия обычно формируют оппозитивный объект политического дискурса в системе первичных отношений. Изучение этих отношений – предмет интегративной области знаний в исследованиях социального дискурса. Оппозитивный дискурс понимается нами как идеологическая формация, которую невозможно рассматривать в отрыве от явления «мир дискурса» и его интерпретации. Целесообразно выделить три общих ориентира в интерпретации феномена **мир дискурса**.

• Мир дискурса – это *поле внешнего предметно-практического*, включающего материальную и идеальную стороны действительности. Поле внешнего как одна из социальных ипостасей дискурса подразумевает дотекстовой предметный мир, особую часть которого составляет *мир идеологии.*

• Мир дискурса – это *поле внутреннего ментально-психического*. Поле внутреннего подразумевает модализованное состояние сознания субъекта до и во время акта речи. В конечном итоге психическое переживание – внутреннее становящееся внешним. Оно – такая ипостась дискурса, где «психика снимает себя, уничтожается, становясь идеологией» [19, с. 254].

• Центр (ядро) политического дискурса составляет языковая картина мира, *трансформированная модализованным сознанием в речевую реальность с оппозитивной структурой.*

Под оппозитивностью понимается *идеологически мотивированная модализация*, пронизывающая деятельность субъекта сознания и проявляющаяся как отношение неприятия (недоумения), которое сформировалось в ходе интерпретации действительности с позиций противодействия (или умственного противоположения) на базе идеологического преконструкта. Во внутреннем контексте с его специфическими референтами мы имеем дело с определенным типом идеологической оценки, которая включается в общий когнитивно-семантический процесс модализации дискурса.

Идеологическая оценка с ограничивающим ее концептом «приятие» или «неприятие» распознается в дискурсе как *модальная рамка*, которая накладывается на дескриптивное содержание языковых выражений, но, строго говоря, определяется видом дискурса в целом, то есть всем комплексом его элементов, включая идеологический преконструкт, общую модализацию, точку зрения, ситуативную пресуппозицию высказывания, стереотипы и шкалу оценок, которые существуют в социальных представлениях говорящих (или созданы усилиями групп).

---

2. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1. / под общ. ред. проф. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.
3. *Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004.
4. *Барт Р.* Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. / сост., общ. ред., вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 442–449.
5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
6. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998.
7. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2008.
8. *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. С. 12–53.
9. *Лейчик В.М.* Стереотипность и творчество в дискурсе (рапсодия в стиле «дискурс») // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13. Пермь, 2009. С. 64–73.
10. *Фуко М.* Археология знания / пер. с фр.; общ. ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996.

11. *Куртин Ж. Ж.* Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. С. 95–104.
12. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999.
13. Вопросы языкознания. 2009. № 6.
14. *Краснова Т.И.* Другой голос : анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920(22). СПб.: Северная звезда, 2011.
15. *Греймас А.-Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души: пер. с фр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
16. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.
17. *Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947.
18. *Серль Дж.* Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.
19. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2005.
20. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов [М.М. Бахтин]. М.: Лабиринт, 1993.
21. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1999.
22. *Стросон П.Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: сб.: пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. М.: Прогресс, 1986. С. 130–150.

Елена Савич (Беларусь, Минск)

ПОСТРОЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ

В эпоху антропологического поворота разговор о принадлежности того или иного исследования к традициям той или иной науки теряет актуальность. Поскольку объекты и субъекты человеческого мира не существуют обособленно, феноменами реальности, требующими научного обоснования, являются не они сами, а их взаимодействие. Отсюда и проистекает исключительная значимость интердисциплинарных исследований, для которых важным является сам по себе научный статус, точнее соответствие исследования критериям научности. Наконец, особое значение имеет применимость результатов данных исследований для оптимизации пространства, в котором живет и творит человек. И если вследствие проведенного исследования человек получает работающую технологию влияния на окружающую его реальность, все спекуляции на тему отнесения исследования к одной из чистых наук представляются чистой демагогией, ненужной надстройкой.

Дискурс-исследования относятся как раз к таким исследованиям, результаты которых могут предложить описания и объяснения социальных процессов, а также дать технологии управления социумом. Трудно переоценить социальную значимость таких исследований. Вместе с тем трудно представить, каким образом можно описать их терминами одной науки.

И все-таки вопрос определения науки-источника исследования является важным хотя бы потому, что необходимым атрибутом научной работы считается ее обоснованность и верификативность. Оценить исследование с позиций этих критериев могут специалисты, владеющие основным терминологическим и технологическим аппаратом исследования. Исходя из этих соображений, полагаем, что отнесенность исследования к той или иной науке является «процессуальной» необходимостью. Полагаю, что для дискурс-анализа оптимальную терминологическую и процессуальную базу предлагает лингвистика, поскольку так или иначе непосредственным материалом дискурс-аналитика является языковой знак, а точнее, система языковых знаков (внимание, не языковая знаковая система!).

Каким бы широким или узким не было понимание самого понятия «дискурс» (см. La Table Ronde. Выпуск 1), лингвистика наработала достаточную базу для описания этого явления. Так, будучи понят как текст, дискурс описывается в терминах когезии, когерентности, информативности, референтности и т.д., которые предлагает лингвистика текста. Как речевое образование дискурс определяется через речевые акты. Как когнитивный конструкт – через фреймы, сценарии, концепты и др. Функциональное направление лингвистики предлагает дискурсисту аппараты функциональной стилистики и грамматики, которые частично лингвизируют исследование содержания. Даже такой неполный обзор инструментария дает представление об описательном потенциале лингвистической науки. В то же время очевидным становится и сугубо аналитическая направленность таких дескрипций. Понятно, что для дискурс-исследований, ориентированных на познание социальной данности через анализ функционирующих в ней дискурсов, каждый из представленных аппаратов является недостаточным. В отличие от дискурс-анализа дискурс-исследованиям необходим аппарат синтеза. Можно с уверенностью предположить, что синтезированные категории, операционализирующие дискурс-исследования, должны быть более-менее обобщенными и метафоризированными.

Для иллюстрации вышеприведенных положений и выводов представим фрагмент описания медийного дискурса лоббирования, для которого использовался аппарат функционального синтаксиса. Исследование англоязычных и русскоязычных кампаний лоббирования в различных средствах массовой коммуникации (радио, газеты, социальные сети), посвященное изучению с позиций лингвистики медийного дискурса лоббирования как *целостного* коммуникативного явления, имело своей целью разработку теоретической модели данного типа дискурса. Теоретическая модель дискурса представляет собой функционально-динамическую систему, в которой феномен медийного лоббирования определяется через специфические для него семантические категории и их взаимодействие. Соответственно, **объектом** изучения явился сам *медийный дискурс лоббирования* (МДЛ) в его реальном текстовом воплощении, а **предметом изучения** – семантические элементы дискурса и их специфическая для МДЛ система. Определение этих элементов и реконструкция их взаимодействия стали **первым** шагом анализа, их описание проводилось в терминах теории функционального синтаксиса А. Мустайоки: «семантическая структура», «актант», «предикат», «модификатор» и «спецификатор». Процедура

анализа семантических структур была заимствована в актуалистической теории языка (Попов, Трегубович) и адаптирована для макротекста. Как видно, и предмет, и объект, и метод, и процедура, и терминология сугубо лингвистические. Логично предположить и исключительно лингвистический результат такого исследования.

Функционально-синтаксическая модель медийного дискурса лоббирования предстала в виде развития функционально-синтаксических категорий, операционализирующих основные темы (референторы) МДЛ: *взаимодействие участников лоббирования* и *социальный контекст лоббирования.* Тема «*Взаимодействие участников лоббирования*» развивается на протяжении трех этапов медийных кампаний лоббирования благодаря изменениям функционально-синтаксических характеристик элементов семантических структур с референторами «мы», «эксплицитный адресант», «эксплицитный адресат» и «имплицитный адресат». Тема «*Социальный контекст лоббирования*» сопровождает ее, актуализируя взаимодействие тех участников лоббирования, которые на конкретном этапе кампании не являются эксплицированными коммуникантами, и также обнаруживает закономерности изменения функционально-синтаксических характеристик элементов своих семантических структур. Это следующие изменения (далее для краткости укажем динамику характеристик только для одного референтора «эксплицитный адресант»):

• ***ингерентных свойств (социальной роли) и определенности актантов для референтора «эксплицитный адресант»***: индивидуальный субъект «*Индивид*», определенность (физический Адресант) и специфицированность (вписанный Адресант: представитель группы или любой обладатель конкретной характеристики) → совокупный субъект «*Социальная группа*», обобщенность (общность социальных интересов и проблем) и специфицированность (через актуальную деятельность) → коллекктивный субъект (институциональный + групповой) «*Группа давления*», определенность (физический адресант + социальная группа);

• ***семантической роли актанта и разряда предиката для референтора «эксплицитный адресант»***: Нейтрал и Агенс при предикатах характеристики, а также физической, интеллектуальной (в том числе речевой) и социальной деятельности → Нейтрал и Объект каузации (для обобщенных субъектов) при предикатах характеристики, идентификации и социальных отношений, а также Агенс и Агенс каузации (для специфицированных) при предикатах деятельности интеллектуальной и социальной → Агенс, Агенс каузации и Нейтрал при предикатах характеристики, идентификации, а также интеллектуальной, речевой и социальной деятельности;

• ***темпоральности и аспектуальности актуализованных положений дел для референтора «эксплицитный адресант»***: актуальные и неактуальные положения дел различной аспектуальности → актуальные и неактуальные положения дел с аспектуальностью статуальности, результативности и терминальности → актуальные статуальные, терминальные и результативные положения дел;

- ***модификаторов каузации и модальности для референтора «эксплицитный адресант»***: нет каузации и модальности → Агенс ассистивной каузациии с Объектом «Социальная группа», Объект превентивной каузации с Агенсом «государство», модальности нет → Агенс чистой, ассистивной и речевой каузации с Объектом «Государство», модальности нет;
- ***модификатора «Речевая функция» (коммуникативной роли) для референтора «эксплицитный адресант»***: инициатор общения, информатор, агитатор → информатор, агитатор→агитатор, провозглашающий субъект.

Такого рода описание всех референторов медийного дискурса лоббирования без примеров занимает четыре страницы текста и требует знания авторской классификации теории функционального синтаксиса, которая отличается (и временами очень существенно) от классификаций и трактовок, принятых в функциональной грамматике. Тем не менее «лингвистический статус» такого исследования неоспорим, чего нельзя сказать о приемлемости и практической применимости его результатов, поскольку кроме автора исследования вряд ли кто-то сможет интерпретировать эти результаты и использовать их для непосредственно лоббистской деятельности в СМИ. Для того, чтобы «перевести» полученное знание с языка лингвистики на язык практиков медийного дискурса лоббирования требуются синтезированные супер-категории и иная репрезентация этих категорий. В своем исследовании я представляю еще две модели медийного дискурса лоббирования – пропозициональную модель и графическую.

В **пропозициональной модели** типичные для МДЛ пропозиции, реконструированные из функционально-синтаксической модели, выстроены в соответствии с динамикой адресации следующим образом:

СНАЧАЛА

Эксплицитное содержание: {[Два индивида имеют общую характеристику] СЛЕДОВАТЕЛЬНО {[Они имеют одинаковые интересы и схожие проблемы] И [Для них релевантно общее проблемное поле (контекст)]} И [Общий контекст организован вокруг и благодаря деятельности государства как института]}

И

{[Эти два индивида – непосредственный адресат и автор материала] И [Они вместе обсуждают/ обдумывают общий для них контекст, интересы и проблемы]}

В ТО ВРЕМЯ КАК

Имлицитное содержание: {[Адресат и Адресант – не только индивиды, но и групповые, и институциональные субъекты] ПОСКОЛЬКУ [Общение открытое, дружеское]}

ЗАТЕМ

Эксплицитное содержание: {ТАК КАК [Интересы и характеристики реального адресанта и адресата совпадают с интересами и характеристиками других индивидов] ТО [Вместе они представляют одну социальную группу]} И [Социальная группа сталкивается с

конкретными проблемными ситуациями] И {[В рамках данной социальной группы наличествует организованный групповой субъект] И {[Организованный групповой субъект предпринимает действия по разрешению проблемных ситуаций] И {[Деятельность организованного группового субъекта по разрешению проблемных ситуаций неэффективна] ПОСКОЛЬКУ [Государство не способствует деятельности организации, не решает данные проблемные ситуации]}}}

И

{[Адресант и Адресат – коллеги] И {ПОСКОЛЬКУ {[Адресант – организованный групповой субъект] И [Адресат – неорганизованный групповой субъект]} ТО [Их общение основано на принятии и приятии общих целей]} И [Адресант информирует Адресата об общности их целей и побуждает его к общей деятельности]}

В ТО ВРЕМЯ КАК

Имлицитное содержание: {[Адресат и Адресант – не только групповые субъекты, но и институциональные] ПОСКОЛЬКУ {[Общение носит открытый специализированный характер] И [Побуждение и сообщение для группового субъекта – сообщение-угроза для институционального]}}

В КОНЦЕ

Эксплицитное содержание: {ПОСКОЛЬКУ [Взаимодействие между организованной группой активистов, представляющих социальную группу, и государством отсутствует, но является необходимым] ТО [Активная группа (группа давления) обращается к государству с просьбой о совместной деятельности или конкретном действии со стороны государства]}

И

{[Адресант имеет полномочия обращаться к государству с требованием] В ТО ВРЕМЯ КАК [Государство имеет полномочия решать проблемные ситуации социальной группы]} И {ПОСКОЛЬКУ [Группа давления обращается с требованием] ТО [Государство получает статус защитника определенной социальной группы]}

Наконец, **графическая модель** изображает МДЛ в виде двух содержательных пластов, притягивающихся друг к другу как магниты и проявляющихся друг в друге.

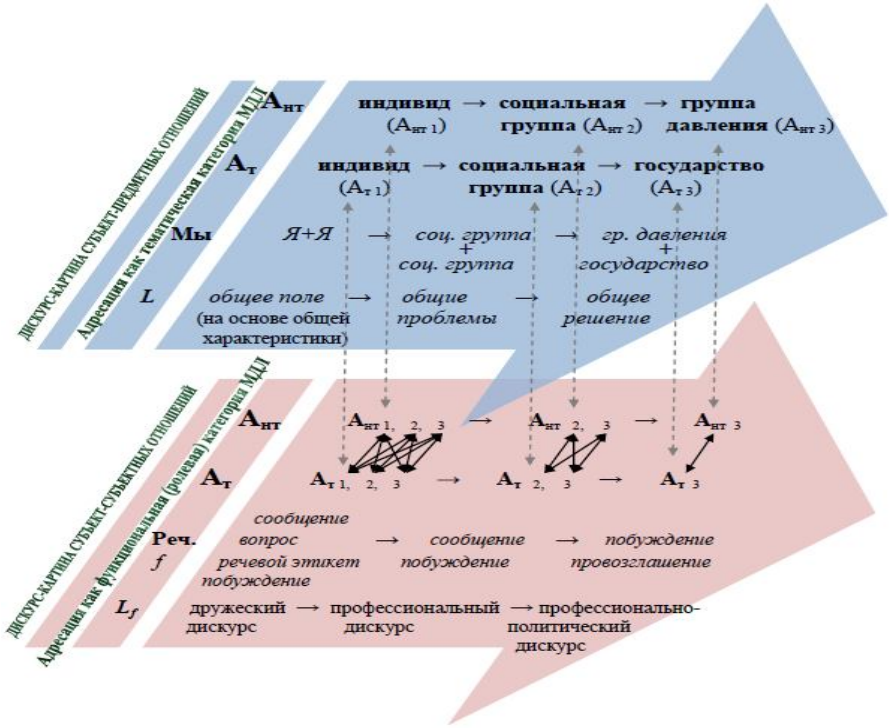

Рис. 1. **Динамика Адресации МДЛ: графическая модель, где**
$А_{нт}$ – адресант; $А_т$ – адресат; L – социальный контекст лоббирования; L_f – коммуникативный контекст лоббирования; $Реч._f$ – речевая функция высказываний

Верхний – эксплицитный тематический пласт, достаточно объемный, чтобы представить его как Дискурс-картину субъект-предметных отношений, субъект которой, то есть Адресант, порождает информацию о себе, о своем Адресате и об их взаимодействии. Сюжет данной дискурс-картины развивается последовательно, как в киноленте. *Сначала* все субъекты, о которых идет повествование, выступают в роли реальных (физических) индивидов, обладающих общей характеристикой. Ею может быть возраст, национальность, профессия, возможно, что-то еще. Главное, именно эта общность задает контекст совместной деятельности и тему для общения. *На следующем этапе* Адресант подает себя уже как представителя группы и Адресанта видит таковым. Они представляют одну социальную группу и попадают в идентичные проблемные ситуации. Поэтому они вместе. Однако они все-таки отличаются. Адресант относится к тому групповому субъекту, который занимает активную позицию, а Адресат – к тому, у которого активной позиции еще нет.

Наконец, *на заключительном этапе* Адресант и Адресат поднимаются до позиций институциональных субъектов. Адресант становится коллективным субъектом, объединяющим в себе и организованного и неорганизованного группового субъекта, – группой давления. Адресатом теперь является государство (в лице конкретного политика или обезличенное). Их взаимодействие представляется вполне конкретным – это совместные действия по разрешению проблемных ситуаций, с которыми сталкивается общество. Правда, если на начальном этапе это взаимодействие реально, то на последнем – это идея. Взаимодействие группы давления и государства сконструировано самим дискурсом, оно остается в области виртуальной реальности.

Нижний пласт рисунка отражает те же позиции: Адресанта, Адресата и их взаимодействие (коммуникативное и статусное). Но эти позиции подаются

здесь через их функцию (роль) в рамках ситуации дискурса. И этот содержательный пласт имеет не меньший объем, чем пласт тематический. Поэтому и он предстает как целая дискурс-картина – *дискурс-картина субъект-субъектных отношений*. Здесь также имеется своя сюжетная линия, описывающая речевое поведение Адресанта, как бы ловящего в свои сети Адресата. Иначе говоря, *на начальном этапе* Адресант конструирует своими текстами множественного неоднородного Адресата, задавая ему различные роли и ожидая актуализации хотя бы каких-то из них. Разнообразие речевых функций и общий эмоциональный фон общения не исключают из числа потенциальных Адресатов ни одного тематически актуализованного субъекта лоббирования. *На втором этапе* Адресант оставляет Адресату альтернативу из наиболее значимых для него ролей. Своим речевым поведением он готовит Адресата к тому, чтобы принять роль либо группового, либо институционального субъекта, для которых характерен более сдержанный (по сравнению с общением друзей, индивидов), профессионально ориентированный тип общения. Сохранив, таким образом, свою целевую аудиторию, *на третьем этапе* Адресант, наконец, «выстреливает» единственно нужной ролью, раскрывая своего истинного Адресата – государство. Их коммуникация строится на рациональных основаниях, согласно полномочиям и статусу каждого в рамках политического поля. Их взаимодействие обусловлено функцией провозглашения и побуждения. Важно отметить, что на данной картине содержание дискурса разворачивается в направлении, обратном тому, которое наблюдалось на верхней дискурс-картине. Здесь от имплицитного, ирреального и альтернативного содержание «движется» к эксплицитному, реальному и единственному.

Представленные таким образом результаты дискурс-исследования понятны широкому кругу специалистов. Модель МДЛ объясняет, каким образом развивается содержание кампании лоббирования в СМИ и как взаимодействуют содержательные элементы дискурса. На первый взгляд, описание не имеет отношения к лингвистике, поскольку использует категории «дискурс-картина», «адресат», «адресант», «взаимодействие», «контекст», «речевая функция», рожденные самим дискурсом и продиктованные содержанием всех проанализированных кампаний. Кроме того, операционализирующие их категории принадлежат не столько лингвистике речи, сколько политологии и социологии.

Теряет ли такая модель дискурса, да и собственно исследование, свой лингвистический статус? На наш взгляд, нет. Следует помнить, что выявление семантических закономерностей медийного дискурса лоббирования стало возможно только вследствие проведенного синтаксического и прагматического анализа дискурса, сопровождающегося предварительным описанием динамики функционально-синтаксических характеристик его содержательных элементов. Принимая интердисциплинарную терминологию на этапе трансляции результатов (их адаптации к вненаучной действительности), дискурс-исследование только приобретает социальную значимость и научную (интернаучную) актуальность.

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ЛИНГВИСТИКИ ДИСКУРСА В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ РАБОТАХ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Дискурс-анализ пришел в лингвистические исследования с рядом методик, название которых произошло от слова «конструировать». Причиной тому стало понимание дискурса в целом и отдельных дискурсий (или дискурсных практик) в частности, в качестве деятельности или организованного контекстами открытого, но целостного поля знаков, ***конструирующих смыслы***.

Назначением дискурс-анализа стала (1) ***деконструкция*** целого на составляющие, чтобы понять *объем* и *глубину* порождения смыслов (описательная парадигма дискурсологии), а значит и (2) ***реконструкция*** *целого во взаимодействии составляющих* (моделирующая парадигма дискурсологии). Если первым занялась ***семиотика*** и ***семиология*** с уже готовым для дискурс-анализа аппаратом, а вместе с ней и социальные науки, взявшие этот аппарат для непосредственного использования (вот вам и лингвистический поворот в социальных науках), то вторым (и значительно позже) – ***лингвистика дискурса***, которая еще только зарождалась и только начинала осмысливать специфику явления – особенностей функционирования единиц языка бóльших, чем словоформа (слово, словосочение, фразеологическая единица). Так, потребовалось появление *функциональных грамматики, синтаксиса, семантики, стилистики*, чтобы сфокусировать внимание на специфике функционирования *содержания* в условиях целостности предложения/высказывания, текста/макротекста, дискурсии / дискурса, то есть макроединиц языка. Также потребовалось развитие уже появившихся к тому времени таких направлений лингвистики, как *психо-, социо-, этно-, прагма- и других лингвистик,* чтобы сфокусировать внимание на специфике функционирования контекстов, то есть осознания факта их включения, актуализации в коммуникативный процесс и коммуникативный продукт – дискурсную практику (дискурсию).

Таким образом, становится понятным смысл и место в дискурс-анализе методик деконструкции и реконструкции содержательного наполнения дискурсий. Факт объединения контентов и контекстов, в свою очередь, породил дефиницию дискурса, ставшую сегодня общим местом лингвистики дискурса: *дискурс есть текст плюс социальный контекст* (Т. А. ван Дейк). Соответственно, в этом континууме теоретического освоения дискурс-пространства, а точнее, дискурс-уровня, ибо дискурс есть уровневая характеристика языка [1], появляется ***каузально-генетическая теория содержания*** вначале слова [2], а затем и макроединиц языка [3,4,5]. В результате происходит дальнейшее обоснование теоретических основ процесса *конструирования* смыслов в макропространствах [6,7], а значит и их *реконструкции* [8].

Новая теория позволяет непосредственно включить в потенциальное содержание дискурсов, а значит и в процесс порождения смыслов дискурсий и дискурсов как (1) *текстовое информативное пространство* (субъект-объектное) с его разнообразным информационным потенциалом, порождаемым в том числе и спецификой процесса познания человеком окружающего мира, но также и (2) *интерактивное пространство общающихся*, каждый общающийся (адресант и адресат) есть *кортеж* другого (адресант – кортеж адресата и наоборот), ибо он/она/они конструируют роль другого, его значение и

значимость (субъект-субъектное наполнение содержания). Причем каждый включен во взаимодействие вместе с его знаниями и особенностями познания, отношениями, настроениями, предрассудками, наслоением культурных, гендерных, возрастных, профессиональных и других характеристик, предрасположенностью что-то увидеть, найти, либо не увидеть и не найти это, но процесс коммуникации может корректировать и конструировать все эти характеристики общающегося, наполняя их тем или иным содержанием.

Включение этих двух *равных по значимости* составляющих (субъект-объектной и субъект-субъектной) порождает третью составляющую – (3) *подвижное* (с учетом двух начал), *но целостное, динамически преображаемое* содержательное пространство. На основании этих трех позиций только и возможно проведение реконструкции как самого *процесса* порождения смыслов, так и получаемого *результата* этого процесса.

Таким образом, методика реконструкции содержания дискурсов и дискурсий предполагает:

- знание о том, что составляет и как функционирует текстовое содержание, то есть как в них организованы смыслы и что еще кроме смыслов в них можно найти;
- знание о коммуникантах (социальная специфика актуализации смыслов);
- знание, с одной стороны, о мире реальном (ибо смыслы черпаются из его осмысления), а с другой – мира человека, субъекта коммуникации, специфики его видения реальности и ее осмысления через познания себя;
- знание о процессе коммуникации (специфике процессов кодирования, передачи и декодирования);
- и, безусловно, предвидение результатов своих действий.

Добавим к вышесказанному, что понятие *текст* мы «прочитываем» исключительно *в контексте дискурс-знания.* В этом случае текст есть любой знак, обладающий формой и содержанием, открытый вхождению в разнообразные знаковые системы, а также открытый интерактивному взаимодействию и, значит, переходу в дискурс. Вполне понятно, что это может быть любой предмет современной культуры – от вполне серьезных, до, казалось бы, пустяковых. Так, игрушка в контексте современной культуры может проявлять, например, такое качество как дружественность, или неприязнь по отношению к ребенку, владеющему этой игрушкой. Характерно, что на этом основании каждый ребенок, например, в штате Миннесота, США имеет право вернуть игрушку в магазин, где она была куплена или обменять на другую, если прошло не более двух недель. Ведь игрушка куплена для общения с ребенком, а она вдруг оказывается закрытой общению с ним. Так простой предмет конструируется обществом как сложный, интерактивный и обретает *дискурсивный* вполне конкретный *смысл*.

Любопытно и то, что, включаясь в интеракцию (а значит становясь по существу дискурсом), *текст* становится прецедентным. Отсюда и изменение наполнения самого понятия «прецедентность» в лингвистике дискурса (где значимость обретают тексты, вовсе не рассматриваемые ранее как достойные особого внимания исследователя).

А вот иной, куда более чем серьезный предмет культуры – православная икона. Остановимся на этом знаковом и открытом для интеракции предмете православной культуры более подробно и посмотрим на него глазами бого-

слова и искусствоведа Павла Флоренского – знакового лица славянской культуры. Наше стремление привлечь внимание к его трудам и, в частности, работе «Обратная перспектива» [9] в контексте разговора ***о методах лингвистики дискурса*** имеет даже не двойной, а тройной смысл:

- *во-первых,* в данной работе представлен блестящий образец ***конструирования*** *смыслов:* автор обнаруживает их уже в самой реальности и переносит в мир знаковой реальности; при этом содержание знака остается подвижным, живым, ибо, конструируя смыслы, исследователь одновременно *и разводит* знак и реальность*, и объединяет их* в единое коммуникативное пространство;
- *во-вторых*, данный труд учит тому, как ***реконструировать*** *смыслы,* взаимодействуя *и с текстовым и с интерактивным пространствами* с учетом как их функционального единства, так и эксклюзивной значимости каждого;
- *в-третьих,* мы имеем образец того, как ученый, опережая время, общается с аудиторией, вводя ее во все еще в чем-то новую для нее, сложную, далеко неоднозначную область знаний – область анализа дискурсов.

Итак, познакомимся поближе с методом реконструкции смыслов, которым Павел Флоренский блестяще владеет и демонстрирует на примере трехмерного коммуникативного процесса, включающего ***взаимодействие*** художника (выписывающего на иконе церковное строение с нарушением приема передачи простой перспективы из-за его очевидности и бездумности) с реальным строением – объектом своего познания, в стремлении его осмыслить и передать свое видение знаково (образно); с образом, реализуемым согласно его разноплановому видению, но также и домысливанию; и, наконец, с потенциальными зрителями. Используем при этом оригинальный текст Флоренского, разбив его на восемь последовательных этапов. Соответственно, предупредим описание этих этапов *вопросами*, назначение которых – включить в текст своего рода паузы, помогающие сформировать у читателя некоторое ожидание. Как мы полагаем, это дает возможность читателю лучше понять, что скрывает в себе метод реконструкции смыслов. Автор «Обратной перспективы» предоставляет читателю несколько ролей одновременно: вчитаться, всмотреться, вслушаться в содержание текста, обрести опыт наблюдателя и мыслителя и тем самым научиться читать *вглубь*, реконструировать смыслы, переносить их из одного пространства в другое, мыслить аналитически и одновременно синтетически. Итак, начнем.

Вопрос 1: Как научить себя навыку реконструкции, то есть навыку осмысленного видения (понимания) того, что наблюдаем, читаем, слушаем? Как научить молодого исследователя глубине анализа? Как смотреть и видеть, искать и находить, слушать и слышать? Как научить художника понимать, что он видит, порождает и передает другому?

Павел Флоренский: *Чтобы видеть и рассмотреть предмет, а не только глядеть на него, необходимо последовательно* ***переводить*** *его изображение на ретине отдельными участками к чувствительному пятну ее* [9, с. 66].

Вопрос 2: Как быть уверенным, что увидел главное, что есть в предмете, а потом и в тексте (знаке, который конструирует этот предмет)? Как организовано его содержание, как зашифровать смыслы, которые я ищу, нахожу и хочу передать другому?

Павел Флоренский: *Это значит, зрительный образ вовсе не дан сознанию как нечто простое, без труда и усилия, но строится, слагается из последовательно подшиваемых друг к другу частей* [9, с. 66].

Вопрос 3: А как работает мое сознание, чтобы я мог найти смыслы как части единого целого и их сложить воедино?

Павел Флоренский: … *каждая из них воспринимается, более или менее, со* ***своей*** *точки зрения. Далее, грань синтетически прибавляется к грани особым актом психики, и вообще зрительный образ последовательно* ***образуется****, но не дается готовым* [9, с. 66].

Вопрос 4: Как я (ищущий смыслы в их взаимоотношении) познаю сложный (смыслы несущий) объект, который сам выбрал для познания? Как приходит ко мне его осмысление, осмысление его сложности?

Павел Флоренский: *В восприятии зрительный образ не созерцается с* ***одной*** *точки зрения, но по существу зрения есть образ многоцентренной перспективы. Присоединяя сюда еще дополнительные поверхности, пристраиваемые к образу правого глаза – левым, мы должны признать сходство всякого зрительного образа с иконными палатами, и отныне спор может быть о мере и желательной степени этой разноцентренности, но уже не об ее принципиальном допущении* [9, с. 66–67].

Вопрос 5: Ну и что дальше, когда мы увидели один предмет, но с разных перспектив (обоими глазами, а значит, как бы разными текстовыми кодами)? Будем стремиться объединить то, что разъединили, или оставим для передачи другому увиденное нами расщепленным (многоцентрированным)? Синтез или анализ? Правило (единой перспективы) или его нарушение? Конструируем конечный продукт познания как незыблемый монолит, или он пусть так и останется как бы незавершенным, в вечном движении?

Павел Флоренский: *Далее начинается или требование еще большей подвижности глаза, ради усиленно сгущенной синтетичности, либо требование, по возможности, закрепление глаза, – когда ищется зрение разлагающее, причем перспектива стоит на пути этого зрительного анализа. Но человек, покуда жив, вполне вместиться в перспективную схему не может, и самый акт зрения с неподвижно-закрепленным глазом (забываем о левом глазе) психически невозможен* [9, с. 67].

Вопрос 6: Если конечный продукт реконструкции постепенно, благодаря нескольким «подходам» к нему обрел объем, можем ли мы действительно «видеть» этот объем? Иначе говоря, может ли познаваемое одним кодом (глазом), и вторым (вторым глазом), и третьим (мыслью) в их временном континууме приравнять, сложить воедино, увидеть так, как будто это произошло все сразу, в одно мгновение и передать это именно так? Ведь это то, что мы искали и что осмыслили.

Павел Флоренский: *Скажут: «Но ведь нельзя, все же видеть сразу трех стен у дома!» –…* ***Сразу*** *нельзя видеть не только трех, но и двух стен дома, и даже одной. Сразу – мы видим только ничтожно малый кусочек стены, да и его не видим сразу, а сразу, буквально, ничего не видим. Но не сразу – мы обязательно получаем образ дома о трех и о четырех стенах, таким дом себе представляем* [9, с. 67].

Вопрос 7: Значит, нахождение смыслов это труд аналитический, постепенный, последовательный, а получение конечного результата (знания) – временная остановка перед тем, чтобы идти дальше? Может поэтому сохраня-

ется термин *дискурс-анализ*, хотя конечная его цель, как это показывают современные исследования, – связать найденное вместе, построить (вариативные) модели. Но без понимания процесса модель непонятна.

Павел Флоренский: *В живом представлении происходит непрерывное струение, перетекание, измерение, борьба, оно непрерывно играет, искрится, пульсирует, но никогла не останавливается во внутреннем созерцании мертвою схемою вещи. Художник… от разных частей представления берет наиболее яркое, наиболее выразительное, и вместо длящегося во времени психического фейерверка дает неподвижную мозаику отдельных, наиболее разительных его моментов* [9, с. 67].

Вопрос 8: А как происходит процесс передачи реконструированного другому? Повторяет ли модель декодирования модель кодирования содержания?

Павел Флоренский: *При **созерцании** же картины глаз зрителя… воспроизводит… образ играющего и пульсирующего представления, но теперь более интенсивного и более сполоченного, нежели образ от самой вещи, ибо тут яркие разновременно наблюдаемые моменты даны в чистом виде, уже уплотненно, и не требуют затраты психических усилий на выплавку из них шлаков* [9, с. 67].

1. *Кибрик А.Е.* Дискурсивный анализ // Энциклопедия Фонда знаний «Ломоносов» http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia.
2. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Построение семантической модели слова на основании соединения внелингвистического и лингвистического семантических треугольников // Веснік Беларус. дзярж. у-та. 1982. Сер. IV. № 3.
3. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Семантика слова, предложения, текста: точки соприкосновения // Семантико-стилистические исследования слова и предложения. Барнаул: АГУ, 1990.
4. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* В поисках реалий семантического ядра текста // Веснік Беларус. дзярж. у-та. 1992. Сер. IV. № 3.
5. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 3.
6. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Модель эффективной речевой деятельности // Веснік Беларус. дзярж. у-та. 1986. Сер. IV, № 4.
7. *Ухванова-Шмыгова И.Ф., Елсукова Н.А.* Тема и ее знаковая репрезентация (двунаправленный анализ содержания газетной статьи) // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. СПб., 2000.
8. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Реконструкция харизматической и других моделей речевого поведения субъектов коммуникации // Материалы международной конференции. Каунас, 2003.
9. *Флоренский П.А.* Обратная перспектива: Избранные труды по искусству. М.: Изобразит. искусство, 1996. С. 9–72.

Екатерина Ядченко (Беларусь, Минск)

АБДУКТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ MAXQDA

Издавна исследователей интересовал вопрос эвристического метода, который бы методологически обосновывал интуицию как инструмент социального познания [1]. Ввиду большого количества фактов исследователь «социального мира» занимается поиском смыслообразующих правил, возможного

действенного объяснения «необычного» в фактах. Конечный пункт данного поиска – вербальная гипотеза (абдукция). Как только она сформулирована, начинается процесс ее перепроверки: 1) выведение правила из гипотезы, 2) поиск фактов, которые бы верифицировали предположение (дедукция). Абдукция в таком толковании объясняет единичное как нечто, что может быть случаем из уже известного класса.

Абдукция в лингвистической науке становится как никогда актуальна с утверждением дискурс-аналитического подхода, который сместил акценты с устойчивых коллективных языковых структур, хранящих в себе отпечатки мышления, на индивидуальные подвижные речевые и событийные структуры. Отныне в фокусе внимания текст/дискурс – индивидуальный продукт, который, с одной стороны, является знаковым феноменом, с другой – коррелирует с окружающей действительностью. Идеальный исследователь в такой перспективе должен обладать двумя основными способностями: а) способностью черпать как можно больше знаний об окружающем мире (социальное знание); б) способностью как можно более точно идентифицировать признаки исследуемых случаев с целью их дальнейшей систематизации. Здесь не работает дедуктивный подход – перепроверка имеющихся теорий, необходимо «снятие» исследователем, срез за срезом, всех возможных смыслов и упорядочивание их в имеющуюся систему порядков. Такой метод получает название *реконструкция* [2].

Нами осуществляется анализ дискурса мигрантов на основе *метода обоснованной теории с применением компьютерного программного обеспечения MaxQDA*. Мы акцентируем значимость абдуктивного мышления на следующих уровнях исследования:

1. *Абдукция на уровне кодирования.* На данном этапе исследователь занимается поиском кодов, которые были бы смысловым «сгустком» обозначаемого отрезка текста (с учетом лингвистического и экстралингвистического, актуального и потенциального содержания дискурса).

2. *Абдукция на уровне интерпретации отдельных (знаковых) составляющих дискурса*. На данном этапе происходит конституция лексической, грамматической семантики с привлечением общего фонового содержания дискурса и контекста.

3. *Абдукция на уровне интерпретации социальной действительности, репрезентированной в дискурсе*. На данном этапе осуществляется означивание реалий, реконструированных из текста/дискурса на фоне национальной культуры, являющейся источником текста (этические нормы, ценность, семиотика культуры).

Изучение дискурса мигрантов с помощью *тематического анализа* с *применением программного обеспечения MaxQDA* позволяет собрать как качественную, так и количественную информацию о тематической соподчиненности *лексического ряда* дискурсий и выявить специфику структурного и иерархического развития тем. Создаваемое как вспомогательное средство для качественного анализа данных по принципу обоснованной теории [3], современное компьютерное программное обеспечение MaxQDA позволяет осуществлять анализ (относительно) больших корпусов данных, сокращая временные затраты исследователя. Данное программное обеспечение является многофункцио-

нальным и довольно гибким, оно может применяться в различных гуманитарных исследованиях – в социологии, психологии, педагогике, лингвистическом анализе текста, так как работает с широко используемой категорией «кодирование», однако принципиально не задает каких-то критериев. Следовательно, *код* может объединять в себе самые разные по объему содержательные единицы – от одной лексемы до нескольких абзацев текста. Программное обеспечение MaxQDA демонстрирует следующие функции:

1) *построение тематических деревьев* (рис. 1): используется на этапе первичного тематического анализа; на этапе вторичного глубинного анализа тематические деревья используются как легко управляемый гипертекст [4, 5];

2) *лексический поиск по тексту* (рис. 2): при вводе лексического компонента в строку поиска отыскиваются все позиции данного слова и указывается абзац, в котором оно присутствует; одновременно происходит выделение данного слова в тексте;

3) *быстрый анализ частотности слов* (рис. 3): при выборе данной функции в виде таблицы подается список всех слов из текста; из этого списка мы можем выбрать интересующий нас компонент по самому слову (в алфавитном порядке), процентному соотношению искомого слова ко всему тексту либо длине слова (например, при поиске местоимений, междометий).

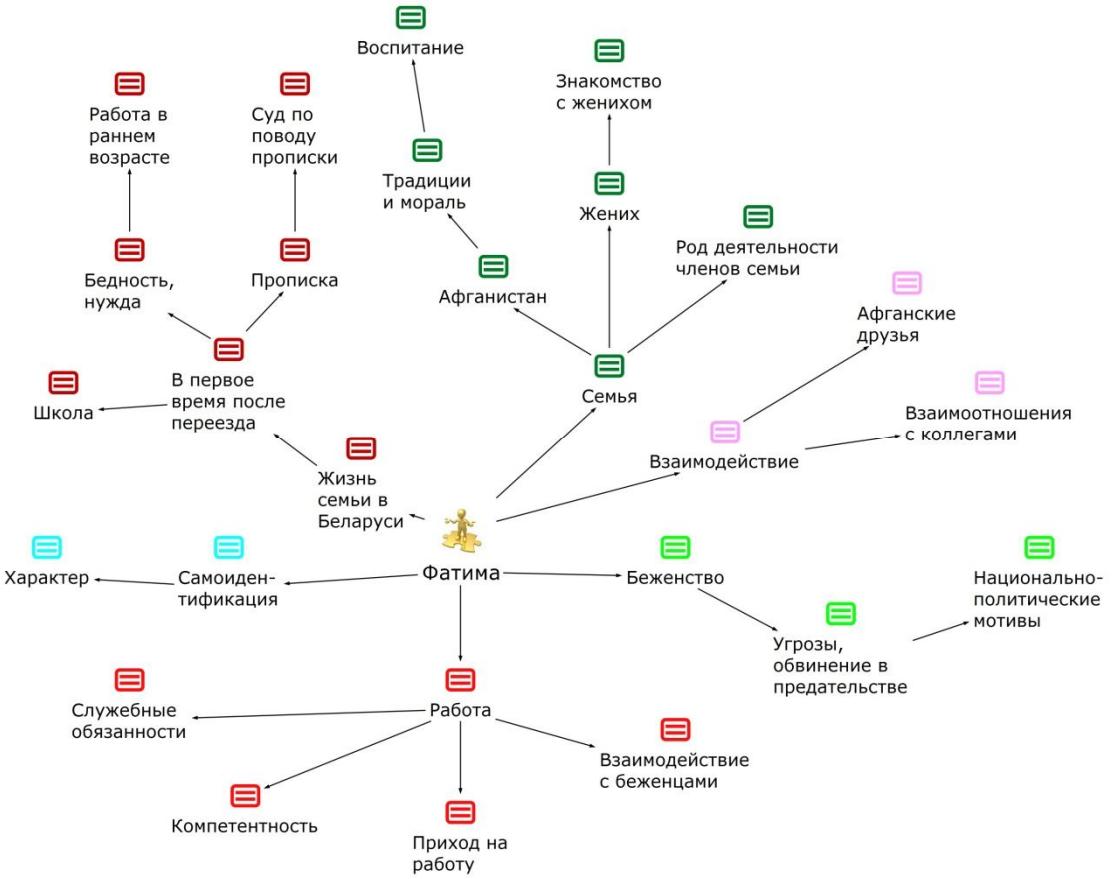
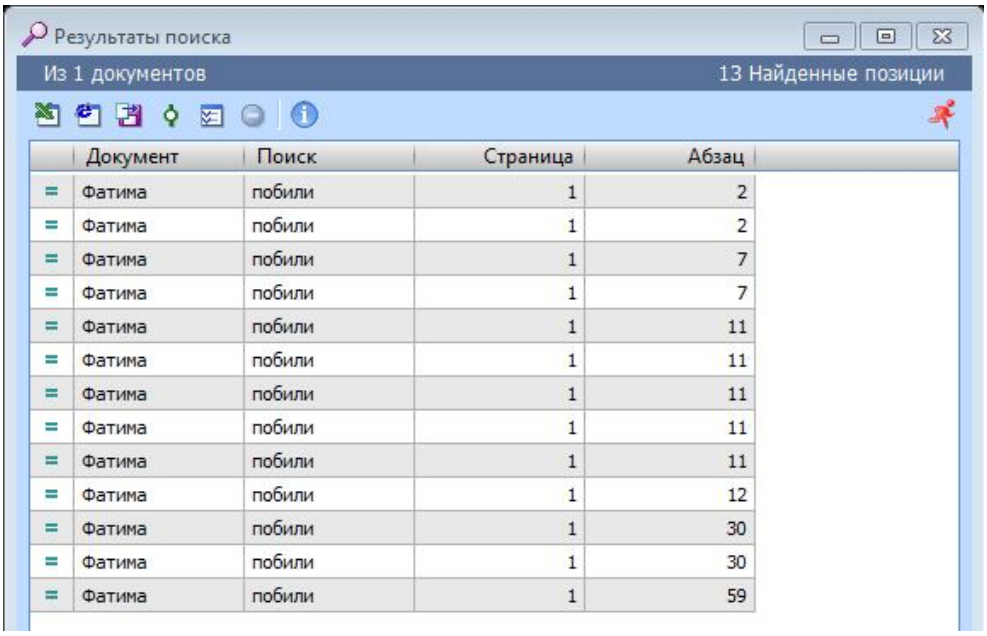
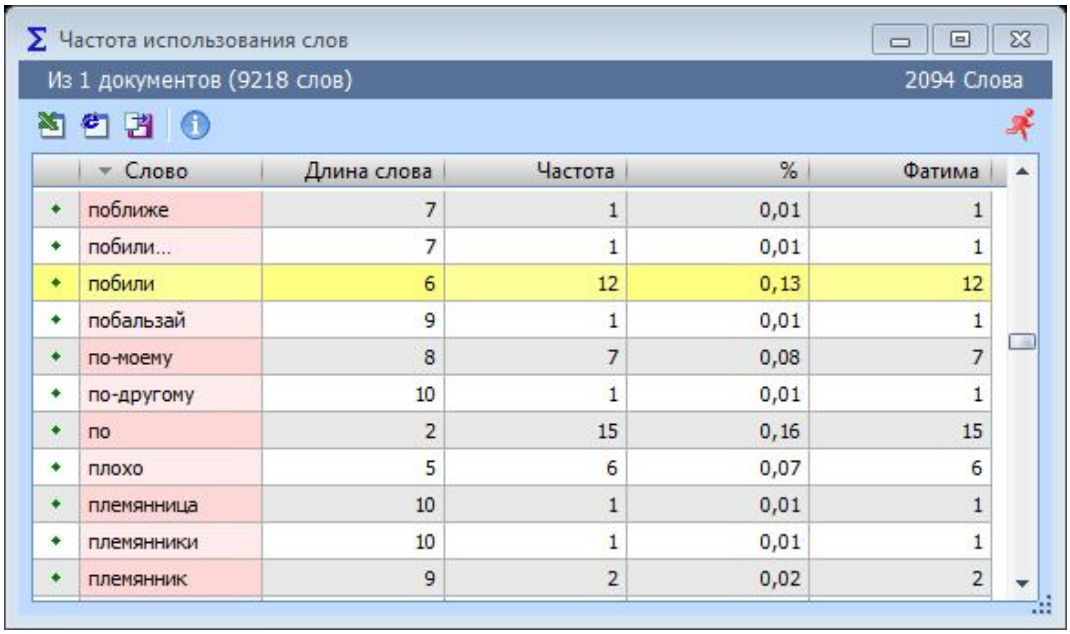

Рис. 1. **Тематическое дерево дискурсии**

Документ	Поиск	Страница	Абзац
Фатима	побили	1	2
Фатима	побили	1	2
Фатима	побили	1	7
Фатима	побили	1	7
Фатима	побили	1	11
Фатима	побили	1	11
Фатима	побили	1	11
Фатима	побили	1	11
Фатима	побили	1	11
Фатима	побили	1	12
Фатима	побили	1	30
Фатима	побили	1	30
Фатима	побили	1	59

Рис. 2. **Лексический поиск**

Слово	Длина слова	Частота	%	Фатима
поближе	7	1	0,01	1
побили...	7	1	0,01	1
побили	6	12	0,13	12
побальзай	9	1	0,01	1
по-моему	8	7	0,08	7
по-другому	10	1	0,01	1
по	2	15	0,16	15
плохо	5	6	0,07	6
племянница	10	1	0,01	1
племянники	10	1	0,01	1
племянник	9	2	0,02	2

Рис. 3. **Анализ частотности слов**

1. *Peirce Ch. S*. The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings. Edited by N. Houser and Ch. Kloesel. 2 Bde. Bloomington, 1992.
2. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 5 / под общ. ред. и сост. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: Бел. гос. ун-т, 2008. 271 с.
3. *Страусс А., Корбин, Дж*. Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники. М.: УРСС, 2001. 253 с.
4. *Kuckartz U., Grunenberg, H., Lauterbach, A*. Qualitative Datenanalyse computergestützt. Methodische Hintergründe und Beispiele aus der Forschungspraxis. Wiesbaden: VS Verlag, 2004.
5. *Kuckartz Udo*. Einführung in die computergestützte Analyse qualitativer Daten. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005.

Матей Карпински (Польша, Познань)

О ДИСКУРС-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

1. Вводные замечания и рабочие определения

Люди, также как и более простые виды живых организмов, познают окружающую реальность с помощью механизмов категориального восприятия. Для выживания видов эти механизмы имеют решающее значение, так как естественная сложность окружающей среды часто бывает губительной для них. С накоплением знаний и опыта люди все более успешно взаимодействуют (физически и ментально) с реальностью. Они используют ранее приобретенные категории, становясь при этом все менее и менее гибкими в адаптации своих ментальных представлений. Работа с дискурсом представляет собой нечто подобное. Чтобы «выжить», дискурс-аналитик должен классифицировать явления и абстрагироваться от некоторых присущих им естественных свойств. Разница состоит в том, по крайней мере до определенной степени, что процедуры научной классификации и описания категорий строятся (должны строиться) осознанно на основе систематических исследований. Конечно, полностью исключить предубеждения из научного процесса невозможно, а значит, всегда существует опасность «субъективности» и «предвзятости» исследований. Вместе с тем представление результатов исследования в доступных и понятных «человеческих» терминах может быть даже полезным.

Понятия *дискурс* и *дискурс-анализ* использовались применительно ко многим контекстам. Можно сказать, что часто ими даже злоупотребляли. До сих пор данные понятия не имеют четкого определения, чрезвычайно расплывчаты и неоднозначны. Дискурс-анализ часто изображается как нечто основанное на социальном конструктивизме [1] и связанное исключительно с социальными исследованиями. Социальные процессы, включая процесс коммуникации, не могут быть просто извлечены из контекста их развертывания и рассматриваться как «закрытые» или «законченные». А значит, дискурс-анализ едва ли может избежать субъективности, это «вечное приблизительное», он никогда не приведет к «окончательным» или «точным» результатам. К счастью, он предлагает упрощенные, но все же полезные модели дискурс-процессов. Еще одна сложность в методологии дискурс-анализа связана с тем, что дискурс-исследования часто соотнесены с идеологией, иногда еще и подкреплены ею, а также обусловлены текущей социальной или политической обстановкой (например, борьбой за гендерное или расовое равенство). В связи с этим неудивительно, что критический дискурс-анализ [2, 3] стал настолько популярным. Вместе с тем понятно и то, почему он сталкивается с серьезными методологическими проблемами.

Дискурс-анализ часто рассматривается как мультидисциплинарное или междисциплинарное, методологически гетерогенное направление [4; 5; 6; 7, с. 5–14]. Как будет показано ниже, в настоящее время дискурс-анализ включает корпусное исследование и выходит далеко за рамки качественной методологии. Существенное влияние на него оказывают психолингвистика и когнитивная наука. Многое он берет из формальной лингвистики и современной семантики (например, из динамической семантики). Формализованные, точные,

подвергающиеся вычислению дискурс-модели необходимы для развития речевых и языковых технологий, они могут быть применены, например, в системах распознавания и обработки речи. Последние, в свою очередь, предлагают дискурс-анализу компьютерные методы сбора, обработки и анализа данных, которые находят все более широкое применение в дискурс-исследованиях и оптимизируют их.

В предисловии к своей книге Яворски и Коупленд [8, с. 1–3] приводят десять известных, но существенно различающихся определений дискурса, сформулированных влиятельными в этой области исследователями. Перечень открывает дефиниция Стаббса, который понимает дискурс как «язык выше уровня предложения или высказывания» [9, с. 1]. Существуют также более развернутые дефиниции. Так, например, определение, предложенное Брауном и Йулом [10, с. 26], описывает дискурс как «динамический процесс, в котором язык используется говорящим или пишущим в качестве инструмента коммуникации в контексте для выражения смысла и достижения целей». Мы склонны понимать дискурс как процесс коммуникации, включающий нескольких акторов (субъектов) (не обязательно людей) и их окружение (частью которого являются и сами акторы). Такое определение согласуется со многими общепринятыми и охватывает очень широкий круг явлений (включая «национальный дискурс» или «социальный дискурс»). Однако для целей данного обзора целесообразно принять еще более узкую дефиницию дискурса и включить в нее только наиболее «постижимые» коммуникативные события, ограниченные во времени и пространстве, такие как, например, разговор двух или трех человек.

На выбор методов и приемов анализа дискурса влияют как цели исследования, так и особенности изучаемого материала. Так, Йоргенсен и Филлипс [1, с. 25–26] заявляют, что целью дискурс-анализа является выявление тех процессов и механизмов, которые в результате борьбы приводят к установлению доминирующих в обществе значений, некоторые черты которых настолько стилизованы, что мы думаем о них как о чем-то само собой разумеющемся. Они также отмечают [1, с. 189], что «целью дискурс-анализа является извлечение из материала значений, отличных от тех, которые находятся на поверхности». Душак [11, с. 37] ставит в центр внимания традиционного исследования дискурса «создание моделей в дискурс-структурах», а также «взаимосвязи и закономерности развертывания дискурса». Эти, равно как и многие другие формулировки, предоставляют аналитикам «свободу» выбора как объекта, так и методов исследования, что часто приводит к размытым и неясным определениям целей и средств самих исследований.

Мы видим *общую цель дискурс-анализа* в реконструкции дискурс-структур, то есть собственно дискурсных составляющих (категорий) и их взаимоотношений, а также динамики их взаимодействия с участниками и контекстом дискурса. Такая формулировка цели, оставляя возможность для различных детализаций, вполне подходит для исследований как формальных, так и психолингвистических.

Принимая во внимание многообразие подходов к определению и изучению дискурса, нельзя быть уверенным, что методы, применяемые различными дискурс-аналитиками, будут полностью совместимы и приведут к сопоста-

вимым результатам. И все же даже в этом разнообразии способов осуществления дискурс-анализа могут быть найдены некоторые общие черты и тенденции. Та процедура, которую мы здесь представляем, включает в себя два промежуточных этапа: выявление наличия соответствующих единиц дискурса (и их свойств) и изучение их взаимоотношений. Данный подход, предложенный в [12], здесь расширен и дополнен за счет ряда замечаний о свойствах элементов дискурса (его корпуса, базы данных), уровней анализа и «направления исследования» («сверху вниз» и «снизу вверх»). Тем не менее данный материал следует воспринимать не как общий обзор всей методологии дискурс-анализа, а только лишь как презентацию определенной точки зрения, одной методики и процедуры, поскольку многие важные аспекты дискурс-анализа нами не затрагиваются.

2. Корпус для дискурс-анализа

Обилие и сложность. Дискурс-анализ часто представляет собой работу с чрезвычайно богатыми, разнородными данными. Для того чтобы объяснить тот или иной коммуникативный процесс или событие, аналитик должен собрать всю потенциально значимую информацию о его пространственно-временном контексте. Физическое и ментальное состояния участников также играют важную роль, которую нельзя недооценивать. Понятно, что аналитик включает в свою базу данных (корпус исследования) не только то, что традиционно принято называть «лингвистическими данными». Следовательно, многие традиционные методы и приемы лингвистического анализа оказываются неэффективными при анализе таких данных. Также очевидно, что собрать «все потенциально значимые данные» никогда не удается. И даже те, которые, как правило, удается собрать, трудно охватить и проанализировать из-за их обилия и сложных взаимосвязей.

Нельзя сказать, что дискурс-аналитики отвергают важность просодии, качества голоса, жестов или мимики, однако эти факторы в рамках дискурс-анализа могут быть рассмотрены более серьезно только при наличии соответствующих технических возможностей. Запись звука стала возможна в XIX веке, а первые попытки использовать кинопленку в исследованиях межличностного общения предпринимались еще в 1940-х годах [13]. Но только в семидесятых годах XX века аудиозаписывающие устройства стали дешевыми и легковесными, и потребовалась еще приблизительно дюжина лет, чтобы произвести бюджетные, портативные видеокамеры приемлемого качества. Аудио- и видеозапись позволяет создавать архивы, детально изучать аудио- и видеоматериал, открывая при этом простор для развития различных видов анализа сигналов. Благодаря аудиозаписи можно систематично изучать просодию и качество голоса, а также отдельные фонетические явления, которые потенциально могут влиять на конечный смысл высказывания. Видеозаписи позволяют анализировать выражение лица, жесты, позы, а также взаимное расположение субъектов.

Собрания аудио- и видеоданных такого плана, хотя и могут иметь большое значение, в большинстве случаев не делают исследования более точными. Ценность таких данных возрастает лишь в случае их кодирования. Под коди-

рованием мы понимаем символическую репрезентацию процессов дискурса, учитывающую основные внешние факторы.

Кодирование. Даже в век высоких технологий основным инструментом исследователя разговорного дискурса является «ручное» транскрибирование. Часто именно с него начинается кодирование дискурса. Обычно оно используется для представления «вербального содержания», и соответственно, чаще всего основывается на системе письма и правил правописания, характерных для того или иного естественного языка. Такой подход, с одной стороны, предполагает много случайного и произвольного, а с другой – не учитывает огромное количество важных явлений дискурса.

Вскоре после появления «чисто орфографического» транскрибирования оно было расширено и дополнено рядом символов и условных обозначений (например, [14; 15]). Некоторые орфографические и пунктуационные правила были опущены. Так, запятые, точки и т. д. редко используются для осуществления своих «исходных» функций, поскольку невозможно объективно и последовательно судить о месте этих знаков в транскрипции высказываний. Для обозначения паралингвистических явлений (например, молчания или паузы, улыбки, смеха, плача, крика и т. д.) вводятся дополнительные символы. Во многих случаях орфографическая нотация заменяется фонетическими или фонематическими символами для более точного отображения процесса реализации высказывания. Цифровые технологии сделали транскрибирование аудио- и видеоданных еще более легким.

Транскрипционные схемы были разработаны в соответствии с теоретическими перспективами их авторов и целями конкретных исследований [16; 17; 18]. Благодаря наличию человеческого фактора транскрибирование также подразумевает и интерпретацию. Даже высококлассные специалисты по транскрибированию воспринимают и понимают коммуникативные явления по-разному. На восприятие и понимание может повлиять любое событие, предшествующее процессу транскрибирования. Многие решения в процессе транскрибирования принимаются под влиянием разнообразных и сложных контекстуальных факторов. Например, решение о том, какая помета должна быть использована для паузы – «длинная» или «короткая» (или, может быть, «средней длины»), – может зависеть от фонетического контекста (не только предшествующего), общего стиля разговора и темпа, длины и частотности соседних пауз и многих других факторов. Процедура «детального прослушивания» может привести к ошибочным результатам, потому что таким образом мы получаем больше информации об участнике изучаемого коммуникативного акта, чем требуется. Как следствие, повышенный уровень «информационного шума» в протоколе делает его трудным для чтения и анализа. Эта проблема связана с вопросами из разряда «эмических» и «этических» (по определению К. Пайка) перспектив исследования. На практике такие решения во многом зависят от целей исследования и планируемого применения его результатов. В определенном контексте значимым может оказаться точное измерение паузы (длительностью, например, в три секунды), а в другом – сопоставимо важным может стать комментарий «очень длинная пауза».

Кодирование может быть использовано не только при изучении «лексического содержания» высказываний. Просодия, качество голоса, жесты или

выражения лица не должны рассматриваться лишь как дополнения к лексико-синтаксической составляющей, но как естественные компоненты высказываний, влияющие в результате на общий смысл сказанного. Однако эти компоненты сами по себе зачастую являются сложными. Например, просодия иногда рассматривается как явление, состоящее из двух квазинезависимых компонентов – языкового и неязыкового [19]. В этой связи одна из проблем заключается в том, как практически распознать их в реальных высказываниях: как определить диапазоны их влияния на конечное звучание. Существующие методы интонационной разметки определенным образом модернизируются. Так, Грейб [20], помимо «языкового», фонологического пояснения просодии, предлагает еще и фонетический, чтобы охватить явления, которые могут не рассматриваться как часть фонологической системы того или иного языка, но по-прежнему вносят свой вклад в смысловую составляющую высказывания и интонационные изменения в его диалекты. Джассем [21] предлагает еще больше уровней анализа. Аналогичные вопросы в разных интерпретациях поднимаются и другими авторами.

Понятно, что работа над фонетической транскрипцией требует особой подготовки. Еще более трудоемким является процесс маркирования жестов, ведь жестикуляция может включать в себя движения не только рук, но и одновременно ног или головы, при этом каждое движение может иметь определенное значение в зависимости от своей траектории. Существует подход, базирующийся на использовании интуиции и опыта исследователя для идентификации принадлежности движения к определенным ранее обозначенным категориям. Такая процедура может сэкономить много времени, но приводит к субъективности и связанным с ней проблемам. С другой стороны, использование более «объективной» и подробной системы требует от специалистов по транскрибированию невероятных усилий: согласно Киппу и др. [22], чтобы записать три секунды видеоматериала с использованием этой системы, потребуется примерно час работы. Многоуровневые системы, применяемые для маркировки мультимодального дискурса, могут состоять из десятков независимых или иерархических уровней, и поэтому разделение всех пояснений на группы, описывающие квазинезависимые явления (например, движения левой и правой руки), часто является более удобным на дальнейших этапах различных исследований [23].

Существует ряд как бесплатных, так и платных программных продуктов, способных по крайней мере облегчить процесс кодирования, начиная с *Praat* или *WaveSurfer*, которые предназначены в основном для фонетического анализа и транскрибирования разговорной речи, и заканчивая *Elan* или *Anvil*, которые являются примерами превосходных программ для создания многоуровневых покадровых мультимодальных пояснений. Использование систем автоматического распознавания речи (automatic speech recognition — ASR) для фонематического транскрибирования и систем захвата движения (MoCap) было начато несколько лет назад, но и сейчас их возможности существенно ограничены, потому что сгенерированные машиной транскрипции часто приходится корректировать вручную.

Кодирование не заканчивается на уровне самых «поверхностных» компонентов высказывания (например, слова, вокализация, жесты). В большинстве

случаев дискурс-аналитики нуждаются в более высоком уровне (метауровне) изложения и маркируют записи с точки зрения, например, речевых актов, актов-диалогов или очередности реплик в диалогах. Многие из этих единиц не относятся непосредственно к категории «физических действий» (слова произносятся, жесты выполняются), но относятся, скорее, к ментальному уровню [24, 25]. Однако несмотря на то, что они являются более абстрактными, проблемы с кодированием остаются теми же (например, проблемы составления перечня категорий, их иерархии, методов идентификации, их границ и возможных взаимопересечений). Кодирование может распространяться также на отношения между объектами и иерархическую структуру дискурса. Эти вопросы будут затронуты в разделах, посвященных разделению дискурса и определению дискурсивных отношений.

Снизу вверх, но все еще сверху вниз. Так же как и процесс сбора данных кодирование обусловлено целями конкретного исследования и теоретическими взглядами исследователя. На него могут влиять и многие другие факторы. В результате мы часто получаем довольно избирательное и субъективно-символическое представление о некоторых явлениях дискурса. Отсюда возникает методологическая проблема: результат анализа может отражать, скорее, методику транскрибирования или сегментации, чем некоторые «фактические» особенности изучаемого материала. Избежать подобной опасности трудно, если не невозможно. Использование очень подробной и хорошо продуманной системы кодирования и наличие технической поддержки могут привести к получению более когерентной транскрипции и помогут избежать различий в восприятии информации специалистом по транскрибированию. С другой стороны, при этом может быть потерян «человеческий фактор». Предпочтительно найти некую «золотую середину»: автоматическое кодирование должно, по возможности, включать некоторые модели процессов человеческого восприятия, так чтобы машины могли сфокусировать внимание на восприятии определенных явлений. Иными словами, мы постигаем мир как люди и хотим, чтобы результаты изучения этого мира соотносились с нашими «человеческими» возможностями и способностями к восприятию и пониманию реальности.

3. Контекст

На процесс коммуникации оказывает влияние огромное количество факторов. Даже самые общие их классификации являются приблизительными, неточными, а составление полного универсального списка, который включал бы все факторы, – и вовсе невозможно. Затруднение вызывает и задача по предварительному определению тех факторов, которые предположительно значимы для описания того или иного коммуникативного события. Несмотря на то, что понятие *контекст* повсеместно используется в исследованиях дискурса, лишь немногим исследователям удалось предложить эффективные методы его идентификации и анализа. Похоже, что термин *контекст* следует использовать для описания совокупности всех имеющихся факторов и компонентов ситуации, которые каким-либо образом влияют на дискурс, но не являются его участниками. И все же граница между тем, что входит в понятие *контекст*, и тем, что к нему не относится, зачастую остается нечеткой.

Гланцберг [26] предлагает обзор современных способов понимания и использования понятия *контекст* в дискурс-анализе, опираясь на некоторые философские посылки. Т.А. ван Дейк предлагает рассматривать *контекст* с когнитивной точки зрения, а также подвергает критике ряд более ранних подходов [27, 28, 29, 30]. Существует также достаточно большое количество формально-ориентированных работ, посвященных *контексту* и его моделированию [31, 32].

Исследователи предпринимали множество попыток идентификации, классификации и организации (потенциальных) компонентов контекста. Хаймс предлагал свои *говорящие* парадигмы [33], а Льюис [34] разработал собственную классификацию, включающую в себя такие компоненты, как *время*, *место*, *говорящий*, *аудитория*, *обозначаемый объект*, *предыдущий дискурс* и *распределение* (понимаемое как бесконечные множества или последовательности вещей). Брауном и Фрейзером [35, с. 35] предложена сложная иерархическая схема организации компонентов *ситуации*, которая включает в себя два основных направления: *место действия* и *участников.* Тем не менее даже если известны некоторые общие структурные компоненты, в литературе практически отсутствуют пояснения относительного того, как выявить, описать и проанализировать контекст. Открытым остается и вопрос о механизмах референции, поскольку они определяют характер отношений между текстом и внешней реальностью, а также влияют на процесс развертывания разговора. Всесторонний обзор этих вопросов, включающий также некоторые проблемы мультимодальной референции, был недавно опубликован Кибриком [36].

Вопрос вызывает также и то, на что же на самом деле влияет контекст. К списку можно отнести многое, в том числе психическое и физическое состояние участников, их физическое или «чувственное» взаимодействие или более абстрактные переменные, такие как «поток/развертывание дискурса» (который, в свою очередь, может быть выражен через более конкретные переменные, например прерывание, наложение дискурсов, паузы и т. д.). В любом случае трудно отрицать двустороннюю зависимость: не только «внешние факторы» определяют дискурс, но и дискурс может влиять на «внешнюю реальность».

Контекст динамичен. Он изменяется с течением времени, так как последующие действия (в том числе высказывания) становятся «прошедшим» и начинают составлять часть контекста, изменяют его или изменяются под его влиянием (например, [37]). Так происходит «приращение» – рост объема информации во времени и динамическое изменение смысла. Один из возможных подходов к этой проблеме предлагает динамическая семантика. В лингвистике динамическая семантика применялась, например, в теории репрезентации дискурса (Discourse Representation Theory – DRT) [38] и была подвергнута критике. В дальнейшем ее развили Ашер и Ласкаридес в своей сегментированной DRT. Объясняя процесс развития и обновления дискурса, они заменили принцип «присоединения» на более сложные механизмы риторических отношений [39].

Поскольку некоторые из важных особенностей контекста постепенно включаются в ментальные репрезентации (или уже существуют там), сами репрезентации способны вступать во множество сложных процессов, которые, в свою очередь, «формируют» или «влияют» на рисунок контекста с точки зре-

ния участников дискурса. С другой стороны, некоторые важные контекстуальные факторы могут не найти своего отражения в ментальных репрезентациях, так как их владельцы (собеседники) не осознают их важность или даже их существование.

Время и пространство в качестве контекста. Время как абсолютное, так и относительное, играет несколько ролей в дискурсе, некоторые из них упоминаются или изучаются достаточно редко. События в дискурсе распределены по оси времени, но их временные границы иногда не очень четкие. Относительная временная отдаленность от определенных событий может повлиять на их контекстуальные роли и на процесс общения. Временная конфигурация событий может повлиять на способы их восприятия и понимания. Но время также используется как средство выражения. Долгая безмолвная пауза может обеспечить необходимый контекст для важного заявления**.**

Конечно, *время* в качестве измерения дискурса играет и другие важные роли, которые не имеют отношения к физическому контексту дискурса, но могут способствовать формированию психического или физического контекста. Для людей время связано с забыванием. Обработка дискурса носит постепенный характер: участники дискурса накапливают, расширяют или обогащают ментальные репрезентации того, что было сказано и сделано. Но развитие представлений, особенно в «реальном времени», обозначает необходимость абстрагирования от некоторых фактов, которые со временем могут забыться.

Время также является категорией согласования. Определенные виды деятельности (например, речь и жесты), как правило, синхронизируются в процессе создания когерентного мультимодального сообщения. Так, МакНейл предлагает [40] три «правила синхронности» (см. также [41]; более поздние исследования см., например, [42] или [23]). Участники коммуникативного акта также проявляют тенденцию к взаимному «навязыванию» речевого поведения (включая вокабуляр, синтаксис, просодию, жесты и др.) [43; 44]. Отсутствие синхронности и особенности «навязывания» также могут создавать прагматические значения и смыслы.

Общение имеет место в физическом пространстве. Даже если стороны разделяет значительное расстояние или они не могут видеть друг друга, каждая из них занимает некоторое пространство и использует его в своем коммуникативном поведении. Взаимное пространственное расположение людей может иметь важное значение в процессе их взаимодействия [45; 46]. То, что собеседник сидит на более высоком стуле, может указывать на его более высокий статус в группе. Если человек стоит на коленях, это указывает на его унижение или поклонение. Когда мы отворачиваемся от собеседника, это может сигнализировать о завершении диалога. Существуют и гораздо более тонкие аспекты поведения, связанные с взаимным расположением взаимодействующих сторон.

Снаружи и внутри. Контекстуальные факторы можно найти во внешней, физической среде, а также и в самих участниках дискурса (они могут носить как физический, так и ментальный характер). Головная боль или сломанная нога участника дискурса могут выступить в качестве сильных контекстуальных факторов. Люди формируют представления о мире и

воспринимают его сквозь призму своих предубеждений. В процессе восприятия их разум также продуцирует «собственные» факты или фильтрует входящую «чувственную» информацию. Аффективный фактор также может сыграть большую роль во многих коммуникативных ситуациях. Как краткосрочные эмоции, так и долгосрочное отношение к себе, к другим участникам дискурса или обсуждаемым темам могут оказать большое влияние и изменить ход коммуникации. В таком случае провести границу между контекстом и неконтекстом становится крайне сложно.

4. Разделение дискурса на части

Аналитики сегментируют дискурс так, чтобы получить отрезки, релевантные предполагаемым типам анализа и характеру данных дискурса. Как следствие разделение дискурса в каждом конкретном исследовании во многом зависит от теоретического подхода автора и его целей. В этой связи постулат Манна и Томпсона [47] о том, что единицы текста в исследовании дискурса (в частности, для анализа RST) должны соответствовать классификации, нейтральной по отношению к какой бы то ни было теории, является труднореализуемым. Основной вопрос заключается в характере того, что делится, и характере полученных сегментов. То есть это вопрос теоретического статуса «единиц дискурса», а также практических аспектов их применения. Сегментация дискурса иногда понимается в буквальном смысле как сегментация транскриптов (которые сами по себе являются результатами предшествующего выполнения процедур сегментации, например разделения потока речи на слова или фразы). Однако фактическая сегментация обычно осуществляется на более абстрактных уровнях, и это может быть лишь частично отражено при помощи орфографических или фонетических транскрипций. Это означает, что дискурс-единицы высшего уровня определяются и используются самими аналитиками во время работы с записями или транскрипциями.

К настоящему времени исследователи выделяют различные единицы дискурса, которые отличаются как размером, так и уровнем абстракции. Бенвенист рассматривает дискурс целиком как поведенческую единицу, как совокупность высказываний [48, с. 208–209]. Ван Дейк [49] в качестве единицы дискурса выделяет *эпизод*. Во многих случаях целесообразно использовать более мелкие и более простые единицы. Шауэр и Хан [50] утверждают, что в качестве элементарных единиц дискурса могут служить препозиционные фразы. Деганд и Саймон [51] предлагают определять минимальные единицы дискурса на основании синтаксиса и просодии. В принципе, они принимают и следуют определению Селтинга о *поворотной конструктивной единице* [52] как «наименьшей влияющей соответствующей полной языковой единице в заданном контексте, которая строится с использованием синтаксических и просодических ресурсов в пределах их семантического, прагматического, специфического для определенного типа деятельности и последовательного (…) контекста» [53, с. 477]. Поланьи [54, с. 5] определяет *составную единицу дискурса* (Discourse Constituent Unit – DCU) как «контекстуально проиндексированное представление информации, переданной посредством семиотического жеста с учетом одиночного или частичного состояние дел в мире дискурса». В своих более поздних работах автор также вводит понятие *элементарных DCU* (см.,

например, [55]) и предлагает некоторые единицы, специально предназначенные для анализа диалога (повороты, обмен, последовательности и т. д.). Траум и Хееман [56] указывают на многочисленные слабые места «единиц высказывания», применяемых в анализе диалога, и делают попытку осмыслить это понятие более основательно. В своей недавней работе Ашер и его коллеги [57] обосновывают выделение как «элементарных единиц дискурса» (elementary discourse units – EDU), так и «сложных единиц дискурса» (complex discourse units – CDU, состоящие из двух, трех или более EDU). Система моделирования единиц дискурса, от элементарных до сложных, представленная в работе Шауэра [58], также интересна и актуальна. Следует отметить и попытки автоматической сегментации дискурса на основании акустических свойств речевого сигнала (например, паузы, частота основного тона, громкость). При наличии значительного корпуса аудиозаписей и основательного контроля за коэффициентом ошибок такой подход разумно применять в количественных исследованиях.

Лингвистические объекты и ментальные процессы. Один из возможных подходов к сегментации дискурса сводится к поиску в потоке речи единиц языка (слов, фраз, предложений и др.) без учета их «психологического» контекста. Такой подход, скорее всего, так или иначе вдохновлен идеей включения дискурс-анализа непосредственно в традицию лингвистического исследования без существенных изменений в концепции исследования. Однако «языковые единицы», такие как *слог*, *слово* или *предложение*, редко имеют четкое определение, и чаще всего являются бесполезными для анализа спонтанной речи. Более того, существует и вопрос учета актуального использования. Является ли искаженное «фактическое слово» приемлемой реализацией лексической единицы? По-прежнему ли плохо сформированная синтаксическая фраза является синтаксической фразой? Насколько гибкой может быть идентификация и категоризация высказываний и их компонентов? Эти вопросы имеют очень серьезные практические последствия для транскрибирования и аннотирования речи. Среди аналитиков наметилась тенденция сосредоточиваться на ментальных явлениях и процессах, которые отражены в потоке дискурса и являются его «движущей силой». Это относится главным образом к намерениям и обязательствам, а также к механизму привлечения внимания. Гросс и Зиднер [25] утверждают, что намерения говорящего обеспечивают основу для определения того, какие высказывания принадлежат к тому или иному сегменту дискурса. Литманн и Пассоно [59] сделали попытку эмпирически изучить взаимосвязь между сегментами дискурса и намерениями. Теория речевых актов, а также более поздние подходы, основанные на понятии *диалоговых актов*, в принципе, не функционируют на лингвистическом уровне. Большинство из них более или менее явно связано с намерениями, а также некоторыми специфическими ментальными состояниями и процессами. Бунт [31, с. 144] определяет *диалоговый акт* как «сочетание коммуникативной функции и семантического содержания». Однако в более поздних работах *диалоговый акт* рассматривается им также как поведенческая единица, определяемая как «единица в семантическом описании коммуникативного поведения, производимого отправителем и направленного на адресата,

устанавливающая, как поведение должно повлиять на контекст через понимание поведения» [60, 61]. *Диалоговый акт* также определяется как «эффект, оказываемый высказыванием на контекст» [62, с. 5].

Но к намерениям как к предмету изучения, также как и ко многим другим непрерывным ментальным процессам, невозможно получить непосредственный доступ даже с применением современных приемов нейровизуализации. Как следствие процесс анализа может предполагать обтекаемость формулировок. Намерения обнаруживаются и идентифицируются на основе поведенческих сигналов (доступных в высказываниях), которые считаются проявлениями или симптомами этих намерений. Затем аналитики предполагают, что намерения были фактически идентифицированы, и сообщают что-либо об их свойствах, но свойства идентифицированных намерений на самом деле являются свойствами, неявно предполагаемыми заранее.

Проблема становится еще более серьезной, если учесть тот факт, что одно высказывание может реализовывать целый ряд функций. Можно предположить, что различные функции могут быть вызваны различными (почти) одновременными намерениями или (если применить другой подход) что намерения сами по себе являются составными объектами, включающими несколько различных целей или задач. Использование многоуровневых систем обозначений и аннотация, включающая иерархические структуры, также могут привести к проблемам. Попеску-Белис [63] указывает, что одномерные системы могут быть более удобными и эффективными с точки зрения возможности вычисления. Он также выдвигает предположение относительно новых стандартов в обозначении диалоговых актов, говоря о том, что они должны предлагать не «готовые» таксономии, но оптимальные пути их разработки. На самом деле во многих исследованиях, в которых используются существующие таксономии диалоговых актов, аннотационные схемы были скорректированы для целей исследования и с учетом специфики материала.

Вертикаль и горизонталь. Дискурс представляет собой многоуровневый процесс. Одним из способов его разделения на «слои» является разграничение и выделение его модальностей или связанных с модальностью каналов. Несмотря на то, что модальные компоненты высказываний (вербальный компонент, просодический компонент, выражение лица, жесты, позы и т. д.), как правило, последовательно связаны между собой в рамках одного коммуникативного намерения, они могут работать и независимо друг от друга, а также могут образовывать «неожиданные» сочетания, производя, например, эффект иронии. Обычно, чтобы избежать интермодальных влияний, жесты и речь транскрибируются отдельно друг от друга (например, видимые пики жестов могут каким-либо образом сказаться на восприятии выделений в речи). Но поскольку как речь, так и жесты могут быть «прочитаны» как передающие независимые сообщения, дискурс-аналитик должен быть (за некоторыми очевидными исключениями) заинтересован в получении значения *полного* мультимодального сообщения.

Другой подход к «расщеплению» дискурса основан на идее многофункциональности. Общепринято, что каждое высказывание может иметь ряд функций, которые реализуются более или менее единовременно. Такой подход выдвигают Бунт и его коллеги в своей системе обозначений диалоговых актов

DIT++ [64]. Система DIT++ основана на теории динамической интерпретации, которая первоначально была разработана для информационных диалогов и имеет отношение к некоторым другим влиятельным системам аннотации (например, DAMSL [65]). Бунт и его коллеги различают *коммуникативные функции с общей целью* (которые могут быть применены к семантическому содержанию любого рода) и *коммуникативные функции, относящиеся к конкретному измерению* (которые включают *функции, относящиеся к домену* и *функции управления диалогом*). Предложенная авторами таксономия является относительно сложной, и в последних вариантах она была расширена при помощи *квалификаторов*, которые могут быть «присоединены» к коммуникативным функциям, чтобы сделать их более конкретными [66].

5. Поиск взаимосвязей дискурса

Лингвисты всегда искали взаимосвязи не только в каждой подсистеме языка, но и между текстом и говорящим (прагмалингвистика), между языковым поведением и соответствующими ментальными состояниями (психолингвистика) или социальным контекстом (социолингвистика). Лингвистика текста обратила внимание на изучение отношений между (или среди) отрезками текста. Однако постепенно стало ясно, что без учета внетекстовых связей многие исследования оказываются неадектатными. Отсылки к «внешней реальности» (в том числе другим текстам) оказываются необходимыми для понимания сообщений. Возникает вопрос: существуют ли какие-либо взаимосвязи, присущие самому тексту? Различные слушатели могут строить различные ментальные представления конкретного текста, что означает существование различных способов понимания. Один и тот же текст может восприниматься автором как когерентный, а реципиентом как некогерентный. Поэтому согласованность следует рассматривать как процесс, имеющий место в сознании человека, а не как объективное свойство заданной последовательности высказываний [67]. Соответственно, взаимосвязи дискурса также могут быть определены как динамические ментальные конструкции или процессы, которые реализуются в ходе производства и понимания дискурса. Взаимосвязи могут быть построены, адаптированы, отменены или просто забыты. Они могут быть различной силы и важности и по-разному влиять на обработку дискурса. Опять же, как это было в случае с единицами дискурса, аналитики работают в основном на уровне ментальных процессов, а не напрямую с текстами или языковыми единицами.

Интересный подход предлагает теория Гроша и Зиднера [25]. В ней (Grosz & Sidner Theory – GST) подчеркиваются два аспекта дискурса: цель и обработка. Авторы полагают, что для объяснения различных явлений дискурса во внимание должны быть приняты три компонента: (а) языковая структура, (б) интенциональная структура и (в) состояние внимания. Дискурс может делится на сегменты (discourse segment – DS), каждый из которых имеет свою цель (discourse segment purpose – DSP) и так или иначе вносит вклад в цель всего дискурса (discourse purpose – DP). Определены только две структурные взаимосвязи между DSP: *доминирование* и *приоритет удовлетворенности*.

Гораздо более сложная система взаимосвязей предложена Манном и Томпсоном [68] как часть теории риторической структуры (rhetorical structure

theory – RST). Риторические взаимосвязи разделяются на пары или группы участков текста. Любые неперекрывающиеся участки конкретного текста могут иметь риторическую взаимосвязь. Они не обязательно должны быть соседними (последовательными), или иметь такой же размер или статус (например, название текста может быть связано с его оставшейся частью). Поскольку единицы, присоединенные посредством одного типа связей, могут стать новыми единицами для взаимосвязей более высокого порядка, с помощью RST проводится анализ результатов в иерархических структурах, которые обычно представлены в виде деревьев. Репертуар описанных взаимосвязей достаточно широк, но является открытым и предполагает наличие еще неописанных связей.

Манн и Томпсон часто ссылаются на *эпизоды текста* (определяемые как «непрерывные интервалы текста» [69, с. 4]) как на объекты (единицы), между которыми существует взаимосвязи и которые могут функционировать в качестве *ядер* или *спутников* риторических взаимосвязей. При этом определения собственно взаимосвязей четко показывают, что они относятся к объектам более абстрактным, нежели тексты (понимаемые здесь как последовательность письменных знаков). Например, следующее условие включено в определение взаимосвязи ОПРАВДАТЬ: *Спутник восприятия Читателя повышает готовность Читателя принять право Писателя представить Ядро.* Несмотря на то, что авторы определяют единицы исследования через «текстовый уровень», кажется, что взаимосвязи больше относятся к ментальным состояниям *Писателя* и *Читателя*. С определенными ментальными состояниями или процессами ассоциируются и «цели сегмента дискурса» (discourse segment purposes – DSP) в GST. И все же мы полагаем, что взаимосвязи определяются на многих уровнях, которые не обязательно явно заявлены исследователями.

Различия в репертуарах взаимосвязей могут обусловливаться как обобщенными теоретическими основаниями (например, предполагаемым уровнем анализа), так и очень практическими требованиями. Как и в случае с единицами дискурса, детальные классификации могут привести к снижению уровня внутренней согласованности исследования, тогда как менее развитые классификации не могут обеспечить достаточную детализацию. Теория Гроша и Зиднера выделяет два основных типа взаимосвязей, что, с одной стороны, способствует большей последовательности в обозначениях, но, с другой стороны, не приводит к достаточно подробным, информативным результатам. Вряд ли можно рассчитывать на получение единой, универсальной классификации взаимосвязей дискурса. Хови и Майер [70] предприняли попытку соединить и таксономизировать более четырехсот взаимосвязей, предложенных междисциплинарной группой исследователей. Им удалось систематизировать (построить иерархию) порядка 70 отношений. И хотя это исследование дает представление о возможной сложности системы взаимосвязей дискурса, оно не может рассматриваться как окончательный ответ на вопрос об их количестве и свойствах.

Другая постоянно возникающая проблема заключается в том, что объекты, которые имеют взаимосвязи, так или иначе определяются характером самих взаимосвязей, или, наоборот, типы взаимосвязей так или иначе определяют характер единиц, на которые они могут распространяться. Неудивитель-

но, что выбор подхода к обозначению взаимосвязей, в каждом исследовании зависит от выбора подхода к выделению единиц анализа. Наиболее важные свойства объекта часто определяются тем, как они взаимосвязаны с другими объектами. Это приводит к очевидному выводу, что в каждом конкретном случае аналитик должен использовать взаимно совместимые системы единиц и взаимосвязей дискурса.

С подобными или даже более сложными проблемами могут сталкиваться исследователи, осмелившиеся искать такие типы взаимосвязей, которые существуют между объектами различной природы, например между говорящим и его высказываниями. На наш взгляд, включение подобных взаимосвязей в круг объектов дискурс-анализа – необходимый шаг на пути построения более точных и реалистичных моделей дискурса.

6. Заключение

Дискурс-анализ выходит далеко за пределы традиционной лингвистики. Осуществляя переход от полидисциплинарности к междисциплинарности, методология дискурс-анализа нашла свое место где-то между свободными наблюдениями и более или менее формальными или экспериментальными подходами. Большинство традиционных методов исследования больше не удовлетворяют текущим потребностям [71], а новые, заимствованные из корпусной лингвистики и когнитивных исследований, до сих пор используются в пробном режиме. Развитие новых технологий позволяет легко осуществлять сбор высококачественных аудио- и видеоданных, компьютерное транскрибирование и тегирование, а также прогрессивный статистический анализ дискурсных данных. Тем не менее технологии с их особыми требованиями и возможностями ограничивают исследователя и влияют на ход и результаты анализа дискурса.

В заключение еще раз перечислим основные вопросы практики дискурс-анализа, которые были нами затронуты:

- Нельзя недооценивать важность соответствующих процедур сбора данных. Поскольку на этом этапе исследования предубеждения и скрытые предположения аналитика уже имеют место, желательно четко описать и обосновать собственные пути и процедуры, так как они могут сильно влиять на результаты анализа.
- Кодирование является важным этапом исследования. Оно может реализовываться в разных вариантах, от непредвзятой орфографической транскрипции до тегирования единиц, взаимосвязей и т.д. в рамках той или иной теории. Подробное, систематическое и четкое кодирование обеспечивает не только богатые данные для компьютерного анализа, но и обеспечивает возможность верификации результатов исследований. Процедуры кодирования (особенно транскрибирование) иногда рассматриваются как всего лишь «технические действия», тогда как кодирование на самом деле уже включает анализ.
- Мультимодальный анализ дискурса является обязательным (особенно когда рассматривается межличностная коммуникация). Невозможно объяснить разнообразие коммуникативных явлений, если не принимать во внимание все используемые в них модальности и каналы. Качество голо-

са или выражение лица может исказить или полностью изменить смысл любого «вербального» сообщения.

- Максимально точные определения основных понятий, в том числе дискурса и дискурс-анализа, могут оказаться полезными на всех этапах исследования. «Рабочие определения», принятые специально для конкретного исследования, приветствуются и являются оправданными. Хотя вопрос о том, является ли *дискурс* объективно существующим объектом, находится в компетенции философов, для лингвистов будет «безопаснее» относиться к нему как к искусственному понятию, перестать спорить о его определениях и принять тот факт, что в различных исследовательских контекстах могут оказаться более эффективными и полезными различные подходы.
- Уровень анализа может варьироваться от физического до абстрактного (например, жесты могут быть описаны как движения тела с определенной траекторией, но также и как специфические признаки, речь может изучаться с точки зрения ее акустических свойств, но также и как семантическое сообщение), и это зависит от теоретического обоснования и целей исследования. Иногда имеет смысл работать на нескольких уровнях одновременно.
- Размер классификаций единиц дискурса или взаимосвязей между ними может варьировать от двух взаимосвязей в GST до десятков в RST, от трех основных категорий речевых актов [72] и пяти подкатегорий иллокутивных актов [73] в теории речевых актов до десятков категорий диалоговых актов, формирующих относительно сложную иерархию в DIT++.
- Направление анализа вряд ли может быть однозначно определено, поскольку подходы «сверху вниз» и «снизу вверх» смешиваются и «перетекают» друг в друга (как это происходит при обработке человеческого языка), обеспечивая верификацию.
- Дискурс-анализ выходит за рамки чисто качественных исследований. Дискурс-анализ может многое позаимствовать у корпусной лингвистики. Некоторые предложения по этому поводу приведены, например, в [74]. Беднарек [75] предлагает трехэтапную процедуру анализа дискурса, включающую крупномасштабный компьютерный анализ корпуса, полуавтоматический маломасштабный анализ корпуса и ручной анализ отдельных текстов. Бибер с соавторами [76] называют семь основных аналитических шагов, в результате которых можно выявить обобщенную структуру дискурса. Они включают (1) коммуникативную или функциональную категоризацию, (2) сегментацию, (3) классификацию, (4) лингвистический анализ каждой единицы, (5) лингвистическое описание категорий дискурса, (6) описание структуры текста и (7) тенденций организации дискурса.
- Анализ и синтез всегда пересекаются в дискурс-анализе и предполагают друг друга. Когда дискурс разделяют на части, это делается только для того, чтобы показать, каким образом они сочетаются друг с другом.
- Вопрос о стандартах относится не только к наборам тегов и их применению, но и к более ранним этапам исследования, которые включают экспериментальную разработку или сбор данных. Стандарты в исследовани-

ях коммуникации часто предопределены используемой технологией (стандарты и передовая практика описаны в [77]).

Этот краткий и выборочный общий обзор все же показывает дискурс-анализ как чрезвычайно богатую и сложную область междисциплинарных исследований. Выход за пределы субъективных наблюдений и теоретических спекуляций на абстрактных уровнях требует огромного исследовательского потенциала и усилий. В большинстве случаев только мультидисциплинарные исследовательские команды могут добиться на этом поприще существенных результатов. Учитывая сложность изучаемых явлений, область исследования обычно сужается. Несмотря на сознательные и неосознаваемые ограничения, результаты дискурс-исследований могут быть исключительно полезными, поскольку изучение дискурса означает изучение человеческой природы.

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить профессора Владислава Заброцкого за конструктивные замечания, а также моих коллег из исследовательской группы DiaGest в Центре обработки языка и речи AMU за наше долгосрочное сотрудничество, которое, безусловно, повлияло на мой подход к анализу дискурса.

---

1. *Jørgensen M., Phillips L.* Discourse Analysis as Theory and Method. SAGE Publications, 2002.
2. *Fairclough N.* Language and Power. Longman, 2001.
3. *Wodak R., Meyer M.* Methods of Critical Discourse Analysis. SAGE Publications, 2001.
4. *Schiffrin D.* Approaches to Discourse. Oxford: Blackwell, 1994.
5. *Bondarouk T., Ruël H.* Discourse analysis: making complex methodology simple // Proceedings of the Twelfth European Conference on Information Systems / T. Leino, T. Saarinen, S. Klein [Eds.]. Turku, 2004. P. 266–279.
6. *Glynos J., Howarth D., Norval A., Speed E.* Discourse Analysis: varieties and methods. Discussion Paper. NCRM. (Unpublished), 2009.
7. *Greasser A.C., Gernsbacher M.A. Goldman, S.* Handbook of Discourse Processes. Mahwah – London: Lawrence-Erlbaum Associates Publishers, 2003.
8. *Jaworski A*. & Coupland, N. (eds.) The Discourse Reader. London: Routledge, 1999.
9. *Stubbs M*. Discourse Analysis. *Chicago*: University of Chicago Press, 1983.
10. *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
11. *Duszak A.* An overview of research in discourse studies // Discourse, of course. John Benjamins. 2009. P. 37–51.
12. *Karpiński M. Struktura i intonacja polskiego dialogu zadaniowego* (*Structure and Intonation of Polish Task-oriented Dialogues*). Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2006.
13. *Jones R.* Data collection and transcription in discourse analysis: A technological history // Companion to discourse analysis / K. Hyland & B. Paltridge (eds.). London: Continuum, 2011.
14. *Du Bois J.W., Schuetze-Coburn S., Cumming S., Paolino D.* Outline of discourse transcription // Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research / J. A. Edwards, M. D. Lampert (eds). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1993. P. 45–89.
15. *Gumperz J.J., Berenz N.B.* Transcribing conversational exchanges // Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research / J.A. Edwards, M.D. Lampert (eds). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1993. P. 91–121.
16. *Ochs E.* Transcription as theory // Developmental pragmatics / E. Ochs, B. Schieffelin (eds.). New York: Academic Press, 1979. P. 43–72.

17. *Edwards J.A.* Principles and contrasting systems of discourse transcription // Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research / J.A. Edwards, M.D. Lampert (eds). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1993. P. 3–31.
18. *Edwards J.A.* The transcription of discourse // Handbook of Discourse Analysis / D. Schiffrin, D. Tannen, H.E. Hamilton (eds.). Oxford: Blackwell, 2001.
19. *Gussenhoven C.* The Phonology of Tone and Intonation. Cambridge: CUP, 2004.
20. *Grabe E*. Intonational variation in urban dialects of English spoken in the British Isles // Regional Variation in Intonation / P. Gilles, J. Peters (eds.). Tuebingen: Niemeyer, 2004. P. 9–31.
21. *Jassem W.* Classification and organization of data in intonation research // Phonetics and its Applications. Festschrift for Jens-Peter Köster / A. Braun, H.R. Masthoff (eds.). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2002. P. 289-297.
22. *Kipp M., Neff M., Albrecht I.* An Annotation Scheme for Conversational Gestures: How to economically capture timing and form (pre-print) // Journal on Language Resources and Evaluation. Special Issue on Multimodal *Corpora*. Vol. 47, 3–4, 2007. P. 325–339.
23. *Karpiński M., Jarmołowicz-Nowikow E., Malisz Z., Szczyszek M., Juszczyk J.* Rejestracja, transkrypcja i tagowanie mowy oraz gestów w narracji dzieci i dorosłych. (Recording, transcription and tagging of speech and gestures in child and adult narration) // Investigationes Linguisticae. Vol. XVI. 2008.
24. *Kreutel J., Matheson C.* Information States, Obligations and Intentional Structure in Dialogue Modelling // Proceedings of the 3rd International Workshop on Human-Computer Conversation. Bellagio. 2000.
25. *Grosz B., Sidner C.* Attention, Intention, and the Structure of Discourse // Computational Linguistics. Vol. 12 (3). 1986. P. 175–204.
26. *Glanzberg M.* Context and Discourse // Mind and Language. Vol. 17 (4). 2002. P. 333–375.
27. *Dijk T.A., Van*. Cognitive context models and discourse. Event London 1, no. Faucormier 1985. 1997. P. 189–226.
28. *Dijk T.A. Van*. Context models in discourse processing // The construction of mental representations during reading. L. Erlbaum Associates, 1999. P. 123–148.
29. *Dijk T.A. Van.* Discourse, context and cognition. Discourse Studies 8. 2006. № 1. P. 159–177.
30. *Dijk T.A. Van*. Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach. Cambridge: CUP, 2008.
31. *Bunt H.C.* Dialogue pragmatics and context specification / H.C. Bunt & W.J. Black (eds.) Computational Pragmatics, Abduction, Belief and Context; Studies in Computational Pragmatics. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 81–150.
32. *Morante R., Keizer S., & Bunt H.C.* A dialogue act based model for context updating. Proceedings of the eleventh international conference on the semantics and pragmatics of dialogue (DECALOG 2007). Trento, Italy, 2007. P. 9–16.
33. *Hymes D.* Models of the interaction of language and social life // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication / J. Gumperz & D. Hymes (eds.). New York: Holt, Rinehart, Winston, 1972.
34. *Lewis D.* General semantics // Semantics for Natural / D. Davidson, G. Harman (eds.). Language. Reidel, Dordrecht, 1972. P. 169–218.
35. *Brown P. & Fraser C.* Speech as a marker of situation // Social markers in speech / K. R. Scherer & H. Giles (eds.). Cambridge: CUP, 1979. P. 33–62.
36. *Kibrik J.* Reference in Discourse. Oxford: OUP, 2011.
37. *Lewis K.S.* Understanding Dynamic Discourse (PhD Thesis, unpublished). New Brunswick, New Jersey, 2011.
38. *Kamp H.* A theory of truth and semantic representation / J. Groenendijk, T. Janssen, and M. Stokhof [eds.] Formal Methods in the Study of Language. Amsterdam: Mathematisch Centrum, 1981. P. 277–322.

39. *Asher N. & Lascarides A.* Logics of Conversation. Cambridge: CUP, 2003.
40. *McNeill D.* Hand and Mind, Chicago: University of Chicago Press, 1992.
41. *Kendon A.* Some relationships between body motion and speech // Studies in Dyadic Communication / A. Seigman & B. Pope (eds.). Elmsford, New York: Pergamon Press, 1972. P. 177–216.
42. *Leonard T. & Cummins F.* Temporal alignment of gesture and speech // Proceedings of GESPIN – Gesture & Speech In Interaction. Poznan, Poland, 2009. P. 24–26.
43. *Garrod S., Pickering M. L.* Joint action, interactive alignment, and dialog // Topics in Cognitive Science. Vol. 1 (2), 2009. P. 292–304.
44. *Cummins F.* Rhythm as entrainment: The case of synchronous speech. Journal of Phonetics, 37, № 1, 2009. P. 16-28.
45. *Kendon A.* Conducting Interaction: Patterns of Behavior in Focused Encounters. Cambridge: CUP, 1990.
46. *Kendon A.* Spacing and orientation in co-present interaction. Lecture Notes in Computer Science, 5967, pp. 1Allen, J. & Core, M. 1997. Draft of DAMSL15, 2010.
47. *Mann W.C. & Thompson S.A.* Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. Text, 8 (3). 1988. P. 243–281.
48. *Beneveniste E.* Problems in general linguistics CoralGables: University of Miami Press. 1971.
49. *Dijk Van T*. Episodes as units of discourse analysis / Deborah Tannen (ed.) // Analyzing Discourse: Text and Talk. Georgetown: Georgetown University Press, 1981. P. 177–195.
50. *Schauer H., Hahn U.* Phrases as carriers of coherence relations // Proceedings of the 22nd Annual Meeting of the Cognitive Science Society, 2000. P. 429–434.
51. *Degand L., Simon A.C*. Minimal Discourse Units: Can we define them, and why should we? // Proceedings of SEM-05. Connectors, discourse framing and discourse structure: from corpus-based and experimental analyses to discourse theories / Aurnague M., Bras M., Le Draoulec A., Vieu L. (eds). Biarritz, 2005. P. 65–74.
52. *Sacks H., Schegloff E. A, Jefferson G.* A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. Language, 50, 1974. P. 696–735.
53. *Selting M.* The Construction of Units in Conversational Talk. Language in Society, 29 (4), 2000. P. 477–517.
54. *Polanyi L.* The Linguistic Structure of Discourse (unpublished; available on the author's web page), 1995.
55. *Polanyi L.* The Linguistic Structure of Discourse // Handbook of Discourse Analysis / D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton (eds.). 2001. P. 265–281.
56. *Traum D., Heeman P.* Utterance Units in Spoken Dialogue Dialogue Processing in Spoken Language Systems // Lecture Notes in Artificial Intelligence / E. Maier, M. Mast, M., S. LuperFoy (eds.). Heidelberg: Springer-Verlag, 1997, P. 125–140.
57. *Asher N., Venant A., Muller P., Afantenos S.* Complex discourse units and their semantics. Proceedings of Constraints in Discourse Workshop. Agay, France. 2011.
58. *Schauer H.* From elementary discourse units to complex ones. Proceedings of the 1st SIGDial Workshop. Hong-Kong, 2000.
59. *Passoneau R., Litman D.J.* Intention-based segmentation: Human reliability and correlation with linguistic cues // Proceedings of the 31st Meeting of the Association for Computational Liguistics. 1993. P. 148–155.
60. *Bunt H., Romary L.* Towards multimodal content representation // Proc. LREC Workshop on International Standards of Terminology and Language Resources. Las Palmas, ELRA. 2002.
61. *Bunt H.C.* A Framework for Dialogue Act Specification. Proceedings of the Fourth ACL/SIGSEM Working Group on Representation of Multimodal Semantic Information. Tilburg, 2005.

62. *Popescu-Belis A.* Dialogue Acts: One or More Dimensions? ISSCO Working paper no 62. 2005-2007.
63. *Popescu-Belis A.* 2008. Dimensionality of Dialogue Act Tagsets: An Empirical Analysis of Large Corpora. Language Resources and Evaluation. Vol. 42, 1. 2008. P. 99–107.
64. *Bunt H.C.* The DIT++ taxanomy for functional dialogue markup // Proceedings of EDAML@AAMAS, Workshop Towards a Standard Markup Language for Embodied Dialogue Acts. 2009. P. 13–24.
65. *Allen J., Core M*. Draft of DAMSL: Dialog Act Markup in Several Layers. (unpublished), 1997.
66. *Petukhova V., Bunt H*. Introducing communicative function qualifiers // Proceedings of ICGL 2010, Second International Conference on Global Interoperability for Language Resources. Hong Kong, 2010.
67. *Givón T*. Coherence in mind vs. coherence in text // Coherence in Spontaneous Text / M. A. Gernsbacher & T. Givón (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1995. P. 9–116.
68. *Mann W.C., Thompson S. A.* Rhetorical Structure Theory: description and construction of text structures // Technical Report No. ISI/RS-86–174). Marina del Rey, CA: Information Sciences Institute, 1986. P 1-15.
69. *Mann W.C., Thompson S. A.* Rhetorical Structure Theory: A Framework for the Analysis of Texts // IPRA Papers in Pragmatics. Vol. 1. 198. P. 1-21.
70. *Hovy E.H., Maier E.* Parsimonious or Profligate: How Many and Which Discourse Structure Relations? (Unpublished manuscript available at www.isi.edu/natural-language/ people/hovy/papers/93discproc.pdf). 1993.
71. *Antaki C., Billig, M., Edwards, D., Potter, J.* Discourse Analysis Means Doing Analysis: A Critique Of Six Analytic Shortcomings // Discourse Analysis Online. Vol. 1, no. 1. 2003.
72. *Austin J.L.* How to Do Things With Words. Cambridge (Mass.) 2005. Harvard University Press, 2nd edition, 1962.
73. *Searle J.* Indirect speech acts // Syntax and Semantics 3: Speech Acts / P. Cole & J. L. Morgan [eds.]. New York: Academic Press, 1975. P. 59–82.
74. *Baker P.* Using Corpora in Discourse Analysis. London – New York: Continuum, 2006.
75. *Bednarek M*. Corpora and discourse: a three-pronged approach to analyzing linguistic data // Selected Proceedings of the 2008 HCSNet Workshop on Designing the Australian National Corpus: Mustering Languages, Cascadilla Proceedings Project / M. Haugh, K. Burridge, J. Mulder, P. Peters (eds.). Sommerville, MA, 2009.
76. *Biber D., Connor U., Upton T.* Discourse on the Move: Using Corpus Analysis to Describe Discourse Structure. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
77. Handbook of Standards and Resources for Spoken Language Systems / Gibbon D., Moore R., Winski R. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.

Татьяна Кожарина (Беларусь, Минск)

СТРУКТУРНО-НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОННОТАТИВНЫХ ТОПОНИМОВ В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

С введением в лингвистический репертуар функционально-семантического направления, перед исследователями открылась новая перспектива изучения языковых единиц, в частности топонимов. Обращение к изучению топонимов в единстве их функционирования на уровне языка и речи продиктовано многогранностью топонимической единицы как емкого носителя *экстралингвистического знания*, несущего указание на *географический объект* и являющегося органичной составляющей языкового отражения *человеческой*

деятельности. Наблюдение за тем, как такие коннотативные единицы актуализуют те или иные значения в зависимости от места появления в (макро)тексте, а также описание динамики их содержания, задают таким исследованиям статус *дискурс-исследований*.

Мы предлагаем нарративный и структурный анализы текстовой репрезентации коннотативных топонимов в газетном дискурсе.

Распределение коннотативных топонимов, в том числе и в составе связанных сочетаний, по сильным[1] и слабым позициям, в исследованном корпусе можно представить следующим образом[2]:

в *сильных позициях*: в заголовках, подзаголовках – 20 %; в концовках – 30 %; в зачине – 15 %; в слабых позициях – 35 %.

Заголовок. В составе заголовка топоним, представляющий собой результат семантического переосмысления прецедентной ситуации, ориентируется на основную идею статьи. Так, например, автор статьи *Vers un «Grenelle de la santé»?* [L'Humanité, le 24 Mai 1997] букв. «К Гренель в здравоохранении?» отсылает читателя к майским событиям 1968 г., когда между правительством и представителями профсоюзов в здании министерства труда на улице Гренель в Париже велись напряженные переговоры по реформированию политической системы во Франции. В современном французском языке топоним *Grenelle* стал использоваться в значении «переговоры» с импликацией социально-политической напряженности:

Un premier pas vers un Grenelle des services publics [L'Humanité, le 17 Juin 2003].	*Первый шаг к переговорам по реформированию общественных служб* [L'Humanité, 17 июня 2003].
Pour un Grenelle des prix agricoles [L'Humanité, le 3 Mars 2004].	*За переговоры о ценах на сельскохозяйственную продукцию* [L'Humanité, 3 марта 2004].
Un Grenelle de l'assurance chômage [L'Humanité, le 23 Oct. 2003].	*Переговоры по страхованию от безработицы* [L'Humanité, 23 октября 2003].
Michel Muller Pour un Grenelle de la presse [L'Humanité, le 30 Mai 2003].	*Мишель Мюллер за переговоры по реформированию прессы (букв. «Мишель Мюллер за Гренель прессы»)* [L'Humanité, 30 мая 2003].

Анализируя деятельность в Европе сект, преследующих интересы США, автор с помощью заголовка *Les sectes, cheval de Troie des Etats-Unis en Europe* [Le Monde Diplomatique, Mai 2001] букв. «Секты, троянский конь США в Европе» в концентрированной форме передает основную идею статьи.

[1] Сильные позиции текста (к ним, как правило, относят прежде всего формально выделенные части текста, его конец и начало, включая заголовок, подзаголовок, первые строки абзаца) расцениваются как «...опорные точки для вероятностного прогнозирования читателем круга возможных обобщений и стратегий смыслового восприятия текста в целом» [1, с. 31].

[2] Всего изучено 13070 контекстов использования коннотативных топонимов.

Непосредственно в самом заголовке с помощью коннотативного топонима в составе связанного сочетания дается характеристика какого-либо явления общественно-политической жизни:

Les licenciements pleuvent comme à Gravelotte [L'Humanité, le 4 Oct. 1993].

Увольнения сыплются как при Гравелот [L'Humanité, 4 октября 1993].

Смысл данного сравнения, впрочем, как и всей статьи, может остаться неясным реципиенту, если в его сознании не будет актуализирована ситуация, отсылающая к одному из крупнейших сражений франко-прусской войны – битве при Гравелот. Этот исторический факт, ассоциирующийся с огромными потерями для французов, являет собой прецедент для новой, уже коннотативной ситуации – массовые увольнения на крупных предприятиях.

Понимание заголовка *Florence, ville forum aux allures de Babel* [L'Humanité, le 8 Nov. 2002] букв. «Флоренция, город-форум, напоминающий Вавилон» невозможно без актуализации прецедента «вавилонское столпотворение», в результате чего появляется характеристика города – «шумное место, где много людей, говорящих на разных языках».

Используя топоним *Waterloo* «Ватерлоо» в заголовке статьи *Waterloo sur piste* [L'Humanité, le 26 Déc. 2000] букв. «Ватерлоо на лыжном спуске», посвященной неудачному выступлению французских спортсменов в соревнованиях по лыжному спорту, автор, оценивая достижения французской команды, вводит идею «краха, поражения», связанную с разгромом французской армии при Ватерлоо.

Зачин. Использованный в самом начале газетной статьи (15 % общего числа выделенных контекстов), коннотативный топоним вводит координаты описываемого «кусочка действительности», участвуя в перспективе повествования. Так, например, в аналитической статье «Спектакль пропаганды», где речь идет о крупнейших медийных фальсификациях XX века, автор в качестве показательного примера включает в контекст топоним *Timisoara* «Тимишоара»:

IL s'est trouvé des gens, nombreux, pour dire en voyant à la télévision les images des cadavres de civils retirés du soi-disant "bunker" de Bagdad: "On ne nous refera pas le coup de Timisoara." Timisoara, la "révolution en direct", ce fut l'apothéose de l'image et la fin de l'image, de l'image comme trace du réel [Le Monde Diplomatique, Mai 1991].

Нашлись люди, многие, чтобы сказать, видя по телевизору картины трупов в штатском, которых доставали из так называемого бункера Багдада: «Нам больше не нанесут удар Тимишоары». Тимишоара, «революция в прямом эфире», стала апофеозом изображения и концом изображения, изображения как отпечатка реальности [Le Monde Diplomatique, май 1991].

Проводя параллель с событиями 1989 г. в Румынии, когда по телевидению были показаны тысячи якобы погибших в результате восстания против политического режима Н. Чаушеску людей, которые, как выяснилось позже, оказались небольшой группой неизвестных, автор статьи констатирует полную утрату доверия к телевидению.

В следующем примере с помощью коннотативного топонима в составе связанного сочетания *de France et de Navarre* «повсюду, повсеместно» автор указывает на массовый характер, описываемой в статье ситуации:

Il y a quelques semaines, un livre en format de poche a été distribué gratuitement et massivement dans les lycées de France et de Navarre pour "offrir aux lycéens préoccupés de leur avenir des exemples de parcours réussis" [Le Monde Diplomatique, Juil. 1994].

Несколько недель назад, книга карманного формата раздавалась бесплатно и в массовом масштабе в лицеях от Франции до Наварры с тем, чтобы «предложить лицеистам, обеспокоенным своим будущим, примеры успешных жизненных путей» [Le Monde Diplomatique, июль 1994].

В приведенном контексте речь идет о французских школах, которые, пренебрегая республиканскими ценностями, с ведома министерства национального образования, готовят учащихся ко всевозможным конкурсам, финансируемым крупными предприятиями.

А в статье «Раффарен в образе г-на Журдена идеологии» автор, употребляя топонимическое выражение *aller à Canossa* «пойти на унизительные уступки», говорит о вынужденных действиях премьер-министра, обусловленных политикой Л. Ферри в сфере образования:

En chargeant son malencontreux ministre de l'Éducation – si peu goûté par les enseignants – d'annoncer la suspension des décrets d'application de la réduction des allocations logement pour les étudiants, Jean-Pierre Raffarin va à Canossa par Ferry interposé [L'Humanité, Sept. 2003].

Поручая своему злополучному министру образования – так плохо оцененного преподавателями – объявить о приостановлении декретов, касающихся сокращения пособий на жилье для студентов, Жан-Пьер Раффарен направляется в Каноссу с помощью Ферри [L'Humanité, сентябрь 2003].

Сравнивая Ж.-П. Раффарена с героем комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», автор статьи иронизирует по поводу комичности ситуации, в которой оказался премьер-министр, вынужденный прекратить оказание материальной помощи студентам.

Концовка. Конец статьи важен тем, «...что это единый компонент текста, актуализирующий категорию завершенности» [2, с. 130]. Для автора концовка принципиально носит индивидуально-заданный характер.

В конце статьи (30 % общего числа выделенных контекстов) топоним со вторичной семантикой обеспечивает высокую экспрессивность текста при экономии языковых средств:

Margot, elle, du haut de ses vingt et un ans, estime qu'il n'y a finalement pas de système idéal. «Regardez les jeunes en contrat CES, s'exclame l'étudiante. On les a tellement avilis qu'ils se satisfont de leurs 2.500 francs à la fin du mois. Il faut les comprendre, pour eux c'est Byzance» [L'Humanité, le 3 Mars 1995].

Марго же, с высоты своих 21 года, считает, что идеальной системы не существует. «Посмотрите на молодежь, работающую по трудовому контракту солидарности, восклицает она. Их настолько унизили, что они будут довольствоваться 2500 франками в конце месяца. Их нужно понять, для них это Византия» [L'Humanité, 3 марта 1995].

Причем, если в русском языке топоним *Византия* развивает переносные значения *государственные интриги* [3], то во французском – *роскошь, великолепие, изобилие* [4].

Заставляя читателя декодировать то имплицитное, что заключено в прецедентном характере коннотативного топонима, автор с помощью связанного сочетания с топонимом *muraille de Chine* в значении «непреодолимая преграда» выражает определенную позицию относительно описываемого им события:

Le ministre socialiste ose casser les tabous du tout-économique, de la croissance quantitative, de l'égoïsme sacré des nations. Il débouche même sur l'utopie qui seule permettrait la domination de la puissance économique planétaire, un pouvoir mondial capable de l'impulser. C'est à ce prix que le pouvoir politique sortira de sa muraille de Chine pour affronter de nouveau l'avenir [Le Monde Diplomatique, Oct. 1988].

Министр-социалист осмеливается ломать табу всего экономического, количественного прироста, священного эгоизма наций. Он приходит даже к утопии как к единственной идее, которая позволила бы доминирование планетарной экономической мощи, мировой силы, способной дать толчок. Именно такой ценой политическая власть выйдет из-за Китайской стены, чтобы вновь лицом к лицу встретиться с будущим [Le Monde Diplomatique, октябрь 1988].

В данном примере автор обобщает политические взгляды министра окружающей среды Италии Дж. Руффоло, сравнивая сложившуюся тупиковую ситуацию с непреодолимой преградой, своеобразной китайской стеной, на пути к будущему прогрессу.

В статье, где речь идет о деятельности основателя сюрреализма А. Бретона, автор, используя коннотативный топоним *Landerneau* «Ландерно»[1] в финальной позиции, подчеркивает закрытость интеллектуальных элит:

[1] Ландерно – коммуна в департаменте Финистер в регионе Бретань. В качестве коннотативного топонима *Landerneau* используется для обозначения места с ограниченным доступом, элитарного клуба и т.д. («не для всех»): *le Landerneau culturel, le Landerneau économique*.

André Breton l'exilé ne s'y résignait pas, et ce fut déjà une bouffée d'oxygène pour notre Landerneau [Le Monde Diplomatique, Sept. 2003].

Отправленный в изгнание Андре Бретон не смирился с этим, и это было уже глотком воздуха для нашего Ландерно [Le Monde Diplomatique, сентябрь 2003].

Подытоживая основные положения отчета комиссара ЕС по телекоммуникациям, автор статьи проводит параллель с Рубиконом, акцентируя внимание на важности принятых решений:

Le second (1997) franchit le Rubicon: la convergence des télécommunications, des médias et des technologies de l'information remet en cause les principes sous-jacents aux différences de traitement réglementaire à la fois entre les secteurs et les Etats membres. Il convient donc, par exemple, de soumettre l'audiovisuel et les télécommunications à une norme simplifiée dictée par les forces du marché [Le Monde Diplomatique, Sept. 2001]

Второй (зд. отчет) (1977) переходит Рубикон: совместимость телекоммуникаций, средств информации и информационных технологий выносит на пересмотр скрытые принципы в различиях нормативной обработки одновременно между секторами и государствами-членами. Таким образом, решено, например, аудиовизуальные и телекоммуникационные средства подчинить упрощенной норме, продиктованной рынком [Le Monde Diplomatique, сентябрь 2001]

Актуализация фрейма. Интересная стилистическая игра коннотативных топонимов в газетно-политическом тексте отмечается в случаях, когда автор усиливает одновременно и начальную, и конечную позиции, создавая при этом своеобразную рамку. Посвящая статью «Контрапункт», написанную после событий 11 сентября в Нью-Йорке, американскому литературоведу и культурологу арабского происхождения Эдварду Саиду, палестинский поэт М. Дарвиш с первых строк сравнивает Нью-Йорк то с Вавилоном, то с Содомом, актуализируя тем самым значения «хаос, беспорядок», «порочное место, жители которого достойны уничтожения»:

New York. Novembre. 5e Avenue. Le soleil est une soucoupe éclatée. A l'ombre, j'ai interrogé mon âme étrangère: Cette ville est-elle Babylone ou Sodome?

Нью-Йорк. Ноябрь. 5 Авеню. Солнце в форме расколотого блюдца. В тени я спросил свою чужую душу: Этот город, это Вавилон или Содом?

В конце статьи, подытоживая жизненный путь Э. Саида, автор отвечает на поставленный вопрос и резюмирует вышесказанное:

A ma visite dans la nouvelle Sodome, en l'an deux mille deux, il résistait à la guerre de Sodome contre les gens de Babylone et au cancer. Dernier héros épique, il défendait le droit de Troie à sa part du récit [Le Monde Diplomatique, Jan. 2005].

Во время моего визита в новый Содом, в 2002 году, он противостоял еще войне Содома против людей Вавилона и рака. Последний эпический герой, он защищал Троянское право на свою часть рассказа Le Monde Diplomatique, январь 2005].

Использование нескольких коннотативных топонимов библейско-мифологического характера не только привлекает внимание читателя, но и позволяет удерживать его до конца, погружая адресата в контекст описываемых событий.

Вместе с тем в исследуемом корпусе срединная часть текста нередко оказывается экспрессивно отмеченной благодаря своеобразной игре коннотативных топонимов на линии эквивалентно-контрарных отношений их вторичной семантики. Появление нескольких топонимов с переносным значением в текстовых позициях, обычно квалифицируемых как слабые (35 % общего числа выделенных контекстов), по сути, приводит к образованию новой сильной позиции – в середине текста. При этом заметна тенденция усиливать прагматическое воздействие на реципиента за счет синонимического или антонимического сопоставления топонимов.

Вводя в срединный контекст такие стилистические синонимы, как Ватерлоо, Трафальгар, Березина, автор концентрирует внимание читателя на наиболее значимых моментах статьи, позволяя, таким образом, расставить необходимые акценты:

À défaut de Waterloo, la France a connu hier son Trafalgar. Gros temps, grosse canonnade et choc de deux armadas qui tourne au profit des Anglais. La Coupe du monde s'arrête pour les Français à cette demi-finale perdue 24-7 [L'Humanité, le 17 Nov. 2003].

Вместо Ватерлоо, Франция познала вчера свой Трафальгар. Буря, канонада и столкновение двух армад обернулись в пользу англичан. Кубок Мира закончился для французов на этом полуфинале, проигранным 24-7 [L'Humanité, 17 ноября 2003].

Сравните взаимодействие тех же синонимических средств и в другом контексте:

«Avant de vouloir jouer les grands d'Europe, y feraient mieux de commencer par battre les amateurs». Bérézina en Coupe d'Europe, Waterloo en Coupe de la Ligue, Trafalgar en Coupe de France: le carnet de bataille de quelques clubs de Ligue 1 est déjà bien plein [L'Humanité, le 11 Jan. 2003].

«Прежде чем хотеть участвовать в крупных матчах Европы, было бы лучше начать выигрывать у любителей». Березина на Кубке Европы, Ватерлоо на Кубке Лиги, Трафальгар на Кубке Франции: журнал сражений некоторых клубов Первой Лиги уже достаточно полон [L'Humanité, 11 января 2003].

Еще более интересная игра коннотативных топонимов наблюдается при их антонимическом сопоставлении:

Les Waterloo d'aujourd'hui ont quelque chose à voir avec les prétendus Austerlitz d'hier. L'affaire Alstom est certainement l'acte le plus symptomatique et l'un des plus révoltants d'une tragédie industrielle, financière et sociale dont les trois coups ont été frappés il y a un moment déjà. Ce désastre s'inscrit dans une dérive bien antérieure et aux expressions multiples, perceptible y compris dans la période de "croissance Jospin". Les Waterloo d'aujourd'hui ont en effet quelque chose à voir avec les prétendus Austerlitz d'hier [L'Humanité, le 7 Oct. 2003].

Сегодняшние Ватерлоо имеют что-то общее с так называемыми вчерашними Аустерлицами. Дело Алстом, несомненно, является наиболее показательным и одним из самых возмутительных событий промышленной, финансовой и социальной трагедии, три удара которой были нанесены еще не так давно. Эта катастрофа, вписывающаяся в гораздо более ранний сдвиг и в разнообразные выражения, ощутима уже и в период «расцвета Жоспена». Сегодняшние Ватерлоо действительно имеют что-то общее с так называемыми вчерашними Аустерлицами [L'Humanité, 7 октября 2003].

В приведенном контексте автор, вводя в текст одновременно два «прагматически нагруженных» топонима, повторяя их в начале и в конце абзаца, акцентирует внимание читателя на противоречивости и одновременно на взаимообусловленности фактов действительности, указывая, что причины сегодняшних поражений следует искать во вчерашних победах. См. также антонимические противопоставления по той же схеме:

Le premier ministre se croyait à Verdun. C'était la Berezina. Ses troupes, ses inspirateurs avaient fui les premières lignes sous la tempête [L'Humanité, le 29 Mars 1994].

Премьер-министр полагал, что он в Вердене. Но это была Березина. Его войска, его вдохновители сбежали с передовых позиций, увидев бурю [L'Humanité, 29 марта 1994].

M. Giraud qui, face au mouvement des jeunes, se croyait à Verdun alors qu'il était déjà à Waterloo, est décidément inénarrable [L'Humanité, le 6 Avr. 1994].

М. Жиро, который перед лицом молодежного движения полагал, что он в Вердене, в то время как он уже был в Ватерлоо, выглядит весьма забавно [L'Humanité, 6 апреля 1994].

В приведенных примерах описывается ситуация во Франции в 1994 г., когда правительством Э. Балладюра для борьбы с безработицей среди молодежи было принято решение о введении контракта профессиональной интеграции, однако условия предложенного контракта вызвали волну протестов со стороны студентов и профсоюзов. Впоследствии Э. Балладюр был вынужден отменить введение данного контракта.

Можно заключить, таким образом, что в начале текста коннотативный топоним используется как некая «загадка» к содержанию (реципиент подготавливается к «декодированию»), а в конце – с помощью топонима указывается «ключ к разгадке». А поскольку всякий газетный текст, по замечанию Ю.М. Лотмана, обобщает, то завершается тем или иным образом не данное единичное событие, а конструкция мира в целом [5] (ср. *дискурс-картина мира*). Являясь средством привлечения внимания, коннотативные топонимы, в том числе и в составе связанных сочетаний, участвуют в перспективе повествования, выполняют оценочно-характеризующую функцию, отражают позицию автора (его иронию, насмешку, одобрение) и интенсифицируют сильные текстовые позиции. В то же время несколько коннотативных топонимов в срединной части текста способствуют появлению особой сильной позиции в газетно-политическом тексте. В этом случае прагматическое воздействие топонимов возрастает за счет актуализации синонимических и антонимических возможностей их вторичной семантики.

1. *Арнольд И.В.* Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностр. язык в школе. 1978. № 4. С. 23–31.
2. *Лазарева Э.А.* Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. Вып. 19: Проблемы образования, науки и культуры. № 40. С. 158–166.
3. *Ратникова И.Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск: БГУ, 2003.
4. *Гак В.Г.* Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библейскими фразеологизмами) // Вопр. языкознания. 1997. № 5. С. 55–65.
5. *Малышева В.А.* Топонимы и оттопонимические единицы в лексической системе одного говора: дис. … канд. филол. наук. Пермь, 1993.

4
«НОВЫЕ» И «СТАРЫЕ» ТИПЫ ДИСКУРСА В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ СЛАВИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Алла Кожинова (Беларусь, Минск)

ОБРАЗ МИРА В ДРЕВНЕМ СЛАВЯНСКОМ ДИСКУРСЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИНТРОВЕРТИРОВАННОСТИ ДРЕВНИХ ДИСКУРСОВ

Утверждение о том, что в основе каждого дискурса лежит концептуальный образ мира, уже не нуждается в доказательствах. Обычно предполагается, что в сознании каждого человека существует некоторое количество подобных образов, применяемых в определенных ситуациях. Характер подобных моделей, их число и способы употребления зависят как от самого человека, так и от среды и условий, в которых он существует, в которых не последнюю роль играет конкретная историческая эпоха. Можно предположить, что образ мира, на основе которого создается дискурс, может быть удален от действительности в большей или меньшей степени. На глубину этой удаленности влияют не только реальные условия протекания человеческой деятельности, но и правила, на нее накладываемые, имманентные, а часто и эксплицированные в специальных руководствах, а также законы построения дискурса, отражения в дискурсе реальности.

Вопрос, связанный с проблемой присутствия реальности в том образе мира, который закладывается в основу создания дискурса, представляется очень важным. Думается, что анализ дискурса в отличие от анализа текста связан именно с исследованием единицы высшего языкового уровня с точки зрения ее экстралингвистического функционирования, связей с реальностью и с возможностью обратного воздействия на отражаемую реальность [1].

Подобный образ мира не однороден, но представляет собой неопределенное множество, единицами которого являются концепты. Концепты взаимодействуют между собой, объединяются и противопоставляются, связываясь таким образом в некоторое единое целое с границами, открытыми для поступления новых концептов.

Под основным источником концептов понимается, прежде всего, человеческая деятельность. С одной стороны, это деятельность, направленная на существование человека в окружающем его мире и обустройство этого мира, с другой стороны, это речевая деятельность, одной из важнейших задач которой является обустройство человеческого сознания. Общим для двух этих видов деятельности, по-видимому, можно считать то, что и в одном, и в другом случае осуществляется коммуникация, общение человека с себе подобными, которая предполагает наличие знакового элемента.

Таким образом, система концептов, структурирующая человеческое сознание и определяющая его мировоззрение, и, в конечном итоге, образ мира, строится, с одной стороны, под давлением текстов действительности, продуктов человеческой работы в мире, поскольку человек начинает свою жизнедеятельность не с самостоятельного созидания, а с освоения созданного. Постепенно он сам включается в процесс взаимодействия с реальностью, используя

ту систему концептов, которая у него сложилась, и не только преобразует (или пытается преобразовать) реальность, но и соответствующим образом корректирует свое сознание.

С другой стороны, концепты формируются при помощи вербальных дискурсов. Говоря об участии языка в построении мыслительных структур, следует учитывать, что язык проникает в сознание человека исключительно в виде речевых продуктов. Если говорить об этой второй стороне формирования образа мира более подробно, то следует отметить, что информация, проникающая этим путем, будет, по крайней мере, двоякого рода. Во-первых, это атомарная информация, привносимая элементарными лексическими и грамматическими значениями. Во-вторых, это полный смысл дискурса (но выводимый, как известно, из значений отдельных лексем), готовый слепок действительности, изготовленный иным человеческим сознанием, действительности, нередко не известной сознанию реципиента. «Один из аспектов влияния текстов на язык состоит в том, что те или иные фрагменты знаковых текстов или даже целые тексты прямо отражаются в новых производимых текстах с осознанным или неосознанным представлением о том, что они улучшат способ передачи мыслей в производимом тексте и будут способствовать его адекватному пониманию и большей эффективности. Это представляется связанным с тем, что то или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенные отношения производимого текста с предшествующими, т.е. включает его в вертикальный контекст языкового универсума, в тот словесный мир, который создается... языком и в котором мы живем» [2].

Образ мира, созданный подобным путем, оказывает обратное влияние на породившие его структуры. Устанавливая коммуникацию с себе подобными, человек производит свои собственные дискурсы, где усвоенные значения неминуемо преобразуются, и эти значения-тропы «либо подчиняются регламентациям языкового кода, либо представляются отклонениями от него, диктуемыми adhoc [случаем]» [3]. Отклонения от языкового кода вносят изменения в сам языковой код, который начинает обратное влияние на систему концептов.

Следовательно, комплексный образ мира в сознании человека складывается как за счет реальной действительности, так и за счет действительности идеальной, концентрирующейся в сознании человека в основном под воздействием дискурсов. Этот образ мира делится на определенное количество сфер, причем поведение человека (в том числе и речевое) определяет отдельный, более или менее независимый от других, виртуальный образ мира. Можно предположить, что некоторые из этих образов будут складываться под преимущественным влиянием реальности, другие, наоборот, воспримут в качестве своей основы иллюзорную действительность, привнесенную чужими дискурсами и идеальной системой языковой семантики.

Также и дискурсы, продуцируемые человеком, можно разделить на два типа. Первый можно определить как экстравертированный тип, поскольку лежащий в его основе образ мира питается информацией, поступающей преимущественно из реальности. Примером абсолютизации подобных способов создания образа мира, лежащего в основе художественного дискурса, является литература, основанная на принципах позитивизма, процветавшая в Европе и

Америке второй половины XX века. Трудно судить, насколько подобный принцип построения дискурса имеет право на существование: «Мало найдется в истории человеческого общества идеологических концепций, столь же враждебных самим основам искусства, как позитивизм, с его неприятием воображения, отрицанием любых идеалов, вульгарным материализмом и плоским утилитаризмом» [4]. Другой пример неизбежности дискурсивных построений, опирающихся на экстравертированный образ мира, – это современный публицистический дискурс, живо реагирующий на все изменения окружающей действительности. Именно на анализ подобного рода продукта направлены, в частности, усилия Т.А. ван Дейка и его школы [5,6].

Второй тип дискурса можно определить как интровертированный, поскольку на формирование образа мира действительность, окружающая создавшего его человека, не оказывает существенного влияния, и все концепты, формирующие этот образ, складываются под влиянием чужого опыта. Разумеется, чаще всего мы имеем дело с дискурсами смешанного типа, в которых взаимодействие подлинной и мнимой информации дополняется также и вкладом самого порождающего сознания, вносящего в производимый дискурс и свой собственный взгляд на мир. Таким смешанным характером отличаются и крупные модели сознания, при построении которых исследователи стремятся представить мировоззрение не только отдельного человека, но и целого социума, мировоззрение, определяющее все или по крайней мере большинство сторон его жизни. Таким универсальным характером отличается, например, модель мира в концепции В.В. Иванова и В.Н. Топорова, их сотрудников и последователей [7,8]. Однако как эта модель создается при анализе разнородных текстов, так и при помощи ее можно создавать множество текстов, каждый из которых будет в большей или меньшей степени принадлежать к одному из описанных выше типов и которые, соответственно, обнаружат в объединенной модели множество частных виртуальных образов мира.

Приступая к построению образа мира, лежащего в основе любого дискурса, следует определить 1) каковы были законы его построения; 2) соответствует ли им рассматриваемый дискурс. В каждую эпоху, как известно, обнаруживаются произведения, нарушающие определенные законы, но зато прекрасно вписывающиеся в принципы иного исторического периода.

Рассмотрение древнего славянского дискурса, по крайней мере, в его разновидности, созданной на церковно-славянском языке, целесообразно начать с творений Кирилла Туровского. Все исследователи его творчества, начиная с К. Калайдовича, открывшего творения туровского епископа для новой литературы, а вернее, литературной критики, сходятся в том, что они весьма типичны для той эпохи. Доказательством этого, во-первых, является то, что произведения Кирилла Туровского охотно переписывались, распространялись (см. перечень списков и редакций, которым И.П.Еремин сопроводил издание литературного наследия Кирилла Туровского) [9], а также исследования Т.А. Алексеевой [10]. Во-вторых, в пользу популярности Кирилла Туровского, а следовательно, соответствия его произведений вкусам эпохи и литературному закону, свидетельствует то, что ему, с одной стороны, приписывали авторство чужих произведений, а с другой – его собственные творения могли быть отчуждены в пользу иного проповедника [11].

Популярность творений туровского епископа, приведшая к их широкому употреблению и репродуцированию, создает дополнительные трудности для текстолога. Однако для решения проблемы построения образа мира такая популярность, а следовательно, и всеобщая приемлемость, типичность творений Кирилла Туровского представляет дополнительные преимущества, поскольку дает возможность экстраполировать подобную модель на большинство литературных произведений того времени и достаточно достоверно представить структуру сознания, лежащую в их основе. Разумеется, такая модель будет лишь одной из возможных – выше уже было сказано о множественности конструкций, при помощи которых человек пытается подчинить себе действительность.

Несмотря на то, что в результате исследования может получиться лишь одна из возможных когнитивных моделей (ср. замечание У. Эко о том, что «текст может быть «распробован» только на одном из своих содержательных уровней» [12], она представляет не сознание отдельного человека, но коллективное сознание той эпохи. О коллективности средневекового творчества вспоминалось неоднократно [13], при этом отмечалось, что имя автора в заглавии средневекового творения свидетельствует «не об авторстве, а об авторитете, не о том, кто выразил в тексте свою индивидуальность, а только о том, кто поручился за доброкачественность текста» [14]. Ссылки на Кирилла как на автора текста были часты, следовательно, авторитет его был высок, и многие из пишущих и читающих отождествляли его модель мира со своей. Таким образом, полученный в результате исследования конструкт может претендовать на универсальность представления средневекового славяно-русского сознания. В частности, факт, что некоторые списки творений Кирилла Туровского датируются XVIII веком, свидетельствует о том, что данная модель сознания просуществовала достаточно долго. Более того, Е. Голубинский считал ее приемлемой и для современного ему религиозного сознания: «Слова Кирилла Туровского... представляют собою совершенно такие же ораторские произведения, как слова современных нам ученых проповедников. Если перевести их на русский язык и сказать, что они принадлежат такому-то современному проповеднику, то разве самый тонкий знаток дела не будет введен в обман» [15].

Универсальность творений Кирилла прежде всего объясняется подражанием византийским образцам. В первых критических исследованиях, написанных в XIX веке, это рассматривалось как один из наибольших недостатков его творчества, делавшего его непонятным для паствы, например, см. следующие высказывания: «Византийское влияние не поддерживало художественных стремлений, не содействовало литературному развитию народа» [16]; «...наклонность проповедника к риторическим украшениям и стремление давать всему аллегорическое толкование делают их [слова и поучения – А.К.] искусственными и витиеватыми и трудными для понимания» [17]. Новейшая критика смягчила оценки, по-иному взглянув на произведения средневековой литературы. В современных исследованиях совершенно иначе оценивается образовательный уровень людей того времени: «Широкое употребление слов и образов в творчестве св. Кирилла Туровского, связанный и с его стремлением к поэтическому аллегоризму Священного писания, предполагает довольно высокий уровень богословско-литературного образования не только у него,

что подчеркивало его древнее жизнеописание, но также у слушателей–читателей его произведений» [18]. Указывалось также на особый характер заимствований в произведениях древних книжников: «Едва ли правомерно по отношению к средневековому автору говорить об использовании «чужого текста». Может быть корректнее обсуждать использование «традиционного текста» в традиционном тексте, например, св. Кирилла» [19]. Обилие библейских цитат в молитвах епископа Кирилла не делало текст молитвы неприемлемым для жителя Турова XII веке, наоборот, «решившись на разговор с Богом, человек хватается за наиболее безопасный способ – разговаривает с Ним его собственными словами, призывает на помощь уже раскрытые образы, поступки, слова и пробует примерить их к себе» [20]. Наличие шаблонов и схем было признано обязательной чертой средневековой литературы [21]. А.С. Орлов писал: «Русская книжность разлагается на ряд шаблонов... составные черты их были отвлечены в ряд определенных композиций от реальной действительности, но это произошло еще в культуре, предшествовавшей средневековью, в России же этими чертами пользовались как чисто книжными» [22].

Таким образом, признается, что туровский епископ не был механическим подражателем византийским образцам, наоборот, наличие в его дискурсах диалогических отношений с произведениями великих предшественников является необходимой чертой, характеризующей литературу того времени. Пути формирования модели для древнеславянского книжника были достаточно сложны. Она создавалась на основе шаблонов и схем, сходных с теми, которые использовали его предшественники, по крайней мере, с IV века. Эта модель определяла не только внутреннюю концептуальную наполненность, но и внешние композиционные правила. Именно эта модель задавала тот мир, который должен быть эксплицирован в тексте.

Однако шаблон не был дан книжнику в готовом виде – «бросается в глаза почти полное отсутствие риторических руководств» [23]. Основным источником создания модели являлся текст. При этом чужой текст определял не только содержательную, но и более глубинные языковые характеристики создаваемого произведения вплоть до морфологических и синтаксических конструкций [24]. Разумеется, модель мира, созданная на основе чужих текстов, отстоящих от создателя модели более чем на семь столетий, мало была связана с реальностью. Эта отдаленность могла увеличиваться также за счет того, что многие тексты воспринимались на чужом языке и вносили содержательные и формальные структуры чужого языка – есть убедительные свидетельства, что Кирилл Туровский читал по-гречески и переводил с греческого [25].

Не только дискурс, создаваемый творческими усилиями туровского проповедника, испытывал влияние чужих творений. В таком же положении оказывались все средневековые произведения вне зависимости от жанра, причем это влияние могло проявляться на различных уровнях.

Как и в случае с произведениями Кирилла Туровского автор дискурса мог вдохновляться Священным писанием или творениями византийских отцов церкви. Так, Владимир Мономах в своем «Поучении» пишет «о том, что он собрал полюбившиеся ему слова и расположил их по порядку. Действительно, вслед за этим кратким введением в «Поучении» находим большое собрание выписок из Псалтыри и из других книг» [26]. Причем и в случае, когда ему

нужно было представить величие божьего домостроительства, красоту мира, которую, казалось бы, каждый может лицезреть своими глазами, Мономах обращается к «Шестодневу» Иоанна Экзарха Болгарского [27]. Подобные заимствованные фрагменты настолько органически вписывались в ткань дискурса, что нередко исследователи нового времени принимали их за собственные творения; так, например, исследователь древнерусской литературы А.В. Соловьев в «Слове о погибели земли русской» счел собственным описанием «северного пейзажа озерной полосы» [28] вставку, восходящую к упомянутому «Шестодневу», который сам опирался на богословско-полемические сочинения Отцов церкви II-V веков. Так обстояло дело, когда шла речь о представлении в тексте вневременной реальности, вечной и неизменной.

Во многих случаях у создателей средневекового дискурса не было иного выхода, как только воспользоваться существующим письменным источником или устной традицией, поскольку момент события и момент создания дискурса могли отделяться друг от друга интервалом в несколько столетий. Это можно продемонстрировать на примере разнообразнейшей житийной литературы: «Есть ряд житий, сюжет которых полностью определяется древними мифами, как, например, широко известные жития Георгия Победоносца и Феодора Стратилата, в основе своей представляющие миф о змееборце. Некоторые жития являются грубой перелицовкой античного романа. Так, например, житие Галактиона и Епистимии представляет собой плохую переделку романа Ахилла Тация. В этом случае даже имена действующих лиц в обоих произведениях (житии и романе) одинаковы» [29].

Невозможность создавать житие «по горячим следам», а, следовательно, пользоваться свежей информацией, наблюдается и в случае создания дискурсов, посвященных собственным русским святым, поскольку их культ не складывался одномоментно. Так, «Сказание о Борисе и Глебе», самый интересный литературный памятник из цикла произведений об убиенных в 1015 г. сыновьях Владимира, как предполагается, «не могло быть написано ранее 1115 г.» [30], оно, скорее всего, возникло после перенесения их мощей и канонизации, то есть через сто лет после описываемых в нем событий, следовательно, его анонимный автор также был вынужден пользоваться чужим дискурсом – или летописной повестью, или устной легендой.

И даже если в составе дискурса не наблюдается прямых цитат из чужих творений, могла заимствоваться сама его структура. В.В. Колесов, говоря о создании древнерусского литературного языка и литературных произведений отмечает, что «нормирующим фактором в таких условиях оставалась введенная извне форма, развившая свои образцы в литературном тексте», и приводит примеры структурных заимствований в легенде о смерти Олега из евангельских притч [31].

Из подобной обусловленности дискурса средневекового книжника предшествующим литературным опытом следовала другая характеристика произведений туровского епископа, возмутительная с точки зрения исследователей времен критического реализма, а именно, полное отсутствие связи с современной Кириллу действительностью. П.Н. Полевой писал: «...наши проповедники далеко стали отставать от русской действительности, слишком усердно поддавшись слепому подражанию византийским образцам. Насколько прият-

но поражала нас чрезвычайная простота и естественность изложения в проповедях Феодосия Печерского и их тесная связь с народной жизнью – настолько же чуждым представляется нам красноречие Кирилла – напыщенное, витиеватое, переполненное сравнениями, аллегориями, символизмом и иносказаниями...» [32]. Кажется, однако, странным, что произведения, имеющие столько пороков, охотно переписывались и так широко распространялись, в то время как проповеди Феодосия Печерского популярны не были.

Как представляется, в современных изысканиях был найден ответ на этот вопрос. Современные исследователи признают, что творения Кирилла Туровского не заслуживают порицания и не нуждаются в оправдании – «средневековые тексты, в том числе литургические, не могут измеряться ни по литературным, ни по религиозно-педагогическим масштабам нового времени» [33]. Доказывается правомерность и, более того, необходимость в произведениях Кирилла Туровского черт, обозначенных ранее как его недостатки: «Кирилл Туровский считал, что «летописцы и песнотворцы» прислушиваются к рассказам обычных людей, чтобы пересказать их потом в «изящной речи» и «возвеличить похвалами»... Представление об украшенности как о необходимом знаке того, чтобы искусство воспринималось именно как искусство (как нечто «сделанное» – модель), будет присуще многим исторически ранним художественным методам» [34].

Действительно, даже в личном дневнике, который мы знаем как «Хождение за три моря», свободном от канонов и традиций древнерусской церковной или официальной светской литературы, Афанасий Никитин, по крайней мере, в одном фрагменте погружается в фантастическую реальность и рассказывает о птице «гукук», испускающей огонь, и об обезьяньем царе, посылающем многочисленную рать на своих противников [35]. Неизвестно, опять-таки, насколько можно доверять и остальным, описываемым в «Хождении» деталям, поскольку Афанасий Никитин существовал именно в контексте упомянутого выше «исторически раннего художественного метода», а в дискурсе, создаваемом по законам его парадигмы, реалии не играют той роли, какую мы наблюдаем в дискурсе современном: «Такие детали нередко называют «элементами реалистичности», но существенно, что если в литературе нового времени эти реалистические элементы являются средством для воспроизведения реальной жизни (и само произведение призвано не только изобразить действительность, но и осмыслить ее), то в древности «сюжетные детали» – не более чем средство создать «иллюзию действительности», так как сам рассказ может повествовать о легендарном событии, о чуде, словом, о том, что автор изображает как действительно бывшее, но что может и не являться таковым» [36].

Исследователи, воссоздающие замечательные пейзажи дикой степи на основании «Слова о полку Игореве», часто не принимают во внимание тот факт, что это «плоды нашего воображения, действующего под влиянием воспитанной на литературе нового времени потребности «видеть» то, что описывается в литературном произведении» [37]. Отмечается также, что «у описателя-«историка» всегда остается свобода домысла на разных уровнях текста, и важно и желательно только отдавать отчет себе в том, что мера этой свободы должна быть известна самому описателю, и что мера в разные эпохи и в разных традициях – разная» [38].

При этом свобода домысла имеет место даже при цитировании текстов Священного писания. Например, в проповедях может быть совершенно не важно, действительно ли цитата соответствует тексту первоисточника. Например, у Кирилла Туровского встречаем: *Моисий тако въписа: И створи Богъ пятью денъ всю тварь видимую, елико на земли и елико на небеси* [39] – в данном случае перед нами неточная цитата из Книги бытия, гл. 1. Она неточна как по форме, так и по содержанию. К концу пятого дня появились обитатели вод и воздуха. «Зверей земных по роду их» Бог создал в шестой день. В некоторых случаях даже источник может быть указан ошибочно. Так, в «Слове о слепце» туровского проповедника следующий фрагмент дается со ссылкой на Иеремию: *се Богъ нашь на земли явися и съ человѣкы поживе, и вси дьржащеися понь живуть, и оставльше его умруть* (там же). На самом деле это Варух 3, 36, 38 и 4, 1. Это наводит на мысль о том, что фрагменты божественных текстов выполняют в рассматриваемых дискурсах функцию более важную, нежели создание иной реальности – они являются знаком обращения к авторитету, тем самым создавая вокруг текста ореол истинности.

Таким образом, древний славянских дискурс, по крайней мере, тот, который создавался на землях Slavia Ortodoxa можно определить как дискурс интровертированного типа, то есть такой, в основу построения которого кладется образ мира особого рода – максимально отвлеченный от современной автору действительности, сформированный, в первую очередь, на основе чужих текстов. Основную роль в формировании образа мира, безусловно, играет реальность Священного писания и творения отцов церкви, однако было бы грубым упрощением сводить эту концептуальную модель к механическому отражению библейского или какого бы то ни было иного дискурса. Интровертированный образ мира не задается конкретным дискурсом и не отражает его с фотографической точностью, он лишь формируется под влиянием чужой реальности, творчески перерабатываемой или плохо усвоенной собственным сознанием автора.

---

1. Analiza dyskursu w socjologii i dla socjologii. Warszawa: Marszałek, 2009. 356 s.
2. *Супрун А.Е*. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопр. языкознания. 1995. № 6. С. 17–30.
3. *Якобсон Р.* Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985. М.: Прогресс, 1985б. С. 30–92.
4. *Бернштейн И.А.* Введение: [Литературы Западной Европы второй половины XIX в.] // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 232–252.
5. *Van Dijk T.A.* Discourse and racism // The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies. Blackwell, Oxford, 2002. С. 145–159.
6. *Dijk T.A. van.* The study of discourse // Discourse as structure and process. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 1. London, New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 1–35.
7. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
8. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 270 с.
9. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1955. Т. 11. С. 342–367.
10. *Алексеева Т.А.* Сборники постоянного и варьирующегося состава со «Словами» Кирилла Туровского // Метод. рекомендации по описанию слав.-рус. рукописей для

Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 1. М.: Ин-т истории СССР, 1976. С. 236–247.
11. *Истрин В.М.* Очерк истории древнерусской литературы. Пг.: Наука и школа, 1922. 248 с.
12. Eco U.A theory of semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 354 p.
13. *Виноградов В.В*. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. 614 с.
14. *Аверинцев С.С.* Проблема индивидуального стиля в античной и византийской риторической теории // Литература и искусство в системе культуры. М.: Наука, 1988. С. 23–29.
15. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. М.: универ. типография, 1901. Т. 1: Период первый. Киевский или домонгольский. 968 с.
16. *Сухомлинов М.И.* О сочинениях Кирилла Туровского // Рукописи графа А.С. Уварова. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1858. Т. 2. С. VII–XXII, 1–149.
17. *Порфирьев И.* История русской словесности. Ч. 1. Древнейший период. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1891. 724 с.
18. *Наумов А.Е*. Св. Кирилл Туровский и Священное писание // PhilologiaSlavica. К 70-летию Н.И. Толстого. М.: Наука, 1993. С. 114–124.
19. *Двинятин Ф.Н.* Традиционный текст в торжественных словах Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 8. М.: Наследие, 1995. С. 81–101.
20. *Naumow A.* Biblijny budulec modlitw sw. Cyryla biskupa Turowa // Biblia w literaturze i folklorze narodow wschodnioslowianskich. Krakow, 1998. S. 73–78.
21. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.
22. *Орлов А.С.* К изучению средневековья в русской литературе // Памяти П. Сакулина. М.: Никитинские субботники, 1931. С. 186–194.
23. *Лунде И.* Риторика и проблема жанра // Scandoslavica. 1995. Т. 41. С. 131–144.
24. *Живов В.М.* Ursus scribendi. Простые претериты у летописца самоучки // Russian linguistics. 1995. Т. 19. С. 45–75.
25. *Tschizewskij D.* Die Zeit der Teilfurstentumer. Predigt.//Tschizewskij D. Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1948. S. 243–257.
26. *Лихачев Д.С*. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука. Ленингр. отдние, 1986. 406 с.
27. *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука. Ленингр. отдние, 1986. С. 137.
28. *Соловьев А.В.* Заметки к слову о погибели Рускыя земли // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 79–80.
29. *Еремин И.П*., *Скрипиль М.О*. Житийная литература [в переводах XI– начала XIII века] // История русской литературы: в 10 т. Т. I. Литература XI – начала XIII века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 87–113.
30. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI – первая пол. XIV века) Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. С. 404.
31. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1989. С. 11, 28.
32. *Полевой П.Н*. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1903. Т. 1. 346 с.
33. *Scholz F.* Studen zu der Gebeten Kirills von Turov. Die angelologischen Vorstellungen in ihrem Verhalthis zur Tradition und Versuch einer Gattungsbestimmung // Studiaslavica et baltica. Band 8. Sprache und Literatur Altru?lands. Aufsatzsammlung. Munster: Aschendorff, 1987. S. 167–220.
34. *Лотман Ю.М.* Лекция по структуральной поэтике. Вып. 1: Введение, теория стиха // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 160. 1964: Тр. по знак. системам. [Сб.] 1.

35. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. (вторая половина XIV в. – XVI в.) Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 561 с.
36. *Творогов О.В.* Литература Киевской Руси. X – начало XII века // История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 19–61.
37. *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 227.
38. *Топоров В.Н.* Страничка из истории Новгорода (к ранним русско-итальянским встречам) // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: сб. к 60-летию А.А. Зализняка. М.: Индрик, 1996. С. 11–28.
39. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 331–348.

Элеонора Лассан (Литва, Вильнюс)

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГИПЕРТЕКСТ СЛОВАРЯ ДИСКУРСОМ?

Поставленный в заглавии вопрос связан с тем, что словарь сегодня признается особым видом текста – гипертекстом. Термин, введенный в 60-е годы прошлого века американским философом, социологом, открывателем информационных технологий Тедом Нельсоном, имеет на сегодняшний день множество определений. Приведем одно из них: «ГИПЕРТЕКСТ (англ. hypertext) – способ представления информации, совокупность блоков информации между которыми установлена система связей. Г. позволяет переходить от одного блока информации к другому, варьируя последовательность ее обработки. Этим гипертекст отличается от линейного текста, который позволяет обрабатывать информацию только единственным способом последовательно, один блок за другим» [1].

Словарь удивительным образом подходит под это определение, если читать не отдельные словарные статьи, а дефиниции, связанные общими семантическими компонентами. «Гипертекст позволяет наряду с линейным чтением текста (слева направо, строка за строкой) двигаться и по другим структурным схемам, находить и выбирать определенные фрагменты, расположенные в различных частях текста. Гипертекстовая организация крупных массивов информации не только делает их обозримыми и облегчает оперирование с ними, но и позволяет извлекать из них такие сведения, которые специально не закладываются в них при их создании». Литовский исследователь [2] Л. Кравцова, изучая номинации лица по политической принадлежности, показала, что опираясь на *Толковый словарь актуальной лексики XXI века*, можно сделать вывод о доминировании в современной российской политической жизни коммунистической и националистической идей, в то время как идея демократическая замалчивает себя, не будучи представленной в названии политических организаций [3]. «Анализируя названия политических партий с целью воссоздать «картину мира» носителя лексикона, зафиксированного в словаре, мы неизбежно переходим от статьи к статье, расширяем объем исследуемых слов, за счет того, что обозначаемые реалии в одних случаях обладают оценочными ассоциациями и получают на уровне лексикализации экспрессивные синонимы, а в других случаях подводятся под более общие понятия, которые можно

назвать... размытыми категориями [3, с. 93]. Например, номинация *патриот*, в Толковом словаре русского языка начала XXI века разъясняется следующим образом: *патриот = национал-патриот*, – входит в отношения кореферентности с номинацией *ура-патриот* и оказывается близкой по денотативной отнесенности словам *коммунисты, красно-коричневые, великодержавник, красные.* Интересно отметить, что толкование слова *патриот* в указанном выше словаре получает политизированное толкование – относится к силам, именующим себя таковыми. Иных толкований это слово в описываемом словаре не имеет. При этом мы видим, что составители словаря наделяют слово отрицательной коннотацией, используя в качестве синонимов те номинации, что обычно встречаются в дискурсе противоположных политических сил (*красно-коричневые*). Отсюда можно сделать вывод о том, что в толкованиях и, особенно в иллюстративном материале, реализуются ценностные установки авторов словаря. Например, ***национал-патриот***: полит., неодобр. – представитель, сторонник национал-патриотизма, ура-патриот. *Национал-патриотизм* – полит. неодобр. – идейно-политическое движение конца 80-х – 90-х годов, выступающее за сохранение национальных, исторических ценностей России на почве крайнего национализма: «Многие из национал-патриотов и идеологов КПРФ пытались ранее и пытаются сегодня доказать, что все главные события конца 80-х начала 90-х годов определялись деятельностью американских спецслужб...» [ТСРЯ 2008].

Приведем еще один пример. Слово *чекист* не получает в толковании каких-либо оценочных коннотаций: *сотрудник органов государственной безопасности.* Однако иллюстративный материал открывает достаточно широкую панораму деятельности этого органа, в рамках которой имеется и следующее: «*У Примакова требовало моего изгнания гэбэшное начальство. Это после моего сериала о том, как чекисты обвинили свое руководство в подготовке похищения людей, убийств, рэкета в собственных коммерческих интересах*» [3, с. 1066]. Номинация *чекист,* согласно данным выше названного словаря, соотносится как кореферентная с номинацией *фээсбешник/фээсбэшник* (сотрудник ФСБ), сопровождающейся пометой «разг.». ФСБ – Федеральная служба безопасности. Иллюстративный материал к этому толкованию: «*Показатели работы ФСБ поползли вверх. Ч е к и с т ы стали задерживать больше шпионов, наркоманов...*». Рядом со словарной статьей *фээсбешник* находится словарная статья *фээсбешный/фээсбэшный* – слово иллюстрируется следующим примером: «*Система "крыш" (бандитских, милицейских, фээсбэшных) нависает над всеми доходными секторами городской экономики*». Еще одно слово с той же денотативной отнесенностью представлено в словаре с пометкой «разг.»: *гэбист= гэбэшник.* Нужно сказать, что это слово зафиксировано и в Толковом словаре Ефремовой (2000), а вот словарь Ожегова аналогичных номинаций, имеющих место в дискурсе советской эпохи, не содержит (например, *кагэбист*). А. Вежбицка, анализируя в свое время антитоталитарный язык в Польше, отнесла к механизмам «языковой самообороны» сходные сокращения: UB (польская аббревиатура Отдела общественной безопасности). Под языковой самообороной Вежбицкая понимает слова и выражения «подпольного языка», то есть языка, не используемого официальной пропагандой и служащего для выражения негативных эмоций, возбуждаемых действиями властей. Автор по-

казал, что UB никогда не использовалось в речи в мужском роде, что следовало бы, если исходить из рода основного слова аббревиатуры: *udzial.* Официальный дискурс избегал употреблять это сокращение, в силу чего мужской род так и не привился, и слово употреблялось только в среднем роде. Само слово, как и его производные (*убовец*) имело крайне негативные коннотации [4].

Аналогичным образом, на наш взгляд, дело обстоит и с приведенными номинациями *гэбэшник, фээсбэшник, кагэбешник* (также включено в словарь): «Слово "гэбэ" всегда означало "госбезопасность". Поэтому произносилось с пренебрежением, отвращением (как и производные от него: «гэбисты», «гэбешники» (http://1001.ru/books/bruschatka/issue2/). Обратим внимание и на средний род аббревиатур: «*Если гэбэ решило сдать меня Гааге*..» (books.google.ru/books? isbn=5224047536)/«*ФСБ решило "дружить" с интернетом*» (http://www.invaforum.ru/blog/2010/06/27/fsb-reshilo-druzhit-s-interetom/). Сказанное позволяет и в названных номинациях, включенных в словарь, видеть элементы «языковой самообороны». Это означает, что составители словаря находятся на определенных мировоззренческих позициях, выражаемых в отборе слов и иллюстративном материале. В сущности, составители словарей всегда выражают определенную мировоззренческую позицию, закрепившуюся в обществе по отношению к описываемому явлению. Приведем пример из словаря Ушакова: «*капиталист* – владелец капиталистического промышленного предприятия. Крупный промышленник. Русский рабочий класс свергнул власть промышленников и иных капиталистов в октябре 1917 г. В СССР сейчас нет промышленников» (1934–1940гг.)». Иллюстративный материал дает возможность увидеть отношение общества к классу капиталистов, зафиксированное в словаре.

И вот здесь становится возможным поставить вопрос о соотношении гипертекста словаря и дискурса как такового. Если видеть различие текста и дискурса в уровнях анализа – при анализе текста мы говорим о его внутренней организации в различных аспектах, при анализе дискурса мы выходим из рамок текста и анализируем порождающее и воспринимающее текст сознание – то тогда мы можем говорить и о дискурсе словаря. В сущности дискурс словаря – это множество текстов (словарных статей), организующих гипертекст. Выше мы говорили о том, что гипертекст не предполагает линейного чтения в отличие от обычного текста. Но и дискурс как парадигма текстов также не предполагает линейного чтения. Обычно, говоря о гипертексте, имеют в виду *мир Сети*, «который является современной семиотической мутацией, приведшей к глобальным гносеологическим и ментальным сдвигам. В принципах его организации находят воплощение практически все основные мировоззренческие установки постмодерна – плюрализм, децентрация, фрагментарность, интертекстуальность. Постмодернистский электронный гипертекст по своей сути противоположен модернистскому печатному тексту» [5]. Позволим не согласиться с идеей линейного чтения как основного вида модернистского текста. Энциклопедии и словари существуют очень давно – просто, пользуясь ими, читатель часто ограничивается одной интересующей его статьей. Чтение же таких источников, как гипертекст, и дает нам дискурс словарей, в которых отчетливо видны установки сознания, порождающего дискурс словаря и другие дискурсы публичной коммуникации в определенную эпоху. Таким обра-

зом, гипертекст словаря нам дается, дискурс же словаря требует реконструкции ценностных установок сознания, создавшего этот словарь. Как всякий дискурс, дискурс словаря не дан эксплицитно – нужна работа читателя по его воссозданию.

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Режим доступа: epistemology_of_science.academic.ru
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8174/ГИПЕРТЕКСТ.
3. *Кравцова Л.П.* Политические партии и общественные движения: палитра современной политической жизни в гипертексте «Толкового словаря русского языка начала XXI века // Политическая лингвистика 1(43). 2013. С. 89–99.
4. *Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 108.
5. *Гриценко В.П., Данильченко Т.Ю*. О маргинальных темах и концептуальных лакунах в современной философии. Режим доступа: http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/grizenkovp.php.

Ольга Потапова (Беларусь, Минск)

СЛОВАРИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ XIX ВЕКА КАК ДИСКУРС

На протяжении столетий в сознании носителей языка формируются устойчивые представления о фактах, предметах и явлениях окружающей действительности. Все эти представления находят свое отражение в языке. А значит, представления носителей языка в определенной степени оказывают влияние на сам язык. Еще В. фон Гумбольдт в свое время выводил различия языков из многообразия национальных типов мировоззрения и миросозерцания: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [1, с. 349]. Правомерно говорить также об обратном влиянии: язык в определенной степени оказывает влияние на сознание его носителей, участвуя в формировании системы ценностей и приоритетов. «Благодаря своему характеру языки могут воздействовать на все поколения народов, говорящих на них ‹…› через свои памятники, либо через науку, изучающую их строй» (В. фон Гумбольдт) [2, с. 374]. Кроме того, через язык «все, созданное народом в прошлом, воздействует на индивида» [2, с. 372-373].

На основе подобной опосредованной модели реальности также базируется дискурс, анализируемый в последних исследованиях Т.А. ван Дейка. По мнению ученого, дискурс необходимо вмещает в себя три величины: «использование языка, когнитивность и взаимодействие со своим социально-культурным контекстом» [3, с. 32]. Свидетельством того, что Т.А. ван Дейк рассматривает исследуемый дискурс как обращенный к действительности, может служить факт, что ученый видит в анализе дискурса инструмент для критического подхода к изучению социальных проблем и взаимоотношений, а также к влиянию на них. Это могут быть, например, проблемы отдельных социальных групп [4] или отношения в обществе, приводящие к практике расизма [5]. В подобном русле исследований даже семиотический подход к дискурсу рассматривается как возможность понять политические, экономические и технологические по-

тенциалы различных культурных кодов [6]. По-видимому, в упомянутых работах Т.А. ван Дейка и трудах его последователей речь идет именно о языковых стереотипах, отличающихся большой степенью устойчивости и способностью предопределять языковое и социальное поведение индивида.

Одним из центральных понятий теории дискурса является *фрейм,* или *типовая ситуация*. А типовая ситуация требует от носителя языка использования типовых (стереотипных) языковых средств. При этом оговаривается, что выбранные для использования языковые стереотипы далеко не всегда соответствуют реальным жизненным ситуациям. Различия между реальными ситуациями и их когнитивными соответствиями, а также то, чем эти различия обусловлены, определил Т.А. ван Дейк. По его мнению, фрагментарность и неполнота стереотипов (в терминологии Т.А. ван Дейка – «когнитивная модель») обусловлена тем, что мы не можем знать все факты. Т.А. ван Дейк подчеркивал, что относящиеся к миру аспекты стереотипов не произвольны – они отражают социально значимую интерпретацию ситуаций. Несмотря на социальную обусловленность стереотипов, они имеют личностный, то есть субъективный характер, и поэтому одна и та же ситуация может быть проинтерпретирована различными способами, с различной точки зрения, с различными целями, если это делают разные люди [7, с. 82].

Языковые *этностереотипы* (ЯЭС), или устойчивое представление о членах какой-либо этнической общности, зафиксированное в языке и проявляющееся в речи, на наш взгляд, являются важным элементом при реконструкции языковой картины мира того или иного народа на определенном историческом этапе. Изучение этнических стереотипов, механизмов их формирования и функционирования тем более важно, что именно они отражают взаимоотношения нации с другими народами и ее представление о своем месте в мировом сообществе. Содержание ЯЭС зависит от социального фактора: возраста, культуры, уровня образования, степени социальной активности, политической обстановки в стране. В качестве ЯЭС может выступать все, что касается представлений одной нации о культуре другой нации в целом: общие понятия, нормы речевого общения, поведения, категории, мыслительные аналогии, предрассудки, суеверия, моральные и этикетные нормы, традиции, обычаи и т.п.

Наиболее ярко ЯЭС носителей данного языка отражается в лексике и фразеологии этого языка. Лексическая система как часть языкового устройства наиболее полно отражена в лексикографических источниках. В качестве примера проведем анализ ЯЭС на материале словарей белорусского, русского и польского языков XIX веке. Так, на протяжении XIX века были изданы словари практически всех национальных славянских языков: «Словарь польского языка» С.Б. Линде (1806–1814), «Сербский словарь» В. Караджича (1818), «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгмана (1834–1839), «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866), «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича (1870), «Словарь болгарского языка» Н. Герова (1895–1904). В 1861 г. в Вильно вышла двухтомная коллективная работа польских лексикографов, известная как словарь Оргельбрандта или Виленский словарь. В этом же году была начата работа над незаконченным «Словарем хорватского или сербского языка» Дж. Даничича. В основу этих лексикографических трудов были положены различные принципы составления: например, словари В.И. Даля и В. Караджича

в большой степени основаны на диалектной лексике, а словари С.Б. Линде и Й. Юнгмана содержат лексику письменных источников и лишь незначительно охватывают диалектную лексику. При этом в одном лексикографическом издании представлена как лексика, современная составителям, так и историческая, в них «собраны и изданы все слова подряд, как старые, так и новые, из книг или из обычаев почерпнутые, чтобы таким образом накопить все, насколько это возможно, богатство языка» [ČNS, I, s. VII]. В словаре И.И. Носовича, задуманном как дифференциальный, собраны специфические по отношению к корпусу русской литературной лексики белорусские слова. Однако во всех перечисленных случаях словарь «играет первостепенную роль для пробуждения этнического самосознания народа, так как охватывает не только сферу языка, но и сферу культуры» [8, с. 10], а пробуждение этнического самосознания в данном случае следует понимать как осознание места собственной этнической общности среди других. Это осознание сопровождается формированием этнических стереотипов, которые находят отражение в языке и фиксируются в лексикографических источниках.

Использование лексикографических источников XIX века для реконструкции ЯЭС позволяет современному исследователю как носителю определенной системы стереотипов, через призму своего языкового опыта представить особенности функционирования этностереотипов вообще и пути их изменения. Однако «один и тот же текст может выдавать разным его потребителям различную информацию. Так, современный читатель средневекового сакрального текста, конечно, дешифрует его семантику, пользуясь иными, чем создатель, структурными кодами» [9, с. 33]. В случае с историческими ЯЭС обращение к словарному дискурсу, с его точно зафиксированными лексическими и коннотативными значениями словарных единиц, представляется более надежным, чем анализ дискурсов, в большинстве которых личная система стереотипов автора довлеет над системой стереотипов, сформировавшихся в данном обществе. Даже несмотря на то, что некоторые из вышеназванных лексикографических источников являются результатом труда одного исследователя, можно говорить об отраженной в них системе языковых стереотипов в контексте общенациональной системы устойчивых представлений. Если словарь был оценен профессиональным сообществом позитивно (а многие из этих изданий являются авторитетными для исследователей и в наши дни), значит, можно говорить о том, что система стереотипов автора словаря не противоречила общественной.

В словарном дискурсе этноним имеет три четко разграниченных плана значений: «доэтнонимическое (этимологическое), часто утраченное полностью или частично; собственно этнонимическое – само реальное содержание этнонима, то есть соотнесенность с обозначаемым им объектом; отэтнонимическое, которое может и не возникнуть» [10, с. 12]. ЯЭС складывается именно из суммы всех значений этнонима. Словари XIX века могут дать практически исчерпывающую информацию для анализа языковых стереотипов в силу того, что в них, как правило, фиксируются все три типа значений этнонимов. Эти значения по-разному проявляются в дискурсах различных типов, используемых в словарях. Включение этнонимов в каждый из типов дискурсов несет различную информативную нагрузку.

Этнонимы, встречающиеся в словаре, можно разделить на три функциональные группы: 1) этнонимы, предложенные в качестве основного слова словарной статьи; 2) этнонимы, используемые составителем словаря в комментариях; 3) этнонимы, которые встречаются в иллюстрациях к словарным статьям. Далее рассмотрим этнонимы каждой группы.

(1) Этнонимы, предложенные в качестве основного слова словарной статьи, даны в словаре вне контекста, поэтому возможности их интерпретации и выделения на их основе языковых стереотипов очень ограничены. Однако такое внеконтекстовое употребление этнонимов позволяет на основе их анализа выделять именно языковые (а не социальные, культурные, ментальные) этностереотипы. Анализ этнонимов этой группы затрудняется тем, что не для всех этнонимов (даже тех, которые употребляются составителем в комментариях и иллюстрациях) в словарях XIX века приводятся отдельные словарные статьи. Например, в словаре В.И. Даля нет отдельных статей для слов *французъ*, *англичанинъ*, *татаринъ*. А в словарных статьях *нѣмецъ*, *латышъ*, *прусакъ*, *полякъ*, *цыганъ* рассматриваются лишь переносные значения, то есть именно те, в которых могут быть зафиксированы стереотипные представления носителей русского языка о представителях данных народов. Например: *латышъ или латышалам*. «*картавый»; латышить твр.*, *пск*. «*картавить, шамкать, нечисто говорить»; латышъ, «неразборчиво говорящий. пск., твр. // Дурно выговаривающій слова по-русски. тамб.»* (Д., II, 619); *нѣмецъ, нѣмка, «неговорящій по-русски, всякій иностранецъ съ запада, европеецъ (азіатцы, бусурмане); въ частности же, германецъ»* (Д., II, 1459).

Отсутствие некоторых словарных статей, посвященных этнонимам, компенсируется статьями, посвященными словам, образованным от этих этнонимов. Например, при отсутствии словарной статьи *Французъ*, в словаре В.И. Даля имеются словарные статьи для слов *француля, французить, французѣть, офранцузить, офранцузѣть, офранцузиться, офранцуженье, офранцузѣніе, хранецъ.*

(2) При анализе *этнонимов, используемых составителем словаря в комментариях*, необходимо учитывать возможное влияние на общую картину системы стереотипов составителя словаря. Иногда частое использование того или иного этнонима может свидетельствовать не о частоте его использования всеми носителями языка, а лишь о том, что этот этноним может играть важную роль в идиолекте составителя словаря. Особенно это актуально для словарей, созданных одним автором (словарь В.И. Даля, 1-е (1863–1866 гг.) и 2-е (1880–1882 гг.) издания; словарь И.И. Носовича). Например, только в качестве комментария составителя к словарным статьям в «Словаре белорусского наречия» И.И. Носовича встречается этноним *Бѣларусъ*: *перелистóвываць* «*наскоро прочитывать*». *Я невзабаве перелистую гету книжку. (Говорится грамотными Белоруссами)* (Н., 405). Однако отсутствие этнонима *Бѣларусъ* не только среди основных слов словарных статей, но и в иллюстрациях к статьям, скорее всего, свидетельствует о том, что у носителей белорусского языка середине XIX века еще не сформировалось представление о себе как об отдельном, едином этническом образовании, для обозначения которого было бы необходимо общее название.

Следует также отметить роль издателя (редактора). Третье издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (именно это

издание подробно анализируется нами) вышло под редакцией профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ, который очень серьезно переработал материал словаря, «благодаря дополнениям объем словаря Даля увеличился приблизительно на 15 %, в него вошло не менее 20 000 новых слов» [11, с. 230]. В числе этих 20 000 новых слов были также этнонимы, отэтнонимические дериваты и фразеологизмы с этнонимическим компонентом, например: *прусачьё, презрит. «собраніе прусаковъ, прусскій народъ»* (Д., III, 1388); *офранцузѣніе «переходъ в состояніе француза»* (Д., II, 2002); *русификаторъ, ж.р. русификаторша, «обруситель», русификація «обрушеніе»* (Д., III, 1745); *русской «крещоный, христіянинъ»* (Д., III, 1745); *нѣмчура, собир., бран. и презрит., «нѣмецъ»* (Д., II, 1460); *хохлацкій умъ «наивный человекъ»* (Д., IV, 1227); *полякующій «притворяющійся полякомъ или же полу-полякъ; изъ поляковъ притворяющійся русскимъ; ренегатъ польскаго происхожденія»* (Д., III, 694). Такие дополнения помещены в особые редакторские скобки, однако словарь воспринимается как единый дискурс, и дополнения И.А. Бодуэна де Куртенэ многое добавляют в представлениях о соответствующих народах и об установках носителей русского языка того времени.

(3) *Этнонимы, которые встречаются в иллюстрациях к словарным статьям*. В качестве языковых иллюстраций к словарным статьям в Виленском словаре, в словарях В.И. Даля и И.И. Носовича используются фрагменты живой речи, научных и публицистических дискурсов, а также паремии. Анализ употребления этнонимов именно этой группы позволяет делать наиболее обоснованные выводы о системе культурных этностереотипов носителей языка, так как именно в контексте слово проявляет себя наиболее объемно и многогранно. Однако как раз слова этой группы не очень активно используются исследователями.

Следует указать, что, употребляя термин «этноним», мы имеем в виду не только основные, официальные этнонимы, признанные литературным языком, но и этнонимы периферийные, часто нелитературные, и поэтому обычно не включаемые в словари русского литературного языка. Например: *Хохолъ «украинецъ, малоросъ»*; *хохлачка, хохлушка ж.* (Д., IV, 1228). *Коцапъ, кацапъ юж. «великорусскій мужикъ»* (Д., II, 461). Иногда в этом качестве используются устаревшие названия или названия, употребляемые лишь для обозначения небольшой части того или иного народа, например, *Ляхъ*, *Мазуръ «полякъ»* (Д., I, 1229), *Жидъ «еврей»* (Д., I, 1345); *Швабъ, стар. бѣлор. слово «Голландецъ»* (Н., 708).

Естественно, анализ одних лишь этнонимов и отэтнонимических дериватов не будет полным. Часто фиксатором языкового стереотипа является не сам этноним, а слово, которое его заменяет, то есть является его синонимом. Например, *колбаса ж. «бранное и шуточное прозвище нѣмцевъ»* (Д., II, 341); *колбасникъ м., -ница ж. «кто дѣлаетъ или продаетъ колбасы <…> // бранное или шуточное прозвище нѣмцевъ»* (Д., II, 341); *старый законъ «вѣжливое названіе Еврея»* (Н., доп., 17); *старозаконникъ «Еврей, говорится изъ вѣжливости»* (Н., 613). Фиксаторами ЯЭС также могут быть личные имена, например, наиболее частотные у тех или иных народов имена, составляющие часть этностереотипа у представителей другого народа. Личное имя может фиксировать и автостереотип. В словаре В.И. Даля фиксатором автостереотипа русского может являться, например, антропоним *Иванъ*: *Иванъ, самое обиходное у насъ имя (Ивановъ, что грибовъ поганыхъ),* ‹…› *по всей азіатской и турец-*

кой границъ нашей, отъ Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означаетъ русскаго. ‹…› *Вообще, Иванъ простакъ и добрякъ.* ‹…› *Иванъ Ивановичъ, почотное или шуточное имя и отчество нѣмцевъ, а ещо болѣе калмыковъ, кои всегда отзываются на кличку эту, какъ чуваши на зовъ: Василій Василичъ* (Д., II, 3); *Клара ж., отъ нѣм. имени Klara «продажная женщина, проститутка»* (Д., II, 283). Скорее всего, последняя лексема получила в русском языке времен В.И. Даля такое значение из-за обычая представительниц данной профессии брать себе звучные иностранные псевдонимы и прямого отношения к представителям немецкой национальности не имеет. Однако в сознании носителей языка этот перенос значения фиксируется и может в дальнейшем повлиять на формирование определенного этнического стереотипа.

При анализе того или иного стереотипа представляется возможным, и даже необходимым, учесть все контексты, включающие не только собственно этнонимы и отэтнонимические дериваты, но также слова, заменяющие этнонимы, и дериваты от них.

Работа, связанная с изучением языковых стереотипов вообще и этностереотипов в частности, имеет свои специфические особенности. Это связано, прежде всего, с трудностью выбора достаточно объективного источника материала исследования. Традиционно на все, что в той или иной степени связано с так называемым «национальным вопросом», обращено пристальное внимание цензуры. Поэтому дискурсы, разрешенные в официальной печати, объективной картины, как правило, не дают, а дискурсы, наиболее полно отражающие этнические стереотипы, бытуют в устной («непечатной») форме. И если при исследовании современного состояния системы стереотипов ученому доступны различные приемы – проведение лингвистических экспериментов, различного рода опросов и анкетирования непосредственно среди носителей языка, анализ собственной системы стереотипов как части общей системы, – то исследователь диахронического состояния ЯЭС сталкивается с определенными трудностями.

Для исследования системы ЯЭС можно использовать словари как наиболее полные фиксаторы лексической системы языка. Однако на отражение ЯЭС в лексикографическом источнике могут влиять тип и объем словаря, различные экстралингвистические факторы. При этом нами учитывался тот факт, что «достоверность словаря – это, прежде всего, взаимодействие двух факторов: полноты и аутентичности включенной в его состав лексики. Для того, чтобы в дальнейшем словарь служил достоверным источником, он должен включать в себя, по возможности, все выражения, фактически употребляемые в различных формах языка, и только эти выражения, то есть в него не должны включаться выражения искусственные, бумажные, мертвые от рождения – плоды словообразовательной деятельности и амбиций лексикографов» [11, с. 77]. Если обратиться к словарям современного литературного русского языка, изданным в последние десятилетия, то можно отметить практически полное отсутствие слов, которые бы отражали этнические стереотипы носителей русского языка. При том, что недостатка в этнонимах (даже самых экзотических) в этих словарях нет. Обычно словарная статья выглядит следующим образом: *ЧУКЧИ, -ей, мн. (ед. чу́кча, -и, м. и ж.; чукча́нка, -и, мн. чукча́нки, -нок, -нкам, ж.). Народ, составляющий основное население Чукотского автономного округа, а также лица, относящиеся к этому народу* (СРЯ, 693). Тем же ограничивается толкование семантики этнонима в «Русском

семантическом словаре»: *чукчи* «народ, относящийся к коренному населению Чукотки; люди принадлежащие к этому народу» (РСС, 365). Подобная словарная статья предоставляет пользователю информацию о денотативном компоненте значения, однако за пределами статьи остается коннотативный и прагматический аспекты, то есть читателю ничего не известно о том, как к представителям названной этнической общности относятся люди, говорящие по-русски и употребляющие этноним *чукча* в своей речи. Конечно, люди, владеющие языком от рождения, вместе с ним усвоили и систему языковых стереотипов, но для иностранца, осваивающего русский язык посредством такого словаря, «за скобками» остается значительный объем информации.

Важным и достаточно полным источником информации об этнических стереотипах могли бы стать словари разного рода, фиксирующие нелитературные проявления языка, – словари жаргонизмов, сленга, арго и т.п., достаточно активно издаваемые в последнее время. Представление о сложившейся системе этностереотипов можно получить и анализируя материалы ассоциативных словарей. Но при этом следует помнить, что ассоциации носителей языка, связанные со словом-стимулом, не всегда отражают этнический стереотип. К тому же работа по созданию таких словарей на материале славянских языков началась сравнительно недавно.

Для исследования исторических ЯЭС, на наш взгляд, важно обращаться к таким источникам, как словари национальных языков. В силу того, что в XIX веке и ранее не было отдельных словарей жаргонов и т.п, а главной установкой лексикографов в то время было описать народный язык во всем его многообразии (именно в XIX веке проводилась кодификация большинства славянских языков), словари типа «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словаря польского языка» С.Б. Линде, или составленного на его основе Виленского словаря включали в себя все богатство языка. В словарях XIX века смешался опыт составителя как носителя языка с опытом многих других носителей. Особенно это ценно при рассмотрении пласта лексики, связанной с этноминациями.

В словарях национальных языков XIX века в той или иной степени фиксируются языковые стереотипы, сформировавшиеся в сознании носителей данного языка. Полнота отображения стереотипов зависит от объема словаря, широты охвата лексического материала, экстраязыковых факторов, а именно: от целей и задач, поставленных перед составителем, невмешательством цензуры, социально-политического контекста и т.п.

Таким образом, ЯЭС могут фиксироваться в дискурсах различных типов, однако, на наш взгляд, исследователи, изучающие языковые стереотипы, не достаточно полно используют такой источник, как словари. В словарях фиксируются общепринятые, наиболее устоявшиеся (общекультурные) языковые стереотипы. Лексикографические источники XIX века неоднородны по корпусу зафиксированной в них лексики, мотивации и установкам авторов-составителей словарей, отношению к описываемому языку. Вместе с тем данные лексикографические источники дают возможность реконструировать систему ЯЭС, представляющую собой часть языковой картины мира определенного народа (что существенно отличает их от современных словарей национальных языков, в которых отражению реальных этнических стереотипов препятствует существующая цензура). Тогда как словари XIX века демонстри-

руют языковую систему намного шире, фиксируя пласты лексики, которые обычно не находят отражения в толковых словарях современных языков. При этом в словарях XIX века смешивается опыт составителя и общенациональный опыт. Для экспликации системы языковых этнических стереотипов в полном объеме необходим анализ всего комплекса дискурсов, включенных в лексикографический источник, а именно: заглавий словарных статей, комментариев составителя словаря, иллюстративного материала к словарным статьям. Включение этнонимов в каждый из этих типов дискурсов несет различную информативную нагрузку.

СЛОВАРИ

Гер.: Геров, Н. Рѣчникъ на българскый языкъ с тълкуване речите на български и руски. Пловдивъ: Съгласие, 1895–1904. Т. 1–5. 28.

Д.: Даль, В. Толковый словарь живаго великорусскаго языка / под ред. И.А. Бодуэна де Куртэне. СПб., 1903–1909. Т. 1–4. 37.

Дан.: Даничић, Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд: Државна штампарија, 1863–1864. Д. 1–3.40.

Н.: Насовіч, І.І. [1870] Слоўнік беларускай мовы. Минск: БелЭн, 1983. 792 с.

СрР: Караџић, В. [1818] Српски рјечник. Београд: Штампарија Краљевине Југославије, 1935. 880 С. 54.

СРЯ: Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. Т. 1–4.

РСС: Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1–2.

ČNS: Jungman, J. Česko-německý slovník. Praha, 1834–1839. Т. 1–5.

Linde: Linde, S.B. Słownik języka polskiego. Warszawa: U autora, 1808–1814. Т. 1–6. 175.

SW: Słownik języka polskiego, obejmujący oprócz zbioru właściwie polskich, znaczną liczbę wyrazów z obcych języków polskiemu przyswojonych; nomenklatury tak dawne, jak też nowo w użycie wprowadzone różnych nauk, umiejętności, sztuk i rzemiosł; nazwania monet, miar i wag główniejszych krajów i prowincij; mitologiję plemion słowiańskich i innych ważniejszych, tudzież oddzielną tablicę słów polskich nieforemnych z ich odmianą; do podręcznego użytku wypracowany przez A. Zdanowicza, M.B. Szuszkę, J. Filipowicza, W. Tomawewicza, F. Czepielińskego i W. Korotyńskiego, z udziałem B. Trentowskiego. Wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda. Wilno, 1861. Т. 1–2.

---

1. *Гумбольдт В. фо*н. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 346–349.
2. *Гумбольдт В. фон*. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 372–378.
3. *Van Dijk T.A.* The study of discourse // Discourse as structure and process. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 1. London, New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 1–35.
4. *Van Dijk T.A.* Discource as interaction in society // Discourse as social interaction. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 2. London, New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 1–38.
5. *Van Dijk T.A.* Elite discource and racism. London, New Delhi: Sage Publications, 1993. 320 p.
6. *Kress G., Leite-Gariz, R., Leeuwen, T. van*. Discource semiotics // Discourse as structure and process. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. Vol. 1. London, New Delhi: Sage Publications, 1997. P. 257–289.

7. *Дейк Т.А. ван*. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
8. *Плотникова А.А*. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. 208 с.
9. *Лотман, Ю.М.* К проблеме типологии культуры // ТЗС. 1967. Т. 3. С. 30–38.
10. *Никонов В.А.* Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 5–33.
11. *Walczak B.* Słownik Wileński na tle dziejów polskiej leksykografii. Poznań : UAM, 1991. 178 s.

Илья Путиков (Беларусь, Минск)

ВИТГЕНШТЕЙН: РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛОВ И МЕТОДИЧЕСКОГО АППАРАТА УЧЕНОГО, ФИЛОСОФА, МЫСЛИТЕЛЯ

Современная лингвистика развивается динамично. Новые постклассические методологии исследования предлагают концептуальные схемы описания и *функционирования языка и общества*, включающие не только *статический* (структурный) срез, но и *динамический* (функциональный) аспект. В осознании динамики, процессуальности, связности и корреляции различных социальных явлений возникают новые методы, задача которых описать или объяснить конкретный эмпирический объект, а также вписать его в динамику общественного развития. Именно по этой причине прогрессивное развитие лингвистики требует поиска соприкосновений с другими социальными науками, а также с философией. Этот поиск общего может привести к возникновению новых концептуальных схем и методологий, обогатить не только лингвистику, но и другие социальные науки и философские системы. Корреляция между лингвистикой и философией требует особого внимания.

Лингвистика как наука испытала влияние философии не только в методологическом формальном аспекте. Содержание и проблемное поле философии XX века так или иначе было связано с поисками новых концептов в сфере языка и речи, что безусловным образом сблизила философию и лингвистику. В процессе оформилась терминологическая база. Например, в философии XX века *лингвистический поворот* как термин используется в двух значениях: *во-первых*, в качестве обозначения общей тенденции в философии, обозначения ее направленности на анализ специфики языка с позиции той или иной философской парадигмы (аналитической, герменевтической, структуралистской, постмодернистской), и, *во-вторых,* в специальном значении – как обращение к языковой проблематике внутри собственно *аналитической философской парадигмы*, что связано, прежде всего, с творчеством Людвига Витгенштейна.

Произведения философа оказали решающее значение на формирование двух философских парадигм в континентальной философии XX столетия. В 1999 году журнал The Philosophical Forum [7] проводил опрос – «что является классикой философии XX столетия?», первое место в котором (в качестве наиболее важного сочинения в философии XX века) заняла посмертно изданная работа австрийского-британского философа «Философские исследования». Влияние «Философских исследований» 1953 года сказалось на формировании современной аналитической парадигмы. «Логико-философский трактат» 1921 года имел определяющее значение для формирования логического позитивизма. Принято считать, что Витгенштейн положил начало двум важным философским направлениям, к которым впрочем, себя не причислял [3].

На сегодняшний день интерес к наследию Витгенштейна не исчезает – существует общество Витгенштейна, которое ежегодно начиная с 1976 года, проводит Международный симпозиум Витгенштейна (в этом году состоится 36-й), проблематика которого чрезвычайно широка – от исследований работ самого Витгенштейна до проблем формирования сознания, памяти, языка и дискурса [6]. В контексте становления лингвистики дискурса, возникает необходимость проанализировать работы Витгенштейна и очертить дискурс этого философа.

Методики каузально-генетической перспективы позволяют провести дискурс-анализ работ Витгенштейна разных этапов творчества и выявить общее и отличительное с фокусом внимания на такие дискурс-категории как «субъект-предметная» и «субъект-субъектная» составляющие дискурса в их глубине и динамике взаимодействия. Два этапа творчества Витгенштейна – *логоцентричный* («Логико-философский трактат», 1921) и *языкоцентричный* («Философские исследования», 1953) определяют два этапа в развитии не только самого философа, содержании его философских поисков, методического аппарата, но и характеризуют изменения в представлениях о языке в XX века в целом. Форма, в которой Витгенштейн предлагает свои концепты непосредственно корректирует актуализацию содержательного потенциала его дискурса и поэтому вызывает большой интерес у исследователей его наследия. *Стиль письма Витгенштейна непосредственно связан и с содержанием, вводимых им концептов, влияет на него, формирует его.*

Занимаясь сферой *идеального*, философ, как принято в данном сообществе, лишен строгой необходимости в привязке собственного способа представления концептов к некоему установленному институциональному соответствию. Наука и философия не только дополняют друг друга, но и противостоят в плане подхода к результатам интеллектуальной деятельности. Если в науке (будь то лингвистика либо физика) способ подачи информации соответствует типу дискурса научного сообщества, вписан в традицию и соответствует регламентам и нормам данного сообщества, то в философии, несмотря на существование различных школ и традиций, каждый из мыслителей так или иначе стремится к *индивидуальному письму*, что, как полагают, приближает философа к писателю. Если писатель – мастер слов, то *философ – мастер концептов*, *идей, интеллектуальных матриц* и м*етодологий*, которым суждено только *стремиться* к универсальному. Таким образом, ***дискурс философского письма*** *коррелирует с научным и писательским дискурсами*. Стремление к выработке *универсальных* категорий роднит философский дискурс с научным, а *индивидуальная* авторская подача – с дискурсом писателя.

Индивидуализированное письмо в контексте философского дискурса зависит прежде всего от того, какие именно идеи раскрывает автор-философ: тот или иной концепт требует той или иной формы выражения, которая и может послужить примером использования собственной концептуальной методологии. *Значение высказывания формируется в процессе использования (The meaning is the usage)*. И в этом смысле исследование *способа вербализации* идей служит дополнительным источником понимания *содержания* философского высказывания. Только единство формы и содержания формирует целостную картину реальности того или иного мыслителя (и для философского дискурса это основа основ).

Пример Витгенштейна иллюстрирует обозначенный выше тезис об особой значимости связи между формой и содержанием, когда форма становится содержанием, а содержание, по-своему, формируется, превращаясь в знак идеи, мысли, концепта, то есть поиск *индивидуального письма* вступает в зависимость от концептуальной задачи автора. Дихотомия *интерактивного* (субъект-субъектного) и *референтного* (субъект-предметного) становится ядром (ключевой позицией), отделяющей Витгенштейна 20-х годов («Логико-философский трактат» датируется 1921 годом) и Витгенштейна 50-х («Философские исследования» были изданы посмертно в 1953 году).

Иначе говоря, обсуждая дискурс-реальность в контексте каузально-генетического подхода, мы говорим о единстве феномено-центричном и идея-центричном, но также предмет-центричном и субъект-центричном, а вместе о единой структурно-системно-иерархическо-линейной репрезентации индивидуального и универсального в философском дискурсе. С этих позиций и подойдем к анализу, а затем и сопоставлению двух ключевых работ мастера философского письма.

Структурная организация «Логико-философского трактата» представляет собой достаточно цельную и продуманную монолитную дискурсию, которая состоит из краткого *введения* и *семи разделов*. Пример эмпирического материала, а также комментарии к нему, представленные в таблице 1, позволяют характеризовать работу в целом.

Таблица 1

База данных для анализа
«Логико-философского трактата» и комментарии к ней

Логико-философский трактат (1921) [1]	**Комментарии**
(Введение) Я не хочу судить о том, в какой мере мои усилия совпадают с усилиями других философов. Ведь написанное мною не претендует на новизну деталей, и я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я. *(Основная часть)* 2.1512. Он подобен масштабу, приложенному к действительности. 2.15121**.** Только самые крайние точки деления шкалы касаются измеряемого объекта. 2.021. Объекты образуют субстанцию мира. Поэтому они не могут быть составными. 2.02. Объект прост. 5.553. Рассел говорил, что имеются простые отношения между различными количествами предметов (индивидов). Но между какими количествами? И как должно это решаться? Опытом?	Акцент на авторском «я», стремление к доминированию над любыми возможными иными дискурсиями в данном дискурсе, но в тоже время стремление к отстраненности от общего фило-софского контекста. Линейная организация текста; последовательная нумерация в строго научном стиле. Преимущественное использование простых повествовательных высказываний постулативного характера. Преобладают простые односложные высказывания, при наличии определенного количества вопросительных высказываний. Наличие референции к дискурс-группе неопозитивистской философии (Рассел). Метафизичность, абстрактность языкового аппарата. Монологичность дискурсии.

Акцент в «Логико-философском трактате» сделан на референтном (субъект-предметном) содержании. Направленность на *внешнюю* коммуникацию

практически не проявляется в тексте, Витгенштейн держится вокруг своей идеи, и ее выражение занимает работу куда более чем поиск коммуникации с потенциальной референтной группой. На первый взгляд кажется, что автора не интересует, как поймут его работу, однако для выражения *субъект-субъектного содержания* Витгенштейн предлагает последовательную *линейную* нумерацию, в которой раскрывается его стремление к организации *интерактивного содержания*. Несмотря на то, что автор прежде всего писал этот текст для самого себя, в качестве внутреннего *монолога*, направленность на «свою» референтную группу присутствует в тексте. Использование специальной лексики показывает, на какую *дискурс-группу* этот текст направлен (и какую формирует). Абстрактный, логически верный, а иногда метафизический языковой аппарат точно очерчивает сообщество ранних аналитиков, чей языковой аппарат стремится преодолеть метафизичность всей предыдущей философии и соединить ее с наукой – прежде всего формальной логикой. Именно к ранним аналитикам Витгенштейн изредка обращается в тексте, хотя такие редкие примеры – это исключение из структуры текста: стремление к интеллектуальным установкам ранней аналитики проявляется и в неэмоциональности текста, использовании лаконичных высказываний простого типа.

Написанный в плену во время Первой мировой войны «Логико-философский трактат», по мнению тогда еще молодого Витгенштейна, имел целью дать *ответы на <u>все</u> философские проблемы*, которые «основываются на неправильном понимании логики нашего языка», а также «установить границы ... выражения мыслей», что можно сделать «только в языке». Немало важная деталь, о которой предупреждает автор, – «истинность изложенных здесь мыслей кажется мне неопровержимой и окончательной» [1]. Такая категоричность нашла отражение и в способе подачи концептов: Витгенштейн предлагает аксиомы *короткие утвердительные односложные высказывания*, в которых мыслитель постулирует свою *позитивистскую* программу. Работа состоит из краткого вступления и *семи главных тезисов*, каждый из которых раскрывается в логической линейной последовательности следующих за ним тезисов (каждый из тезисов обозначен цифрой, каждый из зависимых тезисов указан по принципу 1 - 1.1 - 1.1.2). Некоторые из таких тезисов приобрели статус афоризмов («границы моего языка означают границы моего мира» [1]), что свидетельствует не только о стремлении автора достичь логической простоты, но и о глубоком языковом чувстве.

Такая подача материала свидетельствует не только об абсолютной уверенности автора в истинности собственных убеждений (о чем автор утверждает во вступлении), но и о *соответствии текстовой организации с корпусом идей автора*: позитивистское мышление – это мышление в простых и понятных выражениях, *в чистых очевидностях*. Каждое истинное высказывание, организованное по законам формальной логики, имеет корреляцию с внешней действительностью («логика наполняет мир; границы мира являются также ее границами» [1]). Такие чистые очевидности (то есть соответствующие внешней действительности и законам формальной логики) – это (в варианте Витгенштейна) *короткие аксиоматические тезисы*, организованные в математически строгие ряды.

«Логико-философский трактат» оказал определяющее влияние на развитие позитивистской философии в первой половине XX века. Несмотря на суще-

ствование ряда похожих по содержанию работ и у других *ранних аналитиков* (Фреге, Рассел, представители «Венского кружка»), именно работа Витгенштейна обрела такой определяющий статус, что не в последнюю очередь связано с оригинальной формой, в которой Витгенштейн написал свою работу.

Обращаясь к «Философским исследованиям», написанным в другую интеллектуальную эпоху, необходимо отметить, что несмотря на определенную формальную схожесть композиционной организации произведений («Философские исследования», как и «Логико-философский трактат», состоят из введения и последовательно пронумерованных высказываний), существует большая разница в подаче материала. Таблица 2 представляет собой набор характерных высказываний из «Философских исследований», а также комментариев к ним, дающих возможность судить о структуре и способе организации материала в целом.

Таблица 2

База данных для анализа
«Философских исследований» и комментарии к ней

Философские исследования (1953) [2]	**Комментарии**
4. Представь себе письменность, в которой буквы использовались бы для обозначения не только звуков, но и как знаки ударений и пунктуации. 18. Тебя не должно смущать, что языки (2) и (8) состоят только из приказов. 21. Представь себе языковую игру, в которой В в ответ на вопросы А сообщает ему о количестве плит или блоков в штабеле или же о цвете и форме строительных камней, лежащих там-то. Так сообщение могло бы звучать: «Пять плит». В чем же разница между сообщением или утверждением «Пять плит» и приказом «Пять плит!»? 22. С таким же успехом можно было бы записывать каждое утверждение в форме вопроса с последующим подтверждением, например, «Идет дождь? Да!». Разве этим доказывалось бы, что в каждом утверждении скрывается вопрос?	Диалогичность текста, обращенность к потенциальному читателю. Линейная и нелинейная организация текста в последовательной нумерации отдельных заметок – некоторые части текста линейно иерархичны, иные – нелинейные, могут отсылать к совершенно разным частям дискурсии. Метафоричность, использование ситуаций бытового характера для описания концептов, использование иронии. Использование высказываний побудительного и вопросительного типа. Преобладают сложные высказывания, предлагающие читателю присоединиться к автору в поиске ответов на поставленные задачи.

Единственная позиция, которая объединяет «Логико-философский трактат» и «Философские исследования», – это использование нумерации отдельных частей. Если в первом случае нумерация последовательно изменяет ряд логических выводов, то в «Философских исследованиях» нумерация помогает вернуться от одной заметки к другой в *нелинейной зависимости*, иногда заметки образуют относительно длинные цепи рассуждений об одном и том же предмете, иногда их содержание быстро меняется, перепрыгивая от одной мысли к другой. Направленность на *диалог* является явной интенцией позднего Витгенштейна, в тексте практически каждое из высказываний начинается с *обращения к потенциальному читателю*. Впрочем, акцент на *интерактивной*

форме текстовой организации является одним из способов выражения *референтного* содержания (субъект-предметного), оно выражается у позднего Витгенштейна практически без использования специальной лексики – без философского абстрактного метафизического аппарата (преодолением которого он занимался в «Логико-философском трактате»), что свидетельствует о стремлении автора к расширению *дискурсной группы.* Если «Логико-философский трактат» вписан в дискурс сообщества логического позитивизма и ранней аналитики, то «Философские исследования», наоборот, направлены на максимально широкую аудиторию: от интеллектуалов до «простых» людей. Стремление присоединить к собственному дискурсу максимально широкую аудиторию выражается и в стремлении к эмоциональной окрашенности текста. Используя простые бытовые ситуации, *метафоричность* естественного языка, а также его *парадоксальность* и *ироничность*, что возможно обнаружить в развернутых высказываниях, философ лишает свою концепцию и однозначности восприятия, *приглашая* таким образом, к взаимодействию: для того чтобы понять концепцию, нужно присоединиться к ней, войти в один дискурс с ее автором, предложить свою интерпретацию.

Одна из главных причин, по которой Витгенштейн не мог написать свою работу в другой форме, заключается и в объекте исследования – *языке* и тем факторам, которые *дают значение* высказываниям в одном случае и *нарушают* его в другом.

Избегая разделения на «метафизический» язык и «практическую» речь (дихотомия Сосюра была не существенна для Витгенштейна), философ пытается описать язык как деятельность, процесс, разветвленную сложную систему, ключевым концептом для описания которой служат *языковые игры*.

Языковые игры – концепт-метафора, которая указывает на то, что язык, как и любая игра, имеет набор соответствующих правил. Участники языковой игры знают эти правила («глубинная грамматика»), однако не могут предложить метаязык, правило, которое бы описывало универсальный способ организации той или иной игры. Каждая языковая игра – это конкретная ситуация с конкретными участниками и соответствующим набором правил и соглашений, которые характерны именно для этого времени, места и участников. *Языковые игры имеют сходство между собой, наподобие семейного*, «мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом» [2]. Эти сходства возможно исследовать, если искать параллели с другими языковыми играми, но универсальный набор правил для задания языка невозможен: «мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены» [2]. Таким образом, Витгенштейн предложил **динамическую модель языка как совокупности разнообразных речевых практик в ситуациях**.

Именно эта языковая игра – постройка из нелинейных замечаний, которые требуют *соучастия* в процессе воссоздания мыслей и идей мыслителя, отразилось на форме «Философских исследований». Если язык формируется в живом процессе непосредственных ситуаций, которым не могут быть заданы универсальные правила поведения, то и сам текст Витгенштейна избегает этих универсальных правил – постулатов, аксиом, метаязыка, теоретизирования. Именно таким образом мыслитель побуждает к соучастию, диалогу, коммуникации, присоединению.

Такая интерпретация языка легла в основу интерпретации *общества как совокупности различных социальных групп и группировок*, каждая из которых обладает собственной спецификой и определенными «семейными» чертами сходства, а также собственным языком, собственной языковой игрой – *собственным дискурсом*.

Между понятиями «дискурс» и «языковая игра» очевидна корреляция. Невозможно предложить универсальную структуру для всех видов дискурсов, потому что в каждом конкретном случае необходимо корреляция с конкретной ситуацией, местом, набором правил для этого типа ситуации. Лингвистика дискурса разрабатывает *прикладные* методики, которые могут быть полезными для анализа одних речевых ситуаций и совершенно непригодными к другим: дискурс устанавливает и правила его исследования.

Таким образом, наследие Витгенштейна чрезвычайно актуально для исследователей дискурса. И если «Логико-философский трактат» задал вектор на *поиск корреляции между реальностью и языком*, то в контексте «Философских исследований» был осуществлен *поворот к аналитике реальных коммуникативных условий функционирования языка*, что стало одной из предпосылок формирования дискурс-анализа.

Использование каузально-генетической перспективы и ее методик позволило *раскрыть специфику референтного и интерактивного компонентов содержания* «Логика-философского трактата» и «Философских исследований». Аппарат каузально-генетической перспективы говорит о необходимости *рассматривать отдельно* референтное и интерактивное содержание, чтобы потом (после процедуры анализа) их объединить. Единство субъект-предметного и субъект-субъектного компонентов создает целостность произведения, однако *фокус* автора может быть направлен на один из компонентов. *Если в «Логико-философском трактате» автор фокусируется на референтном содержании, то в «Философских исследованиях» акцент сделан на интерактивном компоненте.* Такой перенос фокуса обусловлен не только *интеллектуальными задачами автора*, но и развитием представлений о *дискурсной группе* – от узкого круга аналитиков до максимально широкой аудитории. Также подобные перемены связаны и с изменением статуса Витгенштейна: от молодого амбициозного исследователя, жаждущего решить одним текстом все вопросы в философском дискурсе, до профессора философии в Кембридже, который пытается выразить ряд неструктурированных замечаний по необъятной проблеме – функционированию языка.

Значение, которое приобрели работы Витгенштейна для гуманитарной науки в целом, позволяет говорить о выходе автора за пределы внутри философского дискурса. Витгенштейн – знаковая фигура для всей гуманитаристики: поднимая общезначимые проблемы для всего гуманитарного познания он является одной из ключевых фигур в гуманитарной науке и философии XX века.

---

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html. Дата доступа: 25.04.2013.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/st000.shtml. Дата доступа: 25.04.2013.

3. *Вригт Г.Х.* фон. Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elenakosilova.narod.ru/studia4/wittgenstein.pdf Дата доступа: 19.05.2013.
4. *Савич Е.В.* Медийный дискурс лоббирования: пространственная организация содержания // La Table Ronde . Вып. 1. Дискурс в академическом пространстве/ под ред. И. Ухвановой-Шмыговой и М. Сарновского. Минск: Изд. центр БГУ, 2010.
5. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* Каузально-генетическая перспектива исследования дискурса // La Table Ronde. Вып. 1. Дискурс в академическом пространстве/ под ред. И. Ухвановой-Шмыговой и М. Сарновского. Минск: Изд. центр БГУ, 2010.
6. Austrian Ludwig Wittgenstein Society. International Wittgenstein Symposium [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alws.at/index.php/ Дата доступа: 25.04.2013.
7. *Lackey Douglas P.* What Are the Modern Classics? The Baruch Poll of Great Philosophy in the Twentieth Century / Douglas P. Lackey // The Philosophical Forum [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/0031-806X.00022/abstract?systemMessage=Due+to+scheduled+maintenance+access+to+the+Wiley+Online+Library+may+be+disrupted+as+follows%3A+Monday%2C+6+September+-+New+York+0400+EDT+to+0500+EDT%3B+London+0900+BST+to+1000+BST%3B+Singapore+1600+to+1700 Дата доступа: 18.05.2013.

Анна Матущик (Польша, Лодзь)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СООБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ХИП-ХОПА

Целевые установки исследования. Язык представляет собой одно из средств самовыражения, и в этой связи важно не только то, *что* вы говорите, но и *как* вы это говорите. В дискурсе «хип-хопа *слово* – это источник и поклонения, и состязания» [1, с. 204]. Реперы (исполнители хип-хопа) принимают участие в популярных битвах в свободном стиле, чтобы доказать свое мастерство владения словом, показать, насколько они искусны в составлении слов и в спонтанном создании осмысленных фраз (в основном ритмичных) на определенную тему, что и подвергается оценке. Возникнув в традиционной африканской культуре потомков рабов, культивирование *слова* в современных афроамериканских сообществах, увлекающихся хип-хопом, доказывает, что язык – это не только средство общения, а целый «ряд предпочтений, репрезентирующих взгляды, несущие определенные последствия» [1, с. 190]. Чтобы жить в таком сообществе, нужно знать, что и в каком контексте говорить. Отсюда и одна из самых важных черт рэпера – «делать, как в жизни», чтобы получить одобрение аудитории. Тогда рэпер заслуживает доверие аудитории. Поразительно, но в этом процессе опыт трудной семейной ситуации, несчастное детство, трудности с поиском приличной работы или низкая зарплата, наличие криминального прошлого или борьба с зависимостью, а также множество других жизненных трудностей воспринимаются позитивно. Они усиливают представления о рэпере как об обыкновенном человеке с такими же проблемами, как и у его фанатов, что делает его аутентичным.

Возникнув из джаза и блюза, рэп-музыка преимущественно является жанром чернокожего населения. Из-за интенсивного развития хип-хоп куль-

туры во второй половине XX века, язык используемый исполнителями рэп-музыки, стал позитивно восприниматься белой молодежью и энтузиастами рэпа. Наряду с другими элементами этой культуры: специфический стиль одежды, граффити, брейк-данс приобрел популярность. И сегодня есть белые, пытающиеся говорить на этом варианте языка, а именно на афроамериканском английском (АА), то есть на «не соответствующим нормам английском языке черных, проживающих в гетто» [2, с. 3]. Из-за желания стать одобряемым членом хип-хоп сообщества и восприниматься «крутым» одногодками рэперы начинают использовать черты афроамериканского английского в своей речи [3, с. 314–315]. Цель моего исследования – изучить отношения между культурной идентичностью и ее репрезентацией в грамматике данного диалекта. Иначе говоря, работа нацелена на проверку того, как потребность принадлежать или быть принимаемым определенным сообществом (в данном случае, хип-хоп сообществом) может привести к языковым вариантам.

Материал и методологические основания. Базовое допущение нашего исследования состоит в том, что белые американские рэперы, идентифицирующие себя с хип-хоп культурой, будут использовать конструкции АА также часто, как и афроамериканские рэперы, что подтвердит гипотезу о том, что АА больше не представляет собой этнический вариант языка, а скорее культурный вариант и указывает на то, что белые рэперы адаптируют используемый ими язык, чтобы быть принимаемыми закрытым сообществом, где доминируют афроамериканцы. Исследование проводилось на материале восьми песен, написанных в стиле рэп (авторы у каждой песни разные): четыре из них написаны афроамериканскими рэперами, а четыре – представителями других культур. Отбор песен и исполнителей не был случайным. Четыре белых рэпера были выбраны на основе интернет-рейтинга. Афроамериканские рэперы отбирались в соответствии с местом проживания белых рэперов, таким образом, создавая «пары» (афроамериканец – неафроамериканец) из четырех местностей – Атланты, Нью-Йорка, Лонг Айленда и Калифорнии. Так сложились пары. Также принималось во внимание количество проданных записей. Предпочтение отдавалось тем, у кого количество продаж было примерно одинаковым (в каждой паре). С этой целью мы проверили сертификаты цифровых продаж на вебсайте Американской ассоциации звукозаписи. Методом жребия были отобраны песни (информацию об исполнителях и песнях см. в *Приложении 2*), но только из альбомов, записанных примерно в один и тот же год (в паре). Благодаря этому контролировались факторы региона, возраста записи и популярности исполнителя (понимаемой в размере продаж альбомов). Используя несколько книг, посвященных АА, был составлен список наиболее ярких грамматических черт, которые представлены в *Приложении 1*. Все случаи проявления этих черт подсчитывались вручную.

Результаты исследования. Общее количество грамматических черт АА, использованных во всех восьми рэп-песнях, составило 89 случаев, из них только 24 использовались неафроамериканскими рэперами, что составило примерно 27 % от общего числа.

Результаты исследования показали, что белые рэперы использовали грамматические черты АА, но не настолько часто, как черные рэперы. В текстах песен из разных городов не было случая, когда количество грамматических черт, используемых белым рэпером, численно превысило бы количество

таких характеристик в текстах песен черных авторов. Интересно, что результаты значительно отличались в зависимости от города, например, в Лонг Айленде результаты были достаточно сходными: 14 черт были использованы белым рэпером, а черный рэпер использовал 19. В Калифорнии результаты различались: 3 грамматических характеристики были использованы белым рэпером, сравните с 24 грамматическими явлениями в «черных» песнях. Более того, результаты меняются, если ведется подсчет грамматических явлений, исключенных вначале: использование *y'all, ain't* и *множественного отрицания*. Например, число таких грамматических явлений в текстах песен Bubba Sparxxx возрастает с 3 до 11. Это говорит о том, что белые рэперы выбирают такие черты АА, которые легко имитировать. К тому же, оказывается, что явления, используемые афроамериканцами в целом намного более разнообразны по сравнению с характерными чертами, используемыми не афроамериканцами из всех четырех местностей. Кажется, белые рэперы все время используют две самые популярные характерные грамматические черты (выпадение глагола-связки «be», а также обобщение единственного и множественного числа) и не используют более сложных, что подтверждает идею о том, что использование ими черт АА, в определенном смысле, искусственно.

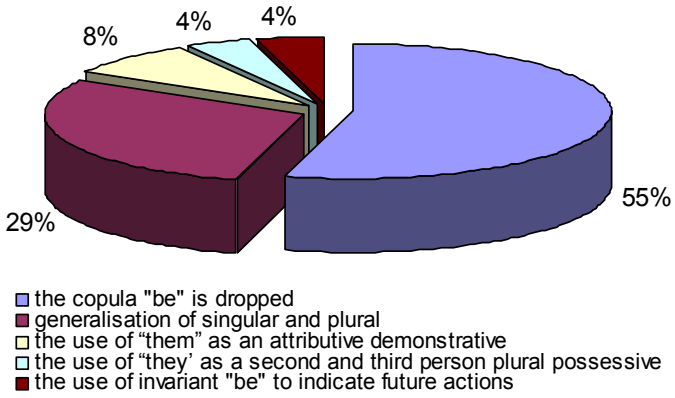

Diagram 1. AAVE grammatical features used by non-African American rap artists

Диаграмма 1. **Грамматические черты АА, используемые неафроамериканскими исполнителями рэпа:**

- выпадает глагол-связка «be»;
- обобщенное использование единственного и множественного числа;
- использование «them» в качестве определительного указательного местоимения;
- использование «they» в качестве притяжательного местоимения второго и третьего лица множественного числа;
- использование инварианта «be», чтобы указать на действия в будущем.

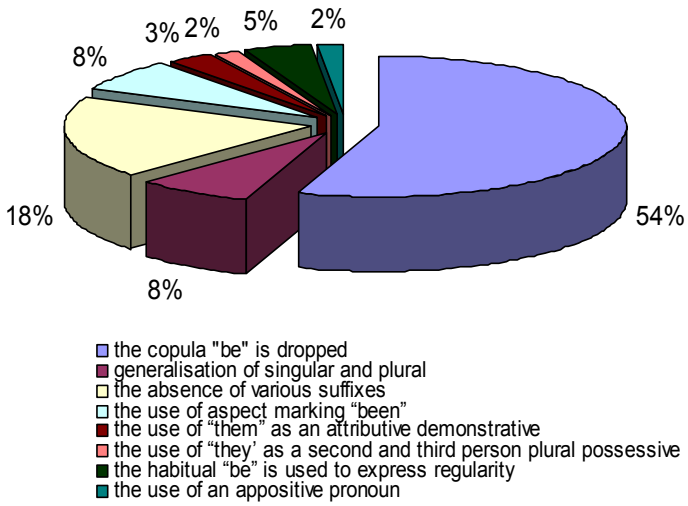

Diagram 2. AAVE grammatical features used by African American rap artists

Диаграмма 2. **Грамматические черты АА, используемые афроамериканскими исполнителями рэпа:**

- выпадает глагол-связка «be»;
- обобщенное использование единственного и множественного числа;
- отсутствие ряда суффиксов;
- использование «been» в качестве указателя залога глагола;
- использование «them» в качестве определительного указательного местоимения;
- использование «they» в качестве притяжательного местоимения второго и третьего лица множественного числа;
- «be» используется для выражения закономерности, постоянства;
- использование местоимения в функции приложения.

Рэп как народный комментарий о современном мире. Рэп-музыка тематически организована вокруг проблем социоэкономического и политического характера. Считается, что «хип-хоп возник как ответ молодежи на политическую идеологию эры Рейгана–Буша и как ее протест против социального и гражданского невнимания к городским школам и городскому сообществу» [1, с. 187]. В начале дискурс хип-хопа представлял собой нишу, сильно заклейменную белой частью нации, хотя для афроамериканцев он нес более глубокое, почти абсолютное послание, выражаемое словами рэпера, похожего на проповедника.

Исследователь Смейтхерман [4, с. 4] отмечал, что рэп-музыка глубоко укоренена в черной устной традиции тональной семантики, повествования, значения/означивания, массы/игры в массы, африканизированного синтаксиса и других коммуникативных практик. Рэппер – это постмодернистский африканский жрец – вербально одаренный рассказчик и историк культуры в традиционном африканском обществе. Как афроамериканский «жрец» рэпер должен быть лирически/лингвистически беглым; ожидается, что он(а) будет свидетельствовать, говорить правду. Уже на заре формирования рэп-музыки, ожидалось, что рэпер будет говорить быстро.

В свою очередь, отмечая целевую направленность функционирования дискурса хип-хопа, Морган [1, с. 189] констатировал, что «хип-хоп создавался,

скорее, для того, чтобы выкристаллизовать молодую, городскую афроамериканскую идентичность, а не из-за какого-либо другого исторического или политического изменения, произошедшего с конца 1970-х». Интересно, что недавняя популяризация рэп-музыки помогла ей достичь более широкой аудитории, но также привела к ее неизбежной коммерциализации, которая трансформировала прежний ритуал в обыкновенное получение прибыли. Тем не менее позитивная сторона возникновения всей рэп-индустрии состоит в том, что черная молодежь из гетто вдруг получила больше жизненных перспектив и шансов получить хорошее образование.

Рэп-артисты сильно связаны друг с другом, поэтому они воспринимают друг друга как семью, а преданность своему сообществу считается высшей ценностью. Даже члены, достигшие мирового успеха, часто подчеркивают свои корни и принадлежность к конкретной команде или бренду звукозаписи [5, с. 18, 238; 6, с. 34, 43]. Аналогичным образом фанаты и энтузиасты в целом воспринимаются серьезно, а рэп-поэзия нацелена на то, чтобы быть выразительной, содержательной, зачастую, моралистичной.

Сцена хип-хопа в Польше. Хотя польская рэп-сцена намного моложе американской, она сходна, если говорить о месте, где она в основном родилась: городские гетто, бедные джунгли деловой части города, где дети растут на улице, и где музыка часто является их единственной альтернативой реальности и шансом на лучшую жизнь. И польский, и американский рэп затрагивают сходные проблемы: насилие, бедность, несправедливость, политику и пр.

Будучи частью популярной культуры, польская рэп-музыка коммерциализировалась в середине девяностых. Но, с другой стороны, согласно наблюдениям специалиста рэп-культуры в Польше Берназевича [7], польский рэп является не только голосом рабочего класса. Все чаще польский рэп – это выражение фрустрации недооцененных, лишенных работы или никогда ее не имевших, по-своему несчастных, но одновременно и хорошо образованных молодых людей. Польский рэп уличают в повышенной пессимистичности, но вместе с тем надо признать, что он морален, так как призывает людей поступать нравственно и пропагандирует универсальные ценности, такие как семья, родина, преданность друзьям, любовь. Несомненно, в определенных городских районах рэп-музыка берет на себя роль воспитателя, который помогает молодым определиться, учит их следовать своим мечтам и активно искать свой путь, дает им надежду на лучшее будущее.

Приложение 1

Грамматические черты афроамериканского английского (морфологические и синтаксические), характеризующие дискурс хип-хопа:

1. В настоящем времени глагол-связка «be»часто выпадает, напр., АА *She very nice* вместо *She's very nice*, *They acting silly* for *They're acting silly* [8, с. 186–189; 9, с. 117].
2. Использование «be» для выражения закономерности, регулярности, напр., АА *She be singin'* вместо *She often sings* [10, с. 68].
3. Использование «be» для выражения действий в будущем, напр., АА *He be here soon* вместо *He will be here soon* [11, с. 20].

4. «Отсутствие ряда суффиксов (притяжательного) и окончаний (третьего лица единственного числа, множественного числа –s)» [12, с. 218] – e.g. АА *John house* вместо *John's house*; АА *He walk* вместо *He walks*; АА *Two boy* вместо *Two boys* [13, с. 7].
5. Использование дополнительного «done» в качестве вспомогательного глагола, чтобы указать на прошлое время, напр., АА *They done go* вместо *They went* [9, с. 119] или чтобы подчеркнуть, что действия завершены, АА *He done did it* вместо *He's done it* [13, с. 6].
6. Использование указывающего на аспектность «been» показывающего, что действие началось уже давно и все еще продолжается, напр.,. АА *She been running* вместо *She has been running (for a long time)* [14, с. 54–55].
7. «Is» и «are» обобщаются, напр., АА *They is crazy* вместо *They are crazy* [13, с. 7]
8. Использование квазимодальных глаголов: *liketa*, *poseta,* напр., АА *I liketa drowned* вместо *I nearly drowned*, *You don't poseta do it that way* вместо *You're not supposed to do it that way* [13, с. 7].
9. Использование местоимений в функции приложения, напр., АА *The teacher, she yell at the kids* вместо *The teacher yells at the kids* [13, с. 7].
10. Использование *y'all* и *they* в качестве притяжательных местоимений второго и третьего лица множественного числа, а *them* в качестве атрибутивного указательного местоимения, напр., АА *It's y'all ball* for SE *It's your ball*, *It's they book* for *It's their book*, *She likes them apples* вместо *She likes apples* [19, с. 125–126].
11. Использование *ain't* в качестве общего отрицания, сравните в стандартном английском *am not*, *isn't*, *aren't*, *hasn't*, *haven't, didn't, напр.,* АА *She ain't here* вместо *She isn't here*, *He ain't do it* вместо *He didn't do it* [13, с. 7; 10, с. 68].
12. Использование множественного отрицания, напр., АА *Nobody ain't gonna spend no time going to no doctor* вместо *Nobody is going to spend any time going to a doctor* [15, с. 18].
13. Отсутствие инверсии в вопросах, напр., АА *Why they ain't growin'?* вместо *Why aren't they growing?* [14].
14. Использование *they got* вместо *there is/there are,* напр., АА *They got some books over there* вместо *There are some books over there* [14, с. 80, 191].
15. Использование цитирующего *say,* напр., АА *She tell him (*and) say, go get your mail* вместо *She told him, «go and get your mail» / She told him to go and get his mail* [15, с. 16].
16. Использование *steady* – предикативного наречия, используемого перед континуативом, чтобы указать на напряженный, устойчивый и последовательный характер действия, напр., *He be steady rappin'* [16, с. 101–103].

Приложение 2

Материал исследования (песенная лирика):

«Intergalactic» by Beastie Boys –
http://www.azlyrics.com/lyrics/beastieboys/intergalactic.html
«So Ghetto» by Jay-Z - http://www.azlyrics.com/lyrics/jayz/soghetto.html

«Jimmy Mathis» by Bubba Sparxxx –
http://www.azlyrics.com/lyrics/bubbasparxxx/jimmymathis.html

«Dead Homies» by Goodie Mob –
http://www.azlyrics.com/lyrics/goodiemob/deadhomies.html

«Every Record Label Sucks Dick» by R.A. the Rugged Man –
http://lyrics.wikia.com/R.A._The_Rugged_Man:Every_Record_Label_Sucks_DICK

«Give Em What They Askin For» by Busta Rhymes –
http://www.azlyrics.com/lyrics/bustarhymes/giveemwhattheyaskinfor.html

«The Hardest Love Song In The World» by Yelawolf –
http://www.azlyrics.com/lyrics/yelawolf/thehardestlovesongintheworld.html

«California Dream» by The Game –
http://www.azlyrics.com/lyrics/game/californiadream.html

1. *Morgan M.* Nuthin' but a G thang: Grammar and language ideology in Hip Hop identity. In S.L., 2001.
2. *Labov W*. Language in the inner city. Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 1972.
3. *Cutler C.* Yorkville Crossing: White teens, hip hop and African American English. In R. Harris & B., 1999.
4. *Smitherman G.* The chain remain the same: Communicative Practices in the Hip Hop Nation. Retrieved from: http://www.jstor.org/pss/2784891. 1997.
5. *Forman M., & Neal M.A*. That's the joint!: The Hip Hop Studies Reader. New York: Routledge, 2004.
6. *Rose T.* Black Noise: Rap Music and Black Culture in Contemporary America. Middletown: Wesleyan University Press, 1994.
7. *Bernasiewicz M.* Młodzież i popkultura. Dyskursy światopoglądowe, recepcja i opór. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2009.
8. *Holmes J.* An introduction to sociolinuistics. Harlow: Pearson Education Limited, 2008.
9. *Wolfram W.* The grammar of urban African American Vernacular English / B. Kortmann & E. Schneider (eds.) // Handbook of Varieties of English. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
10. *Davies D.* Varietes of Modern English: An Introduction. Harlow: Pearson Education Limited, 2005.
11. *Smitherman G.* Talkin' and Testifyin': the language of Black America. Boston: Wayne State University Press, 1977.
12. *Wolfram W. & Shilling-Estes N.* American English: dialects and variation. Malden: Blackwell, 2006.
13. *Rickford J.* African American Vernacular English: Features, Evolution, Educational Implications. Malden: Blackwell, 1999.
14. *Green L.J.* African American English: A linguistic introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
15. *Mufwene S.S., Rickford J.R., Bailey G. & Baugh J*. African-American English: structure, history and use. London: Routledge, 1998.
16. *Baugh J*. Out of the mouths of slaves: African American language and educational malpractice. AustinUniversity of Texas Press, 1999.

Евгений Зубков (Кельце, Польша)

РУССКИЙ УГОЛОВНЫЙ ДИСКУРС: РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛОВ С ОПОРОЙ НА РЕКОНСТРУКЦИЮ ДИСКУРСНЫХ ГРУПП

В русскоязычной Википедии «золотая рота» описана как «русский фразеологизм, имеющий два значения. Оба они связаны с реалиями Российской Империи» [1]. *Предметом* исследования в представленной статье является «второе значение» этого «русского фразеологизма», относящееся к «низам общества и преступному миру», а *целью* – доказательство неполного соответствия поданной в Википедии информации смыслу данного словоупотребления в русском уголовном дискурсе, а также фактам и информации, которую можно признать достоверной. Таким образом, наш дискурс-анализ выступает в качестве экспертного, то есть анализа, устанавливающего истинность.

Начнем с того, что после описания *роты дворцовых гренадер Русской Гвардии* читателю словарной статьи в Википедии предлагается информация о том, что «впоследствии в просторечии это выражение приобрело переносный и бранный смысл. Название «золотая рота» стали применять к созданным в 1823 году арестантским ротам при крепостях и вообще арестантам. Кроме того, оно стало обозначать деклассированные слои общества, опустившихся, обнищавших людей, выступать синонимом слов «сброд», «босяки», «оборванцы» [1].

Этимологическая составляющая дискурс-анализа. Разумеется, механизм переноса значения с *роты дворцовых гренадер* из-за обилия красного и золотого цветов в их мундирах на преступный мир понятен, поскольку в словарной статье «Золотая рота» есть ссылка на «Мои скитания» В. Гиляровского. Во второй главе «Моих скитаний» описаны цвета «артели Репки»: «На всех батырях (примеч. грузчиках, выносивших мешки) были *жилетки красного сукна, обшитые то золотым, то серебряным, смотря по степени силы, галуном*». Данная цитата не приведена в словарной статье «Золотая рота», но ход мыслей составителя или составителей данной словарной статьи понятен. Этот перенос значения похож на современный, как, например, ***первая камера, хата*** – «независимо от номера называется заключенными первой, где содержатся авторитеты блатных, куда поступает вся важная информация и которые, посоветовавшись между собой, выносят окончательное решение, кого за провинность отругать, избить, изнасиловать и т.д., что подлежат безоговорочному исполнению слепо и без всяких обсуждений» [2, с. 312]. В современном русском уголовном дискурсе «первая» – «хата», а в уголовном дискурсе царской России *рота дворцовых гренадер* – «первая», она же «золотая». Да и «жилетка», упоминаемая у В. Гиляровского, является дополнительным доводом в пользу этимологии «русского фразеологизма», поскольку «в воровском мире правилка (примеч. – жилет) считается своего рода опознавательным знаком или символом авторитета» [3, ч. 2, с. 304]. И возможно, для многих представителей «преступного мира» царской России подобное этимологическое соотнесение с *ротой дворцовых гренадер* было очевидным, принимая во внимание существова-

ние номинации «арестантская рота»[1]. Отсюда появляется *возможность интерпретации красного цвета как цвета «золоторотцев»*, то есть членов «золотой роты», на основе мундиров дворцовой гвардии. Но возникает вопрос: *для всех ли представителей преступного мира царской России?* Ряд фактов не позволяет полностью согласиться с утверждением о «русскости» фразеологизма «золотая рота». Возможно, при рассмотрении в неразложимости синтагмы можно говорить о «русскости», то есть «золотая» и «рота», но вот *смысл, заложенный во внутренней форме* «рота» и его мотивированность могут иметь происхождение нерусское.

В немецком языке встречается лексическая единица «die Rota» как «die Rota Romana» – наивысший папский суд католической церкви [4]. Возможность рассмотрения «die Rota Romana» как этимологического прототипа «Золотой роты» рассмотрена ниже. В том же словаре встречается также «Rotuere» как низшие слои общества, этимологически из латыни через французский с отметкой «устаревшее», а также «Rotuerier» как соответствие русского «золоторотца» в значении, упоминаемом в русскоязычной Википедии. В данной связи необходимо вспомнить о том, что прилагательное «rot» по-немецки обозначает красный цвет.

Кроме того, в германистике одним из названий по отношению к языковому явлению, именуемому в представленной статье *уголовным дискурсом*, с целью избегания до сих пор спорного разграничения арго/фени/тюремно-лагерного жаргона/криминального сленга[2] и т.д., является «Rotwelsch». Проверка словарной статьи «Rotwelsch» в немецкоязычной Википедии [6] дает отнесение «welsch» к средневерхненемецкому для обозначения французов и итальянцев как «romanisch», хотя последнее может также обозначать римлян. «Rot» относится к мошенникам, обманщикам, имеет значения «грязный, нечестный» и т.д., встречается «Rotte» как «банда». В германистике существует ряд версий относительно происхождения названия «Rotwelsch», однако дискуссия по данному вопросу к теме исследования не относится. Упомянем лишь некоторые смыслы, вкладываемые в данное словоупотребление в немецком языке, релевантные для представленного исследования:

---

[1] В современном русском уголовном дискурсе употребляются номинации «бригада» и «отряд», но «(...) с середины 30-х гг. рота исчезает и бригада становится одновременно и производственной и быт.-орг. единицей» [3, ч. 2, с. 342]. «Ротный» в русском уголовном дискурсе 30-х годов прошлого века – соответствие современным «бригадир», «бугор». Необходимо упомянуть также о «шестнадцатой роте», как «(...)соловчане называли кладбище» [3, ч. 2, с. 454], поскольку в 20-х годах на Соловках заключенные были распределены по ротам, которых было 15.

[2] В представленной статье дискурс понимается, согласно концепции О.В. Лещака, как «пространственно-временной и информационный континуум, который возникает после соединения и взаимного соотнесения всех вышеизложенных пониманий, сосредотачивается вокруг текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосемиотической системы (кода) в границах определенного функционального типа деятельности, основанной на опыте. Именно такой функционально-прагматический вариант лингвосемиотической деятельности (или лингвосемиотического опыта, что оказывается одним и тем же), ограниченный временем, способом действия и/или тематикой, содержащий специфические элементы кода, определенные действия и характерные тексты можно с точки зрения функционально-прагматической методологии назвать „дискурсом”» [5, с. 34].

«”**Rot boß”**, которое упоминается в появившемся в 1510 Liber vagatorum, что означает “пристанище для нищих”» [7, с. 101]. Заметим, имеется «boß», очень уж напоминающее русского «босяка», хотя ниже приведена иная, более обоснованная этимологическая версия.

Так, «в нижненемецком варианте Liber vagatorum можно найти «rottun» как название для нищего» [8, с. 77].

Версия об употреблении «rottun» в значении «римлянин» пока не доказана. Заметим лишь, что средневековое словоупотребление «нищий», то есть «rottun», относилось к более широкому кругу преступной деятельности – кражам, мошенничествам при игре, а также скупке краденого, что великолепно представлено на основе статистических архивных данных по преступной деятельности в Средневековье М. Щюслером [9, с. 387- 394].

Как видим, традиция соотнесения нищенствования, мошенничества и бродяжничества с «rot», то есть красным, имеет *историю значительно более долгую, чем рота дворцовых гренадер*, и на момент появления в русскоязычных источниках XIX века *в немецком языке «rot» прочно соотносилось с преступной деятельностью*. Не принимать во внимание возможности заимствования напрямую из немецкого языка в русский язык XIX века просто невозможно[1].

Теперь попробуем ответить на вопрос: *возможно ли этимологическое соотнесение «золотой роты» с «die Rota Romana»* и, как следствие, некие смыслы, которые вкладываются или вкладывались в словоупотребление «золотая рота» в русском уголовном дискурсе?

В данной связи интересна знаменитая статья Б.А. Ларина «Западноевропейские элементы русского воровского арго». Так, он пишет: «Более трудный случай: русск. вор. ***галах 'босяк'*** имеет соответствие в немецком современном воровском арго gallach «поп, священник, проповедник» [8, с. 320, 397]. Гебраист находит источник этого слова в ***древнееврейском*** – оно значит там '***бритый***' и оно там ясно морфологизуется. Полная коллекция исторических материалов по Rotwelsch позволяет проследить это слово шаг за шагом от современности до XV века. Впервые в Basler Betrügnisse der Gyler 1450 г. встречаем следующее описание die Galatten (в переводе автора): «Есть еще некоторые среди них, что учились немного, *но не были посвящены, однако утверждают, что они священники, и выбривают себе тонзуру, как священники, и бродят туда и сюда по стране, говоря, что они возвращаются из Рима домой, а то и еще откуда-нибудь, и будто бы их ограбили. Ходят они с книгой в руках, словно бы они молятся в положенное время, а когда им подают милостыню, то они обещают прочитать евангелие Иоанна или другую молитву, и так обманывают людей. Эти называются “галатами”*» [10, с. 113–130]. Сразу же заметим, что данная версия происхождения лексических единиц «галах» и «босяк» не совпадает с прояснением внутренней формы в этнониме по отношению к «золоторотцам» у В. Гиляровского в «Моих скитаниях»: «а свободное время проводил среди

[1] Упоминаются обобщения «немецкий язык» и «русский язык», поскольку автор представленного исследования не видит возможности доказательства, произошло ли заимствование во время одной из трех волн миграции немецкоязычного населения в Россию в царствование Екатерины II, совершенно различных с точки зрения диалектного адстрата, или же значительно позже. Кроме того, необходимо принимать во внимание также тогдашние диалекты принимающего языка и его адстратные варианты.

«***галаховцев***», обитателей ночлежки Галахова» [11, гл. 1, с. 3]. Вполне возможно допустить наличие различной мотивированности в русском уголовном дискурсе XIX века, и как следствие, вкладывание различных смыслов в словоупотребление «галах» и «босяк». Так же правомочным будет предположение о *вкладывании различных смыслов в словоупотребление «золотая рота» в зависимости от лингвосемиотического опыта* участников уголовного дискурса того времени. Заметим, что в *Большом толково-фразеологическом словаре Михельсона* в словарной статье «золоторотец» [12] находим ссылку на «Бывшие люди» М. Горького – «Гольтепа... создала Рим. Дас, Ромул и Рем – разве они не з о л о т о р о т ц ы ? ». Странна ассоциация с древним Римом и очень напоминает прояснение мотивированности в Liber vagatorum. Но это лишь предположения на основе не до конца понятных словоупотреблений, переданных третьими лицами. Для доказательства или опровержения выдвинутого тезиса можно прибегнуть к проверке определенных алгоритмов поведения, опираясь на существующую информацию, которую можно признать достоверной. Это представлено во второй части статьи.

Заметим лишь, что название «die Rota Romana» относилось к наследникам институции отрядов императорских посланцев missi dominici в сопровождении писцов scabini в Sancta Imperia Romana Herrmanorum, надзирающих за местными судами (mallus) из-за локальных тенденций в интерпретации права [13, с. 68] на территории, большинство жителей которой считали себя римлянами до X века. Согласно законам империи в экстремальных случаях применялся Суд Божий в различных формах. С распадом центральной власти в германской империи с XII по XVI век функционирует «Rota Romana» или «Rota» в форме Верховного Суда римской церкви, то есть наивысшей судебной инстанции, принимающей решения по всем правовым вопросам из-за неразделения канонического и уголовного права [14, с. 3].

Поведенческий алгоритм на основе модели опыта. В словарной статье «Золотая рота» в русскоязычной Википедии упомянуто два литературных произведения, которые были оставлены без комментария из-за их несоответствия предлагаемой этимологической модели переноса значения с роты дворцовых гренадер на преступный мир – «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова и «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского. В этих литературных произведениях описан определенный поведенческий алгоритм – отъем, а не кража денег, у одних преступников другими преступниками.

Заметим также, что «золоторотцы» делятся *регионально*, о чем есть упоминание в словарной статье «Золотая рота» со ссылкой на «Мои скитания» В. Гиляровского: «И я действительно, стал зимогором. Так в Ярославле и вообще в верхневолжских городах[1] зовут тех, которых в Москве именуют ***хитровца-***

[1] «Во всех волжских городах таких людей называли «босяками», у нас же, в Костроме, их звали “зимогорами”. Трудно сказать, каково происхождение этого слова. Можно предполагать, что оно происходит от зимы и Молочной горы как постоянного местопребывания там этой категории людей, а может быть, составлено из сочетания слов “зима” и “горевать”. В «зимогоры» в основном попадали оторвавшиеся от деревень неудачливые отходники, завлеченные круговоротом большого торгового города и ставшие рабами “зеленого змия”» [15].

ми, в Самаре – ***горчичниками***, в Саратове – ***галаховцами***, а в Харькове – ***раклами***, и всюду – "золотая рота"». Этимология словоупотреблений «босяк» и «галах» рассмотрена выше, с одним небольшим добавлением – «"галах" – это соответствие "гоя-босяка", которого в случае необходимости можно сдать властям, чтобы спасти от репрессий свою общину» [16, 17]. Если говорить о словоупотреблении «ракло» для г. Харькова, то в настоящее время, как и много лет назад, оно употребляется для называния любого вора. Этимология данного словоупотребления относится к переносу из цыганского «нецыганский парень» по отношению к «босяк, вор» [18, с. 110]. Автор представленного исследования как коренной харьковчанин в четвертом поколении хотел бы в данной связи также отметить, что один из центральных рынков города Харькова до сих пор называется «Конным»[1]. Как видим, возможно соотнесение «золоторотцев» на основе этнонимов/этниконов «босяк» и «ракло» к «не своим» – «неевреям» и «нецыганам» при принятии во внимание их доминирование среди остальных этнически неславянских групп населения в таких городах, как Одесса и Харьков, рассматриваемого периода. Это «не свой» проясняло бы мотивированность позднейших словоупотреблений «Иван» и «непомнящий (родства)» по отношению к элите российского преступного мира конца XIX века.

Присвоение этнонима/этникона/эндоэтнонима/макротопонима определенному преступному сообществу с целью доказать право на территорию, и как следствие – право собирать «на общак», не является чем-то необычным в наши дни – от узких топонимов, таких как «мазутинские», «лазанские», «бауманские», «люберецкие», «солнцевские» и т.д., до более широких этнонимов/ этниконов/ эндоэтнонимов/ макротопонимов, таких как «красноярская братва», «ассирийцы», «славяне», «чехи (чеченцы)»[2] и т.д. Случается также, что этноним/этникон может употребляться наряду с «мастью», сравним: «"Вор в законе" – это милицейское определение. Общаясь с ними, я не слышал, чтобы кто-то из них называл кого-либо так. Обычно это было обращение "***вор", "жулик"*** или в лучшем случае "законник"» [19, с. 456]. Это пишет известный московский адвокат, защищавший «законных воров», а «***жулик***» – это не только «масть», но также этноним/топоним/эндоэтноним по отношению к московским ворам, известный с XIX века [20, ч. 1. с. 256].

Кем были «золоторотцы» по своему *социальному составу*, доказывать также нет нужды, поскольку имеются достаточно авторитетные источники того времени: «В Москве знаменита своими бесчинствами так называемая "***Золотая рота***", контингентом которой служат подонки всех слоев общества. Здесь встречается и "прогоревший купчик", и бывший мастеровой, и беглый каторжник, и спившийся с круга чиновник, и отставной солдат, и монах-

[1] Автор представленного исследования отдает себе отчет в том, что цыгане в XIX веке и ранее славились не только как коневоды, но также и ювелиры.

[2] Проблема разграничения этнонимов, этниконов/эндоэтнонимов/макротопонимов и т.д. в русском уголовном дискурсе значительно сложнее, чем кажется, на первый взгляд, и должна быть рассмотрена отдельно; сравним – «ореховские», «орехово-борисовские», «сильвестровские», «курганские» по отношению к одной и той же ОПГ разных временных отрезков. Или же дихотомия противостояния «славяне – чеченцы», хотя речь в действительности идет об очередных войнах кланов, и национальная принадлежность зачастую имеет мало общего с номинацией, а тем более смыслами словоупотреблений.

расстрига, и всякие "завсегдатаи" питейных домов и ночлежных. Все это грязное, пьяное, без определенных средств к существованию и, по большей части, без паспортов или с поддельными видами на жительство, слоняется изо дня в день по закоулкам Москвы, ища легкой наживы и промышляя воровством, сбытом краденых вещей, мошенничеством, а подчас и просто разбоем. По уровню нравственности все члены "***Золотой орды***" стоят друг друга – все одинаково испорчены; по умственному же развитию между ними встречаются: и совершенно безграмотные, неспособные, тупоумные, и люди с остатками некогда полученного отличного образования, люди несомненного таланта, еще не вполне погибшего под парами спирта и в затхлой атмосфере трущобы. Оттенки в умственном развитии сказываются отчасти и в различии тех безнравственных профессий, которыми существуют члены этой воровской артели: выгнанный со службы чиновник занимается преимущественно подделкою паспортов, завещаний и вообще подлогами; безграмотный мастеровой и солдат существуют на счет кражи и разбоя; купчик сбывает украденные вещи и фальшивые ассигнации, а представитель интеллигенции в трущобном мире промышляет на счет мошенничества более высокой пробы. Временами во главе роты становились люди с сильным характером, непреклонною решимостью и большим административным тактом: тогда в роте водворяется своего рода дисциплина и сбродная шайка обращается в организованную банду, во всем послушную приказаниям начальника на широком поле воровства, разбоя и грабежа. Пропадал начальник – пропадала и организация, а вслед затем рота снова обращалась в сброд проходимцев, существующих преимущественно мелкими преступлениями на счет чужой собственности и единичными случаями подлогов, подделки монеты и грабежа. В Одессе есть своего рода "Золотая рота", хотя и не имеющая определенной клички» (Записка генерал-майора Е.В. Богдановича в Верховную Распорядительную Комиссию 1880 г.) [21]. Выше было показано, что в иных источниках можно найти ряд топонимов/этнонимов по отношению к «золоторотцам». Как видно из приведенной цитаты, имелась определенная тенденция прояснения прилагательного «золотой» из неразложимости синтагмы в словоупотреблении «золотая орда» по отношению к «пьяному сброду», однако в этой же цитате мы находим упоминание о «людях с остатками некогда полученного отличного образования». Эта дифференциация состава «золотой роты» вполне позволяет говорить о различных смыслах, вкладываемых в похожие, на первый взгляд, словоупотребления.

Доказать существование «общака» в современном понимании[1] в XIX веке нетрудно: «Заработки батыря первой степени были от 10 до 12 рублей в день, и я при каждой получке, по пяти рублей отдавал Петле, собиравшему деньги на побег атамана» [22, гл. 2]. Проблемой является доказательство того, ***по какому праву*** этот «общак» собирался. На основе поведенческого алгоритма мы можем говорить о какой-либо преемственности и выдвигать предположение о существовании преступного общества (ассоциации), подобного современным «законникам», то есть «законным ворам». Однако пока нет веских оснований говорить о возможности даже чисто этимологического соотнесения «золотой

[1] Само собой разумеется, что в то время «общак» назывался иначе. Как назывался в XIX веке «общак» («выход», «дань», «казна» или «харадж», или как-то еще) является темой иной статьи.

роты» с «Rota Romana». На западе Российской империи основным судебным органом уголовного мира, выводящимся из средневекового права гетто и существовавшим после упразднения *Кагала*, была *Динтойре,* которая проходила согласно «еврейскому закону»[1] [23, с. 211–212], и хотя принималось во внимание, что «цыганских коней красть в нашем городе тоже нельзя, не только еврейских», но ничего не говорилось о римском праве и о римлянах. Если же предположить, что одной из книг так называемого *Воровского Закона, Воровского Талмуда*, или *Воровского Пятикнижия* является старое римское право до кодификации Юстиниана, тогда правомочно говорить об этимологическом соотнесении «золотой роты» с «Rota Romana». Считается, что старое римское право («Законы XII таблиц») функционировало в устной форме почти тысячу лет [24, с. 11–21], и важна была его интерпретация наряду с мнением большинства или мнением сильнейшего и мудрейшего согласно традиции – это проясняло бы также современное словоупотребление «законник» по отношению к «вору в законе», то есть также «человек-книга». Однако автору представленного исследования подобные источники неизвестны. Поэтому, к сожалению, несмотря на заманчивость этимологического соотнесения «золотой роты» с «Rota Romana», с научной точки зрения вкладывать этот смысл, то есть «верховный суд», в словоупотребление «золотая рота» в русском уголовном дискурсе XIX века пока не представляется возможным.

Подводя итоги, мы с уверенностью можем утверждать, что ***в русском уголовном дискурсе XIX века в словоупотребление «золотая рота» вкладывались различные смыслы*** в зависимости от того, КТО**,** ГДЕ, ЧТО, КОМУ и С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ ***сообщал****.* Влияние немецкого языка при возникновении данного фразеологизма в русском уголовном дискурсе исключить невозможно, хотя для многих простых «зимогоров» и «горчичников» в средней полосе России, вероятно, даже соотнесение с *ротой дворцовых гренадер* было невозможным, поскольку они о такой роте должны были хотя бы слышать и понимать, чем рота отличается от полка. Для верхушки преступного мира, особенно побывавших в «палестинах забугорных», то есть за Уралом, словоупотребление «арестантская рота» не было пустым звуком, и они вполне, особенно в больших городах, могли даже слышать какую-либо информацию о существовании *Liber vagatorum*, а некоторые это произведение в оригинале читать. Мы можем на основе поведенческого алгоритма говорить о существовании преступной организации, напоминающей современных «законных воров», и даже высказывать предположение о преемственности традиции, однако без научного доказательства, чем является *Воровской Закон*[2]**,** мы не можем говорить о смысле «*высший воровской суд*» по отношению к «золотой роте» и возводить ее этимологию к «Rota Romana».

---

1. Словарная статья в русскоязычной Википедии «Золотая рота»: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%8F_%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B0 Доступ 29.12.2012

---

[1] Под обобщением «еврейский закон» понимается не иерусалимский Талмуд и Тора, и не Шулхан Арух, а так называемый вавилонский Талмуд с элементами Каббалы.

[2] Представление т.н. «воровских наказов» в русскоязычной Википедии под названием «Воровской закон» – тема отдельная.

2. *Балдаев Д.С*. Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. М.: Кампана,1997. 367 с.
3. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч. Изд. 2-е, доп. М.: Просвет, 1991. Ч. 1. 269 с.; ч. 2. 548 с.
4. Duden. Band 5. Fremdwoerterbuch. 1997. Mannheim: Dudenverlag. 864 с.
5. *Leszczak O*. Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2010. 415 с.
6. Словарная статья «Rotwelsch» в немецкоязычной Википедии: http://de.wikipedia.org/wiki/Rotwelsch Доступ 3.01.2013.
7. *Juette R., Boehncke H., Johannmeier R*. Rotwelsch. Die Sprache der Bettler und Gauner. Köln: Prometh-Verlag, 1987.
8. *Kluge F*. Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen. Straßburg: Trübner, Band I // *Heinz H. Menge.* Rotwelsch – die Gaunersprache. Eine kuenstliche Sprachbarriere: http://www.yauh.de/files/hausarbeiten/ rotwelsch.pdf Доступ 3.01.2013.
9. *Schüßler M*. Rotwelsch. Die Entwicklung der Gauner- und Verbrechersprache «Rotwelsch» in Deutschland von der Mitte des 13. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. http://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a081091.pdf Доступ 3.01.2013.
10. *Ларин Б.А*. Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. Т. VII. Л., 1931. С. 113–130: http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm Доступ 3.01.2013.
11. *Гиляровский В.А.* Мои скитания: http://www.lib.ru/RUSSLIT/GILQROWSKIJ/skitania.txt#36 Доступ 3.01.2013.
12. *Михельсон М.И*. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. СПб.: Тип. Акад. наук, 1896–1912. http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/3416/ Доступ 3.01.2013.
13. *Озмент С*. Новая история германского народа или Могучая Крепость. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 540 с.
14. *Nörr K. W*. Romanisch-kanonisches Prozessrecht, 1 Enzyklopädie der Rechts- und Staatswissenschaft. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2012 www.springer.com/.../9783642234828-c1.pdf Доступ 3.01.2013.
15. *Колгушкин Л.А*. Костромская старина: http://cosmograph.ru/kostroma-old-1944/ Доступ 3.01.2013.
16. *Зубков Е*. «Масть» в уголовном дискурсе – атрибутивность и неразложимость синтагмы // «Studia metodologica». Тернопол. гос. пед. ун-т, 2012.
17. *Cohen A.S. Halacha and contemporary society*. KTAV Publishing House, 1984. Inc. en.wikipedia.org/wiki/Mesirah Доступ 3.01.2013.
18. *Шаповал В.В*. Цыганские элементы в русском воровском арго? (размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931 г.) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 108–128.
19. *Карышев* В. Русская мафия 1988-2005. Криминальная хроника новой России. М.: Эксмо, 2005. 539 с.
20. *Крестовский В.В*. Петербургские трущобы (книга о сытых и голодных): в 2 т. Л.: Худож. лит., 1990. Ч. 1. 702 с.; Ч. 2. 799 с.
21. *Степанов В.Л*. Вступительная статья. Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах: М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. Т. XIV. С. 425–450; «Зимогоры и другие элементы, могущие сделаться опасными. Записка генерал-майора Е.В. Богдановича в Верховную Распорядительную Комиссию 1880 г.» РУНИВЕРС http://www.runivers.ru/today4.php?ID=63225 Доступ 3.01.2013.
22. *Гиляровский В.А*. Мои скитания. Собр. соч.: в 4 т. М., 1999. Т. 4.
23. *Urke-Nachalnik*. Życiorys własny przestępcy. Lodź: Wydawnictwo Łódzkie, 1989. 302 с.
24. *Ливанцев К. Е*. Сборник документов по всеобщей истории государства и права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 140 с.

Дорота Бжозовска (Польша, Ополе)

**СЛАВЯНСКИЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
ЛЕКСИЧЕСКИЙ СРЕЗ И ЕГО КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ**

Славянский юмористический дискурс является актуальной и обширной областью изучения. Так, если войти в *русскоязычную* поисковую систему Google, то потребуется всего лишь 35 секунд, чтобы получить 36000 ссылок на запрос «славянский юмористический дискурс». В этом обширном списке представлены диссертации, статьи и книги по данной проблематике. Причем значимую долю составляют лингвистические исследования, представленные в виде статей, диссертаций, книг и рассматривающие в контексте юмористического славянского дискурса языковую, речевую и дискурсную специфику данного явления. Фокусом внимания является лексико-семантический, грамматический, стилистический, жанровый и другие параметры данного явления.

Если же войти в *польскоязычную* поисковую систему Google с тем же вопросом (*Slavic humorystyczny dyskurs*), ищущим будет представлено за 29 секунд 3600 ссылок, и это также статьи, диссертации, книги, но фокусировка несколько иная. Здесь уже в заголовках внимание привлекает актуализация гендера, возраста, жанровой и форматной специфики. Подборка в польскоязычном варианте дает ссылки на школы, которые занимаются изучением данного явления, значимые персоналии, направления (в качестве актуального направления оказывается такое исследовательское поле, как славяноведение или славистические исследования (Slavic Studies)). Иначе говоря, в польскоязычном контексте более значимым видится культурологический аспект изучения явления, а в русскоязычном – все уровни лингвистического исследования, а также литературоведческий анализ. Однако при всем разнообразии материалов и в польскоязычном, и в русскоязычном интернет-поиске я не нашла материалов, отвечающих запросу «сравнительный анализ юмора славянских народов» (впрочем, в предыдущем запросе нам встретились материалы, сравнивающие славянский и германский дискурсы юмора).

Интернет-поиск, безусловно, информативен для определения исследовательских *приоритетов* и *тенденций*. Собственно это и было для меня важным на первом этапе подхода к рассмотрению явления. Обнаруженные тенденции позволяют сделать предварительный вывод о том, что славянское сообщество видит себя, скорее, в контексте иных культур, нежели культуры своей группы. Но, возможно, здесь есть и другие ответы.

Я полагаю, что в контексте изучения славянского юмора в сопоставительном ключе с позиции репрезентации народов следует обратиться к началу начал, а именно языковой составляющей, а уже затем речевой и дискурсной, потому что это, безусловно, устанавливает некоторые стартовые позиции сопоставительных исследований, без которых немыслимы последующие. Возможно, уже на этом уровне мы сможем получить какой-то ответ.

Итак, репрезентация лексического среза славянского юмористического дискурса в сравнительном плане (на материале польского и русского языков) с фокусом внимания на *терминологию, образующую тематическое (понятийное,*

лексико-семантическое[1] *поле юмора)* является, по моему мнению, актуальной лингвистической и культурологической задачей, ибо помогает в итоге лучше понять культурные контексты, в которых функционирует юмор, а значит, открыть путь к лучшему пониманию народов одной языковой группы в процессе кросскультурного общения.

В юмористическом дискурсе проявляется национальная специфика коммуникантов. Изучение юмора той или иной культуры исследователями иных культур имеет особую значимость, так как позволяет посмотреть на мир того или иного народа и специфику взаимодействия людей его составляющих извне, непредвзято и тем самым открыть грани понимания других, пусть и близких народов, а значит и себя в контексте соседей, связанных историей, традициями, обычаями, литературными памятниками. Однако предварительные исследования уже показали, что изучая польскоязычный и русскоязычный юмор, исследователь неизбежно наблюдает сильное влияние зарубежных языков и культур, что демонстрируют прямые и косвенные заимствования. Так, корни юмора уходят далеко в историю, демонстрируя связь современной славянской культуры с культурами Древней Греции и Древнего Рима. Кроме этого сегодня все более заметным становится влияние на славянский юмористический дискурс (и в частности его терминологический компонент) англо-американской культуры. Понятно, что изучая юмористический дискурс народа, исследователь ожидает найти влияние языков своей группы, а также иных групп, причем как прямое, так и косвенное влияние. Иными словами, резонно предположить, что юмор польскоязычный и русскоязычный репрезентирует народ в контексте культуры каждого народа, в контексте культуры всех славянских народов, в контексте наследия культур Древней Греции и Рима, а также в контексте англо-американской культуры. Тем самым через свой юмор народ репрезентирует не только себя самого, но и другие сообщности тоже, показывая, таким образом, некое единство сообщностей.

Поиск того, насколько значимы все эти тенденции и потоки заимствований в контексте лексикографической репрезентации тематического поля «юмор» в польскоязычном и русскоязычном вариантах лексикографии, и является целевой установкой данной статьи.

Встречаемость, вариативность и диффузия в контексте жанрового разнообразия юмористического дискурса – это еще один важный для современных исследователей дискурса юмора предмет внимания. Однако моя задача здесь более скромная: собрать все слова, так или иначе связанные с тематическим полем «юмор», посмотреть на их происхождение, а также какие конкретно заимствования представлены в словаре как гипертексте (то есть словаре в собирательном смысле слова). В дальнейшем планируется продолжить исследование в русле дискурс-анализа и рассмотреть, как разнообразные аспекты социальной жизни разных славянских народов репрезентируют себя вербально. В этом случае будут актуальными вопросы стереотипизации и проявления политической корректности, этничности и манифестации сексизма и расизма.

[1] В контексте нашего исследования я намеренно не провожу различий между данными тремя терминами, так как мои этапы исследования в данном случае идут как бы от наивного читателя словаря к читателю искушенному.

Плодотворными в таком исследовательском контексте будут идеи, разработанные в русле семантической теории юмора (Victor Raskin) и общей теории вербального юмора (Victor Raskin & Salvatore Attardo). Определение дискурса юмора для меня основано на дефиниции дискурса, предложенной Тойн Ван Дейком, взявшем за основу три составляющие дискурса:

- языковое функционирование (поле вербализации и коммуникативного конструирования, то есть собственно *текстовые практики*);
- трансмиссию идей (поле референтной соотнесенности и коммуникации, то есть собственно *дискурсивные практики*);
- интеракцию в социальном контексте (поле прагматической заданности и социального конструирования, то есть собственно *социальные практики*).

Определяя дискурс юмора (ludus discourse) в прототипической версии, важно сфокусироваться на типовых коммуникативных *событиях*, в которых передаваемая идея соподчинена игре (от лат. *ludus* – «игра»), а ***целевой установкой*** *интеракции становится формирование особого* ***дискурсного сообщества****, разделяющего смех.* Если добавить к этому определению идею конструктивистов о том, что ***дискурс есть деятельность, которая постоянно конструирует обсуждаемый объект*** (Фуко), то становится понятным тот факт, что дискурс юмора конкретного народа обладает властью ***формировать самостность народа*** (его самоидентификацию).

И все же, судя по всему, это можно увидеть уже на уровне лексической репрезентации в речевом потоке, а языковая система – ее основа. С этих стартовых позиций я и предлагаю посмотреть на два лексических среза языковой репрезентации явления «юмор» – русскоязычном и польскоязычном. Иначе говоря, давайте посмотрим на специфику их лексикографической репрезентации в их самостности и сопоставлении. Добавлю также, что мой сопоставительный анализ опирается на опыт изучения польскоязычного дискурса юмора в контексте «язык-речь-дискурс», который представлен в ряде публикаций на польском и русском языках [1, 2], что облегчает нашу задачу *сопоставительного* анализа первого из них (языкового).

Словарями, ставшими объектом внимания, выступили:

- ✓ Krystyna Długosz-Kurczabowa. *Słownik etymologiczny języka polskiego.* Warszawa: PWN, 2006.
- ✓ Wiesław Boryś. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- ✓ *Słownik języka polskiego /* red. Mieczysław Szymczak. Warszawa: PWN, 1995, http://pwn.sjp.pl
- ✓ Michał Głowiński, Teresa Kostkiewiczowa, Aleksandra Okopień-Sławińska, Janusz Sławiński. *Słownik terminów literackich.* Wyd. 4. Ossolineum, 2002.
- ✓ Stanisław Sierotwiński. *Słownik terminów literackich. Teoria i nauki pomocnicze literatury.* Wyd. 4. Ossolineum, 1986.
- ✓ *Słownik wyrazów obcych /* red. Jan Tokarski. Warszawa: PWN, 1980, http://swo.pwn.pl/haslo
- ✓ *Popularny słownik języka polskiego/* red. Bogusław Dunaj. Warszawa: Wilga, 2002.

- ✓ http://pl.pons.eu/dict; http://pl.pons.eu/rosyjski-polski/Copyright © 2001-2013 PONS GmbH, Stuttgart.
- ✓ *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*: *Словарь синонимов*. М.: Прогресс, 1999.
- ✓ *Энциклопедический словарь естествознания*, http:// slovaronline.com; http://megaslownik.pl/slownik/polsko_rosyjski. М.: Прогресс, 2003.
- ✓ М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка.* М.: Прогресс, 1986.
- ✓ www.wikipedia.

Понятно, что выбраны те словари, которые можно считать репрезентативными. Причем важно было, чтобы в выборку попали как популярные лексикографические издания (как например, Википедия), так и специализированные (словари синонимов, литературных терминов, фразеологизмов, этимологические). Вышеуказанные словари я рассматриваю как гипертекст, тем самым проводимое мною исследование идет в самом начале как бы от непосредственного пользователя (а не лингвиста), то есть от того, кто пользуется тем словарем, что «под рукой» (в каждой ситуации разным). И словари, к которым он обращается в той или иной ситуации, в нем потенциально «живут». Таким образом, складывается не оформленное лексико-семантическое поле, а, скорее, набор репрезентантов этого поля. Впрочем, в контексте кросскультурного общения пользователю, во-первых, нужен переводный словарь, а уже затем словари толковые и словари синонимов каждого из языков и потом далее (и далеко не для всех) этимологические словари, мифологические и другая специальная лексикографическая литература. В этом контексте была сделана выборка, которая составила 80 словарных статей на польском и такое же количество словарных статей на русском языке соответственно. Общую выборку можно разделить на несколько частей, комментарий к которым вместе с начальными выводами и будет предложен. ***Первая выборка*** построена с учетом перевода; ***вторая*** – синонимической организации лексики тематической группы «юмор»; ***третья*** выборка репрезентирует этимологический экскурс (с учетом: (а) прямых заимствований в польский язык; (б) опосредованных заимствований в польский язык; (в) единичных случаев заимствований в польский язык; (г) примеров современных заимствований в русский язык) и, наконец, в ***четвертой*** выборке дана фокусировка на то, как взаимодействуют тематические поля русскоязычной и польскоязычной версий: (а) в контексте сходства и подобия; (б) на уровне заимствований.

Выборка 1 (переводная):

Humor (*poczucie* ***humoru,*** *zły* ***humor***) **– юмор (**чу́вство *nt* ю́мора, плохо́е настрое́ние *nt)*

Komizm (komiczny *adj (zabawny,* komiczny *(komediowy)* – *комизм (*коми́чный, коми́ческий*)*

Dowcip – анекдо́т *m,* шу́тка *f*

Radość – ра́дость *f*

Śmiech (*śmiechu wart*) – смех (смехотво́рный)

Wesołość – весе́лье *nt*

Zabawa (*dla zabawy*) – игра́ *f (для забавы)*

Żart – шу́тка *f*

Gra – игра́ *f*

Здесь наивный читатель сделал бы следующий вывод: отдельные термины в одном языке могут иметь несколько соответствий в другом.

Выборка 2 (синонимический ряд в русскоязычной репрезентации):

Юмор: насмешка, остроумие, шутка; **остроумие:** острота, бонмо, каламбур, юмор, игра слов, красное словцо, соль (аттическая), плоскость, острословие, изобретательность, аттическая соль, тонкость, остроумность; **анекдот:** выдумка, анекдотец, анекдотик, приба(м)бас, прикол; стеб, побасенка, случай, укатайка, кусок (прикола), байка, басня, вымысел, сказка, рассказ, миф; **радость:** веселье, весть, восторг, потеха, утеха, отрада, ликование, веселость, евфросина, просвет, увеселение, услада, светлое пятно, филиа, эйфория, беспечалие, развлечение, кайф, упоение, радостность, торжество, жизнерадостность, забава, праздник, праздничное настроение, удовольствие**; веселье**: радость, восторг, ликование, забава, отрада, потеха, утеха, развлечение, увеселение, веселость, удовольствие, пиршество, пир, упоение, разгулье, приподнятое настроение, веселое настроение, оживленность, сабантуй, плезир, оживление, праздник; **шутить:** забавлять, дурачиться, дурака валять, ломаться, паясничать, буффонить; чудить, проказничать, ребячиться; выкидывать (отпускать) штуки; **шутка:** забава, потеха, дурачество, ребячество, юмор, фарс, водевиль, игра, насмешка.

Как уже отмечалось выше, наблюдение над единицами, входящими в лексико-семантическое поле «юмор», демонстрирует сильное влияние, оказываемое европейскими языками и культурами на формирование этого поля. В нем много непосредственных и опосредованных заимствований, почерпнутых из различных источников – начиная от греческого языка и латыни и кончая англо-американской терминологией. Наиболее многочисленные группы в польском языке представляют в порядке очередности слова, связанные с французским (39 %), латинским (24 %), итальянским (14 %), греческим (13 %), немецким (13 %) и английским (10 %) языками. Эти результаты частично совпадают с результатами исследования частотности заимствований в «Словаре современного польского языка» (1996) и заимствований, фактически употребляемых в текстах (ср. Piotrowski). Первые позиции занимают те же языки, только в несколько измененной последовательности. Совпадает, прежде всего, количество заимствований из классических языков (в словаре в общей сложности 40,5 %), из чего большинство заимствований принадлежит латыни (32%), занимающей первое место в списке языков-доноров. Французский язык занимает в списке вторую позицию (21 %), за ним следует немецкий (12 %) и английский (9 %) языки – оба со сходным процентным соотношением представленности в словаре. Значительное различие наблюдается в случае итальянского языка, заимствования из которого значительно реже выступают в словаре (4 %), чем в лексическом поле «Юмор» (14 %). Это в большой степени обусловлено наличием многочисленных терминов, связанных с комическими музыкальными жанрами, а музыка является одной из доминант итальянских заимствований в польском языке. Некоторые примеры непосредственных заимствований с различной степенью языковой адаптации представлены ниже.

Выборка 3а (прямые заимствования в польский язык):

1. Заимствования из французского языка: *puenta* фр. *pointe*; *farsa* фр. *farce*; *kalambur* фр. *calembour*; *rewia* фр. *revue*; *wodewil* фр. *vaudeville*; *kuplet* фр. *couplet*; *bon mot* фр. «удачная шутка»; *bel esprit* фр. «прекрасная мысль».

2. Латинские заимствования: *humor*, *ludus, facecja* лат. *facetia*; *figiel* из позднелатинского *figulare*; dawne *raptularz* от лат. *raptularius*; *koncept*, устар. «шутка» łac. *conceptus*.

3. Заимствования из итальянского языка: *arlekin* итал. *arlecchino*; *fraszka* итал. *frasca* «ветка»; *karykatura* ит. *caricatura* «загрузка», «отягощение»; *operetka* ит. *operetta*; *impreza* ит. *impresa*.

4. Греческие заимствования: *heroikomiczny* от *heroi(ka)* + греч. *komikós* принадлежащий к комедии [греч. *kōmōidía* ‹*kṓmos* «шествие, связанное с дионисийскими обрядами», *aoide* «песня»]; *skatologiczny* от греч. *skṓr skatós* «дерьмо» + *-logia*.

5. Заимствования из немецкого языка: *frant* ранее «шут» от нем. *Freund* «друг»; *heca* нем. *Hetze* «травля» [животного собаками]; *humoreska* нем. *Humoreske*; *trefny*, ранее «забавный, комический», из нем. *treffend* «меткий» (о шутке, анекдоте) или, что менее правдоподобно, от венгер. *tréfa* «шутка»; *wic* из нем. *Witz*.

6. Заимствования из английского языка: *greps* англ.-амер. *grips*; *komiks* англ. *comics*; *pure nonsense* англ. «чистый нонсенс»; *skecz* англ. *sketch*; *limeryk* англ. *limerick*, od *Limerick*, ang. «название ирландского города *Luimneac*»; англ. *musical [comedy]* «музыкальная[комедия]»; *klown* англ. *clown*; англ. *slapstick*; англ. *song*.

Кроме непосредственных заимствований имеют место также опосредованные.

Выборка 3б (опосредованные заимствования в польский язык с комментариями):

В многочисленной группе опосредованных заимствований представлены слова, попавшие в польский из греческого языка посредством французского (*anegdota* фр. *anecdote* от греч. *an-ékdotos»* «не выданная замуж»; *paradoks* фр. *paradoxe,* из греч. *parádoksos* «неожиданный, невероятный»; *sarkazm* фр. *sarcasme* из греч. *sarkasmós* от *sarkazo* «кусаю губы от бешенства», из итальянского посредством французского (*burleska* фр. *burlesque,* из ит. *burlesco* «шутливый»; *pastisz* фр. *pastiche*, из итал. *pasticcio* «паштет»; *trawestacja* фр. *travestir,* из итал. *travestire* досл. «переодеться, сменить одежду») или из латинского посредством французского (*dykteryjka*, уменьш. от стар. *dykteria*, из ст.-фр. *dictérie,* лат. *dicteria* «злые шутки») или посредством греческого (*ironia* лат., из греч. *eirōneía* «притворное незнание» и немецкого (*wagant* нем. *Vagant,* из лат. *vagans*, *~antis* «странствующий»). Некоторые слова из этого поля перешли в польский в результате долгой и интересной дороги сквозь несколько языков и культур (*satyra* фр. *satire,* из лат. *satira* от гр. *Sátyros*; *pajac* нем. диал. *pajazzo* (нем. *Bajazzo*), из итал. *pagliaccio,* от имени персонажа комедии *Pagliaccio* от лат. *palea* «жмых, солома»*; kabaret* нем. *Kabarett,* из фр. *cabaret* [*artistique*], «шинок, кабак», ст.-нидер. *cabret,* из ст.-фр. диал. *cambrette* «избушка» и много других).

Кроме многочисленно представленных заимствованных из определенного языка слов можно также найти такие, которые попали в польский язык единично (например, *szmonces* из языка идиш).

Выборка 3в (единичные случаи заимствований в польский язык):

Среди лексем названного поля можно обнаружить большое количество европеизмов или интернационализмов, например, *humor, ironia, parodia, komizm*. Некоторые польские слова были образованы в результате калькиро-

вания иностранных слов (например, *Dyl Sowizdrzał*, ранее *Sowiźrzał*, пол. *Dyl* – версия имени немецкого шута *Тилля Ойленшпигеля* (*Till Eulenspiegl*), нем. *die Eulen* «сова» і *der Spiegel* «зеркало»). Были также случаи, когда от функционирующих в течение какого-то времени калек отказывались, например, *mięsopusty*, *zapusty*, заменяя их первоначальной международной формой *karnawał*. Следует, однако, подчеркнуть, что в центре поля находятся также польские и общеславянские слова. Хорошими примерами являются лексемы, которые происходят от *być*, такие, как *bawić, bawić się, zabawa, zabawić* и родственные им.

Много подобных заимствований представлено в русском языке, черпающем термины лексического поля «Юмор» из тех же источников, что и польский язык.

Выборка 3г (некоторые примеры современных заимствований в русский язык):

камеди-рок (англ. *Comedy rock*) — это рок-музыка, смешанная с комедией, часто сатирой и пародией;

мандзай (яп. 漫才) — это традиционный комедийный жанр в Японии, который подразумевает выступление двух человек на сцене — цуккоми и бокэ, шутящих с большой скоростью; **manzai** (jap. 漫才 дословно «комический диалог») – тип скетча;

пранк (от англ. *prank — проказа, выходка, шалость; шутка*) — телефонное хулиганство, телефонный розыгрыш. Люди, практикующие пранк, называются пранкерами.

Выборка 4а (взаимодействие тематического поля русскоязычной и польскоязычной версий в контексте сходства и подобия):

Некоторые слова демонстрируют сходство значений в обоих языках (польском и русском, например, *radość*), другие (такие, как *żart* или *dowcip*) имеют пересекающиеся значения, кроме того, будучи однозначными в одном языке, имеют много синонимических соответствий в другом (например, **насме́шка** – «kpina, drwina, szyderstwo»). Есть также слова, характерные для одного языка, но не выступающие в другом (например, **смехотво́рный**, *jowialność, komizm, facecja, dykteryjka, farmazon*)[1].

Выборка 4б (взаимодействие тематического поля русскоязычной и польскоязычной версий на уровне заимствований):

Интересным примером заимствования из русского языка являются такие польские термины, как *żurawiejka*, *skaz* или *czastuszka*.

Żurawiejka – короткий, чаще двустрофный, шутливый куплет, составляемый для отдельных кавалерийских полков, оценивающий с иронией и черным юмором их военную судьбу. Журавейки были характерны для польской и русской кавалерии. Создателем журавеек считается русский поэт Михаил Лермонтов. Название происходит или от русского слова *журавль*, что могло означать в некотором роде «перелетную», как журавль, песню, или непосредственно от популярной русской солдатской песни *Żuraw* (русск. *журавль).*

Czastuszka (рус. *частушка* образовано от **čęstъ* (см. *ча́стый*), первонач. «то, что часто повторяют») – тип народной, обычно краткой (популярны одно-

[1] Это означает, что соответствия в исследованных словарях не выступают.

куплетные с четырьмя строфами) танцевальной песни с шутливым текстом (часто импровизированным), представляющим актуальные темы. Особенно популярна в России, в Беларуси и на Украине.

Skaz (балагурство) – одна из наиболее характерных черт русской литературы. Имеет форму наррации, имитирующей живую речь. Это пересказ воспоминаний из прошлого автобиографического характера, совмещает элементы жизненной правды и фантазии, имеет характер предания; темы: родословная людей из ремесленно-рабочей среды, работодатели и конфликты с ними, природные богатства и таинственные силы.

Дополнительный комментарий. Проведенный предварительный анализ словарных дефиниций двух вариантов поля «юмор» еще не является завершенным, это всего лишь пилотаж, определивший направление поиска и позволивший дать ряд предварительных выводов. Среди них идея о том, что богатство синонимических форм в двух языках, а также огромное количество заимствований, уточняющих какие-то реалии, но не убирающих многозначность, а работающих, скорее, на перечислении значений, указывают на то, что юмор призван объединять истории разных народов, их реалии, равно как и отношение к ним. Иначе говоря, юмор, безусловно, работает на идею всеобщего, идею гармонии, идею единения. И этот вывод проведенного пилотажа оказался принципиально важным.

Выводы, фиксируемые в работах исследователей, с которыми мне приходилось знакомиться, во главу угла ставят вывод о национальной специфике юмора и самоидентификацию народа через дискурс юмора. Я полагаю, что надо рассматривать обе тенденции как равные, а значит проводить последующие исследования с учетом этой гипотезы.

Впрочем, я вижу возможность дать еще один вывод с фокусом внимания на дидактическую сторону вопроса. Студенты, изучающие русский и польский как иностранные языки, активно пользуются словарями всех типов. Порой словарные дефиниции воспринимаются в контексте стереотипизации и упрощения подаваемого явления (когда словарь рассматривается исключительно с позиции систематизирующей и объясняющей функции). Более внимательная работа со словарем как с гипертекстом, то есть с постепенным обогащением знакомства студентов со словарем в его типологическом разнообразии, усиливает актуализацию познавательной функции словаря, а значит учит студентов в общем видеть отдельное, частное, единичное, но также и в единичном общее.

ЛИТЕРАТУРА

Brzozowska, Dorota. Polski dyskurs ludyczny i jego międzynarodowe konteksty // Tekst i dyskurs – Text und Diskurs / red. Waldemar Czachur. Instytut Germanistyki, Uniwersytet Warszawski. 2009. S. 149–161.

Brzozowska, Dorota. Дискурс в польском языкознании // La Table Ronde. Дискурс в академическом пространстве: материалы междунар. круглого стола, 3-5 апреля, 2009 г. / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: БГУ, 2010. С. 10–11, 26, 37–40, 66–70, 126–127.

Bergson, Henri. Śmiech. Esej o komizmie. Przeł. S. Cichowicz, Kraków, 1977.

Brzozowska, Dorota. O dowcipach polskich i angielskich. Analiza językowo-kulturowa. Opole, 2000.

Brzozowska, Dorota. Polski dowcip etniczny. Stereotyp a tożsamość. Opole: WUO, 2008.

Buttler, Danuta. Polski dowcip językowy. Warszawa: PWN, 1968.

Bystroń, Jan Stanisław. Komizm. Warszawa: Text, 1993.
Dyskurs jako struktura i proces / red. Teun van Dijk, przeł. Grzegorz Grochowski. Warszawa: PWN, 2001.
Dziemidok, Bohdan. O komizmie. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967.
Gajda, Stanisław. Współczesny polski dyskurs komiczny // Humor i karnawalizacja we współczesnej komunikacji językowej / red. Jan Mazur, Magdalena Rumińska. Lublin: UMCS, 2007. S. 11–19.
Huizinga, Johan. Homo ludens. Zabawa jako źródło kultury / Tłum. Maria Kurecka, Witold Wirpsza. Warszawa: Czytelnik, 1985.
Piotrowski, Tadeusz. Relacje kulturowe w świetle zapożyczeń leksykalnych, od Autora. 2006.
Propp, Władimir. Problem śmiechu i komizmu / przeł. Janina Walicka // Przegląd Humanistyczny. 1977. S. 41–56.
Szczerbowski, Tadeusz. O grach językowych w tekstach polskiego i rosyjskiego kabaretu lat osiemdziesiątych. Kraków: PAN, 1994.

5
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Павел Зернецкий, Ольга Зернецкая (Украина, Киев)

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПАНДИСКУРС ИНТЕРНЕТА

Глобальная интернет-среда развивается «со скоростью мысли», даря интернет-сообществу новые и новые возможности общения. Принимая во внимание то, что количество интернет-пользователей в мировом сообществе возрастает по экспоненте, можно говорить, что человечество в целом все больше погружается в информационно-коммуникационные глубины.

Однако рост интернета и его глобальная роль определяется не только механическим приростом его хард- и софтвера и количеством пользователей. Налицо качественно и количественно новое явление глобальной всеобъемлющей речемыслительной деятельности участников дискурса интернета, его обеспечивающего и им пользующимся, которое может быть названо глобальным пандискурсом.

Именно потому, что интернет не только развивается «со скоростью мысли» и передает мысли с электронной скоростью. Он наполняется речемыслительным содержанием со скоростью мысли его участников и вырастает в доселе неизвестное в истории человечества явление активно функционирующего естественно-искусственного супермозга, в совокупную глобальную речемыслительную деятельность его участников по созданию гипертекста интернета, которую можно в целом описать понятием «пандискурс интернета».

Дискурс, в нашем понимании, – центральная интегративная единица речевой деятельности, находящая отражение в своем информационном следе – устном/письменном тексте [1, с. 89]. Под речевой деятельностью понимаем реализацию в речевых взаимодействиях двух эпифункций языка – коммуникативной и когнитивной, иными словами, речемыслительную деятельность.

Дискурс характеризуется следующими параметрами [2, с. 18]:

1. Предельность и одновременно отсутствие строгих структурных ограничений. Дискурс может включать в себя любое количество и перечень единиц речевой деятельности: от последовательности двух и более речевых актов до множества речевых событий.
2. Системность, заключающаяся в соблюдении закономерностей продуцирования любого дискурса и его составляющих регулярными способами речевой деятельности (сигматическими, семантическими, прагматическими, синтактическими).
3. Функциональная завершенность и коммуникативная определенность конкретного дискурса.

Такое понимание дискурса соотносится с концепцией Т.А. ван Дейка о необходимости исследования дискурса в трех измерениях: а) использование языка; б) передача верований (познание); в) взаимодействие в социальных ситуациях [3, с. 2]. Дискурс, центральная интегративная единица речевой деятельности, реализуется в речи (определенном тексте) как его информацион-

ном следе. С точки зрения продуцирования текста и его понимания можно согласиться с Т. Пекотом [4, с. 15], что дискурс «окружен» (взят в плен) системой понятий и пропозиций (суждений), а также системой коммуникативных форм и структур/моделей (означенное и означаемое) и в этом смысле является интерпретативными фреймами. Однако в этом случае семантическая составляющая описания дискурса (интерпретативные фреймы), то есть устоявшаяся система знаний и мнений об окружающем мире, должна быть дополнена *сигматической* составляющей (конкретное использование текущей информации, общей для коммуникантов, с целью непосредственного влияния на их речевую/неречевую деятельность, ср. непрямые речевые акты), *прагматическую* составляющую, описывающую систему интенций коммуникантов и *синтактическую* составляющую, направленную на установление, продолжение, поддержание и размыкание коммуникативного контакта с целью как получения новой информации, так и с целью фатической метакоммуникации.

Ведущей особенностью пандискурса интернета является его *самовоспроизводимость* как открытой системы в результате инициальной и поддерживающей активности ее элементов – от аутентичных, присущих только интернету (участников социальных сетей, блогеров, юзеров чатов и т. п.) до коммуникативно-традиционных, модифицированных в той или иной степени особенностями интернета (электронные варианты прессы с площадками для откликов, размещение политических документов и опроса реакции на них, интернет-публикации парламентских дебатов с элементами редактирования и т. п.). При этом высокая активность участников интернета может быть как добровольной, безвозмездной, так и в той или иной мере оплачиваемой (боты, тролли политических партий, оплачиваемое выкладывание в интернет манускриптов, библиотечных книг и т. п.).

Высокая активность речемыслительной деятельности участников пандискурса интернета зиждется на их отчетливых намерениях (интенциях) коммуницировать. Намерения могут широко разниться, например, от непосредственных – тех, которые возникают в рамках специально созданных типов коммуникации в интернете, максимально стимулирующих общение (социальные сети, например, *Facebook*, «*ВКонтакте*», «*Одноклассники*» и т. п.), до отсроченных во времени откликов в виде научных работ на выложенную в интернете соответствующую литературу.

Пандискурс интернета настолько разнообразен *прагматически, семантически, сигматически* и *синтактически*, что к наиболее общему его коммуникативному параметру следует отнести «прошитость» характерными для него смыслами. На вершине такого сквозного «прошивающего» панфрейма стоят наиболее часто употребляемые концепты, такие как *интернет*, *веб, кибернетика*, *киборг*, *сервер*, *софт* и т. п.

В свою очередь, типы пандискурса интернета (общение в социальных сетях, блогерство, коммуникация в чатах и т. п.) «прошиваются» наличествующими у соответствующих участников интернета суперинтенциями, иногда приводящими к характерным зависимостям от интернет-общения.

Пандискурс интернета можно также исследовать в рамках его имманентных свойств, среди которых мы выделяем: 1) поликодовость (многообразие естественных и искусственных языков и их взаимодействие); 2) поликультур-

ность (наличие и взаимопроникновение разных культур мира); 3) полистратовость (доступность в общении участников из различных социальных страт и взаимное влияние присущих им картин мира); 4) гипертекстовость (присутствие в структуре интернета гипертектста, являющегося информационным следом пандискурса интернета); 5) полифоничность (многообразие типов и форм речемыслительной деятельности в пандискурсе интернета); 6) активный творческий характер (как в оформлении текстов, так и в словотворчестве пользователей, ср. «твиттеряне», нарушении, «создании новых» правил правописания и грамматики); 7) доминирование английского языка.

Дальнейшее изучение такого сложнейшего интегративного и многообразного объекта, как пандискурс интернета, может предоставить качественно новую картину понимания этой информационной супермагистрали человечества.

1. *Зернецкий П.В*. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение. Единицы и регулятивы. Калинин, 1987. С. 89–95.
2. *Зернецкий П.В.* Речевое общение на английском языке (Коммуникативно-функциональный анализ дискурса). Київ, Лыбидь, 1992. 144 с.
3. *Dijk T. A. van*. The study of discourse // Discourse as structure and process. L.: SAGE, 1997. Vol. 1. P. 1–34.
4. *Пекот Т.* Три варианта понимания слова «дискурс» // La Table Ronde: сб. материалов. Вып. 1: Дискурс в академическом пространстве. Минск: БГУ, 2010. С. 14–15.

Татьяна Скребцова (Россия, Санкт-Петербург)

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЯЗЫКА КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА СОВРЕМЕННОГО СЛАВЯНСКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Последние три десятилетия для стран Восточной Европы ознаменовались важными политическими событиями, связанными с перестройкой, крушением Берлинской стены и падением коммунистического режима. Кардинальные преобразования в общественной жизни стран бывшего соцлагеря (в том числе и разделение некоторых из них на несколько независимых государств) не могли не отразиться на соответствующих языках. А поскольку в большинстве из этих стран говорят на славянских языках (русском, украинском, польском, чешском, словацком и т.д.), то смена режима повлияла прежде всего на эти языки, именно для них оказалась наиболее значимой. Возникла потребность в вербализации новых экономических и общественно-политических реалий; чаще всего для их обозначения стали использоваться англоязычные заимствования, которые ассимилируются славянскими языками, принадлежащими к другой языковой группе.

Современное укрепление английского как языка международного общения происходит на фоне глобализации, предполагающей всемирную экономическую, политическую и культурную интеграцию и унификацию. Глобализация, в свою очередь, неразрывно связана с бурным развитием информационных технологий. В лингвистическом плане эти процессы, с одной стороны, еще более закрепляют доминантную роль английского среди языков мира, а с другой – осложняют положение языков, использующих другие письменности и алфавиты. Отмеченное обстоятельство напрямую касается славянских языков – ведь даже наличие в языке латинских букв с диакритическими знаками созда-

ет дополнительные проблемы с автоматической обработкой текстовой информации. Еще сложнее обстоит дело с языками, использующими кириллицу. Согласно недавно проведенному исследованию, в эпоху цифровых технологий многие европейские языки находятся под угрозой исчезновения. Среди них наиболее высокому риску в настоящее время подвергается, в частности, болгарский язык. Что же касается македонского языка, то он, по мнению некоторых экспертов, вообще может исчезнуть к середине XXI века.

Серьезные сдвиги, происходящие в славянских языках на протяжении двух последних десятилетий, не могут не обращать на себя внимание как лингвистов, так и непрофессионалов, интересующихся проблемами языка. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы средств массовой информации (в том числе интернета), посвященные обсуждению текущего состояния славянских языков и перспектив их дальнейшего существования.

Характерной чертой публицистического дискурса на эту тему является концептуализация языка в качестве *человека* (метафора персонификации, или олицетворения). Точнее, речь идет об использовании метафорической модели ОРГАНИЗМ применительно к языку, то есть о развернутой проекции биологической сферы-источника на лингвистическую сферу-мишень (подробнее о понятии метафорической модели см. [1]). Внимательный лингвистический анализ различных публикаций, однако, обнаруживает расхождения в использовании данной модели, которые являются значимыми в контексте языковой политики. Обратимся к рассмотрению материала.

Рассуждая о происходящих на наших глазах стремительных изменениях, затрагивающих прежде всего лексику славянских языков, но также и их грамматику, и просодику, авторы сравнивают язык с *живым организмом* – дескать, раз он живой, то он *меняется*, *развивается*, *трансформируется*. Изменения – это *признак жизни и развития*. Эта общая идея объединяет, пожалуй, все публикации, использующие данную метафорическую модель.

В том, что касается конкретных проекций модели, можно наблюдать существенные различия, обусловленные авторским отношением к описываемым процессам и – в более широкой перспективе – его идеологической позицией. Доминирует подход, который мы будем условно называть «объективным», в том смысле, что он предполагает отстраненность, взвешенность суждений, отсутствие эмоциональной оценки. Ему противостоит «субъективный» взгляд, предполагающий активное присутствие в тексте автора, осуществляющего речевое воздействие на читателя.

Итак, «объективная» картина языковых изменений по материалам публикаций в СМИ выглядит следующим образом[1]. Языковые изменения явля-

---

[1] В тексте приводятся примеры из русского языка; некоторые иллюстрации из других славянских языков см. ниже.

Болгарский язык: *език живее, расте, умира, езикът е жив организъм.*

Польский язык: *język polski choruje; zapożyczenia z języka angielskiego, czyli jak umiera poprawna polszczyzna.*

Украинский язык: *українська мова живе, вмирає.*

Белорусский язык: *беларуская мова жыве і будзе жыць заўсёды, памірае, гіне, м*о в а – *гэта* ж ы в ы а р г а н і з м .

Чешский язык: *Český jazyk je jako živý organismus, který se neustále vyvíjí.*

ются *нормальным явлением*. Язык *живет, пульсирует, растет, мутирует, развивается по своим законам*. Периоды *интенсивного развития* чередуются у него с периодами *стабильности*. У каждого языка – своя *воля и судьба*, своя *плоть*, свое *дыхание*. В нем все время *что-то зарождается, что-то отмирает*, что-то новое привносится извне (оно *может прижиться или не прижиться*). У языка есть свои *болезни, инфекции* (заимствования), но он *лечится сам.* Язык *может погибнуть*, но, как правило, *справляется с заразой*: все перемелет, ненужное отсеет.

Представленные изречения создают образ языка как независимого, самодостаточного существа, способного противостоять воздействию среды. Происходящие в нем изменения – это естественный, неизбежный процесс, обусловленный как его внутренним развитием, так и внешними обстоятельствами.

«Субъективный» подход к теме языковых изменений отличается некоторой непоследовательностью. Похоже, что большинство авторов по умолчанию считают любые изменения злом, усматривая их источник в иноземном культурном и лингвистическом влиянии. Постулируется существование *врага*, в качестве которого выступает *экспансия других языков* (прежде всего, английского), *вливание иностранных слов*. Язык *подавляется*, *страдает, его надо срочно спасать*. Филологи *бьют тревогу, пытаются воспрепятствовать порче и гибели языка*. При этом отдельные авторы считают, что существуют *хорошие* и *плохие* языковые изменения. Первые мотивированы естественными тенденциями развития языка, а вторые навязываются извне и связываются с идеей *деградации* языка. Попытки теоретического обоснования деления языковых изменений на эти две группы, правда, наталкиваются на трудности, а потому принимается простая и понятная трактовка, сводящаяся к тому, что любое заимствование – это всегда «плохо».

Невзирая на частные расхождения, здесь налицо картина, в корне отличная от описанной выше. Язык представлен как слабое и пассивное существо, подверженное внешней агрессии и не способное самостоятельно защитить себя, а значит, нуждающееся в протекции со стороны властей и профессионального сообщества соответствующих стран. В дискурс вводится известная оппозиция «мы – они», несущая с собой оценочность, эмоциональность, коннотации непримиримого противостояния и борьбы и, как следствие, полемически заостряющая тему.

Руководствуясь методологией когнитивной лингвистики, которая исходит из фундаментального постулата о связи языка и когниции и рассматривает языковые факты в качестве важного источника сведений о мышлении («язык – это окно в сознание человека» [2]), можно сделать вывод, что обрисованные выше образы характеризуют то, как в массовом сознании воспринимаются современные языковые процессы. Используя опыт анализа абстрактных понятий в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, лингвистика дискурса, таким образом, вскрывает характерные способы концептуализации языковых изменений.

Следует заметить, что в отношении общества к языковым изменениям прослеживается та же двойственность, что и в осмыслении других актуальных явлений современности. Так, сосуществование в публицистическом дискурсе

«объективной» и «субъективной» картин было ранее отмечено применительно к понятиям глобализации и трудовой миграции [3, 4]. Само по себе это, по-видимому, закономерно: новые реалии общественной жизни часто вызывают неоднозначные реакции и порождают разные образы. Выбор одного или другого обусловлен взглядами автора публикации на соответствующее явление и его отношением к нему. Как и в случае с понятиями глобализации и трудовой миграции, «объективный», беспристрастный подход представляет языковые изменения как естественный и неизбежный процесс, а «субъективный» взгляд, характеризующийся сугубо негативным отношением к данному явлению, связан с поиском внешнего врага, в данном случае – иноязычных заимствований, которые некоторым образом «навязываются» языку. Из широкого круга возможных образов пишущий интуитивно выбирает те, которые подкрепляют его позицию и усиливают аргументацию. Лингвистический анализ дискурса позволяет реконструировать ментальные установки автора на основе отдельных языковых манифестаций.

Есть, однако, примечательное отличие рассматриваемого случая от того, как концептуализируется глобализация или трудовая миграция. Дело в том, что для осмысления причин и последствий языковых изменений, независимо от своих взглядов, все авторы неизменно используют одну и ту же метафорическую модель ОРГАНИЗМ (модификация затрагивает лишь отдельные аспекты структуры сферы-источника), а не разные, как это имеет место с упомянутыми выше понятиями. Почему это так?

Если обратиться к истории лингвистики, следует признать, что метафора языка как живого организма активно использовалась с момента зарождения сравнительно-исторического языкознания в начале XIX века (в частности, Францем Боппом). У Августа Шлейхера – основателя так называемого «лингвистического натурализма» – она пронизывает все тексты, является системообразующей для той концепции языка, что сложилась у него под непосредственным влиянием эволюционной теории Чарльза Дарвина. И хотя в XX веке лингвистами были предложены новые способы осмысления языка через другие понятия (ср. уровневую организацию у структуралистов, порождающее устройство у генеративистов), биологическая метафора сохранилась в языкознании и в настоящее время переживает второе рождение, связанное с развитием когнитивных исследований, биолингвистики, экологии языка (подробнее см. [5]). Так, по мнению видного представителя когнитивной лингвистики Рональда Лангакера, «биология дает более адекватную метафору для лингвистических исследований, чем формальные дисциплины», и в целом «было бы более правильно уподоблять язык живому организму» [6].

Разумеется, не следует переоценивать влияние научного дискурса на публицистический и повседневный, бытовой. Тем не менее, как свидетельствуют наши материалы, представления о живых и мертвых языках имеются даже у неспециалистов. Возможно, что именно они служат своеобразным спусковым крючком для активации биологической метафоры в рассуждениях о судьбах языков, а далее сфера-источник (живой организм) начинает соответствующим образом заполнять и структурировать сферу-мишень (язык) согласно принципу когнитивной топологии [7]. С другой стороны, метафора пер-

сонификации является столь распространенным способом осмысления неживых сущностей и абстрактных понятий, что, возможно, другого объяснения здесь и не требуется.

1. *Баранов А.Н*. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопр. языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.
2. *Fauconnier G.* Methods and generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / T. Janssen, G. Redeker (eds.). Berlin; New York, 1999. P. 95–128.
3. *Скребцова Т.Г.* Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // RespectusPhilologicus. 2003. № 4. С. 73–79.
4. *Скребцова Т.Г*. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. Вып. 23. Екатеринбург, 2007. С. 115–118.
5. *Скребцова Т.Г.* Метафора языка-организма в современной лингвистике // Varietas delectans: сб. статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 447–456.
6. *Langacker R.W.* An overview of cognitive grammar // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 3–48.
7. *Lakoff G.* The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, № 1. P. 39–74.

Алла Кожинова (Беларусь, Минск)

О РОЛИ ИЛЛЮСТРАЦИИ КАК ПАРАГРАФИЧЕСКОГО ЗНАКА В ЭКСТРАВЕРТИРОВАННОМ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Типы дискурсов в зависимости от их референциального отношения к действительности. Параграфические знаки. Референтные свойства дискурса, складывающиеся за счет его отношения к действительности, позволяют разделить все продукты подобного рода на два основных типа, а именно на дискурсы экстравертированного и интровертированного типа. В первом случае дискурс складывается под преимущественным влиянием окружающей действительности, лежащий в его основе образ мира питается информацией, основанной на событиях и фактах, реальных для продуцента дискурса, или тех, которые последний считает таковыми. Дискурс второго типа получает именование интровертированного; в качестве его основы выступает иллюзорная действительность, привнесенная чужими дискурсами и идеальной системой языковой семантики; на формирование образа мира, на котором он базируется, действительность, окружающая создавшего его человека, не оказывает никакого влияния; и все концепты, формирующие этот образ, складываются под влиянием чужого опыта [1].

Чаще всего мы имеем дело с дискурсами смешанного типа, в которых взаимодействие подлинной и мнимой информации дополняется также и вкладом самого порождающего сознания, вносящего в производимый дискурс и свой собственный взгляд на мир, однако существуют продукты, явно тяготеющие к одному или второму типологическому полюсу. Так, ярким представителем экстравертированного типа является газетно-публицистический дискурс, претендующий на представление реально происходящих событий, ср. утверждение о том, что термин *дискурс* «обозначает текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом» [2, с. 54]. В настоящей статье дискурсы из-

влекались из ***электронной версии*** популярного издания «Комсомольская правда» (www.kp.ru, www.kp.by).

Одной из интереснейших проблем, редко затрагиваемых как в монографиях, так и в отдельных статьях, является проблема соотношения между дискурсом и сопровождающими его параграфическими знаками. К последним чаще всего относятся различного рода невербальные средства передачи информации в письменном тексте: (цифры, графики, символы, схемы, фотографии, рисунки, таблицы, некоторые пунктуационные знаки). Однако наибольший интерес с точки зрения референциального соответствия вызывают отношения, возникающие в фотографически иллюстрированном дискурсе.

Как представляется, иллюстрация как параграфический знак особого рода выполняет в экстравертированном дискурсе чрезвычайно важную функцию. Существует мнение, согласно которому «проблема так называемой референции не есть проблема референции единиц языка, а есть прежде всего глобальная проблема… референции идеальной картины мира, зафиксированной в языке в его отношении к реальному миру» [3, с. 40]. Приняв это положение, можно с уверенностью утверждать, что поскольку газета представляет дискурс, полностью направленный на отображение существующего мира, иллюстрация, невербальный знак, выполняет роль дополнительного связующего звена, позволяющего преодолеть несовершенство референции вербального знака, который есть «собственно человеческая форма именования объективного мира» [3, с. 41].

Иконические знаки и референтные имена собственные. Большое количество газетно-публицистических дискурсов сопровождается изображением лица, участвующего в событиях, о которых говорится в статье. В заглавие в этом случае выносится индивидуальный антропоним, служащий для выделения личности из коллектива. Структура этого антропонима (одноименный, двуименный и т.д.) зависит, как представляется, от многих факторов, например, от известности персонажа. Так, названия популярных в последнее время статей о французском актере Жераре Депардье, сопровождающиеся его фотографиями, могут содержать только его фамилию, например, *Депардье поменял родину* (16.12.2012). Это правило может нарушаться, если персонаж обладает фамилией, не позволяющей выделить его из ряда однородных объектов, ср. *Элтон Джон скоро станет отцом во второй раз* (10.11.2012).

В этом случае между именем собственным и изображением устанавливаются простейшие референциальные отношения, поскольку единственной функцией подобных лексем является референция к их носителям: как известно, обыденные имена собственные прямо относятся к номинируемому единичному денотату (референту) без опосредования смыслом, значением и т.п. Вне контекста общения они вообще ничего не означают. Газетный дискурс (в нашем случае) создает необходимый контекст, в котором имя собственное обретает смысл. Можно говорить о том, что для имени во множестве подобных дискурсов формируется сигнификат, в который вносятся существен-

ные характеристики объекта, представляемого именем собственным – действительно, все потребители газетной продукции подобного рода знают, что представляют собой Жерар Депардье, Элтон Джон и т.д.

Сигнификат имени собственного публичного деятеля, чье имя присутствует в газетном дискурсе, формируется, безусловно, на основании его поступков как невербальных, так и вербальных (высказываний) – то есть на денотативном уровне. При этом фотография, как правило, служит представлению подобных поступков, при этом естественно предположить, что происшествие с высокой степенью денотативности облегчает труд фотокорреспондента. Такое событие, как «Депардье поменял родину», проиллюстрировать трудно, а событие «Путин поставил белых журавлей на крыло» (см. одноименную статью 05.09.2012, слева представлена одна из сопровождающих фотографий) позволяет внедрить в газетный дискурс большое количество иллюстративного материала. При этом в статье присутствует денотативная доминанта – фрагмент дискурса, непосредственно связанный с изображением. Так, приведенному здесь снимку соответствует следующая дискурсивная доминанта: *С самого рождения птиц приучают к человеку в специальном белом костюме, изображающему вожака стаи.* Связь доминанты с фотографией усиливается подписью под последней: *Владимир Путин в специальном белом костюме для подобных полетов.*

Сложившийся за счет различных газетных дискурсов сигнификат, в свою очередь, обусловливает появление на фотографиях элементов, для которых денотативная доминанта может отсутствовать в дискурсе статьи. Так, на приведенном выше снимке Депардье держит бокал с вином. В статье нет упоминаний о подобных пристрастиях актера, однако о них много говорилось ранее, ср.: *Депардье неразборчив и неостановим: снимался и в выдающихся картинах великих режиссеров, и в полном барахле. Промышляет не только актерским трудом, но и куроводством, виноделием, ресторанным бизнесом* (25.03.2010). Лексема *виноделие* здесь представляет денотативную доминанту, отраженную в иллюстрации к иному материалу.

Иконические параграфические знаки и групповые наименования. Во многих случаях параграфический знак в биографической статье связывается не с единичным денотатом (референтом) (человеком), а с ситуацией, которая здесь и будет реализовывать референциальную функцию. Это можно наблюдать в рассмотренном выше примере с Владимиром Путиным. Вот еще пример подобного ситуационного представления: *Наина Ельцина… встретилась с лучшими студентами своего родного университета – теперь уже УрФУ имени первого президента России* (06.07.2012, фотография слева). Однако статичность снимка, входящая в противоречие с динамичностью ситуации, приводит к тому, что из последней извлекается одно из составляющих, которое и становится денотативной доминантой для иллюстрации. Так, в статье о Галине Вишневской (11.12.2012) приведенный справа вверху страницы снимок, сопровождаемый подписью *С Наиной Ельциной и дочерью Ольгой*, иллюстрирует дискурсивный фрагмент *А в понедельник из Баку*

прилетела ее старшая дочь Ольга, из которого денотативной доминантой является лишь последняя часть.

Стремление наилучшим образом представить ситуацию может приводить к противоречию между изображением и дискурсом статьи. Так, представленная слева фотография к статье *Красная площадь так и не стала белой* (27.05.2012) убедительно демонстрирует обратное. Как мы видим, площадь заполнена людьми в белых одеждах. Здесь, конечно, можно усмотреть интригу, иронию журналиста, но в самой статье отсутствует денотативная доминанта, позволяющая подобную иронию эксплицировать.

Ситуация в качестве референта выходит на первый план, если представленное на снимке лицо не обладает необходимой общественной значимостью. Так, корреспондент «Комсомолки», представленный на снимке слева, подписанном: *Корреспондент «Комсомолки» без проблем прошел в школу, где совратили мальчика* (10.01.2013), появляется лишь в качестве субъекта, создающего необходимую ситуацию.

Помимо номинаций единичных денотатов (референтов) в ситуационном или неситуационном представлении, в газетном дискурсе представлены групповые номинации. Чаще всего это статьи, посвященные коллективам людей,

например, оркестру, ансамблю, хору, коллективу театра или самой газеты. В этом случае имя собственное, вынесенное в заглавие дискурса, обозначает данный денотат как единицу более крупного порядка, а не как сумму членов такого коллектива, например: *В Волгограде в День рождения «КОМСОМОЛКИ» коллектив газеты посадил цветы на набережной* (01.07.2012). Об этом свидетельствует подпись под параграфемой, в которой не перечисляются члены коллектива, они обобщаются общим именованием: *Дружный коллектив «Комсомолки» .*

Как уже говорилось выше, газетно-публицистический дискурс (как содержащий параграфический знак, так и не содержащий его) необходимо включает описание и характеристику денотата, имя которого вынесено в заглавие статьи, что позволяет сформировать сигнификат, по определению отсутствующий у имени собственного. Можно было бы предположить, что дискурсы, сопровождающие имена собственные, должны содержать так называемые определенные дескрипции в понимании Б. Рассела. Представляя неопределенные и определенные дескрипции, он полагал, что первые характеризуют классы (множества) предметов, а «определенные дескрипции отличаются от неопределенных только одним – импликацией единичности» [4, с. 52]. В случае определенной дескрипции мы описываем единичный факт, относящийся к вполне определенному индивиду, то есть эта дескрипция имеет определенный смысл и определенный (единственный) референт.

Стандартизация языка и стиля публицистического и, в частности, газетного дискурса приводит, однако, к тому, что дискурс газетной статьи строится таким образом, что в нем, наряду с дескрипциями, имплицирующими единичность, необходимо присутствуют дескрипции, относящие данный единичный

объект к классу подобных объектов (ср. *известный политик, знаменитый актер, выдающийся государственный деятель* и т.д.). Подобные дескрипции, повторяясь из издания к изданию, начинают приобретать форму штампа. Как представляется, они строятся таким образом, чтобы учитывались признаки референта, которые имеют социокультурную значимость. Так, например, уже упоминавшийся Жерар Депардье представляется в дискурсе «Комсомолки» как знаменитый актер, Галина Вишневская – великая / легендарная певица, Александр Солженицын – как всемирно известный писатель. Такая стандартизация выделяет наиболее характерный, важный, по мнению составителей подобных дискурсов, признак денотата. Любопытно с этой точки зрения то, что Элтон Джон чаще всего представляется с указанием на полученный им дворянский титул – сэр Элтон Джон, что, по-видимому, представляется журналистам его наиболее существенной характеристикой.

Иконические параграфические знаки и референтные имена нарицательные. Приступая к рассмотрению нарицательных имен, представляющих в газетном дискурсе денотативные доминанты, следует еще раз упомянуть, что газетно-публицистический дискурс принадлежит к экстравертированному типу, то есть он по определению стремится к наиболее полному и адекватному изображению реального мира, отражаемому человеческим сознанием: «если можно говорить о том, что сознание человека как идеальное построение объективного мира коррелирует с объективным миром, то языковой знак существует в рамках закономерностей этого мира» [3, с. 40]. Безусловно, правильность языковых выражений не означает правильности как установления объективной истины. Однако дискурс газетной статьи тем и отличается от других

дискурсов, что он априори претендует на истинность представления фактов. В идеальной коммуникативной ситуации потребитель-адресат обращается к периодическому изданию для получения истинной информации, полагая, что именно таковую ему предоставит данное издание. Разумеется, в реальной жизни все может обстоять (и, как правило, обстоит) иначе. Однако по правилам коммуникативной игры газетный дискурс создается и должен восприниматься как истинный. В подобном восприятии огромную роль играют параграфические знаки – иллюстрации, позволяющие верифицировать дискурс как истинный или, по крайней мере, создающие иллюзию истинности. Так, даже статьи о грядущем «конце света» сопровождались параграфическими знаками, которые были призваны подтвердить истинность содержащейся в статье информации (см., например, иллюстрацию слева с подписью *Фрагмент «Монумента 6», где выбито «пророчество» на XXI век* (21.06.2012)).

Даже если в дискурсе рассматриваемого типа представлена денотативная доминанта, названная именем нарицательным, параграфический знак не будет представлять один из объектов данного множества, наделенный наиболее типичными признаками, как это было бы в случае, например, энциклопедического дискурса. В нашем случае определенную роль сыграет новостийный характер данного дискурса, в котором каждое событие будет рассматриваться как эксклюзивное, единственное в своем роде, достойное того, чтобы быть представленным потребителю, соответственно, параграфический знак будет представлять того единственного представителя определенного класса, кото-

рый принимал участие в данном эксклюзивном событии, как это происходит, например, на иллюстрации к статье «*На кандидата в президенты США напал пингвин»*, где представлены оба действующих участника ситуации. По-видимому, данная закономерность может выступать в качестве одного из критериев, позволяющих отличить профессионально сделанный интернет-дискурс от непрофессионального, в котором позволительно использовать изображения, представляющие не конкретную ситуацию, а одну из подобных, типичных ситуаций. Кстати, подобное представление можно встретить также в таком достаточно профессиональном интернет-издании, каковым является «Комсомольская правда». Так, например, статья «*Крупным торговым сетям запретят открывать новые магазины?»* (17.01.2013), описывающая ситуацию в Беларуси, сопровождается снимком, на котором, судя по иноязычным надписям (на снимке, в чем можно убедиться, найдя в интернете статью с более отчетливой фотографией, видны такие надписи, как *petfood, detergents, great offers* и др.), представлен явно не белорусский гипермаркет. Можно предположить, однако, что здесь на выбор иллюстрации влияет экономическая политкорректность – размещение снимка реально существующего магазина может быть воспринято как реклама или антиреклама (в статье не очень лестно характеризуется появление монополий в торговле).

Другие типы параграфических знаков в газетно-публицистическом дискурсе. Фотография, безусловно, является иконическим знаком, предполагающим абсолютное сходство между планом выражения и планом содержания. Возможно ли использование в качестве иллюстраций газетно-публицистических дискурсов знаков иного типа? Сразу следует отметить, что подобные знаки достаточно редки. Указанный выше новостной характер информации предполагает использование именно иконических знаков, поскольку именно они лучше всего осуществляют верификацию излагаемой в статье информации. Однако можно встретить и знаки-символы: например, статья «*Молдаване незаконно пытались попасть в Италию»* (31.10.2008) иллюстрируется изображением итальянского флага. Возможно, представляемая в статье информация показалась слишком незначительной для того, чтобы заниматься поисками более качественной иллюстрации.

Еще более редкими кажутся индексальные знаки. К таковым можно отнести, в частности, различные стрелки-указатели, позволяющие читателю более точно представить ситуацию. Так, статья «*Спасатели сняли пьяного жителя Оша с 20-метровой арки»* содержит иллюстрацию, на которой стрелкой указывается пункт, соответствующий денотативной доминанте статьи – место, откуда именно был снят указанный в заголовке субъект.

Параграфические знаки и нереферентные имена. Особый интерес с точки зрения референциального соотношения между дискурсом и иллюстрацией представляют статьи, в которых денотативная доминанта репрезентирована так называемыми нереферентными именами типа классических *кентавр* или *нынешний король Франции.* Предложивший эти примеры Бертран Рассел

предположил, что подобным именам соответствуют не какие-то реальные индивиды, а *концепты,* то есть ментальные образования: «Мы их поймем, если знаем, что такое единорог или морской змей, то есть какова дефиниция этих мифических чудовищ» [4, с. 42]. Как представляется, статья в периодическом издании принимает активное участие в формулировании характеристики подобного концепта, то есть понятия, которое кладется в основу существования имени подобного типа, то есть создается референциальная дескрипция. Так, многие наши соотечественники имеют глубокие познания о сущности жителей Атлантиды, инопланетян, домовых, привидений именно на основании фактов, предоставляемых «желтыми» изданиями. Стремление создателей газетного дискурса верифицировать свои сообщения приводят к появлению даже в статьях подобного рода, где денотативная доминанта связана с представлением фиктивного или виртуального денотата, различного рода фотографических иллюстраций.

Наиболее простой способ верификации представлен в статье о домовом «*На кухне слышен крик и вой? Там гуляет домовой!*» (10.02.2011) – в качестве иллюстрации выступает фрагмент известного мультфильма о домовенке Кузе. Встречаются и иные способы представления подобной денотативной доминанты, претендующие на реалистичность. В таких случаях представляется место событий после пребывания там фиктивного денотата. Так, например, в статье «*На крыше новосибирской пятиэтажки «прописался» огненный полтергейст*» (22.03.2010) на фотографиях показаны комнаты со следами пожара, а сообщение *«Чертовщина» под Воронежем: Полтергейст бьет хозяйку дома и роняет картины со стен»* (28.05.2008) сопровождается снимком специалиста, призванного устранить аномальные явления.

Помимо названных параграфических знаков и рассмотренных типов отношений между ними и знаками вербальными газетно-публицистический дискурс репрезентирует и другие параграфемы, с одной стороны, верифицирующие его, с другой же – повышающие удобство и легкость его восприятия, следовательно, также положительно влияющие на сознание потребителя. Таким образом, подобный дискурс представляет референциальные отношения в чистом виде, не затемненными двусмысленностью обыденного дискурса, а потому подобные отношения в нем заслуживают дальнейшего изучения.

1. *Кожинова А.А.* Интровертированный образ мира в творениях Кирилла Туровского. Минск, 1999.
2. *Чернявская В.Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. СПб., 2001.
3. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
4. *Рассел Б.* Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982.

Наталья Журавлева (Беларусь, Минск)

УПРЕК В ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Пожалуй, сегодня каждый лингвист согласится, что всякое высказывание следует рассматривать как продукт речевой деятельности, осуществляемой в конкретных социокультурных (исторических, политических, ситуативных и др.) условиях. И именно применение анализа дискурса позволяет соотнести языковую форму высказывания с социальными и личностными характеристиками коммуникантов, с их фоновыми знаниями, с имплицитными коммуникативными намерениями и т. д.

В данной статье представляются результаты изучения влияния параметров парламентского дискурса на реализацию коммуникативной интенции упрека. Объект исследования – совокупность высказываний с доминирующей интенцией упрека в статусно-ориентированном общении (парламентский дискурс) (492 единицы) в сравнении с личностно-ориентированным общением (бытовой дискурс) (506 единиц). Предметом исследования является коммуникативная интенция упрека и способы ее вербализации. Анализу подверглись тексты протоколов заседаний Сената Польши 5-го созыва за 2004 год (www.senat.pl).

Парламентский дискурс трактуется как часть политического дискурса. Под дискурсом понимается протекающая в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленная коммуникативная деятельность, одним из продуктов которой в результативной сфере является текст [1, с. 182], а также семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, обслуживающие данную сферу; тезаурус прецедентных текстов; типичные модели речевого поведения; определенные речевые акты и жанры [2, с. 281].

Выбор ситуации парламентских дебатов (публичный дискурс) для анализа реализации интенции упрека в сравнении с ситуацией бытового, личностно-ориентированного общения (приватный дискурс) обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, парламент является одним из важнейших политических институтов, причем именно язык парламентариев отражает политическую культуру того или иного социума. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что парламентский дискурс зачастую стоит в центре исследований, посвященных политическому языку и политической семиотике.

Во-вторых, именно дебаты являются тем жанром парламентского дискурса, который отличается наибольшей степенью диалогичности и одновременно наименьшей степенью официальности. В этом смысле поведение участников парламентских дебатов имеет определенные сходства с поведением коммуникантов в бытовом общении. По форме это диалогическая коммуникация, один из участников которой – выступающий с речью депутат, а другой – депутаты в зале, реагирующие на выступление, как в форме реплик, промежуточных вопросов, так и в форме смеха, ропота недовольства, аплодисментов. Таким образом, участники дебатов находятся в непосредственном контакте друг с другом и имеют возможность реагировать (в том числе спонтанно) на высказывания или невербальное поведение друг друга.

В-третьих, деятельность парламента так или иначе направлена на достижение согласия, так как конечной целью является принятие законов, становле-

ние права в государстве. Таким образом, наравне с прагматическим принципом соперничества не менее значимым для парламентского дискурса оказывается грайсовский принцип сотрудничества. Депутаты во время заседаний парламента используют разного рода языковые средства, с помощью которых убеждают непосредственного адресата принять или не принять какое-то решение.

При описании реализации интенции упрека принимались во внимание и подготовленные пленарные выступления депутатов, и реплики из зала (в стенографических записях они четко фиксируются), которые служат проявлением внимания аудитории к оратору, к его докладу и т.д. Реплики носят спонтанный характер и отражают личностную оценку содержания текста или его автора.

И, наконец, еще одним фактором в пользу выбора парламентских дебатов явилось то, что некоторые исследователи отмечают, что упрек в большей степени характерен для неофициального общения: в кругу семьи, между близкими друзьями или хорошими знакомыми [3, с. 197] , [4, с. 56]. А.Л. Федорова писала, что «в немецкоязычном и англоязычном социуме подобного рода высказывания на социальной дистанции неприемлемы как в формальной, так и в неформальной обстановке» [5, с. 21]. Вместе с тем наблюдения за речью политиков во время заседаний польского парламента показывают, что упрек свойственен и публичной речи. Это подтверждает и Э. Ласковска, которая, исследовав эмотивные речевые акты в парламентском дискурсе, пришла к выводу, что более 50 % проанализированных речевых актов составляют акты выражения негативной оценки действий адресата [6, с. 145]. В связи с этим можно предположить, что упрек как один из способов выражения неодобрения занимает значительное место в речи парламентариев.

Таким образом, отмеченные выше особенности парламентских дебатов говорят о соотносимости этого вида дискурса с дискурсом бытовым (личностно-ориентированным общением). С другой стороны, парламентский дискурс характеризуется набором специфических черт.

Во-первых, это разновидность институционального дискурса [2, с. 250], который представляет собой специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут и не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Парламент, правительство – важнейшие социальные институты. Формально социальный институт можно определить как «совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию» [7, с. 42]. С содержательной стороны социальный институт представляет собой набор стандартов поведения в определенных ситуациях. Каждое заседание парламента строится по определенному шаблону и отличается некоторой степенью ритуализованности.

Во-вторых, парламентские дебаты представляют собой статусно-ориентированное общение, где коммуниканты выступают не как личности во всем многообразии личностных характеристик, а как представители той или иной группы, они исполняют роль, приписываемую коммуникативной ситуацией. Парламентский дискурс характеризуется набором типичных речевых действий, определенной тематикой общения, четким представлением участников о типичных моделях речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей.

Таким образом, отправной точкой для нашего исследования явились различия между бытовым общением и парламентскими дебатами, которые, по нашему мнению, и оказываются решающими при реализации интенции упрека тем или иным способом. Результаты проведенного анализа отражены в таблице 1.

Таблица 1

Влияние параметров дискурса на реализацию интенции говорящего

Парламентские дебаты (статусно-ориентированное общение)	
Параметры ситуации	**Особенности речевой реализации интенции упрека**
Официальность общения, сильная этикетная скованность	а) «возмещающие» коммуникативные ходы; б) упрек в форме «мы»
Преимущественно сдержанная субъективность и эмоциональность	а) нейтральная лексика для экспликации эмоций; б) неупотребимость некоторых конструкций риторических вопросов, характеризующихся высокой степенью эмоциональности
Полностью открытое общение (потенциальный, массовый адресат); адресант и адресат выступают, прежде всего, как носители социальных ролей	а) использование персуазивных операторов, стремление объективизировать упрек; б) более частое использование противительных конструкций; в) прием отстранения (замена форм лица)
По преимуществу поверхностная степень знакомства коммуникантов	а) эксплицитность и развернутость речевого акта упрека; б) использование нейтральной лексики для выражения отрицательной оценки и эмоций
Обязательная логическая стройность речи; искусственное развитие диалога (сценарий)	а) сохранение в вопросах-упреках их первичной функции запроса информации, а также приобретение оттенков возражения, несогласия; б) использование директивов

Несомненно, каждый из названных пунктов заслуживает отдельного комментария. Но в рамках данной статьи мы остановимся лишь на одной (но очень показательной) особенности реализации интенции упрека в парламентском дискурсе. Речь идет о прямом (эксплицитном) выражении упрека, в целом не свойственном бытовому общению.

Интенция упрека эксплицируется следующим образом: (Г – говорящий, С – слушающий, П – поступок): *С сделал П; Г считает, что П, который совершил С, – плохой; Г испытывает недовольство, разочарование; Г полагает, что С не должен совершать П; Г говорит так, чтобы С понял, что Г не одобряет П, который он совершил; Г хочет, чтобы С испытывал чувство вины; Г хочет, чтобы С так больше не делал, а делал так, как этого хочет Г.*

Так как в иллокутивном значении речевого акта упрека содержатся элементы и оценки, и информирования, и воздействия, невозможно однозначно определить, к какому типу речевых актов он относится. Причем эта проблема вызвана не только многомерностью самой интенции упрека, но и разнообразием способов ее выражения в общении. Сложность их анализа заключается в том, что иллокутивная сила рассматриваемого речевого акта, как правило, выражается косвенно. Существуют причины, препятствующие перформативному употреблению глаголов, обозначающих речевой акт упрека.

Под прямым способом выражения интенции понимается высказывание, содержание которого непосредственно определяется совокупностью языковых единиц, входящих в данное сообщение. Каноническим средством прямого выражения интенции говорящего является перформативное высказывание, «произнесение которого говорящим равносильно однократному выполнению действия, обозначенного в этом высказывании группой сказуемого» [8, с. 213–214]. «Эталонная» форма сказуемого в таких высказываниях – глагол в форме первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного времени) активного залога индикатива, хотя могут использоваться и другие глагольные формы [8, с. 201–203]. Но такой способ выражения для интенции упрека не характерен.

Причиной неупотребления *wymawiać komu co (robić wymówki komu), zarzucać komu, co, że (stawić zarzuty komu), wyrzucać komu co (czynić wyrzuty komu)* в функции перформатива является наличие отрицательной оценки в его семантике. Однако это не единственная причина. Доказательством тому служит факт, что среди группы глаголов с семой осуждения есть не только глаголы, которые также не являются перформативами (*пенять, упрекать, ругать, оскорблять*), но и канонические перформативы (*обвинять, осуждать, приговаривать, проклинать*). В связи с этим нельзя не согласиться с Ю.Д. Апресяном, что свойство перформативности не удается свести лишь к лексическому значению глагола; большое значение имеют также грамматические и прагматические факторы [8, с. 202–217]. Так как в наши задачи не входит детальное изучение грамматических свойств данных глаголов, отметим некоторые особенности, связанные с парой *wymawiać / oskarżać* (*упрекать / обвинять*). В ситуации *oskarżenia* (*обвинения*) говорящий выступает как строгий судья и исходит из того, что предосудительность поступка адресата очевидна. Для него слушающий в этом случае является нарушителем порядков, традиций, законов, а он сам – их хранителем и защитником. Поэтому перформатив *oskarżam* / *обвиняю* не несет угрозы позитивному лицу говорящего (следует также принять во внимание судебно-правовой характер данной формулы). «Осуждение, обвинение выносятся как бы от имени общества, которое выступает в качестве суперагенса по отношению к отправителю и получателю речи» [2, с. 161].

Упрек же представляет собой речевой акт, несущий угрозу как позитивному лицу адресата, так и позитивному лицу говорящего, поскольку вся ответственность за такое речевое действие ложится на самого упрекающего. Перформативное употребление *я упрекаю* равносильно «иллокутивному самоубийству» [9] . Таким образом, можно заключить, что косвенное выражение упрека связано со стремлением участников общения сохранить гармоничные отношения и подчинено действию конвенций – неписанным, но ясно осознаваемым социализированной личностью нормативным типам и моделям речевого поведения.

Прямым подтверждением тому, что косвенное выражение упрека связано с такими категориями, как вежливость, уважение, социально приемлемое поведение, является пример, когда депутат выразил интенцию упрека в адрес министра эксплицитно, используя перформатив. Заметим, что среди проанализированных нами примеров бытового общения не зафиксировано ни одного (!) такого случая.

(1) *Senator Jerzy Suchański: A jeżeli pan minister może mówić w tym momencie, to ja zarzucam panu ministrowi niemówienie do końca prawdy. «Если господин министр может говорить в этот момент, то я упрекаю его в том, что он говорит не всю правду».*

Wicemarszałek Ryszard Jarzembowski: Panie Senatorze, Panie Senatorze! Może pan dochodzić prawdy, ale na właściwej drodze. Proponuję nie wciągać Senatu w rolę arbitra w tej sprawie. Pan minister powiedział to, co uznał za stosowne. Senat weźmie to oczywiście pod uwagę. Byłbym ostatnim, który godziłby się na formułowanie publicznie zarzutów mówienia nieprawdy. W tej Izbie raczej nigdy się to nie zdarzało, a w tej kadencji zdarzyło się po raz pierwszy. A więc wymażmy ten precedens. Przepraszam, Panie Ministrze, że takie sformułowania padły, bo one paść nie powinny. «Господин сенатор, господин сенатор! Вы можете добиваться правды, но надлежащим путем. Предлагаю не привлекать Сенат в качестве арбитра по этому делу. Господин министр сказал то, что посчитал уместным. Сенат, естественно, примет это во внимание. Я был бы последним, кто согласился бы на публичное выражение упреков в сокрытии правды. В этой Палате такое никогда не случалось, а в этом созыве случилось впервые. Так что сотрем из памяти этот прецедент. Извините, господин министр, что такие формулировки прозвучали, так как они не должны были прозвучать» [73/140][1].

Резко отрицательная реакция вице-спикера на прямой способ выражения упрека с помощью перформативной формулы показательна и закономерна, так как говорящий нарушил ряд конвенций: не только неадекватно выбрал форму речевого акта с позиций статусных и ролевых характеристик коммуникантов, но и сделал это публично. Вице-спикер, желая восстановить status quo, подчеркивает, что данный упрек – личное мнение говорящего, подобный прецедент случается впервые, и приносит извинения министру, в адрес которого прозвучал упрек.

В проанализированном нами материале данный пример, где интенция упрека выражена с помощью перформатива, был единственным.

По нашему мнению, к прямому выражению упрека можно отнести также цепочки речевых актов, каждый из которых реализует определенный компонент интенции упрека. Например:

(2) *Wicemarszałek Kazimierz Kutz: Z przykrością stwierdzam, że niektórzy senatorowie nie wyłączają swoich telefonów, a pani senator Doktorowicz przeprowadziła nawet rozmowę telefoniczną, siedząc za tym stołem. To bardzo niełądnie, Pani... «С сожалением констатирую, что некоторые сенаторы не выключают своих телефонов, а госпожа сенатор Докторович даже говорила по телефону, сидя за этим столом. Это очень некрасиво…»*

(*Senator Krystyna Doktorowicz: Bardzo przepraszam, ale to sprawy państwowe... «Извините, но это государственные дела…»*)

Nie może być spraw państwowych, bo tu jest państwo. Ja bym bardzo prosił, żeby to się już nie powtórzyło. «Не может быть государственных дел, так как государство здесь. Я очень бы просил, чтобы это больше не повторилось» [69/13].

Вице-спикер отрицательно оценивает поведение адресата (*to bardzo niełądnie, Pani «это очень некрасиво»*), испытывая при этом негативные эмоции (*z przykrością stwierdzam «с сожалением констатирую»*). Непосредственная вербализация двух компонентов интенции упрека позволила адресату распознать упрек и соответственно отреагировать: Bardzo przepraszam «извините». И уже после реакции упрекаемого говорящий эксплицировал третий, дирек-

[1] Здесь и далее при рассмотрении примеров, взятых из протоколов заседаний Сената Польши, первая цифра означает номер заседания, вторая – страницу протокола.

тивный, компонент своей интенции: *Ja bym bardzo prosił, żeby tosię już nie powtórzyło. «Я очень бы просил, чтобы это больше не повторилось».*

К прямым способам выражения упрека мы отнесли примеры, где как минимум два компонента интенции выражены прямыми речевыми актами. При этом во внимание принималась реакция собеседника: его извинение – знак того, что интенция упрека распознана. В приведенном выше примере реакция адресата помогает интерпретировать реплику адресанта не как отдельные речевые акты, а как один макроакт упрека, состоящий из нескольких актов-звеньев. Примеры, где выражается лишь один компонент интенции упрека, относятся к косвенным способам, так как в этом случае возникает возможность множественной интерпретации того или иного высказывания, поэтому однозначно распознать упрек можно лишь в рамках конкретной ситуации общения [10, с. 103–104].

Прямые способы выражения интенции упрека в ситуации парламентских дебатов отражены в таблице 2.

Таблица 2

Прямое выражение интенции упрека в ситуации парламентских дебатов

Способ выражения	**Кол-во примеров *(всего – 492)***	**Иллюстрации**
Перформативная формула	1	*Jeżeli pan minister może mówić w tym momencie, to ja zarzucam panu ministrowi niemówienie do końca prawdy. «Если господин министр может говорить в этот момент, то я упрекаю его в том, что он говорит не всю правду»* [73/140].
Выражены три компонента интенции упрека (отрицательная оценка, негативные эмоции, побуждение)	38	*Proszę senatorów o zajęcie miejsc, proszę też o ciszę. Zwracam państwu uwagę, że wznowiłem obrady. To jest straszne, że nie można chwili wytrzymać bez politykowania, nawet na sali, gdzie się nie politykuje, tylko się tworzy prawo.* *«Прошу сенаторов занять места, также прошу тишины. Обращаю ваше внимание на то, что я возобновил заседание. Это страшно, что невозможно ни минуты выдержать без политиканства, даже в зале, где формируется право»* [77/88]. *Panie Senatorze, ja już pana prosiłem. Nieładnie jest rozmawiać przez telefon w trakcie obrad, naprawdę nieładnie. Nie spodziewałem się tego po panu. «Господин Сенатор, я уже Вас просил. Некрасиво говорить по телефону во время заседания, действительно некрасиво. Не ожидал этого от Вас»* [77/90].
Выражены два компонента	9	*Panie Senatorze Izdebski, ja pana bardzo proszę, żeby pan pozwolił mówić pani senator... To niekoniecznie musi pan te złe nawyki sejmowe przenosić na naszą salę «Господин Сенатор Издебский, я очень Вас прошу, чтобы Вы позволили говорить госпоже сенатору… Необязательно плохие привычки Сейма переносить в наш зал»* [71/62].

Промежуточным (между прямым и косвенным) способом реализации интенции упрека является совмещение в одном макроакте минимум двух рече-

вых актов, один из которых выражает тот или иной компонент упрека прямо, а второй – косвенно. При этом используемые косвенные речевые акты характеризуются высокой степенью конвенционализации и даже вне контекста воспринимаются адекватно. Например:

(3) *Proszę państwa, gdzie ja jestem: w Senacie czy na jakimś targu? Proszę o zachowanie ciszy. «Господа, где я нахожусь: в Сенате или на каком-то рынке? Прошу соблюдать тишину»* [71/5].

В данном случае отрицательную оценку говорящий передает косвенно с помощью вопроса (в котором использована лексема *targ «рынок»* в переносном значении с отрицательной коннотацией), а побуждение выражается с помощью перформатива.

На наш взгляд, эксплицитность и развернутость речевого акта упрека в парламентском дискурсе говорит о стремлении говорящего к коммуникативной ясности (к совпадению интенции автора и интерпретации ее адресатом). Эту особенность можно объяснить действием трех факторов: речевого этикета, регламентных норм и коммуникативной дистанцией между собеседниками в данной ситуации общения.

«Под речевым этикетом в широком смысле понимается любое нормирование речевой деятельности со стороны этических правил, опирающихся на доминанту вежливости. Под речевым регламентом в широком смысле понимается любая регуляция речевого поведения структурой и спецификой деятельности как целого, включающего данные речевые действия индивида» [11, с. 139–140]. Регламентные нормы действуют в специфических узких микросистемах и определяют действия субъекта при выполнении им социальных функций, обусловленных профессиональной ролью (то есть регламентный компонент реализуется в ролевых соотношениях, тогда как этикет – в статусных). Подтверждением существования парламентского регламента служит следующий (весьма типичный) пример:

(4) *Panowie Senatorowie, bardzo proszę ozaniechanie przerzucaniasię słowami, bo to nie jest zgodnie z regulaminem. «Господа сенаторы, очень прошу прекратить перебрасываться словами, так как это противоречит регламенту»* [69/163].

При объяснении специфики функционирования упреков в речи польских парламентариев нельзя не отметить особенности польского этикета. На вербализацию интенции упрека напрямую влияют такие характерные свойства речевого поведения поляков, как этикетизация, стандартизация, формульность, смягчение тона, увеличение числа экспликаций, выделенные В.В. Дементьевым в ходе анализа речевого воплощения жанра ссоры в польской культуре в сопоставлении с русской [12, с. 73–84].

Дистанция – наиболее важный критерий, который характеризует отношения между участниками коммуникации. Коммуникативная дистанция – это отражение психологической дистанции, которая, являясь регулятором межличностного взаимодействия, определяет степень открытости / закрытости человека по отношению к другим людям. Именно с позиций коммуникативной дистанции противопоставляются бытовой и парламентский дискурсы. Естественно, что порой трудно выделить чисто статусное и чисто личностное общение. Более правильно представлять коммуникативную дистанцию как континуум, шкалу между предельно статусно-ориентированным общением (прохо-

ждение таможенного контроля) и личностно-ориентированным общением (разговор по душам) [2, с. 243–245]. Парламентские дебаты – пример статусно-ориентированного общения. Можно утверждать, что чем больше коммуникативная дистанция, тем более развернуто речевое действие и тем более эксплицирована интенция говорящего.

Как видно, при всей общности способов речевой реализации интенции упрека в разных типах дискурса есть различия, объясняемые сущностными характеристиками дискурса, в рамках которого рождается тот или иной текст. Эксплицитность и развернутость речевого акта упрека в парламентском дискурсе объясняется действием таких ситуативных факторов, как официальность общения, коммуникативная дистанция между общающимися, регламент и речевой этикет.

Дискурс-анализ, таким образом, открывает перспективу создания общей теории социальной коммуникации. Естественно, это пока только перспектива. Но она приближается с каждой попыткой изучить степень и направление влияния социокультурных факторов на процесс коммуникации.

---

1. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 408 с.
2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 390 с.
3. *Гловинская М.Я*. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Т.Г. Винокур, М.Я. Гловинская, Е.И. Голованов [и др]; отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
4. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий / ред.: Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1994. С. 49–58.
5. *Федорова А.Л.* Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков): автореф. дис. …канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.
6. *Laskowska E.* Dyskurs parlamentarny w ujęciu komunikacyjnym / E. Laskowska. Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004. 221 s.
7. *Шейгал Е.И*. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДК «Гнозис», 2000. 326 с.
8. *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 3. С. 208–223.
9. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; под общ. ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
10. *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 248 с.
11. *Макаров Л.М.* Регламентный компонент ситуации речевого акта // Речевые акты в лингвистике и методике: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: В.В. Лазарев (отв. ред.) [и др.]. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. С. 138–148.
12. *Дементьев В.В.* Косвенная ссора в русской и польской речевых культурах // Язык и общество: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т.; редкол.: Л.И. Баранникова (отв. ред.) [и др.]. Саратов, 1995. Вып. 10. С. 73–84.

Олег Спиридовский (Россия, Воронеж)

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Сегодня одним из наиболее общепризнанных положений в исследованиях, посвящённых проблематике дискурса и коммуникации, стало признание определяющей роли умений общения в самых разных сферах жизни общества. Умение общаться, убеждать и воздействовать чрезвычайно востребовано в юридическом и религиозном, рекламном и научном, масс-медийном и художественном дискурсе. Во всех этих и некоторых других социальных институтах и сферах коммуникация представляет собой доступный и вместе с тем далеко не простой способ координации совместных действий людей. Однако особую роль коммуникативные навыки и умения приобретают в политике, поскольку очень многие действия, совершаемые в этой сфере, имеют речевую природу.

Дискурс и язык политической сферы достаточно активно изучаются в разнообразных работах последних лет, хотя следует признать, что такой объект исследования чрезвычайно широк, в связи с чем лингвисты выбирают в качестве предмета анализа, как правило, те или иные аспекты и составляющие политической коммуникации, обусловленные лингвокультурными, жанровыми, стилистическими, лингвокогнитивными, аргументативными, риторическими причинами. Таким образом, многоликость и неоднородность политического дискурса, как правило, приводят к неизбежной конкретизации аспектов его исследования.

Мы подробно остановимся на такой разновидности политического общения, как президентская политическая коммуникация. С нашей точки зрения, анализ этого вида дискурса открывает перспективу понимания и уточнения мотивов и целей политической коммуникации как таковой, поскольку именно в условиях президентского дискурса в концентрированном виде проявляются наиболее значимые тенденции политического общения, например, тенденция к состязательности в борьбе за властные ресурсы.

Участники президентской коммуникации и их основные характеристики. Ситуация президентского дискурса предполагает статусно-ориентированное общение в сфере политики, участником которого является действующий глава государства либо лицо, стремящееся получить этот статус (кандидат в президенты). В первом случае лидер страны выступает и в особой коммуникативной роли, обладая приоритетным правом на речь. Это означает, что во многих случаях выступления и тексты, авторство которых формально или на самом деле принадлежит президенту, являются однонаправленными, то есть прямой ответ на них, по крайней мере, в виде аналогичного выступления или текста не предусматривается. В классической риторической традиции такой тип общения принято называть гомилетикой, которая характеризуется отстранённостью от обсуждения конкретных проблем текущей ситуации, отсутствием конкретики. Такое общение вызвано высоким статусом президента страны, которому обычно уже не с кем и не за что бороться, поскольку его легитимность не оспаривается.

Признание административного и коммуникативного статуса президента страны наделяет последнего широкими коммуникативными возможностями

для дискурсивной реализации тех или иных потребностей, формируемых политической сферой. Президент обладает монополией на выстраивание своего дискурса, подчиняя те или иные коммуникативные шаги политическим потребностям. Очевидна асимметричность в отношениях между президентом и аудиторией. Последнюю можно, на наш взгляд, с позиций теории риторики охарактеризовать как аудиторию сочувствующую или понимающую, в лице которой глава государства ищет и находит не столько коммуникативного партнёра, сколько союзника, чаще всего молчаливого, но способного отреагировать на сообщение президента актом поддержки или недоверия спустя какое-то время [1].

Данная особенность обусловливает известную монологичность президентского дискурса, потому что высказывания главы государства очень часто не допускают быстрого ответа и сиюминутного реагирования адресата. Более того, образ получателя слов президента зачастую может быть сознательно завуалирован, деперсонализирован, обобщен. Президент стремится заручиться поддержкой и доверием максимально широкого круга граждан, способствует их сплочению на основе единой национальной идентичности и, следовательно, не разделяет свою страну на какие-либо группы с противоположными интересами.

«***Мы*** *будем работать честно и напряженно,* ***мы*** *добьемся успехов и* ***мы*** *призываем всех объединиться вокруг интересов* ***нашего*** *народа и* ***нашей*** *родины*» (В.В. Путин, 4 марта 2012 г.). В данном фрагменте российского президентского политического дискурса особую смысловую нагрузку приобретает повторяемое инклюзивное местоимение «мы» с обобщённой семантикой коллективного субъекта политической деятельности: только что избранный президент России в положении коммуникативного монополиста обращается ко всему народу с призывом сообща выполнять необходимые действия, не рассчитывая получить какой-либо вербальный ответ от массового адресата.

Мотивы объединения отчетливо звучат не только в торжественных ситуациях, но и в сложные, кризисные, переломные моменты жизни общества, которые также требуют его консолидации. Так, президент США Барак Обама вспоминает о природных катаклизмах осени 2012 года, потребовавших большого мужества от всех американцев. «*For the past few days,* ***all of us*** *have been properly focused on one of the worst storms of our lifetimes. We mourn those who were lost. And we pledge to stand with those whose lives have been turned upside down for as long as it takes them to recover and rebuild. Because when hardship hits, America is at its best. The petty differences that consume us in normal times quickly melt away. There are* ***no Democrats or Republicans*** *during a storm –* ***only fellow Americans****. That's how we get through the most trying times:* ***together»*** (Б. Обама, 3 ноября 2012 г.).

В случае эксплицирования борьбы за власть (в ситуации президентских дебатов) оппонирование сторон приближает кандидатов к отношениям коммуникативного равноправия как основного условия политического состязания, которое, кроме прочего, поддерживается и регламентом события. Действительно, на первый взгляд, в данной ситуации дискурсивные условия способствуют созданию паритетных отношений между участниками общения, а кандидатам предоставляются формально равные возможности для самопрезентации. Однако нам представляется, что реальная ситуация далеко не всегда

соответствует такой модели коммуникации, поскольку инициатива в общении, как правило, исходит от кандидата, в наименьшей степени связанного с ошибками и отрицательными результатами работы предыдущей власти и, следовательно, в наименьшей степени уязвимого для критики. Такой ситуации свойственна большая открытость и диалогичность коммуникации, острота и полемичность общения, быстрая смена ролей получателя и отправителя сообщения. В данном случае общение протекает двунаправленно, хотя и является далеким от идеала коммуникативного равноправия.

Заметим также, что и в условиях борьбы за власть между кандидатами роль молчаливой широкой аудитории зрителей и телезрителей очень велика. На наш взгляд, есть все основания признать ее участником президентского дискурса, потому что почти невозможно себе представить, что один из кандидатов в президенты сумеет убедить в своей правоте другого и привлечь его на свою сторону. На самом деле подлинным адресатом слов кандидата являются именно избиратели, на модификацию мнения и поведения которых и нацелен дискурс политика.

Агональный президентский дискурс. Текущая политическая ситуация определяет распределение ролевых функций в президентском дискурсе и обусловливает доминирующий способ общения. С нашей точки зрения, необходимо выделить три наиболее типичных и устойчивых способа общения в президентском дискурсе, каждый из которых обладает универсальными особенностями и принципиально не зависит от лингвокультурологических факторов. Это агональное, ориентационное и ритуальное общение. В первом случае общение происходит в ситуации обострения и эксплицирования борьбы за властные ресурсы. Для придания легитимности этой борьбе общество вырабатывает особые жанры агональной коммуникации, задающие формат и регламент общения. Ориентационное общение отличается информативностью и нетривиальностью содержания (его цель заключается в презентации своих программ и взглядов), а ритуальная (в другой терминологии – фатическая) коммуникация, напротив, не создает новые сообщения и смыслы, а воспроизводит старые. Президентский дискурс многолик, он реализуется в каждом из этих способов общения в зависимости от мотивации, периодичности и условий коммуникативных событий в политической среде [2, 3].

Агональный (состязательный) президентский дискурс – это коммуникация, основным смыслом которой является выявление самых острых и существенных проблем жизни общества и оптимальная презентация кандидата, способного предложить лучшее решение этих проблем. Этот смысл может проявляться и в других ситуациях и типах общения, однако, несомненно, он становится наиболее очевидным и превалирующим именно в ситуациях агонального общения.

Агональная президентская коммуникация способствует активному развитию стратегии сопоставления программ, идей, профессиональных и личностных качеств участников общения. Эта стратегия может обладать эксплицированным или косвенным характером, однако ее суть останется неизменной: политическое продвижение кандидата в роли лидера страны, обладающего набором управленческих и коммуникативных качеств (в отличие от остальных соперников).

Активизация агонального общения в президентском дискурсе на современном этапе развития политических институтов связана с периодизацией событий в политической сфере. В частности, особую роль в этом смысле приобретают избирательные кампании, предвыборные дебаты, митинги, общественно-политические дискуссии, острый характер которым придает политическая ситуация, допускающая или даже предусматривающая смену курса страны и ее лидера. Представляется интересным привести примеры президентского общения этого типа в США и России – странах, в которых, с одной стороны, существуют достаточно похожие ожидания и представления относительно фигуры президента как национального лидера, а с другой – многое в политической жизни определяют культурно-специфические традиции и тот собственный уникальный исторический путь, которым развивались две страны.

В американской политической культуре традиция проведения президентских дебатов, обсуждения ключевых проблем страны и позиций кандидатов имеет очень долгую историю. По-настоящему общедоступной такая дискуссия стала в 1960 году, когда состоялись первые телевизионные дебаты между кандидатами на пост президента США Джоном Кеннеди и Ричардом Никсоном. С тех пор президентские дебаты неизменно вызывают чрезвычайно широкий общественный интерес и являются той неотъемлемой частью американской политической жизни, без которой трудно себе представить общество США.

Достаточно традиционной, устойчивой и повторяющейся стратегией коммуникации в президентских теледебатах служит выгодная самопрезентация на фоне ошибочных суждений и действий, допущенных оппонентом. «*Sen. McCain has a different kind of approach. He says that he's going to give you a $5,000 tax credit. What he doesn't tell you is that he is going to tax your employer-based health care benefits for the first time ever*» (Б. Обама, 7 октября 2008 г.). Данный пример показывает, что кандидату, не связанному с политикой последней администрации США, гораздо проще дистанцироваться от ее неудачных решений и слов. Джон Маккейн в 2008 году находился под давлением политических обстоятельств: хотя он и не разрабатывал, а лишь поддерживал инициативы бывшего президента Джорджа Буша-младшего, ему пришлось отвечать за решения своего однопартийца. Б. Обама, напротив, получил свободу в выстраивании своей предвыборной кампании как кандидат, способный предложить избирателям перемены к лучшему.

«*Уважаемые избиратели! Вы видите, какое неуважение ко всем вам, к ЛДПР и ко мне лично. Я ничего не имею против представителя Путина, но это абсолютно недопустимо, когда вместо кандидата в президенты проходит доверенное лицо. Этого нет ни в одной стране мира. Это означает страх и поражение Путина*» (В.В. Жириновский, 1 марта 2012 г.). В российских президентских дебатах 2012 года позиционировавший себя в качестве оппозиционного кандидата В.В. Жириновский постоянно выступал с резкой критикой действующей власти, ее представителей и тех кандидатов, которых считал ставленниками Кремля: «*Граждане России! Сегодня последние дебаты между мной и гражданином Прохоровым. Это такие, как он, разрушили нашу страну при Ельцине. Это они ограбили нас всех*» (28 февраля 2012 г.). С другой стороны, и сам В.В. Жириновский получал обвинения в свой адрес как псевдооппозиционный

кандидат, действующий на самом деле по указанию Кремля: «*Вы самый активный агент Кремля. Вы поддерживаете власть, которая избрала козлом отпущения бизнес. Вы сидите в Думе, болтаете языками и мешаете людям работать и зарабатывать*» (М.Д. Прохоров, 28 февраля 2012 г.).

Таким образом, и в российском, и в американском агональном президентском дискурсе более удобной и инициативной оказывается позиция критика, который не связывает себя с неудачами действующей власти и предъявляет к ней разнообразные претензии. Очевидно, такова закономерность предвыборной борьбы, вследствие которой положение представителя власти изначально уязвимо.

Ритуальный президентский дискурс. Абсолютно противоположной нам представляется ситуация ритуального (фатического) общения в президентском дискурсе, характеризующегося фиксированной формой и отсутствием установки на новизну содержания [4, 5]. Такое общение, подчиняясь циклическому характеру развития президентского дискурса, приходит на смену состязательной коммуникации. Потребность в консервации сложившейся после президентских выборов системы отношений и статусов значительна, поэтому президентская коммуникация вырабатывает многочисленные и разноформатные жанры и типы общения, поддерживающие и укрепляющие легитимность уже избранного лидера страны. При этом каждая политическая культура допускает национально обусловленные способы формирования этой тенденции, что выражается в различиях организации на первый взгляд аналогичных дискурсивных событий, неодинаковой степени популярности и коммуникативной востребованности тех или иных жанров президентской коммуникации.

В российском политическом пространстве традиционными можно назвать новогодние обращения президента страны, ежегодные пресс-конференции президента России, общение с главой государства в формате прямой линии. Все эти коммуникативные события призваны положительно повлиять на имидж такого политического субъекта, как президент России, создать условия «коммуникативного комфорта» для провозглашения идей единой коллективной идентичности своего народа: «***Мы вместе*** *уже не раз доказывали, что способны на многое, что умеем побеждать. Убежден, что какие бы трудности ни ждали нас в будущем,* ***мы сможем с ними справиться****. И* ***государство сделает*** *для этого все необходимое*» (Д.А. Медведев, 31 декабря 2008 г.). Для этого и других подобных публичных выступлений президентов России характерны маркеры интеграции (лексемы совместности), побуждение адресата к работе и выполнению задач, положительная проекция на будущее.

В американском президентском дискурсе особое место отведено еженедельным субботним обращениям главы государства к своим гражданам, предназначение которых принципиальным образом не отличается от функции российских новогодних обращений. В этом жанре президент также декларирует наиболее общие принципы совместной работы, патриотизма, сохранения национальных традиций и ценностей. «*Our faith in each other, our love for this country, our common creed that cuts across whatever superficial differences we may have – that's what makes us strong. That's why we endure*» (Б. Обама, 20 апреля 2013 г.).

Итак, президентский дискурс составляет весьма существенную часть политической коммуникации. Его роль увеличивается вместе с развитием ин-

ститута президентства в России и укреплением института президентства в США. Ситуации смены власти, выборов, трансформации политического курса приводят к повышению динамичности президентского дискурса, активизации политической борьбы и полемики. Вместе с тем очень значимыми и востребованными в политической жизни России и США оказываются и совершенно иные выступления президентов в ситуациях ритуального (фатического) общения, направленные не на изменение, а на поддержание уже существующего способа отношений между субъектами политической деятельности.

1. *Хазагеров Г.Г*. Политическая риторика. М.: Николо-медиа, 2002. 313 с.
2. *Спиридовский О.В.* Лингвокультурные характеристики президентской риторики как вида политического дискурса; сер. монографий «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 6. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011. 173 с.
3. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
4. *Кашкин В.Б.* Основы теории коммуникации: краткий курс. 3-е изд. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 256 с.
5. *Чудинов А.П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика: науч. журнал. Вып. 2 (40). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 54–60.

Татьяна Свищук (Беларусь, Минск)

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Термин «креолизованные тексты» был введен в 1990 году Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым, [7]. Под креолизованными текстами в современной лингвистике понимаются «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык)» [7]. Исследователи, принимающие в своих трудах в качестве рабочего данный термин Е.Е. Анисимова [1], М.А. Бойко [2], Н.С. Валгина [3], Н.М. Чудакова [8], М.Б. Шинкаренкова [10], отмечают, что креолизованный текст представляет собой сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата. Согласно Г.Г. Почепцову информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие – до 55%. Это объясняет актуальность исследований креолизованных текстов как примеров эффективного взаимодействия с аудиторией-рецепиентом, приобретающих особое значение в рамках политического дискурса, для которого характерна непрекращающаяся борьба за власть и влияние.

Данная статья посвящена исследованию отдельного случая функционирования креолизованного текста в политическом дискурсе. Понятие «политический дискурс», прочно укоренившееся в современной лингвистике, представляет собой сложное многоаспектное явление, что объясняется многообразием методик его интерпретации и исследования. Мы понимаем под политическим дискурсом «любые речевые образования, субъект, адресат и содержание которых относятся к сфере политики» [9], это как дискурс самих политиков, так и дискурс «непрофессионалов» о политике.

Креолизованный текст, функционирующий в поле политического дискурса, – это новый объект исследования лингвиста. Полагаем, что наш опыт анализа может быть интересен лингвистам, работающим в поле лингвистики дискурса.

Рассмотрим следующий креолизованный текст, появившийся в период предвыборной президентской кампании 2012 года в Российской Федерации.

Рис. 1

Данный рисунок (см. рис. 1) представляет собой креолизованный текст с запечатленным моментом детской игры «Камень, ножницы, бумага», о чем свидетельствуют как вербальный ряд (слова «камень», «ножницы», «бумага…»), так и само изображение. Данная игра работает по методу случайного выбора между двумя участвующими в игре с целью получения какой-то оговоренной ранее выгоды (наряду с «ритуалами» по бросанию монетки, считалочек, вытягиванию соломинок и т.д.) Непосредственно процесс игры представляет собой сочетание слов, произнесенных в определенной последовательности, и соответствующих жестов. Участники одновременно произносят слова «Камень, ножницы, бумага… Раз… Два… Три…», качая кулачками, и делают на выбор один из жестов, имеющих следующие соответствия: камень – сжатый кулак; ножницы – вытянутые средний и указательный пальцы, имитирующие ножницы, тогда как остальные пальцы сжаты в кулак; бумага – расправленная ладонь тыльной стороной вверх. Любой из жестов может принести как победу, так и проигрыш, что отражено в следующих правилах: (1) Камень «тупит» Ножницы; (2) Ножницы «разрезают» Бумагу; (3) Бумага «накрывает» Камень.

Ничья засчитывается в том случае, если участники показали один и тот же знак. В таком случае игра переигрывается.

Как соотносится вербальный ряд с изображением? Вербальный ряд вверху креолизованного текста повторяет слова, которые необходимо произносить в процессе игры. Многоточие в конце говорит о том, что фраза не завершена, не хватает финального отсчета, после которого и происходит принятие решения в виде выбрасывания жестов. Данная незавершенность находит отражение и в изображении: кисти рук обеих фигур, сложенные в кулаки, имитируют процесс «качания кулаками», который предшествует процессу «выбрасывания жестов».

Почему мы считаем, что данный креолизованный текст репрезентирует политический дискурс?

Процесс игры, запечатленный на данном креолизованном тексте, проводит параллель с президентскими выборами в России 2012 года. Как видно, правая фигура на изображении – В.В. Путин (тогдашний кандидат на пост президента, впоследствии победивший на выборах), левая – Д.А. Медведев (на тот момент – действующий президент, а после премьер-министр). Основной категорией креолизованного текста выступает *категория прецедентности*, благодаря которой процесс детской игры приобретает новое прочтение в рамках политического дискурса. Прецедентность становится базисной составляющей такого союза, а детская игра обретает новое прочтение уже в рамках политического дискурса. Под прецедентностью понимается процесс трансляции определенного накопленного со временем культурного «кода» в свете современной, а в данном случае политической действительности. Прецедентность проявляет себя через прецедентные феномены (термин Д.Б. Гудкова) [5], которые могут организовываться в прецедентные цепочки и прецедентные парадигмы и прецедентные контоминанты (термины Н.В. Немировой) [6]. Прецедентные феномены представляют собой отсылки к известным ранее текстам (прецедентный текст), ситуациям (прецедентная ситуация), высказываниям (прецедентное высказывание) и именам (прецедентное имя), тогда так прецедентные цепочки представляют собой группу прецедентных феноменов, каждый из предыдущих которой является непосредственным источником последующего, а прецедентные парадигмы представляют прецедентные феномены, «восходящие к одному источнику», тогда как прецедентные контоминанты – это группа прецедентных феноменов, восходящих одновременно к двум (и более) прецедентным источникам [6].

Как актуализируется данная дискурс-категория?

Так как креолизованный текст состоит из двух негомогенных частей, рассмотрим каждую из них по отдельности. Вербальный компонент представляет собой следующую прецедентную цепочку:

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ → ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ → ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ, в которой прецедентное высказывание делает отсылку на прецедентный текст, который «запускает» в сознании прецедентную ситуацию. В свою очередь визуальное содержание, расположенное под вербальным, представлено двумя реальными прецедентными именами (В.В. Путин и Д.А. Медведев). Целостный образ данного креолизованного текста создается благодаря поддерживающей корреляции (термин М.Б. Ворошиловой [4]), когда один из компонентов выступает в роли определенной подсказки, поскольку адресат должен владеть определенными фоновыми знаниями для целостного прочтения креолизованного текста. И действительно, визуальный компонент данного креолизованного текста – положение фигур В.В. Путина и Д.А. Медведева – не может быть адекватно понят без обращения к вербальному компоненту и возникновения в сознании определенной прецедентной ситуации. Таким образом, данный креолизованный текст представляет собой прецедентный контоминант, так как содержит в себе прецедентные феномены, восходящие к двум разным источникам: детскому дискурсу (прецедентная це-

почка) и политическому дискурсу (прецедентное имя). Общая схема данного креолизованного текста выглядит следующим образом:

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ КОНТОМИНАНТ: ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ЦЕПОЧКА (ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ → (ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ) → ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ) + ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ.

Однако здесь следует отметить, что прецедентная ситуация, представляющая собой процесс игры, соотносится с реальной прецедентной ситуацией – выборами президента, тем самым представляя их как своего рода игру, основной характеристикой которой выступает перенос ответственности на судьбу. Следовательно, когда выборы – это игра, то на их исход не влияют предшествующие достижения, игроки полагаются на везение, ведь согласно теории вероятности вероятность победы, проигрыша или ничьей одинакова, что объясняется тем, что количество позиций (камень, ножницы, бумага) совпадает с вариантами исхода (победа, проигрыш, ничья; 2-й тур выборов). Благодаря аллюзии к игре, с политиков как бы снимается всякого рода ответственность. Жанр данного креолизованного текста – карикатура в свою очередь также поддерживает тему «игры», благодаря развлекательному характеру прорисовки, основанному на «мультяшности» изображения, с акцентами на специфические внешние особенности участников карикатуры.

Можно сделать вывод о том, что в данном случае, креолизованный текст, благодаря сочетанию визуального и вербального компонентов, актуализирующий дискурс-категорию «прецедентность», дает возможность запечатлеть злободневность происходящих событий и оказать влияние на аудиторию.

---

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003.
2. *Бойко М.А.* Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
3. *Валгина Н.С.* Теория текста // Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
4. *Ворошилова М.Б.* У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 126–129.
5. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 27.
6. *Немирова Н.В.* Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Лингвистика. Бюллетень Урал. лингвист. об-ва. Т. 11. Екатеринбург, 2003. С. 146–155.
7. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
8. *Чудакова Н.М.* Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
9. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
10. *Шинкаренкова М.Б.* Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Елена Савич, Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПАСПОРТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ

Общение в контексте конференций и круглых столов с лингвистами из славянских стран, которые активно исследуют дискурс-пространство и руководят работами аспирантов в этом исследовательском поле, помогло выявить те трудности, с которыми они сталкиваются в процессе защиты, а также определенный *разброс* в том, по каким специальностям проходят эти защиты. Так, это могут быть теория языка, а также частное и прикладное языкознание. Наши дискуссии о будущем данного направления послужили *мотивом* пилотажного исследования; его *материалом* стали паспорта специальностей, сопричастных дискурс-лингвистике; *целью* – реконструкция, интерпретация, моделирование и развитие содержательного потенциала лингвистики дискурса в контексте институционального дискурса (дискурса ВАК); *методом – исследование отдельного случая* (паспортов специальностей, утвержденных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь). Здесь мы сфокусировали внимание на ключевых словах (с учетом их синтагматической и парадигматической, смысловой и оценочной организации); мы также провели когнитивное картирование паспорта специальности «теория языка», и на этом основании осуществили поиск вариантов включения в паспорт специальности направления «лингвистика дискурса». Результаты нашего пилотажного исследования мы бы и хотели предложить для конструктивного обсуждения. Итак, посмотрим на ситуацию непредвзято и, конечно, в единстве ее контентной и контекстной составляющих.

Развитие того или иного направления исследований во многом зависит от официальной позиции авторитетных научных институтов. В контексте белорусской науки институциональный дискурс, представленный в лице таких институтов, как университетская кафедра (общеуниверситетская или входящая в состав факультета), научно-методический совет факультета и, наконец, ученый совет университета, «венчает» Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Ее позиция, на которую ориентируются все вышеназванные ступени, зафиксирована в открытых для широкой общественности документах, называемых *паспортами специальностей*, которые, по сути, являются результатом анализа уже состоявшихся профессиональных дискурсий национального исследовательского пространства.

Понятно, что документы составляются конкретными людьми, которые опираются, в том числе, и на свой *опыт* «проживания» в данной конкретной дисциплине и науке в целом. Понятно и то, что этот *опыт*, независимо от достижений в профессиональной области, соотносится с ограниченным количеством научных направлений. Впрочем, если составитель читает обзорные лекции по данной проблематике, то положение несколько выравнивается. Однако *опыт дидактической работы* не может никоим образом покрыть *опыт решения исследовательских задач* во всем разнообразии исследовательских контекстов. Эти обстоятельства говорят о том, что (и это наш первый фокус внимания) паспорт специальности является нужной, но *ограниченной во времени*

дискурсией (наполненность событий, которые он формирует, меняется со временем). Если же данная дискурсия тем не менее принимается как абсолют, то ее назначение – констатировать сегодняшний день науки на основании вчерашнего, причем в определенном пространственном диапазоне (географическом, национальном, кросс-национальном, в зависимости от контекста функционирования). Иными словами, упомянутый дискурс создан для определенного локального контекста и функционирует в нем. В этом его значимость и эффективность.

Плюсы данного институционального дискурса – в актуализации такого контекста, в котором наука рассматривается не как самостоятельная деятельность, а как *государственный ресурс*. При этом те области знания, в которых национальная наука уже завоевала лидирующие позиции, еще более укрепляются в авангарде мировой науки. Когда же речь идет о новых направлениях исследования, сфокусированных на изучении новых для мировой науки объектов (с использованием, соответственно, новых методов), то все зависит от того, как быстро субъекты институционального дискурса реагируют на это *новое* с учетом достижений и мировой, и национальной наук. И здесь актуальной становится дискурс-категория «время», а в нашем случае (когда развитие науки связано не столько с количественным, сколько с качественным составом участников, а значит, и с количеством защитивших диссертации по данному направлению) «***время***» и «***документ***» (документ здесь – это паспорт научной специальности: не дисциплины, а специальности, ибо речь идет не о педагогической характеристике, а исследовательской). Время плюс документ – двойной выигрыш, позволяющий новым идеям легче проходить барьер защиты и выходить на уровень *значения* и уровень *значимости*. Быстрота реакции государственного органа гарантирует научному пространству защиту от «застаивания и зацветания», обеспечивая рождение и развитие нового и стимулируя тем самым динамику своего собственного развития.

Дискурс-лингвистика стала одним из направлений, которое в том виде, в котором оно сегодня существует, *и находит и не находит себе места в практике защит лингвистических работ.* Что значит «и находит и не находит»? Это – как в юридической практике: все зависит от того, как прочитать документ – паспорт специальности ВАК. Понятно, что это не значит, что дискурс-направление не вписывается в закрепленные документами филологические направления. Просто на данный момент оно туда вписано имплицитно, другой терминологией, без слов «лингвистика дискурса». Есть «лингвистика языка», «лингвистика речи», есть даже «коммуникативная лингвистика», что означает «лингвистика коммуникации» и, по сути, включает речевые макропространства и идею интерактивности, но пока нет там словосочетания «лингвистика дискурса». Это обстоятельство делает паспорт зависимым от пользователя в контексте, когда интерактивная практика изначально иерархична: паспорт значим для того, кто претендует на поле специальности и для того, кто уже в этом поле. И если решает участник поля, то он и определяет правила чтения паспорта. Иначе говоря, текст теряет свое назначение быть *самостоятельно значимым коммуникантом* и становится придатком *коммуниканта.* Вот так, как по выражению «хвост виляет собакой», контекст начинает руководить контентом: коммуникация в каких-то случаях может включать в себя поле

дискурса, а в каких-то нет. Интересно, что это происходит именно с той дисциплиной, которая этот предмет – коммуникацию (контент-контекстную зависимость) – и изучает.

Но подойдем ближе к нашему исследовательскому материалу: паспортам специальностей 10.01.08 – теория литературы, текстология, 10.01.10 – журналистика; 10.02.03 – славянские языки; 10.02.19 – теория языка; 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика. Внимательное, фокусированное чтение этих текстов показывает, что ничего не противоречит факту принятия дискурс-направления в отрасль филологических наук.

Для того, чтобы увидеть, где в РБ может быть защищена работа по дискурс-анализу мы провели сравнительно-референциальный анализ текстов экспертов по дискурс-анализу и текстов экспертов ВАК РБ. Обратившись к дискурсиям специалистов по дискурс-исследованиям, в том числе и представленным в двух выпусках наших круглых столов (2010 г. и 2013 г.), мы уточнили понятие «дискурс», выделили категории его исследования. Приняв выделенные категории за референты дискурса о дискурс-исследованиях, мы сопоставили их с референтами дискурсий о других направлениях филологической науки.

Референты дискурса: общее место современной теории языка. Существует несколько направлений исследования дискурса, каждое из которых поразному определяет собственно термин «дискурс» и явление им обозначенное. В первом выпуске серии La Table Ronde [1] мы поднимали вопрос о трактовках понятия «дискурс», а в данном выпуске продолжили дискуссию о возможности их объединения в рамках единого направления лингвистики дискурса. Как видно из *материалов круглого стола*, *дискурс* понимается сегодня славянским научным сообществом как *комплексный кросс-дисциплинарный феномен*, изучение которого предполагает *системное* исследование *вербальных структур* с учетом *когнитивной* и *интерактивной* составляющих, а также *их взаимосвязи* и *зависимости от внешнего контекста*. Еще в 1997 г. Т. Ван Дейк определил подобный комплексный подход к исследованию дискурса и назвал его задачей «формулировку теорий, которые объясняли бы взаимоотношения между использованием языка, верованиями (когнитивными формациями) и интеракцией» [2, с. 2]. При этом **предметом** исследования признаются компоненты дискурса, а объектом – ***структуры***, ими образованные. Дискурс как ***структура вербальная*** имеет свои категории (см. [2, с. 6–18] и материалы главы 2 и 3 данного выпуска):

- звуки и абстрактные звуковые структуры устных дискурсов;
- порядок и форма (здесь речь идет в основном о единицах грамматики (синтаксиса) дискурса – предложениях, то есть о том, как форма предложений влияет на дистрибуцию информации в дискурсе);
- семантические репрезентации (абстрактные значения слов, предложений, последовательностей предложений и целых дискурсий); пропозиции и их структурные взаимосвязи в рамках дискурсий и дискурсов; референты дискурса – его темы и топики;
- стиль и вариативность, находящие отражение в выборе тех или иных лексических и грамматических средств в зависимости от интеракционного

контекста дискурса (жанра, субъектной ситуации общения, степени формальности ситуации взаимодействия, культуры и т.д.);

- риторические структуры;
- схемата/матрица (совокупность типичных формальных категорий, их особый порядок и функции).

Дискурс как ***структура интеракционная*** может изучаться с использованием категории «речевой акт» или даже «речевой макроакт», тип которого определяется с учетом контекста дискурса, то есть в рамках эмпирического, а не нормативного подхода. Контекстом для интерпретации актуального речевого акта для дискурс-исследователя становятся как предыдущие и последующие речевые акты, так и внелингвистический субъектный контекст дискурса.

Дискурс как ***ментальная структура*** исследуется в терминах знания и отношения – концептов, мнений, идеологий и др. Ментальные модели, которые лежат в основе продукции и рецепции дискурсов, также как и модели интеракционные, являются контекст-зависимыми.

Комплексное изучение вербальной, ментальной и интеракционной структур (возможно, с неравной детализацией каждой в рамках одного исследования) претендует на создание *теории того или иного типа дискурса* и отделяет дискурс-анализ от дискурсивного анализа, который на материале отдельных дискурсий рассматривает тот или иной аспект/категорию того или иного дискурса. Таким образом, **цель** дискурс-исследований – не столько анализ дискурсов, сколько *синтез знаний об их механизме (функционирования)* (см. работы В.Е. Чернявской [3], Т. ван Дейка [1, 4], О.Г. Ревзиной [5, 6], В.Г. Борботько [7], а также материалы участников данного *круглого стола*: И.Ф. Ухвановой-Шмыговой «Актуализация методологического аппарата лингвистики дискурса в искусствоведческих работах Павла Флоренского», Е.В. Савич «Построение теоретических моделей в контексте дискурс-исследований», Т.И. Красновой «К методологии исследования политического дискурса»).

Важным моментом в создании теорий является выбор **метода** исследования дискурса, который непосредственно отражает специфику *предмета и цели* исследования. С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак и Е. Веттер выделяют 12 методов анализа: контент-анализ; обоснованная теория; этнографический анализ текста, этнография речи; этнометодологический анализ способа категоризации участия; этнометодологический конверсационный анализ; нарративная семиотика; SYMLOG как метод текстового анализа; критический дискурс-анализ (КДА) Нормана Фэркло; критический дискурс-анализ (КДА), исторический дискурс-метод Рут Водак; функциональная прагматика; теория различий в текстовом анализе; объективная герменевтика [8]. Каждый из перечисленных методов, а также те методы, которые представлены в материалах данного сборника (см. материалы глав 3, 4 и 5 данного сборника), могут быть отнесены к типу *реконструирующих* и позволяют в той или иной степени *выявить* разные структуры дискурса. Естественно, что комплексный объект дискурс-исследований требует комплексного метода, а значит, объединяет методики разных филологических (и не только) специальностей.

Таким образом, мы увидели, что референтами дискурса о дискурс-исследованиях являются их специфический комплексный предмет (дискурс-

структуры и их составляющие), цель (синтез теории дискурса – выявление механизма дискурса) и метод (реконструкция дискурс-структур, моделирование).

Дискурс паспортов филологических специальностей[1] как *вербальная структура* был рассмотрен и описан нами с позиций вышеперечисленных категорий[2]. На основании анализа мы смогли сделать следующие **выводы**:

✓ Программы составлены из (1) неполных предложений с опущенной предикацией; (2) полных предложений, которые имеют характер логических определений, имеют подлежащее, выраженное существительным, и составное именное сказуемое с нулевой связкой и именной частью, также выраженной существительным, и (3) полных сложноподчиненных предложений, выражающих сопоставительные отношения. Распределение данных типов предложений в текстах паспортов специальностей одинаковое во всех дискурсиях – заголовки, подзаголовки и информация первого раздела («Отрасль науки, по которой присуждаются ученые степени») даны в предложениях первого типа; первое предложение второго раздела («Формула специальности») – логическое определение, в котором подлежащее и сказуемое выражены существительными; информация третьего и четвертого разделов («Области исследования» и «Смежные специальности») подается в форме предложений с опущенной предикацией; раздел пять («Разграничения со смежными специальностями») содержит сложные предложения, выражающие сопоставительные отношения.

✓ Вариативность выбора языковых средств проявляется в паспортах только в выборе языка – паспорта специальностей «10.01.08 – теория литературы; текстология» и «10.02.03 – славянские языки» выполнены на белорусском языке (при этом название специальности всегда дается на русском языке).

✓ Риторические структуры в дискурсиях отсутствуют.

✓ Пропозиции паспортов филологических специальностей можно отнести к типу пропозиций-характеристик – специальность характеризуется через предмет и объект исследования, иногда через цель и методы. Типовая пропозициональная модель паспорта выглядит следующим образом:

{[Филологическая специальность имеет особые предмет и объект исследования] и [Филологическая дисциплина отличается от ряда смежных дисциплин] и [Отличие филологической специальности от конкретной смежной специальности заключается в разнице объекта/предмета/цели/метода/]}.

✓ Дискурсии паспортов строятся по единому плану: вначале дискурсии дается определение специальности через предмет и объект исследования; объект и предмет специфицируются; далее специальность определяется через отрицание, то есть через сопоставление со смежными дисциплинами; отличие дисциплин специфицируется через их предмет, объект, цель или метод.

---

[1] В наш корпус попали паспорта следующих филологических специальностей: 10.01.08 – теория литературы, текстология; 10.01.10 – журналистика; 10.02.03 – славянские языки; 10.02.19 – теория языка; 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика.

[2] Мы опускаем пункт о реконструкции звуковой структуры, поскольку изначально дискурс паспортов специальностей задан как письменный.

Таким образом, мы видим, что вербальная структура рассматриваемого дискурса актуализует в большей степени референт «объект/предмет исследования»[1]. Анализ показал совпадение содержания референта «объект/предмет исследования» в дискурсе о дискурс-исследованиях и в дискурсе паспортов филологических специальностей. Так, паспорт специальности «10.01.08 – теория литературы; текстология» в список областей исследования включает «своеасаблівасці тэксталагічных падыходаў да незавершаных твораў (не апублікаваных самім аўтарам) у кантэксце меркаванняў аб творчай эвалюцыі аўтара, складванні сэнсаўтваральнай канцэпцыі яго твораў, а таксама гісторыка-літаратурнага працэсу» и «праблемы атрыбуцыі (устанаўлення аўтарства) твораў, навуковыя прынцыпы фарміравання раздзела DUBIA (тое, што прыпісваецца аўтару) пры падрыхтоўцы да выдання літаратурных тэкстаў». Обе области исследования предполагают реконструкцию структур авторского дискурса. Паспорт специальности «10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» среди областей исследования называет «типологию языковых ситуаций» и «лингвистические универсалии», которые также соотносятся с дискурс-структурами. Дискурс-исследовательская тематика прописана и в паспорте специальности «10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика» в виде таких исследовательских направлений, как «вероятностные модели языка и речи» и «моделирование процессов восприятия, хранения, преобразования и передачи информации на естественных языках». Исследование вербальной и интеракционной структур дискурса СМИ заявлено в паспорте специальности «10.01.10 – журналистика» (области исследования «жанрово-групповые, структурные и стилевые процессы», «дискурсный анализ СМИ»). Специальность «10.02.03 – славянские языки», в свою очередь, включает такие дискурс-исследовательские направления, как «функцыянаванне славянскіх моў у грамадстве», «рэканструкцыя і вывучэнне старажытных славянскіх пісьмовых тэкстаў з пункту погляду генетычнай і функцыянальнай тоеснасці», «моўныя карціны свету ў славян», «кагнітыўны, канцэптуальны, этналінгвістычны і лінгва-культуралагічны падыходы пры вывучэнні славянскіх моў», «лінгвапрагматычныя асаблівасці камунікацыі на славянскіх мовах, спецыфіка маўленчых актаў, камунікатыўныя характарыстыкі кожнай з славянскіх моў на шырокім кантрастыўным фоне».

Самым «дискурс-содержательным» стал паспорт специальности «10.02.19 – теория языка». Во-первых, сама дискурсия актуализует каждый из искомых референтов («объект», «предмет», «цель» и «метод»). Во-вторых, совпадение содержания специальности «теория языка» и дискурс-исследований имеет место в рамках каждого референта. Рассмотрим эту дис-

[1] Поскольку референты «цель» и «метод» представлены не во всех рассмотренных паспортах специальностей, а демаркационная линия проводится только между смежными специальностями, в состав которых дискурс-исследования пока не включены, определить возможные несоответствия между последними и каждой из филологических специальностей не представляется возможным. Исключением является специальность «10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика», приоритетные методы которой (методы математики и информатики) входят в некоторое противоречие с приоритетными для дискурс-исследований качественными методами.

курсию более подробно в данном случае уже в контексте не собственно референт-репрезентированности, а *тема-репрезентативности* (что, по сути, лишь продолжение первого, ибо референт может быть представлен на уровне факта (фактологически), темы (тематически) или метаязыка (методологически с учетом исследовательского поля в качестве контекста).

Как и все остальные паспорта, структура паспорта специальности организована таким образом, чтобы, во-первых, определить *направление* науки, дать ее *формулу*, описать *область*, назвать *смежные* специальности и определиться в контексте их *разграничения*. Однако **темы** этой дискурсии в их развитии организованы как внутри каждого структурного элемента, так и кросструктурно. Нам показалось значимым выделить здесь и построить когнитивную карту кросструктурной проблематики паспорта специальности «10.02.19 – теория языка», ибо, как мы полагаем, кросструктурные смыслы помогают ярче увидеть суть вопроса.

Кросструктурными темами стали несколько, три из которых по своему уникальны и самозначимы. Более того, именно в них мы видим возможность вписывания теории дискурса (лингвистики дискурса) в контекст теории языка. На них и остановимся подробнее.

✓ *Во-первых*, это **тема *общелингвистического начала***. Данная тема получает развитие и в *формуле специальности* («общелингвистические закономерности структурно-семантического строения языка и общелингвистические методологии»), и в *области исследования* («общелингвистическое закономерности уровневого строения»), и тем более в *разграничении со смежными специальностями*, где сема «*общее*» остается сутью специальности «теория языка» (ранее титулованной как общее языкознание).

✓ *Во-вторых, это* ***тема глобальной связи,*** представленная как минимум пятью позициями:

(1) ***собственно связь (как соединение) и связь в развитии***. Примерами рем здесь будут: связь языка с сознанием и общественной практикой, связь (в развитии) с процессами социально-культурной историей человечества, связи языков между собой, связи теории языка с практикой преподавания языка, диалектическая связь языков с их распространенными чертами, связи таких порядков, как системный, структурный, синхронический, диахронический, связи закономерности реализации и форм существования языка, то есть связи языка и речи, связь времен (история, онтогенез), связь порождения и восприятия, связь языков и этносов;

(2) ***«связь как влияние»*** реализуется в контексте связи на формы, содержание, структурное изменение (в том числе контактирующих языков), объем, функцию, процессы, нормирование, узуализацию, статуса и, наконец, на лингвогеографический ландшафт регионов, языковые ситуации (смешения, поглощения языков, многоязычие);

(3) ***связь в качестве взаимодействия*** (говорящего и слушающего, пишущего и читающего), взаимодействия историй разных лингвистик – теоретической, структурной, социальной; а также теории речевой деятельности и психолингвистики, коммуникативной лингвистики и лингвистической методологии), ареальное взаимодействие языков;

(4) ***связь как мера*** или, точнее, ***характеристика.*** Так, темой становится идея *специфики* ***реализации связи*** в системе и структуре, иерархии (например,

иерархия речеповеденческих ролей человека) и линии (характеристика процессуальности);

(5) ***закономерности связи*** *(связи, приводящей к закономерному результату).* Паспорт не просто устанавливает связи, а фокусирует внимание на закономерности перехода от одного связующего элемента к другому и, далее, третьему. Так, например, развивается идея уровневого строения языка от собственно языкового (средство) к функциональному (реализация) и коммуникативному (деятельность).

✓ *В-третьих, это* ***тема открытости теории языка в коммуникативное пространство, в теорию коммуникации.*** Так, словосочетания «теория коммуникации», «процесс коммуникации», «межкультурная коммуникация», «коммуникативные функции», «объем коммуникации», «акты речевой коммуникации», «коммуникативная деятельность», причины коммуникативных неудач и, наконец, «коммуникативная лингвистика» вполне гармонично вписаны в данный паспорт.

Реконструированные нами темы в контексте их развития, а значит и значимости, однозначно подводят нас к ряду выводов.

Итак, ***вывод первый***. Теория языка является общелингвистической дисциплиной, организующей пространство лингвистики в контексте всеобщей связи и движения от языкового начала к коммуникативному оптимуму. Теория дискурса в этом контексте видится как естественное, закономерное, непротиворечивое, продолжение теории языка, однако, как и теория речи, вполне самостоятельным элементом приложения сил лингвиста-исследователя.

Вывод второй. В паспортах специальностей лингвистика дискурса имплицитно вписана, однако в нем нет не только слов «лингвистика дискурса» или «дискурс-анализ», но и начального слова «дискурс».

Вывод третий. Необходимость вписания дискурс-перспективы в теорию лингвистики абсолютно прозрачна и является лишь делом времени.

---

1. Дискурс в академическом пространстве: материалы Междунар. круглого стола, Минск, 3–5 апр. 2009 г. / под общ. ред. И. Ухвановой-Шмыговой, М. Сарновского. Минск: Изд. центр БГУ, 2010.
2. Discourse as Structure and Process. and context: a sociocognitive approach / T.A. van Dijk (ed.). London; Thousand Oaks: New Delhi: SAGE Publications, 1997.
3. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Флинта, 2012.
4. *Dijk van T.A.* Discourse and context: a sociocognitive approach. Cambridge University Press, 2008.
5. *Ревзина О.Г.* Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 11–20.
6. *Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. № 1. 1999. С. 25–33.
7. *Борботько В.Г.* Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
8. *Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.* Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

6
ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Эва Петровска-Оберда (Польша, Кельце)

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Дискурс и лингвистика текста и дискурса. Дискурс-анализ не является новым методом интерпретативных социальных исследований. Хотя современные теоретические основы дискурс-анализа были созданы в XX веке, его генезис берет начало в истории экзегезы и герменевтики. Как средство толкования письменного и устного текста дискурс-анализ может быть применен не только *для поиска истинного смысла* анализируемого дискурса, но и *для оценки эквивалентности перевода* при условии, что результаты дискурс-анализа исходного текста и переводного сопоставимы и статистически релевантны.

Так, в недавних *исследованиях по переводу* появилась прямая заинтересованность в дискурс-анализе [1], хотя значимость интерпретативной теории отмечалась и ранее [2, 3]. Как *междисциплина,* сочетающая социальные и гуманитарные науки, исследования по переводу значительно «повзрослели» вместе с интерпретативной теорией, включенной в процесс перевода. Переводчик, являясь читателем исходного текста и первым читателем текста перевода, как ожидается, обладает навыками толкования, развитыми до такой степени, чтобы переводить профессионально любой тип вербального и невербального дискурса.

Понимание истинного смысла дискурса в исходном языке и языке перевода является психологическим процессом, необходимым для переводчика, чтобы выполнять свою работу профессионально. Поэтому обсуждение вопросов дискурс-анализа может пролить свет на концептуальные основания этого средства интерпретации, эффективно используемого сегодня в исследованиях по переводу.

Целью данной статьи является демонстрация междисциплинарной природы дискурс-анализа и определение основных уровней дискурс-анализа в переводоведении. Исследуя природу и уровни дискурс-анализа, мы сфокусировали внимание на том, что цель дискурс-анализа – в нахождении и интерпретации истинного смысла исходного текста, равно как и переводного, и оценке качества эквивалентности перевода.

По *The Concise Oxford Dictionary of Word Origins* термин «дискурс» в английском языке восходит к четырнадцатому веку и пришел из латинского «discursus», первоначально обозначавший «разговор, речь». Словарь *Online Etymology Dictionary* в свою очередь указывает, что слово «дискурс» в среднеанглийский язык пришло от французского «discours», обозначавшего там «процесс понимания, рассуждения, мысли». Тот же этимологический источник утверждает, что впервые использование термина «дискурс» в значении «формальная речь или письмо» дано в 1580-х годах. В современном английском это значение среднеанглийского сохранилось в контексте английского для общих целей (LGP) и обозначает либо «вербальную коммуникацию, разговор, беседу»,

либо «способность рассуждать или процесс рассуждения» (см. The Free Dictionary Форлекса). Впрочем, можно добавить, что второй вариант этимологического значения «укреплен» еще одной позицией, о которой говорит И.Ф. Ухванова-Шмыгова в первом выпуске La Table Ronde [4, с. 11]: и это дискурс как *жанр*, в центре которого *мысль в ее развитии*. Среди таковых называются *диссертация, трактат, проповедь.* Это же усиление мы обнаруживаем в словаре *The Free Dictionary* Форлекса, который указывает на два значения дискурса в контексте преподавания английского для специальных целей (LSP). Так, в нем «дискурс» как литературный и литературно-критический термин определен с фокусом внимания на субъект речи или письма, который актуализируется в контексте дискурс-реализации.

Другое употребление дискурса как лингвистического термина означает «единицу текста, используемую лингвистами для анализа языкового явления, большего чем предложение» (*Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners)*. Здесь дискурс – это репрезентация естественного языка, устного или письменного, особенно в стадии контекстной реализации.

Дискурс как единица устного или письменного *текста в контексте* является предметом лингвистического анализа не только в социолингвистических и психолингвистических исследованиях, но и в критических лингвистических исследованиях.

Классификация функций дискурса в зависимости от типа предмета и поведения говорящего или пишущего становится объектом дискурс-анализа в *социолингвистических* исследованиях. Более широкая функция дискурса «как динамического процесса выражения и понимания, регулирующего поведение людей во время языкового взаимодействия» [5, с. 174] принята в *психолингвистических* исследованиях. В *критических* лингвистических исследованиях упор делается на классификации функций дискурса в соотношении «между событийностью дискурса и факторами социально-политического и культурного плана» [5, с. 174].

Эти лингвистические перспективы дискурс-анализа *отличают лингвистику дискурса от лингвистики текста*, так как *первая* включает в себя как лингвистические, так и нелингвистические факторы для анализа, а *вторая* заключается в анализе содержания и формы текста в соответствии с языковыми принципами и правилами, регулирующими его структуру. Несмотря на онтологические и эпистемологические различия между лингвистикой дискурса и лингвистикой текста есть значительное совпадение в этих двух областях.

Герменевтический подход к дискурсу. Истоки дискурс-анализа обнаруживают себя и до истории экзегезы. В прошлом метод интерпретации (толкование) традиционно был связан с толкованием Священного Писания: поиск истинного смысла религиозных текстов и их перевод как внутри языкового, так и межъязыкового характера. В настоящее время интерпретация с фокусом внимания на толкование стала методом критического дискурс-анализа, который включает в себя анализ исторического и культурного наследия автора, текста и аудитории. В дополнение к лингвистическому анализу текста, который в основном сосредоточен на грамматических и синтаксических особенностях текста, толкование участвует в классификации литературных *жанров*, представленных в анализируемом тексте. В условиях критической интерпре-

тации термин «толкование» часто отождествляется (и используется наравне) с термином «герменевтика», хотя последний включает в себя весь процесс толкования всех форм коммуникации.

Герменевтика сформировалась еще в древности, став сегодня широко признанной дисциплиной по теории интерпретации. Герменевтический метод применяется в исследованиях по религии, философии, психологии и в переводах. Как искусство интерпретации текста, он нашел отражение в теоретическом и практическом интерпретационном исследовании литературных, религиозных и правовых письменных текстов. В результате философского подхода, сформированного в работах Шлейермахера [3], и универсального подхода Гадамера [6] современная герменевтика применима ко всем вербальным и невербальным дискурсам, которые влияют на процесс общения.

Подход Шлейермахера к герменевтике основан на природе понимания всех человеческих дискурсов. Их интерпретация включает не только грамматические параметры содержания (лингвистика текста), но и психологические. Вопрос об интерпретации основан на проблеме понимания. Так, Шлейермахер утверждает, что поскольку грамматическое толкование раскрывает состав общих идей, выраженных в форме и содержании, а психологическая интерпретация включает в себя все возможные комбинации, которые характеризуют дискурс и его автора, то и грамматическая и психологическая интерпретации необходимы для достижения истинного понимания внутреннего единства дискурса.

В «Герменевтике и критике» Шлейермахер объясняет, как открыть для себя это внутреннее единство дискурса на основе анализа его лингвистических, психологических, исторических и стилистических уровней [3]. В результате герменевтика должна помочь переводчику достичь *реального смысла* дискурса, в то время как критика должна определить *правдивость* дискурса. Таким образом, в подходе Шлейермахера к теории интерпретации и герменевтика, и критика взаимосвязаны. Поэтому реальный смысл дискурса можно обнаружить только если эти отношения между грамматическими и психологическими интерпретациями определены и объективно обсуждаются. По словам Шлейермахера цель герменевтики состоит в том, чтобы избежать неверного толкования. Это возможно только в том случае, если переводчик дискурса соотносит грамматическое понимание и психологическое понимание, то есть рассматривает то, как они предполагают друг друга и их взаимообусловленность. Чтобы избежать неверного толкования дискурса, переводчик должен быть очень восприимчивым к причинам непонимания: неоднозначности лексического и структурного смыслов, противоречивости и несовместимости контекстов дискурса, ошибочным предубеждениям в отношении излишней значимости лексического значения.

Непонимание дискурса способствует возникновению ошибок в интерпретации смыслов. Шлейермахер выделяет *два типа ошибок*, а именно количественные и качественные [3]. *Количественные ошибки* связаны с *формой* дискурса и зависят от толкования грамматических правил или принципов. *Качественные ошибки* касаются неверного толкования *содержания.* Во избежание недоразумений переводчику необходимо определить соотношение между грамматическим и психологическим смыслами и узнать, как они конституируют единство абсолютного первоначального смысла.

В отличие от Шлейермахера Гадамер утверждает, что герменевтика не является просто искусством определения истины, а *деятельностью, которая пытается установить условия для возникновения понимания*. Он полагает, что истина не может быть определена конкретной техникой или процедурой дознания. Истина может быть обнаружена только тогда, когда условия понимания ее значения обнаружены [6].

В третьей части «Истины и метода» Гадамер рассматривает лингвистическую природу понимания. Обсудив эстетические и научные концепты истины в предыдущих частях, теперь он озабочен лингвистическим концептом истины. Понимание языка может меняться у переводчика, Гадамер утверждает, что понимание следует рассматривать скорее как событие или опыт, чем деятельность разума [6]. Относясь критически к психологической интерпретации дискурса у Шлейермахера, Гадамер пренебрегает его аргументом о том, что и лингвистическая и психологическая интерпретации дискурса являются взаимосвязанными, и реальное понимание смыслов зависит от этого.

Поскольку понимание переводчиком смысла дискурса обусловлено его историческим фундаментом и опытом, оно подвижно. «Не следует считать, – пишет Гадамер, – что понимание в большей степени является действием чьей-либо субъективности, оно скорее означает помещение субъекта в процесс традиции, в рамках которой прошлое и настоящее постоянно соединяются» [6, с. 258]. Данная *герменевтическая ситуация*, в которой находится переводчик, становится *горизонтом*, дающим возможность герменевтического видения или понимания. Фактически интерпретация дискурса может включать отдельные предвзятые мнения о значении, поскольку они влияют на понимание или непонимание дискурса.

Как видим, для Гадамера [6] язык есть среда исторического и интерпретативного опыта. Фактически этот опыт и есть транспортное средство понимания. В этом суть универсальности герменевтики, описывающей онтологические отношения между переводчиком и языком.

Разные подходы к дискурс-анализу. Развитие теории и методологии дискурс-анализа характеризуется вариативностью подходов. Так в коллективной монографии Глиноса и его соавторов выделяется шесть способов дискурс-анализа в контексте их использования для осмысления переводческой деятельности с фокусом внимания на тексты, репрезентирующие общие типы дискурсов и специальные типы дискурсов [7]. Среди данных подходов выделяются:

- постструктуралистская дискурс-теория (**PDT)**;
- критический дискурс-анализ (исторический дискурс-подход) **CDA**;
- интерпретативный анализ политики (**IPA**);
- риторический политический анализ (**RPA**);
- дискурсивная психология (**DPs**);
- Q-методология (**QM**).

Эта классификация основана на трех измерениях: онтологии, фокусе и цели. Суть онтологического подхода – социальные отношения, структуры и их взаимодействия. Фокус-измерение связано с аналитическим уровнем изучаемого объекта по лингвистической и нелингвистической осям, а также по мик-

ро-и микро осям. Суть цель-измерения – осознать центральную мотивацию, стимулирующую анализ дискурс-исследователя.

В результате построения этой классификации выделено общее и особенное каждого в контексте их соотнесения. Здесь значимыми становятся происхождение, структура, источники, методы, техники. Результаты классификации представлены в таблице 1:

Таблица 1

Сущностные параметры шести подходов к дискурс-анализу

Категория анализа / Тип DA	**Онтология (типы дискурса)**	**Объекты анализа**	**Параметры (лингвистический-нелингвистический)**	**Текст-контекст**	**Роль агента**	**Уровень анализа (макро-микро)**
PDT	Дискурс как онтологический горизонт	Изменение и стабилизация дискурсивных практик	Внутри дискурса	Аналитическое, неонтологическое	Субъект как дискурсивная позиция (наличие-отсутствие субъекта)	Макро (с элементами микроанализа текста)
CDA/ DHA	Реалистическая семиотика (измерение социальных отношений)	Политический дискурс	Лингвистическое = текст; нелингвистическое= контекст	Цель = текст (контекст историчен, субъективен)	Когнитивность	Макро (с элементами микроанализа социальных структур)
IPA	Герменевтика (толкование)	Смыслы (практики политического дискурса)	Лингвист = текст; не-лингвист социальный контекст текста	Аналитическое, не онтологическое	Экспрессия, субъективность, предметность	Макро (с микроанализом текстов)
RPA	Дискурс как онтологический горизонт	Аргументы и убеждение	Пересекаются, разделяются (пафос + этос)	Тексты = аргументы; контексты = дискурсы	Субъективность	Макро (с микроанализом идеологий)
DPs	Личные качества (через дискурсивное взаимодействие)	Эмоции и идеология	Пересечение, разделение	Аналитическое (не онтологическое)	Когнитивность против субъективности	Микро Макро
QM	Онтология вторична	Идентификация дискурсов	Пересекаются, разделяются	Текстовое	Самоинтерпретации	Микро

Шесть подходов демонстрируют различные онтологические предположения, аналитические объекты и концепции дискурса, которые рассматриваются в качестве сложных и неоднозначных, что делает схватывание единой перспективы невозможной. Несмотря на это, Глинос и соавторы указывают на некоторые типичные характеристики терминов в их взаимодействии, что делает развитие возможных связей реальным. Окончательный вывод – дискурс-

анализ в его вариативности, но совместимости онтологических предположений, методов и уровней может быть объединен в общую критикоэмпирическую перспективу с целью поиска реальных смыслов.

Дискурс-анализ в контексте теории перевода. Учитывая подчеркнутое множество подходов к дискурс-анализу и соответствующую сложность группировки этих подходов в границах последовательной теоретической системы, возникает вопрос, какой способ дискурс-анализа (и есть ли он) может быть полезен в контексте переводческой деятельности и на каком этапе процесса перевода его следует применить. Для ответа на данный вопрос необходимо оценить подходы к дискурс-анализу с позиции переводоведения.

Согласно выводам Ниды и Табера [1], анализ структуры дискурса должен в себя включать первичные и вторичные характеристики. Первый – это *время, пространство* и *роль*, в то время как второй – *степень, значение* и *последовательность* диалогов. Первичные характеристики дискурс-анализа подлежат нелингвистическому анализу *ролей, событий*, особенностей по ориентации во *времени* и *пространстве.* Вторичные характеристики дискурса, хотя и представляют собой расширение основных характеристик, подвергаются лингвистическому анализу структуры дискурса в целях определения доминантных или зависимых областей (областей причины и следствия, упорядоченных относительно цели, условий, уступок и результата), а также внутритекстовых и межтекстовых зависимых областей.

С целью ответа на вопрос о пользе механизма дискурс-анализа для исследований по переводу мы определили дискурс-анализ как *аналитический инструмент* применяемый для исследования лингвистических и нелингвистических явлений. Как аналитический инструмент дискурс-анализ может использоваться для исходных и переводных дискурсов. Аналогично он может быть применен к языку для общих целей, также как и языку для специальных целей.

В исходном и переводном языках объектом дискурс-анализа становится устная и письменная речь; целью – раскрытие действительного значения исходного дискурса в дискурсе перевода. Функция дискурс-анализа – в классификации структур и процессов, выявленных в исходном дискурсе. Как аналитический инструмент дискурс-анализ может применяться переводчиком, который выступает в роли не только лингвиста дискурса, но и эксперта по переводу [8, 9, 10, 11].

Контекстуализация устного и письменного дискурсов означает помещение языковых средств в нелингвистический контекст для выявления их действительной коммуникативной ценности. Анализ дискурса в нелингвистическом контексте предостерегает языковые средства от их изолированного использования исключительно в языковой практике. По сути, для переводчика становится важным уравновесить исходный и переводной тексты, что помогает ему понять значение текста-оригинала в контексте и предположить значение исходного текста и перевода, исходя из контекста.

Анализ свойств контекста должен концентрироваться на нелингвистических особенностях дискурса, которые подвергаются контекстуализации. Например, при обучении языку для специальных целей, чтобы показать структуру контекста и облегчить контекстуализацию лингвистического анализа дис-

курса, эта характеристика нелингвистических особенностей дискурса должна сосредоточиться на *теме*, *системе*, *институте*, *идеологии*, а также на *исполнителях*, *действиях*, *отношениях* и *процессах*. Для нужд политического дискурс-анализа этот механизм в деталях обсуждает ван Дейк [11].

1. *Nida E. A. and C. Taber*. The Theory and Practice of Translation. Leiden.: E.J. Brill, 1969.
2. *Tytler A.F*. Essay on the Principles of Translation // The Essential Tytler' by James S. Holmes, Modern Poety in Translation, 43 (Autumn 1981). P. 27–46.
3. *Schleiermacher F.* (1838). Hermeneutics and Criticism, And Other Writings. Translated and edited by Andrew Bowie. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
4. La Table Ronde «Дискурс в академическом пространстве» / под общ. ред. И.Ф. Ухвановой, М. Сарновского. Вып. 1. Минск: Изд. Центр БГУ, 2010. С. 11.
5. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopaedia of Language. Cambridge: Cambridge University Press. 2008.
6. *Gadamer H.G.* Truth and Method. London: Sheed and Ward, 1975.
7. *Glynos J., Howarth D., Norval A., Speed E*. Discourse analysis: Varieties and Methods. National Centre for Research Methods NCRM/014 1-41. 2009.
8. *Chilton P.* Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London: Routledge. 2004.
9. *Geis M.L.* The language of politics. New York: Springer, 1987.
10. *Flairclough I. & Flairclough N.* Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students. Routledge: Taylor & Francis Group, 2012.
11. *Van Dijk T. A*. What is political discourse analysis? / J. Blommaert & C. Bulcaen (eds). Political Linguistics. Amsterdam: Benjamins 11-52, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Allan, K. Natural Language Semantics / K. Allan. Oxford: Blackwell Publishers, 2001.

Berelson, B. Content Analysis in Communication Research / B. Berelson/ New York: Free Press, 1952.

Carley, K.M. Group Stability: A Socio-Cognitive Approach / K.M. Carley; E. Lawler, B. Markovsky, C. Ridgeway & H. Walker (eds). Advances in Group Processing: Theory and Research. Vol. VII. 1990. P. 1–44.

Carley, K.M. & Palmquist, P. Extracting, representing and analysing mental models / K.M. Carley, P. Palmquist. Social Forces 70, 1992. S. 601–636.

Dash, N.S. Context and contextual word meaning / N.S. Dash. SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2008. vol. 5, №. 2.

Gottschalk, L. A. Content analysis of verbal behaviour: new findings and clinical applications / Gottschalk L.A. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1995.

Holsti, O.R. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities / O.R. Holsti. Reading, MA: Addison-Wesley, 1969.

Miller, G.A. & Leacock, C. Lexical representations for sentence processing / G.A. Miller, C. Leacock.; Y., Ravin, & C. Leackock (eds.). Polysemy: Theoretical & Computational Approaches. New York: Oxford University Press, 2000. P. 151–160.

Neuendorf, Kimberly A. The Content Analysis Guidebook Thousand Oaks / Neuendorf, A. Kimberly. CA: Sage, 2002.

Nida, E.A. Towards a science of translation, with special reference to principles and procedures involved in Bible translating / E.A. Nida. Leiden: Brill, 1964.

Palmquist, M., Carley. K.M. & Dale, T. Application of computer-aided test analysis. Analyzing literary and non-literary texts / C.W. Roberts (ed.) Text Analysis for Social Sciences: Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1997.

СЛОВАРИ
Online Etymology Dictionary. 2013.
The Free Dictionary by Farlex. 2013.
The Concise Oxford Dictionary of Word Origins / Hoad T.F. (ed.). London: Guild Publishing. 1986.
Sinclair, J. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners / J. Sinclair. Glasgow: HarperCollins Publishers. 2001.

Лидия Мазур-Межва (Польша, Кельце)

БУЛАТ ОКУДЖАВА В ЗЕРКАЛЕ ПОЛЬСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Польская культура второй половины XX века испытала несомненное влияние известнейшего русского поэта-барда Булата Окуджавы, чему в известной степени способствовали польские переводы творчества поэта, выполненные разными переводчиками. Анализ этих переводов вскрыл некоторые особенности творческого наследия Окуджавы, наглядно высветившиеся именно в польском переводческом дискурсе – соответствие его духа духу христианского вероучения, столь близкого польскому католическому сознанию.

Польские переводы песен и стихотворений Б. Окуджавы анализируются нами в русле положений современной когнитивной науки об обусловленности речевого поведения знаниями говорящего, – его индивидуальным когнитивным пространством, важнейшей составляющей которого является национальное когнитивное пространство, структурируемое в терминах ключевых концептов культуры, прецедентных текстов, концептуальных метафор. Методологической основой исследования является положение о том, что модификации оригинального текста в переводе обусловлены не вкусовыми предпочтениями отдельного переводчика, а закономерностями организации национального когнитивного пространства, характерного для носителей определенной принимающей культуры. Отсюда проверке подлежит гипотеза о том, что переводы разных переводчиков, относящихся к одной принимающей культуре, должны иметь общие черты.

Для анализа мы избрали переводы нескольких наиболее известных польских переводчиков: *А. Мандалиана, З. Федецкого, В. Ворошильского, В. Домбровского и Е. Чеха*, которые переводили стихи и других русских поэтов (А*. Галича, О. Мандельштама, В. Высоцкого, И. Бунина, А. Блока, Н. Гумилева* и других).

Как показывает анализ, переводчики, находясь в русле своей культуры, осуществляют интерпретацию оригинала – как сознательно, так и бессознательно - в соответствии со схемами интерпретации действительности и традициями речевых практик своей культуры. Так, в частности, названные переводы роднит:

- *интенсификация ситуации оригинала по определенным признакам*;
- *уточнение деталей референтной ситуации переводимого текста, в силу чего она становится более конкретной, нежели в тексте оригинал;*
- *элиминирование из текста мест, несовместимых с установками религиозного католического сознания;*
- *насыщение перевода элементами религиозного дискурса и др.*

Разделяя главные принципы современной теории художественного перевода, в частности такие как:

1) отказ от «нормативного» аксиологического подхода к переводу;
2) понимание перевода как интерпретации;
3) отказ от традиционного сравнительного анализа отдельных элементов оригинала и перевода в пользу сопоставления не текстов, а их моделей;
4) учет творческой личности переводчика как фактора модификации оригинала,

и *осмысляя* переводческую деятельность как «вписываемую» в коммуникативный процесс (часть которого – процесс порождения текста), мы выдвигаем гипотезу. Ее суть заключается в том, что, *во-первых*, поскольку перевод есть интерпретация текста оригинала (сколь разными переводчиками бы он ни осуществлялся в принимающей культуре), текст перевода будет обязательно отличаться от текста оригинала в силу различий национальных когнитивных пространств, диктующих свои способы обработки информации о мире. *Во-вторых*, у разных переводчиков относящихся к одной принимающей культуре, при всем различии личностных и художественных установок, будет наблюдаться общность в модификации оригинала. Эта общность обусловливается общей частью их сознания – национальным когнитивным пространством. Исходя из этой гипотезы можно утверждать правомерность научного разговора о польском дискурсе переводов Окуджавы.

В наших исследованиях мы сделали акцент на сопоставлении смысловых моделей авторского и переводного текстов, выявляя специфику содержащейся в них информации об объекте повествования. Такой подход, на наш взгляд, связан с актуальной для современного периода развития лингвистики проблематикой когнитивной науки, аппарат которой позволяет описать содержание сознания в достаточно строгих терминах с помощью обращений к таким единицам, как фреймы, концептуальные метафоры и концепты. В центре нашего внимания были такие базовые концепты русской культуры, на которых основывается творчество Б. Окуджавы, как *вера*, *надежда*, *судьба* и *любовь*, причем из внимания не упускается то, что именно «оценочный компонент концепта как ментального образования, разнящегося у представителей разных культур, объясняет возможность различного взгляда на исходную денотативную ситуацию, представляемую субъектом в терминах этого концепта, а целевой деятельностный аспект концепта предполагает возможность различных сценариев ее осмысления у носителей разных сознаний» [1, с. 52].

Сопоставляя переводы стихотворений Б. Окуджавы с оригиналом, мы анализировали общую информацию о действительности, пропущенную сквозь призму аксиологических ориентиров как автора, так и переводчика и прослеживали те операции, которым подвергается текст перевода. Согласно Ж. Дюбуа и его соавторам, любая трансформация текста может быть сведена к сокращению и добавлению единиц [2, с. 86]. Мы полагаем, что сокращение или добавление формальных структур (слов, предложений) есть одновременно операция над смыслом первичного текста (оригинала). Подобной операцией можно считать и замены, когда одни формальные элементы замещаются другими. Выбор той или иной формы на роль заместителя может быть продиктован особенностью когнитивного пространства переводчика, спецификой хранящихся в его сознании когнитивных структур, причем даже если эти замены

обусловлены ритмом, размером и рифмой, они всегда трансформируют содержание оригинала.

Основываясь на скрупулезных наблюдениях над текстами ооригиналов и их переводами, следует отметить, что модификации исходного смысла окуджавских текстов в переводах *В. Ворошильского* связаны с сознательным или бессознательным приспособлением оригинального текста к принимающей культуре. Для этого переводчика характерно обращение к операциям добавления и замен, в результате которых текст перевода отличается интенсификацией признаков денотативной ситуации, описанной в оригинальном тексте; лишается определенной степени обобщенности изображаемых ситуаций и в силу этого некоторой философичности: операция добавления приводит к конкретизации описываемых ситуаций; приобретает религиозные коннотации в результате операции замен.

Для переводческого дискурса другого переводчика, *В. Домбровского*, также характерно преобладание операций добавления и замен, в результате которых происходит уточнение смысла окуджавовских стихотворений, адаптация к культурным горизонтам польской аудитории. В этих переводах наблюдается также интенсификация ситуаций оригинального текста по определенным признакам. Вместе с тем для дискурса В. Домбровского можно отметить соединение, сочетание операций по модификации текста, добавление с одновременной заменой, добавление с сокращением, обращение к иным нежели в оригинале средствам, служащим передаче общей идеи произведения, что свидетельствует о художественной смелости переводчика.

Переводы Окуджавы *А. Мандалианом* вписываются в уже обозначенные нами традиции польского переводческого искусства. Вместе с тем переводчик, совершая операции над оригинальными текстами, интенсифицирует признак денотативной ситуации оригинала, включая элементы религиозного дискурса. Здесь значимо и повышенное использование тропов, напоминающее о традициях польской словесности, ориентированной на неолатинскую литературу [1, с. 102].

Для переводческого дискурса *З. Федецкого* характерными являются: изменения заглавия с целью создания соответствующих ожиданий у польского читателя (устранение из заглавий имен русских реалий); диалогизация текста, проявляющаяся в употреблении обращений к адресату в тех местах, где у Окуджавы используются безличные предложения или предложения с непроясненным субъектом (*она*); включение вопросительных и побудительных предложений в текст перевода (последние окрашены восклицательной интонацией), что связано, по-видимому, с влиянием определенных риторических практик; использование вместо констатации фактов вопросительных предложений, в чем мы усматриваем влияние традиций гомилектики, где создается атмосфера совместного рассуждения [1, с. 111].

Переводческие операции в творчестве *Е. Чеха* также сводятся в основном к заменам и добавлениям (в меньшей степени имеет место сокращение) и связаны «со стремлением переводчика сделать текст более прозрачным для истолкования в тех местах оригинала, где это истолкование может быть затруднено в силу метафоричности, многоплановости сказанного автором» [1, с. 130]. Одновременно и творчеству Е. Чеха и переводческим практикам З. Федецкого,

В. Домбровского, В. Ворошильского и А. Мандалиана характерен ряд общих черт. Они связаны с установками национального сознания, которые сформированы под влиянием дидактических речевых практик, характерных для жанров религиозного дискурса. Они также отражают свойства национального характера, выражающего себя в определенных речевых практиках. Это позволяет сделать вывод о существовании польского переводческого дискурса как такового.

Несомненно, национальное когнитивное пространство носителей одной культуры расширяется при включении в него знаний из другого когнитивного пространства. Восприятие других ментальных схем, установок, характера переживаний, пусть и модифицированных под влиянием перевода, не может не служить расширению горизонтов во многом национально детерминированного мышления.

Нам представляется, что именно польский переводческий дискурс открывает новые глубины творческого наследия Булата Окуджавы. Он был близок полякам, дружил со многими польскими диссидентами, отлично понимал боль польского народа, веками стремившегося к освобождению. Благодаря польским переводам нам открылась еще одна сторона его творчества – несмотря на декларируемый атеизм, Окуджава был поэтом христианских ценностей, что и позволило польским переводчикам сделать его «своим» в польской аудитории.

1. *Мазур-Межва Л.* Булат Окуджава в польских переводах. Когнитивные стратегии переводоведения. Kielce, 2008.
2. *Дюбуа Ж.* Общая риторика. М., 1986.

Дарья Остапенко (Воронеж, Россия)

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ПРОБЛЕМА МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ МЕТАТЕКСТОВ)

На протяжении последних тридцати лет феномен метатекстуальности занимает одну из центральных позиций в зарубежном и отечественном литературоведении [1, 2, 3, 4, 5, 6], лингвистике и переводоведении [7, 8, 9, 10, 11, 12, 13]. Однако и сегодня данная проблема продолжает оставаться актуальной, что, в первую очередь, обусловлено неоднозначным характером понятия «метатекст».

Метатекст (от гр. *μετά* – после, за, между; от лат. textus – сплетение, ткань, строение, структура) можно определить как текст по поводу другого текста, созданный вследствие реакции на него. Структурно метатекст, в отличие от метатекстовых элементов высказываний [9], обладает всеми признаками текста [14] и понимается в качестве автономного, целостного и связного комплекса языковых знаков. Метатексты, характеризующиеся полифункциональностью, способны выполнять вводную, описательную, анализирующую, пояснительную, оценивающую и пародийную функции. *Реонтологизация объекта* относится к одному из важнейших метатекстуальных признаков [15, с. 43], который следует из пояснительной функции, первостепенной для метатекста в целом. Выделение основной функции, присущей тому или иному метатексту,

позволяет классифицировать их как вводящие, описывающие, аналитико-оценивающие, комментирующие и пародийные. Согласно размеру и положению относительно прототекста метатексты также можно разделить на включенные в исходный текст и характеризующиеся относительно небольшим объемом, а также вынесенные за рамки исходного текста, что подразумевает значительное увеличение объема метатекста.

Переводческий метатекст представляет собой особую форму проявления транстекстуальных связей, специфика которых в данном случае обусловлена, прежде всего, появлением в системе отношений «исходный текст – метатекст» нового элемента: «исходный текст – перевод – метатекст». Переводческий метатекст – это текст по поводу авторского текста или текста перевода, чаще всего поясняющего характера. Главными отличиями переводческого метатекста от других видов метатекстов является, во-первых, авторство (что наиболее очевидно) и, во-вторых, его двунаправленность, которая проявляется в обращении такого рода метатекста, как к авторской, так и к переводческой коммуникации.

В таких ситуациях, когда потери при переводе неизбежны, переводчику нередко приходится прибегать к созданию поясняющих метатекстов. По сути дела, вступая таким образом в коммуникацию с получателями перевода, переводчик как бы извиняется перед ними, что не смог до конца выполнить свою работу – что-то осталось недосказанным и недопереведенным. Но, по словам С.Н. Зенкина, «с другой стороны, обычно именно то, что хуже всего поддается переводу в некотором тексте, является в нем наименее банальным» [16], заслуживая поэтому особенного внимания. К тому же, согласно Н.С. Автономовой, любой перевод как «аналитический и синтетический, научный и художественный акт» [17, с. 145] нуждается в тщательном осмыслении. Для этого переводчику необходимо понять интенции автора, «погрузиться в конкретный историко-культурный материал» [17, с. 145], детально исследовать исходный текст, и на основании проделанной аналитической работы выбрать определенную переводческую стратегию. Все эти этапы могут найти отражение в комментирующем метатексте, созданном переводчиком.

Разумеется, переводческие метатексты возникают не только по поводу самого перевода в качестве пояснений тех или иных решений, но и относительно формы и содержания авторской коммуникации. Чаще всего переводческие комментарии касаются встречающейся в тексте культурно специфичной информации: имен собственных, культурных реалий, исторических событий, научных понятий, интертекстуальных перекличек, иноязычных слов и выражений и т.д.

Одним из видов поясняющих переводческих метатекстов является **предисловие**, которое представляет собой «вводную статью критического, текстологического, исторического и т.п. содержания, предпосылаемую книге, чтобы сообщить читателю те или другие сведения» [18], необходимые для лучшего понимания текста. Предисловие может быть составлено автором текста, переводчиком, редактором или издателем. В случае создания предисловия переводчиком оно есть результат его аналитической работы, которой предшествует подготовительный этап и собственно перевод. Предисловие – это своего

рода предтекст, призванный подготовить читателя к пониманию и интерпретации авторского текста.

Обычно переводческое предисловие четко структурировано, оно может содержать краткую биографию автора, историческую справку о месте, времени и обстоятельствах написания произведения, сведения о его жанровых особенностях и форме представления, информацию о ранее выпущенных произведениях, а также элементы литературной критики. К примеру, один из разделов сборника «Дети Англии и славы» [19] под названием «Сердце сердец» посвящен стихотворному творчеству английского поэта XIX века Перси Биши Шелли и открывается вступительной статьей Г. Усовой «Боль всей земли бежит по мне» [20, с. 214–228]. Вначале переводчица сообщает основные факты из биографии поэта [20, с. 215–217]: П.Б. Шелли родился в 1792 году в семье потомственных аристократов, его детство прошло в спокойной обстановке в окружении четырех сестер. В двенадцатилетнем возрасте он поступил в Итон, престижный закрытый пансион для мальчиков, где посвятил себя чтению серьезной классической и современной литературы, а также химии и физике. После окончания Итонского колледжа будущий поэт стал студентом Оксфорда и увлекся изучением философии. На фоне происходивших в то время социальных и политических событий в Англии П.Б. Шелли начал «глубоко задумываться о жизни и смерти, о смысле бытия, о социальной справедливости» [20, с. 216]. Результатом таких размышлений стала небольшая брошюра «О необходимости атеизма», вышедшая в марте 1811 года. Несмотря на то, что сам П.Б. Шелли придерживался, скорее, агностических взглядов, за этот трактат его исключили из университета, однако, невзирая на материальные трудности, он не вернулся в родительский дом. Вместо этого будущий поэт женится на Гарриет Уэстбрук, пытаясь тем самым спасти девушку от тирании отца. В конце 1811 года они селятся в Кесвике, небольшом городке озерного края, где П. Б. Шелли знакомится с одним из поэтов-озерников, Р. Саути. В феврале 1812 года будущий поэт вместе с женой отправляется в Ирландию, где «он надеялся найти применение своей энергии, оказывая помощь многострадальному ирландскому народу в его борьбе за независимость от Англии» [20, с. 217]. В Ирландии П.Б. Шелли принимает активное участие в политических митингах и распространяет свое памфлет «Обращение к ирландскому народу». Однако попытки помочь ирландцам не увенчались успехом, и он возвращается в Англию.

Как отмечает Г. Усова, с этого момента начинается расцвет творчества Шелли-поэта. В 1813 году П.Б. Шелли публикует поэму «Королева Мэб», отличавшуюся серьезным социально-философским подтекстом. В ней он «показывает вопиющие контрасты своей эпохи» [20, с. 218], что не могло не вызвать негодование властей. Поэт попадает в опалу, усугубившуюся гражданским браком с Мэри Годвин, которая полностью разделяла его свободолюбивые взгляды. Вместе с новой женой и ее сводной сестрой Клер П.Б. Шелли отправляется в путешествие по Франции, Италии, Германии и Голландии, однако вскоре возвращается в Англию вследствие отсутствия материальных средств. В 1816 году поэт пишет поэму «Аластор», в которой нашли отражение переживания П.Б. Шелли по поводу скитаний в нужде и лишениях, а также осознание бесплодности его попыток спасти человечество.

Переводчица неоднократно подчеркивает очевидную связь между событиями в жизни поэта и его творчеством: так, весной 1816 года П.Б. Шелли вместе с Мэри и Клер едет на Женевское озеро, где они снимают виллу Диодати вместе с небезызвестным Д.Г. Байроном. Поэты проводят много времени вместе, дискутируя на философские и политические темы. Вернувшись в Англию, П.Б. Шелли узнает, что его первая жена покончила с собой. Недоброжелатели сразу же обвинили в этом поэта, более того, в результате неудачных попыток забрать детей у деда «его объявили вольнодумцем и атеистом» [20, с. 219]. В качестве отклика на все произошедшее П.Б. Шелли публикует поэму «Восстание Ислама» (1818), в которой выступает против тирании и угнетения. Вскоре после этого поэт узаконивает отношения с Мэри, и они отправляются в Италию, «изгнаннический рай» [20, с. 220]. Здесь П.Б. Шелли создает внушительное количество поэтических произведений крупного жанра: драмы «Освобожденный Прометей» (1820), «Ченчи» (1819), «Эллада» (1821), «Эдип-тиран, или Тиран-Толстоног» (1820), поэмы «Эпипсихидион» (1821), «Адонаис» (1821), «Торжество жизни» (осталась незаконченной) [20].

В 1819 году социальная и политическая обстановка в Англии снова накалилась, и поэт не мог не отреагировать на эти события стихами. Так, после «манчестерской бойни», в результате которой погибло около 15000 человек, боровшихся за всеобщее избирательное право, поэт опубликовал стихотворения: «Англия в 1819 году», «Песня мужам Англии», «Строки, написанные во время правления Каслрея» и поэмы «Маскарад Анархии», «Питер Белл Третий». Как замечает Г. Усова, для «Маскарада Анархии» характерен несвойственный П.Б. Шелли «четкий, ясный, афористичный» язык, поэт, «так любивший разнообразную строфику и сложную рифмовку, написал эту поэму четкими хореическими четверостишиями, где изредка появляется пятая строка» [20, с. 221].

Далее переводчица анализирует основные отличительные черты поэзии П.Б. Шелли [20, с. 222–223]: его лирике присуща особая философская глубина, он, как все поэты-романтики, много пишет о природе, но, в отличие от Д.Г. Байрона, П.Б. Шелли отдает предпочтение описаниям спокойствия и умиротворения, а не бушующей стихии. Поэт подчеркивает единение человека и природы, пантеизм в ее осмыслении. Для П.Б. Шелли поэт – «то жаворонок, свободно порхающий в голубизне чистого неба, рассыпающий там прекрасными музыкальными трелями; то он заодно с грозным западным ветром, освобожденный от тяжести своего времени, придавливающей его к земле» [20, с. 223].

Г. Усова отмечает, что при жизни поэзия П.Б. Шелли не пользовалась популярностью, что во многом было обусловлено ее новаторским характером и сложностью: «ему не всегда удавалось пользоваться более доступным массам языком из-за сильного драматического напряжения, его сцены изобилуют возвышенно-абстрактной образностью» [20, с. 221]. В России Шелли-поэт тоже долгое время оставался неизвестным: первые (и, как оказалось, не самые удачные) переводы его стихотворений на русский язык появились только в середине XIX века, что во многом объясняется своеобразием поэзии П.Б. Шелли, ее «сложной образной системой, в которую переводчик не в состоянии сразу проникнуть, насыщенностью каждой строки глубоким смыслом, высоким удельным весом каждого слова; кроме того, трудно передавать на

другом языке сложные системы строфики и рифмовки» [20, с. 225]. Поэтические произведения П.Б. Шелли переводили К. Бальмонт, Б. Пастернак, С. Маршак, К. Чемен (по признанию Г. Усовой, последнему удалось наиболее глубоко понять поэзию П.Б. Шелли). Переводчица постулирует, что «задача перевода произведений Шелли на русский язык – бездонна и неисчерпаема», и ставит своей целью осуществить, скорее, еще одну попытку перевода, нежели предложить некий конечный идеальный вариант, так как «каждый поэт-переводчик стремится постичь творчество любимого поэта с помощью перевода на свой язык, заранее зная, что получит только относительную истину» [20, с. 226].

Таким образом, переводческое предисловие является одним из видов метатекстов и представляет собой текст поясняющего характера, созданный переводчиком относительно авторского текста и предпосылаемый его переводу. Предисловие в совокупности с другими переводческими метатекстами (сносками, примечаниями, комментариями и т.д.) образует дополнительное информационное поле вокруг перевода исходного текста, которое способствует его вхождению в другую культуру и обеспечивает лучшее его понимание. Также у переводчика появляется возможность пояснить как выбор стратегии, так и отдельные решения, выразить свои размышления и эмоции по поводу перевода произведения. Однако при переводе каждого конкретного текста переводчик должен определить степень необходимости создания дополнительного информационного поля и его объем.

1. *D'haen T.* Postmodernism in American fiction and art // Approaching postmodernism / ed. D. Fokkema, H. Bertens. Amsterdam, 1986. P. 211–231.
2. *Genette G.* Palimpsestes: Le littérature au second degree. Paris: Éditions du Seuil, 1982. 468 p.
3. *Lyotard J.F.* La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. Paris: Editions de Minuit, 1979. 109 p.
4. *Бахтин М.М*. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 448 с.
6. *Цивьян Т.В.* О метапоэтическом в «Поэме без героя» // Лотмановский сборник. 1995. № 1. С. 611–618.
7. *Nida E.* Contexts in Translating . Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2002. 125 p.
8. *Nord Ch.* Text Analysis in Translation. Theory, Methodology, and Didactic Applications of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam: Rodopi, 2005. 284 p.
9. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. 1978. Вып. 8. С. 402–424.
10. *Кашкин В.Б.* Метакогнитивные исследования перевода // Университетское переводоведение. Федоровские чтения-10. СПб., 2009. Вып. 10. С. 230–242.
11. *Кашкин В.Б.* Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2011. Вып. 1. С. 21–27.
12. *Кашкин В.Б.* Повседневная философия языка и метаязыковая стратегия пользователя // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам: межвуз. сб. науч. ст. Воронеж, 2000. С. 94–95.
13. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. М.: Высш. шк., 1980. 198 с.
14. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.]. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. 356 с.

15. *Иванов Н.В.* Интертекст – метатекст: культура, дискурс, язык // Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. М., 2007. С. 43–50.
16. *Зенкин С.Н*. Послесловие переводчика / С. Н. Зенкин // philosophy.ru – философский портал : [сайт]. - URL: http://www.philosophy.ru/ library/deleuze/02/ deleuze9.html (дата обращения: 19.04.2013).
17. *Автономова Н.С*. Перевод как рефлексивный ресурс понимания // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник / [под ред. Л. В. Скворцова]. М., 2009. С.139–162.
18. Литературная энциклопедия / Академик : [сайт]. - URL: http://dic.academic.ru/ dic.nsf/enc_literature/ (дата обращения: 19.04.2013).
19. Дети Англии и славы. Из поэзии английского романтизма / У. Блейк [и др.]. СПб.: Изд-во «ДЕАН», 2007. 287 с.
20. *Усова Г.* Боль всей земли бежит по мне // Дети Англии и славы. Из поэзии английского романтизма / У. Блейк [и др.]. СПб.: Изд-во «ДЕАН», 2007. С. 214–226.

Елена Бразаускене (Литва, Вильнюс)

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И СЛАВЯНСКИЙ КОНТЕКСТ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Европейский взгляд на систему образования во второй половине XX века по-новому представил цели обучения. Они получили выражение в понятии «компетенция» как способность человека к выполнению какой-либо деятельности (термин Н. Хомского). В системе европейского образования были сформулированы группы базовых компетенций как цели образования, касающиеся развития личности обучаемого, его взаимодействия в социуме и деятельности. Кроме общих компетенций, выделяют *предметные* (или *частные)* компетенции, формируемые и развиваемые на отдельных учебных предметах. Так, сложился компетентностный подход к обучению и формированию компетенций, что стало одной из составляющих процесса обучения иностранному языку. Теория дискурса и лингвистика текста обусловили выделение в ряду частных компетенций *дискурсивной компетенции*, а последующие разработки (напр., И.Ф. Ухвановой-Шмыговой) позволили обозначить еще одну компетенцию – **дискурсную**. Суть этой компетенции можно представить как учет субъектной ситуации общения, знание о себе и о других во взаимодействии и умение применять эти знания в ситуациях межкультурной коммуникации и, прежде всего, в рамках деятельности университетского сообщества.

В связи с этим возникает необходимость рассмотреть понятие «университет» как социальный институт, в котором происходит взаимодействие (контекст академического дискурса), а сам академический дискурс – как *предмет* обучения и *содержание* обучения, которые могут иметь свои особенные черты с учетом славянского контекста. Это необходимо сделать и для того, чтобы представить указанные моменты как контекст события для студента-первокурсника, входящего в мир университета, и для темы учебного модуля «Я – студент университета», который подготовлен в русле дискурсного подхода к обучению иностранному языку.

Парадокс академического пространства заключается в том, что, с одной стороны, нет ничего более стабильного (или задуманного как стабильное) в университетском пространстве в контексте ценностей, традиций, взаимодей-

ствия между преподавателями, преподавателем и студентом, преподавателем и администрацией, а, с другой – нет ничего более быстро меняющегося, хотя бы потому, что предмет общения – научное знание – находится в постоянном поиске.

Само понятие «университет» современный студент понимает чаще только как «высшая школа», где он будет продолжать учиться после средней школы, гимназии или лицея и приобретать специальность, профессию. Столкновение с теоретическими дисциплинами, с «наукой» вместо предполагаемой практики порой бывает болезненным для студентов. Развивая дискурсную компетенцию на уроке иностранного языка, можно подготовить студента к осознанию социального института, куда он попал, и его функций. А значит и к новой деятельности и взаимодействию. Рассмотрим на примере учебного материала: чтение и анализ трех текстов (дающих определения типов университетов) позволяет решить и учебную задачу (лингвистическую), и социальную (социальная адаптация). Сопоставление традиций старых европейских университетов, русских (славянских) и университетов на постсоветском пространстве выявляет ценностные ориентиры. Примеры Вильнюсского университета, основанного еще в 1579 году, Московского государственного университета и Белорусского государственного университета могут быть хорошим условием актуализации материала.

Посмотрим на тексты словарных статей, предлагаемых студентам для осмысления.

Так, словом universitas (лат., буквально – совокупность от universus – весь, взятый в совокупности) в средние века назывались различные товарищества, купеческие гильдии, торгово-промышленные цеха и некоторые другие объединения. Соответственно этому и вновь возникшие в то время «вольные» школы стали называться universitas magistrorum et sholarium (корпорация преподавателей и студентов); лишь постепенно учебные заведения стали называться *университет* (прежде studium – школа, studium generale – всеобщая школа, эпитет generale указывал на интернациональный характер учебного заведения); затем это название стало означать учебный план высших школ, объединяющих всю совокупность наук (universitas literarum).

(http://www.antropolog.ru/doc/persons/smirnov/smirnov17)

УНИВЕРСИТЕТ, **-а,** ***м.*** – «высшее учебное заведение и научное учреждение с несколькими факультетами (естественно-математическими и гуманитарными)». *Прил.* **университетский, -ая, -ое.** В русском языке слово *университет* известно с Петровского времени. Но в широкое употребление оно вошло несколько позже в связи с открытием первого университета в России – Московского в 1755 г. См. «Указ» от 12- I-1755 г. Прил. *университетский* в широком употр. – с 40-х гг. Ср. У Ломоносова «Прибавление к моему мнению о *университетском* регламенте» от 7-XII-1748 г. – Из западноевропейских языков. Ср. франц. (с XIII в.) universite; нем. (с XIV в.) Universitat; англ. university; ит. universita` и др., восходящие к позднелатин. ūniversitas – «нечто цельное», «совокупность» [в средневек. латин. – «(ученая) корпорация», «колледж»]; ср. ūniversus – «весь», «целый», «общий», «всеобщий». Первые университеты появились в странах Западной Европы в XII веке (Италия, Испания, Франция). *(Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 2001.).*

«Университеты – высшие учебно-научные заведения, в которых изучается вся совокупность дисциплин, составляющих основы научного знания. У. готовят кадры высококвалифицированных специалистов по различным отраслям народного хозяйства, науки и культуры, а также ведут научно-исследовательскую работу. Отличительной чертой У. является их стремление тесным образом соединить учебную и научно-исследовательскую работу» *(БСЭ)*.

Что важного пришло/осталось в сегодняшнем университете из далекой эпохи средневековья? Искусство, гуманитарное знание, философия, медицина, естественные науки, астрономия сосуществовали в древних университетах. Искусствами занимались те же, кто занимался наукой (например Ломоносова, Леонардо да Винчи). *Универсализм, интердисциплинарность* была в крови университетов. В современных условиях, когда теряется ценность гуманитарного образования, уместно обратиться к интеграции, к выходу за рамки одной науки, к представлению о широком университетском образовании, о слиянии разных культур на европейском пространстве. А примером этому может быть древний Вильнюсский университет, соединявший литовскую и славянские (польскую, белорусскую, украинскую, русскую) культуры. Слияние культур может быть и на уровне современного сотрудничества: совместные исследовательские проекты, обмен преподавателями и студентами. В частности изучение русской филологии или русского языка в Вильнюсском университете в группе, где находятся не только литовцы, но и поляки, сербы и итальянцы, становится более интересным, благодаря живым примерам из разных, и прежде всего, славянских, языков.

Академический дискурс вслед за Л.В. Куликовой будем понимать как «нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическими планами, использующее определенную систему профессионально-ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения (ученых как исследователей и/или преподавателей, а также студентов) в сфере университетского образования, интерпретируемое как культурномаркированная система коммуникации» (Куликова 2006, с. 297). В принципе при одинаковых статусных ролях участников коммуникации на университетском пространстве социокультурная ее составляющая будет отличаться. Внешнее тому проявление – обращение к профессорско-преподавательскому составу и работникам администрации. В традиции восточных славян – обращение по имени и отчеству, в литовской традиции и польской (в контексте академического общения) – обращение по должности (профессор, доцент, преподаватель). Не только обращение, но и набор существительных со значением лица для называния участников взаимодействия может отличаться (напр., *замдекана* и *продекан*).

Интересны и сами отношения между преподавателями и студентами. Прежде всего они определяются как академические, то есть соблюдающие установившиеся традиции в науке. А традиционные отношения в процессе обучения – это уважение к преподавателям со стороны студентов и уважение к студентам со стороны преподавателей. Однако в поликультурном университетском сообществе можно заметить, что западным культурам в большей мере свойствен *личностно*-ориентированный характер коммуникации, а русской культуре или постсоветской – *статусно*-ориентированный. В исследователь-

ской деятельности между учеными и студентами традиционно господствует взаимоуважение, партнерские отношения, направленные на поиск. Партнерство современной методикой переносится и на отношения в процессе обучения/учения.

Современное европейское университетское сообщество переживает период изменений в актуализации способов взаимодействия. Принцип ориентации на студента при составлении учебных программ, возрастание роли студентов в управлении процессом обучения, увеличение свободы в составлении индивидуальных учебных программ – вот факторы, которые могут изменить представление о традиционном академизме и внести интерактивность. Путь таких изменений можно обозначить следующим образом: от взаимодействия, в центре которого находится (1) профессор, и рядом с ним студент, переходим к взаимодействию, когда (2) профессор является главным ведущим, а статус студента несколько размыт или снижен, и получаем (3) взаимодействие, центром которого становится студент, и появляется опасность, что статус профессора может снизиться. Можно сказать, что апробация всех трех моделей академического общения приводит к естественной потребности сомкнуть круг и выйти на первую интерактивную модель как изначально заданную и одновременно актуальную сегодня в контексте эффективного академического общения, то есть модель эффективного общения. Таким образом, модель эффективного общения «студент-преподаватель» остается вне времени. Аналогично и категория «место». Академическое общение происходит в университете, но университет – не обязательно место актуализации общения.

В исторической ретроспективе местом учебы мог стать университетский дворик. Сегодня – это тоже возможный вариант (как, например, дворик филфака Санкт-Петербургского университета, активно используемый поздней весной или ранней осенью как место для проведения занятий.)

Событием для студента университета в поликультурном сообществе становится и сам *язык* как средство общения и предмет изучения. На обучение русскому языку, в частности *на формирование дискурсной компетенции*, могут влиять условия обучения, а именно фактор *места* обучения, наличие или отсутствие *языковой среды, языковое окружение*. С разными вариантами русского языка как языка общения можно столкнуться в России, Беларуси, Украине или Литве. Свои особенности функционирования и развития языка могут быть в условиях, где русский язык государственный или язык национального меньшинства – язык русской диаспоры. Иноязычное окружение, языковые контакты и языковое взаимодействие, с одной стороны, влияют на выбор варианта русского языка (для кого-то это *качество* русского языка), а с другой стороны, влияют на самих субъектов общения, ибо язык репрезентирует речевое поведение в коммуникативных ситуациях. Также в диаспоре происходит преломление русской культуры и ментальности, что придает коммуникации особенные черты. Например, учет специфики речевого взаимодействия в условиях близкородственного (белорусского и польского) и неблизкородственного (литовского) языкового окружения становится актуальным при обучении русскому языку как иностранному в Литве.

Региональные особенности русского языка отражаются на дискурсе общения, формируя различные речеповеденческие стили взаимодействия. В том

числе это наблюдается и в контексте академического общения, а значит они должны быть учтены при составлении учебных материалов и включены в систему заданий, формирующих дискурсную компетенцию. Соответственно формируется и сам субъект общения как личность, способная критически осмыслить ситуацию речевого взаимодействия, оценить коммуникативное поведение собеседника и использовать правильные и уместные языковые средства (по принципу: так принято у нас, так принято у вас, у других). При формировании дискурсной компетенции актуализируется также принцип учета родного языка студента и дифференциация в обучении славян и неславян.

Быстро меняющееся в современных условиях интеграции и глобализации университетское (академическое) сообщество представляет собой контекст для коммуникации, который, как мы видим, очень легко становится, по сути, контентным, фокусированным. Его изучение и обучение ему становится задачей лингвиста, исследующего академический дискурс, но и специалиста по методике обучения иностранным языкам, который неизбежно отслеживает новые тенденции в методической науке. Один из путей ее решения – отражение обозначенных тенденций и создание новых учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному и другим иностранным языкам. Знакомство с новым поколением учебной литературы в России, Беларуси, Польше и других странах доказывает, что эта тенденция достаточно ярко проявляет себя сегодня на всем восточном-славянском и западно-славянском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

Задворная, Е.Г. Дискурс как фильтрующая система и принципы речевого общения / Е.Г. Задворная // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 28–37.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002.

Куликова, Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2006.

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Маркович, А.А. Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса / А.А. Маркович // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр. Вып 5: Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск: Изд. центр БГУ, 2008.

Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Совет Европы (французская и английская версии), 1996, 2001; Моск. гос. лингв. ун-т (русская версия), 2005.

Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Методологические и методические вопросы дискурс-исследований / И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 17–28.

Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Введение в дискурс-аналитические практики, или Чем отличается контент-анализ от дискурс-анализа /И.Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного ана-

лиза общественно-политических текстов: сб. науч. тр. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 49–78.
Щукин, А.Н. Компетенция или компетентность / А.Н. Щукин // Русский язык за рубежом. 2008. № 5. С.14–20.

Ольга Лущинская, Елена Савич (Беларусь, Минск)

ДИСКУРС-ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТРУКТУРУ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ

Одной из важнейших образовательных задач на современном этапе в высших учебных заведениях является повышение *качества* образования будущих специалистов в определенной области с учетом потребностей общества, рынка труда, а также их личностных интересов. Принимая во внимание развитие межкультурных и международных связей, особое значение в подготовке специалистов придается овладению иностранными языками для осуществления *эффективной* коммуникации. Сегодня мы видим цель обучения иностранному языку не просто в передаче студентам определенных знаний и в развитии у них навыков и умений общения в иноязычной среде, а в том, что будущим специалистам необходимо научиться быть *активными* в коммуникации, а значит, *понимать ситуации общения*, научиться *реконструировать* элементы ситуации взаимодействия и *конструировать* свои сообщения и свои собственные роли в соответствии с реконструированной реальностью. Все вышесказанное, разумеется, не является принципиально новым знанием. Новыми являются технологии реализации обучения с учетом таких задач. Сегодня эти технологии приходят в методику из тех наук, которые изучают различные аспекты коммуникации и разрабатывают критерии ее эффективности – из прикладной лингвистики, лингвистики дискурса, коммуникативистики и т.д.

Не требует доказательства утверждение о том, что обучить эффективному общению можно только практикуя его, то есть перенося его принципы и приемы в аудиторию. Из этого следует, что, во-первых, *эффективное взаимодействие* обучаемых должно быть собственно *темой обучения*, а во-вторых, *обучение* должно быть *примером эффективной коммуникации*. При этом организовывать образовательный процесс на уроках иностранного языка целесообразно с позиций такого подхода обучения, который позволит охватить и учесть особенности коммуникативного процесса в рамках не только академической, но еще и бытовой, а также профессиональной деятельности будущих специалистов. Мы склонны определять каждую из этих деятельностей как отдельный *тип дискурса*, который объединяет как специфическое речевое, так и неречевое поведение в определенных социальных и пространственно-временных условиях. Таким образом, для нас обучение иностранному языку есть *обучение дискурсам* и само по себе представляет собой *особый тип дискурса*, а значит требует специфического подхода – ***дискурсного подхода*** (тж. дискурс-подхода).

Принципы дискурсного подхода. Принципы дискурс-подхода в преподавании иностранного языка были разработаны на основе каузально-генетической теории содержания знака [1, 2] и впервые были представлены на

IV международной конференции «Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам» (2010 г.) [3, 4, 5]. Эти принципы далее получили развитие в материалах коллективной монографии «*Дискурсный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения*» [6, 7, 8]. Они представляют собой, по сути, *законы эффективной коммуникации* и задают *основания для* ***организации дискурса обучения***. Вот эти принципы [7]:

1. *Принцип соблюдения баланса между контентными и контекстными составляющими учебного процесса*, который предлагает уделять равное внимание как содержательному аспекту обучения, так и собственно интеракции в процессе обучения.
2. *Принцип преемственности*, согласно которому уже актуализованные в обучении контент и контекст становятся неотъемлемыми элементами дальнейшего обучения.
3. *Принцип избыточности материала и эксклюзивности процесса обучения*, требующий обеспечения учебного процесса не только минимально достаточными, но и дополнительными, потенциально-значимыми материалами, с помощью которых каждый учащийся сможет реализовать свои потребности (вербализовать свое содержание с учетом специфики своего стиля).
4. *Принцип современности или социальной актуальности,* который акцентирует внимание на соответствии содержания обучения потребностям времени, общества, отдельно взятого учащегося.
5. *Принцип терминологической адекватности*, подчеркивающий целостность и системность используемого в процессе обучения аппарата.
6. *Принцип соучастия в (коммуникативной) деятельности,* предполагающий позитивное восприятие любого участия в обучении, основывающееся на понимании последнего как события, которое в равной степени формируют все его субъекты. Данный принцип также предполагает обязательную индивидуальную и коллективную рефлексию над реализацией поставленных личных и командных коммуникативных задач.
7. *Принцип равных возможностей обучающихся*, благодаря которому учебная группа формируется на основании сопоставимой заинтересованности, мотивированности студентов, а не на основании уровня их языковой компетенции.
8. *Принцип целостности*, который представляет обучение как систему – единство тематического содержания обучения с языковым, прагматическим, а также синтагматическим содержанием.

Перечисленные принципы сфокусированы на обучении иноязычному общению с учетом разных форматов, типов дискурсов и их жанров, а также с акцентом на их содержательные и контекстные характеристики. В соответствии с данными принципами обучение предстает как целостный процесс, в котором каждый участник выступает как равноправный партнер и действует в рамках принятой на себя роли. Обучаемые учатся видеть актуализуемые в дискурсе представления (миры) других участников, например, профессиональную картину мира и картину субъектного взаимодействия в этой профессии. Они не просто приобретают знания и умения в области иностранного языка, но учатся адекватно оце-

нивать ситуацию общения с учетом межкультурного взаимодействия. В фокусе внимания дискурсного подхода находится собственный опыт учащихся, которым в процессе обучения предписывается роль «штурманов» – они сами определяют целевые и мотивационные установки учебного процесса, принимая во внимание свои профессиональные и жизненные ориентиры и др.

Говоря об ***обучении различным типам дискурса***, мы обращаемся к тем же принципам дискурс-подхода, но уточняем их с учетом нового объема понятия «дискурс». *Дискурс* теперь понимается как *текст с учетом его формы и содержания, а также субъектной ситуации общения*, включающей адресанта, адресата и их взаимодействие, а значит актуализируемые этими участниками общения определенные роли. Дискурс трактуется нами шире в отличие от *текста*, поскольку текст для нас (устный или письменный) – это готовый продукт, обладающий, главным образом, формальными характеристиками и созданный в соответствии с лингвистическими особенностями (язык и структура). Помимо формальных черт дискурс обладает экстралингвистическими характеристиками, которые реализуются в его содержании посредством ряда дискурс-категорий (перечисление некоторых из них см. ниже). Обучение с акцентом на категории изучаемого дискурса позволяет студентам лучше осознавать и понимать как предмет коммуникации (предмет-ориентированное содержание изучаемого типа дискурса), так и саму ситуацию общения (субъект-ориентированное содержание). В том числе акцент делается на тех коммуникативных и социальных ролях, которые берут (или предположительно возьмут) на себя сами обучаемые в той или иной релевантной для них ситуации общения.

Вышеописанные принципы дискурсного подхода составляют его методологическую основу, раскрывая организацию учебной деятельности, роли участников в учебном процессе и ценность материала, используемого в образовательном процессе. Далее мы хотели бы рассмотреть принципы дискурсного подхода с точки зрения их методического преломления [9].

1. *Принцип коммуникативности* процесса обучения, согласно которому образовательный процесс организуется в естественных для общения ситуациях или максимально приближенных к ним. Поскольку единицей коммуникации выступает дискурс (типы дискурса), то специфика данного принципа заключается, прежде всего, в усвоении и приобретении знаний об особенностях содержания дискурса, а также в умении использовать имеющиеся знания и опыт обучаемых, что в дальнейшем будет способствовать эффективному общению на иностранном языке.

Как известно, общение возникает тогда, когда появляется *мотив*, желание что-то сообщить и получить ответную реакцию. Поэтому студентам создаются условия и задаются такие реальные ситуации, которые бы вызвали у них необходимость передать соответствующую информацию по тому или иному вопросу на иностранном языке или отреагировать на услышанное, прочитанное и др.

Принцип коммуникативности проявляется в *ситуативности*, которая предполагает, с одной стороны, работу с аутентичными, газетными материалами, а с другой – вовлекает обучаемых в реальные события, факты, явления общественной жизни и профессиональной тематики. Ситуативность реализуется и в том, что языковой материал усваивается не в отрыве, а на основе си-

туаций, то есть в контексте, демонстрирующем функционирование того или иного языкового явления в соответствующей речевой ситуации. Данные качества развиваются при решении речемыслительных задач, за счет постоянной необходимости создания нового коммуникативного продукта, а также путем изменения характера и количества опор для работы с материалом.

Важно подчеркнуть, что в рамках принципа коммуникативности акцент ставится на *проблемность* обучения, а это, в свою очередь, способствует развитию логического, критического, творческого мышления, активизирует речемыслительную деятельность обучаемых.

Учет *новизны* способствует поддержанию интереса у студентов. Это проявляется в постоянном использовании текстов (различного рода материалов), связанных с их интересами, желаниями, отношениями друг с другом, окружающим миром и т.д.

2. Следующим принципом выступает *принцип когнитивной направленности* процесса обучения. Когнитивность в обучении иностранным языкам связана с категориями *знания*, *мышление*, а также *процессами понимания*, которые задействованы в ходе приобщения обучаемых к изучаемому языку, к культуре носителей данного языка [10].

Для овладения умениями продуцирования устного и письменного сообщения на иностранном языке студентам необходимы соответствующие знания: о языковом материале, о ситуативных обстоятельствах, в которых реализуется общение, знания о типах и способах взаимодействия в рамках выбранного дискурса с учетом особенностей иного культурного сообщества, а также знания того, как следует выстраивать свое взаимодействие, принимая во внимание адресата и его характеристики и сами обстоятельства коммуникации.

Принцип когнитивной направленности проявляется также, с одной стороны, во взаимодействии обучаемых между собой и окружающим миром, а с другой – показывает, как этот процесс отражается в их сознании.

Согласно этому принципу овладение иноязычным общением предполагает постоянное решение речемыслительных задач, в ходе которых студенты развивают свои мыслительные и интеллектуальные способности, включаются в познавательную деятельность, опираются на свой уже накопленный опыт. Кроме того, студентам необходимо овладеть вербальными, учебными, а также исследовательскими стратегиями постижения другой лингвокультуры в сопоставлении с собственной, а это, в свою очередь, означает формирование у них навыков и умений использования рациональных приемов овладения иностранным языком [10].

3. *Принцип учета дискурс-категорий*. Современный подход к обучению иноязычному общению нацелен на овладение умениями продуцирования дискурса, обладающего определенными лингвистическими и экстралингвистическими особенностями, которые необходимо учитывать при его непосредственном порождении. Данные особенности актуализируются через категории дискурса (как уже было отмечено ранее). Именно содержательному компоненту текста, репрезентирующему предметно-тематический и субъектно-тематический планы, придается особое значение. Субъект-субъектные отношения, вписанные в текст, отражают специфику взаимодействия коммуникантов или картину их речевого поведения, в то время как субъект-предметное

содержание позволяет проанализировать смысловую информацию, отношение субъекта / субъектов к предмету освещения, описываемому событию. Для анализа плана содержания аутентичного текста, а затем и для продуцирования собственного, необходимо репрезентировать отдельные, наиболее значимые дискурс-категории (например, аудитория, самоидентификация, время, пространство, интертекстуальность, интерсобытийность и др.). На занятиях студенты вовлекаются в аналитико-синтетическую деятельность и учатся, таким образом, выстраивать коммуникацию эффективно, уже осознавая и понимая, как это правильно сделать.

4. *Принцип поэтапного обучения.* В обучении студентов созданию того или иного типа иноязычного дискурса определяются следующие этапы: *ознакомление*, *тренировка*, *применение* и *редактирование* (для письменной коммуникации). Каждый из них предполагает овладение определенными знаниями, навыками и умениями с учетом поставленной цели и с акцентом на анализ или репрезентацию дискурс-категорий в письменном или устном сообщении. На каждом из этапов преследуется своя методическая задача, решение которой в совокупности с другими позволит студентам приобрести ряд умений и научиться в конечном итоге выходить в коммуникацию на иностранном языке.

Кратко мы рассмотрели, как осуществляется обучение иностранному языку с использованием дискурс-подхода, а именно, на основе его принципов. Но для того, чтобы выйти в пространство иноязычной коммуникации и научиться общаться, у обучаемых должна быть сформировна ***дискурсная компетенция***, предполагающая наличие у студентов знаний о разных типах дискурса и правил их построения, умений интерпретировать их в соответствии с коммуникативной ситуацией и продуцировать эти дискурсы с учетом экстралингвистических особенностей ситуации общения, ролей участников коммуникации и способов взаимодействия коммуникантов в рамках единого кортежа. Дискурсная компетенция имеет свое содержание, которое включает соответствующие знания, навыки и умения (дискурсные умения). Иными словами, если у обучаемых дискурс-компетенция сформирована, значит, они способны в соответствии с собственной целью и складывающейся ситуацией актуализовать своим речевым и неречевым поведением такую ***дискурс-картину мира***, которую принимают все участники общения.

Не углубляясь в детальное описание собственно категории «дискурс-картина», сошлемся на уже прозвучавшие выступления, посвященные этой теме (см. материалы второго заседания настоящего *круглого стола*). Отметим лишь, что каузально-генетическая перспектива и ее категориальный аппарат нам ближе, нежели другие традиции, ибо здесь теория актуализованных в тексте (дискурсе) представлений о реальности – дискурс-картина – операционализована целым рядом функциональных примитивов, которые удобно использовать в рамках анализа различных типов дискурса, в том числе и методического.

Введение в репертуар методических категорий позиции «дискурс-картина» видится нам весьма перспективным. Сама идея витает в воздухе со времен усиления позиций психолингвистики. Именно это направление стало предтечей дискурс-подхода в методике преподавания. Здесь коммуникант (как адресант, так и адресат) получил статус субъекта, а не объекта, а значит,

стал полноправным архитектором общения и сообщения. Здесь представления и предпочтения адресата – его дискурс-картина – попали, наконец, в фокус внимания адресанта и исследователей коммуникации, в корне изменив подход к пониманию и конструированию профессиональных дискурсов. Что приносит категория «дискурс-картина» в методику преподавания? Полагаем, что многое. Важнее всего то, что благодаря введению категории «дискурс-картина» методика преподавания может актуализовать в учебных текстах функции информирования, обучения, воспитания и мотивирования. Приятное и эффективное обучение возможно только в комфортных условиях, а комфорт синонимичен знакомому, родному миру. Поэтому ориентация методической науки на картину мира обучаемого видится нам перспективной как для определения недостатков тех методик, подходов и техник, которые уже используются в преподавании (своеобразная работа над ошибками), так и для стратегического планирования новых.

Пример реализации дискурсного подхода в учебном пособии. Понятно, что в учебном пособии актуализуются всегда несколько дискурс-картин: а) картина мира как обыденная, так и профессиональная и др.; б) картина ролевого взаимодействия коммуникантов (кортежное содержание) как самих обучаемых друг с другом и с текстовыми материалами, так и преподавателя со студентами; в) мета-картина, соотносимая с картиной мира преподавателя, который осознал первые две на уровне методической целесообразности (это материал для направления «методика преподавания иностранных языков»).

Посмотрим на один из разделов учебного пособия «*Английский язык. Социальное общение*» (В 2 ч. Ч. 1 / Е.В. Макарова [и др.]; под общ. ред. Е.В. Макаровой, Е.В. Савич, И.Ф. Ухвановой. Минск: БГУ, 2012. 222 с.). Мы обратили внимание именно на это пособие, ибо, во-первых, по заявлению авторов, оно репрезентирует дискурс-подход в методике преподавания иностранного языка и, во-вторых, это пособие – лауреат конкурса «Искусство книги – 2013» (Диплом первой степени в номинации «Учебник нового поколения»). Таким образом, можно ожидать, что там мы увидим все, что репрезентирует данный подход, а значит, оно должно включать *не только темы* для обсуждения, но также вводить общающихся в реальные миры, полные реальных событий и реальных дискурсных групп. Реконструируя эти ожидаемые миры, мы выступим в качестве эксперта, устанавливающего (1) факт соотнесения и баланса между контентом и контекстом учебного пособия; (2) между индивидуальным и социальным; (3) референтным и интерактивным его наполнением; (4) между назначением (потенцией) учебного пособия и реализацией эффективной коммуникации.

Темой анализируемого нами раздела стала пропозиция «*Я – студент университета*». В качестве материалов выступают, во-первых, реальные тексты разных форматов и жанров, репрезентирующие мир университета: краткие нарративы студентов об их видении университета; студенческое расписание; объявления разного рода, которые студент может увидеть в университетских корпусах; учебные программы; словарные статьи, отражающие реалии университетской жизни; отрывки из научно-популярных статей, описывающие типы университетов, модели взаимодействия в университетской среде, типы научного мышления. В зависимости от воли, желания и деятельности обучаю-

щихся и преподавателя весь этот набор фактологической информации, как в калейдоскопе, складывает разные картинки университетской жизни. Получается, что студенты учатся фокусировать внимание на деталях, а также собирать разные детали в значимые события. В результате мир статический превращается в мир динамический и функциональный.

Данный материал дополняется грамматическим справочником, словарем и другими приложениями, содержащими информацию прикладного характера. То есть уже в структуре учебного пособия дана такая дискурс-картина, которая полна фактами и темами, отталкивающимися от них. Степень сложности и значимости (иерархичности) выбирают для себя сами общающиеся. Мир для них узнаваем, актуален и при этом не идентичен миру языковому (собственно грамматическим и лексическим реалиям). Выбор знаков обеспечивает вариативность актуализации того, что хотят актуализировать обучающиеся и педагог. Мир фактологии обеспечивает понимание того, что включается в коммуникацию. Мир вербализации обеспечивает актуализацию фактологии. Мир текстопорождения, в свою очередь, обеспечивает актуализацию субъектов общения, их значимости, а значит, их ролевого участия. Все вместе обеспечивает, как задумано, эффективное взаимодействие.

В рамках раздела «Я – студент университета» тематический мир университета задан через такие *подтемы,* как (а) структура высшего учебного заведения и иерархия представителей каждого из структурных подразделений; (б) ситуации взаимодействия, форматы взаимодействия субъектов академического дискурса; (в) умения, необходимые для взаимодействия в академической среде в целом и в каждой из ситуаций в отдельности; (г) сам обучающийся, его мнения, предпочтения, мотивы и опыт. Обучение иноязычному устному и письменному общению осуществляется с учетом особенностей ситуации, а именно коммуникантов, пространственно-временных характеристик и др. Студенты пробуют себя в таких *форматах коммуникации*, как круглый стол, презентация, пятиминутная речь и некоторые другие. Обучаемые, таким образом, уже не могут не включиться в атмосферу общения. Важно и то, что часть текстов, предлагаемых студентам для работы, – это диалоги их сверстников, мнения таких же студентов, что представляется интересным и включает студентов в полилог. Последнее повышает мотивацию в процессе изучения материала.

Мотивация повышается также и тем, что каждый текст работает на следующий за ним. Например, ознакомившись с типами мышления в метафорической презентации (идея смены разноцветных шляп при переходе от одного типа мышления к другому), студентам предлагается самим поэкспериментировать в выборе шляп, рассказывая о той или иной реалии университетской жизни, а также отгадать, в шляпе какого цвета те, кто общается с ним. Иначе говоря, обучение пониманию собеседника происходит с учетом не только собственно мыслительной, но и зрительной доминанты, что, с одной стороны, создает контекст игры, а с другой – ее воплощение в реальном общении. И это только одна из черт эффективной коммуникации, внедряемая авторами учебного пособия (*реализация баланса между референтным и интерактивным наполнением*).

Обучаемые знакомятся и с таким способом мышления, как научный. Хотя они и первокурсники, но им предлагается разобрать разницу между такими

ключевыми для академического дискурса категориями, как объект, предмет, метод, задача, цель и др., но на материале не исследовательском, а бытовом (решение реальной проблемы), а далее – учебном (отношение к содержанию курса). Таким образом, научный тип мышления (а в контексте учебного пособия он называется университетским) адаптируется на известном материале с тем, чтобы потом (когда студент начнет заниматься исследовательской работой) составляющие процесса мышления воспринимались как должное.

Большое внимание в пособии уделяется работе студентов и с такими содержательными аспектами работы с текстовым материалом, как ключевые слова, интерпретация информации, составление обзоров на основании текстового материала, передача содержания с учетом адресата и особенностей ситуации общения (*реализация баланса между контентом и контекстом учебного пособия*).

Достаточно внимания также фокусируется и на *контролируемой самостоятельной работе* студентов, которая реализуется посредством проектной деятельности как индивидуальной, так и парной, и групповой. Отличительной особенностью процесса обучения на основе предложенного студентам учебного материала является то, что акцент ставится, главным образом, на коммуникативную деятельность обучаемых.

В качестве фактологических для текстопорождения становятся различного рода карты – *словарная*, *семантическая, когнитивная*, – над которыми студенты работают сами, а значит, уже на этом этапе видят контенты и контексты, структуру темы и ее системную организацию. Им остается добавить только линию – выстроить нарратив с учетом адресата. Карты могут строиться как на основании одного текста, так и целой группы текстов (макропространства), а также на основании реалий, то есть идти не от вербального, а от фактологического. Все это и работает на эффективную коммуникацию: обеспечивает понимание того, «о чем говорить или писать», «о чем говорят или пишут другие», а значит, и того, как эффективно включиться в обмен фактами, отношением, точками зрения, то есть быть открытым дискуссии (*реализация баланса между индивидуальным и социальным*).

Преподаватель в контексте такого обучения – скорее, медиатор, его задача – организовать взаимодействие студентов между собой и с материалами учебного пособия. Традиционная же роль преподавателя принадлежит собственно учебнику – инструкции к упражнениям являются информативными. Текст заданий создает свой мир, который задает особую атмосферу взаимодействия студента с учебным материалом. Обучаемый – не только исполнитель, но и собеседник, участвующий в процессе осмысления сути задания, оценивающий его целесообразность и, соответственно, *самостоятельно решающий* выполнить его. Осознанность и самостоятельность присутствуют и на этапе выполнения заданий. Выстраивая коммуникацию с обучаемыми, пособие не просто сообщает им определенные знания, но дает возможность конструировать эти знания для себя, отталкиваясь от приводимых примеров, текстового материала, а также исходя из собственного опыта. Студентам не просто предлагаются тексты, которые содержат определенную информацию, а материал подается в таблицах, схемах, словарных статьях, на основе которых обучаемые самостоятельно продуцируют сообщения и таким образом совер-

шенствуют и развивают свои когнитивные, творческие и интеллектуальные способности (*реализация баланса между назначением (потенцией) учебного пособия и реализацией эффективной коммуникации*).

В заключении еще раз обратимся к вопросу о *дискурс-компетенции*. На примере модуля *«Я – студент университета»* учебного пособия «Английский язык. Социальное общение» мы стремились показать, как в дискурсном подходе к преподаванию иностранного языка реализуется развитие лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной и социальной компетенций, которые считаются составляющими одной суперкомпетенции – *коммуникативной* [10]. Развитие последней видится специалистами как последовательное «нанизывание» субкомпетенций на языковую с ориентацией, естественно, на общепринятое и формальное. Мы полагаем, что все перечисленные субкомпетенции являются элементами еще одной суперкомпетенции – *дискурсной*. Отличие ее от коммуникативной мы видим в одновременности развития всех шести субкомпетенций (в обусловленности развития одной из них степенью развитости остальных), а также в ориентации на потребности самого обучаемого и специфику ситуации общения, то есть на индивидуальное и содержательное. На формирование и совершенствование какой из супер-компетенций направлять обучение? Мы воздержимся от провозглашения единственно лучшей, полезной и правильной компетенции. Находясь в дискурсной парадигме, мы склонны определять эффективность и целесообразность обучения в зависимости от контекстных характеристик. Контекст высшего образования предполагает, как нам кажется (в силу нашего понимания сути высшего образования – обеспечить общество уникальными специалистами, способными не воспроизводить известное, но создавать новое), обязательную направленность процесса и содержания обучения на развитие дискурсной компетенции.

---

1. *Ухванова* И. Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философ. и социолог. мысль. № 3. Киев, 1993.
2. *Ухванова* И. Ф. Каузально-генетическая модель // Методологии исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: БГУ, 1998. С. 39–51.
3. *Ухванова И.Ф.* Принципы дискурсного подхода в преподавании иностранного языка: приглашение к дискуссии // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 окт. 2011 г. / редкол. : В.Г. Шадурский [и др.]. Минск: Изд. Центр БГУ, 2011. С. 103–104.
4. *Маркович А.А.* Расширение коммуникативной компетенции студента при реализации дискурсного подхода в преподавании иностранного языка // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 окт. 2011 г. / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2011. С. 99–100.
5. *Зинченко Я.Р.* Развитие дискурсной компетенции в рамках компетентностно-деятельностного подхода // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 окт. 2011 г. / редкол. : В.Г. Шадурский [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2011. С. 103–104.

6. *Бразаускене Е.М.* Методика преподавания иностранного языка: осмысление опыта // Дискурсный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения [Электронный ресурс] / редкол.: И.Ф. Ухванова (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2011. Режим доступа: www.elib.bsu.by, ограниченный.
7. *Ухванова И.*Ф. Лингвистика дискурса и принципы дискурсного подхода в преподавании иностранного языка // Дискурсный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения [Электронный ресурс] / редкол.: И.Ф. Ухванова (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2011. Режим доступа: www.elib.bsu.by, ограниченный.
8. *Савич Е.В.* Реализация принципов дискурсного подхода в учебных материалах (на примере одного из разделов пособия «Английский язык для студентов 1 курса гуманитарных факультетов») // Дискурсный подход в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе и его место в создании УМК нового поколения [Электронный ресурс] / редкол.: И.Ф. Ухванова (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2011. Режим доступа: www.elib.bsu.by, ограниченный.
9. *Лущинская О.В.* Дискурсный подход в обучении иноязычной письменной речи // Вест. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Е, Педагогические науки. 2004. № 8. С. 42–46.
10. *Гальскова Н.Д.* Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2006. 334 с.

Тамара Матвеева (Россия, Екатеринбург)

О ДИАЛОГИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УЧЕБНИКА

Методическая тенденция последнего времени заключается в том, что современный учебник нацелен не только на сообщение некоторого объема систематизированных знаний, но и на развитие коммуникативно-речевой компетенции обучаемого. Под коммуникативной компетенцией понимается владение языком, умение творить речь в соответствии с требованиями обстоятельств, культурным кодексом, замыслом автора и возможностями адресата. Применительно к учебной ситуации эффективность речевой деятельности проявляется в том, что обучаемый может свободно обсуждать представленную в учебнике теоретическую проблему, совершая необходимые для этого логико-лингвистические операции; вступать в диалогическое общение по тому или иному научному поводу, анализировать материал на основе принципов и методов учебника. Словом, компетентный адресат учебника в состоянии активно использовать предложенный объем научных сведений в своей учебно-научной речевой практике.

Важность такого подхода осознана уже давно, но реализовать его, вывести на рельсы речевых технологий стало возможно только в последние десятилетия, с развитием и активизацией ряда теоретических научных направлений.

Первым источником назовем риторику, науку, отслеживающую весь процесс преобразования мысли в текст. Разработка проблем адресованности тесно связана с античной риторической традицией: вспомним, что, по Аристотелю, адресат есть «конечная цель всего» [1, с. 14]). Диалогичность является всеобъемлющим свойством речи, и выражение взаимодействия коммуникантов находит выражение в любом типе текстов. Русистика располагает современными концепциями диалогичности, сложившимися под влиянием трудов

М.М. Бахтина. Отличается целостностью концепция диалогизации, построенная Л.Р. Дускаевой на основе анализа коммуникационной взаимосвязи журналиста с его аудиторией. Согласно этой концепции, диалогичность связана не только с экспликацией линии общения, но и со способами смыслового развертывания текста и наличием содержательно-логических моделей такого развертывания (диалогических циклов) [2]. Диалогичность варьируется в зависимости от экстралингвистической обусловленности текста и характера отношений коммуникантов.

Проблема диалогичности изучалась и на материале научной, в том числе учебно-научной речи. Так, Е.А. Жуланова, проанализировавшая действие категории диалогичности в ситуации обучения, выдвигает на особое место в плане диалогичности серию школьных учебников по русскому языку, подготовленных группой авторов под редакцией М.В. Панова [3]. Одним из следствий разработки данной проблемы является практическая задача диалогизации учебного текста. В настоящее время идея диалогизации захватывает и вузовский учебник. В ткань объяснительного текста свободно включаются приемы диалогизации (вопросно-ответные структуры, речь «от первого лица», побудительные конструкции и др.). Применяется объяснительная содержательно-логическая модель развертывания с характерными для нее приемами лексико-семантического перевода, образного иллюстрирования, применения аналогий и т.п. Используется также социально-ролевой подход, драматургизация объяснительного текста.

Активно внедряется в практику индуктивный композиционный ход обучающего монолога. Из постулатов риторики известно, что текстовая роль вступления относится к области воздействия. Важнейшая функция вступления состоит в том, чтобы привлечь внимание адресата, вызвать его интерес. Информационно сложный объяснительный текст можно начать не с его логического тезиса или изложения классификации, а с конкретного факта или яркого эпизода, с афоризма или парадокса. Прежде чем обратиться к раскрытию темы, автор учебного текста создает таким образом фон к цели высказывания, использует «зацепляющий крючок» (выражение А.Ф. Кони), привлекающий внимание адресата к проблеме. Данный композиционный прием широко используется в современном учебнике, школьном и даже вузовском: глава учебника начинается не аналитическим текстом, а иллюстрацией, образцом материала, на котором строится дальнейшее обсуждение проблемы или классификация единиц. Эмпирическое начало самостоятельного композиционного фрагмента заметно облегчает восприятие.

В целом, диалогичность учебников разного научного направления заметно усилилась, идея активизации адресата находит многочисленные конкретные проявления.

Второй источник коммуникативного компонента современного учебника – это теория коммуникации, интегративный коммуникативно-деятельностный подход к языку. Текст и дискурс, как отмечает Н.Д. Арутюнова, «максимальные объекты исследования» рассматриваются во взаимодействии с условиями коммуникации. Современная лингвопрагматика, опирающаяся на концепции риторики и стилистики, на теорию дискурса и функциональных стилей, направлена на выявление условий и моделей успешной коммуни-

кации. Данная направленность имеет прямое отношение к речевой компетенции адресата учебного текста. Коммуникативно-прагматический метод [4, с. 442] объединяет в себе приёмы и процедуры употребления языка, нацеленные на успешность коммуникации и регулирование коммуникативного поведения людей.

Названный метод целиком и полностью носит речедеятельностный характер и оперирует собственной парадигмой терминов: тип коммуникации, речевой акт, речевой жанр, коммуникативная установка, интенция, речевая стратегия, речевая тактика, речевой поступок и др. Определяющей чертой дискурса является процессуальность, а также социокультурная обусловленность. Понятие «коммуникативная компетенция» также принадлежит данной парадигме терминов. Дискурсивный подход применительно к ситуации обучения выдвигает на первое место операциональный план речевой деятельности, осмысленные в стратегическом и тактическом плане речевые поступки обучаемого.

Методика дискурсивного анализа только складывается, но даже имеющийся опыт позволяет сосредоточить внимание на интенциях и целях коммуникантов, а далее – на особенностях речевого поведения каждого из них. Именно эти положения теории дискурса актуальны для ситуации отсроченного общения автора учебника с его адресатом. Данные коммуникативные роли, будучи предварительно осмыслены в плане их речевой деятельности, могут быть представлены в речевых действиях, эксплицированных в объяснительном тексте учебника и запрашиваемых у адресата.

Современный учебник часто ставит своего адресата в проблемную ситуацию, предлагая целую серию вопросов и заданий, требуя от адресата научной рефлексии по поводу предлагаемого материала. Становится обычным наличие такого компонента учебника, как «Вопросы и задания для обсуждения». Типичными заданиями такого фрагмента являются следующие: *оцените …; ознакомьтесь и прокомментируйте …*; *как Вы думаете, почему…*?; *докажите, почему…; опираясь на научную литературу, найдите ответ на вопрос о …; какие аргументы можно привести в пользу того, что …?; согласны ли Вы с данным тезисом?; сформулируйте антитезис; обсудите следующие темы…; как Вы считаете, было бы лучше…?* и др. Установка автора при этом очевидна и правильна: рефлексия по поводу изучаемого – лучший способ усвоения и активизации знаний.

Диалогичность авторского объяснительного монологического текста и ориентация на спланированное продуцирование диалога адресата этого текста с автором дополнительны по отношению друг к другу. Вместе они образуют компонент диалогичности современного учебника.

---

1. *Аристотель.* Риторика. М., 2000.
2. *Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.
3. *Жуланова Е.А.* Диалогичность учебно-научного монолога в речевой ситуации школьного обучения. Екатеринбург, 2002.
4. *Комарова З.И*. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург, 2012.

Ирина Роляк (Польша, Кельце)

ДИСКУРС-ЗНАНИЕ И ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЯДО (РУССКИЙ ЯЗЫК ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ)

Сегодня можно говорить о том, что обучение иностранному языку становится все более *контекст-сфокусированным*. Давайте посмотрим на этот факт с позиции преподающего *русский язык делового общения* тем, для кого этот язык является неродным.

Коммуникация (общение в деловой сфере), прагматика (умение применить приобретенные знания на практике, зная, как это сделать) и культура (культурные особенности взаимодействия) – вот слагающие, определяющие основу фокусировки обучения на контекст. Прочитывание этих составляющих в аспекте их реализации в непосредственном взаимодействии (актуализация деятельностного подхода) отражает факт актуализации *коммуникативно-прагматического* направления в языкознании. Данное направление рассматривает достижение целого комплекса целей – внекоммуникативных (практических) и собственно коммуникативных (функциональных) – в процессе реализации текстовых, социальных, дискурсных практик, которые и репрезентируют социальную жизнь людей, способствуя их ориентации и реализации в социуме. И для достижения поставленных и рождающихся в общении целей, для ориентации в конкретных ситуациях общающимся необходимо владеть в совершенстве таким орудием, как язык [1]. Опыт такого общения (организуемый уже на уроке, то есть непосредственно уже в процессе учебы) формирует у учащихся компетенции – коммуникативную, прагматическую, культурную, дискурсивную, социолингвистическую, социальную и (в нашем случае это абсолютно необходимо) – предметную.

Согласно избранному нами подходу (коммуникативно-прагматическому) коммуникативная компетенция рассматривается здесь как ведущая, ключевая, но возможно рассматриваете ее и в качестве суммирующей, обобщающей, как бы вбирающей в себя все остальные компетенции. Понятно, что функциональность максимально актуализирована в таком подходе.

Сегодня, однако, вместе с активной разработкой лингвистической наукой дискурсного уровня реализации языка появляется и иная точка зрения, впрочем, не отрицающая данную, но значительно расширяющая ее. Так, в каузально-генетической перспективе (см. работы научной школы И.Ф. Ухвановой-Шмыговой) предлагается рассматривать ключевую (коммуникативную) компетенцию в обучении иноязычной профессионально-ориентированной коммуникации в *дихотомическом* ключе. Вторым элементом дихотомии начинает выступать дискурсная компетенция. «Не дискурсивная, образованная от термина “дискурсия”, то есть речевое воплощение дискурса, а дискурсная, то есть контекстно-определенная: предмет разговора проецируется не только на автора и не только на аудиторию, а на них как единство, целостность» [2]. Дискурсная компетенция – это знание и владение *ситуацией* общения, *предметом*, *кодами* общения, в том числе речеповеденческим, и это также «способность соотнесения этих видов знаний и выработка на их основе умений и навыков, то есть это – со-владение, со-знание, со-деятельность» [3].

В свою очередь Н.И. Формановская отмечает, что функциональный, прагматический и коммуникативный подходы к описанию языка тесно связаны друг с другом и дополняют друг друга каждый со своей специфической стороны. Она определяет также *прагматическое пространство языка* как зону, где «язык фиксирует многообразные отношения говорящего к действительности и пользующийся языком в процессе коммуникативной деятельности а) называет; б) указывает; в) выражает эти отношения, а адресат воспринимает и истолковывает эти смыслы» [4]. В нашей работе такое прагматическое пространство именуется *дискурсом*.

По нашему мнению, при обучении РЯДО следует перевести акцент с текстов (обучение текстовым практикам необходимо, но принципиально недостаточно) на дискурсы. Это позволит «открыть» тексты (рассмотреть их в качестве своего рода «трансформеров»), наполняя их новым контекст-обусловленным содержанием. Так они обретут подвижность, способность моделировать профессиональное (деловое) общение, а значит актуализировать экстралингвистическую составляющую общения – реальные ситуации и форматы общения, реальных участников общения в их взаимодействии. Особенно это относится к изучаемым и порождаемым диалогическим и полилогическим текстам, ибо дискурс – это прежде всего именно диалог. Латинское слово discursus означает разговор, беседу, хотя в настоящее время используется также для монологической речи [5]. При непосредственном разговоре друг с другом происходит взаимодействие его участников, их может быть два или более, здесь могут находиться также сторонние наблюдатели. Сказанное является важным с точки зрения психолингвистических процессов, проходящих в сознании лиц, принимающих участие в разговоре. Адресат в таком взаимодействии старается понять адресованное ему сообщение, в то же время подготавливаясь к роли отправителя информации, создавая собственное высказывание и производя целую гамму ментальных операций, связанных с передачей этой информации получателю. «Развитие навыков создания дискурса на иностранном языке обусловлено индивидуальным опытом учащегося в роли отправителя, создателя и исполнителя интенции в процессе языковой коммуникации» [6]. При взаимодействии говорящий неизбежно контролирует себя, соответствует ли его высказывание его интенции и форме.

Включая понятие «дискурс» в процесс обучения, важно осознать глубину смыслов, заложенных в нем исторически, но и учитывать те нюансы, которые актуализировала в этом термине современная лингвистическая наука. Так, дискурс рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата)» [7]. Дискурс в широком смысле слова является «сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» (Т. ван Дейк). Дискурс не ограничивается рамками текста или самого диалога. Анализ разговора с особой очевидностью подтверждает это: «говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [8]. Обратим внимание также на монографию Ю.Е. Прохорова «Действительность. Текст. Дискурс» [9], где проведен со-

поставительный анализ мнений разных авторов на специфику трактовки данного явления. Сопоставлению дефиниций дискурса в русской и польской специальной литературе уделяет внимание О.В. Лещак в своей монографии «Лингвосемиотика культуры. Функционально-прагматическая теория дискурса» [10]. Внимание этому вопросу уделяется и в первом выпуске настоящей серии [11].

В контексте нашего опыта преподавания РЯДО оптимальным оказалось определение дискурса Ю.Е. Прохорова, в котором дискурс выступает как *экстравертивная фигура коммуникации, то есть «совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности», в то время как текст – это «интровертивная фигура коммуникации», представляющая собой «совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности».* Кроме того, важна еще *материальная фигура коммуникации – действительность* [12]. Иными словами, реальная коммуникация содержит три нерасторжимые составляющие: материальную фигуру действительности, в сфере и на основании которой она осуществляется; текст, который обеспечивает ее содержательно-языковую основу и дискурс, который обеспечивает ее содержательно-речевую основу (собственно вербальную – и обычно с невербальным компонентом) взаимодействия участников коммуникации [12].

Похожего мнения придерживается Мария Даковска в монографии «Психолингвистические основы обучения иностранным языкам». Она пишет, что «текст является прежде всего языковым продуктом, в то время как дискурс имплицирует всю коммуникативную динамику умственных процессов отправителя информации...» [13]. Однако она не отождествляет дискурс с самой языковой коммуникацией. «Дискурс имплицирует контекст языковой коммуникации, но не является ее синонимом, так как имеет более узкий объем...; касается как устной, так и письменной коммуникации, диалогической и монологической. Его можно определить как связный текст, ситуационно обусловленный. В отличие от текста как совокупности предложений в данном языке, дискурс структурно интегрирован с целой коммуникативной ситуацией, даже если он анализируется изолированно» [14].

Для дидактики иностранных языков важным является то, что *дискурс* есть функционально-прагматическая разновидность языковой деятельности, то есть вариант языковой деятельности, специфицированный социально-психологическими, деятельностными, стилистическими, тематическими или пространственно-временными факторами [15].

Одновременно с обязательными умениями, связанными с обучением языку (лингвистическая и социолингвистическая компетенции), все большее внимание обращается в современной дидактике на *прагматическую компетенцию*, о которой мы уже упоминали выше и которую можно определить как компетенцию правильного употребления языковых единиц с целью достижения определенной цели не только в данной конкретной и единичной коммуникативной ситуации, но и в системе данного типа деятельности, в определенной сфере опыта в целом. Это важно, так как каждое высказывание кроме семантического наполнения, имеет также прагматическое, необходимое для правильной интерпретации как конкретной ситуации, так и деятельности целиком, для

достижения как тактических, так и стратегических целей. И в связи с этим авторы «Общеевропейских компетенций владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» говорят прежде всего о *дискурсном* и *функциональном* компонентах. *Дискурсный* – понимается здесь как умение правильно порождать, составлять или проводить дискурс независимо от его формы, то есть умение применять стратегии взаимодействия, высказываться, развивать тему, и т.д., учитывая логическое и грамматическое единство высказывания. Второй компонент – *функциональный* – связан с использованием устных и письменных форм дискурса в коммуникации, проводимой с определенной целью. Функциональный успех в коммуникации определяется двумя качественными факторами: *беглость и связность*, то есть умение начать и продолжить высказывание, умение выйти из трудной ситуации, а также *точность* высказывания, то есть умение так формулировать свои мысли, чтобы их значение было ясным и выразительным [16].

Когда мы с кем-либо общаемся (находимся в процессе коммуникации), мы всегда руководствуемся определенными мотивами, реализуем определенную задачу; при этом выбор языковых форм всецело зависит от задач, которые мы выполняем. Поэтому можно сказать, что способ речемышления и речепорождения мы модифицируем в зависимости от того, что мы осуществляем при помощи языка, зачем мы вступаем в коммуникацию (задачи и цели), а также какова тема этой коммуникации. При этом возникают разные типы дискурсов, поэтому, овладевая русским языком делового общения, учащиеся должны уметь различать их жанры, типичные черты каждого из них, работать с терминологией, устойчивыми конструкциями, аннотировать, реферировать и создавать собственный дискурс; на материале дискурса работать с грамматическими, синтаксическими, стилистическими формами высказываний, обусловленных данным типом дискурса.

Разрабатываемые в настоящее время программные документы, учебники, планы и т.п. часто предлагают учащимся материалы обучения, ориентированные на выполнение разнообразных задач. Остается открытым вопрос: каких именно задач и на какой вид деятельности они выводят обучающихся. Наш опыт работы говорит о том, что вместо ориентации занятия на грамматический материал (который иногда предстает как самый важный в дискурсе преподавателя, и, что труднее преодолеть, – в структуре учебника), результативнее оказывается метод, ориентированный на выполнение задач, актуализирующих не отдельный аспект языка, а язык в реальной деятельности, не общие ситуации общения, а специфические ситуации, характеризующие действия обыденной жизни (в нашем случае – в сфере делового общения).

И теперь посмотрим на предмет нашего разговора поближе, наполнив его примерами из обучения польских учащихся русскоязычному дискурсу делового общения в рамках тематического блока *Основные типы бюджетов* [17]. Учебник разбит на тематические блоки, а они – на виды речевой деятельности, которые между собой взаимосвязаны. Лексико-грамматические задания и задания по переводу помогают студентам быстрее включаться в реальную коммуникацию по теме. Общение отталкивается от текстовой информации, ибо наши обучаемые чаще всего являются студентами филологического профиля, а значит, их надо ввести в тему. При этом мы считаем важным для формирования опыта коммуникаций в данном типе дискурса дать образцы разных жан-

ров: информационных, аналитических, обзорных. Предлагаются также пресс-релизы, рекламные статьи, интервью, а также жанры выступлений, совещаний. Вводимые в учебный процесс тексты достаточно большие по объему (до трех страниц, от 250 до 550 слов). К текстам студенты обращаются не один раз – они предназначены для всех видов чтения, используются также для перевода, но главное – они задают старт устному общению. Работа с текстами важна и с точки зрения познания терминологического, разговорного и социокультурного планов общения, которые работают синтезировано, ибо помогают совместить термины, речевые образцы и ситуации общения как единое знание, что в дальнейшем формирует опыт общения как целостность.

Тематический блок в контексте нашего учебника – это особая *дискурс-картина реальности*, под которой мы (вслед за последователями каузально-генетического подхода [18]) понимаем предметно-событийный (референтный) ряд, с учетом его мыслительной структуры и вербализации, и особую *дискурс-картину интеракции* с учетом ее индивидуального и типового проявлений, а также вписывания в форматы делового общения и реализации жанровой палитры. Иначе говоря, тематический блок выступает как функционально целостное, но структурно вариативное явление.

Понятно, что дискурс-картина делового общения разворачивается, а значит, информируется у учащихся постепенно: после основного текста, предтекстовых и послетекстовых заданий, а также заданий по лексике и грамматике (функциональный подход) следуют задания по говорению, включающие в себя, как правило, три вида высказываний: *монологические, диалогические* и *полилогические.* Здесь используются усвоенные ранее пассивная лексика и речевые образцы. В качестве монологических видов речевой деятельности добавляются выступление, доклад, презентация, а диалогических – интервью, собеседование, переговоры, встречи; полилогических – совещания, заседания, круглые столы (продукции таких жанров делового общения всегда предшествует предварительное прочтение их образцов). Пользуясь прочитанным, учащиеся порождают монологические, диалогические или полилогические дискурсы, конструируя не только жанры, но и форматы интервью или совещания, высказывают свои точки зрения, соглашаются или не соглашаются с собеседниками, спорят, аргументируют свои позиции, опираясь на авторитетные мнения или на прочитанное раньше. Следует заметить, что каждый раз, в зависимости от социальных ролей, от учащихся, от поставленной перед ними задачи эти дискурсы варьируются, каждый из них неповторим и в своем роде исключителен.

Для лучшего овладения видами речевой коммуникации и составлением дискурсов разных жанров нами предлагается так называемая деловая игра, в которой «общая цель профессионального общения реализуется через различные образцы диалогической и монологической речи. Участники игры в каждой конкретной ситуации должны советоваться друг с другом, возражать, доказывать свою точку зрения, выслушивать собеседника и стараться его понять» [19]. Здесь необходима быстрая речевая реакция собеседника; возможен переход от диалогической речи к монологической и наоборот. Деловая игра, как показывают наши наблюдения, активизирует учащихся, заставляет их мыслить, мотивирует к работе, вызывает у них дух соперничества и одновременно учит работать в группах. Именно игра помогает выработать умение составления дискурсов разных жанров.

Посмотрим, как происходит общение на примере. Учащимся предлагается, пользуясь словарем, прочитать (про себя) доклад финансового директора фармацевтической компании по производству лекарственных препаратов на тему годового финансового отчета. Выступление директора проводится на собрании акционеров, на котором должен быть утвержден годовой отчет о деятельности компании. В этом выступлении заключены все основные риторические фигуры, необходимые для публичной речи, а также все необходимые данные, которые представляются в финансовом отчете (учет дискурсного (прагматического), языкового и предметного факторов обучения РЯДО). На его основании, а также на основании предыдущих заданий и текста они планируют, а потом и реализуют со своими собеседниками по группе полилог-совещание в офисе компании, где надо обсудить и принять бюджет, внести изменения в финансовый план на следующий финансовый год с целью, например, сокращения издержек, погашения кредита, подписания новой кредитной линии на выгодных условиях. Учащиеся планируют и реализуют: финансового директора компании, топ-менеджеров и экспертов компании. На планирование такого полилога дается 20 мин. Таким образом, жанр публичного выступления с докладом преобразуется в жанр делового совещания, в котором учащиеся должны не просто механически использовать пройденную лексику и языковые конструкции, а придумать название и профиль компании (каждая группа придумывает свой). В зависимости от ситуации планируется бюджет и планы, связанные с сокращением издержек в какой-либо области, или, наоборот, расширения производства и т.д. Учащиеся актуализируют необходимые интенции и способы их выражения (согласие/несогласие, аргументацию, возражение, информирование и т.д.). Они должны хорошо представлять следующее: *что* и *кому* говорить, какова *цель* каждого из говорящих, и *как* аргументировать свои предложения или возражения.

Следует добавить, что *составление устного делового дискурса* на этом продвинутом уровне владения языком подразумевает логическое изложение проблемы, аргументацию, оспаривание или поддержание чьего-либо мнения, умение сделать логические выводы. Задание, на наш взгляд, облегчается тем, что учащимися хорошо осознаются коммуникативные задачи, поставленные до и после прочтения образцовых монологов, диалогов и полилогов, которые варьируются, но для учащихся все же важно, чтобы были продемонстрированы богатый запас слов по проблематике, логичность изложения, и в то же время по возможности беглость высказывания, и, конечно, необходимо продемонстрировать правильное наполнение ролевого взаимодействия с учетом иерархии ролей, их репрезентации, а значит, выбору из заранее активизированных речевых образцов соответствующего типа дискурса. (Так, при переговорах, по всей вероятности, разговор будет проходить «на равных», но в совещании разговор будет по принципу «начальник-подчиненные» и т.д.) Без овладения статусно-ролевыми и жанрово-ролевыми стереотипами общения, в которых языковые единицы достаточно прочно увязаны с типическими ситуациями, взаимодействие языковых личностей было бы затруднено» [20].

Особенно ярко сказанное прослеживается в деловой речи, так как она высоко стандартизирована и содержит большое количество устойчивых речевых единиц, клише, которые обладают определенной степенью повторяемости, а

также здесь всегда присутствует набор определенных интенций делового общения. Как пишет Е.Ю. Прохоров, «определенная реализация этого принципа (учета социокультурных стереотипов речевого общения в процессе обучения в лингвострановедческом плане – то есть их соотнесение с такими параметрами организации учебного материала, как интенции диалогического общения и их стандартные реализации) может содержаться и в учебных пособиях, построенных на диалогах различного типа, прежде всего ситуативных диалогах-стереотипах, которые характеризуются устойчивым, повторяющимся с высокой степенью вероятности набором речевых единиц... Определенная стереотипия присуща и тематическим диалогам, что также обусловлено соблюдением правил и традиций, действующих в соответствующем языковом коллективе» [21]. Здесь уместным кажется упомянуть о рассматриваемых С. Хватовым «типовых моделях речевого поведения в рамках деловой коммуникации», освоение которых позволяет «говорить о филологической коммуникативной компетенции широкого спектра, включающей в себя и “деловую составляющую”, что обеспечивает в большой степени успех в коммуникации межкультурной» [22].

В процессе обучения мы не раз наблюдали, что каждый учащийся (каждая группа) создает свой дискурс, отличающийся от других, и это также плюс игрового обучения. Кроме того, задачи и игры также могут изменяться преподавателем, могут также осуществляться переходы проблемного рассмотрения какой-либо задачи с устной речи в письменную и наоборот. При этом надо учитывать цель делового общения (прагматику); форму общения (язык, коммуникацию) и обстоятельства общения (культуру, в том числе деловую).

Очень важным видом речевой деятельности в языке делового общения на продвинутом уровне является *письмо*. Задания по письму даются нами обычно после чтения и говорения, когда основная лексика и устойчивые конструкции по этой теме уже пройдены. Здесь также проводится работа по написанию образцов разного типа письменных дискурсов по заданному плану с учетом правил составления таких дискурсов и их языкового оформления. Так, по названной нами теме учащимся предлагается составить свой бюджет, пользуясь всеми пройденными материалами, в том числе, составленным ими полилогом. Конечно, до выполнения этого задания они знакомятся с образцами такого рода документов.

Задания по переводу хотя и вырабатывают умение воссоздания (а не создания) текста на другом языке, но также являются, на наш взгляд, частью творческого процесса, так как перевод может, во-первых, содержать варианты, а, во-вторых, часто при переводе необходимо владеть также культурной и социокультурной компетенцией, чтобы правильно воспринять переводимый текст и адекватно перевести его на другой (родной или иностранный) язык. Сказанное относітся как к письменному, так и к устному переводу.

И последний вид речевой деятельности, реализуемый нами на занятиях – *аудирование*. Мы не случайно даем задания по аудированию как завершающие каждую тему. По нашему мнению, это наиболее трудный вид рецептивной деятельности, даже на данном уровне владения языком. И весь пройденный до этого материал и вся проделанная работа по развитию иных видов речевой деятельности является как бы предтекстовой для работы по аудированию, направленной на облегчение аудитивных трудностей. Задача понимания про-

слушиваемых текстов осложняется тем, что они довольно обширны (250–350 слов) и имеют профессиональный характер. Аудиотексты включают в себя монологи (сообщения по радио, пресс-релизы и т.д.); диалоги (интервью, переговоры, собеседования); полилоги (переговоры, совещания, круглые столы). Как отмечает Л.П. Ткаченко, «к важнейшим параметрам, которые следует учитывать при отборе аудиотекстов, относится их информативность, определяющаяся количеством и качеством содержащейся в тексте информации» [23]. Тексты, предлагаемые для аудирования, содержат как знакомую, так и незнакомую учащимся лексику, которая, однако не должна затруднять общее понимание текста. Темп речи – разный в зависимости от говорящего. Учащиеся должны уметь отличить правдивую информацию от лживой; заполнить пропуски в печатном варианте аудиотекста; выбрать верное утверждение из числа предложенных и т.д.

Конечно, все рассмотренные нами выше виды речевой деятельности не изучаются студентами в отрыве друг от друга; они тесно взаимосвязаны и взаимодействуют друг другом. Целесообразным является их комплексное развитие в процессе обучения. Упражнения же должны быть построены таким образом, чтобы создавать для учащегося проблемную ситуацию, а проблема должна ставиться так, чтобы в результате ее решения достигалась автоматизация или закрепление требуемого умения или навыка [24].

Таким образом, *дискурс* и *дискурс-компетенции* являются ключевыми в обучении бизнес-языку. В своем учебном пособии мы старались это учитывать и хотелось бы отметить, что наши студенты охотно решают заданные им проблемы, оказываясь в разных ситуациях делового общения. При этом мы постоянно учитываем три основных, по нашему мнению, фактора обучения РЯДО: прагматический, языковой и культурный, без которых невозможен ни один полноценный дискурс. В этом, как мы видим, состоит специфика деятельностного когнитивно-коммуникативного (дискурсного) подхода к обучению русскому языку делового общения.

---

1. *Формановская Н.И*. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002. С. 5.
2. *Ухванова-Шмыгова И.Ф*. От понимания текста к пониманию мира и как использовать новое знание в педагогическом процессе // Język a edukacja. Kształcenie językowe (red. J. Nocoń i B.Skowronek). Opole, 2012. С. 29–42, С. 37–38.
3. *Ухванова-Шмыгова И.Ф*. От понимания текста к пониманию мира и как использовать новое знание в педагогическом процессе // там же. С. 38.
4. *Формановская Н.И*. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002. С. 6.
5. *Dakowska M.* Psycholingwistyczne podstawy dydaktyki języków obcych. Warszawa, 2001. С. 165.
6. *Dakowska M*. Psycholingwistyczne podstawy dydaktyki języków obcych. Warszawa, 2001. С. 166.
7. *Караулов Ю.Н.*, *Петров В.В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 8.
8. *Ван Дейк Т.А*. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 121–122.
9. *Прохоров Ю.Е*. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004.

10. *Leszczak O.* Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń, 2010.
11. La Table Ronde «Дискурс в академическом пространстве». Вып. 1. Минск: Изд. центр БГУ, 2010. 146 с.
12. *Прохоров Ю.Е*. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. С. 34.
13. *Dakowska M*. Psycholingwistyczne podstawy dydaktyki języków obcych. Warszawa, 2001. С. 81.
14. *Dakowska M*. Psycholingwistyczne podstawy dydaktyki języków obcych. Warszawa, 2001. С. 82.
15. *Лещак О.* Теория дискурса – теории дискурса – теории дискурсов: к вопросу о возможности создания частных лингвистических теорий // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2007. № 110. Т. 1. С. 319–322.
16. *Zając J*. Komunikacja-Dyskurs-Zadanie. Nowe akcenty w glottodydaktyce // Nauczanie dwujęzyczne w Polsce i w Europie (red. Z. Dzięgielewskiej). Варшава. 2007. С. 25–33. С. 28. http://www.bc.ore.edu.pl/Content/35/Dwujezyczne_polska.pdf [Дата доступа: 04.09.2011].
17. *Роляк И., Железик А*. Менеджмент и коммуникации. Русский язык бизнеса. Продвинутый уровень // Wydawnictwo UJK (Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach). Kielce, 2012.
18. Всемирная энциклопедия. Философия. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2001.
19. *Гойхман О.Я., Надеина Т.М*. Речевая коммуникация: учебник. М.: Инфра-М., 2005. С. 222.
20. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2004. С. 187.
21. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: УРСС, 2003. С. 178.
22. *Хватов С.А.* Формирование моделей речевого поведения студентов-филологов в рамках деловой коммуникации //Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. (II Międzynarodowa Konferencja Naukowa Warszawa 6-9 maja 2004). Варшава, 2004. С. 405–412, С. 412.
23. *Ткаченко Л.П.* Обучение аудированию // Методика / под ред. А.А. Леонтьева. М.: Рус. яз., 1988. С. 102–114.
24. *Леонтьев А.А*. Язык, речь, речевая деятельность. М.: УРСС, 2005. С. 158.

Алена Попова (Беларусь, Минск)

ДИСКУРС-КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВА DESIGN THINKING, ИЛИ МОЖНО ЛИ НАУЧИТЬ ДУМАТЬ

В практическом освоении исследовательских инструментов, рожденных в рамках каузально-генетического подхода, сформулированного и построенного для изучения содержания макротекстов (тж. дискурсов), удается создавать обучающие комплексы, отличительными чертами которых стали *синтетичность* (интердисциплинарность), *функциональная целостность* (гармоничная полнота), *логичная последовательность решения задач* (алгоритм) и *привлекательность* (прагматическая, мотивирующая востребованность, неофилия), столь актуальная для работы с современной студенческой аудиторией.

Полагаем, что названные выше черты должны быть присущи образовательным учебным программам, целью которых является среди прочего *формирование* любой из существующих дискурс-компетенций, как по отдельности, так и в комплексе. Можно говорить, что объем и качество развитых таким об-

разом дискурс-компетенций удовлетворяют как требованиям и ожиданиям преподавателя, так и реальным (ощутимым) результатам, к которым приходит студент, вырастающий в процессе из студента-школьника в студента-studioso. Бесспорный личностный стимул, активный профессиональный тренинг и исследовательский оптимизм получает и преподаватель, у которого кроме прочего появляется достаточная и разносторонняя база данных для написания публикаций, докладов и т.п.

Концепция дискурс-компетенции, популярная в русскоязычном гуманитарном академическом пространстве, близка феномену *design thinking* (дизайнерское мышление), широко представленному в англоязычных университетском и деловом сообществах. Design thinking (далее DT) приветствуется и требуется для обеспечения эффективности в том числе процесса коммуникации в деловом мире, как на микро-уровне (внутрикорпоративное общение), так и на макро-уровне (общение с целевой аудиторией продуктов и сервисов), активно внедряется в учебные материалы специальностей, связанных с инновациями, современными технологиями, формированием позитивной коммуникативной среды (речь идет о воспитании успешной коммуникации внутри компаний, разработке эффективной пиар-политики, результативном общении с потребителем любого уровня, например, промежуточным, конечным. Феноменология DT раскрыта в работах Питера Роуи (Peter Rowe, 1987), Роджера Мартина (Roger Martin, 2007) и Рэнди Суэра (Randy Swearer, 2011) и т.д. Концепция DT активно продвигалась Стивом Джобсом в его бытность первым лицом в корпорации Apple. Джобс внес серьезный вклад в наполнение DT конкретным содержанием и формулированием его ценностных установок. DT – интеллектуальный процесс. Он требует комплексного (синтетичного, интердисциплинарного) мировосприятия, разностороннего образовательного базиса, интеллектуальной гибкости и открытости.

Формирование дискурс-компетенций и развитие DT явились целевой установкой одного их обучающих комплексов, о которых мы написали в начале данной статьи. Авторский курс «Содержание и значение/смысл: слова и послания/идеи», разработанный и предложенный студентам старших курсов Института журналистики и факультета философии и социальных наук Белорусского госуниверситета (г. Минск, Беларусь), имеет две языковые версии – русскую и английскую («Content and Meaning: words and messages»), что делает курс пластичным с точки зрения включения в различные учебные программы благодаря, в том числе, возможности корректировать учебные материалы курса в соответствии со спецификой аудитории, ее профессиональной ориентацией.

Задачи преподавателя в рамках курса:

1) сформировать группу активных коммуникантов, объединенных общими темой, целью, задачами;
2) корректно оценить и реализовать потенциал каждого из коммуникантов, научив их мыслить образно, каузально, конструктивно;
3) дать возможность коммуникантам осознать и пройти индивидуальный и совместный путь (пусть и в первом приближении) исследователя, оратора, участника дискуссии и/или дебатов, конструктора текстового (письменного) пространства;
4) избавить студентов от (возможного) дискомфорта работы с макротекстами.

Задачи студента в рамках курса:

1) принять правила командного со-творчества (курс предполагает деление группы на подгруппы – команды – для выполнения частных заданий, то есть группа знает общую задачу, общую тему и общий результат, но в процессе реализации курса т.н. домашние задания (внеаудиторная работа) являются частными задачами, результаты выполнения которых постепенно вплетаются в общую коммуникативную палитру);

2) проявить творческую инициативу и самодисциплину, осознавая, что физический результат курса – серия авторских текстов на английском или русском языке (каждый от 1500 до 3500 знаков с пробелами), описывающих/ рассказывающих/ аннотирующих/ продвигающих определенное коммуникативное событие, представленное объемным *кейсом*-макротекстом (напр., видео публичной лекции или один выпуск печатного издания или один интернет-ресурс и т.п.) в начале курса – результатом коллективного труда;

3) активно коммуницировать, примерять разные коммуникативные роли, осваивать коммуникативный технический инструментарий (напр. навыки публичного говорения, форматы и стили письменной речи и т.п.).

Очевидно, что несмотря на базовую идентичность содержания курса в части «Виды аудиторной деятельности», а также «Внеаудиторная самостоятельная работа»[1], имеется возможность делать его подвижным в выборе коммуникативных стратегий, моделей дискурсов и целевых установок как промежуточных, так и общих.

Макротекст (дискурс) становится отправной точкой курса. Студенты знакомятся и пошагово осваивают три способа работы: *описание*, *реконструкцию* и *моделирование*. Все три так или иначе связаны с антиномией «анализ-синтез», поэтому в процессе курса тренируется осознание (даже, в определенном смысле, *тактильность*) механизмов того, как работает рефлексия разной степени глубины, что дает возможность формулировать выводы широкого уровня значимости (сиюминутные, глубокие, многоуровневые, парадоксальные), а также развивать нишевые исследовательские проекты, целевой установкой которых может стать решение рожденной в рамках курса процедурной задачи.

Что подразумевает под собой способ *описания*? Анализ (расщепление), поиск исходных языковых, речевых и дискурсных единиц. Описание – это также видение системных и структурных образований. Здесь важно научиться различать структуру и композицию, собирать базы данных, выделять и формулировать дискурс-категории, строить сводные таблицы, описывать их, порождая таким образом пусть *школярский,* но тем не менее научный текст, с использованием терминологии, вводимой и осваиваемой в процессе обучения. Содержанием этого научного текста является как процедура проведенного анализа, так и выводы, а сам текст создается естественным образом по законам синтеза. Иначе говоря, осуществляется динамическое равновесие между анализом и синтезом. Созданный таким образом текст нередко становится основной для написания студентами собственных дебютных тезисов и статей для участия в научных и научно-практических дискуссионных форматах (конференциях, круглых столах, семинарах).

[1] Всего в курсе три структурные части: «Тематический комплекс», «Виды аудиторной деятельности», «Внеаудиторная самостоятельная работа».

Что есть *реконструкция* в контексте урока? Всесторонняя (про)(об)работка результатов анализа собранной базы данных в сводные таблицы, выявление внешних и внутренних (микро- и макро) дискурс-категорий, выявление логических связей между смысловыми единствами дискурса, выявление гносеологических, аксеологических (прагматических), синтагматических и парадигматических основ дискурса, определение и верификация ролевых (ас)симметрий, определение форматных и жанрово-стилистических особенностей дискурса, построение дискурс-картины мира и дискурс-картины кортежного взаимодействия изучаемого макротекста.

Что происходит в процессе *моделирования*? Данный способ работы нередко становится наиболее трудоемким (здесь, собственно, и начинают проявляться (или нет…) важные для DT черты – творческое мышление, артикуляционное мышление, понимание законов и механизмов конструирования). Моделирование рассматривается нами как иная степень рефлексии отношения между анализом и синтезом. При моделировании ставится вопрос о механизмах порождения текста, наиболее активным и значимым на данном этапе становится *творческий* компонент рефлексии. При этом в багаже студента-исследователя уже есть систематизированный набор выводов, полученных после этапа *описания* и *реконструкции.* В данной связи, полагаем, любопытно вспомнить, что, скажем, итогом моделирующей деятельности человека в применении к языку и речи являются многочисленные примеры нормирования текстов. В древности на принципах моделирования основывались грамматики. Яркий пример – древнеиндийская грамматика Панини, которая одним своим появлением создала литературный санскрит. (Грамматика Панини – редчайший случай действующей модели порождения текста, и судя по ее описаниям [1, 2], она нормирует текст для заранее *заданного смысла*, онтологизируя гносеологическую модель порождения текста).

В нашем случае мы в некоторой степени проходим сквозь процедуру нормирования *макротекста*. Способ моделирования познается студенческой аудиторией в том числе благодаря включению в курс ряда теоретических посылок моделирования. Программа курса предлагает примеры моделирования универсальных грамматик, и в первую очередь – философских (Р. Декарт, Г. Лейбниц), которые в принципе предполагали создание новых языков [3]. И так как в нашем случае мы тоже *плетем сеть для порождения нового макротекста*, выходя на другой уровень смыслопорождения, то можно сказать, что происходит своеобразная упаковка значений (посланий) в целостное информационное поле, рожденное (каузируемое) существующим (отработанным) дискурсным единством, и в процессе многоуровневой рефлексии обретающим новые черты, с явными системными, структурными и идеологическими кластерами, которые в свою очередь могут быть описаны и реконструируемы.

Полагаем, что выстроенный таким образом обучающий курс оправдывает всеобщую увлеченность модной (однако весьма трудоемкой в силу большого объема подготовительной работы со стороны преподавателя) темой формирования и развития *ДК*, находит мощную теоретическую и практическую поддержку в лице «евангелистов» DT, является еще одним верифицирующим механизмом эффективной работы каузально-генетической модели содержания, а

также и (вероятно) прежде всего становится обоюдно полезным (как для студента, так и его/ее наставника) времяпрепровождением в стенах современного университета.

1. История лингвистических учений. Средний Восток. Л., 1981, 302 с.
2. *Шишкина Л.С.* Описание, Моделирование, Реконструкция. СПб., 1994.
3. *Амирова Т.А., Ольховников Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки истории лингвистики. М.: 1975, 560 с.;

Мария Соловьева (Беларусь, Минск)

НЕОСОКРАТОВСКИЕ ДИАЛОГИ И ДИСКУРС-ПЕРСПЕКТИВА: СЛАВЯНСКИЙ ОПЫТ

Неосократовские диалоги в традиции немецких ученых Л. Нельсона и Г. Хекмана представляют собой особый вид дискурса.

С одной стороны, это философский дискурс, поскольку цель таких диалогов – найти истинный ответ на вопрос общефилософского или этического характера при групповом обсуждении конкретной жизненной ситуации, постепенно продвигаясь от области конкретного к сфере абстрактного. При этом неосократовские диалоги необязательно проводятся только среди профессиональных философов. Более того, основной предпосылкой осуществления такой беседы является постулат о том, что любой человек, обладающий достаточной языковой компетенцией, в состоянии исследовать онтологическую, эпистемологическую или этическую философскую проблему, а также решить математическую задачу. Можно было бы назвать такой диалог «наивным», то есть непрофессиональным, философским анализом, поэтому некоторые теоретики неосократовской беседы считают, что она не является собственно философским дискурсом (Х. Гронке).

С другой стороны, неосократовская беседа – это специфическая практика диалогической коммуникации, обладающая своими правилами, закономерностями и исследуемая как в области философии (Х. Гронке, Д. Крон, У. Зиберт, Г. Раупах-Штрей, А.Л. Игнатович и др.), так и в областях теории дискурса К.О. Апеля–Ю. Хабермаса (Х. Гронке, Г. Раупах-Штрей, М.А. Соловьева и др.) и анализа дискурса (М.А. Соловьева).

Особенность неосократовской беседы заключается в том, что в отличие от древнегреческой сократовской беседы, она проводится в группе, направляемой руководителем. При этом руководитель следит, в первую очередь, за динамикой работы, но не имеет права вмешиваться в ее содержательную часть. Таким образом, смысловой план коммуникации, развитие идей, выдвигаемых участниками, практически полностью зависят от последних. Конечно же, руководитель делает некоторую проекцию в отношении направления беседы, ее конечного результата и может поинтересоваться у группы, не желает ли она рассмотреть некоторые из своих мыслей, оставленных, допустим, без внимания. Но в целом поиск ответа на поставленный вопрос лежит на плечах участников коммуникации и зависит от состава группы.

Очевидно то, что такой подход может вызывать сомнение касательно результатов беседы, ведь ее участники не обязательно являются профессиональ-

но подготовленными к сложному гуманитарному дискурсу. Решение для избегания волюнтаризма в ответе на сущностные философские проблемы усматривалось Л. Нельсоном и Г. Хекманом в понятии *консенсуса*. Помимо этого Г. Хекманом были сформулированы так называемые «6 педагогических мер», представляющие собой правила неосократовской беседы: 1) невмешательство руководителя в область содержания; 2) обращение к конкретно пережитому жизненному опыту как исходной точке процесса абстрагирования; 3) нацеленность на взаимопонимание; 4) сфокусированность на текущем вопросе и умение придерживаться «красной нити» в обсуждении; 5) стремление к консенсусу; 6) стратегическое направление руководителем беседы в продуктивное русло.

Неосократовский диалог состоит из нескольких этапов, каждый из которых соотносится с определенным типом дискурса. На стадии выбора примера для анализа это дискурс реальной субъект-субъектной коммуникации, направленный на четкое и правдивое восстановление обстоятельств пережитого опыта. Отличие от бытовой беседы заключается здесь в том, что в неосократовском диалоге могут использоваться только прямые речевые акты, где вопрос формулируется как вопрос, сомнение как сомнение, предположение как предположение и т.п.

Следующий этап обсуждения предполагает фиксацию примера в виде текста, который совместно формулируется участниками. Текст записывается на больших листах бумаги, которые размещаются фронтально и должны быть доступны в любой момент дискусии, чтобы собеседники всегда могли обратиться к изложенному для апелляции к установленным фактам или в поиске основы для формирования новых, фактически подтвержденных высказываний. В этом случае мы имеем дело с дискурсом текста, однако, опять-таки в отличие от иных нарративных дискурсов, записываемый пример, воспроизводящий исследуемую ситуацию, должен быть максимально прозрачным с языковой точки зрения и абсолютно правдивым.

На этапе записывывания примера участники сталкиваются с первыми случаями поиска консенсуса, без которого невозможно дальнейшее продвижение в обсуждении. Коммуникация на данном этапе, как и на предыдущем, требует от собеседников определенных поведенческих навыков. Предполагается, что участники коммуникации должны стремиться к взаимопониманию через внимательное, уважительное отношение к своим собственным и чужим мыслям и высказываниям, то есть за счет доверия своему собственному разуму и разуму собеседников. Коммуниканты должны проявлять это доверие не только в модусе мышления, но и в речевом поведении. Таким образом, неосократовская беседа является как дискурсивной, так и социальной практикой.

Дальнейшее обсуждение записанного примера, ориентированное на определение мотивов поведения главного действующего лица, выведение закономерностей и определение общих понятий, составляющих основу обсуждаемого случая, как в поведенческом, так и в философском плане, постепенно выводит участников в область метадискурса. На данной стадии осуществляется постепенный переход от конкретного к абстрактному, когда исследуются и формулируются концептуальные основы ответа на исходный вопрос. Таким образом, данный этап беседы постулируется как понятийный дискурс, где анализируются и конкретизируются абстрактные понятия, используемые в

обсуждении исследуемого примера и релевантные для исходного вопроса. Опыт проведения диалогов показывает, что данная задача является вполне выполнимой, а ее результат достойным внимания, несмотря на то, что анализ философской проблематики осуществляется не профессиональными философами. В этом отношении неосократовская беседа, пожалуй, воплощает идеалы античной сократовской беседы, но при этом благодаря методике, разработанной Л. Нельсоном и Г. Хекманом, первая превосходит, как представляется, вторую, поскольку неосократовская беседа лишена директивности метода Сократа и является *эгалитарным диалогом*.

Следующий этап неосократовской беседы – это непосредственно ответ на поставленный вопрос. Справедливости ради следует отметить, что группа не всегда успевает окончательно сформулировать полноценный ответ. Это может быть вызвано ограничениями во времени, а также отсутствием консенсуса на финальном этапе обсуждения. В данном случае задача руководителя и участников – обеспечить максимальную ясность и четкость контраргументов, доходчиво изложить их оппонентам, чтобы те смогли либо принять данную точку зрения, либо выдвинуть соответствующий контраргумент с полным пониманием логики мышления несогласных с ними участников. В подобных ситуациях недопустим компромисс, а отсутствие ложного, «вынужденного» консенсуса предпочтительнее, если имеются участники, считающие, что формулируемое языковое высказывание не соответствует истине, и могут это аргументировать. В отличие от дебатов, дискуссий, научных споров и других видов диалогической коммуникации, неосократовский диалог предполагает полную искренность, открытость и честность со стороны участников. Здесь не должно быть никаких скрытых мотивов, тем более таких, как желание блистать на общем фоне, демонстрировать фоновые знания и т.п. Главная задача неосократовской беседы – это поиск истинного ответа на поставленный вопрос. При этом диалог считается наиболее успешным, если в результате обсуждения группа, сформулировав ответ по исходной проблематике, выводит на его основе новый вопрос.

Вышеизложенное показывает, что *неосократовская беседа как особая дискурсивная практика требует от коммуникантов мыслительной, речевой и поведенческой самодисциплины*. Конечно же, такая задача является достаточно сложной, потому что при всем стремлении устранить некоторые психологические и прагматические дискурсивные факторы (гендерные, субординационные, культурные и т.п.), характерные для межличностной коммуникации и нежелательные при предметном исследовании философских или научных проблем, неосократовская беседа не может их полностью исключить. Для того, чтобы участники могли максимально сконцентрироваться на поиске истинного ответа на вопрос и освободиться от лишнего, в неосократовских диалогах предполагается наличие метабеседы. Это этап саморефлексии, метадискурса.

Во время метабеседы участники диалога обсуждают и оценивают динамику работы группы, поведение руководителя, исполнение правил, собственное эмоциональное состояние и общий эмоциональный фон. Данный этап предполагает достаточно большую откровенность коммуникантов и их готовность столкнуться с критикой собственного поведения в группе. Иногда метабеседа вскрывает проблемы, которые не воспринимались бы как таковые при

ином виде коммуникации, но которые интерпретируются собеседниками как тормозящие в процессе поиска истины. Как правило, это психологические, прагматические факторы коммуникации, которые в ином случае рассматриваются как неотъемлемые закономерности дискурса. Следует признать, что метабеседа редко бывает конфликтной и, как правило, проходит весьма продуктивно, поскольку участники очень заинтересованы в поиске ответа на вопрос и видят свою цель в оптимизации данного процесса. Вследствие этого группа может решить, что вообще не нуждается в метабеседе и обращается только к одному из ее элементов, а именно – содержательной проекции для последующего этапа предметного обсуждения.

Вышеизложенное позволяет заключить, что неосократовская беседа представляет собой особый вид дискурса. Она имеет несколько дискурсных планов: дискурс непосредственной субъект-субъектной коммуникации, текстовый дискурс, понятийный дискурс и метадискурс. Неосократовская беседа, будучи в основном практикуемой как «наивный» философский анализ, используется в профессиональном философском, научном (математическом и гуманитарном) дискурсах, а также исследуется в их рамках. Неосократовские диалоги применяются в преподавании, в педагогике детей и взрослых, в бизнес-консультировании, в решении этических общественных задач. Представляется, что неосократовская беседа как метод обладает большим потенциалом для разрешения проблем научного дискурса и может быть исследована в рамках лингвистики дискурса.

В *славянском гуманитарном пространстве* неосократовская беседа активно практикуется и исследуется с конца 90-х годов XX века. Свое распространение как метод неосократовская беседа получила благодаря деятельности Немецкого общества сократовской философии (GSP – Gesellschaft für Sokratisches Philosophieren) и Британского общества критической философии (SFCP – Society for the Furtherance of Critical Philosophy). В Беларуси в период с 1998 по 2008 годы проводились образовательные проекты, посвященные неосократовской беседе, в которых были задействованы крупнейшие университеты страны (БГУ, МГЛУ, БГПУ им. М. Танка), общественные организации (Дом дружбы), преподаватели, школьники, студенты, магистранты, аспиранты, докторанты и общественные деятели. В данный момент неосократовская беседа применяется в Беларуси в педагогике взрослых и как метод преподавания, а также исследуется в научном философском и лингвистическом дискурсе (работы А.Л. Игнатович, Д.Г. Клечко, М.А. Соловьевой).

В Чехии неосократовский метод внедрен в образовательный процесс высшей школы: он изучается и практикуется на семинарах по гуманитарным предметам благодаря деятельности Л. Винклеровой.

Неосократовская беседа также активно используется в педагогическом процессе в болгарских школах и университетах. Неосократовский метод исследуется в Болгарии в рамках философии (Э. Иванова, М. Иванов-Георгиев, А. Карагеоргиева), философии языка (А. Карагеоргиева), педагогики детей и взрослых (Э. Иванова, А. Карагеоргиева).

Надежда Евчик (Беларусь, Минск)

ВИЗУАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КОММУНИКАЦИИ КАК КОРТЕЖ-АКТУАЛИЗИРОВАННАЯ МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

Ежегодно во всем мире, в том числе и в Беларуси, судя по данным ООН, наблюдается быстрое увеличение численности инвалидов, среди которых большой процент составляют дети с потерей слуха [1]. В исследовании О. Бенцтена, опубликованном в 1990 году в Познани, указывалось, что на рубеже веков число неслышащих детей на земном шаре составит 60 миллионов [2]. Хочется верить, что сегодня, когда третье тысячелетие уже наступило, грустные прогнозы не оправдались. Но нет оснований надеяться, что эта цифра не оказалась еще большей.

Потеря слуха связана с *серьезным нарушением обычной коммуникации*, что ведет к возникновению социальных барьеров, ввиду которых неслышащие лишаются возможности реализовать наравне с другими гражданами свои способности, а также права, закрепленные законами. Проблема социальной адекватности неслышащих, формирования их интеллектуального потенциала и интеграции в общество признана в настоящее время актуальной, требующей безотлагательного, научно обоснованного решения. Об этом говорилось на XXI Международном конгрессе Ассоциации логопедов и фониатров в Праге [3], а два года спустя – на II тематическом Международном конгрессе «Интеллектуальное здоровье и глухота» в Брюсселе [4], в работе которого приняли участие представители разных областей знаний.

Совершенно очевидно, что данная проблема выходит за рамки логопедии и фониатрии. Она предстает как *комплексная междисциплинарная задача*, решение которой требует объединения усилий не только фониатров и логопедов, но также социологов, психологов, сурдопедагогов, физиологов и, конечно, лингвистов. Лингвистика дискурса, сделавшая объектом своего изучения также и интерактивную составляющую коммуникативного процесса, сфокусировала внимание на том, что эффективная коммуникация требует понимания предмета общения, а значит, адекватного включения субъектов коммуникации в процесс общения. Подчеркнем, что адекватность включает, наряду с другими составляющими, и такой компонент, как доверие в общении. И поэтому в контексте обучения детей с потерей слуха интерактивная составляющая коммуникации требует особого внимания.

На фоне общей озабоченности специалистов многих областей знаний наиболее существенно затронутыми потерей слуха у ребенка являются его *родители.* Они переживают поистине сложнейшую психологическую драму со множеством перемен в соответствии с развитием событий, характером, темпераментом их ребенка и т.д. У специалистов, исследовавших *психологическое состояние родителей*, узнавших о глухоте своего ребенка, нет единой точки зрения на периодизацию процесса их психологической адаптации к этой неизлечимой болезни. Одни считают, что *развитие реагирования родителей подразделяется на три этапа*. ***Первый этап***, который характеризуется как *шок*, связан с выявлением недостатка слуха у ребенка. Сознание того, что их ребенок никогда не будет слышать, естественно, вызывает у родителей, подавленное состояние. Большинству из них такой недостаток незнаком. Сталкиваясь в

жизни с глухими людьми крайне редко, они не представляют себе до конца своей проблемы и сложности. Поэтому до момента окончательного подтверждения диагноза родители верят, что операция, специализированная помощь, либо какая–либо иная медицинская технология устранят выявленный недостаток. Так оно и есть. В большинстве случаев специальное обучение в сочетании со слуховым протезом представляют собой единственную надежду облегчить, но не устранить ситуацию.

После первых попыток решить проблему родители вступают во ***второй этап*** – период *оптимизма*, в котором они надеются найти выход из положения, стремятся более целенаправленно заниматься обучением глухого ребенка. Они находят и изучают специальную литературу по вопросу глухоты с целью дать максимум возможностей своему ребенку. Учитывая, что описание устных методик встречается наиболее часто, родители, скорее всего, получат от специалистов разных учреждений утвердительный ответ на вопрос о том, будет ли ребенок понимать и говорить на языке, считывая слова с губ. Такого рода эмоциональная поддержка, хотя зачастую она преувеличена, приводит отца и мать глухого ребенка к снижению значимости работы над устранением недостатка с первых лет жизни. Данный избыток оптимизма вначале является поддержкой, но впоследствии становится источником ***третьего этапа*** развития событий – *глубокого разочарования родителей*. После массы прочитанной литературы, большого количества собственных попыток действовать родители оказываются лицом к лицу с реальностью, абсолютно отличающейся от той, какой они ее себе представляли. Действительно поверив в то, что ребенок избавится от своего недуга, родители сталкиваются с проблемами, о которых им никто не говорил. Они начинают отдавать себе отчет в том, насколько редки случаи, когда неслышащие малыши могут понимать и быть понятыми без каких-либо затруднений.

Существует также другая, *более детализированная точка зрения*, утверждающая, что родители должны пережить пять фаз процесса принятия инвалидности ребенка, начиная с момента, когда у него подтверждается диагноз глухоты (Kubler-Ross, 1983) [5, с. 414].

Первая фаза – *период шока и отрицания действительности* переживается, как правило, в момент завершения диагностической работы специалистов. Состояния ярости и критики по отношению к психологу сильно проявляются во время первых сеансов психотерапии.

Вторая фаза – *период обдумывания* – не является столь характерной, как первая фаза. Длительность ее протекания порой выявить трудно. В это время родители стараются во всей тяжести нахлынувших событий найти хоть что-то хорошее и успокоительное. Судя по проведенному анализу, матери, как правило, ведут себя более реалистично, чем отцы. Специалисты объясняют это тем, что матери проводят с ребенком больше времени и поэтому, с учетом наблюдаемых у него трудностей в речевой коммуникации, их амбиции меньше как в плане его обучения, так и в плане перспективы места в обществе. Выявлено, что способ противостояния столь сложной ситуации связан больше с уровнем образования родителей, чем с их личностными качествами. Родители со средним образованием быстро дают себе отчет в том, какие возможности и какие ограничения принесет их ребенку выявленная глухота. Родители с высшим образованием тяжело реагируют на выявленную реальность, так как ясно по-

нимают, что их ребенок не сможет соответствовать ожиданиям, которые они на него возлагали. Родители без образования влияние глухоты на будущее их ребенка осознают с трудом.

Третья фаза, внешне самая спокойная, – *период депрессии*, которая проявляется в желании поделиться переживаниями, поведать себе и другим о чувстве вины перед ребенком, безнадежности, униженности, обсудить вопрос «почему именно я?», описать свое чувство стеснения общаться с ребенком на людях и ранимость, испытываемую при выражении сочувствия со стороны окружающих. Согласно Е. Кюблер-Росс, последняя, ***четвертая фаза*** развития событий – это *период принятия проблемы*. Однако по наблюдениям чешских исследователей, следует выделить еще одну важную фазу, так называемый *период поиска потерянного смысла жизни* [5]. В своей научно-психологической основе он содержит идею о том, что осознание человеком смысла жизни в целом является важным стимулом, который тем более необходим в моменты тяжелых потерь, требующих пересмотра жизненных ценностей.

Родители детей с нарушениями слуха, переживая описанные периоды, стремятся друг к другу, объединяясь в группы. По мнению специалистов-психологов, задача состоит в том, чтобы переключить их внимание с самих себя на конструктивное взаимодействие со своими детьми и выполнение по отношению к ним своих родительских функций. В *родительские функции* входит очень многое из того, что могут и должны сделать только родители, стремясь к достижению конечной идеи развития своего ребенка – социально интегрировать его, сделать как можно более адекватным и самостоятельным членом общества. Интеграция включает множество сторон деятельности ребенка с учетом его связи с окружающим обществом: необходимо научить ребенка ухаживать за собой, привить ему правила хорошего тона, подготовить ребенка к школе, включить его в различные виды деятельности с другими детьми и взрослыми (совместное питание, посещение кружков по интересам, игра на воздухе и на переменах, занятия спортом и участие в художественной самодеятельности). Даже такой общий перечень деятельности ребенка показывает, что реализовать все эти потребности невозможно, если не развивать с ним коммуникацию.

Встает *проблема* выбора: ***какому средству коммуникации отдать предпочтение?*** Оставить ребенка навсегда лишенным мира звуков человеческой речи или дать ему общепринятое устное слово на родном, материнском языке? Как в первом, так и во втором случае для слышащих родителей неизбежны психологические проблемы. *В первом случае* они возникают, потому что родители не владеют ни языком жестов, ни жестовой речью. Научные исследования свидетельствуют о том, что владение языком жестов для удовлетворения своих коммуникативных потребностей может быть достигнуто только глухими в *третьем поколении*. Изучение этих средств коммуникации даже с момента обнаружения глухоты не дает надежды на хорошее развитие навыка. Как показывают исследования, подавляющее большинство слышащих родителей получают сильнейшую психологическую травму от одной мысли о том, что их ребенок будет бессловесным существом и не сможет понимать, обращенную к нему речь. *Во втором случае* психологизм проблемы родителей связан с отсутствием знаний о том, ***как развивать устную коммуникацию***. Традиционные методы, используемые в нашей стране и основанные на обходных путях обучения, требуют специальных профессиональных знаний для проведения

работы по развитию речи. Данные методы не рассчитаны на участие родителей в этом процессе.

А проблема состоит именно в этом. Ведь по своей социальной сути родители – это неотъемлемый коммуникативный кортеж своего ребенка, кортеж, который существует в определенных временных рамках и всякий раз предполагает преходящий ситуативно ограниченный тип содержания [6,7], благодаря чему и составляет основу развития коммуникативной компетенции.

Известно, что представления об устной речи у неслышащих основываются на чтении с губ и на остаточном слухе, в зависимости от степени его сохранности. Известно также и то, что чтение с губ является далеко не совершенным ввиду множества артикуляторных дублирований. Как показали наши исследования, дети с глубокой потерей слуха «читают с губ» только 10,9 % слов, что практически равняется тому, что идентифицируют только на слух слабослышащие – 8,3 %. Эффективность чтения с губ, соединенного вместе со слуховым восприятием, возрастает у слабослышащих до 45,6 % и достигает различительной меры, необходимой для понимания речи – 91 % – только наполовину. Ввиду этого, чтение с губ, особенно на этапе обучения – это чрезвычайно сложное и утомительное упражнение, на которое нельзя рассчитывать в качественном изучении языка. Кроме того, как известно, видимая артикуляция говорящих часто бывает недостаточно отчетливой, что также затрудняет возможность правильно дифференцировать воспринимаемую речь.

Среди средств, используемых в развитии устной речевой коммуникации с неслышащими, обращает на себя внимание *визуально-фонетическая система коммуникации*. Так называется технология обучения русскому и белорусскому языкам, или кратко – *В-Ф система* [8, 9, 10]. Применительно к польскому языку ее название иное – *фоножесты* [11, 12]. Названия разные, хотя содержание и конструктивная идея в обоих случаях одна и та же. Так получилось, что разработаны они были исследователями совместно с ее автором О. Корнетт [13] как версии применительно к разным языкам на основании единого подхода, заложенного им в Cued Speech. Для ясности изложения далее мы будем использовать только термин *Cued Speech.*

Исследования *В-Ф системы*, проведенные бельгийскими учеными применительно к французскому языку как родному [14], показали зависимость результатов, достигаемых в лингвистическом и когнитивном развитии детей с максимальной потерей слуха, от следующих факторов: от *места* использования системы (семья/школа/семья и школа), от *степени потери слуха* ребенка и от *возраста*, в котором начато ее применение.

Согласно полученным результатам, на фоне специфически направленного на учебный процесс общения в классных условиях положительно выделяются дети, *семейное окружение которых использует В-Ф систему в ежедневном натуральном общении*. Такие дети получают д в о й н о е п р е и м у щ е с т в о. С одной стороны, благодаря постоянному вербальному обмену для них создается когерентная речевая среда и достигается то «купание» в языке, на важность которого для раннего лингвистического развития ребенка и создания «чувства языка» указывали многие исследователи (А. Валлон, Ж.И. Шиф). С другой стороны, в семье речь чаще всего используется в непосредственных ситуациях общения, что делает ее направленной на интересы ребенка и приносит большой опыт в развитии ее диалогической формы. По сравнению с семей-

ным, устное общение в школе ограничено во времени и в своей индивидуальной направленности. Этим и следует объяснять значительные, но все же меньшие успехи детей, речь которых развивается только в школе. Наш опыт использования визуально-фонетической системы на родном языке в дошкольной спецгруппе, где большинство детей находится круглосуточно, также показал существенный сдвиг в развитии их речи в тех случаях, когда семейное окружение применяет систему в бытовых ситуациях общения. Эффект получается чувствительным даже после нескольких воскресных пребываний ребенка в семье.

Обсуждая второй фактор, следует учитывать данные об отрицательной корреляции результативности обычного чтения с губ со степенью потери слуха: чем больше потеря слуха у ребенка, тем менее успешно выполняет он чтение с губ. В этом плане выявлено, что *В-Ф система* восполняет перцептивный дефицит неслышащих дифференцированно. По данным зарубежных исследователей, в условиях использования *В-Ф системы* результаты чтения с губ положительно коррелируют со степенью дефицита слуха, то есть чем больше его потеря, тем больше пользы извлекает неслышащий из добавления мануальных ключей к устной речи. Этот результат также подтверждается нашими исследованиями. В одном из тестов, направленном на изучение эффективности только *В-Ф системы*, благодаря отсутствию голоса экспериментатора для испытуемых создавались перцептивные условия, имитирующие те, в которых находятся лица с полной потерей слуха. При обработке материалов этого теста обращает на себя внимание то, что испытуемые, имеющие наибольшие потери слуха (IV степень тугоухости), распознают речь экспериментатора на 100 %. Данный результат говорит о том, что и в учебно-коммуникативных ситуациях, предшествующих эксперименту, из мануальных ключей они извлекают больше информации, чем из звуков, издаваемых говорящим в соответствии с доступной взгляду артикуляцией.

От влияния факторов «место использования» и «степень потери слуха» следует четко отличать воздействие возрастных данных ребенка на результаты, достигаемые им через применение *В-Ф системы*. Лингвистические и когнитивные успехи глухих детей, приобщенных к визуально-фонетической системе в раннем возрасте, значительнее, чем у тех, с которыми ее использование начато позже.

Не располагая данными, которые можно было бы сравнивать на фоне разного возраста, но одинакового срока обучения, можем, однако, подчеркнуть *серьезный прогресс, который наблюдается у детей старшего возраста при введении им В-Ф системы коммуникации*. В отличие от младших, внятные речевые реакции которых приходится «ждать» довольно долго, что в общем соответствует нормальному развитию событий, дети старшего дошкольного возраста с IV степенью тугоухости благодарно отзываются практически сразу мгновенным результатом улучшения внятности речи. Осознав ясность речи для восприятия, они настаивают на развитии словаря через *В-Ф систему*, хорошо дифференцируют ее с дактильной речью и свободно используют обе системы для прямого и обратного перевода.

Проиллюстрируем на примерах эффективность когнитивного развития языковой личности детей с нарушением слуха. Проведем сравнение результатов, достигаемых при применении технологии *В-Ф системы коммуникации* и традиционных методов. При этом обратим внимание на то, что дети в двух

сравниваемых группах были равными по степени потери слуха (II-IV степень тугоухости) и практически равными по другим показателям. По биологическому возрасту основная группа была младше (пять лет и 8 месяцев – семь лет и восемь месяцев) контрольной (семь лет и два месяца – семь лет и восемь месяцев), по возрасту приобщения к устной речи контрольная группа также имела преимущество, находясь на этапе третьего–четвертого года обучения устной речи против второго–третьего года обучения детей в основной группе.

Данный пример отражает количественно-качественные характеристики перцептивно-артикуляционных действий детей при обсуждении изученной по программе теме «Времена года». Обратимся к таблице 1.

Таблица 1

Сравнительные данные по соотношению речи педагога и слоговых перцептивно-артикуляционных действий детей с нарушениями слуха в спонтанных тематических диалогах

Основная группа (В-Ф система)			**Контрольная группа (традиционные методы)**		
количество слогов		количество ошибок, %	количество слогов		количество ошибок, %
педагог	дети		педагог	дети	
2064[1] 230	1340 149	5,3	6670 741	1210 133	32

Как видно из таблицы, у детей обеих групп получено практически одинаковое количество слогов: 1340 – у основной, 1210 – у контрольной. Однако экспериментальные данные значительно различаются по количественно-слоговому составу речи педагогов. Так, если в основной группе для обсуждения темы с ребенком педагогу понадобилось реализовать 2064 слогов, то в контрольной – в 3,2 раза больше: 6670 слогов. С учетом этого, в контрольной группе речь педагога доминирует над речью ученика в 5,6 раза, тогда как в основной группе это соотношение более уравновешено, составляя разницу в 1,5 раза.

Столь существенные различия происходят по двум причинам. С одной стороны, оттого, что в основной группе дети, не испытывая затруднений в понимании вопросов, отвечают на них сразу, тогда как в контрольной группе для достижения понимания педагогу необходимо прибегать к многочисленным и обширным объяснениям. С другой стороны, речь школьников в основной группе является развернутой, тогда как в контрольной группе ответы носят преимущественно однословный характер. Однако самые существенные различия между группами обнаружены по количеству перцептивно-артикуляционных ошибок в слоговых комплексах. Так, если в основной группе они составляют 5,3 % относительно общего количества слогов, то в контрольной их число больше в 5,7 раза (32 %).

В качестве второго примера, еще более детально демонстрирующего уровень развития речи, достигаемый с помощью *В-Ф системы коммуникации*, рассмотрим разновидности ответов, полученные в спонтанном тематическом диалоге (*таблица 2*). Наглядно различие между испытуемыми основной и контрольной групп обнаруживается по суммарным результатам. У основной груп-

[1] Числитель – суммарное значение слогов в экспериментальном материале, знаменатель – среднее значение по данному признаку на одного человека.

пы правильные ответы составляют 92,7 %, а у контрольной группы – 44,1 %, что в 2,1 раза меньше. Неправильных ответов – наоборот, у испытуемых контрольной группы в 7,7 раза больше (55,9 %), чем у основной (7,3%). Это позволяет оценить перцептивные данные основной группы как соответствующие высокой степени адекватности, а данные контрольной группы – средней степени.

Классификация ответов по 11 разновидностям показывает, что у испытуемых основной группы наиболее употребляемой формой ответа является развернутая фраза (40,8 %), второе место занимают однословные ответы с частеречным наполнением (24,7 %), на третьем месте по распространенности находятся общие ответы «да» или «нет» (11,5 %), на четвертом – ответы с перечислением однородных членов (7,9 %). Данные четыре разновидности покрывают практически все ответы (84,9 %), относящиеся к группе правильных.

Таблица 2

Количественная характеристика адекватности восприятия речи дошкольниками с нарушениями слуха по их ответам в спонтанном тематическом диалоге

Разновидности ответов	**Распределение ответов, %**				**Различие между основной и контрольной группами**	
	основная группа (В-Ф система)		**контрольная группа (традиционные методы)**			
	правильные	неправильные	правильные	неправильные	правильные	неправильные
общий: «да» или «нет»	11,5	0,1	3,4	0	+3,4*	+ ∞
однословный	24,7	0	26,4	14,7	-1,1	- ∞
перечисление однородных членов	7,9	0	1,6	0,2	+5	- ∞
развернутая фраза	40,8	0	3,1	2,8	+13,2	- ∞
повторение готового ответа	0	3,5	0	6,3	--	-1,8
переспрос по существу	2,9	0	7,8	0	-2,9	--
переспрос общий	4,9	0	1,8	0	+ 2,7	--
незавершенная фраза	0	1,4	0	0	--	+ ∞
повторение одного слова из вопроса	0	0	0	6,4	--	- ∞
ответ: «не знаю»	0	0	0	2,2	--	- ∞
молчание	0	2,3	0	23,3	--	-10,1
Σ	92,7	7,3	44,1	55,9	+2,1	-7,7

* Знак плюс (+) указывает на превышение значений основной группы над контрольной, знак минус (-) – контрольной группы над основной.

Совершенно очевидно, что свободное речевое общение детей, развивающихся с помощью *В-Ф системы коммуникации*, является обнадеживающим не только для педагогов, но и для родителей. Напомним, что в нашем случае мы имеем дело с детьми, в развитии речи которых родители принимали минимальное участие, частично подключившись только после того, как дети стали делать явные успехи в развитии речи и сами проявили инициативу по обучению своих родителей *В-Ф системе коммуникации*. Таким образом, наш опыт демонстрирует, как, используя *В-Ф систему* только в школьных условиях, можно развить у ребенка с нарушением слуха высоких коммуникативных показателей.

Опыт кодирования речи с помощью *В-Ф системы*, включающей родителей в коммуникативную ситуацию обучающего общения, показывает, что *данный способ коммуникации отвечает трем важным требованиям*: 1) он прост и экономичен как в изучении, так и в использовании; 2) исключительно точно дополняет фонетическую информацию, передаваемую через видимую артикуляцию речевой цепи; 3) требует минимального количества времени для освоения: 14–18 часов.

Многолетние наблюдения за развитием детей и проведенные исследования развития их речи и мышления и наш исследовательский опыт позволяют сделать следующие выводы:

1. *В-Ф система коммуникации* предоставляет надежный лингвистический путь для снятия психологической проблемы, возникающей у родителей в связи с необходимостью участвовать в интеграции детей с нарушениями слуха в окружающее общество слышащих. Используя *В-Ф систему коммуникации* в повседневной жизни, родители могут свободно разговаривать со своим ребенком на все нужные им темы, спонтанно возникающие в естественных ситуациях общения. Только так, сняв лингвистическим путем все психологические барьеры, они смогут оказать влияние на формирование качеств ребенка, необходимых для социализации его как языковой личности.

2. Есть все основания полагать, что с учетом использования *В-Ф системы коммуникации* вышеописанная периодизация психологического кризиса родителей, обнаруживших нарушение слуха у своего ребенка, может выглядеть совсем иначе.

В первой классификации психологический кризис может увенчаться фазой *оптимизма*, не достигнув периода *глубокого разочарования*. Как показывает наша практика, подтверждающаяся данными наших исследований, неслышащие дети, развитие речи которых происходит с помощью *В-Ф системы*, хорошо понимают обращенную к ним речь с первого предъявления и могут быть поняты взрослыми без каких–либо затруднений. Их ответные речевые реакции соответствуют спонтанно создающимся ситуациям общения. Доставляя удовольствие достигаемым пониманием, такая коммуникация постоянно является желанной и всецело способствует повышению оптимизма как родителей, так и самих детей.

Во второй классификации, если период *обдумывания* принесет решение выбрать для развития устной речи ребенка *В-Ф систему коммуникации*, поправка в периодизации психологического кризиса родителей наступит также

на третьей фазе, элиминируя *глубокую депрессию*. И тогда период *принятия проблемы* будет наполнен активными действиями по освоению *В-Ф системы*, что будет соответствовать положительному восполнению *поиска потерянного смысла жизни*. Установление лингвистическим путем естественной ситуативно обусловленной коммуникации с ребенком поможет создать родителям ощущение уверенности и комфорта в выполнении своих родительских функций при подготовке его для жизни в социуме.

Послесловие. В сказке Ханса Кристиана Андерсена «Гадкий утенок» есть такая фраза: «По зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски – этому языку он выучился у своей матери».

Египетский язык давно – почти пятнадцать столетий тому назад – исчез, а Х.К. Андерсен жил в XIX веке и описывал современных ему людей, нравы, события. И аистов тоже, должно быть живших в XIX веке. Впрочем, в сказке все возможно. Но есть в этой сказке и одна совершенно правдивая деталь: «И этому языку он выучился у своей матери», а мать-аистиха – у своей и так далее. Это значит, что египетский язык передавали в аистинском роду из поколения в поколение.

Правдивость детали в том, что именно так устроен мир: языку своему все мы учимся у своей матери, а наша мать – у своей и так далее. Это значит, что родной язык передается в человеческом роду из поколения в поколение родителями. Существование самого общества возможно благодаря языку и благодаря языку возможно существование индивида. Включение родителей в обучение общению детей – просто необходимо, но обучение включению их в общение со слабослышащими детьми – это уже императив времени. Сделаем этот путь в общество доступным и для ребенка с нарушением слуха. Сегодня выполнить свой родительский долг с помощью *В-Ф системы коммуникации* – это реальность.

---

1. Дзеці і жанчыны Беларусі сёння і заўтра: Нацыянальны даклад аб становішчы дзяцей і жанчын у Беларусі. Мінск: Беларускі Дом друку, 1995. 126 с.
2. *Bentzen O.* Deaf Child in Present and in Future: Child with Defected Hearing. Poznan, 1990. 98 p.
3. *Proceedings* of the XXI-st Congress of the International Congress of the Association of Logopedics and Phoniatrics. Prague, August 6–10, 1989. 270 p.
4. *Mental health and deafness*. Actes Proceedings of Second International Congress, May 9 – 11, 1991. Namur: La Bastide, 1992. P. 527.
5. *E. Vilmatilova.* The group psychotherapy with hearing parents of deaf children // Mental health and deafness. Actes Proceedings of Second International Congress, May 9–11, 1991. Namur: La Bastide, p. 411–414.
6. *Супрун А.Е.* Стратификация сообщения в крупном кортеже общающихся // Материалы VIII Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. М., 1985. С. 62.
7. *Ухванова-Шмыгова И.Ф.* В поисках реалий семантического ядра текста // Вестник Белорус. гос. ун-та. 1992. Сер. 4: Филолог., Пед., Психол. С. 45–49.
8. *Metliouk A., Evtchik N.* Fondements phonologiques de la communication orale visuelle // Описательная и сравнительная фонетика: теоретические и прикладные проблемы: сб. статей (Республиканская конференция 24–25 ноября 1994 г.). Минск: МГЛУ, 1995. С. 24–25.

9. *Евчик Н.С.* Визуально-фонетическая система коммуникации: пособие для обучения устному речевому общению с неслышащими на русском языке. Минск: Технопринт, 1996. 54 с.
10. *Евчик Н.С.* Перцептивная база языка при норме и патологии слуха. Минск: МГЛУ, 2000. 305 с.
11. *Krakowiak K.* Fonogesty. Gesty wspomogajace odczytyvanie z ust. Poradnik dla logopedow, nauczycieli i rodzicow dzieci nieslyszacych. Lublin, 1986.
12. *Krakowiak K.* Fonogesty jako narzedzie formowania jezyka dziezci z uszkodzonym sluchem. Lublin: Wydawnictwo uniwersitetu Marii Curie-Sklodowskiej, 1995. 361 s.
13. *Cornett O.* Cued Speech. American Annals of the Deaf, 112, 1967. P. 3–13.
14. *Leybaert J., Charlier B., Hage K.* & alt. Percevoir la parole par les yeux: l'enfant sourd exposé au Langage Parlé Complété // Chr.Lepot-Froment, N. Clerebaut. L'enfant sourd. Bruxelles: De Boeck & Larcier, 1996. P. 277–316.

Людмила Гербик (Беларусь, Минск)

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ДИАПАЗОН ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ (ОПЫТ РАБОТЫ КАФЕДРЫ)

Под коротким названием «Прикладная лингвистика» скрывается комплекс дисциплин, круг которых в соответствии с различными лингвистическими традициями обозначается по-разному. Характерно, однако, что в любом случае круг дисциплин прикладной лингвистики продолжает расширяться за счет возникновения новых исследовательских направлений. Лингвистика, по известному выражению Д.С. Лихачева, – это «пролагательница путей». Лингвистическое знание в настоящее время востребовано в самых различных сферах науки, культуры, образования, политики, экономики. В соответствии с отечественной традицией комплекс дисциплин прикладной лингвистики можно обозначить следующим образом: методика преподавания языка, лингвистические аспекты разработки систем искусственного интеллекта, компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика, автоматическая обработка текста, машинный перевод и др.; лексикография, терминоведение и терминография, теория перевода, лингвистические аспекты прикладной поэтики, лингвокультурологии, лингвострановедения, теории и практики межкультурной коммуникации, лингвистические аспекты нейролингвистического программирования, политическая лингвистика. Этот список можно считать незавершенным, так как диапазон возможностей прикладной лингвистики велик.

На кафедре прикладной лингвистики БГУ разрабатываются два высоковостребованных в стране направления: преподавание русского языка как иностранного и компьютерное обеспечение филологической деятельности. Несмотря на то, что кафедра молодая (образована в 1988 г.), у нее уже есть свои традиции. С 1996 г. проходят международные научные конференции «Язык и социум», которые имеют широкий научный резонанс. К настоящему времени проведено уже 9 конференций, по каждой из них изданы сборники материалов. На тему по проблематике «Язык и социум», опубликованную проф. Л.Н. Чумак в журнале Intercultural Education 13(4) (Oxford, UK, 2002) получен патент Оксфордского университета. Проблемное поле конференции «Язык и социум» разрабатывается по следующим направлениям:

- ✓ языковая ситуация;
- ✓ языковая политика;
- ✓ социокультурные аспекты языка и речи;
- ✓ политический дискурс; язык средств массовой информации;
- ✓ языковая личность, язык и культура;
- ✓ социальное и национальное в аспекте художественного восприятия;
- ✓ социокультурные аспекты в обучении родному и иностранному языкам;
- ✓ социолингвистика во взаимосвязи с другими лингвистическими дисциплинами.

Традиционными стали и Карповские чтения, которые ежегодно, начиная с 2007 г., организуются учениками профессора В.А. Карпова. Проблемное поле Чтений разрабатывается по следующим направлениям:

- ✓ прикладная лингвистика в Беларуси;
- ✓ состояние и перспективы развития;
- ✓ общая теория систем как методология науки и ее приложения в разных предметных областях;
- ✓ методика преподавания языков.

Два направления деятельности кафедры: преподавание русского языка как иностранного и компьютерное обеспечение филологической деятельности – удачно, как мы полагаем, сочетаются в разработке новой кафедральной темы «Научно-методическое обеспечение преподавания русского языка в контексте межкультурной коммуникации». Результаты исследований могут быть реализованы в создании учебников нового поколения по русскому языку для иностранных учащихся (студентов, магистрантов, стажеров) с учетом современных тенденций в методике преподавания языка. Становление данного направления в БГУ было обусловлено необходимостью решения конкретных прикладных задач: значительным расширением контингента обучаемых иностранных студентов-филологов и стажеров, которые приезжают к нам из разных стран мира. С 1988 г. на кафедре прошли обучение более тысячи иностранных студентов-филологов. В настоящее время на кафедре обучаются студенты, стажеры, магистранты и аспиранты из Австрии, Германии, Ирака, Ирана, Китая, Кореи, Польши, Словакии, Туркменистана, Турции, Чехии, Японии. Наша кафедра является базовой в республике по подготовке русистов для зарубежных стран.

Индра Карапетяна, Яна Кузьмина (Латвия, Рига)

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ОПЫТ ЛАТВИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Латвийский университет является центром академических исследований по прикладной лингвистике. Кафедра английского языка и литературы гуманитарного факультета начала проводить исследования, используя дискурс-анализ как метод и теорию после формального признания прикладной лингвистики подотраслью лингвистики в классификации наук Латвийского совета по науке (1999 г.).

Дискурс-анализ возник вместе с необходимостью рассмотрения новых тенденций функционирования языков в социальном контексте Латвии, осно-

ванных на дискурсе феномена иностранного (английского) языка в латышском контексте, признания этого языка и решения вопросов, связанных с его использованием. В результате широкую популярность среди ученых обрел жанровый анализ и анализа регистров, понимаемый как часть дискурс-анализа в целом. Первая кандидатская диссертация, признающая важность изучения употребления английского языка, была защищена Г. Розиней в 2006 г. по теме «Лингво-прагматические принципы письменной коммуникации на английском языке в сфере банковской деятельности и финансов и их воплощение на языке перевода в Латвии». В известной мере можно говорить в этой связи о лингвистическом подъеме, то есть о рождении лингвистики дискурса в стране. Эта первая диссертация в контексте дискурс-исследований рассматривала употребление языка в ситуации профессиональной коммуникации. В частности, в ней рассматривался жанр годовых отчетов, а дискурс-анализ применялся для описания и интерпретации данных, хотя об этом и не было заявлено напрямую.

За первой работой очень скоро (практически через год) последовала вторая – диссертация И. Карапетяна «Язык докладов студентов-бакалавров в контексте формирования лингвофункциональной исследовательской компетенции». Эта работа, выполненная в 2007 г., уже широко использовала понятие «дискурс-анализ», а также регистр и жанр в их дискурс-прочтениях. Отличительной чертой второй диссертации стало описание жанра и соответствующих поджанров в рамках их функционально определенных ходов и шагов и типовых лексикографических черт.

В 2009 г. защищается кандидатская диссертация Н. Цыганковой «Лингвистическое варьирование в электронном академическом дискурсе на английском языке», а уже в 2010 г. – кандидатская диссертация З. Винчелы «Прикладное лингвистическое исследование электронного студенческого дискурса». В последней диссертации делается еще один значимый шаг вперед – используется инструментарий корпусной лингвистики.

В настоящее время дикурс-анализ весьма широко и продуктивно используется исследователями кафедры английского языка и литературы при изучении специфики функционирования языка в академическом, профессиональном контекстах, а также контекстах преподавания конкретных дисциплин. Исследовательские интересы сотрудников кафедры связаны с проведением дискурс-анализа на примере политического дискурса, бизнес-дискурса, дискурса технологий, юридического, кросскультурного и электронного дискурсов.

Дискурс-анализ успешно применяется в сферах, связанных с языком и образованием, где язык рассматривается как средство и как цель обучения. На все эти области знания, безусловно, оказали влияние исследования дискурса, обращающиеся к прагматике, конверсационному анализу, концентрирующиеся на анализе речевых актов, регистров и жанров, связности и целостности текстов. Защита этих научно-исследовательских проектов, выполняемых аспирантами университета, проходит по специальности «Прикладная лингвистика». Сегодня данная традиция поддерживается новыми работами, посвященными изучению:

- профессионального дискурса специалистов по информационным технологиям (Я. Кузьмина);
- парламентского дискурса (Л. Треймане);

- бизнес-дискурса в академической коммуникации (В. Малявска);
- морского дискурса (Локацов);
- способов употребления языка в других академических, профессиональных и производственных ситуациях.

Центр прикладной лингвистики Гуманитарного факультета, Латвийского университета был основан с целью активизации исследовательской работы в сфере дискурс-анализа, а также критического дискурс-анализа посредством изучения употребления английского, немецкого, французского и испанского языков в различных профессиональных сферах, то есть сферах бизнеса и финансов, юриспруденции, технологий, политики и дипломатии, образования и науки, чтобы внести вклад в научное понимание языка и его роли в социальной, экономической и политической жизни.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ирина Ухванова-Шмыгова (Беларусь, Минск)

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В СЛАВЯНСКОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ: АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ДИСКУРСИЙ (В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСНЫХ ГРУПП)

1. Сегодня в период глобализации, а значит более тесного взаимодействия народов и континентов, мир как никогда нуждается ***в понимании***, а каждый конкретный человек – в нахождении своего места в усложненном социальном пространстве и в **самоидентификации** с учетом динамики развития общества. Соответственно, наука как никогда сосредоточена на осознании проблем *оптимальной*, а значит ***эффективной коммуникации*** на всех уровнях взаимодействия субъектов – межличностном, в организации, на массовом уровне. Это касается и лингвистической науки, уверенно выходящей в пространство текстов и дискурсий, макротекстов и дискурсов. *Лингвистика*, переходя в пространство ***дискурсий и дискурсов***, расширяет *объект* своего исследования от *языковых* и *речевых* до целостно коммуникативных процессов и продуктов, активно изучая также и общающихся субъектов в их функционально-динамических единствах (***дискурсных сообществах***), «связанных» информативно и интерактивно, и непосредственно определяющих направленность и специфику социальных процессов. Таким образом, лингвистическая наука становится более открытой, а *общество* все более нуждающимся в ней. Лингвисты сегодня вхожи в интердисциплинарные международные проекты, предлагают новые подходы для решения проблем современности.

Лингвистическая наука *славянских* стран демонстрирует тенденции развития мировой лингвистической науки, предлагая и свое видение специфики развития. Сегодня мы говорим о том, что *лингвистика дискурса* у нас есть, пусть не *де-юре*, но *де-факто* и она весьма активно развивается. *Пути* ее развития – (1) использование того знания и опыта ведения исследований, которыми обладает лингвистика дискурса в тех странах мира, где она уже сформировалась не только *де-факто*, но и *де-юре*, то есть лексикографически репрезентировала себя; (2) использование знания и опыта исследований тех лингвистических дисциплин, из которых она вышла или вместе с которыми развивается (таких как прагмалингвистика, психолингвистика, функциональные стилистика, семантика и синтаксис, а также лингвосемиотика и теория значения/содержания); (3) особое внимание к методологиям и методикам (количественного и качественного направлений), разрабатываемым сегодня в пространстве гуманитарного, социального и точного знания (в том числе в славянских странах); (4) признание научных школ, активно работающих и пропагандирующих свои наработки непосредственно в поле лингвистики дискурса; (5) участие в международных периодических изданиях и сериях научных изданий, пропагандирующих актуальную и продуктивную проблематику лингвистики дискурса и результаты, достигнутые в ней.

2. Определив специфику отражения обсуждаемого нами направления (лингвистики дискурса) в интернет-пространстве, мы увидели две тенденции: ее самоопределение в контексте развития лингвистики и ее интердисципли-

нарное начало. И первое и второе – естественные процессы рождения и становления научной дисциплины. Данная дисциплина, как и многие новые дисциплины, зарождалась в контексте *интердисциплинарного* подхода, чтобы в рамках дальнейшего развития конкретных дисциплин использовать опыт других для развития своего направления. Интердисциплинарность выступает как временный, но необходимый этап развития новых наук. Любопытно, что лингвистика языка, шагнув в лингвистику речи (и тем самым развив психо-, социо-, этно- и другие лингвистики, а также функциональную семантику, грамматику и др.), и далее достаточно быстро в лингвистику дискурса, дала толчок более четкой самоидентификации каждой лингвистики в контексте другой. Лингвистическая наука увидела данное направление как максимально значимое, как свое, исконное. Для нее дискурс-анализ – это не только метод, а дискурс – это не только объект исследования. Способ организации дискурсов и механизм их функционирования – вот что становится со временем предметом ее изучения, в отличие от других гуманитарных и социальных наук, использующих дискурс-анализ исключительно как метод, помогающий интерпретировать и тем самым познавать другие объекты социальной реальности. В этом контексте не удивляет тот факт, что в преподавании социальных наук дискурс-анализ остается на уровне бакалаврской ступени, в то время как уровень магистратуры и аспирантуры в контексте дискурсологии (Discourse Studies) представлен в основном выпускниками-лингвистами. Им, безусловно, есть, что сказать о данном явлении с учетом глубины и широты, а также количественных и качественных проявлений, индивидуальных и социальных репрезентаций, референтного и интерактивного характера функционирования знаниевой (когнитивной) и прагматической составляющих. Интердисциплинарность здесь связала воедино гуманитарное и социальное знание.

Выбор названия дисциплины в каждой отдельной стране – лингвистика дискурса, дискурсология, функциональная стилистика, прагмалингвистика, этнолингвистика, или все же прикладная лингвистика – зависит от того, кто именно, какое профессиональное сообщество проявляет заинтересованность в развитии дисциплины: лингвисты или представители социальных наук. Два экспертных интернет-словаря, репрезентирующие дискурсную парадигму, ярко демонстрируют эту тенденцию. Так, если словарь «Дискурсология» [1] оказался в большей степени полем осмысления данного явления социальными науками и философией, то лингвистический словарь Фонда знаний «Ломоносов» [2] – полем лингвистики.

Количество университетов мира, включивших данную дисциплину в список дисциплин, изучаемых будущими филологами, в том числе специалистами по коммуникации, лингвистами, литераторами, постоянно растет. Понятно, что и представители социальных наук (психологии, истории, социологии, этнографии) проявляют заинтересованность к внедрению подобного университетского курса в список обязательных или факультативных предметов для подготовки своих кадров. Но если лингвисты предпочитают называть лингвистикой дискурса, теорией дискурса и (в каких-то случаях) прикладной лингвистикой, коммуникативистикой или лингвистическим обеспечением коммуникативного процесса, то социальные и общегуманитарные науки чаще выбирают термины «дискурсология», «теория коммуникации», «социальная коммуникация».

Во многих странах мира эта дисциплина уже относительно давно (в последней четверти прошлого века) перешагнула уровень бакалавриата, став специализацией для лингвистов на уровне магистратуры и аспирантуры, а значит и номенклатурной единицей исследовательского процесса (университеты Великобритании Глазго, Ланкастерский и др.).

Хотелось бы добавить еще несколько слов о белорусском контексте, но уже безотносительно интернет-поиска. Так, мы полагаем, что в контексте Беларуси можно говорить о существовании, скорее, не дисциплины, а направления, которое сфокусировано главным образом на изучении различных аспектов коммуникации, в том числе кросскультурной, различных типов дискурсов, а также релевантного методического аппарата. При этом и о направлении мы говорим в контексте его существования *де-факто* (проблематика значительного числа студенческих и аспирантских научных работ, количество опубликованных монографий, серийных сборников, организация созвучных направлению научных конференций, круглых столов, названия университетских спецкурсов в различных университетах Беларуси – все это непосредственно подтверждает факт наличия данного направления), но не *де-юре* (направление еще пока не имеет своего официального названия, которое было бы зарегистрировано в анналах научных или академических специальностей или специализаций, хотя и определенно вышло за пределы классической лингвистики или ее таких уже относительно молодых направлений, как лингвистика текста, психо-, прагма-, социо-, этнолингвистика и ряд других).

В этой связи факт признания направления *де-юре* в ближайшее время видится актуальным для тех стран, где процесс защиты диссертаций сфокусирован, в первую очередь, на дисциплине, по которой защищается диссертант, а не на собственно исследовательской платформе с учетом его значимости как для самой лингвистики (и в частности таких ее направлений, как «теория языка» и «прикладная лингвистика»), так и для общества в целом. Лингвистика дискурса как часть науки о языке и его функционировании в обществе (объединяющая в себе сегодня филологическое и социальное знания) становится все более актуальной в современном обществе. Она *помогает* социальным наукам увидеть глубину коммуникативной специфики происходящих социальных процессов, *предлагает* описание, а вместе с ними и моделирование специфики функционирования знаний и отношений в обществе, *объясняет* диапазон актуализации смысловых и сущностных параметров содержания прецедентных для общества текстов.

В данной связи посмотрим на специфику содержания данного направления лингвистики. Так, в центре лингвистики дискурса (мы используем именно этот термин вслед за авторами первого специализированного словаря дискурс-анализа, изданного во Франции в 2002 году [3]) находятся понятия «дискурс» и «дискурс-анализ», теории контента и (социального) контекста, теории, устанавливающие таксономию лингвистики дискурса (теории, развивающие категориальный аппарат направления), теории методологического (матричного) плана (определяющие характер взаимоотношений, как например, между методиками качественного и количественного планов), теории практического плана (например, теории определенных типов дискурсов). Все это говорит об огромном теоретическом потенциале направления. Впрочем,

оно имеет и свое прикладное назначение. Так, его наработки могут быть широко использованы в дидактике (порождая новые методики преподавания, в том числе иностранных языков), логистике (участвуя в построении комплексных систем), эвристике (предлагая новый взгляд на возможности взаимодействия роботов с внешней средой и между собой, а значит и возможности развития искусственного интеллекта). Прикладной характер направления реализуется, в частности, в разработке алгоритмов решения практических задач информативного и интерактивного планов.

К вышесказанному можно добавить, что *теоретическое* направление дисциплины развивает науку дискурс-анализа как на микро, так и макроуровнях. Первый (микроуровень) проявляет себя фокусом внимания на отдельные смыслы, значения, отношения, порождаемые в коммуникативном процессе, на этапы и специфику перехода от одних смыслов к другим, на особенности организации дискурсий в аспекте их функциональной целостности. Второй (макроуровень) фокусирует внимание на так называемых больших теориях, но также и теориях частного порядка, как например, теориях конкретных типов дискурса. Оба уровня могут быть включены в контексты количественных и качественных исследовательских традиций. Оба уровня представлены в контекстах разных научных школ с учетом разнообразных подходов к видению возможностей развития дискурс-анализа и вариантов его применения. *Практическое* направление дисциплины очевидно, но при этом оно далеко не исчерпало всех своих возможностей. Главное при этом то, что дискурс-знание во многом продвинуло понимание обществом своего коммуникативного потенциала на всех уровнях взаимодействия – межличностном, институциональном, массовом.

Появление сегодня дискуссии о необходимости введения названия направления, будь то «лингвистика дискурса» или «дискурсология», не случайно. Причиной тому является изначальный отказ основателей дискурс-анализа от теорий любого уровня, без которых институциализация направления просто немыслима. Сегодня речь идет об институциализации теоретически состоявшегося направления. Конечно, мы могли бы здесь развить идею о его внутренних источниках, а именно: функциональных семантике, грамматике, синтаксисе, а также прагма-, психо-, социо-, этно-, тексто- и других лингвистиках. Но мы этого не делаем намеренно, во-первых, из-за экономии места, но главное – по другой причине. Лингвистика дискурса – преемница всего, что накопили все ее направления за последние столетия. Она несет в себе интегрированные знания как аспектного, так и функционального планов.

Рассмотрев специфику развития лингвистики дискурса в славистическом мире и репрезентировав в нашем выпуске результаты осмысления специфики этой новой дисциплины в славистическом лингвистическом сообществе как с позиции ее теоретической, категориальной, методической и типологической, так и практической реализации, можно подвести не только к репрезентации направления в качестве исследовательского и дидактического «топика», но и определить фокус его внимания. В качестве таковых хотелось бы предложить два. Впрочем, фокусировка – это позиция открытая. Полагаю, что в контексте открытости нашего *круглого стола* можно говорить о разных фокусах внимания. В этой связи, как мы полагаем, и зарождается тематика наших новых дискуссий – последующих *круглых столов.*

Итак, два фокуса внимания, обнаруженных модераторами наших заседаний, это – прецедентность и дискурс-группа. Прецедентность – категория, определяемая временем и пространством. Соответственно, эта категория изменчивая и динамичная по сути. Если еще относительно недавно прецедентными текстами становились тексты авторские, то есть предполагавшие, что автор есть персоналия особая, значимая, высокая, личность, определяющая тенденции развития общества, то постепенно центром становится аудитория и то, как она читает тексты. А далее и этот центр меняется – уже и читатель не важен, а важны Тексты, становящиеся Событием. Это хорошо подметила Т.В. Кожарина [4] в своем диссертационном исследовании, отмечая, что топонимы, актуализируя в себе культурно-историческое содержание, кардинально меняют свое содержание, перенося реальность, стоящую за топонимом (название улицы, города, реки, местности и т.д.) на периферию содержания и объединяя тех субъектов, для которых это культурно-историческая информация воспринимается как актуальная (актуализированная). Так, если бы мы задали вопрос, что может являться актуальным для такого поворота содержания: мифы, литературные источники, Библия или реальные события, повлиявшие на историю и культуру народа, то вряд ли бы кто-то поставил событие на доминирующее место. А подсчет такой актуализации в СМИ общественно-политической направленности выстроил следующую иерархию: 70 % – событийность, 15% – Библия, 10% – литературные источники, 5% – мифы. О чем это говорит? О том, что лингвистика дискурса, изучая тексты в социальном контексте и актуализируя (делая прецедентной) событийность как таковую (в контексте порождения и восприятия, информации и интеракции, знания и отношения, смысла и сущности), схватила, по сути, современный момент жизни общества. А значит – за ней будущее.

---

1. Междисциплинарная энциклопедия «Дискурсология» http://u6935.netangels.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=113%3A-lr&catid=136%3A--lr&Itemid=55&showall=1.
2. Лингвистический энциклопедический словарь Фонда знаний «Ломоносов» http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/.
3. Patrick Charaudeau et Dominique Maingueneau. Dictionnaire d'Analyse du Discours. Seuil, 2002. 661 с.
4. Кожарина Т.В. Топонимическая лексика французского языка в семантико-прагматическом аспекте: автореф. дис. …канд. филол. наук. Минск, 2013. 25 с.

Научное издание

LA TABLE RONDE

Сборник материалов

Выпуск 2
Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики

Ответственный за выпуск *И.Ф. Ухванова*
Редактор *Г.А. Пушня*
Компьютерная верстка *И.В. Быкова*

В оформлении обложки использовано изображение круглого стола, за которым, согласно легендам, король Артур собирал своих рыцарей. Реплика хранится в музее города Винчестер (Англия).

Подписано в печать 01.06.2013. Формат 70х100/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 29,9. Уч.-изд. л. 29,8. Тираж 100 экз. Заказ 68.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
ЛИ № 02330/0548535 от 16.06.2009.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.